IL REGNO DE GLI SLAVI HOGGI CORROTTAMENTE DETTI SCHIAVONI.

HISTORIA

DI DON MAVRO ORBINI RAVSEO
ABBATE MELITENSE.

Nella quale si vede l'Origine quasi di tutti i Popoli, che furono della Lingua SLAVA, con molte, & varie guerre, che fecero in Europa, Asia, & Africa; il progresso dell'Imperio loro, l'antico culto, & il tempo della loro conuersione al Christianesimo.

E in particolare veggonsi i successi de' Rè, che anticamente dominarono in DALMATIA, CROATIA, BOSNA, SERVIA, RASSIA, & BVLGARIA.

IN PESARO,

Appresso Girolamo Concordia. *Con licenza de' Superiori.*
M. DCI

МАВРО ОРБИНИ

СЛАВЯНСКОЕ ЦАРСТВО

Книга католического священника Мавро Орбини «Славянское царство», являющаяся по сути ПЕРВОЙ историей всех славянских народов, может вполне претендовать на звание самой сенсационной книги века. Впервые она была издана в 1601 году в Италии, и сразу же последовала череда скандалов, связанных с ней. Против книги ополчилась традиционная история, а следом за нею — католическая церковь. Издание немедленно было занесено в Индекс запрещенных книг и чудом избежало уничтожения. В 1722 году по личному указанию Петра I часть этой книги была переведена на русский язык, а сейчас мы представляем полную версию, переведенную с итальянского языка. Громкие заявления Орбини, разнесшего в пух и прах традиционную историю Средних веков, и сегодня продолжают шокировать видавших виды историков.

Славянское царство

От переводчика

Жене Елизавете и дочерям Татьяне, Ксении и Екатерине
посвящает сей труд переводчик.

Впервые вниманию отечественного читателя предлагается полный перевод на русский язык труда «далматского Фукидида» Мавро Орбини (1563(?)—1610) «Славянское царство», открывшего собой, по словам Франка Волльмана, эпоху «гуманистически–барочного славяноведения».

Уроженец Дубровника Орбини, в 15 лет надевший рясу бенедиктинского монаха, вырос в атмосфере высоких духовных устремлений и стойких книжных традиций, присущих ордену бенедиктинцев. Как сказано в одной из хранящихся в Дубровнике рукописей XVIII века, «братья любили и чтили его за мудрость и усердие, за добрый нрав и любовь, за собранность и самодисциплину» .

Частый гость литературного салона «дубровницкой Аспазии» Цветы Зу- зорич, объединявшего дипломатов, философов, историков, комедиографов и поэтов, многие из которых оставили заметный след в истории дубровницкой культуры, он жил всеми интересами современного ему общества.

Одной из актуальных тем того времени было плачевное положение славянства, немалая часть которого оказалась в рабстве у других народов и утратила свою политическую самобытность. В начале XV века одними из первых прежнее величие славян восславили Винко Прибоевич и Лудовик Криевич–Туберон. Вслед за ними в других странах стали появляться трактаты по истории чехов, поляков, русских. Другой знаменитый участник кружка Зузорич, поэт Дидак Пирр — Исайя Коэн, португальский еврей, после долгих скитаний по Европе и Азии нашедший убежище в Дубровнике — привлек внимание Орбини к судьбе еврейского народа, на протяжении тысячелетнего преследования черпающего силу и гордость из своей истории, увековеченной в книгах.

Следуя велению сердца, Орбини решил принять вызов времени и посвятил свою жизнь созданию энциклопедии всего славянского рода, где по образцу «классических» народов были бы описаны его происхождение, подвиги и истории правящих династий, объединенные общей идеей гордости за свое славянское происхождение. Он перерыл все доступные ему монастырские и личные библиотеки, обнаружив немалое количество материалов для своего труда. Большим подспорьем в работе оказались архивы итальянских библиотек, в частности, знаменитой библиотеки герцога Урбинского, одного из величайших книжных собраний своего времени. Там в специально построенном здании в идеальном порядке хранилось более шестисот латинских, ста шестидесяти греческих и восьмидесяти еврейских кодексов, собранных в конце XV века основателем библиотеки герцогом Федериго дей Монтефельтро, наряду с позднейшими поступлениями и редчайшими печатными изданиями, пополнившими ее фонды за последующее столетие. К сожалению, через полвека после смерти Орбини для Италии настали тяжелые времена, и уникальное собрание с большими потерями перекочевало в Ватикан.

Поездка Орбини в Италию была щедро оплачена знаменитым меценатом, дубровницким изгнанником Марином Бобальевичем, чья судьба тесно связана с созданием книги. В пеструю ткань славянской истории Орбини была вплетена история рода Бобальевичей и Рагузы (Дубровника). Изданный на итальянском труд был предназначен, в первую очередь, для итальянских вельмож, знакомых с перипетиями жизни Бобальевича, дабы, заняв, благодаря его авторитету, достойное место на книжных полках итальянских собраний, реабилитировать славян в глазах образованной Европы, а наряду с этим и

самого Бобальевича в глазах Дубровницкого сената. Эта реабилитации славян под знаменем «иллирийской идеи» имела и вполне конкретный политический смысл: папа Климент VIII готовил военный союз против Османской империи, имевший целью освобождение Балкан. Одним из опорных пунктов военных действий, планировавшихся на 1595 год, был Дубровник, располагавший мощнейшим флотом. В надежде на успех оживились потомки древних родов, вновь пошли в дело старинные гербы. Однако планам этим не суждено было осуществиться…

Усердие Орбини обернулось против него. Стремясь не упустить ни одного ценного упоминания о славянах, он включил в свой труд прямые и косвенные цитаты более чем из трехсот тридцати произведений (более 280 из них перечислены в предваряющем его труд списке, помимо которого упоминаются еще около 50). В их число попали и труды авторов, примкнувших к Реформации. В эпоху усиления католической реакции возмездие не заставило себя долго ждать. Через два года после своего выхода в свет «Славянское царство» оказалось в Индексе запрещенных книг и надолго выпало из поля зрения образованной Европы.

Однако, воистину, habent sua fata libelli! Через сто с лишним лет после выхода труда Орбини дубровницкий дипломат на русской службе Савва Рагузинский–Владиславич (тот самый, что привез в 1705 году из Стамбула купленного для Петра арапчонка Ибрагима) преподнес экземпляр «Славянского царства» Петру I. В 1722 году по повелению самодержца книга в сильно сокращенном переводе Саввы была издана в Петербурге. Предисловие к ней написал ученейший соратник Петра Феофан Прокопович. Русский язык перевода Саввы оставлял желать лучшего, да и в древней истории и словесности он не был искушен. Между тем книга получила стремительное распространение на Балканах и там, даже светя отраженным светом, обрела новую жизнь, согрев сердца немалого числа благодарных славян. Образованные сербы проделывали длинный путь, чтобы ознакомиться с ее содержанием, и хранили ее списки как святыню. Обнаружив экземпляр петровского издания в архиепископской библиотеке в Сремски–Кар- ловцах, афонский иеромонах св. Паисий Хилендарский, певец болгарского национального возрождения, написал на ее основе свою знаменитую «Сла- вяно–болгарскую историю». Использовал перевод Орбини в работе над своей «Историей Российской» и Василий Татищев.

В более позднее время, включая и наше недавнее прошлое, труд Орбини практически игнорировался отечественными историками. Редкие упоминания о нем сопровождались высокомерными отзывами, обнаруживавшими поверхностное знакомство их авторов, в лучшем случае, с переводом петровского времени. Уважительное отношение к Орбини истинных знатоков предмета, таких как И. Н. Голенищев–Кутузов, оставалось в тени.

Помимо огромного числа литературных сведений о славянах, почерпнутых зачастую у малоизвестных или вовсе утраченных ныне авторов, труд Орбини содержит немало «жемчужин». Пытливый читатель найдет в нем и очерк истории славянской письменности, и словарь вандалов, и привилегию Александра Великого славянам, и одну из первых публикаций «Барского родослова» XII века, известного в нашей литературе под названием «Летописи попа Дуклянина», и первое в европейской литературе изложение болгарской истории…

В диссонанс с устойчивым интересом к труду далматского историка со стороны сербов, хорватов и болгар, особенно оживившимся в последнее время, многолетнее безразличие отечественных историков представляется одной из загадок — гордиевых узлов — нашей современной культуры. Данное издание призвано его разрубить.

Перевод выполнен с перепечатки издания 1601 года, осуществленной в Пезаро в 1606 году в обход цензурных препон под новым названием «Происхождение славян и распространение их господства». Экземпляр этого издания хранится в Отделе редких книг Российской государственной библиотеки. Все

латинские надписи и стихи переведены мной, отрывки из Овидия даны в переводе А. Парина.

МНОГОУВАЖАЕМОМУ ГОСПОДИНУ МАРИНУ АНДРЕЕВИЧУ БОБАЛЬЕВИЧУ

Мой досточтимый господин!

Написав эту историю славян по распоряжению Вашего Святейшества, будучи щедро снабжен Вами всем необходимым для доведения ее до конца, теперь, когда мне надлежит выпустить ее в свет, я полагаю своим долгом посвятить ее Вам, как потому, что она, можно сказать, и есть ваша, так и для того, чтобы она могла опереться на авторитет человека, лучше которого и пожелать нельзя, и по благородству крови, и по остальным присущим Вам достоинствам, и по достоинствам Ваших предков. В самом деле, если мы вспомним происхождение и историю рода Бобальевичей, то окажется, что род этот в те времена, когда готами был разрушен Эпидавр, и на его месте стал возводиться город Рагуза, прибыл в числе первых основателей города в год от Рождества Господня 260–й и заложил его, и с тех пор всегда вплоть до наших дней непрерывно обладал высшими достоинствами, был богат и изобиловал мужами, посвящавшими себя служению общественному благу, рожденными в законном браке, нобилями как по отцовской, так и по материнской линии, в соответствии с древнейшими законами родины, навечно вместе со всеми потомками лишающими права занимать муниципальные должности тех нобилей Города, которые породнятся с кем-либо, кто не является нобилями этого Города. Посему Ваше Святейшество, будучи потомком по непрерывной линии упомянутых прародителей на протяжении более чем тысячи трехсот лет, безусловно являет пример редчайшей чистоты благородства и древнейшего происхождения. Хотя некоторые и пишут, что род этот происходит от Фа- биев, столь влиятельного и знаменитого некогда рода в Риме, мы, однако, оставим это мнение в стороне, поскольку по причине глубокой древности нет оснований принимать его за достоверное. Без сомнения мы можем утверждать, что вышел он из Эпидавра, римской колонии в Иллирии, в свое время благороднейшего и древнейшего города, и породил (подобно плодовитому растению, перенесенному в более благоприятные условия) множество выдающихся мужей, послуживших пользе и славе своей родины на различных поприщах. Они сражались за нее в войнах на море и на суше, воевали на стороне ее друзей и союзников, так что последние не раз одерживали победы и утверждали свою власть и господство благодаря искусству и доблести полководцев из рода Бобальевичей, которые как новые Фа- бии отстояли пределы родины, отбросив и рассеяв несметные полчища свирепых врагов, казавшихся непобедимыми. Будучи же использованы в посольствах и переговорах, своей мудростью и умением они добивались того, что именно их доверители возводились в королевское достоинство. Да и сами короли благодаря их расторопности и верности спасали и свою жизнь, и власть. Не только дома, но и вне его служили делом и советом своей Республике мужи из этого доблестного и счастливого рода. Особенно же, когда, соперничая в славе с Брутом и Дионом, они освободили ее от тирании, вернув ей исконное достоинство и свободу. Другие же пошли дальше: найдя поле военной и гражданской деятельности слишком ограниченным для своих способностей, они

преуспели в религии и послужили образцом святости жизни. Одни из них, посвятив себя созерцательной жизни и изучению священных письмен, перевели с греческого языка на латынь труды Святого Василия, одного из величайших светочей Католической Церкви; другие, оставив удобства собственного дома, посвятили себя монашеской жизни и извлекли из этого немалую пользу: достигнув великой высоты духа, они были удостоены (как это не раз обнаруживалось) дара пророчества. Однако я слишком бы растянул свое изложение, если бы попытался упомянуть обо всем, что имеет отношение к этой обширной теме. Да и труд этот был бы в значительной мере излишним, поскольку речь об этом будет идти в соответствующих местах этой истории. Скажу лишь о том, что и Вы, Ваше Святейшество, не пожелали ни в чем уступить своим добродетельным предкам. Оставшись в самом цветущем возрасте наследником огромного состояния, когда-либо выпадавшего на долю рагузинского дворянина, Вы явили редкий пример того, как шестнадцатилетний юноша, красивый и величественный, располагающий такими огромными средствами перед лицом всех наслаждений, которые сулят Флоренция, Неаполь и Венеция и которые служат величайшими соблазнами свернуть с прямого пути, сумел повести себя во всех отношениях скромно, разумно и умеренно. Память о Ваших прошлых заслугах и очевидность заслуг настоящих побуждают Ваших доброжелателей и вынуждают, если таковые имеются, Ваших недоброжелателей воздавать хвалу и честь Вашим добродетелям, которые в более зрелом возрасте воплотились в дела, исполненные значительности, мудрости, щедрости и благотворительности в отношении любителей благородных наук.

Ярким свидетельством этому может служить множество книг, изданных в упомянутых городах, а также в Пезаро и Рагузе, с посвящением Вашему имени. Однако одно Ваше деяние, превосходящее все остальные, заслуживает не столько похвалы, сколько восхищения, и является ярчайшим свидетельством проявленной Вами любви к родине. Когда в 1588 году Вы, тяжело заболев, со всей нежностью человеческого сердца и всей открытостью мужской и христианской души приняли известие о смерти Вашего брата господина Юния (да пребудет он на Небесах), наследником которого Вы являлись, и пронеслась молва, что такая участь постигла другого Вашего брата господина Михаила во Флоренции, не имея надежды на выздоровление (каковаго мнения были и врачи), Вы составили завещание, сделав наследником всего Вашего имущества Рагузинскую Республику. В числе прочих неисчислимых благотворительных распоряжений Вы повелели учредить Иезуитский колледж, зная, какую пользу это может принести молодежи и всему Городу. Вы распорядились также о сооружении домов и монастырей для дворянок, бесприданниц и женщин, желающих изменить свое недостойное поведение, ассигновав этим заведениям значительную ренту, дабы принять наибольшее число желающих. Позаботились Вы и о приданом, которым следовало наделять каждый год некоторых из них, чтобы они могли выйти замуж. Не забыли Вы и о пособиях для молодых нобилей, имеющих в них нужду, для изучения юриспруденции, философии, медицины и теологии, а также о пособиях тем, кто уже получил звание доктора, для поддержания приобретенного звания. Позаботились Вы и об ассигновании на пособия для тех, кто пожелал бы заниматься живописью, ваянием и зодчеством, добавив к этому множество других распоряжений по человеколюбию и величию Вашего духа. И позднее, в 1594 году, когда Рагуза пребывала в ожидании нападения флота под началом Чикалы, Вы показали, что в Вас не охладела любовь к родине, великодушно предоставив в ее распоряжение все свое имущество и себя лично. Сенат, нобилитет, Город и Государство восприняли это предложение с такой любовью и благодарностью, которого только и достойна столь доброжелательная и заботящаяся об их благе душа. Многое из упомянутого я мог бы опустить, как опустил другие Ваши деяния, если бы в силу известных драматических причин они не стали бы так широко известны. Да и для Вашей скромности, вероятно, было бы неприятно слышать очередное о них упоминание. Однако, скрыв это, я заслужил бы упрек в злонамеренности или, по крайней мере, в неблагодарности и небрежении общественной пользой. Из всего сказанного становится ясно, что в силу изложенных выше причин, а также причин, о которых я намеренно умалчиваю, труд сей не мог найти иного прибежища, кроме как в тени Вашего Святейшества, которому, я надеюсь, он будет дорог как тем,

что в нем содержится, так и обстоятельствами своего появления под влиянием того авторитета, который Вы навсегда сохраните в моем сердце. Надеюсь, что Вы по своей доброте сердечной простите его неисчислимые несовершенства и в стиле, и в искусстве. Одно только могу утверждать с твердой уверенностью: ко всему, что касается истины, я приложил столько тщания и усердия, насколько был способен. Посему молю Ваше Святейшество снисходительно принять мои заверения в искренней Вам преданности. Молю Его Божественное Величество о каждодневном Вам благоприятствовании и даровании мне милости проявить то уважение, которое я к Вам питаю. Лобызаю Ваши руки.

ОБРАЩЕНИЕ ДОНА МАВРО ОРБИНИ К ЧИТАТЕЛЯМ

Нет ничего удивительного (мои благосклонные читатели), что славянское племя, ошибочно называемое ныне склавонским, не пользуется у историков той славой, которую по праву должно бы иметь, и его достойные деяния и славные походы сокрыты плотным туманом и почти погребены в вечной ночи забвения. Имея в избытке мужей воинственных и доблестных, не нашлось у него мужей ученых и образованных, которые своими писаниями обессмертили бы его имя. Другие племена, намного уступающие ему в своем величии, лишь потому пользуются ныне такой известностью, что имели ученых мужей, прославивших их своими писаниями. Евреи (начнем с них) имели Филона, Еге- сиппа и Иосифа — весьма известных историков, посредством которых они обессмертили свое имя. И это могли бы сделать и многие ученейшие греческие мужи, если бы было дозволено посторонним раскрывать и разглашать тайные мистерии Истины, как пишет Лактанций в 11–й главе 4–й книги «Божественных установлений». В самом деле, когда Феопомп пожелал вставить в свою историю тайные мистерии евреев, то утратил зрение и (согласно другим) страдал от лихорадки на протяжении сорока дней, пока не получил предупреждение во сне и не отказался от своей затеи, как свидетельствует Деметрий Птолемею. Трагический поэт Феодат, упомянув евреев, ослеп, но, осознав свою ошибку, прозрел, как пишет Евсевий в «Хронике». Греческая история была описана бесчисленным множеством авторов, среди которых Анаксимандр Милетский, Гекатей Милетский, Демокрит, Евдокс, Дикеарх, Эфор, Эратосфен, Полибий и Посидоний. Историю римлян и всей Италии описывали Аристид Милетский, Феотим, Кли- тоним, Неарх, Феофил, Дорофей, Аристокл и Хрисипп. Фиванцы были прославлены Ктесифоном, Досифеем и Феофилом. Тускуланцы — Сосист- ратом. Об Аркадии писал Демарат. О Беотии — Мерилл. Всех упомянутых историков Плутарх цитирует в «Параллельных жизнеописаниях». Гелланик, Ктесий Книдский, Мегасфен, Артемидор, Эфесий, Каллисфен, писавший во времена Феопомпа, и многие другие, которых цитируют Стра- бон, Полибий, Солин и другие, писали об истории Индии, Персии, Египта и многих других земель. У галлов был свой историк Диафор, у Фракии — Сократ, у Ливии — Гесионакс. Феокал Гунибальд в своих более чем тридцати книгах, Вастальд, Хелигаст, Аребальд, Ритимер, Ветан, Дорак, Ка- радак и Рутвик прославили племя франков, ныне называемых французами. Таким образом, все упомянутые выше племена стали пользоваться почетом в мире благодаря тому, что, как мы уже говорили, нашлись образованные мужи, не пожалевшие своих сил для описания их деяний. Одному славянскому племени с этим не повезло. С самого своего начала оно постоянно вело войны, совершая деяния, достойные вечной памяти, нисколько не заботясь при этом о том, чтобы кто-либо запечатлел их на бумаге. Немногие историки упоминают о славянах, да и упоминания эти в большей степени связаны с войнами, которые те вели с другими народами, чем с намерением хоть как-то прославить это племя. Славяне воевали почти со всеми племенами мира, нападали на Персию, правили Азией и Африкой, сражались с египтянами и Александром Великим, покорили Грецию, Македонию и Иллирию, заняли Моравию, Силезию, Чехию, Польшу и побережье Балтийского моря. Вторглись в Италию, где в течение длительного времени вступали в стычки с римлянами, иногда терпя поражения, иногда мстя им большими жертвами с их стороны, иногда заканчивая бой с равным преимуществом. Покорив в конце концов Римскую империю, они заняли многие из ее провинций, разрушили город Рим, сделав римских императоров своими данниками, чего не смогло совершить ни одно другое племя в мире. Они овладели Франкией, основывали королевства в Испании, и от их крови ведут свое происхождение благороднейшие роды. Однако римские историки не так щедры на похвалы в адрес варваров, как они их называют, чем в адрес своих. Поэтому я, следуя чувству долга, который испытываю к своему славянскому племени, с готовностью перенес тяготы этого труда, чтобы показать ее происхождение и распространение господства; собрал вместе разрозненные упоминания о ней у различных авторов, дабы всякий мог легко убедиться в том, каким славным и знаменитым всегда было это племя. Племя, из которого вышли в древности многие

могущественные народы, такие как славяне вандалы, бургунды, готы, остготы, вестготы, гепиды, геты, аланы, верлы, или герулы, авары, скирры, гирры, меланхлены, бастарны, певкины, даки, шведы, норманны, фенны, или финны, укры, или ункраны, маркоманы, квады, фракийцы и иллирийцы. Были также и венеды, или ге- неты, занявшие побережье Балтийского моря, и делившиеся на многие племена, а именно на поморян, вильцев, ран, варнавов, бодричей, полабов, ваг- ров, глинян, доленчан, ратарей, или рядуров, черезпенян, хижан, герулов, или гельвельдов, любушан, вилинов, стодорян, брежан и многих других, о которых можно прочесть у пресвитера Гельмольда. Все они были одного и того же славянского племени, как будет видно из дальнейшего. Чтобы довести свой труд до большего совершенства, я не пренебрег ничем: несколько раз объехал Италию с целью просмотра библиотек в поисках необходимых книг, большинство из которых я обнаружил в Пезаро в библиотеке светлейшего синьора герцога Урбинского. Эта библиотека, по моему мнению, самая обширная и самая красивая из всех библиотек, при этом содержится и сохраняется упомянутым государем с величайшей заботой и старанием. Этот государь по изысканности знаний в различных областях науки, по опытности в военном деле, по рассудительности, по познаниям в религии и другим своим бесчисленным достоинствам, украшающим его, стоит гораздо выше величия собственной судьбы. Итак, собрав воедино все самое важное, что было рассеяно по разным книгам, я захотел опубликовать все эти сведения во славу всех славян, которых прошу благосклонно принять плоды моих трудов как память и свидетельство величия своих предков, как ясный знак их доблести и, наконец, как собственное достояние.

И если кто-либо станет хулить мой труд со злобой и неприязнью, их долг рассудительно защищать его, сохранять и уважать. Те же, кому труд мой покажется неполным, пусть вспомнят о том, что к тем, кто первым брался писать на какую-либо тему или сюжет, рассудительные люди всегда проявляли сочувствие и снисхождение. Быть может, придет кто-нибудь еще (ведь легко дополнить уже найденное), кто, располагая более обширными сведениями и обладая большим красноречием, также напишет об этом. Пока же прошу вас с чистым сердцем принять, мои благосклонные читатели, мной вам теперь вручаемый дар.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ, ЦИТИРУЕМЫХ В ЭТОМ ТРУДЕ

Обращаю внимание читателя на то, что некоторые из перечисленных авторов запрещены Святой Матерью Римской Церковью, на что рядом с их именем имеется указание.

Упомянутые авторы цитируются нами исключительно в связи с историческими обстоятельствами, о которых сообщают другие.

Abbate Tritemio	Аббат Тритемий
Abbate Vrspargense	Аббат Урсбергский
Ablabio	Аблавий
Abraam Ortelio	Абрахам Ортелий
Adameo Sassone,	Адам Бременский
M. Adamo	Адам Бременский
Agatia Smirneo	Агафий Миринейский
Agostino Dottore	Августин [Гиппонский], учитель Церкви
Agostino Morauo	Августин Моравий
Aimone Monaco	Аймоин Монах
Alberto Crantio	Альберт Кранц
Alberto Stadense	Альберт Штаденский
Alessandro Guaino	Александр Гваньини
Alessandro Sculeto	Александр Скультетус
Altamero	Альтхамер
Ammiano Monaco	Аймоин Монах
Andrea Angelo Durazzino	Паоло Анджело, [архиепископ] Драчский
Andrea Cornelio	Андреас Корнелиус
Andulfo Sagaco	Ландульф Сагакс
Annali di Frisia	Фризские летописи
Annali di Olanda	Голландские летописи
Annali di Rausa	Рагузинские летописи
Annali di Russia	Русские летописи
Annali de' Tutchi	Турецкие летописи
Annali di Venetia	Венецианские летописи
Annonio Monaco	Аймоин Монах
Antonio Bofinio	Антонио Бонфини
Antonio Geufreo	Антуан Жоффруа
M. Antonio Sabellico	Маркантонио Сабеллико
Antonio Sconcovio	Антон ван Схонховен
Antonio Viperano	[Джованни] Антонио Виперано
Appiano Alessandrino	Аппиан Александрийский

Arnoldo Abbate	Аббат Арнольд [Любекский]
Arpontaco Burdegalense	Арнольд Понтак Бордоский
Arriano di Nicomedia	Арриан из Никомидии
M. Aurelio Cassiodoro	Магн Аврелий Кассиодор
S. Aurelio Vittore	Секст Аврелий Виктор
Baltasar Spalatino	Бальтасар Сплитский
Beato Renano	Беат Ренан
Beroso Caldeo	Бероз Халдей
Bernardo Giustiniano	Бернардо Джустиниани
Bilibaldo Pirckiameno	Виллибальд Пиркгеймер
Bonifacio Simoneta	Бонифачо Симонетта
Bulla d'oro	Золотая булла
Busbequio	Бусбекий
Calfurino Sura	Кальпурний Сура
Callimaco appresso Plinio	Каллимах, цитируется по Плинию
Carlo Sigonio	Карло Сигонио
Carlo Vagriese	Карл Вагрийский
Celio Donato	Элий Донат
Cerilliano	Цериллиан
Cesare Baronio	Цезарь Бароний
M. Cicerone	Марк Цицерон
Cornelio Tacito	Корнелий Тацит
Costantino Porfirogenito	Константин Порфирородный
Costantino Spandugino	Феодор Спандун
Corrado Brugense	Конрад из Брюгге
Corrado Peutingero	Конрад Пейтингер
Crisippo	Хрисипп
Cronaca de' Frati Minoriti	Францисканская хроника
Q. Curtio	Квинт Курций
Christofano Varseuiccio	Кшиштоф Варшевицкий
David Chitreo	Давид Хитреус, запрещенный автор
Descrizione del mondo	Описание мира
Diodoro Siculo	Диодор Сицилийский
Diogene Laertio	Диоген Лаэртский
Dione Niceo	Дион [Кассий] Никейский
Dionisio Punico	Дионисий Пунический
Dithmaro Mersapurgese	Итмар Мерзебургский
Domenico Mario Nigro	Доменико Мариа Негри
Egesippo	Егесипп

Egidio Tschudio	Эгидий Чуди
Eginharro Monaco	Эйнгард Монах
Elio Cordo	Элий Корд
Elio Spartiano	Элий Спартиан
Emanuelo Manasse	Константин Манассия
Epitoma di Strabone	Эпитома Страбона
Erasmo Stella	Эразм Стелла
Eudocio Panegirista	Эвдокий Панегирист
Eugippo Monaco	Эвгиппий Монах
Eusebio	Евсевий
Eustachio	Евстахий
Eutropio	Евтропий
Fabio Celeriano	Фабий Цериллиан
Farasmanno Creco	Фарасман Грек
Fascicolo de' tempi	Fasciculus temporum
Filippo Callimaco	Филипп Каллимах
Filippo Lonicero	Филипп Лоницер, запрещенный автор
Flauio Vopisco	Флавий Вописк
L. Floro	Луций Флор
Francesco Bisio	Франческо Бизио
Francesco Baldillo	Франческо Бальделли
Francesco Irenico	Франциск Иреникус
Francesco Serdonati	Франческо Сердонати
Gasparo Hedione	Каспар Гедио, запрещенный автор
Gasparo Peucero	Каспар Пейцер
Gasparo Tigurino	Каспар [Мегандер] из Цюриха, запрещенный автор
Geremia Russo	Еремей Русский
Gerrardo Rudingero	Герхард Рудингер
Gioanni Aubano	Иоганн Боемус
Gioanni Auentino	Иоганн Авентин, запрещенный автор
Gioanni Battista	Джованни Баттиста
Gioanni Botero	Джованни Ботеро
Gioanni Cocleo	Иоганн Коклеус
Gioanni Curopalato	Иоанн Куропалат
Gianni Dubrauio	Ян Дубравий
Gianni di Essendia	Иоганн Эссенский
Gioanni Herburto	Ян Хербурт
Gioanni Laziardo	Иоганн Лациард

Gioanni Magno Gotho	Иоанн Магнус Готландский
Gioanni Leunclauio	Иоганн Леунклавий, запрещенный автор
Gioanni Nauclero	Иоганн Науклер
Gioanni Villano	Джованни Виллани
Gioanni Stadio	Иоганн Стадий
Gioanni Goroppeio	Иоганн Горопий [Бекан]
Gioanni Gobellino	Иоганн Гобеллин
Gioanni Monaco	Иоанн Монах
Gioanni di Thvuocz	Янош Туроци
Gioanni Tigurino	Иоганн Тигуринус
Gioanni Pineto	Хуан де Пинеда
Giacomo Castaldo	Джакомо Гастальди
Giacomo Meiero	Яков Мейер
Giacomo Vifelingio	Яков Вимпфелинг
Giacomo Spigelio	Яков Спигелий
Giacomo Zieglero	Яков Циглер, запрещенный автор
Giorgio Cedreno	Георгий Кедрин
Giorgio Fabritio	Георг Фабриций [из Хемница], запрещенный автор
Giorgio Pachimero	Георгий Пахимер
Giorgio Tirio	Гийом Тирский
Giorgio Vverenhero	Георг Вернер
Giornando Alano	Иордан Алан
Girolamo Dottore	Иероним [Стридонский], учитель Церкви
Girolamo Bardi	Джироламо Барди
Girolamo Ruscelli	Джироламо Рушелли
Guilio Faroldo	Джулио Фарольди
Giustino	Юстин
Giunio Cordo	Юний Корд
Godifredo Monaco	Готфрид Монах
Gothfrido Viterbiense	Готфрид Витербский
Gregorio Dottore	Григорий [Назианзин], учитель Церкви
Gulielmo Cantero	Вильгельм Кантер
Gulielmo Frisio	Гемма Фризиус
Gunthero Poeta	Гюнтер Поэт
Hartmanno Schedel	Хартман Шедель
Helmoldo Prete	Гельмольд Пресвитер
Henrico di Eruordia	Генрих Херфордский
Hermanno Contralto	Герман Калека

Hermanno Hamelmanno	Герман Хамельманн
Hermanno Schodel	Хартман Шедель
Herodiano	Геродиан
Herodoto Alicernaseo	Геродот Галикарнасский
Huldrico Mutio	Ульрих Муциус, запрещенный автор
Hunibaldo	Гунибальд
Ioachimo Cureo	Иоахим Куреус
Isacio Tzetze	Исаак Цец
Isidoro Hispalense	Исидор Севильский
Isigonio appresso Plinio	Исигон, цитируется по Плинию
Kiriaco Spangebergio	Кириак Шпангенберг
Lamberto Schaffnaburgense	Ламберт Герсфельдский [Ашаффенбургский]
Laonico Calcondila	Лаоник Халкокондил, запрещенный автор
Laurentio Suro	Лаврентий Сурий
Leonardo Aretino	Леонардо Аретино
Libro delle cognizioni	Liber cognitorum
Libro delle parti di Pregadi di Rausa	Реестр актов совета прегадов Рагу:
Lodovico Ceruino	Лудовик Криевич–Туберон
Lucano	Лукан
Lucio Faunno	Лучо Фауно
Lucio Floro	Луций Флор
Luigi Contarino	Луиджи Контарини
Lupoldo Bambergio	Лупольд, епископ Бамбергский
Luitprando Ticiniense	Луитпранд Кремонский
Marcellino Conte	Марцеллин Комит
Mariano Scoto	Мариан Скот
Marino Barletio	Марин Барлеций
Marino Benchemio	Марин Бенхемий
F. Martino	Ф. Мартин
Martino Abbate	Мартин Аббат
Martino Cromero	Марцин Кромер
Martino Vescovo Coscentino	Мартин, епископ Гнезненский
Martino Segonio	Мартино Сегоно из Новобрдо, епископ Улцинский
Martino Vagneto	Мартин Вагнет
Marziano Capella	Марциан Капелла
Matthia Meccouita	Мацей Меховский
Mazochio	[Джакомо] Мадзоки
Metello Tigurino	Метелл из Тегернзее
Metodio Historico	Мефодий Историк

Michel Riccio	Микеле Риччо
Michel Salonitano	Михайло Салонский
Modesto	Модест
Nazario Mamertino	Назарий Мамертин
Niceforo Gregora	Никифор Григора
Niceta Coniato	Никита Хониат
G. Nicolo Doglioni	Джованни Николо Дольони
Nicolo Marscalco	Николаус Маршалк
Nicolo Stobeo	Стобей
Olao Magno	Олаф Магнус
Onesimo	Онезим
Origine de' Gothi	Origo Gothorum
Ottone Frigigense	Оттон Фрейзингенский
P. Ouidio Nasone	Публий Овидий Назон
Paolo Barnefrido	Павел Варнефрид
Paolo Diacono	Павел Диакон
Paolo Emilio	Паоло Эмилио из Вероны
Paolo Niuemontano	Пауль из Шнееберга
Paolo Giouio	Павел Иовий
Paolo Langio	Пауль Ланге Цигнеус
Paolo Orosio	Павел Орозий
Paolo Paruta	Паоло Парута
Paolo Scaligero	Павел Скалич
Petancio	Петанчич
Pier Francesco Giambulari	Пьерфранческо Джамбулари
Pietro Artopeo	Петер Артопеус, запрещенный автор
Pietro Bellonio	Пьер Белон
Pietro Bizaro	Пьетро Биццари
Pietro de Castro Pere	Петр из Кастро Пере
Pietro Crusber	Петр Крусбер
Pietro Echilino	Петр Эквилийский
Pietro Giustiniano	Пьетро Джустиниани
Pietro Liuio	Пьетро Ливио
P. Piteo	Пьер Питу
Pio Secondo	[папа] Пий II
Plinio	Плиний [Старший]
Plutarco	Плутарх
Polibio	Полибий
Porfirio	Порфирий

Pomponio Leto	Помпоний Лет
Privilegi di Cataro	Привилегии Котора
Procopio di Cesarea	Прокопий Кесарийский
Prospero Aquitano	Проспер Аквитанский
Rafaelo Volaterano	Рафаэль из Вольтерры
Reginone Abbate	Регино Аббат
Registro delle Cronache	Registrum cronicarum
Reinnero Reinecio	Рейнерий Рейнекций, запрещенный автор
Ricardo Bartolino	Риккардо Бартолини
Rinaldo Britanno	Ринальд Британский
Roberto Gaguino	Робер Гаген
Roberto Valturio	Роберто Вальтурио
Sassone Grammatico	Саксон Грамматик
Sebastian Munstero	Себастьян Мюнстер, запрещенный автор
Scolastico Smirneo	Схоластик Миринейский
Scipione Ammirato	Шипионе Аммирато
Seruio	Сервий
Sidonio Apollinaro	Сидоний Аполлинарий
Sigiberto Gemblacese	Сигиберт из Жамблу
Sigismondo Herbersteino	Сигизмунд Герберштейн
Silberto Genebrardo	Жильбер Женебрар
Socrate Historico	Сократ Историк
Solino	Солин
Sozimeno	Созомен
Specchio de' Sassoni	Саксонское зерцало
C. Statio Poeta	Цецилий Стаций Поэт
Stefano Bizantino	Стефан Византийский
Strabone	Страбон
Suffrido Pietro Misnense	Суффрид Петри
Suida	Свида
Soplimento di Eutropio	Добавление к Евтропию
Suetonio Tranquillo	Светоний Транквилл
Suffrido Misnense	Суффрид Петри
Symmaco	Симмах
Teoderico	Феодорит [епископ Тирский]
Teodoro Spandugino	Феодор Спандун
Teopompo Chio	Феопомп Хиосский
Teodolo	Фома Магистр
Tito Liuio	Тит Ливий

Tolomeo Alessandrino	Птолемей Александрийский
Toma Ebendorfio	Томас Эбендорфер
Trebellio Pollione	Требеллий Поллион
Trogo Pompeo	Помпей Трог
Tugenone Patauino	Тагено из Пассау
Valerio Massimo	Валерий Максим
M. Varone	Марк Варрон
F. Vegetio	Флавий Вегеций
G. Velleio Paterculo	Гай Веллей Патеркул
Vencesaluo Boemo	Венцеслав Богемский
Vernero Rotenuick	Вернер Ролевинк
Vettore Vticense	Виктор Витенский
Vgo Fuluonio	Уго Фульвонио
Vitichindo Olandese	Видукинд Голланский
Vitichindo Sassone	Видукинд Корвейский
Vitichindo Vagriese	Видукинд Вагрийский
Vnefrido Inglese	Винфрид Английский
Vuolgfango Lazzio	Вольфганг Лациус
Vuolgfango Olandese	Вольфганг Голландский
Zacaria Lilio	Заккариа Лилио
Zonara	[Иоанн] Зонара
Zosino	Зосим

ОПИСАНИЕ СКАНДИНАВИИ, КОТОРАЯ БЫЛА ДРЕВНЕЙ РОДИНОЙ СЛАВЯН

Поскольку почти все авторы, блаженное перо которых донесло до потомков историю славянского племени, утверждают и заключают, что славяне вышли из Скандинавии, я решил в начале своего труда дать краткое описание ее местоположения, дабы те, кто есть сегодня этого племени, особенно жители Далмации и Иллирии, знали, из какой части света вышли их предки.

Итак, Скандинавия, называемая многими Сканзой, другими Скондани- ей, а некоторыми Скандией, Скондией или Скандизоной, расположена на севере. Древним латинянам и грекам она была почти не знакома, и по их общему мнению там находилась Холодная зона земли, покрытая вечными снегами и лишенная какой-либо живности. Немногие о ней упоминают: некоторые помещали в тех областях блаженные земли и людей, живущих долгую жизнь, справедливейших из смертных; другие полагали, что она является большим островом. Плиний в 4–й книге, упоминая острова Балтийского моря, пишет о ней так: «Из них Скандинавия — остров знатнейший и несравненной величины». Солин в 32–й главе «Собрания достопамятных сведений» пишет: «Скандинавия — это самый большой из всех островов Германии, и нет там ничего достопамятного, за исключением самого острова». Позднее стало ясно, что она не остров, а очень большой полуостров, который Иордан Алан за его величину называет другим миром, кузницей

народов и чревом племен. Длина его с юга на север составляет примерно 1800 миль, ширина же немного меньше половины. Омывается он со всех сторон Балтийским морем, называемым, как пишет Тацит Альтхамер, различными именами, а именно Германским, Свевским, Британским, Балтийским, Варварским, Померанским, Арктическим, или Борейским, Северным, Ледовитым, Коданским, Венедским; за исключением восточной стороны, где почти у крайних пределов Севера живут скрифинны и карелы у московитских пределов, как показано Олафом Магнусом на его карте. По мнению ученых мужей, это и есть знаменитый Туле. Их основания и доводы следующие: согласно Меле Туле лежит против Нижней Германии; Птолемей помещает его на семьдесят третьем градусе широты и двадцать шестом долготы; Прокопий пишет, что на нем живут тринадцать племен, управляемых таким же числом королей, и что он в десять раз больше Британии; Стефан Византийский называет его большим и помещает там скрифицианские народы, называемые ныне скрифиннами; Исаак Цец, комментатор Ликофрона, говорит, что Туле находится на востоке от Британии. Все сказанное подходит Скандии, и ничему другому. Добавим к этому, что одна из частей Скандии до сих пор носит имя Туле Марк. Омывающее его Балтийское море не имеет ни приливов, ни отливов, однако оно очень бурное и опасное. Когда течение, гонимое ветрами, идет с севера, вода делается настолько пресной, что моряки готовят на ней пищу. Происходит это по причине впадающих в него рек и озер. Когда течение идет с запада, происходит обратное. Зимой оно замерзает в такой степени, что по нему можно передвигаться в повозках, которые местные народы называют Sleiten (санями). Иной раз и целые полчища проходят пешком с континентальной части Скандинавии на острова. Скандинавия, как пишет Яков Циглер, отбросив все остальные названия, удержала за собой имя Скондия, что означает «приятность», то есть красота. Поскольку ни по мягкости климата, ни по плодородности почвы, ни по удобству портов и торжищ, ни по морским богатствам, ни по обилию рыбы для лова в озерах и реках и благородного зверя для охоты, ни по неисчерпаемому богатству месторождений золота, серебра, меди и свинца, ни по множеству городов и гражданских установлений не уступит она ни одному богатому краю. Отсюда (как пишет Солин в 25–й главе, посвященной описанию северных народов) имели обыкновение посылать начатки плодов Аполлону Делийскому, снаряжая для этого благонравных девственниц. Но поскольку из-за коварства чужестранцев девы эти возвращались обратно не невинными,

то это поклонение, ранее практиковавшееся далеко от дома, было немедленно ограничено пределами Скандинавии. Ныне Скандинавия включает в себя три королевства, а именно Норвегию, Швецию и Готию, а также часть Датского королевства и другие провинции, такие как Ботния, Финмарк, Лапландия и Финляндия, которая, как пишет Мюнстер в 4–й книге своей «Космографии», была в прошлом населена славянским племенем, имела его язык и во время господства московитов приняла греческий обряд. Есть много и других провинций в Скандинавии, из которой, как будет показано в дальнейшем, вышли славяне со многими другими могущественными племенами, покорившими впоследствии Азию, Африку и Европу и господствовавшими в них.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛАВЯН И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИХ ГОСПОДСТВА

Узнать о происхождении и деяниях многих племен не составляет порой большого труда, поскольку либо сами они предавались занятиям словесностью и гуманитарными науками, либо, будучи сами по себе необразованными и варварскими, имели соседями образованные народы, которым хватило времени и усердия, чтобы описать происхождение и деяния не только ближайших, но и более удаленных от них народов. О происхождении и распространении господства славян узнать не так легко. Мало того что сами славяне всегда недооценивали словесность и образованных мужей, не предоставляя им времени для изучения наук и ученых занятий; они, будучи по природе варварами, и жили в окружении столь же диких и варварских народов, с которыми непрерывно воевали. Таким образом, пребывая с самого начала в безвестности на обширных пространствах, населенных варварами, славяне появились впервые лишь тогда, когда греки и римляне, у которых главным образом и процветали науки, утратили и образованность и красноречие, подвергшись нападению, разорению и почти полному истреблению полчищами парфян, готов, вандалов, аланов, лангобардов, сарацин, гуннов и, наконец, самих славян. Удрученные собственными бедами и несчастьями, они не нашли времени, ни усердия, чтобы исследовать и описать происхождение и деяния иноземных народов, к которым они по указанным причинам питали ненависть. Посему мне, взявшемуся дать краткое описание происхождения и свершений славянского племени, придется полагаться в таком малоизвестном деле в большей степени на мнение других, чем на свое собственное, поскольку, как я полагаю, нелегко будет мне, человеку простому и неученому, открыть то, что осталось скрыто от самых пытливых исследователей истины.

Согласно священному писанию Ветхого Завета и общему мнению историков, Иафет, старший сын Ноя, от которого пошло славянское племя, как пишут Петр Крусбер Голландский в III книге о северных народах, Видукинд Вагрийский в I книге «Германии» и Александр Гваньини в своей «Сар- матии», после достопамятного потопа изначально удалился в Азию, а позднее его потомки двинулись в Европу на север, проникнув в страну, называемую ныне Скандинавией. Там они неисчислимо размножились, как свидетельствует Блаженный Августин в своем труде «О граде Божьем» (VI), где пишет, что сыновья и потомки Иафета имели двести отчизн и занимали земли, расположенные к северу от горы Тавр в Киликии, по Северному океану, половину Азии, и по всей Европе вплоть до Британского океана. Это доказывало так истолкование имени Иафет, что значит «расширение», так и достопамятное проклятие его отца Ноя, который, зная о необходимости трех условий человеческой жизни и назначая каждому из своих сыновей свою службу, дабы всякий из них соответствовал своему предопределенному призванию, обратился к ним с такой речью: «Ты, Сим, твори молитву как священнослужитель, исполняя божественную службу. Ты, Хам, трудись, обрабатывая землю и поля и занимаясь ремеслами. Ты, Иафет, властвуй и защищай как царь, и занимайся военным ремеслом как воин». И этот наказ, или завет, Ноя, как было видно из дальнейшего, каждый из его потомков соблюдал ненарушимо. Поэтому славяне, потомки Иафета, всегда были смелыми воинами и господствовали над многими народами. Итак, когда потомки Иафета размножились столь сильно, что великая Скандинавия уже не могла их вместить, они ушли из нее (как сообщают Мефо- дий Мученик, аббат Прюмский в своей «Хронике», Иордан Алан в «Гети- ки» (I), Павел Диакон и Франциск Иреникус (I, 46), и, покинув в большом числе отеческие гнезда, покорили всю Европейскую Сарматию, которая (согласно Птолемею) с востока ограничена Меотидским озером и Таной, с запада Вислой, с севера Сарматским океаном и с юга Карпатскими горами. Первый исход славян из Скандинавии произошел, как пишет Альберт Кранц во 2–й главе «Швеции», во времена Гофониила, иудейского судьи, до эпохи царей. Он был непосредственным преемником Иисуса, преемника Моисея, и случилось это в 3790 году от

сотворения мира и за 1460 лет до пришествия Христа. В указанное время вышли из Скандинавии готы, и под именем и славяне, согласно тому, что можно прочесть у Видукинда Вагрийского в I книге «Германии» и у Иреникуса (I, 8), поскольку (как мы в дальнейшем покажем) славяне и готы были одного племени. Итак, подчинив своей власти всю Сарматию, славянское племя разделилось на несколько колен и получило разные наименования. Как пишет Ян Дубравий в «Истории Богемии» (I), звались они венеды, славяне, анты, верлы, или герулы, аланы, или массагеты, гирры, скирры, сирбы, эминхлены, даки, шведы, фены, или финны, пруссы, вандалы, бургундионы, готы, острого- ты, визиготы, геты, гепиды, маркоманы, квады, авары, певкины, бастарны, роксоланы, или русские и московиты, поляки, чехи, силезцы и болгары. Все эти народы были одного славянского племени, которое и сегодня (как пишут Давид Хитреус в «Саксонии» (III), Павел Иовий в «Законах Московии», Георг Вернер и Лаврентий Сурий) больше всех остальных, поскольку славянами по племени и языку являются не только те, кто живет в Далмации, Иллирии, Истрии и Карпатах, но и многие другие величайшие и могущественнейшие народы: болгары, расы, или рашане, сербы, боснийцы, хорваты, пятигорцы, то есть живущие у пяти гор, русские, подолии, Полины, московиты и Черкассы, а также поморяне и те, кто живет у Венедского залива вплоть до реки Эльбы, остатки которых и сегодня германцы называют славянами или вендами, или виндами; и, наконец, это лужичане, кашубы, моравы, поляки, литовцы, силезцы и богемцы. Короче говоря, славянский язык слышен от Каспийского моря до Саксонии, от Адриатического моря до Германского, и во всех этих пределах живет славянское племя. Живя в Сарматии, славяне показали себя отважными, воинственными и вечно жаждущими славы. Помпоний Мела пишет, что древним обычаем их было никогда не задерживаться на одном месте, а в зависимости от удобства пастбищ или врагов, когда преследовали их, или были ими теснимы, они меняли свое местоположение и перевозили свое имущество, живя постоянно в шатрах, воинственные, вольные и неукротимые. Нет ничего удивительного, что еще во времена цезаря Августа, как пишет Страбон, они жили вперемешку с фракийцами, и позднее завоевали почти всю Европу, большую часть Азии и Африки. Поскольку (как пишет Александр Гвань- ини в своей «Сарматии»), если внимательно присмотреться к этому славянскому племени, то невозможно найти когда-либо в прошлом племя более воинственное. Ибо они с легкостью переносили холод, мороз, жару и все остальные военные лишения, дабы прославить и обессмертить свое имя, и мало заботились о собственной жизни, подвергая ее, будучи бесстрашными, тысяче опасностей. Эту выдающуюся силу, доблесть и непобедимую силу духа сарматов Овидий Назон, сосланный римлянами в Таврику, по чистой случайности описал в посланиях к римским сенаторам:

К Максиму, книга I, элегия II

Здесь я отдан врагам, постоянным опасностям отдан,
Вместе с отчизной навек отнят покой у меня.
Жала вражеских стрел пропитаны ядом гадючьим,
Чтобы двоякую смерть каждая рана несла.
Всадники, вооружась, у стен испуганных рыщут —
Так же крадется волк к запертым овцам в хлеву…
В кровли вонзившись, торчат частоколом на хижинах стрелы,
И на воротах засов в прочность не верит свою.

К нему же, книга I, элегия III (* II)

…Как живут племена язигов и диких сарматов,
Тавров, которые встарь чтили кровавый кумир,
Что за народы идут и гонят коней быстроногих
По отвердевшей спине Истра, одетого льдом.
Многих, многих людей заботы твои не волнуют
И не пугает твоя мощь, ослепительный Рим.
Мужество им дают тетива и стрелы в колчане,

Годный для долгих дорог, сильный, выносливый конь,
Навык в походах терпеть изнурительный холод и жажду,
Если в безводную степь враг оттеснит храбрецов.

К Весталису, книга IIII, элегия VII

…Видел, как груженый воз с воловьей упряжкой по Истру —
Посуху стержнем реки гонит отважный язиг.
Знаешь и то: в кривом острие здесь яд посылают,
Чтобы, вонзаясь, стрела смертью грозила вдвойне.

Из приведенных слов Овидия можно понять, насколько воинственными были всегда сарматы, и что они никогда в прошлом не находились под властью Римской империи («Многих, многих людей заботы твои не волнуют. И не пугает твоя мощь, ослепительный Рим»). Более того, во времена императора Максимина они, перейдя Истр, вторглись в Иллирию, Паннонию и Мезию и разграбили все, не оставив камня на камне (согласно Авентину (II)). Нападали они и на римские когорты, доставив им неоднократно немало хлопот. Римская империя всегда воздерживалась от войн с сарматами, полагая вполне достаточным, смирив их ярость, отразить их от своих пределов. Видукинд Вагрийский наряду с другими авторами описал войны, которые вели древние сарматы, и превосходно объяснил их историю. Обойдя ее, однако, молчанием, вернемся к истории славян, которые еще во время своего жительства в Сарматии взяли себе это особое имя славяне, что значит «славные». Произошли же они от виндов, или венедов — многолюдного сарматского племени, как свидетельсвует Иордан Алан в своей «Гетике». Он пишет: «Между ними лежит Дакия, которую, наподобие короны, ограждают высокие Альпы. У их левого склона, обращенного к северу, начиная от истоков Вислы на огромных просторах расположилось многолюдноеплемя венедов (Vinidi). Хотя их имена теперь различаются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются славинами или антами. Славины живут от Нового города и Славина Ру- мунского (Slavino Rumunense) и озера, именуемого Музианским, до реки Днестр (Danastro), и на север — до реки Висклы (Viscla). Анты же, самые сильные из тех, кто живет в сторону Понтийского моря, простираются от Днестра до Днепра. Между этими реками много дней пути». Немного далее он пишет: «Венеды, происходя из одного корня, известны ныне под тремя именами: венедов, антов, славян; которые, при Божьем попустительстве за грехи наши, свирепствуют повсеместно». Видукинд Голландский во II книге «Венедов» и Еремей Русский в «Летописях Московии» пишут, что славяне, еще во время своего жительства в Сарматии, видя, что в непрерывных войнах, которые они вели с различными народами, им всегда сопутствовала победа, приняли упомянутое имя славян, под которым позднее (согласно тому, что пишет Ринальд Британский в I книге «Хроники»), снарядив мощный флот в Венедском море, напали на Англию, и, будучи высокого роста, были сочтены за великанов. То же самое утверждает Петр Суффрид Леовардийский в I книге «Происхождения фризов»: «Все историки, писавшие об истории Британии, сходились во мнении о том, что Брут, назвавший Британию, прежде именовавшуюся Альбионом, по собственному имени, изгнал с этого острова великанов, именовавшихся славянами. Последние, как видно из «Голландской хроники», будучи изгнаны из тех краев и находясь в поисках нового местожительства, прибыли к берегам Нижней Саксонии, именуемой ныне Фризией. Не найдя там никого, они сошли на землю, но вскоре были оттеснены к своим кораблям местными жителями, которые неожиданно на них напали. Сев на корабли, они отправились дальше на запад, пока не вошли в устье реки Маас (Mosa) и не остановились там. Вскоре недалеко от этого места близ древней Влардинги они возвели мощную цитадель, назвав ее по своему имени Славенбург. Произошло это во времена израильского царя Самуила за 900 лет до пришествия Христа. С этой «Историей Голландии» согласны все соседние народы». Несколько далее тот же Суффрид продолжает: «Изгнавшие славян были свевами. Изгнав до этого также и

аланов, они жили на всем участке земли, заключенном между реками Флево и Свево». И Иоганн Науклер в XXXI поколении упоминает о том, что славяне владели Англией. Он пишет, что Брут, изгнавший славян из Англии, был сыном Сильвия и правнуком Энея. Остальные славяне, оставшиеся в то время в Сарматии, смело и отважно противостояли Александру, прозванному за свои великие дела Великим, который пытался лишить их искони присущей им свободы. В завязавшемся сражении они сразили Менедема, военачальника Александра, и уничтожили две тысячи пехотинцев и триста македонских всадников. Квинт Курций приписывает это скифам, повторяя привычную ошибку прочих итальянских историков, которые, не зная имени какого-либо народа, немедленно, как говорит Альберт Кранц, прибегают к имени скифов. Однако Иоганн Авентин в I книге о баварах ясно показывает, что те были славянами. Он пишет: «Прибыли к Александру Великому и послы восточных германцев, которых историки того времени называют сарматами и скифами, мы венедами, а сами они называют себя славянами. Разбив в сражении войско Александра, они послали к нему двадцать послов, сообщивших об этом Александру». Квинт Курций (VII) повествует об этом так: «И уже было все приготовлено для переправы, когда двадцать скифских послов, проехав по своему обычаю через лагерь на лошадях, потребовали доложить царю об их желании лично передать ему свое поручение. Впустив в палатку, их пригласили сесть, и они впились глазами в лицо царя; вероятно, им, привыкшим судить о силе духа по росту человека, невзрачный вид царя казался совсем не отвечавшим его славе. Скифы, в отличие от остальных варваров, имеют разум не грубый и не чуждый культуре. Говорят, что некоторым из них доступна и мудрость, в какой мере она может быть у племени, не расстающегося с оружием. Их красноречие отличается от привычного нам и тем, кому выпало жить во времена более изысканные, однако, если их речь и может вызвать неприязнь, тем не менее следует ей доверять; все сказанное ими будет передано нами в точности. Итак, как говорят, один из них, самый старший, сказал: «Если бы боги захотели величину твоего тела сделать равной твоей жадности, ты не уместился бы на всей земле; одной рукой ты касался бы востока, другой запада, и, достигнув таких пределов, ты захотел бы узнать, где очаг божественного света. Ты желаешь даже того, чего не можешь захватить. Из Европы устремляешься в Азию, из Азии в Европу; если тебе удастся покорить весь людской род, то ты поведешь войну с лесами, зверями, снегами и реками. Разве ты не знаешь, что большие деревья долго растут, а выкорчевываются за один час? Глуп тот, кто смотрит на их плоды, не измеряя их вышины. Смотри, как бы, стараясь взобраться на вершину, ты не упал вместе с сучьями, за которые ухватишься. Даже лев порой служит пищей для крошечных птиц; ржавчина поедает железо. Ничего нет столь прочного, чему не угрожала бы опасность даже от слабого существа. Откуда у нас с тобой вражда? Никогда мы не ступали ногой на твою землю. Знаешь ли ты, куда пришел? Не подобает, чтобы не знали нас, живущих среди столь обширных лесов. Мы не можем никому служить и не желаем повелевать. Дары наши вам посылаются, дабы вы знали скифов: пара волов, плуг, стрелы, пика и чаша. Этим мы пользуемся и в общении с друзьями и против врагов. Плоды, добытые трудом быков, мы подносим друзьям; из чаши вместе с ними мы возливаем вино богам; стрелами мы поражаем врагов издали, а пикой — вблизи. Так мы победили царя Скифии, а затем царя Мидии, а равно и Персии. Перед нами был открыт путь вплоть до Египта. Ты хвалишься, что пришел сюда преследовать грабителей, а сам грабишь все племена, до которых дошел. Лидию ты захватил, Сирию (Soria) занял, владеешь Персией, бактрийцы под твоей властью, в Индию хочешь идти; к нашим овцам протягиваешь свои жадные и ненасытные руки. Зачем тебе богатство, которое только усиливает твой голод? Ты первый среди всех стал испытывать его от пресыщения; чем больше ты имеешь, тем с большей жадностью стремишься к тому, чего у тебя нет. Неужели ты не помнишь, как долго ты возишься с бактрий- цами (Bassi), которых во что бы то ни стало желаешь победить? Согдийцы вновь начали войну. Война у тебя рождается из побед. И хотя тебя считают самым великим и могущественным, никто, однако, не может терпеть чужестранного господина. Попробуй пройти Тану, и ты узнаешь, как широко она раскинулась. Скифов же ты никогда не настигнешь. Наша бедность будет быстрее твоего войска, везущего с собой добычу, награбленную у стольких народов. Но когда ты будешь думать, что мы

далеко, ты увидишь нас в своем лагере. Одинаково стремительно мы и преследуем и убегаем. Мы слышали, что скифские пустыни даже вошли у греков в поговорки, но мы больше любим места пустынные и невозделанные, чем города и изобильные имения. Посему крепче держи свою удачу, она может выскользнуть, и против воли ее не удержишь. Со временем ты лучше поймешь пользу этого совета, чем сейчас. Наложи узду на свое счастье: легче будешь им управлять. У нас говорят, что у удачи нет ног, а только руки с перьями: протягивая руки, она не позволяет касаться перьев. Наконец, если ты бог, ты сам должен оказывать смертным благодеяния, а не отнимать у них добро. Если же ты человек, то помни, что ты всегда им и останешься. Глупо думать о том, ради чего себя самого забываешь. С кем ты не будешь воевать, в тех сможешь найти верных друзей. Самая крепкая дружба бывает между равными, а равными считаются только те, кто не мерялся силами. Тем, кого ты победил, у тебя нет веры, что они твои друзья, ибо между господином и рабом не может быть дружбы; права войны сохраняются и в мирное время. Не думай, что скифы удостоверяют свое расположение клятвой: их клятвы в сохранении верности. Эта предосторожность в обычае у греков, которые договоры подписывают и любят призывать богов. Кто не уважает людей, тот обманывает богов. И тебе не нужен друг, в верности которого ты можешь усомниться. В нас ты наверняка найдешь стражей Азии и Европы. Бактрии мы касаемся, где ее отделяет Тана, а за Таной мы населяем земли вплоть до Фракии; а с фракийскими холмами и горами, говорят, граничит Македония». Так говорил варвар. Царь, противореча им, ответил, что хочет испытать свою удачу, которой привык доверяться, а уж потом воспользуется советом тех, кто призывает его ничего не делать необдуманно».

Вступив после этого со всем своим войском в сражение с упомянутыми славянами, Александр понес немалые потери, нанеся при этом противнику незначительный урон. Дело в том, что славяне, видя, что войско Александра, снабженное всеми видами вооружения, стало теснить их, следуя своему обычаю, отступили в глубь Сарматии. Для описания деяний, которые они там с самого начала совершили, и славных походов, которые они предприняли и затем благополучно завершили, пожелай кто заняться этим, ему не хватило бы срока, отпущенного для жизни человека.

Это воинственное славянское племя никогда не пребывало в покое. Стремясь к великим свершениям, оно решило оставить пустыни Сарматии. Выйдя из нее, оно разделилось на две части. Одна пошла на север и заняла побережье Балтийского моря, как пишет Давид Хитреус в «Саксонии» (III): «Балтийское море начинается от устья реки Траве, порта Любека и простирается на двести пятьдесят германских миль между Германией, Пруссией, Ливонией, Русью и противолежащим побережьем Дании, Готландии (Gothia) и Финляндии вплоть до Выборга. Генетские, или венедские, народы, которых германцы называют вендами (Vuenden), итальянцы славянами, а наши также вандалами, заняли все это побережье Балтийского моря». Иоганн Авентин (IV) говорит: «Земли, прилегающие к Венедскому морю с южной стороны, населены свирепым народом, а именно эстами и другими славянскими племенами». Птолемей (III, 5) пишет: «Многочисленные народы венедов населяют большую часть Сарматии по всему Венедскому заливу». Об этих славянах венедах у нас пойдет речь в своем месте. Другая часть славян отправилась на юг и заняла побережье Дуная. Там они позднее пытались захватить также и владения Ромейской империи (Imperio Romano), земли которой они постоянно опустошали и, в конце концов, захватили многие из них, как сообщает Прокопий Кесарийский, который, насколько известно, был первым, кто написал о них и о войнах, которые они вели с роме- ями. В I книге «Войны с готами» он пишет о славянах так: «Тем временем прибыли Мартин и Валериан, приведя с собой тысячу шестьсот воинов. Большинство из них были гунны, славины (Slavini) и анты, которые живут по ту сторону Дуная, недалеко от его берегов. Велизарий, весьма обрадовавшись их прибытию, считал необходимым сразиться с неприятелем». И во II книге: «Велизарий прилагал все усилия, чтобы взять в плен кого- нибудь из знати среди врагов, дабы через него узнать, на что надеются варвары, терпеливо перенося столь страшные мучения. Итак, когда Велизарий думал об этом, Валериан обещал ему оказать эту услугу. Он сказал, что в его отряде есть несколько человек славинского

племени, которые умеют устраивать засады за скалами или кустами и таким образом захватывать любого из неприятелей, в чем они упражнялись на Дунае, где их места жительства, и в Риме против других варваров. Велизарий пришел в восторг от его слов и велел возможно скорее позаботиться об этом деле. Выбрав из своих славян одного, выделявшегося ростом и крепким сложением, отважного и весьма подходящего для такого дела, он поручил ему захватить и привести одного из неприятелей, посулив немалую награду, лишь бы тот исполнил его поручение. Упомянутый славин, немедля отправившись исполнять поручение, до света поднялся на холм, за которым ежедневно устраивались стычки, чтобы косить там траву для коней, залег в зарослях колючего кустарника и затаился. На рассвете появился гот, пришедший накосить травы. Не ожидая никакой опасности со стороны зарослей, где тот затаился, он то и дело оглядывался вниз на лагерь, как бы кто-либо из неприятелей не двинулся против него. Тогда славин, выскочив из засады, напал на него сзади и, перехватив поперек тела, на руках стремительно потащил в лагерь и вручил Валериану». И в III книге: «Был некто Хильдибий, принадлежавший к роду и двору Юстиниана, весьма искушенный и усердный в делах войны, и настолько презиравший деньги, что мнил себя богатейшим человеком, когда имел ровным счетом ничего. На четвертом году своего правления император назначил его префектом всей Фракии, поручив охрану Дуная, дабы никто из варваров не мог впредь перейти его. Дело в том, что в прошлом как гунны, так и анты со славянами, перейдя реку, наносили ромеям непоправимый урон. Хильбудий же внушил варварам такой страх, что в течение трех лет, пока он был облечен этой властью, никто из варваров ни разу не осмелился перейти реку, чтобы напасть на ромеев. Более того, сам Хильдибий со своими ромеями, неоднократно переходя ее, уничтожил неисчислимое множество варваров, взяв многих в плен и сделав рабами. По истечении же трех лет, когда Хильдибий перешел реку с небольшим отрядом, против него вышло все славинское войско. В завязавшемся сражении пал Хильдибий и множество ромеев. Некоторое время спустя между антами и славинами начались раздоры, завершившиеся войной, в которой анты были побеждены». Несколько далее он добавляет: «Племя антов и славинов не управляется одним человеком, но издревле живет во всеобщей народной свободе, поэтому все хорошее и плохое выносится у них на общий совет. Во всем остальном оба племени равны и схожи. Помимо этого, по предписанию закона и заповедям предков эти варвары должны верить в то, что среди всех богов тот, который сотворяет молнии, является единственным господином всего, и ему они должны приносить в жертву быков и других животных. Судьбы они признавать не должны ни в каком виде, ибо по их убеждению она не имеет никакой власти над людьми. Поэтому при угрозе смерти во время болезни у себя в доме или на войне они обязаны по заповеди, если им удастся выздороветь, едва миновала смертельная опасность, совершить по обету свое жертвоприношение; и они твердо убеждены, что именно этой жертвой обрели исцеление. Помимо этого они поклоняются рощам и нимфам с прочими демонами, которым они приносят жертвы, и при жертвоприношении производят гадания. Живут они в неких хижинах, дурно построенных и грязных, стоящих на большом расстоянии друг от друга, и часто меняют место своего жительства, как у них принято. Во время войны большинство из них выступает пешим строем, идя на врага с небольшим круглым щитом и копьем в руке, нагрудных лат же они никогда не надевают, при этом некоторые из них во время похода не носят одежды, ни новой, ни старой, за исключением неких покровов, спускающихся до бедер — так они идут на врага. И язык у них варварский, и по телосложению они не отличаются между собой, поскольку все они весьма высокого роста и сильны телом. Что касается цвета кожи и волос, нельзя сказать, чтобы они были чрезмерно или совершенно светлые, но и темными они вовсе не назовешь — скажем, ближе к светлым. Жизнь у них трудна и лишена изящества, но они не дорожат ей на манер массагетов. Питаются они грубой и гнусной пищей, однако не коварны и не вероломны. Опустошение и грабеж они производят на манер гуннов. В действительности некогда славины и анты имели единое прозвание, поскольку древние называли их спорами, что значит «рассеянные», я думаю, потому, что они жили отдельно друг друга в своих хижинах, и имели много земли, подобно тем, что жили за Дунаем». Несмотря на свою дикость и свирепость, они тем не менее окружали

великим почетом своих жрецов. О религии этих антов пишет Еремей Русский в «Русских летописях», что среди прочих богов они поклонялись идолу, под ногами у которого находилась человеческая голова и еще другая голова, львиная; в правой руке он держал стрелу, а в левой — серебряный шар, и звали его Якобог, то есть «сильный Бог». Был он отделен от идолов славян, о которых Прокопий в III книге далее пишет: «В это время славин- ское войско, перейдя Дунай, произвело ужасающий разгром и нанесло большой урон всем иллирийцам вплоть до Драча: часть из них перебили, часть, не разбирая ни пола, ни возраста, кого могли, увели в полон, унеся их имущество, и всюду проявили великую свирепость. Захватили они также множество хорошо укрепленных крепостей, находившихся в тех местах, и, совершая набеги куда им вздумается, предали все разграблению. Иллирийские государи, собрав пятнадцатитысячное войско, хотя и принялись сразу же преследовать неприятеля, однако не осмеливались к нему приблизиться». И далее: «В это время славинское войско, численностью не более трех тысяч, легко перейдя Дунай, так как не было никого, кто мог бы им воспрепятствовать, разделилось на две части, каждая по полторы тысячи человек. Начальники ромейского войска, вступив в сражение, кто в Иллирии, кто во Фракии, были разбиты и пали в бою вместе с немалой частью своих воинов. Оставшиеся в живых спаслись бегством. Итак, когда эти начальники были перебиты варварами, значительно уступавшими им в численности, Асбад, бывший оруженосец императора, в ту пору командир конного отряда, вступил в стычку с другим войском варваров. Поскольку его воины обратились в бегство или были перебиты, он попал в плен к неприятелю. Славины, вырезав ремни на спине, сожгли его заживо. После этого славины разграбили все вплоть до побережья, взяв приступом также и приморский город, хотя в нем и находился очень мощный гарнизон, и он был метрополией всех городов на морском побережье. Удален он от Константинополя на двенадцать дней пути. Взят же он был при помощи военной хитрости. Большая часть варваров спряталась около стен и в укромных местах, и лишь немногие, приближаясь к Восточным воротам, сильно досаждали ромеям, охранявшим стены. Воины, бывшие в гарнизоне, не подозревая, что варваров больше, чем тех, которых они видят, немедля вооружились и, сделав стремительную вылазку из города, напали на них. Варвары обратились в притворное бегство, а ромеи, все более вовлекаясь в погоню, не заметили, как удалились от города. Тут варвары, находившиеся в засаде, выскочили и предстали перед ромеями, преследовавшими их сородичей. Окружив их, они всех изрубили мечами. Затем, повернув в сторону города, они пошли на приступ. Горожане, видя, что воины их покинули, не зная, что предпринять, взяли большое количество смолы и, смешав ее с маслом и доведя до кипения на огне, стали лить ее на врагов, пытавшихся подняться на стены, и осыпать их градом камней, так что почти избежали опасности. Однако сла- вины, непрерывно пуская стрелы, заставили их отступить от бастионов, и, приставив к стенам лестницы, с первого приступа овладели городом. Перебив пятнадцать тысяч мужчин, они предали все разграблению и увели в полон женщин и детей. Еще с самого начала, когда они только начали нападать на ромейские земли, не разбирая возраста, убивали всех, кто попадался на их пути, и в таком количестве, что вся иллирийская и фракийская земля была покрыта непогребенными телами. Попавших же к ним в руки они убивали не с помощью меча, копья или другого обычного вида оружия, но, вбив в землю тонкие колья, они насаживали на них несчастных смертных, вгоняя им острие кола через срамные части во внутренности, подвергая их страшным мукам. Изобрели они и другой вид казни. Вбив в землю четыре длинных жерди и привязав к ним пленного за руки и за ноги, они начинали бить его по голове палкой, как если бы это была голова собаки или змеи, и так предавали его мучительной смерти. Остальных же, кого из-за старости или по другой причине не могли увести с собой, запирали в сарае вместе с быками и овцами и безжалостно сжигали.

Таким образом они предавали смерти всех, кто попадался к ним в руки. Наконец между славинами начались раздоры, и, опьянев от чрезмерного количества пролитой крови, они вернулись домой с богатой добычей». Несколько далее он добавляет: «Пока Герман собирал войско, приводил в порядок и истово приготовлял все, что было нужно для будущей войны, великое множество славинов, какого никогда ранее

не бывало, перейдя Дунай, подошло к Наису. Несколько человек из них, отбившихся от остальных и бродивших по окрестностям, поймали ромеи и, подвергнув пытке, стали допрашивать о причине, по которой они переправились через Дунай. Те клятвенно утверждали, что пришли не иначе как для того, чтобы овладеть городом Салоники и его близлежащими поселениями. Император, услышав об этом, был немало напуган такой опасностью, и тотчас написал Герману, чтобы тот отложил поход на Италию и шел в Салоники, чтобы оказать помощь им и другим городам этой провинции, приложив все усилия для отражения нападения славинов. Тогда Герман, отложив все прочие дела, задержался в том месте, где его нашли послания императора. Славины же, узнав от пленных, что Герман находится в Сардах (Sardi), перепугались, поскольку среди них имя Германа давно пользовалось большой славой: когда в начале правления Юстиниана, его дяди, анты, живущие по соседству со славина- ми, перейдя Дунай, в большом числе напали на ромейские земли, Герман, незадолго до этого назначенный префектом Фракии, вступил с ними в бой и, нанеся поражение, почти всех перебил. За эту победу Герман удостоился великой славы среди всех смертных, а особенно среди этих варваров, которые, таким образом, боясь Германа и думая, что он ведет с собой такое же огромное войско, которое было послано императором в Италию против Тотилы и других готов, свернули с прямого пути на Салоники и, не дерзая более спускаться на равнину, перешли Иллирийские горы и вторглись в Далмацию. И те славины, которые в прошлом нападали на земли императора, и другие того же племени перешли Дунай и быстро соединились с теми, кто незадолго до этого совершили наглый грабительский набег на провинцию Далмация. Многие придерживались мнения, что эти варвары были подкуплены немалой суммой денег Тотила, который направил их в эту ро~ мейскую провинцию, дабы император не смог в дальнейшем хорошо организовать войну против готов, будучи вынужден разделить свои силы и противостоять этим варварам. Я не берусь утверждать, пришли ли эти славины по наущению Тотилы или сами собой. Итак, славинское войско, разделившись на три части, отправилось в разные стороны и причинило Европе невосполнимый ущерб, так они уже не просто совершали набеги на селения, как было заведено, предавая все разграблению, но и зимовали там, как если бы были у себя дома, не опасаясь неприятеля. Посему император послал против них отборное войско, начальниками над которым среди прочих поставил Константина, Арация, Назара, а также префектов Юстина и Иоанна. Командующим над всеми ними он поставил некоего Схоластика Евнуха. Так организованное войско вскоре настигло часть славинов близ Адрианополя, города на материке во Фракии, лежащего на расстоянии пяти дней пути от Константинополя. Славины, не имея возможности ни двигаться вперед, ни повернуть в другое место, отягощенные огромной добычей из людей, овец и прочих немалых ценностей, остановились там и разбили лагерь на холме. Ромеи же стали лагерем внизу на равнине недалеко от неприятеля. Находясь там, славины пытались как-нибудь неожиданно напасть на ромеев. Пока и те, и другие пребывали в своих укрытиях, прошло немало времени, и ромейские воины, утомленные этим, стали проявлять недовольство. Они запальчиво обвиняли своих префектов в том, что при полном изобилии провианта у неприятеля начальники ромейского войска вовсе не заботились о своих солдатах, страдавших от нехватки самого необходимого. По этой причине они часто говорили, что вопреки желанию начальников сами пойдут в атаку на неприятеля. Начальники, видя такое упорство воинов, против своей воли вступили в бой со славинами. Ромеи доблестно бились, но, в конце концов, были побеждены противником и обращены в бегство, многие же доблестные мужи пали в битве. Даже сами начальники чуть не попали в руки неприятеля, однако смогли спастись бегством. В этом бою славины захватили знамена Константина и, свободно двигаясь, куда им хотелось, разграбили город Астик (Astyngo), который до тех пор не подвергался разграблению. Итак, опустошив и разграбив ромейские владения, они подошли к Длинным стенам, отстоящим от Константинополя на расстоянии менее дня пути. Немного времени спустя ромейское войско, оправившись после бегства и воссоединившись, принялось преследовать славинов. Неожиданно напав на часть из них, они обратили их в бегство, перебив немало врагов и освободив множество ромейских пленников. Отбили они и знамена Константина, потерянные

прежде в битве. Те славины, кто сумел бежать, вместе с остальными своими соплеменниками вскоре отступили к себе домой. Выйдя оттуда вновь в большом числе, они напали на иллирийцев, которым нанесли такой большой урон, что и словами не описать. Император послал против них войско, которое, намного уступая в численности противнику, не могло вступить в бой и шло за ним по пятам, нападая и уничтожая воинов из славинского арьергарда, часть из которых они захватили в плен и отослали к императору в Константинополь. Тем не менее они не могли совершенно помешать варварам совершать их ужасные опустошения. Продолжались они долго, и все дороги наполнились трупами. Так как никто не выступал против них, они, наконец, со всей добычей, живые и здоровые, возвратились домой. Ромеи при переправе через Дунай не могли ни устроить против них засады, ни вступить с ними в открытое сражение, поскольку им на помощь и защиту выступили гепиды, их союзники. Император был очень недоволен и огорчен тем, что не мог запретить славинам переходить Дунай, через который они переправлялись только лишь с целью грабежа ромейских владений». До сих пор говорит Прокопий о вторжениях и нападениях славин на ромеев. Об этом же упоминает и Бьондо, более современный автор, но усердный исследователь древности. После некоторого рассуждения он пишет (8–я книга I декады): «Хотя Божественный Григорий ничего более не пишет об этом вторжении и набегах, которые славяне совершали на Истрию, мы тем не менее знаем наверное, что этот народ, как мы показали, живший за Дунаем и против которого выступали свекор и сын императора Маврикия, именно тогда впервые занял побережье Адриатического моря с правой стороны и стал там постоянно жить, так что то, что прежде называлось Истрией и Далмацией, ныне называется Славонией». И в следующей книге, повествующей о событиях времени императора Фоки, преемника Маврикия, он пишет: «В это время, когда Ромейская империя страдала от упомянутых волнений в Азии и Африке, славяне, которые, как мы говорили, осели в Истрии и Далмации, совершили вторжение и разгромили все ромейское имущество в соседних провинциях. Перебив в результате стремительного набега всех воинов, оставленных Фокой в крепостях, они покорили все провинции Далмации и Иллирии, граничащие с Адриатическим морем». Джироламо Барди указал время и года, чего не сделали вышеупомянутые авторы, походов славян во Фракию и Иллирию. Во второй части он пишет, что славяне в 548 году напали на Далмацию и дошли до Драча. В 549–м разграбили Фракию. В 550–м, вновь вторгшись в Грецию, одержали победу над императорским войском. В 552 году, вновь выйдя из своей страны, вторглись в Македонию и нанесли ей неисчислимый урон. Оставшись там, они переименовали те земли по своему имени в Славонию. В 554 году они одержали победу над военачальниками и остатками готов, разграбили Сицилию, откуда были изгнаны Германом, военачальником императора Юстиниана. В 585 году совершили набег до Константинополя, разграбив всю Фракию. Святой Григорий в послании Иовию, префекту императора Маврикия в Иллирии, пишет, что в 591 году, который был седьмым годом правления императора Маврикия, славяне перешли Дунай и опустошили Иллирию. Тогда народ, спасаясь от их свирепости, бежал на острова, как сообщает упомянутый папа. В том же году император Маврикий пошел войной на гуннов, которые со времен свирепейшего царя Аттилы жили в Паннониях за Дунаем, и послал против них с войском своего сына и свекра. Он нанес гуннам такой большой ущерб, что последние намеревались уже было вернуться на свою первоначальную родину. В конце концов они решили призвать на помощь соседних славян, которые вместе с гуннами выступили против ромеев и нанесли им такой урон, что те опасались впредь вступать с ними в бой. В следующем году, напав на Ромейскую империю, славяне нанесли ей большой ущерб и (как сообщает Александр Скультетус в своей «Хроногра- фии»), совершив набег вплоть до Босфора Киммерийского, там и осели. В 594 году Маврикий послал против них большое войско и (как сообщают Павел Диакон в XVIII книге и Зонара в жизнеописании Маврикия) потерпел поражение. Усилив войско, он вступил в сражение с врагом и одержал кровавую победу. Через четыре года славяне в союзе с гуннами и аварами напали на земли империи. Против них Маврикий снарядил войско и вверил его Галинику, послав его на место гнусного Романа, но это ему ничем не помогло: славяне, еще более разъярившись, вновь вторглись в провинции империи. Посланный против них Приск вернулся с

победой. Однако славяне, вновь собрав войско, держали Маврикия в таком напряжении, что (как пишут Диакон (XVIII), Зонара и Бьондо (8–я книга I декады) он был вынужден постоянно быть во всеоружии. В 600 году они разграбили земли империи. Ромейские военачальники нанесли им ряд поражений, однако, несмотря на это, император оказался вынужден (как сообщают Диакон и Зонара в указанном месте) уступить им Иллирию, названную в дальнейшем ими Славонией. Одна их часть заняла города на морском побережье, другая ушла в Верхнюю Паннонию, остальные же под началом Чеха и Ляха проникли также в Моравию, Богемию и Польшу. Те, что заняли берега Далмации, не оставляли попыток расширить свои владения, нападая не только на соседей, но и на удаленные от них народы. Посему при ланго- бардеком короле Ариоальде (как пишет Павел Диакон в «Истории лангобардов» (III, 46)) славяне, снарядив мощный флот, отправились в Апулию и стали лагерем близ города Манфредония. Атаковавший их герцог Бене- вента Рион был разбит и пал на поле брани. Узнав об этом, его брат Радо- альд, прибыв к ним и дружески заговорив с ними на их родном славянском языке, несколько их успокоил, и они не стали сражаться и с ним. Увидев это, Радоальд неожиданно напал на них, перебив многих из них. Оставшиеся же были вынуждены отплыть и, возвратившись назад, обнаружили, что вся Далмация объединилась против них и, собрав большой флот, стала в устье Наренты, чтобы помешать им пройти по этой реке. Славяне, увидев это, сделали вид, что хотят вернуться назад. Далматы бросились в преследование, однако с наступлением ночи потеряли их из виду. Славяне же, отступив за остров Корчула, простояли там скрытно весь следующий день, а с наступлением вечера вышли из порта и двинулись в сторону далматского флота. Неожиданно напав на него, они некоторое время вели бой, но в конце концов, проложив себе путь оружием, прошли по Наренте до занятых ими ранее земель. Овладев упомянутыми землями на Наренте, называемой древними Нароной, они сделались весьма могущественными на море. Длительное время они досаждали венецианцам, которые вместе с далматами платили дань этим нарентским славянам, как сообщает венецианский историк Сабеллико во второй книге IX эннеады. Он пишет: «Венецианцы с другими далматами платили дань нарентинцам, которые на протяжении ста семидесяти лет с переменным успехом боролись с венецианцами за господство на море». Пьетро Джустиниани, венецианский историк, в I книге пишет: «Нарентинцы, вечные, ярые и ненавистные враги венецианцев, в течение долгого времени с переменным успехом вели с ними борьбу, зачастую кровопролитную». То же самое утверждает Джулио Фарольди в «Венецианских летописях»: «Нарентинцы причиняли много хлопот венецианцам почти непрерывно на протяжении ста семидесяти лет. Они были славонами, по–старинному славинами, которые (как можно прочесть у константинопольских историков) долгие годы враждовали с Восточной империей и отвоевали у нее провинции, которые ромеи называли Иллирией, а от их имени стали называться Славонией». Война между нарентскими славянами и венецианцами началась (как можно почерпнуть из трудов упомянутого Фарольди) при венецианском доже Джованни Партечипацио, который, согласно Николо Дольони, был в 829 году. Ему воспреемствовал Пьетро Градениго (Gradenico), который заключил мир с нарентинским государем Миславом. Когда вскоре после этого нарентинцы нарушили мир и совершили морской набег вплоть до Каорли, дож послал против них с мощным флотом своего сына Джованни, которого ранее сделал своим соправителем, однако на этот раз это ничем не закончилось. В следующем году, выступив против упомянутого Мислава с новым флотом, в морском сражении он был разбит, и Венеции с потерей множества судов пришлось уступить. Нет сведений о том, где именно произошло это сражение, известно лишь, что дож был разбит. И не только в этом сражении венецианцы потерпели поражение, но и (как пишет Фарольди) во многих других, произошедших в последующие годы. Пьетро Кандиан почти сразу после своего избрания на пост дожа был вынужден выступить против нарентинцев, однако не преуспел в этом, как пишет Микеле Салонитано в «Трактате о Далмации». О войне, которую нарентинцы вели с венецианцами, он пишет так: «Нарентинцы, славянский народ, наводили немалый страх как на города, расположенные на материке, так и на прибрежные города Далмации, а более всего на венецианцев, поскольку на протяжении двухсот лет подвергали их

смертельным гонениям, несмотря на то, что в течение всего этого времени венецианцы платили им дань за право свободного плавания по Адриатическому морю, на которое нарентинцы притязали и на котором неограниченно господствовали. Со всех, кто плавал по нему, они требовали уплаты пошлины, или проходной платы. По этой причине между ними часто возникали стычки: нарентинцы часто задерживали венецианские суда в счет уплаты дани, которая не была им вовремя выплачена, а также [штрафной] пошлины товарами, которые, по их мнению, по праву переходили к ним в собственность за нарушение или задержку. Однако основной причиной преследования ими венецианцев было то, что они видели, как последние с каждым день усиливаются и укрепляют свою морскую мощь, домогаясь заполучить всю Далмацию, которая, страдая от наглости нарентин- цев, похоже, желала им скорейшего поражения. Да и венецианцы намеренно разжигали эту скрытую ненависть, чтобы, воспользовавшись ссорой между ними, быстрей достичь своих целей. Нарентинцы, узнав об этих кознях венецианцев, отвечали им ненавистью и жестокими преследованиями, по причине которых многократно город Венеция испытывал великие лишения и оказывался на грани отчаяния. Ведь всякий раз, когда они сходились между собой в морском бою, венецианский флот терпел поражение и ущерб. В частности, при доже Пьетро Кандиано, который (помимо других дожей), во второй раз лично выйдя против них и вступив в сражение у мыса Макар- ски (Cauo Miculo) в Далмации, вначале одерживал превосходство, и на- рентинский государь Мислав (Muie) уже намеревался обратиться в бегство, однако, увидев идущие на помощь остальные нарентинские корабли под началом Виты Бобальевича Рагузинского, которого упомянутый славянский государь в те времена часто привлекал в военные походы как знаменитого и опытного полководца славянских сил на море и на суше, вновь ринулся на неприятеля, который после доблестной защиты потерпел поражение со смертью упомянутого дожа. Это событие повергло венецианцев в ужас. Опасаясь, что противник, стремясь укрепить свою победу, нападет на них в их собственном доме, они перегородили огромными цепями входы в порты, через которые можно было подступить к их городу, выставив многочисленную охрану». Почти то же самое рассказывают Сабеллико в 1–й книге IX эннеады и Джамбулари (I). Они пишут, что после своего избрания дожем Венеции Пьетро Кандиано, видя, как на Адриатическом море разбойничают нарентинцы, послал против них флот, который вернулся домой, ничего не добившись. Тогда он лично выступил против них с двенадцатью судами и, обнаружив неприятеля у мыса Макарски (Cauo Miculo) в Далмации, вступил с ним в бой и поначалу одерживал верх. Однако по причине превосходства сил у нарентинцев венецианский флот попал в окружение, и дож, отважно сражаясь, на пятом месяце своего правления погиб. Останки его подобрали истрийцы и, отвезя в Градо, там и предали погребению. На его портрете в Сенате Венеции было начертано:

DVM ADUERSVS NARENTANOS MANVS FORTITER CONSEREREM, INTER MICANTIA ARMA PIETATE UIRILITER CECIDI.

(Храбро вступив в схватку с нарентиицами, в великом сражении пал геройской смертью.)

Те, кто смог спастись, бежали домой и повергли город в такое волнение, что под впечатлением этого известия в Венеции могли начаться беспорядки, если бы Джованни Партечипацио для спасения республики не вернулся на оставленный прежде пост и не смог соблюсти достоинство в условиях охватившего горожан ужаса. Когда после этого волнения улеглись и прошел страх, патриции избрали новым дожем Пьетро Трибуно, который укрепил город в различных местах и при помощи огромной цепи обезопасил его от внезапных и стремительных нападений тех, кто желал нанести ему ущерб. Было это при папе Иоанне примерно в восемьсот восьмидесятом году. Однако нарентинцы не прекратили на этом грабить и разорять их.

При Пьетро Саннуто, девятнадцатом доже Венеции, нарентинцы почти осадили Венецию. Джамбулари (VII) пишет об этом так: «При этом доже жители Далмации и, в частности, жители Наренты, которую древние называли Эроной, в результате морских набегов подвергли город Венецию почти полной

осаде, так что к нему невозможно было подвезти по морю ни продовольствие, ни провиант, ни товары какого то ни было рода, поскольку на дальних подступах или на глазах у всего города они подвергались разграблению с ущербом не только для тех, кто их перевозил, но еще в большей степени для той толпы, которая их ожидала». И это Венеция переживала не раз, как сообщает Сабеллико в 1–й книге IX эннеады. Он пишет, что в 976 году нарентинцы так жестоко разоряли прибрежные города, что положение Венеции немногим отличалось от положения осажденной, так что стыд и гнев взывали каждого горожанина к отмщению. Они говорили, что невозможно смириться с тем, что венецианцы, одержавшие столько славных побед на море, терпят наглые выходки кучки разбойников». Я поражаюсь, как не стыдно Сабеллико писать, что в те времена нарентинцы представляли собой кучку разбойников, прекрасно зная, что, по словам Марка Варрона (как видно из Плиния (III, 20)), колония Нарона, бывшая столицей нарентинцев, была столь велика и столь знаменита, что ей подчинялись другие восемьдесят девять городов. И позднее первые короли и императоры искали их дружбы, и среди прочих император Оттон III, видя, что они отложились от него, в 980 году повел против них войско и, как пишет Бар- ди во второй части) доставил им немало хлопот. Более того, он знает (как сам и пишет), что нарентинцы на протяжении ста семидесяти лет соперничали с венецианцами за не что иное, как господство на море. Не может же он сказать, что у венецианцев тогда было так мало сил, что они не могли (если тех была лишь «кучка разбойников») с ними справиться, поскольку сам же пишет, что до этого они одержали славные победы на море. Таким образом, не следует говорить и думать, что в те времена нарентинцы были кучкой разбойников (как считает Сабеллико), но, напротив, они были могущественны и весьма благородны. Видя, что венецианцы лишают их дани, которую платили на протяжении длительного времени, они на них и ополчились. Сабеллико, упоминая об этом во 2–й книге IX эннеады, пишет: «Дож Пьетро Орсеоло через послов убедил государей Египта и Сирии, а также при помощи благодеяний и подарков все итальянские государства в искренней дружбе со стороны венецианцев, и, решив, что настал удобный момент отомстить за недавние и давние обиды, учиненные нарентинцами, отказался платить им дань, которую им платили на протяжении многих лет за право безопасного плавания вдоль побережья Далмации. Варвары нарентинцы, разгневавшись на венецианцев, принялись разорять прибрежные города. Не ограничившись и этим, они совершили опустошительные набеги по суше в пределы задарцев, которые единственные из далматов находились в ту пору под властью венецианцев. Было это примерно в 996 году». До сих пор мы цитировали Сабеллико. В это время (согласно венецианским летописям) венецианцам удалось в значительной степени укротить ярость на- рентинцев. Последние, приняв христианство при их короле Святополке (Suetopelech), или (как его называют латинские историки) Сферопиле (Sferopilo), обращенным в Христову веру Мефодием Философом, которого впоследствии прозвали Кириллом (как сообщают Диоклеец, Бьондо, Сабеллико и Иоганн Авентин (IV)), оказали немалую помощь Италии. Когда при императоре Василии Македонянине на нее напали сарацины близ горы Гаргано в Апулии, они вместе с рагузинцами и другими соседними славянами (как повествует Лудовик Туберон в «Происхождении Рагузы» и Георгий Кедрин в жизнеописании упомянутого императора Василия) пришли с большим флотом в область Абруццо, называемой в те времена страной Тети (Thieti), и, явив свою исконную доблесть, изгнав сарацин из Италии, перебив немалое их число, чем заслужили себе вечную славу. Однако оставим пока этих славян до дальнейшего повествования и вернемся к рассказу о тех, что проникли в Верхнюю Паннонию и Нижнюю Баварию. Они заняли Штирию, Каринтию, Крайну (Carnioli) и многие другие соседние с ними земли и весьма прославили свое имя. Как пишет Авентин (III), при императоре Анастасии Дикоре примерно в 580 году они под предводительством Гифалона (Gifalone) проникли в Нижнюю Баварию, где находится город и горы, называемые венедскими от префектуры славян венедов, и, перейдя Истр выше места впадения реки Изар, взяли приступом города Пизониум (ныне, согласно Вольфгангу Лациусу, Позония), Августу Аци- лию и Моцению (Macelia) (ныне, согласно Абрахаму Ортелию, Монциг (Montzing)), который лежит на берегу Дуная с правой стороны. Захватили они и Старые Лагеря, город в 15 милях к востоку от Регенсбурга, называемый ныне Пфер (Pfer), и Летние Лагеря. Вместе с

баварами они разгромили римское войско так называемых рипариев, поставленных охранять Дунай. Осадив Регенсбург, они вскоре овладели и им, поскольку славяне, искусные лучники и метатели дротиков, посылали такое множество стрел, что совершенно очистили стены от защищавших их воинов. Затем упомянутый Авентин пишет: «Римляне после многочисленных поражений от баварского короля Теодона и славян, отчаявшись удержать за собой Мезии, Пан- нонии и остальную часть Норика, оставили их и бежали в Италию примерно в 515 году. В это время славяне, называющие себя ныне хорутанами (Charioni), заняли ту часть Норика, что лежит среди горы Тавр, обращена на восток и ограничена реками Мура, или Мурава, Драва и Сава вплоть до территории Аквилеи, и владеют ей до сих пор, назвавшись по имени занятой местности карантанцами, или каринтийцами. Прославившись многими победами над различными народами, они примерно в 593 году были призваны королем лангобардов Агилульфом, который в ту пору вел войну в Италии и безуспешно осаждал город Падую. Не в силах взять город, он, как пишет Лучо Фауно (VI), обратился за помощью к славянам и с их помощью сумел его наконец захватить. Затем, двинувшись с упомянутыми славянами, на Рим, он через год овладел и им. Через 10 лет упомянутый король Агилульф, поссорившись с римлянами из-за происков одной из своих дочерей, выступил из Милана и обратился за помощью к аварскому князю- кагану (Re Сасапо), который послал ему немалое число славян (как пишет Павел Диакон в «Истории лангобардов» (III, 29)). С эти войском он захватил город Кремону и 21 августа 603 года сровнял его с землей. Поскольку на обратном пути домой славяне совершали грабительские набеги на земли короля франков и германцев Хильдеберта, последний послал против них с сильным войском Тассилона (Tessalone), государя баваров, которые с востока граничили с упомянутыми славянами. В завязавшемся сражении он одержал победу и подчинил их Хильдеберту. Однако, как только Тассилон вернулся домой, они подняли восстание. По этой причине две тысячи баваров вторглись в славянские земли. Славяне вместе со своим королем Каганом, окружив баваров, изрубили их мечами, не оставив никого, как пишет Авентин (III), кто мог бы принести об этом известие домой. Вторгшись после этого в Баварию, они разграбили ее, разгромив войско выступившего им навстречу Гарибальда, сына Тассилона. Перебив римских солдат, они вторглись в Истрию, которую (как пишет Фауно (VIII)) и прежде неоднократно предавали разграблению во времена императора Феодосия. И в 617 году славяне, не в силах больше терпеть наглость аваров, выступили против них и, вступив с ними в сражение, одолели (как можно прочесть у Аймоина Монаха в «Истории франков» (IV, 9)). В этом сражении некто по имени Само выказал, среди прочих, такую доблесть, что славяне избрали его королем, и в этом достоинстве он пребывал тридцать шесть лет, проявляя немалую смелость и рассудительность во всех почти неисчислимых войнах и походах, которые он предпринимал против упомянутых аваров, всегда (как пишет Аймоин) выходя из них победителем. У него было двенадцать жен славянок, которые родили ему такое же число сыновей и пятнадцать дочерей. Было у него и несколько кровавых стычек с франкским королем Дагобертом, которому он нанес несколько поражений, сразив (как пишет Карл Вагрийский в «Истории венедов» (VII)) многих доблестных военачальников и перебив несколько тысяч франков. Однажды франки, возвращавшиеся из Нового Рима (Neoroma) со своими товарами, были посреди дороги дочиста ограблены славянами, предавшими смерти тех, кто оказал сопротивление. Дагоберт, узнав об этом, отправил к королю Само посла по имени Сихарий, прося восстановить справедливость. Посол, видя, что король Само не допускает его до себя, переоделся в славянское платье, дабы не быть им узнанным, и в таком виде в один из дней предстал перед ним. Изложив то, что ему поручил передать его государь, он добавил, что Само не должен пренебрегать франками, памятуя о том, что он со своим народом является подданным франкского королевства. Само, разгневанный этими словами, ответил, что он со своим народом был бы предан франкам, если бы Дагоберт со своими подданными не нарушал дружбы со славянами. Сихарий ответил, что невозможно слугам Христовым быть в союзе или дружбе с псами. Тогда Само сказал так: «Вы, конечно, объявляете себя слугами Христовыми, мы же его псы. За ваши нечестивые поступки, которые вы совершаете против его воли, мы имеем право мстить вам укусами». Сказав это, он повелел немедленно

прогнать его прочь. Дагоберт был этим весьма обижен, посему, с отборным войском выступил против славян. Как пишет Аймоин (IV, 23), славяне разбили это отборное франкское войско, взяв множество пленных. И вскоре после этого они пришли на помощь своим славянам, что были осаждены франками в крепости Вогастро (Vogastro). Напав с тыла на врага, они обратили его в бегство, перебив многих и захватив обоз и лагерь. Воодушевленные этой победой, славяне в большом числе вторглись в Тюрингию и другие близлежащие области франкского королевства, так что воевода Дрван (Deruano), правивший этими славянскими городами, до той поры хранившими верность франкам, видя такие успехи славян, наносивших одно за другим поражения франкам, восстал и примкнул к ним. Славяне, предавая в течение некоторого времени опустошению франкское королевство, обратились в сторону Италии и, вторгшись в нее в 640–м, или, согласно Барди, 650 году, нанесли ей большой ущерб, но, будучи побеждены Гримоальдом, вернулись домой. Но и там они не долго пребывали в покое и вновь начали войну с Дагобертом. Последний, сразившись с Амором, правившим дунайскими славянами после Кубокара, в первый раз вышел победителем, но в повторной схватке потерпел поражение, как пишет Карл Вагрийский (VII). Славяне, подданные Само, видя это, выступили против франков и жестоко разграбили их земли. Тогда Дагоберт решил отомстить славянам за все причиненные обиды и, собрав лучших воинов, бывших в его королевстве, выступил против них. По пути к нему прибыли саксонские послы, принесшие клятвы и предложившие помощь в надлежащем отмщении славянам, при условии, однако, освобождения их от дани в размере пятисот коров, которую они ежегодно платили тем королям со времен франкского короля Хлотаря I.

Дагоберт согласился на эти условия и освободил их от упомянутой дани, но никакой пользы от этого не имел. Как пишет Аймоин (IV, 26), в следующем году, одиннадцатом году правления Дагоберта, славяне вторглись в Тюрингию и разорили всю эту область. Посему Дагоберт был вынужден поставить королем Австразии (Austria) своего сына Сигиберта, дабы тот оберегал упомянутые пределы от славян. Последние, однако, не переставали разорять франкские земли, так что Дагоберт, почти отчаявшись, собрал три войска, каждое по пятьдесят тысяч, и послал их против славян короля Само. В сражении у Агунтума (Agunto) Само потерпел поражение благодаря превосходству неприятеля скорее в численности, чем в доблести. Тогда же эти славяне были обращены в веру Христову. В то время святой Ко- лумбан отправился проповедовать им Евангелие. После смерти Само его преемником стал Борут (Boruth), или, как его называет Вольфганг Лациус (VI), Борух (Boruch), который, по словам Лациуса, был первым королем каринтийских славян, который получил святое крещение от рук блаженного Доминика (Doningo), ученика святого Руперта, епископа ювавского (Iuuaniense) и просветителя карнов. В залог верности он передал королю Дагоберту своего сына по имени Горазд (Carasto) и племянника Хотимира (Chitomir). После этого он сразился с гуннами, разорявшими его земли, наголову разбил их и уничтожил. После смерти Борута славянами Карин- тии, или Норика, правили упомянутый Хотимир и, согласно Лациусу, Горазд. В это время ученый муж Майоран проповедовал и наставлял этот народ в Христовой вере. Славянские вельможи восстали против своего государя Хотимира за то, что он, отринув старую веру, которой издавна придерживались их предки, обратился к новой. Тогда баварский государь Тас- силон II пришел на помощь Хотимиру и заставил его подданных подчиниться своему господину. После его смерти славянские вельможи оставили христианскую веру и изгнали священнослужителей в Баварию. Вторгшись во Фриули, они сразились с герцогом Фердульфом, который пал в битве вместе с множеством своих подданных, как пишет Павел Диакон (III, 23). По его словам, в той битве пал герцог Фердульф и его наместник Аргаит, который подтолкнул его к этой битве. Так из-за вспыльчивости и опрометчивости упомянутых Фердульфа и Аргаита погибло такое множество сильных и храбрых мужей, какое при мудром и осмотрительном руководстве могло бы сразить не одну тысячу врагов. Когда герцогом Фриули был Пеммо (Penmone), отец Ратхо и Ратхи, славяне вынудили его заключить с ними унизительный для него мир. Когда власть перешла к Ратхо, тот неосмотрительно разорвал его и совершил опустошительное вторжение в Крайну (Carniola), отчизну

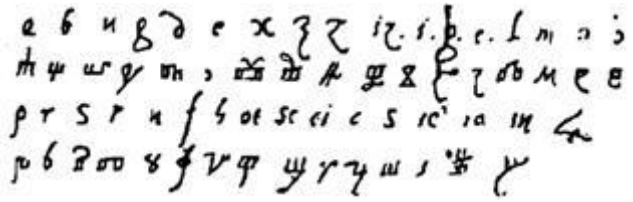
славян; за что получил заслуженное возмездие: славяне, вооружившись, вторглись в его владения и предали их свирепому разорению, как пишет Диакон (глава 52). Диакон, по какому бы поводу не писал о славянах, похоже, не испытывает к ним большой любви, всячески принижая их силу и доблесть. Причина этого кроется в том, что славяне, как пишет Бьондо в 10–й книге I декады, многократно воевали с лангобардами, сородичами упомянутого Диакона. Итак, когда славяне, как мы сказали, оставили христианскую веру, Тассилон, усилив войско, вновь вторгся в их земли и в результате нескольких стычек победил их, поставив над ними герцога по имени Вальдунг. Гемон с Региноальдом, Майораном, Готарием, Эрхинобертом, Регинардом, Августином и Гюнтером проповедовали им Слово Божье, которое вельможи, бывшие всадниками, яростно ненавидели. Однако преемник Вальдунга Ингон привлек их к христианской вере при помощи хитрости, устроив пир по совету Арна, зальцбургского епископа. Вальдунг, которого Сигиберт из Жамблу называет Ингон, не в силах обратить в христианство вельмож подобно тому, как он сделал это с крестьянами, созвал однажды всех своих подданных на пир, на котором господ усадил отдельно от простолюдинов. Последних он посадил за свой стол, и им со всеми почестями подносили яства на золотой и серебряной посуде; благородным же, сидевшим далеко от него, подавали на глиняной. На вопрос о причине Вальдунг ответил, что велел обслуживать столы сообразно качеству людей, поскольку крестьяне, будучи христианами, очищенными непорочной кровью Христа, имели души незапятнанные и чистые, благородные же, будучи идолопоклонниками, имели души запятнанные и грязные. Все это так подействовало на славянскую знать, что они все сделались христианами. И отсюда пошла известная торжественная церемония избрания герцога Каринтии. Церемония эта, будучи весьма необычной и непохожей на другие, заслуживает (для развлечения читателя), чтобы мы ее по возможности кратко описали, опустив некоторые подробности. Недалеко от крепости святого Вита в довольно широкой долине до сей поры видны развалины города, столь древнего, что и имени его никто не помнит. Рядом с ним на широком лугу находится довольно высокая мраморная глыба. На этой глыбе при коронации нового государя восседает крестьянин, которому принадлежит право совершения этой церемонии, так как он происходит из рода, издавна почитавшегося первейшим. Правой рукой он держит черную корову, а левой худую и неказистую кобылу. Вокруг упомянутого камня стоят толпы народа, в основном крестьяне, и ждут нового господина, который появляется на краю луга в сопровождении торжественной свиты знати и вельмож в богатых одеждах. Впереди всех выступает граф Гориции, май- ордом государя, который среди двенадцати малых хоругвей несет великую хоругвь эрцгерцога. За государем следуют магистраты и министры, как и все, в самом торжественном одеянии, которое только может быть. Среди всех один лишь государь одет по–простому, в незамысловатую и грубую крестьянскую одежду. Так он подходит к камню. Мужлан же, сидящий на камне, при его приближении начинает восклицать по–славянски: «Кто это, кто идет с таким почетом?» Стоящий же вокруг народ ему отвечает: «Это наш новый государь, идущий принять власть». Тогда мужлан опять вопрошает: «Праведный ли он судья? Радеет ли за отчизну? Свободен ли он? Достоин ли почета? Истинный ли христианин? Защитник ли и умножатель святой веры?» И на каждый из вопросов толпа отвечает: «Да, да, таков, будет…» В конце концов мужлан вопрошает: «По какому праву хочет он согнать меня с этого престола?» Тогда граф Гориции отвечает ему: «За семьдесят денариев покупает он у тебя это место. Эта скотина, то есть кобыла и корова, будут твоими. Будешь иметь одеяния, которые носит господин, будешь свободен ты и дом твой, не платя ему никакой подати». Тогда мужлан, слегка ударив государя по лицу рукой и приговаривая: «Будь правым судьей, то есть суди по справедливости», спускается с камня с кобылой и коровой, оставляя место свободным. После этого государь поднимается на камень, вынимает меч и потрясает им с суровым видом, обращаясь поочередно на все [четыре] стороны, давая этим, похоже, обет быть праведным судьей. Затем, велев принести ему воды, из мужицкой шапки выпивает ее перед всеми, верно в знак трезвости и безразличия к суетным изысканным яствам, столь ценимыми многими. Спустившись с камня, он со всей свитой идет в близлежащий храм и, отстояв службу, исполненную самым торжественным образом, снимает с себя

мужицкую одежду и, отдав ее мужлану с камня, облачается в господское платье. Затем, торжественно отобедав со всей знатью и вельможами, он возвращается на луг, где с приготовленного судейского места вершит суд для тех, кто просит, или по обычаю этой страны дарует имения и феоды по своему усмотрению. Обо всем этом Эней Сильвий, впоследствии папа Пий II, который лично присутствовал на этой церемонии в Каринтии, подробно рассказывает в своей «Европе». Утвердив там свое господство, славяне неоднократно воевали с франками. В 667 году франки с большим войском под началом Андагиза, отца Пипина Младшего, бывшего майордомом франкского короля Теодориха, вступили в сражение со славянами и были разбиты, причем сам Андагиз (как пишет Авентин (IV)) пал на поле брани. Некоторое время спустя славяне, поссорившись с каганом, князем аваров, также народом славянского племени, владевшим Баварией, начали совершать набеги на их владения, так что каган был вынужден их оставить. Посему в 805 году (как пишут Суффрид Мейсенский и аббат Регино во II книге «Хроники») каган прибыл к императору Карлу Великому, прося у него место для жительства между Сабарией (Sabaria) и Карантанией (Carantano), утверждая, что не может больше жить в своих исконных землях из-за постоянных набегов врагов на его страну, из которой в конце концов вместе с гуннами был изгнан славянами. Славяне же под началом Примислава, Чемики (Cemica), Стомира и Оттогера сели по реке Драве, начиная от пределов Баварии. Через некоторое время те славяне, которые жили на Дунае и в Норике, в союзе с бавара- ми напали на Верхнюю Паннонию, ограниченную, согласно римскому описанию, Дунаем, Савой и Дравой, а также вторглись в Дакию, лежащую на другом берегу Дуная, где разгромили и уничтожили остатки аваров и гуннов. Покорив все земли вплоть до устья Савы, они вывели туда колонии баваров и славян, как пишет Авентин (IV), который при этом отмечает, что почти в то же время константинопольский император Никифор отправил послами к Карлу Великому Петра Епископа и Калиста. После заключения мира между двумя упомянутыми государями было решено, что Карл владеет Паннониями, Дакией, Истрией, Либурнией и Далмацией, за исключением некоторых приморских городов, оставшихся за Никифором. Немного позже далматы, ненавидя греков за их ничтожество, послали к Карлу задарского градоначальника Павла и епископа этого же города Доната с дарами, перейдя в подданство франкской короны. Никифор, видя, что Далмация восстала против него, разорвал мир с Карлом и послал в Далмацию флот под началом патрикия Никиты, который, едва прибыв на место, вернул обратно все, что принадлежало грекам в Далмации, и даже с лихвой. Однако после смерти Карла и Никифора, а именно в 818 году, сын Карла Людовик Благочестивый поделил Далмацию с константинопольским императором Львом. В это время Людевит Славянин, государь Нижней Паннонии, именуемой ныне Позега (Possega), поднял восстание против императора Людовика, поскольку последний отказал ему в выплате жалованья. Он возбудил великую смуту в Восточной Баварии, привлек на свою сторону болгар, карнов и часть хорутан (Carioni) и захватил большую часть Верхней Паннонии. Эти обстоятельства вынудили Людовика созвать собор в Ахене, на котором среди прочего было решено отправить итальянское войско в Паннонию против Людевита. В состоявшемся сражении Людевит одержал победу и, как пишет Аймоин (II, CVI), еще больше возгордился. Тем не менее он отправил посольство к императору с просьбой о заключении мира при некоторых договоренностях и условиях. В случае соблюдения последних он обещал выполнять все повеления императора. Тот не согласился на предложение Людевита и отправил своих послов с другими соглашениями и условиями. Людевит от них отказался и, решив продолжать войну, послал поднимать восстание среди соседних народов, привлекая их на свою сторону. Тимочане (Tunuciani), народ, согласно Абрахаму Ортелию, живущий по соседству с болгарами, восстав против болгар, хотели перейти на сторону императора. Однако Людевит сумел повести дело так, что в конце концов убедил их оставить императора и примкнуть к нему. Когда войско императора возвращалось из Паннонии, фриулийский герцог Кадолай (Cadaloch), герцог Фриули, скончался от лихорадки, и его место занял Бальдерих (Balderich). Когда он вступил в область карантанцев, которые держались его власти, войско Людевита вышло ему навстречу, однако Бальдерих, напав на него на реке Драве, обратил в бегство. Борна, герцог Далмации, собрав

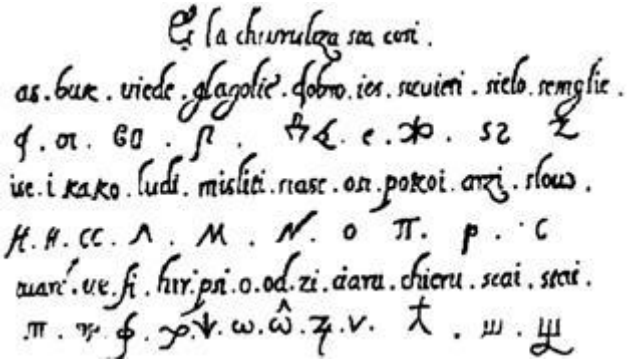
сильное войско, напал на Людевита у реки Колапий, называемой славянами (по словам Лациуса) Купой. В начале битвы Борну покинули гудусканы (Guduscani), народ, также живущий по соседству с болгарами, однако с помощью с своих телохранителей–преторианцев он сумел избежать плена. В этом бою пал Драгомуж (Dragomus), тесть Людевита, который с самого начала восстания Людевита оставил зятя и примкнул к Борне. Гудусканы, вернувшись домой, были вновь покорены Борной. Людевит же, воспользовавшись этим случаем, вторгся в Далмацию с сильным войском и предал все огню и мечу. Борна, видя, что не может сразиться с ним на равных, спрятал все свое имущество в крепостях и с небольшим отрядом самых смелых своих воинов начал изматывать войско Людевита, нападая на фланги и арьергард. Перебив таким образом три тысячи воинов неприятеля и отняв триста верблюдов (camelli), он вынудил его покинуть свою страну. В январе Людовик собрал новый собор в Ахене, на котором было решено снарядить три войска в трех местах и отправить их одновременно разорять страну Людевита, дабы усмирить его дерзость. Одно из них вторглось через Норикские Альпы, второе через область карантанцев, а третье через Баварию и Верхнюю Паннонию. Два из этих войск, то есть правое и левое, совершили вторжение несколько позже, столкнувшись с неприятелем при переходе Альп. Среднему войску, проходившему через Каринтию, повезло больше: трижды одержав победу над врагом и переправившись через Драву, оно дошло до назначенного места. Людевит при этом не предпринял никаких приготовлений и не пытался искать мира с противником. Поэтому три войска, соединившись, предали страну Людевита огню и мечу. Однако в том войске, что прошло через Верхнюю Паннонию, при переправе через Драву начались болезни из-за тлетворности воздуха, и умерло немало человек. Эти три войска были набраны в Саксонии, Восточной Франкии, Алемании, Баварии и Италии. После их возвращения домой карны (Carniolani), которые жили по реке Саве по соседству с фриульцами, передались Бальдериху. То же самое сделала та часть каран- танцев (Carentani), что прежде приняла сторону Людевита. Последний, видя выступление из Италии в Паннонию сильного войска, оставил город Шиша (Sciscia) и ушел к далматским сербам. Живя там, он, узнав, что один их тамошних государей собирается его предать, однажды убил его и овладел его городом. Затем он дал знать императору, что желает побеседовать с ним в надежном месте. Когда ему в этом было отказано, он переехал к Ладе Славянину, дяде Борны по материнской линии, который после смерти упомянутого Борны был поставлен императором Людовиком управлять Далмацией. Прожив там некоторое время, Людевит был предательски убит упомянутым Ладой. Таков был конец знаменитого Людевита. Войны, которые он вел, и походы, предпринятые против разных народов, описаны (как говорит Авентин) в пергаментной книге, хранящейся в Ильммюнстере (Monasterio de'Monaci posto all'Ilmo), где описаны и другие войны славян. Последние во времена франкского короля Арнульфа, мстя за обиды, учиненные франками, вторглись в их королевство и жестоко разорили некоторые провинции, так что Арнульфу пришлось выступить против них лично. Однако его войско было разбито и понесло большие потери, как повествует Регино (II). Он пишет: «Когда Арнульфу, императору и королю франков, находившемуся в пределах баварцев в 891 году с целью подавить нападения славян, сообщили, что неприятель истребил множество его воинов и одержал победу, тот, скорбя по причине гибели своих подданных, со многими вздохами стал причитать, долго перечисляя триумфы и победы, которые франки всегда одерживали над врагами, стяжав себе славу почти непобедимых, а теперь впервые бежали перед врагами славянами. Последние, двигаясь далее, заняли страну, которая от реки Марахава (Marahaua), получила название Маравания, а затем Моравия (как пишет Беат Ренан в «Германии» (I)), и, изгнав оттуда остатки маркоманов, поселились в тех местах, значительно расширив свои владения, поскольку, как пишет Франциск Ireникус (XII), королевство славян моравов включало в себя Венгрию, Чехию и Русь и было таковым до предпоследнего моравского короля Святокопия (Suatocopio), о котором Пьерфранческо Джамбулари (I) пишет так: «Где он имел мир и покой на Руси, в Польше, Моравии и Чехии, странах, по природе склонных к войнам и обильных отчаянными воинами, способными на любые, самые великие дела». Эти моравские славяне, как пишет Вольфганг Лациус (IX), много воевали с франками, немцами и саксами. Доставили они немало хлопот и

печенегам (Pazinaci), ныне татарам (как пишет Регино (II)). Марцин Кромер и Ян Дубравий дали пространное описание этого королевства, которое просуществовало до 991 года, когда после смерти короля Всеволода (Sueulado) оно было захвачено венграми, поляками и в большей части чехами. Моравия стала христианской, по мнению Венцеслава Богемского, при Святополке (Suatoplugo), который правил моравами, имея престол в Велеграде. Он принял христианство со своим народом от Кирилла Философа, которого прежде звали Константином. Поскольку он является просветителем болгар, рашан и других славян Далмации и Моравии, мне представляется необходимым вкратце описать его жизнь, ссылаясь на Диоклейца, Яна Дубравия и Августина Моравия в его жизнеописаниях оломоуцких епископов.

Кирилл был родом грек и родился в Фессалониках, ныне Салоники. Отцом его был патрикий Лев. Сначала его звали Константин Философ. В 887 году был назначен управлять Велеградской церковью римским папой Адрианом III. Он был первым архиепископом Моравии, наставив прежде в христианском вероучении болгар, сербов, далматского короля Святополка (Suetopelech) и после них моравского короля Святополка (Suatoplugo) со всем его народом, границы которого проходили по рекам Висла, Дунай и Ваг. После пяти лет управления Моравской Церковью он отказался от этой должности и с согласия Стефана, преемника папы Адриана, поставил вместо себя своего брата Мефодия, с которым дурно обошелся король Святополк (Suatoplugo) Младший. Отправившись однажды на охоту, он велел архиепископу Мефодию не начинать мессу до его возвращения. Мефодий подождал до полудня, однако, опасаясь глумления над священной жертвой и видя, что народ, собравшийся в большом числе, уже начинал выходить из церкви, не стал больше ждать и, ослушавшись повеления короля, начал отправлять мессу. Когда он стоял у алтаря, явился король в окружении толпы охотников и своры собак и, стремительно войдя в церковь, среди гама и собачьего лая схватился за оружие. С трудом удержавшись, чтобы не нанести ранение архиепископу, он сбросил наземь все, что было на алтаре. Уйдя оттуда, Мефодий незамедлительно отправился в Чехию и отлучил от церкви короля, наложив интердикт на все его королевство. В Чехии он пробыл недолго и отправился в Рим, где встретил своего брата Кирилла. Вскоре он вновь был призван в Моравию, однако, видя, что король, человек надменный и исполненный злодейства, все равно проявлял свирепость по отношению к священнослужителям, не смог вынести потери и разорения своего стада. Посему он вновь вернулся в Рим, где и скончался в 907 году. Он был погребен в церкви Святого Клемента, святые мощи которого его брат Кирилл привез с Таврического полуострова, называемого ныне Малой Татарией. Как рассказывают Ян Дубравий и Эней Сильвий, славяне, которые были обращены Кириллом в Христову веру и для которых он перевел на их славянский язык Старый и Новый Заветы, пожелали, чтобы месса и богослужение велись на их собственном языке. Обратившись в связи с этим за разрешением к римскому папе, он поставил этот вопрос на обсуждение в консистории, где поначалу было некоторое противоречие, но вдруг раздался голос, произнесший: «Да всякий дух славит Господа, и всякий язык Его исповедует». И тогда папа немедленно разрешил то, о чем просили славяне, священнослужители которых, особенно либурнийских славян, подчиненных норицкому эрцгерцогу, и сегодня справляют мессу и другие службы на своем родном языке, вовсе не зная латыни. Более того, сами норицкие государи, как пишет Авентин (IV), использовали славянское письмо для общественных надписей, как можно убедиться в церкви Святого Стефана в Вене. Славяне имеют два вида букв, чего нет ни у греков, ни у латинян. Один вид был найден Кириллом и называется кириллицей (Chiuriliza), другой — блаженным Иеронимом, и он называется буквицей (Buchuiza). Выглядит буквица так:



Кириллица же выглядит так:



Два этих вида письма были найдены (как мы сказали) Блаженным Иеронимом и Кириллом, о чем осталась непреходящая память у славян, в особенности у чехов и поляков. Оба этих королевства произошли от этого славянского племени, которое, овладев Иллирией, вывело свои колонии дальше на север, то есть в Чехию и Польшу. Случилось это так (как пишет Ян Дубравий (I)). Хорват по имени Чех, благородный и весьма уважаемый муж, случайно или умышленно убил одного из своих, мужа также уважаемого. Будучи в этом осужден и вызван в суд, он не захотел явиться в суд, за что его противники подвергали его ежедневным преследованиям. Посему большая часть Хорватии взялась за оружие, чтобы защитить и поддержать свои законы вопреки упорству Чеха. Последний, видя народную ярость, не стал ждать неприятностей и по совету друзей заблаговременно уехал, решив искать взамен отчего дома — новый, который мог бы стать ему надежным убежищем и удобным местожительством. Вместе с ним ушел его брат Лях (Lecho) со своими родственниками, друзьями, слугами и большим числом прочего народа. Отправились они тем путем, что ведет через Валерию, расположенную между Дунаем и Савой, которая в те времена находилась во власти хорватов, в Верхнюю Паннонию, рядом с моравами. Направившись в Моравию и обнаружив, что она, равно как и большая часть Саксонии, находилась во власти славян, они осели там на некоторое время. Моравы же, узнав о причине их скитаний, научили их, как поступить. Они рассказали им, что недалеко оттуда лежит страна, называемая германцами Богемия, где упомянутые германцы одно время жили, но теперь она ими оставлена и обезлюдела, за исключением небольшого числа вандалов, их соплеменников, которые живут там порознь в своих лачугах. Эта страна, по их словам, могла бы подойти им для жительства. Чех охотно принял это предложение, тем более что находился в таком положении, что выбирать не приходилось. Вновь отправившись в путь, он мирно, никого не обижая, прошел через хребет Герцинских гор и спустился в Богемию. И, куда бы он ни шел, убеждался он в справедливости того, что ему было сказано: что Богемия невозделана, пустынна, и хозяйничают в ней скорее стада овец и коров, чем люди, которых по сравнению с изобилием скота было крайне мало. Те люди, что им встречались, были просты, носили длинные волосы и занимались пастушеством. Поначалу, увидев людей Чеха, они испугались, но, узнав, что те одного с ними племени и пришли как друзья, стали их приветствовать, открыв свои объятия, и принесли им подарки, которые у них принято приносить друзьям, а именно молоко, сыр и мясо. Дали они им и проводника, чтобы тот провел их в Нижнюю Богемию. Дойдя до горы, возвышающейся между Эльбой и Влтавой, которую местные жители называют Ржип (Rzip), что означает «вид», так как оттуда открывается вид на обширные окрестности, Чех поднялся на упомянутую гору и, глядя вокруг и восхищаясь небом и здоровым воздухом, плодородной почвой, лесами и рощами, весьма пригодными для выпаса, прозрачными потоками и реками, изобилующими рыбом, не смог сдержать охватившую его радость, воздел руки к небу и стал благодарить богов за оказанную ему милость. После этого он заклал заранее приготовленные жертвы, которые у этого народа было принято делать богам, и, спустившись с горы, поделился своей радостью со своими, сказав им о том, что настал конец их долгим и туманным скитаниям, и приказав строить там дома и возделывать поля, дабы не быть

вынуждены жить только плодами охоты и питаться лишь мясом наподобие зверей. Хорваты же были искусны как в строительстве домов, так и в возделывании полей, поэтому каждый из них с радостью дал такой обет. Он же не уставал воодушевлять и побуждать их к этому. Когда же число жителей тех мест значительно умножилось из-за наплыва как вандалов, так и далматов, которые стекались в Богемию как в место удаленное, где не было волнений и постоянных войн, Лях, также желая стать основателем нового народа и нового королевства, пришел к своему брату Чеху с просьбой отпустить его со всеми, кто пожелает за ним следовать, на поиски новых земель и места для жительства. Если же они их не найдут, то обещал вернуться к нему обратно. Легко получив на это согласие своего брата, он перешел через горы на север и пришел в те земли, которыми ныне владеют частью силезцы, частью поляки. Преуспев не хуже своего брата Чеха в своих намерениях, он населил те земли новыми жителями, обращаясь с ними со всей возможной скромностью, не выказывая ни заносчивости, ни высокомерия, как поступал и его брат Чех. По этой причине и тот, и другой были увековечены своим народом, поскольку до сего времени, помня о своем происхождении, богемы от Чеха называют себя чехами, а поляки от Ляха — ляхами. Эти народы имели своих знаменитых писателей, среди которых Венцеслав Богемский, Матвей Меховский, Ян Дубравий и Марцин Кромер и многие другие, кто пространно описал войны и триумфы чехов и поляков. Те, кто желает узнать историю этих королевств, могут обратиться к трудам упомянутых авторов. Я же вместе с ученейшим Джамбулари лишь повторю, что Чехия и Польша всегда были по природе склонны к войнам и имели в изобилии отчаянных воинов, способных на самые великие дела. Чехи не раз доказывали это, доставляя немало хлопот не только соседним, но и весьма далеким от них государям. Паоло Эмилио, повествуя в III книге о войнах императора Карла Толстого, пишет: «Карл сын начал этот поход в пользу гуннов с тем же рвением, с каким прежде с ними враждовал, но обманулся в своих ожиданиях, так как обнаружил в чехах отменную доблесть, дух не разбойников, а истинных и непримиримых врагов. И эта война франков с чехами, смирившими ярость гуннов, была более рискованной и опасной, чем прежняя между франками и гуннами». Самым знаменитым и самым пресловутым королем Чехии был король Оттокар V. Как пишет Яков Вимп- фелинг в своей «Эпитоме Германии», он был от природы расположен к постоянной вражде, был мужем великого духа, устремленным на трудные и славные свершения. Он распространил свои владения от Балтийского моря до Дуная и Адриатического моря. Назарий Мамертин пишет, что чехи всегда были отменными лучниками, и Гельмольд Пресвитер в 5–й главе своей «Славянской хроники» называет их воинственным народом. Да что говорить о мужчинах, если женщины и девушки в этих краях были также прирожденными воительницами. Как пишет Пий II в своей «Чешской истории», они были обучены ездить верхом, управлять конем на скаку, пускать его по кругу, обращаться с копьем, носить панцирь, лук и стрелы, стрелять из лука и метать дротики, ходить на охоту — одним словом, всему, что положено делать доброму воину или всаднику. Это послужило причиной того, что некогда они овладели этим королевством, как пишут Аббат Регино (II), Пий II и Ян Дубравий). Власка (Valascha), девушка Любуши (Libussa), жены чешского короля Пржемислава, почти как новая амазонка Пентеси- лея, избегая с подругами сожительства с мужчинами, истребила всех мужчин в своей стране и в течение семи лет правила в Чехии, и в один день убила семерых врагов. Она была женщиной мудрой и осторожной: там, где нельзя было взять силой, она применяла коварство, обучив этому искусству и своих подруг, и в особенности Сарку, женщину весьма пригожую, но еще более хитрую и жестокую. Последняя, дабы предать смерти юного и исполненного сил Стирада, который больше других преследовал этих чешек, применила такую предательскую хитрость. Она велела привязать себя к дереву за руки и за ноги, положив рядом охотничий рог и сосуд с колдовским зельем, которое отнимало разум у всякого, кто его пил. Подругам же своим повелела затаиться неподалеку. Когда женщины ушли, появился Стирад, который, охотясь в тех местах, набрел на место, где была привязана Сарка. Увидев ее привязанной, он проникся жалостью и спросил, по какой причине ее приговорили к такой казни. Смышленая девица ответила: «Так велела Власка. Я раскаялась в преступлениях, совершенных против мужчин, и решила покончить с этой жизнью и уйти от нее. Когда

Власка услышала об этом, она приказала привязать меня, чтобы предать мучительной смерти. Молю тебя, взываю к твоей милости, освободи меня или же сам убей, чтобы я больше не попала к ней в руки». Стирад, влекомый состраданием и покоренный ее красотой, развязал ее и спросил о сосуде и роге. Она ответила, что зелье было приготовлено, чтобы продлить ее жизнь и муки, а рог ей хотели повесить на шею в знак того, что она была охотницей. Сказав это, она отпила зелья, которое ей не могло причинить вреда, и подала его Стираду. Стирад лишился рассудка, а она, приложив рог к устам, сказав, что хочет протрубить в него назло врагам, издала звук, наполнивший воздух и лес. Власка, услышав сигнал, выскочила из засады и схватив несчастного юношу, связала его. Приведя его в твердыню Вышеграда, они предали его смерти на глазах короля Пржемислава и всего народа. Об этом восстании чешских женщин рассказывает Пий II в своей «Чешской истории». Ян Дубравий (II) пишет: «И если кто подумает, что война, которую вели женщины в Чехии против мужчин, есть сказка, то пусть знает, что древнейшим обычаем в Сарматии было, чтобы женщины сражались с мужчинами. Согласно Помпонию Меле, обязанностью сарматских отроковиц было стрелять из лука, ездить верхом и ходить на охоту, девушки же должны были сражать врага, и, если они не справлялись с этим, наказанием для них было лишение девственности». Подобную мужественность духа проявила и Матильда, которая, как пишет Пий II, была чешкой по крови. Она даровала Римской Церкви все земли от сиенского замка Радикофани до Чепарано, которые ныне называются Патримонием святого Петра. Будучи женой благородного графа, она родила ему сына, который прожил недолго. Из⍰за страданий, испытанных во время родов, она решила больше не знать мужа. Возмущенный муж пошел войной на жену, которая во главе большого войска отважно сразилась с ним и обратила в бегство. Побежденному же приказала отрубить голову и никогда более не выходила замуж. Алессандро Дуранте, оправдывая этот поступок Матильды, во II книге пишет: «Два обстоятельства могут оправдать этот столь жестокий поступок Матильды: во–первых, великое безрассудство ее супруга, во–вторых, ее происхождение из воинственного и жестокого чешского племени». Да и поляки ни в чем не уступали чехам ни в доблести, ни в славе. Обойдя молчанием все их неисчислимые триумфы, упомяну лишь о польском короле Сигизмунде, который неоднократно одерживал победы вплоть до полного истребления над огромными полчищами, предводимыми Тамерланом и Батыем, как сообщают Винсент из Бове, Фома Сплитский и Меховский; а народ этот был некогда разрушением человеческого рода. Он сокрушил мощное войско князя Московии, уничтожив восемьдесят тысяч воинов, и одержал победу над надменными ливонскими и померанскими государями, заставив их в последующие годы платить себе дань. Из⍰за него же валахи и турки, рассчитывая на помощь которых валахи и осмелились объявить войну полякам, были вынуждены покинуть польские пределы, потеряв большую часть своих сил. Более того, вторгшись в Валахию, он предал там все огню и мечу. К достоинствам этого великого государя следует добавить и выдающуюся боевую доблесть поляков, которые (в соответствии с древней доблестью их предков славян) предпочитают кровавую смерть постыдному бегству. Став из⍰за непрерывных войн жестокими и свирепыми, они очень поздно обратились в христианство, упорствуя в поклонении некоторым своим особым идолам, а именно Юпитеру, Марсу, Плутону, Церере, Венере и Диане. Юпитер на их языке именовался Иеша (Iesse), и они считали его всемогущим. Марс у них был Ляда (Leda), предводитель в войнах и даритель побед. Плутона называли Ныа (Nya), прося у него после смерти лучшего места в его царстве. Венеру они называли Дхыдзилеля (Dzidzilia) и обращались к ней с просьбами о зачатии, сладострастии и многочисленном потомстве. Диане они дали имя Дзевана (Zievana), или Дзевония (Zievonia), и молили ее о воздержанности и удачной охоте. Цереру они именовали Мар- жыана (Marzana), прося ее о плодородии полей и деревьев. Они поклонялись ветру, который мчался со свистом над хлебными колосьями и кронами деревьев, называя его Погода (Dogoda), или Похвист (Pochvist). Марцин Кромер истолковал Погода (Pogoda) как «ясно», Похвист, или Похвишел (Pochuiscel), по словам Меховского, у мазовшан означало «разряжение воздуха». Поклонялись они и Ладе (Lada), матери Кастора и Поллукса. Память об этом дожила до времени Меховского, который говорит, что, когда пели старинные

песни, то припевали: «Лада, Лада, Илели, Илели, Поле- ли, Полели», называя Кастора Илели, а Поллукса Полели. Ян Длугош пишет, что в его время в Чехии и Польше был обычай, водрузив на циновки истуканы Маржыаны и Дзевонии, торжественно носить их, сопровождая пением скорбных песен, а затем бросать в озеро или реку. Происходило это в четвертое воскресенье Великого поста в память о том дне, то есть 7 марта, когда король Мечислав издал указ об уничтожении идолов. Упомянутым идолам поляки посвящали храмы и особые места, ставили им истуканов и назначали жрецов, учреждали в их честь праздники, предаваясь пляскам, рукоплесканию, песням и различным игрищам. И этот обычай праздников, пишет Длугош, на протяжении нескольких веков после принятия христианства сохранялся в Польше и дожил до его времени, поскольку в те дни, которые мы называем Пятидесятницей, как мужчины, так и женщины, стар и млад, по обычаю сходились вместе для игр и плясок, называя это собрание Stado, что означает «стадо». Русские и литовцы, особенно в городах, и сегодня придерживаются обычая во время танца хлопать в ладоши и петь, припевая именем Ладоны. Чехи, согласно Венцеславу Богемскому и Яну Дубравию, оставили эти заблуждения идолопоклонства и приняли христианство стараниями моравского короля Святополка (Suatoplugo), когда у чехов правил король Боривой со своей женой Людмилой, примерно в 900 году. Однако поляки оставались язычниками несколько дольше, приняв христианство в 965 году трудами своего короля Мечислава. Сделать это его побудили следующие обстоятельства. Став королем Польши после смерти своего отца (по обычаю, которого придерживались и другие язычники), он, имея семь жен, никак не мог произвести на свет сына, который был бы ему преемником и наследником. В те времена было немало поляков, которые, возвращаясь домой из Чехии и Моравии, приносили с собой христианскую веру; помимо этого, было некоторое число христиан и в Польше, часть на службе у государя, часть среди купцов. Кроме этого, были и те, кто в поисках покоя, чтобы предаваться духовным исканиям, вел отшельническую жизнь. Эти люди настойчиво внушали Мечиславу отбросить языческие заблуждения и признать Христа, дарителя детей и всеобщего утешителя. Им удалось уговорить его соединиться истинным законным браком с одной–единственной женщиной христианкой. Посему он послал в Чехию просить руки дочери князя Болеслава, который был тем, кто убил его брата, а теперь почитается за святого. Болеслав не отказал ему в просьбе, лишь бы тот оставил язычество и сделался христианином. Что Мечислав и сделал. Посему в один и тот же день в 965 году он получил в Гнезно святое крещение и женился на девице Дамбровке, издав указ, по которому во всех городах и весях должны были крушить идолов и поголовно креститься. И, пока был жив, прилагал все силы к тому, чтобы вводить и поддерживать в своем королевстве христианскую веру.

Литовцы, также славяне, некогда присоединенные к польскому королевству, еще упорнее, чем поляки, придерживались бессмысленных предрассудков о мнимых богах. Они поклонялись огню, называя его на своем языке Знич (Znicz), и постоянно поддерживали его вечным и негасимым в особых местах и больших городах. Они воздавали божественные почести молниям, называя их на своем языке Перкунами (Percvni). О дровах для священного огня, которому они поклонялись, заблаговременно заботились жрецы, дабы он горел непрерывно. К упомянутым жрецам обращались друзья больных, вопрошая исход болезни, те же, проведя ночь у священного огня, наутро давали им ответ, говоря, что видели в отблеске огня тень больного. Помимо этого, у них были особые рощи и деревья в лесах, которые были посвящены их богам, и никто не смел прикасаться к ним топором. Нарушителей же ждало наказание, ибо разгневавшиеся духи либо предавали его мгновенной смерти, либо наносили увечье в каком- либо члене. Верили они также, что гадюки и прочие змеи несут в себе часть божества, и кормили их как неких домашних богов в каждом доме и в каждой семье, принося им жертвы молоком и курами. И было зловещим признаком и великим горем для всей семьи, если змея погибала или была чем-либо недовольна. Каждый год первого октября после сбора урожая они устраивали торжественное жертвоприношение, сходясь вместе с женами, детьми, и три дня сряду пировали тем, что заклали в жертву богам. Возвращаясь с войны, они в качестве жертвы сжигали на костре часть трофеев и какую-нибудь знатную особу, захваченную в плен на войне. Итак, когда литовцы

пребывали в этом заблуждении, великий князь литовский Ягайло, узнав, что польским королевством правит девица Ядвига, в 1385 году послал двух своих братьев просить ее руки. Посланные, представ перед королевой, обратились к ней с такими словами: «Если Вы, премудрая Дева, достойно носящая столь высокое звание, соизволите взять в мужья нашего государя Ягайло, он дает обет сделаться христианином со всей Литвой, отпустить всех поляков, которые содержатся в неволе, и объединить навечно свои земли с польским королевством. Он обязуется также отвоевать Поморье, Хелм и Силезию, а равно все другие земли, отнятые у польского королевства». Королеве это посольство было не по душе, чего нельзя сказать о прелатах и вельможах. Они видели, что таким образом польское королевство будет лучше защищено от иноземных вторжений; помимо этого, столь великое множество народа следовало освободить от объятий Дьявола и вручить их Христу. Тем не менее решение по этому делу было доверено венгерской королеве, матери Ядвиги. Та ответила, что согласна на то, чтобы вельможи приняли такое решение, которое будет на пользу христианству и польскому королевству. Посему Ягайло прибыл в Краков со своими братьями и большой свитой из литовской знати и, представ перед королевой, поднес ей королевские дары. Произошло это в 1386 году. Вскоре после этого, получив наставление в правилах христианской веры, он принял крещение и был наречен Владиславом. Имена его братьев также были изменены при крещении: Вигунт получил имя Александр, Коригайло Казимир, а Свидригайло Болеслав. В тот же день, когда они были крещены, совершилось бракосочетание с королевой, и к польскому королевству были навечно присоединены земли Литвы, Жемайтии и Руси. После этого Владислав был помазан и коронован польским королем. Было это в 1387 году. Желая обратить в христианство литовцев, он, взяв с собой свою жену королеву, воеводу Мазо- вии и множество епископов и других священнослужителей, отправился в Литву и принялся убеждать народ отказаться от идолопоклонства, гася священный огонь, разрушая до основания храмы и алтари идолов, вырубая под корень рощи, убивая змей, которым он поклонялся. Однако на призыв рубить священные рощи и деревья никто из народа не осмеливался прикоснуться топором к священному древу, пока сам призывавший своим примером не воодушевил их. Устранив все язычество, он наставил народ в правилах веры и слове Господнем, после чего окрестил. И каждому простолюдину, принявшему крещение, благочестивый король щедро дарил новую одежду, сшитую из привезенной из Польши ткани, и этой своей заботой и щедростью он добился того, что этот народ, грубый и бедный, довольствовавшийся до того дня лишь одеждой из льна, узнав о такой щедрости, чтобы получить шерстяную одежду, стекался тысячами со всех концов и крестился. Однако жемайты, хотя вместе с Литвой и были присоединены к польскому королевству, не преклонились под ярмо Христа, а вместе с обдорцами остались приверженными язычеству. Обе эти области (согласно тому, что пишут Петр Крусбер (II) и Карл Ваг- рийский (VII) «[Истории] венедов») населены славянами, воинственными и сверх меры свирепыми; что они доказывали не раз в войнах, которые они вели со своими соседями, которых они постоянно держали во всеоружии. Как пишет Крусбер, в набегах и грабежах им не было равных.

Жемайты (Samoiedi), подобно прочим славянам, также имели особых идолов и особый культ, весьма походивший на литовский. Были они, однако, весьма привержены гаданию и предсказаниям. Более всего они поклонялись огню, считая его священным и вечным, и держали его в башне на вершине горы, где жрецы поддерживали его, непрерывно подкладывая дрова. Были у них и священные рощи, которым они поклонялись как святым местам и обителям своих богов. И они пребывали в такой слепоте разума, что считали необходимым почитать священными не только упомянутые рощи, но и птиц и зверей, которые в них обитали, а равно и все, что в них входило. В этих рощах у них были пепелища отдельно по каждому дому и роду, на которых они предавали огню своих близких и родных вместе с конями, седлами и лучшей одеждой. Рядом с пепелищем они устанавливали некие сделанные из коры скамьи, на которые клали еду из полбы в форме сыра, и окропляли пепелище пивом, пребывая в заблуждении, что души их мертвецов, тела которых они предали огню, приходят по ночам и подкрепляются пищей. Жемайтские крестьяне (как пишет Александр Гваньини в своей «Сарматии») держали у себя в домах неких пресмыкающихся с

четырьмя лапами наподобие ящериц, крупных и черных, называя их на своем языке «живойты» (Givoytii) и почитая за домашних богов. В определенное время они очищали свои дома, животные приходили и ели то, что им было приготовлено; и, пока они ели, вся семья в великом страхе и трепете стояла вокруг, ожидая, когда те насытятся и уберутся восвояси. И если в той семье случалась беда, они считали, что причиной этому было то, что с гадом, их домашним богом, недостаточно хорошо обошлись, и он не насытился. Каждый год в конце октября после сбора урожая они устраивали торжественный общий пир: все сходились с женами, детьми и слугами в место, назначенное для пира, накрывали стол на сене, в центр стола клали хлеб и рядом ставили два сосуда с пивом. Затем приводили теленка, хряка со свиньей, петуха с курицей и прочих домашних животных по очереди, самца с самкой. Желая закласть их в жертву, сперва выходил предсказатель и, произнеся некоторые слова, начинал бить палкой животное, а за ним и все присутствующие принимались бить животное по голове, лапам, а потом по брюху, приговаривая: «Это тебе, бог Зимених (Ziemennich) (так как эти крестьяне так называли своего демона). Благодарим тебя за то, что сохранил нас в этом году невредимыми и доставил изобилие во всем. Ныне просим тебя быть милостивым и в наступающем году, защити нас от огня, булата, мора и всех врагов». Затем они поедали жертвенное мясо, и от каждого кушанья, перед тем как съесть, отрезали кусок и, бросая его наземь в каждом углу дома, приговаривали: «Эти жертвы тебе, Зимених, прими их и съешь с удовольствием»; и тогда принимались за еду. Эти суеверия жемайтов были в силе до 1413 года, в котором польский король Владислав по Божьему внушению пошел на них и победил. Он разрушил башню священного огня, раскидав его и погасив, вырубил под корень рощи, к великому удивлению жителей, которые поражались тому, что рубившим их польским солдатам не было от этого никакого ущерба, похожего на тот, что они сами не раз испытывали. Совершив вышесказанное, король Владислав повелел всем сделаться христианами и креститься, возведя прекрасную церковь в Медниках.

Обдорцы (Obgoriani) поклонялись идолу, который называли Золотая Баба (Zlatababa), то есть золотая старуха, и находился он на реке Обь. На руках у идола был мальчонка, который, как говорили, приходился ему внуком, был там еще некие инструменты, издававшие громкий звук наподобие трубного. Жрец спрашивал совета у идола, когда хотел сделать что-либо или отправиться в другое место. И это весьма удивительно, поскольку, как пишет Абрахам Ортелий в своем «Обозрении», он всегда давал им точные и определенные ответы относительно того, что они должны были делать. Ни один прохожий не осмеливался пройти мимо, не поднеся что-либо истукану; если же у него ничего не было, то, вынув ворсинку из своей одежды и пав ниц (как пишет Иоганн Боэмус), подносил ее идолу. Упоминание о времени, когда обдорцы были обращены в христианство, я не смог найти ни у одного из известных авторов, посему перейду к другим славянам, занявшим все морское побережье от Голштинии до Ливонии, где, согласно Пет- русу Ортопеусу, жило одно только славянское племя, называемое венедами, или венетами. То же самое сообщает и Иоанн Магнус Готландский. В 21–й главе VI книги он пишет: «Относительно того, кем были эти венеты, Иордан, ссылаясь на Аблавня, утверждает, что они были частью славянского племени. В те времена (так же как и теперь) славяне, будучи разделены на различные племена, имели множество различных наименований; и славяне ничем не отличаются от вандалов, за исключением одного, только имени». Иоганн Авентин (II) пишет: «При императоре Мар- циане, примерно в 453 году, венеды, именующие себя славянами, древнейшее племя Германии (как пишет Тацит), совершая набеги на леса и горы, лежащие между певкинами и финнами, за грехи наши (как пишет Иордан) начали ожесточаться, расти и усиливаться, так что постепенно упомянутыми славянами оказался занят и заполнен весь промежуток от Эльбы до Танаиса на всю длину и ширину между морями Коданским и Адриатическим». Проникли они и до крайних пределов Западного океана, как видно из Павла Диакона, который в XVII книге пишет: «На следующий день ромеи задержали трех славинов, при которых не было никакого оружия, а только цитры. Император Маврикий спросил их, откуда они идут и откуда родом. Те ответили, что рода они славинского, а живут на конце Западного океана; и что аварский король Каган отправил к ним посольство с

дарами для государей их племени, прося о помощи против ромеев. Тогда их таксиархи послали упомянутых послов, чтобы дать понять Кагану, что они не могли этого сделать по причине большой удаленности (по их словам, они провели в пути восемнадцать месяцев), и несли они цитры, так как никогда не видели своих соплеменников вооруженными, поскольку в их стране не знакомы с оружием. Император, подивившись их возрасту и похвалив за крупное телосложение, отослал их в Ге- раклею». От этих славян венедов произошло название Венедского моря, так как, перейдя Вислу и дойдя до Эльбы, они напали на жителей побережья Коданского моря. В те времена те земли населяли сильные и могущественные племена свевов, лангобардов, ран и шведов (Suitoni); все они были побеждены славянами и ушли на Дунай. Давид Хитреус, описывая в III книге это славянское нашествие, пишет: «Генеты, или венеды, которых немцы называют «вендами» (Vuenden), итальянцы «славянами» (Slavi), а мы «вандалами» (Vandali), около 500 года от Рождества Христова заняли все это побережье Балтийского моря после судьбоносного переселения народов, и от Балтийского моря до Эльбы, от ее истоков, или одиннадцати ручьев, которые в нее впадают до того как она покидает Богемские горы, почти до самого ее устья, на протяжении нескольких веков жили, значительно распространив свое господство, пока Генрих Птицелов и Оттон Великий не оттеснили их сначала к Эльбе и Гаволе, а затем Генрих Лев, 600 лет спустя после их первого пришествия в эти края, в результате непрерывных войн частью истребил, частью разбил и покорил; и вместе с христианской религией были основаны в тех краях немецкие колонии, хотя и ныне остатки славян живут на берегах Эльбы в Лужице и других местах». Хотя в начальный период заселения побережья Балтийского моря они пришли под одним–единственным именем славяне, в дальнейшем они получили разные имена. Их стали звать поморяне (Pomerani), вильцы (Vvilzi), ране (Rvgiani), или раны (Rani) (островитяне, живущие против них), варны (Vvarnavi), бодричи (Obotriti), пола- бы (Polabi), вагры (Vvagiri), глиняне (Lingoni).

Имя поморян, известных еще древним, означает «поморский народ», так как слово Pomerie на славянском языке означает не что иное, как «поморье». В прошлом пределы Поморья (Pomerania) были значительно шире теперешних. Как пишет Альберт Кранц (1,16), они вместе с кашубами жили на этом побережье еще до пришествия Христа.

Вильцами (Vvilzi), лютичами (Lutici), или лузичами (Lusitij), называли следующие четыре народа: доленчан (Tolenzi), ратарей (Redari), или ряду- ров (Riadvri), черезпенян (Circipani) и хижан (Kyzini).

Вильцы получили свое имя (как пишет Гельмольд в 3–й главе) за их большую силу. Гельмольд считает доленчан и ратарей одним и тем же народом. Последние получили свое имя, вероятно, от города Ретра, а первые — от реки Доленицы (Tolenso), по которой они жили. Ратари жили в пределах штетинцев между реками Пена (Pani) и Одер (Viadro).

Черезпеняне получили свое имя от реки Пены (Pani), они жили близ Грейфсвальда (Gripsualdia), Вольгаста (Volgasto) и Штральзунда (Sondio).

Хижане жили близ города Gucegouio, и, возможно, оставили этому городу свое имя.

Ране, или раны, называются так от острова Ран (Rugia) подобно тому, как богемские чехи (Czechi di Boemia) называются бемами.

Варны получили свое имя от реки Варна (Vuarnauo), протекающей по территории Ростока.

Бодричи владели землями мекленбуржцев.

Полабы, полагаю, получили свое имя от равнинности своей страны. Столицей их был город Рацебург, весьма известный прежде своим княжеством, а позднее епископством.

Вагры жили близ Альденбурга (Adelburgo), города, знаменитого в прошлом своим епископством, которое по прошествии некоторого времени при епископе Герольде было переведено в Любек.

Глинян (Lingoni) и линов (Lini) я не различаю: первых Гельмольд упоминает в 1 главе I книги, последних — в 38 главе. Люн и Люнебург (Lune & Luneburgo) еще хранят о них память, так как, говорят, они жили в тех краях.

Имена других славянских народов, осевших, как пишет Гельмольд, в Восточной Славии, или же между реками Эльба и Одер, то есть в Бранденбург- ской марке, суть следующие: любушане (Levbvsi), вилины (Vvilini), стодо- ряне (Stoderani), брежане (Brizani), верлы (Vverli), или герулы (Ervli), и многие другие, встречающиеся у Гельмольда.

Верлы, или герулы, жили по реке Гаволе, их имя еще и сегодня остается в названии города Вурле (Vuerlo), расположенного в пределах бодричей.

Государи, правившие упомянутыми верлами, перечислены ниже.

ПЕРЕЧЕНЬ ГОСУДАРЕЙ И ПРАВИТЕЛЕМ СЛАВЯН ВЕРЛОВ, ИЛИ ГЕРУЛОВ

Аритберт (Ariberto). Во времена императора Карла Великого был государем славян верлов и ран с Балтийского моря. За него вышла замуж Хильдегарда, свояченица, то есть сестра жены короля Швеции и Готии Свена.

Биллунг (Bilingo), сын Аритберта. Покорил соседние народы и расширил свои владения от Вислы до Везера, от Дании до Голштинии. Жил в Мекленбурге, бывшем резиденцией и метрополией его предков. Владел некоторыми приморскими городами, весьма знаменитыми своими торгами и портами, а именно Юлином, Винетой, Ретрой, Старгардой, или Старгра- дом, Вольгастом, Куцином (Custin), Хижином (Kyssino), Димином (Domyn), Малховом (Melchouro).

Мечилав (Mizilao), или Мечислав (Mizislavo), и Мстивой (Mistivoy), братья и сыновья Биллунга, правили славянами верлами и были свирепейшими врагами христиан. Мстивой взял в жены Маргариту, дочь императора Генриха I, по прозвищу Птицелов, и имел от нее трех сыновей: Удо (Vdone), Анадрага (Anadrag) и Гнеуса (Geneo). В преклонных годах стараниями своей жены принял христианство и принес покаяние в Бардовике.

Готшалк (Godoscalco). Примерно в 1040 году возвел укрепление на месте рыбацкого поселка, где в наши дни находится Любек, весьма большой город тамошнего побережья, называвшегося в прошлом Буте (Bute), или Вагрией. Этот государь был обращен в веру Христову альденбургским епископом Марконом.

Удо, сын Мстивоя, первого христианина в тех краях. По причине изнурительных войн с Теодорихом Бранденбургским и неким саксонским маркизом Бернардом оставил христианскую веру. Святой Ордульф посылал к нему многих святых мужей, дабы отвратить его от войн, которые тот вел непрерывно на протяжении двенадцати лет, но напрасно. Он не только не сделал то, к чему его призывали, но, схватив некоторых из упомянутых святых мужей, предал их мученической смерти, и среди них епископа бремен- ского, гамбургского и мекленбургского.

Априбион (Apribiono), подражал своему отцу в преследовании христиан.

Готшалк (Godoscalko), сын Удо. Будучи призван к христианской вере, был не только последователем Христа, но зачастую и сам лично проповедовал и утверждал народ в Христовой вере; за что в 1060 году был своими предан смерти, оставив после себя двух сыновей, Генриха и Бутуя (Buto), которые расширили город Любек. [Бутуй] был позднее изгнан ран- ским королем Крутом (Critone) и некоторое время спустя убит неверными в Голштинии.

Генрих (Henrico), сын Готшалка и брат Бутуя. Будучи изгнан из отечества Крутом Раном, он в конце концов с помощью жены последнего по имени Славина, сумел убить своего врага. Взяв ее в жены, он имел от нее трех сыновей, а именно Кнута (Canuto), Святополка (Sandopolco) и Зви- нике (Suuino). Поскольку все

они погибли, не оставив сыновей, на них прекратился род государей славян верлов: Кнут был убит своим братом Свято- полком, а последний одним благородным датчанином. При этом Генрихе ране и верлы вновь обратились к язычеству, несмотря на всевозможные усилия их государя отвратить их от этого.

Кнут (Canvto), сын датского короля Генриха. После пресечения рода государей верлов был утвержден во власти над верлами и Мекленбургом императором Лотарем, который держал пленниками в Шлезвиге истинных и законных наследников, потомков государя Удо, а именно Никлоту (Nicleta), называемого также Никлотом (Nicleto), и Прибислава. Было это примерно в ИЗО году от Рождества Христова.

Прибислав (Pribislao), обретя свободу, вернул себе власть своих предков, хотя его подданные вновь обратились в язычество. Все усилия саксонского герцога Генриха Льва отвратить их от этого с помощью длительных войн оказались напрасными; равно как и Оттон, бамбергский епископ, отправившись к ним с проповедью, принял мученическую смерть.

Прибислав и **Вартислав** (Pribislao, Vvratislao), сыновья Никлота. Будучи абсолютными властителями верлов, в результате многочисленных длительных войн были побеждены саксонским герцогом Генрихом Львом, который вновь обратил верлов в веру Христову, а Вартислава, отказавшегося принять христианскую веру, в 1170 году приказал распять на кресте. Он взял с собой в Африку Прибислава, когда отправился посетить Гроб Господень. Прибислав, вернувшись обратно, в 1179 году погиб в Люнебурге на турнире, когда под ним пал конь. Он был погребен в Доберане (Dobrea) под следующей надписью:

PRIBISLAVS DEI GRATIA WERLORUM, WAGRIORVM, CIRCIPANORVM, POLABORUM, OBRODITORVM, KYSSINORVM, ET VANDALORVM REX,

(Прибислав, Божьей милостью король верлов, вагров, черезпенян, полабов, бодри чей, хижан и вандалов.)

Таковы были государи, правившие в прошлом славянами верлами в провинции, называемой Вурле (Vuerlia), в настоящее время герцогство, или княжество Мекленбургское. В этой провинции в прошлом находились города, весьма известные у северных народов своими торгами, а именно Винава (Vuynaua), Юлин и Вурле (Vuerlia), получивший свое имя от народа верлов (Vuerli). Себастьян Мюнстер в своей «Космографии» (III), говоря об обитателях тех мест, пишет, что первые тамошние жители именовались верлами, бодричами или общим именем вандалов. Несколько далее он добавляет: «Народ этот был свободный и отважный, никогда не бывший под властью римлян, привычный к войнам. Он был главным среди тех готов, что тревожили войнами Рим, Италию, Францию, Испанию, Африку, Европу и Азию. Даже Карл Великий, сражаясь с саксами, не беспокоил верлов». Так пишет Мюнстер.

Любушане (Levbvsii) дали имя городу Лебус (Leubusio), знаменитому своим епископством.

Вилины (Vvilini) и стодоряне (Stoderani). По мнению многих современных авторов, жили близ Берлина и Бранденбурга.

Стодорян и брежан (Brizani) Гельмольд помещает на территории Гавельбурга. Город Бризен (Britzen & Briz) и сегодня хранит в своем названии имя брежан.

Были и другие славянские народы, а именно предеценты (Predecenti), сербы (Sorabi), дитмарши (Thetmasi), голштинцы (Holsatij), штурмары (Stermarij) и нордалбинги (Nordalbingi), которые жили на Венедском море и внушали ужас не только соседним, но и весьма далеким от них народам. Они воевали с Датским королевством, считая, по словам Гельмольда, войну с датчанами забавой. При этом, как пишут Саксон Грамматик и Петр Суффрид (II), они никогда не воевали с датчанами за полуостров, но всегда претендовали на корону и все королевство. Разоряли они также Саксонию, Тюрингию, Франкию и Германию, нападали на Аквитанию, Британию, Нортумберленд (Umbria), Зееланд (Salandia) и Оланд (Olandia). Иоганн Авентин (III) пишет, что упомянутые славяне, начав усиливаться во внутренней Германии в

480 году, стали проявлять жестокость по отношению к своим соседям. Посему тогдашний король швабов (Sueui) Аларих, не имея достаточно сил для отпора, оставил Силезию, Эльзас и другие земли на севере и востоке и ушел со своими баварами на запад, осев на Дунае, Рейне, Неккаре (Negro) и Эльбе. Земли, оставленные швабами и баварами, были заняты позднее славянскими королями Чехом и Ляхом, которые владеют ими и поныне. Совершив затем вторжение в Саксонию, они предали ее жестокому разграблению и, овладев некоторыми городами, еще и теперь там живут, как пишет Беат Ренан в I книге «Германии». Аймоин Монах (IV, 23) пишет, что славяне, придя в Тюрингию, жили в Мерзебурге (Merouesburgo) и основали за его пределами множество селений. Так, в лесу под названием Hirsbrulis они возвели Tunechdorff, Tugebrachtest, Nevuchenrodt, Hochdorff и много других селений.

Как пишет Винфрид Английский, который позднее получил имя Бонифаций и стал епископом Майнца (Maguntia), в послании английскому принцу Эдуарду (Edoaldo), у упомянутых славян был обычай, что жена после смерти мужа бросалась в костер, на котором предавалось огню тело ее мужа.

Саксонский герцог в 590 году приложил все усилия, чтобы противостоять этим славянам и собрал против них войско численностью пятьдесят три тысячи человек. В сражении у города Luchta в Саксонии, как свидетельствует Карл Вагрийский (III), он потерпел поражение. Эта победа славян внушила саксам такой ужас, что упомянутый герцог был вынужден обратиться с просьбой к датскому королю, дабы в столь тяжелые времена он оказал помощь и объединил с ним свои силы. И в этом он легко преуспел, ибо датский король опасался, что славяне после победы над саксами обратят оружие против него самого. Собрав свои войска, общая численность которых, согласно Вагрийскому, достигала примерно восьмидесяти семи тысяч воинов, они сошлись с неприятелем под Лаупеном. После упорного и кровавого сражения, длившегося с утра до двадцати двух часов вечера, победа склонилась на сторону славян, которыми предводил тогда Звездодраг (Zuiesdodrago). Датский король был убит, а саксонский герцог, преследуемый врагом, бросился на коне в реку и тем спас себе жизнь. После этого славяне обратились против франков и проявили во всех их владениях немалую свирепость. Бывший в ту пору король франков Хильдеберт послал против Болеслава (Biloslau) (так звали славянского государя) Адульфа, одного из первых своих военачальников. Болеслав, находясь во вражеской стране и видя численное превосходство франков над славянами, начал опасаться за свою судьбу. Поняв это, Адульф перекрыл ему все пути отхода. Болеслав, видя это, отступил с войском к некоей горе и обратился к воинам с такой речью: «Видите, воины и товарищи мои верные, что враг уже окружил нас и не оставляет нам другой надежды на спасение, кроме нашей доблести. Бежать нельзя, но если бы и можно было, нам не дозволяют сделать это законы наших предков. А раз уж все наши надежды и спасение находятся в наших руках, примем же бой за наше собственное спасение и честь с охотой. Не должно пугаться большого числа врагов, помня о том, что мы не раз побеждали более сильные армии саксов, датчан и франков. Если в этом бою нам суждено умереть, умрем со славой, не дав порадоваться врагу, а нашим детям и потомкам, да и всему миру, явим редкий пример нашей доблести и мужества». Произнеся эти слова, он дал команду строиться в боевой порядок. И Адульф тотчас же подал знак к началу боя, на который франки шли охотно, полагаясь на свой численный перевес. Славяне же, всегда старавшиеся воспользоваться преимуществом местности, с равным мужеством встретили врага. Более этого, не имея надежды на спасение, они призывали друг друга дать врагу достойное отмщение за свою смерть. Гнев и порыв их достиг такой силы, что франки дрогнули и стали отступать, неся большие потери. Адульф, видя это, начал раскаиваться в том, что затеял это сражение, и вскоре после этого нашел свою смерть вместе с большей частью своего войска. и славян полегло немало, Болеслав же, военачальник их, получил смертельное ранение и скончался на обратном пути. Дрван, славянский государь и брат Болеслава, желая отомстить за смерть брата, пошел против короля Дагоберта, который был преемником Хильдеберта на франкском престоле. Сразившись с Дагобертом, имевшим отборное войско из франков и австразийцев (austriaci), он нанес ему поражение. Вторгшись

после этого в Тюрингию и пограничные с франками земли, он предал их жестокому разорению, унеся бесчисленную добычу. Славяне сербы, воодушевленные этой победой, также совершили вторжение в Тюрингию и Саксонию и, разграбив эти земли, предали все огню и мечу. Эти сербы (Sorabi) являются частью тех, что Лаоник Халкокондил помещает в древнюю область трибаллов в Верхней Мезии; куда они пришли с севера и, как сообщает Аймоин (IV, 1), заняли большую часть Далмации. При императоре Константине, правившем с 300 года, они жили в Нижней Паннонии. Когда, живя там, они захотели взбунтоваться против императора, то он, как пишет Авентин (II), призвал их к миру в речи, произнесенной с амвона, и, в конце концов, успокоил. В древности местожительством сербов, согласно Плинию, были окрестности Меотидского болота. Оттуда они ушли: часть на Дунай и в Верхнюю Мезию, часть, направившись по бескрайним полям Сарматии, или Польши, проникла в область германцев, расположенную рядом с Польшей, которая теперь называется Лузация; расселившись там по ближайшим селеньям, они осели между реками Заале и Эльба. Посему Дубравий по праву поместил там сербов (Sirbi), от которых получили свои имена города Serbeco и Цербст (Serbesto). И нас не должно смущать, что вместо буквы О стоит Е или I, так как в этом слове (как мы заметили) это часто случается. «Австрийские анналы» Томаса Эбендорфера называют их «сирвиане (Syruiani)». В упомянутых анналах Томас пишет: «Изабелла, дочь римского короля Фридриха Австрийского, выданная некогда за чешского короля Иоанна Люксембургского (Grouanni Re' Boemo di Lucelburgo), была им оставлена под предлогом бесплодия. Когда ей предложили выйти замуж за короля Сербии (Syruia), то она отказалась, заявив, что он ей не мил, так как придерживается схизмы, то есть греческого обряда». Саксонские историки называют их «сорабами» (Sorabi), а у Ааоника Халкокондила находим искаженное «сорабры» (Sorabri). В актах Констанц- ского собора они названы сирфами (Sirfi), как их до сих пор называют соседи из Крайны, Каринтии, Штирии и Венгрии; сами же они называют себя срблами (Sarbgli), или серблами (Serbgli). Их страна в Иллирии простирается от Самандрии, города на Дунае, до Ниша, где начинается Болгария. Наиболее известные города Сербии: Стольный Белград (Stoinibiograd), ее метрополия; Призрен, в котором родился император Юстиниан; Ново Брдо (Novo Monte), неприступная крепость; Черногория, где у Турка находятся богатейшие золотые и серебряные рудники. Итак, с упомянутыми лужицкими сербами император Карл Великий много раз вел длительные войны, зачастую лично принимая в них участие. Как пишет Вагрийский (II), когда он в первый раз послал против них сильное войско под предводительством своих первых военачальников, чтобы покорить их, из этого ничего не вышло, так как сербы, выйдя из своей страны, выступили ему навстречу и с великой отвагой устремились на врага. В жестокой и кровавой схватке пало множество благородных и знаменитых франков. Погиб в ней также и Лу- бидраг, или Аюбидраг, государь славян сербов, с множеством своих воинов. По словам Вагрийского, это сражение было самым кровопролитным за всю предшествующую историю королевства франков, поскольку в нем пало около тридцати двух тысяч франков и четырнадцати тысяч славян. Те немногие из франков, кто остался в живых, вернулись домой. Славяне же, более чем когда-либо разъяренные, объединились (как пишет Авентин (IV)) против франков и, войдя в страну бодричей (Abroditi), ныне Мекленбург- ское герцогство, и в Саксонию, перевернули там все вверх дном и пожгли. Это вынудило Карла собрать новое войско, гораздо больше прежнего, и, отдав его под начало своего военачальника Луитпранда, совершить новое вторжение в страну сербов. Однако, едва начав поход, Луитпранд был вынужден вернуться обратно, так как, получив известие о том, что неприятель, объединившись со славянами вильцами, с большими силами идет ему навстречу, он остановился и не пожелал двигаться дальше. Славяне же, отрезав ему все пути к отступлению, окружили его на Эльбе и устроили жестокое избиение его воинов. Совершив затем вторжение в Саксонию и Тюрингию, они разрушили и сожгли несколько поселений. Карл, узнав об этом, призвал к себе трех своих военачальников: камергера Альдегиза (Adelgise), Гейлона и палатинского графа Ворада и повелел им, взяв восточных франков и саксов, немедленно выступить против славян сербов. Пока они выполняли свое поручение, пришло известие (как пишет Аймоин (IV, 74)) о том, что саксы восстали и подняли оружие против Карла. По

этой причине франки были вынуждены тогда отказаться от похода на славян, которые, исполнившись от этого еще большей отваги и дерзости, беспрепятственно разоряли владения императора. Последний, видя, что ему ничего не остается, как напрямую, а не посредством своих военачальников, вступить с ними в бой, приказал по всей своей империи собирать новые войска для покорения славян. Славяне, узнав об этом, объединились, чтобы дать ему отпор. Монах Аймоин, повествуя об этой войне императора со славянами в 81–й главе IV книги, пишет: «Есть в Германии одно воинственное славянское племя, живущее на побережье Океана. На их собственном языке они зовутся велетабами (Vveletabi), на языке же франков они зовутся вильцами (Vviltzi), или влцами (Vvltzi). Это племя было всегда враждебно франкам. Посему непрестанно воевало со всеми своими соседями, подчинявшимися или союзными королевству франков. Не в силах сносить их дерзость, Карл собрал войско и лично выступил против них. Возведя два моста через Эльбу, он вторгся в страну неприятеля, который, дабы не подвергать риску свои владения, заключил с императором мир». Тут Вагрийский добавляет, что Карл так дорожил этим миром, что одарил славянского государя Драговита немалым числом королевских подарков. Другая же их, то есть сербов, часть вторглась во владения императора (как пишет Вагрийский) и безжалостно предала все огню и мечу. Против них император послал из Ахена (Aquisgrana) своего сына Карла. Тот, вступив в сражение с неприятелем, одержал победу, и, как пишет Аймоин (IV, 92), Меледох, государь упомянутых славян сербов, пал в той битве. Однако при всем этом никогда не удавалось удержать славян от нападений на владения франков, что вынуждало императора всегда быть во всеоружии, как можно видеть из его жизнеописания, составленного монахом Эйнгардом. Он пишет, что этот император длительное время лично воевал с велетабами, которые были главными среди славян. То же самое утверждают аббат Регино (II) и Суффрид Мейсенский, когда пишут, что славяне часто вели войны с Карлом Великим, который приложил немало сил, чтобы покорить некоторых из них. Последние же, заключив мир с императором, обращали свое оружие против Датского королевства, как у них издревле было в обычае. Петр Крусбер Голландский в III книге о венедах пишет, что славяне никогда не пребывали в покое и, когда не вели войн с императорами Германии, обращали свое оружие против датчан. Посему, заключив мир с Карлом примерно в 804 году, они пошли войной на датского короля Готфрида. Тот с сильным войском вторгся в страну славян бодричей и взял там приступом несколько крепостей. Однако, как пишет Аймоин (XLIX, 94), он возвратился с большими потерями. Хотя ему и удалось изгнать их государя Драско, который бежал по своей воле, не полагаясь на помощь своих подданных, и убить еще одного воеводу Готлиба (Godelaibo), он тем не менее потерял в этом походе весь цвет своего войска и племянника Регинольда, сына одного из своих братьев, который вместе с многими знатными датчанами погиб во время атаки на одну из крепостей. И, если бы в этой войне ему не помогали славяне вильцы, он со всем своим войском, наверное, погиб бы; но, так как вильцы (как пишет Аймоин) по причине древней вражды к бодричам, по своей воле пришли и объединились с датским войском, ему удалось выйти победителем. Драско же вскоре после этого примирился с Готфридом и, собрав войско из своих подданных, напал на соседних славян, предав все огню и мечу. Затем он с вновь собранным войском и некоторым числом саксов напал на великий град Smeldingi. Этими своими успехами он добился того, что все те, кто прежде от него отложился, вновь заключили с ним союз. Однако вскоре после этого он, находясь на Рюрикском торге (mercato di Reric), был предательски убит людьми Готфрида. После его смерти бодри- чи напали на крепость Гамбург (Hohbuochi) на Эльбе, где жил посол императора Карла и восточных саксов, и, захватив ее, сровняли с землей. В более древние времена воевали они и с датским королем Сивардом (Sirardo), которого разбили в сражении близ Фионии. Тот, вновь собрав войско, еще раз сразился с неприятелем на Ютланде (Iutia provintia), но и там был разбит и обращен в бегство. Славяне же, овладев Ютландом, расширили свои владения. Как пишет в своей «Вандалии» (I, 13) Альберт Кранц, в этой войне они взяли в плен Ярмерика, сына Сиварда, и двух его сестер, одна их которых была продана норвежскому королю, а другая отдана германцам, с которыми после смерти Карла славяне много воевали. Людовик Благочестивый, став императором после отца

примерно в 818 году, сражался со славянами и, как пишет Карл Вагрийский (VI), был разбит, потеряв многих своих воинов. Аймоин, рассказывая об этом событии в 11–й главе V книги, пишет, что славяне, перейдя Эльбу, опустошали Саксонию, и Людовик послал против них немалое войско, которое заставило их прекратить грабеж. Затем в 839 году они подняли оружие на упомянутого императора, который был вынужден два года подряд лично с ними воевать. В этой войне он понес огромный урон от своих неприятелей славян. Воевали они и с его сыном императором Людовиком II: в 869 году те славяне, что жили против саксов, вторглись в Саксонию и предали ее жестокому разорению. Людовик в союзе с саксами лично пошел на них и, вступив с бой, одержал сомнительную победу. Как пишет Аймоин (V, 23), бой этот был весьма кровавым, и обе стороны понесли огромные потери. Славяне же не прекратили свои постоянные нападения на его владения: в 874 году сын Людовика Карл, воюя с ними в Марке (Marchia), оказался в таком тяжелом положении, что его отцу было сказано, что если он как можно быстрее не окажет помощь сыну, то больше его не увидит. Тогда Людовик отправился туда лично и, выручив сына, отправил посольство к славянам, которыми правили несколько государей, и, как пишет Аймоин (V, 31), заключил с ними мир на тех условиях, на которых мог. Однако он вел длительную и жестокую войну со славянским государем Радиком, или Раститом (как его называет аббат Регино (II)). Не имея возможности одолеть его, он тайно снесся с его племянником, чтобы заполучить его и, схватив его наконец с помощью предательства, выколол ему глаза и заключил в монастырь. Этим своим деянием он очень гордился и требовал к себе за это большего почета и уважения, чем когда-либо прежде. Однако, хотя он и одолел упомянутым образом славянина Радика, отвадить славян от нападения и жестокого разорения своих владений он не смог. Карл Вагрийский в IV книге «[Истории] венедов» пишет, что этот император и его брат Карломан часто воевали со славянами, и среди всех их сражений с этим племенем три были главными: одно под Горингеном в Тюрингии, другое под Ротвиком в Саксонии, а третье между реками Фульда и Везер. В этих сражениях они потеряли многих военачальников и более пятидесяти тысяч воинов, при этом потери их противников славян были невелики. При этих двух императорах, как пишут некоторые авторы, часть славян, то есть те, что жили на Балтийском море, снарядив мощный флот, напала на Английское королевство и доставила немало хлопот тамошнему королю Гересперу. Однако в конце концов Гересперу удалось одержать победу в морском бою и, захватив славянского короля Ратко (Ratcho), или, как его называет Александр Скультетус, Раста (Rasto), ослепить его. Оставшиеся в живых славяне возвратились домой. Там они, вновь собрав флот, напали на Фионию, главный остров в Балтийском море, и устроили там такое опустошение и истребление тамошних жителей, что, случись подобное еще раз, он остался был совершенно пустынным и лишенным обитателей, как пишет Саксон Грамматик (XIV). Вагрийский (IV) повествует о том же самом, но несколько расходится с Саксоном относительно времени. Сражались затем славяне и с Генрихом (Arrigo) Саксонским, который, как пишет Пьерфранческо Джамбулари, был первым герцогом в Германии, получившим королевскую власть (libera potesta), и держали его длительное время во всеоружии. В 934 году (как повествует Джироламо Барди) они воевали с императором Генрихом, в 957–м — с императором Отгоном I, когда, вторгшись в Германию (как пишет Вагрийский и Ульрих Муциус в «Хрониках»), они предали ее жестокому разорению и опустошению. Тогда Оттон, желая им за это отомстить, снарядил сильное войско из пехоты и конницы, но в сражении в Тюрингии был разбит и едва спасся с горсткой своих воинов. Вскоре после этого славяне, призванные итальянцами, выступили против упомянутого императора. Его преемника Оттона II это воинственное славянское племя заставило взять в руки оружие и понести большие хлопоты. Однако в конце концов, пойдя на него войной, они, как свидетельствует Бернардо Джустиниани (I) и Са- беллико в 3–й книге III эннеады, были им в двух сражениях столь решительно разбиты, что вернулись восвояси. После этого, заключив мир с императором, неоднократно помогали ему в борьбе с врагами и мятежниками. Так Викиман (Vichimanno), в течение длительного времени бунтовавший против Оттона, был убит другом императора славянским государем Миза- кой (Misacha). Мариан Скот (III) рассказывает об этом, но несколько не согласуется с Вагрийским,

утверждая, что это произошло при Оттоне I, которому славяне служили во время войн. Не оставляли они в покое и императора Оттона III, с которым сражались в 989 и 999 годах. И перед тем как покорить их, он потерял много тысяч своих воинов на Эльбе. Петр Крус- бер, повествуя о последнем сражении Оттона III со славянами, в III книге пишет: «Оттон не мог смириться с тем, что славяне столько раз поднимали против него оружие, а он не мог их покорить. Посему он вновь вступил с ними в бой, который был более кровавым и жестоким, чем первый, и хотя славян полегло немало, Оттон потерял в нем весь цвет своего войска. Однако полностью покорить это племя ему так и не удалось. Как пишет Пьер- франческо Джамбулари (III), Оттон, вступив в Саксонию и направившись против славян, разорил, опустошил и сжег их страну. Однако и этим он не смог подчинить их своей воле, так как славяне ценили свободу выше всего остального и всякий раз предпочитали смерть услужению императору или кому-нибудь другому». И император Конрад II на 4–м году своей власти, в 1029 году, подвергся нападению славян, как пишет Сигиберт из Жамблу, который обходит молчанием ущерб, который славяне нанесли Конраду. В 1055 году они (как пишет Сигиберт) разгромили войско императора Фридриха, перебив немало воинов противника. Посему, когда слава о них пронеслась по всему миру, Харальд, король Дании и Норвегии, собираясь вести войну против разных народов, взял себе в союзники (как пишет Сак- сон Грамматик в III книге «Деяний датчан») славянских государей Дука и Дала, которые привели с собой большое войско своих воинов, и благодаря их доблести Харальд покорил Аквитанию и, придя в Британию, убил короля умбров. После этого славяне, снарядив огромный, если не сказать неисчислимый, флот, напали на восточную часть Зееланда (Sialandia), где много и жестоко воевали с королем Роскильда (Roschildia) и захватили большую добычу. Вновь снарядив флот из 1500 судов, они напали на Голландию (Halandia), однако из-за бури (как пишет Саксон Грамматик (XIV)), разыгравшейся в одну из ночей, большая их часть потонула. После этого датский король Свен, пойдя войной на славян, был разбит и, как пишет Грамматик (XV), попал к ним в плен. Гельмольд (I, 24) пишет, что саксонский герцог Ордульф на протяжении двенадцати лет воевал со славянами и никогда не мог одержать верх над славянами, но всегда терпел поражения. Происходило это в 1066 году, на восьмом году правления императора Генриха IV. И в этом нет ничего удивительного, поскольку столь знаменитое славянское племя пользовалось (как пишет Авентин (IV)) в силу своей многочисленности большим авторитетом и почетом. В I книге он пишет: «Народы, которых немцы называют вендами, а на своем языке зовутся славянами, разделены на множество колен. При императоре Юстиниане I они, перейдя Дунай, заняли Далмацию, Либурнию, Иллирию, Паннонию и ту часть Норика, которая до сих пор называется Славонией. О них достаточно сказать, что они являются сильнейшим племенем». До сих пор о славянах говорит Авентин. Если бы у славян были свои преданные историки, которые написали бы обо всех их древних деяниях, насколько более знаменитыми были бы они сегодня! Какой немалой доли славы, полагаю, они лишились из-за отсутствия на протяжении длительного времени тех, кто поведал бы жителям будущих столетий об их неисчислимых подвигах. И если то тут, то там, едва ли не вопреки намерению автора о них встречаются кое–какие упоминания у историков, принадлежавших к враждебному лагерю и стремившихся возвеличить деяния собственных народов, то, видя малочисленность этих упоминаний (а ведь большая часть историй, написанных язычниками, и была не чем иным, как самовосхвалением), ты ни на минуту не усомнишься, что они обошли молчанием врага, привычного сражаться с мечом в руках, а не на бумаге. Было и еще одно обстоятельство, которое затмило славу и в немалой степени способствовало подрыву господства славян — раздоры и междоусобицы. Если бы не это обстоятельство, то славяне, как пишут Петр Крусбер и Карл Вагрийский, без сомнения овладели бы не только побережьем Балтийского моря, но и всей Германией и Франкией. Посему, если у какого-либо автора упоминается о том, что некий король или император одержал победу над славянами, не следует думать и понимать под этим то, что он победил всех славян Балтийского моря, разделенных на множество могучих народов, управляемых разными государями, а всего лишь часть из них. Поскольку никогда не бывало, чтобы славяне выступали единым фронтом, ни один король или император не мог сражаться со

всеми ними вместе. А если бы они не были столь разобщены, то могли бы противостоять не только одному франкскому королю или императору, а целому их союзу. Поняв это, соседние государи всеми силами стремились ослабить их с помощью них самих: не бывало ни разу, чтобы какой-либо король или император, воевавший со славянами, не имел на своей стороне немалое число самих же славян. Последние воевали на стороне различных государей и сражались со своими соплеменниками подобно тому, как это издавна делали и делают по сей день швейцарцы, или грифоны. Желающим убедиться в этом следует прочесть Гельмольда Пресвитера, Саксона Грамматика, Альберта Кранца и Аймоина Монаха. Мне же будет достаточно привести в качестве примера ран, весьма могучий среди славян народ. Их господство пало лишь тогда, когда одни славяне пошли на других. Ране были самым могущественным и, по словам Гельмольда, самым авторитетным народом у славян. Они жили на берегах Венеде — кого моря и посреди его вод, имели собственного царя и весьма знаменитый храм, в связи с чем претендовали на первенство среди всех славянских народов. В упомянутом море они владели также островом Ран длиной семь немецких миль и такой же шириной с очень плодородной почвой, который и по сей день служит житницей для зундцев (Sedunesi), как Сицилия для римлян. Стольный град ран по имени Аркона, от которого ныне не осталось и развалин, стоял, по мнению некоторых, на высоком мысу упомянутого острова и был окружен с востока и юга морем и такими высокими стенами, что только пущенная из лука стрела могла достичь их вершин. С западной же стороны город защищал большой и мощный бастион. Саксон Грамматик, впрочем, помещает Аркону на другой остров под названием Витора, отстоящий от Рана на ширину реки, и пишет, что город этот был разрушен готским королем Харальдом и датским королем Хеммингом. Абрахам Ортелий считает, что на том месте, где стояла Аркона, в древности находился славянский город Винета, который, как пишет Гельмольд, был самым крупным из городов в Европе и самым знаменитым торгом разных народов. Его населяли славяне, которые, принимая в нем представителей других народов, не дозволяли им во время своего пребывания жить по христианскому обряду. Посему до времени его разрушения всегда пребывали в язычестве. Однако не было людей более честных и гостеприимных и радушных, чем те славяне, что жили в Винете. Гельмольд помещает этот город в другом месте, а именно между устьем Одера и городом Камень, где и поныне видны его развалины. Причиной его падения послужило не что иное, как междоусобицы: датский король, воодушевленный ими, пожелал разграбить столь богатый город и, снарядив большой флот, напал на него, захватил, разграбил и сровнял с землей. Итак, славяне, жившие на острове Ран, держали на нем большой флот, с помощью которого совершали набеги на побережье, нанося большой ущерб, в особенности датским королям, с которыми они часто воевали. Видукинд Голландский (III) пишет, что в 809 году от Рождества Христова ране, снарядив флот из 830 судов, напали на Датское королевство и на Восточную Фризию, где, помимо прочих бед, которые они причинили, захватили и сожгли города Альденбург и Ниссен, вернувшись на свою родину Ран с огромной добычей. Это послужило причиной того, что Карл Великий примерно в 810 году пошел на них войной и, одолев в двух жестоких и кровопролитных сражениях, подвел их под ярмо Христа. Поскольку, как пишет Видукинд, Карл смог одолеть их благодаря скорее их разобщенности, чем доблести франков, он повелел им принять христианство по римскому обряду и вместе с саксами, которых он незадолго до этого обратил в христианскую веру, платя подать, особо чтить храм Святого Вита, который в те времена пользовался у упомянутых народов наибольшим почетом. Ране платили дань, пока был жив Карл, однако после его смерти отказались и от уплаты подати, и от христианской веры. Они устроили в своем городе Арконе храм и установили там кумир Свято- вита, или, как его называет Кранц, Цвантовика (Zuantovich), то есть святого Вита. Мужчины и женщины каждый год платили храму подать, составлявшую динарий с души. Когда же соседи спрашивали их о подати, то отвечали, что довольны и Витом, который у них дома, и его податью. Так, вновь впав в язычество, они поклонялись упомянутому идолу Святовита. Сделан он был из дерева и был ростом с великана. Имел он четыре головы, как некогда Янус у разных народов, чтобы входящие в храм с каждой из сторон могли лицезреть идола. Был он без бороды с коротко подстриженными со всех

сторон волосами, что, как пишет Саксон Грамматик, видимо, изображало характерную для тамошних славян прическу. Одежда на нем спускалась до ступней. В правой руке он держал железный рог, который жрецом, единственным из этого народа, носившем бороду, наполнялся вином с соблюдением множества обрядов и оставлялся до следующего дня. В зависимости от того, оставался ли уровень вина неизменным или убавлялся, жрецы судили о предстоящем годе: предрекали неурожай в случае убавления и изобилие в случае, если уровень не изменялся. Левая рука упиралась в бедро, недалеко от него виднелись узда и седло его коня, а также огромный и богато украшенный меч. Помещен был упомянутый кумир внутри часовни о четырех арках, расположенной внутри большого храма, но стоящей отдельно, так, чтобы со всех сторон имелось некоторое расстояние до каждой опоры упомянутого храма. С каждой из своих сторон она была завешана изящно украшенными и роскошными пурпурными тканями. Никто не имел права входить в упомянутую часовню, кроме одного особого жреца, да и то не всегда, когда ему заблагорассудится, а только накануне праздника. Жрец, входя в часовню для уборки, не смел дышать внутри занавесей. Когда ему было нужно вдохнуть воздуха, он бежал к двери и высовывал голову наружу, дабы смертное дыхание не коснулось божества. Нарушение этого запрета почиталось величайшей виной. Этому идолу приносили в дар третью часть трофеев и всякой добычи. Он имел также триста особых коней и триста воинов, которые ходили за него на войну, причем весь их заработок передавался жрецу и хранился затем в сокровищнице, откуда изъять его не дозволялось ни под каким предлогом. Саксон Грамматик пишет, что этот идол почитался не только у славян. Дары ему подносили также иноземцы и соседние короли, среди которых датский король Свен (Samo), пославший ему в дар искусно сработанную золотую чашу. За что был вознагражден, приняв вскоре после этого жалкую и жестокую смерть, и Святовит ничем ему не помог. Был у идола также очень крупный белый конь, у которого запрещалось выщипывать волосы из хвоста и гривы, а также садиться на него верхом и украшать, за исключением самого жреца. Они были убеждены, что Святовит скачет на нем истреблять своих врагов всякий раз, когда пожелает. В качестве доказательства этого они говорили, что, оставив упомянутого коня вечером в его привычном стойле чистого, ухоженного и привязанного, много раз обнаруживали на следующее утро всего в поту и грязи, как если бы он за ночь проделал немалый путь. По поступи этого коня они предрекали успех или поражение в войнах, которые начинали. Делали они это следующим образом. В землю перед храмом втыкали шесть шестов парами, одна пара перед другой на равном расстоянии друг от друга. К каждой паре привязывалась перекладина на таком расстоянии от земли, чтобы конь мог спокойно без прыжка перешагнуть ее. В день, назначенный для этого зрелища, жрец после длительных и торжественных молитв церемонно брал коня под уздцы и подводил к трем перекладинам. Если все три перекладины конь размеренно перешагивал с правой ноги, ни разу не сбившись на левую, они были уверены в победе, в противном случае — в поражении. Каждый год после сбора доходов они жертвовали этому идолу множество животных, а иногда жрец, схватив одного из христиан, приносил его в жертву, приговаривая, что этой кровью боги будут весьма довольны. После этого устраивался торжественный пир перед дверями храма, куда приносилась лепешка, выпеченная на закваске из муста. Она была круглой формы и такого размера, что за ней мог спрятаться человек. Туда направлялся жрец, прятался и укрывался за ней, вопрошая громким голосом, видно ли его. Если все отвечали, что не видно, жрец обращался к идолу с молитвой о том, чтобы в следующем году его было видно еще меньше. В таких заблуждениях пребывали ране на протяжении почти трехсот пятидесяти лет. Как пишут Видукинд Голландский (III) и Петр Крусбер (VI), за это время они вели неисчислимое число войн с многими народами, неся разорение не только прибрежным городам и местностям, но и, проникнув во внутренние части Германии, доставляя немало хлопот королям и императорам того времени. Однако Господь, чьи помыслы от нас скрыты, не пожелал, чтобы такой воинственный народ и далее пребывал в язычестве, и подвиг датского короля Вальдемара пойти на них войной. Снарядив против них весьма большой флот, Вальдемар, однако, понимал, что одному ему с ними не справиться, и поэтому взял себе в союзники поморских государей Казимира и Богуслава (Buggeslauo), а также князя славян бодричей

Прибислава. Выступив в поход, он в 1167 году победил этот свирепый народ и, накинув петлю на шею кумира Святовита, повелел своим солдатам свалить его наземь на глазах у славян, разрубить на куски и сжечь. Он разрушил и храм со всем его культом, забрав казну, и издал указ всем оставить идолопоклонство и обратиться к культу истинного Бога. И в этом им постоянно помогал, возведя за свой счет на Ране двенадцать церквей. Несмотря на это, ранское суеверие в Святовита продолжало жить и продержалось длительное время у чехов, пока чешский князь Вацлав Блаженный не передал им для всеобщего поклонения мощи святого Вита, полученные им от императора Оттона. Однако и это не помогло ему полностью уничтожить у чехов память о Святовите. И поныне чехи не имеют более торжественного и частого приветствия, чем приветствия под именем Вита. Принимая гостей или друзей из далеких стран, они приговаривают: «Витей, Витей», радуясь тому, что они добрались целы и невредимы, как если бы это произошло по милости Святовита. Этот суеверный культ пытался уничтожить знатный муж Янимар, брат Тетислава. Он правил ранами в то время, когда они были побеждены. Едва получив наставление в католической вере, он отважно и решительно принял святое крещение, повелев всем своим подданным вместе с ним обратиться к новой жизни через священную купель. И впоследствии не уставал укреплять их с помощью своей проповеди в вере Христовой, так что казался вторым апостолом Павлом, призванным Христом. Исполняя апостольскую службу и действия то с помощью увещеваний, то с помощью угроз, он обращал к вере этот грубый народ, превосходивший по своей свирепости зверей и проявивший наибольшее упорство при обращении среди всех славян Балтийского моря. В разные времена правили ими государи, перечисленные ниже.

ПЕРЕЧЕНЬ СЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРЕЙ, ПРАВИВШИХ В ДРЕВНОСТИ НА ОСТРОВЕ РАН

Витислав, стал государем на Ране в 938 году от Рождества Христова и оставил после своей смерти двух сыновей: Тетислава и Яромира, из которых Яромир стал королем Дании, принял христианское учение и основал епископство зундское (Sundense), хельденнаменское (Eldenamense) и рос- кильдское (Kaschildense).

Крин, был государем Рана во времена императора Конрада II, отца Генриха III. Он имел двух сыновей Любомира (Lubeniro), или Любимира (Gliubimiro), и Крута (Critone). От этого Любомира получил свое имя город Любек.

Крут, во времена императора Генриха IV одержал победу в сражении над государем верлов Готшалком и взял в плен его сыновей Генриха и Бутуя.

Святополк, сын датского короля Янимара, который (как было сказано) из ранских государей стал датским королем. Наследовал отцу во власти над ранами, в 1217 году.

Витислав, брат Святополка. Унаследовал ранский престол после того, как его брат скончался, не оставив наследника. Имел трех сыновей: Вити- слава III, Яромана II и Борислава.

Борислав, после смерти своего отца правил Раном. Примерно в 1250 году от Рождества Господня. Умер, не оставив наследника.

Барним, третий сын Янимара I. После смерти всех своих братьев и племянников унаследовал власть над Раном, и после своей смерти оставил двух сыновей Ивана и Дебислава, основателя Кампского монастыря (Monasterio di Camp), в 1260 году.

Яромар II, сын Витислава I. Долгое время жил как частное лицо. После пресечения всего своего рода примерно в 1300 году от Рождества Господня наследовал власть над Раном. После своей смерти оставил двух сыновей Яромара III и Витислава III, который распространил христианскую веру до Ливонии.

Витислав III, тот самый, что (как было сказано) распространил христианскую религию вплоть до Ливонии. Унаследовал от отца власть над Раном. Имел трех сыновей: Яромара IV, Витислава III, который

был убит зундцами (Sudenesi) и Самбора, а также дочь Анну, ставшую женой ште- тинского герцога Богуслава.

Яромар IV. После смерти своих братьев, не оставивших наследников, единолично правил Раном. Поскольку после его смерти не осталось наследников мужского рода, Вратислав, герцог Штеттина и Поморья, сын сестры Витислава Анны и Яромара IV, по праву родства унаследовал власть над Раном. По этой причине и поныне поморские государи титулуются государями Рана.

Остров Ран служил подобием рассадника идолопоклонства среди славян Балтийского моря. Однако идолы у них не были схожи, а различались и по форме и по своему культу. Помимо бесчисленного числа идолов, стоявших в полях и в частных домах, имелись идолы, стоявшие в храмах и имевшие человеческое подобие. К таким идолам относился, например, Подага (Podaga), который, как пишет Гельмольд (I, 84), был божеством плунских славян. Другие стояли в священных рощах, как Пров (Prove), божество альденбуржцев, и не имели никакой выраженной формы и подобия. Пола- бы и лабы (Laboni) поклонялись Тевтону (Tevtone), почитая его за Меркурия, и приносили ему человеческие жертвы. Поклонялись они также и некой богине, которую на своем языке называли Живой (Siva). Она имела подобие отважной девушки, державшей в правой руке лук и стрелу, связанные вместе большим венцом. Это символизировало, что тот, кто сможет умело и отважно действовать упомянутым оружием, будет увенчан богиней Живой. Она почиталась за Юнону. Идолу Радигаста, или Радигоста, поклонялись бодричи в городе Ретре. Он имел подобие доблестного воина, державшего в руке большой меч, а рядом с ним стоял муж, одетый иноземцем. Этим они хотели выразить то, что тому славянину, который не примет в своем доме гостя, или иноземца, следует отрубить голову, или же (как считают другие), что этим дозволялось славянам добывать с помощью меча пропитание не только себе, но и гостям. Прочие идолы имели две, три и четыре головы. Несмотря на это, славяне исповедовали единого и всемогущего бога на небесах, которому подчинялись все остальные. Он правил на небесах, а другие, произошедшие от его крови, исполняли возложенные на них обязанности, причем более совершенными из них считались те, кто стоял ближе к этому богу богов. Упомянутым богам они приносили множество различных жертв животными, а иногда и людьми, посвящали им храмы и алтари со жрецами, которым оказывали почет и уважением наравне с самими государями. В их честь они учреждали празднества и устраивали общие пиры, на которые пускалась по кругу чаша, полная вина, и пирующие провозглашали над ней некие проклятия и ругательства под именем богов, то есть бога доброго и бога злого. Они полагали, что счастье дарует ся добрым богом, а злосчастье злым, и поэтому на своем языке именовали его, как пишет Гельмольд, Дьявол, или Чернобог, то есть «черный бог», и Белбог, «белый бог». Были у них и некоторые добрые законы, и достойные обычаи. Например, они весьма заботились о том, чтобы молодежь повиновалась старшим. Среди них не было ни нуждающихся, ни нищих, поскольку, если кто-то ослабевал по причине болезни или старости, то передавался на попечение наследников, дабы последние с наибольшим тщанием заботились о нем и кормили. По словам Гельмольда и Иоганна Тигуринуса («О древних пирах» (I)), они отличались исключительным гостеприимством: ни одному чужестранцу, оказавшемуся в их стране, не приходилось заботиться о поиске ночлега — его сразу же принимали и наперебой приглашали погостить. Все, что доставлял этому народу труд в полях, рыбная ловля и охота, расходовалось на прием гостей и на подарки, при этом самым сильным и могущественным почитался тот, кто проявлял при этом наибольшую щедрость, если не сказать расточительность. Зачастую это служило причиной их морских набегов. Этот грех считался у них простительным и искупался гостеприимством, которое они любым способом обязаны были оказывать, так как их законы гласили, что все награбленное ночью должно быть наутро поделено между гостями. Если же находился кто-то (что случалось крайне редко), кто отказывал чужестранцу в гостеприимстве, то закон дозволял каждому сжечь его дом со всем его имением. Весь мир восставал против него, обвиняя в подлости и малодушии, и отказывался принимать того, кто отказал в куске хлеба и ночлеге чужестранцу.

Божиться у них строго запрещено, они считали, что это равносильно принесению ложной клятвы по причине мстительного гнева богов. Тех, кто совершал какое-либо вопиющее преступление, они предавали распятию, утверждая, что крест не должен иметь другого назначения, кроме орудия для наказания преступников, и не желали слушать проповедь о Кресте. Многим святым мужам и христианским государям пришлось немало потрудиться, чтобы обратить их в Христову веру, поскольку в Мекленбур- ге (Magnopoli), Бранденбурге, на Ране, в Поморье и Ливонии было немало государей, пытавшихся уничтожить христианскую веру, и даже они были вынуждаемы принять ее, тем не менее зачастую вновь обращались к идолопоклонству. Император Генрих I прилагал немало усилий по обращению в веру соседних народов, потом его сын Оттон I вынудил многих из них платить подать и принять веру, и весьма многие приняли крещение, особенно в Бранденбургской марке и Мекленбурге. И под покровительством трех Оттонов наполнились те края церквями, священнослужителями и монашествующими. Однако более свирепые поморские жители не приняли христианскую веру. Юлинцы (Giuliensi) в Поморье запретили иноземцам проповедовать у себя новую религию. По этой причине они оказались одними из последних, кто был обращен в христианство, хотя и жители материка не отличались постоянством в вере. Когда на Востоке правил Оттон V, польский герцог Болеслав, признав себя вассалом империи, сделал своими данниками всех славян вплоть до Одера и крестил их, дабы свет Евангелия воссиял и в тех восточных краях. Биллуг (Bilug), или Биллунг (Bilung), первый христианский государь у славян, скончался в 980 году. Его сын делал вид, что исповедует христианскую веру, однако втайне ее преследовал. При упомянутом Биллуге, правившем во времена Оттона I в поморской Славии от реки Вислы, или Вистулы, до кимбров, в тех краях процветали: столица его владений Винета, Ретра, Юлин (Gioclino), Старград, Вольгаст, Димин, Куцин, Малхов и Хижин. После смерти Бил- лута его сыновья поделили его владения между собой. При них саксонский герцог Бернард поднял восстание нобилей против императора Генриха и так дурно обращался со славянами, что практически вынудил их вновь обратиться к идолопоклонству. Так же вел себя и маркиз Бранденбурга — его жестокость по отношению к этим новообращенным христианам вынудила их взяться для защиты своей свободы за оружие и, отвергнув христианскую веру, обратить свою жестокость на христиан, предавая огню церкви и избивая священнослужителей. Так славяне, жившие между Эльбой и Одером, будучи на протяжении семидесяти лет христианами, вновь обратились к идолопоклонству, что мало заботило саксонского герцога, довольствовавшегося уплатой ими податей, да и не по силам ему было, как пишет Петрус Ортопеус, воевать со столь могущественным народом. Свой вклад в эту смуту внес и Генрих Птицелов. Государями славян были потомки Мсти- воя, его сыновья Анадраг, Гнеус и Удо, дурной муж, убитый за свою свирепость. Его сын Готшалк превзошел в свирепости своего отца, но затем раскаялся, оставил злодеяния и, вернувшись после пребывания при дворе датского короля на родину, всеми силами старался вернуть ее в лоно христианской веры. Зачастую лично увещевая народ вернуться к церкви, он смог вернуть в ее лоно почти треть тех, кто впал в язычество при потомках Мстивоя, однако в конце концов был убит своими соплеменниками, оставив после себя сына Генриха. Славяне вернулись к язычеству, избив тех, кто хранили верность вере. Произошла эта всеобщая смута в 1066 году на 8–м году правления императора Генриха IV. Славяне, опасаясь мести со стороны сыновей Готшалка за убийство их отца, избрали своим государем Крута, свирепого врага христиан, который, будучи правителем бодричей, с большим трудом смог противостоять великому герцогу Саксонии, чтобы не стать христианином: славяне из-за ненависти к податям ненавидели и христианство. Благоволили к славянам Генрих IV и его сын Генрих V, предпринимавшие враждебные действия против саксов, втянутых в религиозные споры. Однако Болеслав с польскими государями, следовавшими за ним, вынудил соседних поморских славян принять христианство, посему восточные славяне прежде западных сделались христианами. Крут Старый был с помощью своей жены Славины, когда был пьян, убит сыном Готшалка Генрихом. Последний, взяв в жены упомянутую Славину, вернул себе отчий престол. Славяне, видя, что их государь стремится обратить их в христианство, восстали против него, однако Генрих с помощью великого герцога Саксонии сделал их

данниками, не требуя от них смены религии, поскольку знал силу их ненависти к христианской вере. Затем, как было сказано, он в жестокой битве одержал победу над ранами и сделал их своими данниками вместе с ваграми, полабами, бодричами, хижанами, черезпеня- нами, поморянами и всеми славянами вплоть до Польши. За это он был прозван королем славян, но из скромности не принял этого титула. Он скончался в 1126 году, и за сыновей Генриха стал править датский король Кнут. Когда Генрих правил землями по ту сторону Пены, государь Восточной Славонии Вартислав, разрешив проповедовать святому Оттону, епископу бамбергскому, принял христианскую веру со всеми своими вельможами и городами, и свет Евангелия сиял там вплоть до времени саксонского герцога Генриха Льва. Последний, отправившись посетить могилу Господа нашего в Иерусалим, взял себе в спутники славянского государя Прибислава. Славяне в прошлом владели также и всей Пруссией и назывались пруссами. В незапамятные времена они пришли в те края, гонимые нуждой и злосчастьем своей страны, расположенной ближе к северу на востоке значительно выше истоков реки Танаис, называемой современными писателями Таной. Итак, как пишет Джамбулари (IV), спасаясь от льдов и снегов, они пришли в эти края, и, найдя их незаселенными, поскольку (как явствует из исторических сочинений) готы покинули их, немало обрадовались и осели там. Они, однако, не перешли Вислу, где жили немцы, но расселились от реки Хрона (Сгопо), которую некоторые ныне называют Прегель (Pergulo), расположенной на востоке Пруссии, до Вислы, или Вистулы, отделяющей Сарматию от Германии. И хотя они и заняли всю эту страну длиной примерно тысяча двести пятьдесят миль и шириной сто сорок, они не стали возделывать ее, а оставили под пастбища. Поступили они так, вероятно, по той причине, что не хотели воевать за нее с другими народами, если бы те узнали о ее величине, либо потому, что не были привычны к земледелию, утоляя голод только мясом, преимущественно сырым, а жажду молоком, либо в чистом виде, либо с примесью конской крови, как принято ныне у татар. Не возводили они и домов из камня, а жили в пещерах и дуплах деревьев, защищая своих детей и себя самих от холода и дождя их корой. Насколько можно узнать из исторических сочинений, они были известны более своей дикостью, чем воинственностью. В течение многих столетий у них не было ни какого-либо поклонения, ни религии. В конце концов они впали в такое безумие, что стали считать своими богами зверей, змей и деревья (как пишет папа Пий И), следуя в этом заблуждении примеру остальных славян. У них был дуб, разделенный на три части, где они держали своих богов: в одной части находился идол Перун (Petvno), или, как пишут другие, Перкун (Percvnno), что означает «молния». В его честь они постоянно, днем и ночью, поддерживали огонь из дубовых дров. Если по недосмотру служителей огонь угасал, то виновного предавали смертной казни. С другой стороны находился идол Потримпс (Patrimpo). Его культ состоял в содержании живого змея, которого умилостивляли молоком. С третьей стороны располагался идол Патолс (Patelo), в честь которого хранили человеческий череп. Были у них и другие божества, которым они поклонялись и оказывали божественные почести, однако все жертвоприношения им совершали в дубовых рощах. Всему, чем они владели, они приписывали божество–покровителя. Главным среди них был Аушаутс (Vvrchayto), которого глубоко почитали в качестве домашнего божества. Он покровительствовал движимому имуществу и скоту, а именно коням, волам, овцам, козам, свиньям. Другое божество по имени Снейбрат (Sneybrato). Он был покровителем гусей, кур, уток, голубей и фазанов. Третье божество из числа домашних звалось Гурк (Gvrcho) и заботилось обо всем съестном. Помимо этого, не имея никаких письмен или алфавита, они не верили, если кто говорил им, что один человек при помощи письмен может открыть другому свою душу и волю. Примерно в 1000 году Адальберт, епископ пражский, посланный проповедовать христианство в Пруссию, не имея денег, чтобы заплатить за переправу его через реку Осса, получил удар веслом, но смиренно снес оскорбление. Проникнув внутрь страны, он начал проповедь Христа, обещая бессмертие и доказывая, что солнце, луна, огонь, вода и рощи, которым они поклонялись, не содержали в себе божественного, а были лишь творениями. Ян Дубравий (VI) пишет, что как-то раз этот святой муж, обращаясь с проповедью к этим неверным и видя, что те желают его слушать, повернулся к стаду овец и начал им проповедовать Слово Божье, и овцы (не без божественного вмешательства)

остановились и, навострив уши, стали внимать его речам, непрестанно кивая головами. Языческие жрецы, видя, что проповедь Адальберта подрывает их доход, схватили его близ моря недалеко от земли Фелыиаус (Felschaus) и, проткнув семь раз холодным оружием, обезглавили и повесили труп на дереве. Муж, давший ему кров, собрав его останки, предал их земле. В 1226 году магистр Тевтонского ордена напал на упомянутых славян пруссов. После победы над ними в сражении было впервые введено в Пруссии христианство вместе с немецким языком, язык же славян пруссов в скором времени пресекся. Не имея ничего более сказать о пруссах, перейдем теперь к славянам Руси, которых ныне все именуют московитами. В те времена, когда остальные славяне ушли из Сарматии и отправились одни в сторону Германского моря, другие, пойдя по другому пути, на Дунай, они остались в месте своего исконного жительства, и назывались древними историками по–разному. Элий Спартиан и Капитолин в жизнеописании Антонина Пия и Флавий Вописк в жизнеописании Аврелиана называют их роксоланами; Плиний (IV, 12) — токсоланами (Tossolani), Птолемей — троксоланами (Trossolani), Страбон (VII) — рак-санами (Rhassnali) и роксанами (Rhossani). Рафаэль из Вольтерры и многие другие авторы называют их рутенами, ныне же общепринятым их названием является «русские» (Russi), то есть «рассеянные», поскольку по–русски, или по–славянски, «Россея» (Rosseia) означает не что иное, как «рассеяние». И не без причины они были названы русскими, или рассеянными: славяне, заняв всю Европейскую и часть Азиатской Сарматии, распространили, или рассеяли, свои колонии от Ледовитого океана до Средиземного моря и Адриатического залива, от Большого моря до Балтийского океана. Более того, как пишет Яков Мейер (I), славянорусы (Russi Slaui) высылали свои колонии даже во Фландрию, где в настоящее время их зовут рутенами. Греки (по свидетельству Прокопия Кесарийского) называли их спорами, то есть «рассеянным народом». Они всегда жили в Европейской Сарматии, где и по сей день живут, значительно распространив силой оружия свое господство. Как пишет Сигизмунд Герберштейн, они потому так расширились, что все другие народы, оказавшиеся посреди них, либо изгнали, либо заставили жить на свой лад. Таким образом, ныне Русское царство на востоке ограничено рекой Таной и Меотидским озером, на севере Литвой, рекой Певкой (Рейсе) и другой рекой, называемой Полна (Polma), отделяющей его от Финляндии, которую русские (как говорит Герберштейн) на своем языке называют «Каянской землей» (Chainscha Semla). На западе оно граничит с Ливонией, Пруссией и Польшей, а на юге с Сарматскими горами и рекой Тирас, называемой в настоящее время Днестр. В упомянутых пределах лежит и земля Югария, или, как ее называют русские, Югра, откуда некогда вышли гунны, которые заняли Пан- нонию и под предводительством Аттилы завоевали многие страны Европы. По этой причине русские похваляются, что их подданные в прежние времена покорили немало стран в Европе. Итак, жили они в Сарматии и, как пишут Джамбулари и Гюнтер (IV), пользовались славой людей по природе воинственных и неукротимых. В прошлом они оказали помощь Римской империи, когда Помпей Великий вел войну с понтийским царем Митрида- том, который также длительное время воевал с упомянутыми русскими, предводимыми в ту пору их государем Тазовацем (Tasouaz). Страбон и Бьондо называют его Тазий. Вооружением русских, согласно Страбону (VII), были меч, лук, копье, панцирь и щит, обтянутый бычьей кожей. Оружие свое они обращали не только против соседей, но и против других, весьма далеких от них царств и империй. Во времена императора Вителлия, как сообщает Иоганн Авентин (II), перейдя Дунай и уничтожив две когорты (compagnie) римских солдат, они вторглись в Мезию и убили консуляра и наместника Мезии Агриппу. Как пишет Михайло Салонский, с этого времени они стали жить в Иллирийской Мезии под именем рашан (Rassiani). Участвовали они и в походах готов, когда те разоряли Европу и другие земли, однако, как пишет Герберштейн, все они называлось общим именем готов, так как готы были предводителями этих походов. Доставляли они немало хлопот и Греческой империи. Так, при императоре Льве Лакапине, снарядив флотилию из пятнадцати тысяч парусных судов в Большом море и усадив в нее такое количество воинов, что, как пишет Зонара (том III), никаким числом не счесть, они напали на Константинополь. Происходило подобное и позднее во времена императора Константина Мономаха. На основании этого можно судить о

многочисленности и могуществе славян, сумевших за короткое время снарядить такое множество судов, чего до сих пор ни в какой другой державе не было видано. И хотя греческие писатели, стремясь возвеличить деяния собственного народа, утверждают, что русские вернулись домой не солоно хлебавши, Еремей Русский (Geremia Russo) в своих летописях говорит об обратном, а именно, что русские, перебив множество греков, вернулись домой с немалой добычей. В 6886 году от сотворения мира (по русскому летоисчислению) великий князь Руси Дмитрий одержал победу над царем татар Мамаем. Через три года после этого он вновь сразился с упомянутым Татарином и нанес ему столь сокрушительное поражение, что, согласно Герберштейну, земля более чем на тринадцать миль вокруг была завалена трупами павших в битве.

Я обхожу теперь молчанием другие достойные деяния этого столь могущественного народа, поскольку в намерения мои не входит написание истории или анналов — я хочу лишь вкратце упомянуть о самых замечательных свершениях славян. Тем, кто пожелает узнать всю их историю, может найти ее у Еремея Русского, Сигизмунда Герберштейна, а также Франческо Бизио из Бергамо, который прожил на Руси несколько лет и написал историю этой державы. Есть упоминание о русских и у Сабеллико (3–я книга X эннеады). Не так давно некий краковчанин (Cracouita) дал подробное описание обеих Сарматий.

Таким образом, из трудов названных авторов любопытный читатель сможет почерпнуть много полезных сведений об истории русских, или московитов — в настоящее время их именуют и тем, и другим именем. В пору своего язычества они почитали некоторых особых идолов, имена которых, как пишет Меховский, были Перун (Pior), то есть «молния», Стрибог (Stribo), Хоре (Corso) и Мокошь (Mocoslo). Точно не известно, кто первый отвратил их от этих заблуждений и обратил в христианство, и мнений на этот счет существует несколько. Русские в своих летописях с гордостью пишут о том, что Русь получила крещение и благословение от святого Андрея, ученика Христа. По их словам, он пришел из Греции к устью Борис- фена, поднялся вверх по реке до тех гор, где ныне стоит Киев (Chiouia), и там благословил и крестил всю упомянутую страну, водрузил свой крест и предрек, что на том месте умножатся Божьи церкви и Божья благодать. Отправившись далее, он прибыл к истокам Борисфена, находящимся в большом озере Волок, и по реке Ловать (Loruat) спустился до озера Ильмень (Ilmer). Оттуда по вытекающей из озера реке Волхов он прибыл в Новгород. Оттуда по той же реке достиг он Ладожского озера и реки Невы (Неиа), а затем моря, которое русские называют Варецким (Vuaretzchoie), а другие Германским, и, плывя между Финляндией (Vuilandia) и Ливонией, добрался до Рима (Roma).

Наряду с этим русские верят, что и святой апостол Фаддей проповеды- вал среди них и обратил их в веру Христову. По этой причине, как пишет Джамбулари, русские почитают его больше всех других небесных святых. Однако некоторые греческие писатели отрицают это, утверждая, что свет христианства проник на Русь много веков спустя после этого. Но даже если то, что русские говорят о себе, и соответствует истине, в любом случае нельзя отрицать, что они снова впали в язычество. Ведь император Василий Македонянин, как пишет в III томе Зонара, послал к русским епископа Фео- фила, через которого они приняли христианство, когда по настоянию русских упомянутый епископ положил в огонь Евангелие, и оно осталось невредимым. В их же летописях говорится, что христианство в их державе ввела царица, или княгиня (Duchessa) Руси Ольга. Вот краткий рассказ о том, как это произошло.

Русский государь Игорь, женатый на упомянутой Ольге из Пскова, покинул дом и отправился с весьма сильным войском в поход в далекие страны. Дойдя до Гераклеи и Никомедии, он потерпел поражение в битве и на пути домой был убит князем славянодревлян Мальдиттом в месте, называемом Коростень (Coreste), где до сих пор покоится его могила. Поскольку сын Игоря Вратослав (Vratoslau) был еще слишком мал и не мог править державой, все дела вершила его мать Ольга. От древлян прибыло к ней двадцать послов с предложением выйти замуж за их князя Мальдитта. Упомянутых послов Ольга велела схватить и зарыть в землю заживо, сама же, упреждая молву о содеянном, немедля отправила своих послов к

древлянам с предложением, коль скоро те хотят видеть ее своей государыней, направить к ней других послов из самых знатных родов. Древляне тут же послали к ней еще пятьдесят мужей из числа самых именитых среди них. Этих послов Ольга велела запереть в бане и сжечь, а сама тут же послала вестников к древлянам, предупреждая о своем прибытии и наказывая приготовить ей мед и все, что по их обычаю полагалось для поминовения ее покойного мужа. Прибыв в Древлянию, Ольга в траурном одеянии справила торжественную тризну по своему мужу, во время которой, опоив древлян допьяна, перебила пять тысяч из них. Вернувшись в Киев, она собрала войско и повела его на древлян. Вступив с ними в сражение, она одержала победу, те же, что успели спастись бегством, заперлись в городе. Ольга, продержав их в осаде в течение целого года, наконец, заключила с ними соглашение о том, что осажденные выдадут Ольге в качестве выкупа по три голубя и три воробья от каждого дома. Получив выкуп, Ольга приказала привязать упомянутым голубям и воробьям под крылья некие огненосные снаряды и отпустить их. Вскоре после того, как птицы вернулись к своим гнездам, запылал огонь и сжег почти все дома. Тем же, кто был внутри, не оставалось ничего иного, как выйти. Попавшие в руки Ольги древляне были частью перебиты, частью обращены в рабов. Так Ольга захватила все древлянские земли и сполна отомстила за смерть своего мужа. После этого она вернулась в Киев. Через некоторое время она отправилась в Константинополь, где правил император Иоанн Цимисхий, и приняла крещение, изменив имя Ольга на Елена. По–царски одаренная императором она вернулась домой. Русские уподобляют ее солнцу: как солнце своими лучами освещает мир, так мудрая и благоразумная Ольга осветила светом христианской веры русскую державу. После смерти Ольги правил ее сын Святослав, шедший по стопам матери в благочестии и христианской вере. После его смерти ему наследовал его незаконный сын Владимир, который, отклонившись от божественных заветов, вновь ввел идолопоклонство и воздвиг в Киеве множество идолов. Первый из них назывался Перун (Рею) и имел серебряную голову, остальные же были из дерева: Услад, Хоре, Даждьбог, Стрибог, Симаргл, Мокошь и Кумиры. Всем им они приносили жертвы. Когда Владимир, умертвив двух других своих братьев, Ярополка и Олега, сделался единовластным властителем всея Руси, стали приходить к нему послы от разных народов, и каждый убеждал примкнуть к собственной религии. Видя различие вер, он сам отправил послов узнать об особенностях и обрядах каждой секты или веры. В конце концов, он предпочел всем другим христианскую веру по греческому обряду и, решив принять ее, отправил посольство в Константинополь к императорам Василию и Константину. Он обещал принять со всеми своими подданными христианскую веру, вернуть Корсунь и все остальные удерживаемые им греческие владения при условии, однако, что император обещает отдать ему в жены свою сестру Анну. После получения согласия условились о времени для заключения договора, местом же был выбран Корсунь. По прибытии туда обеих сторон Владимир был крещен и принял имя Василий. Отпраздновав свадьбу, он, как было обещано, вернул грекам Корсунь и другие владения и поставил в Киеве митрополита, в Новгороде архиепископа, а в других городах епископов, рукоположенных константинопольским патриархом. С тех пор русские придерживаются греческого обряда и ревностно его соблюдают. Согласно Ламберту Ашаффенбургскому, написавшему 500 лет назад историю Германии, первоначально в 960 году к императору Оттону прибыли послы от народа Руси (gente Russia) с просьбой направить им какого-нибудь епископа, который бы своим учением и проповедью распространил среди них христианскую веру; и был послан к ним Адальберт, который едва сумел от них спастись. Однако здесь Ламберт ошибается, если только в упомянутом месте не следует читать Рана (Rugia) вместо Руси (Russia), или Русции (Ruscia). Как пишет Гельмольд, Адальберт был не чешским, а германским архиепископом Магдебурга, посланным с другими пятью епископами упомянутым Отгоном к славянам, которые в то время жили в Саксонии и на Ране. Если бы им проповедовал Адальберт, они бы приняли римский обряд, а не греческий, которого, как мы сказали, русские придерживаются и по сей день.

Их государь, пишет Герберштейн, именует себя следующим титулом: «Божией милостью великий царь и государь всея Руссии, великий князь Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский,

Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Булгарский и прочая, государь и великий князь Нижнего Новгорода, Черниговский, Рязанский, Волоц- кий, Ржевский, Белевский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удор- ский, Обдорский, Кондинский и прочая».

Как пишет Карл Вагрийский (II), русские из Бьярмии (Biarmia), плавая по Северному океану, примерно 107 лет назад обнаружили в тех морях неизвестный до того времени остров, обитаемый славянами. На нем, как говорит Филипп Каллимах в послании к папе Иннокентию VIII, вечные холода и льды. Называется он Филоподия и величиной превосходит Кипр; на современных же картах мира его называют Новая Земля.

После него, поскольку не осталось, насколько мне известно, мест, где живут славяне, о которых я бы не упомянул, если не в частности, то в общем. Прежде чем перейти к другим народам, также принадлежавшим к славянам, но ныне исчезнувшим, мне представляется необходимым обсудить этимологию и толкование имени славяне, или словины, которое не является очень древним. Впервые славяне были упомянуты, как отмечают многие писатели, Прокопием Кесарийским, который 1070 лет назад описал войну императора Юстиниана с готами. Равно с ним и Иордан Алан, живший почти в то же время, упоминает славян, ясно показывая, что в его время это имя было новым, хотя Бьондо, написавший сто лет назад «Историю, начиная от упадка Римской империи», упоминает славян при описании событий, произошедших за сто лет до правления императоров Гонория и Аркадия. Я же полагаю, что первым упомянувшим о славянах был Птолемей Александрийский, который на восьмой карте поместил славян под несколько искаженным именем суланов в Европейской Сарматии рядом с финнами, которые также были славянами, как утверждают Меланхтон в комментариях к Тациту и Абрахам Ортелий в своей «Географической синонимии». Пьетро Марчелло в «Происхождении варваров» называет их же силанами и говорит, что это те народы, которые теперь называются склавонами (Schiauoni). В прошлом это название, несомненно, подвергалось сильному искажению и писалось по–разному. Греки, не понимая значение слова «славяне», или «славины», исказили его в «склавины», итальянцы — в «скла- вы». Эта ошибка проникла скрытым образом в некоторые экземпляры Прокопия Кесарийского, Иордана и Бьондо.

Я полагаю, что его ввели итальянцы, которые, как пишет Марцин Кро- мер, стремясь говорить с большей мягкостью и избегать резкости в произношении, часто произносят i вместо 1 (говорят fiato вместо flato, piace — вместо place). Так же и вместо Slauo они говорят Siauo. Поскольку для них слова siauo и sciauo, отличающиеся на букву С, на слух почти неразличимы, то, не будучи сведущи в языке славян, при переводе на латынь они стали писать не Slauo, а Sciauo. Я думаю также, что это можно объяснить и неприязнью итальянцев, особенно тех, что живут на Адриатическом побережье, так как они в прошлом сильно пострадали от славян и были ими почти полностью разорены.

По мнению Яна Дубравия, славяне, или словины, получили свое имя от «Slouo», что у сарматов означает «слово», так как все сарматские народы, будучи разбросаны по большим пространствам земли, но тем не менее говоря на одном наречии и употребляя почти одинаковые слова, заставили всех называть себя «словинами». То же самое утверждает и Марцин Кромер, говоря, что «от Slouo были прозваны «словины», как если бы были прозваны правдивыми и верными данному ими слову. И сегодня у поляков и чехов весьма порицаются те, кто не держит данного обещания, или, по их выражению, «доброго слова»; при этом люди благородного происхождения готовы пойти на любые лишения и принять саму смерть, но не изменить своему слову. Мстят же изменившим не только пощечинами, но и оружием».

Оставляя, однако, в стороне вышеприведенные толкования имени славян, смею утверждать, что произошло оно не от чего иного, как от славы, поскольку славянин, или славон, означает не что иное, как «славный». Исполненное гордости от столь частых триумфов над врагами, чему свидетельством является огромное число завоеванных царств и стран, это пре- доблестное племя присвоило себе имя славы, сделав «Slaua», что значит «слава», окончанием имени своих благородных и знатных мужей, таких как Станислав,

Венцеслав, Ладислав, Доброслав, Радослав, Болеслав и прочих подобных имен. Это признают многие авторитетные авторы, среди которых и Рейнерий Рейнекций. В своем «Трактате о генетских племенах» он отмечает, что славяне получили свое имя от «славы», в которой хотели превзойти все другие народы. Мнение Рейнекция разделяет и Еремей Русский (Geremia Russo), написавший в 1227 году «Русские летописи» (Annali di Russia). Повествуя об одном из столкновений, имевших место на границах Руси в 1118 году, он пишет: «Когда Русь страдала от междоусобиц, к нашим границам пришел Крунослав (Crunoslau) с сильным войском из славян и, сразившись с нашим войском, одержал победу. Сам же Крунослав, однако, с одним из своих сыновей погиб и был погребен близ цитадели под названием Войка (Voicha). Этот народ многократно опустошал наши границы и проявлял при этом большую жестокость, несмотря на то, что был одного с нами племени. Зовут их славянами (как я полагаю и чему нахожу подтверждение в древних преданиях наших предков) по причине многочисленных побед и славных дел, которые они совершили». Аймоин Монах и Иоганн Авентин полностью разделяют мнение Еремея, называя славян не только славным, но и глубоко уважаемым и самым могущественным из всех народов Германии. Среди прочих и венецианский историк Бернардо Джустиниани откровенно признает, что славяне стяжали свое славное имя воинской доблестью. В «Истории Венеции» (III) он пишет: «Тогда неукротимое славянское племя впервые вторглось в Истрию и дошло до подступов к Венеции. Это племя скифского происхождения, нападая вместе с другими племенами на Римскую империю, стяжало себе славное имя воинской доблестью». Таким образом, этот доблестный народ должен был называться не иначе, как славяне, и его право на это доказали такие ученые мужи, как Гельмольд Пресвитер, Арнольд Аббат, Георг Вернер, Сигизмунд Герберштейн, Георгий Кедрин, Ян Хербурт, Александр Гваньини, Робер Гаген, Иоганн Леунклавий, Жильбер Женебрар, Давид Хитреус и Уго Фульвонио (Vgo Fuluonio), которые в своих трудах именуют его не иначе, как славяне.

Если имя это и ново, то слава, завоеванная оружием и кровью, присуща им по природе и унаследована от предков, одержавших в прошлом славные победы в Азии, Европе и Африке. Были это вандалы, бургун- ды, готы, остроготы, визиготы, гепиды, геты, аланы, верлы, или геру- лы, авары, скирры, гирры, меланхлены, бастарны, певкины, даки, шведы (Svedi), норманны, фены, или финны, укры, или укране, маркома- ны, квады, фракийцы и иллирийцы — все они были славянами и говорили на одном языке.

Вначале, покинув Скандинавию, свою общую родину, все эти народы (за исключением иллирийцев и фракийцев) назывались одним именем готы, как пишет Франциск Иреникус. В 10–й главе III книги он говорит, что анты (которые, как мы показали ранее на основании свидетельства Прокопия, были настоящими славянами) суть готы, ссылаясь на свидетельства Иордана и Аблавия. В 42–й главе I книги тот же Иреникус пишет, что от готов происходят славяне, анты, авары, скирры, аланы и другие народы. С этим согласуются также свидетельства Аблавия, Иордана Алана и Павла Вар- нефрида. Прокопий в I книге «Войны с вандалами», излагая историю варваров (как он их называет), вторгшихся при Гонории в Римскую империю, говорит: «В прежнее время готских племен было много, много их и теперь, но самыми большими и могущественными из них были готы, вандалы, ви- зиготы, гепиды, прежде называвшиеся сарматами, и меланхлены. Некоторые называли их гетами. Все они различаются по названию, но сходны во всем остальном: все они белы телом, имеют русые волосы, крупное телосложение и приятную внешность. У них одни и те же законы, все они исповедуют арианство и говорят на одном языке, называемом готским, и, как мне кажется, вышли они из одного племени, приняв впоследствии различные названия по имени своих полководцев».

Никифор Каллист (IV, 56), Ф. Мартин (F. Martino), автор «Сокращения римской истории», и Лучо Фауно (VIII) разделяют мнение Про- копия. И коль скоро вандалы — настоящие готы, нельзя отрицать и того, что славяне также одного племени с готами, поскольку все знаменитые писатели говорят, что вандалы и

славяне были одним народом. К числу указанных писателей относится и Бьондо. В 1–й главе I декады он пишет: «Вандалы, названные так по имени реки Вандал, впоследствии стали называться славянами». Иоанн Магнус Готландский в I книге пишет, «вандалы и славяне были одним народом и отличаются только по названию». М. Адам (M. Adamo) во II книге «Церковной истории» говорит, что славяне — это те, кто прежде были вандалами. Пьерфранческо Джамбу- лари в I книге пишет: «Варнефрид, Иордан, Мефодий и Иреникус в нескольких местах утверждают, что в своем древнейшем корне вандалы были готами, даже если впоследствии и стали крайне им враждебны, примеров чего история знает немало; и что жили они в той части Германии, где теперь Моравия, Силезия, Чехия, Польша и Русь, от Германского океана на севере до Истрии и Славонии на юге. В доказательство этого они приводят тот убедительный аргумент, что во всех этих землях говорят на одном и том же языке». То же самое утверждают Альберт Кранц в предисловии к «Саксонии» и Суффрид Петри (II), причем последний пишет: «Древние бойи были изгнаны маркоманами, то есть вандалами, которые до настоящего времени владеют Богемией, поэтому богемцы — это вандалы. Древнее название страны сохранилось, и теперь бойями называются те, кто прежде были маркоманами, или, говоря более широко, вандалами. При этом единство их происхождения подтверждает и единство языка». Далее в той же книге он пишет: «Вестфалы и остфалы были вандалами, которые назывались также и фалами (Vali), так как у вандалов было не одно особое имя, а несколько различных, а именно: вандалы, венеды, венды, генеты, венеты, виниты, славяне и, наконец, фалы — согласно Саксо- ну Грамматику, Гельмольду, Энеа Сильвио, Кранцу, Иреникусу, Рей- некцию, Лациусу и многим другим. Все их многочисленные и разнообразные особые названия, о которых нет нужды здесь говорить, можно найти у перечисленных авторов. Из сказанного явствует, что ни один из народов Германии не был так велик, как вандалы, которые в Азии, Африке и Европе распространили свои колонии на огромном пространстве. В Европе они обосновались на всем протяжении от севера до юга, от Германского моря до Средиземного. Поэтому московиты, русские, поляки, чехи (Boemi), черкасы, далматы, истрийцы, боснийцы, хорваты, болгары, рашане (Rassiani) и многие другие народы, хотя и различаются по своим особым названиям, тем не менее являются вандалами. Это доказывает также их язык и говор, который у всех у них общий». Так пишет Суффрид. Альберт Кранц, желая показать, что славяне одного корня с вандалами, называет славян не иначе как вандалы, как видно из его книг «Вандалия» и «Саксония». Убедительное подтверждение этому дает также Сигизмунд Герберштейн в своей «Московии». Он говорит, что в русских летописях написано, что, когда у русских начались распри из-за выбора нового государя, они послали призвать правителей из знаменитейшего в прошлом вандальского города Вагрии, находящегося в одноименной области, граничащей с Любеком и Голштинским герцогством. Вандалы, которые в то время были очень могущественны и имели то же наречие, обычаи и веру, что и русские, отправили к ним трех братьев из числа самых именитых и влиятельных среди них. Их звали Рюрик, Синеус и Трувор. Рюрик получил во владение Новгород, Синеус сел на Белом озере, а Трувор получил княжество Псковское и сел в городе Изборске. Петер Артопеус Померанский также не различает вандалов и славян. Мюнстер, цитируя его, пишет: «Как мы говорили, в области Мекленбурга на всем протяжении побережья от Голштинии до Ливонии жили только вандалы, или славяне». Таким образом, на основании свидетельств столь авторитетных и знаменитых авторов можно уверенно утверждать, что готы, визи- готы, гепиды, вандалы и геты были одного и того же славянского племени. В качестве еще одного подтверждения этого я приведу ниже некоторые слова из II книги Карла Вагрийского и XI книги Лациуса, которые, по свидетельству указанных авторов, были в употреблении у древних вандалов.

СЛОВАРЬ

Вандальский	Славянский	Русский
Ruzie	ruse	розы
Stal	stol	престол

Vuich	vik	вечный, век
Pechar	pehar	чаша
Cachel	cotol	котел
Culich	Kulich	чаша
Kamora	camara	комора, комната
Klach	Klak	известь
Baba	baba	бабка, баба
Ptach	ptich	птица, птаха
Czetron	cetrun	цитрон
Klynoti	Klonuti	наклонять, клонить
Kuchas	kuhac	повар, кухарь
Safran	ciafran	шафран
Scarlet	scarlet	скарлат
Scoda	scoda	вред, шкода
Plamen	plamen	пламя
Dvuaziuo	duoiestuo	двое
Pflaster	implastar	припарка, пластырь
Pust	pusto	пустынь
Brat	brat	брат
Rabota	rabota	труд, работа
Milikno	mlieko	молоко
Okruzij	Kruzy	внутренности
Mlady	mlad	молодой, млад
Volk	vuk	волк
Teta	teta	тетя
Kurvua	kurva	непотребная женщина
Strach	strah	страх
Pero	pero	перо
Dynia	digna	арбуз, дыня
Plygo	pluchia	лёгкие
Pakole	pachole	младенец
Czerzi	cetiri	четыре
Piet	pet	пять
Korzen	korien	корень
Razlog	raslog	причина
Kolo	kolo	колесо, коло
Lopata	lopata	лопата
Tma	tma	тьма
Tepli	toplo	теплый

Boty	biecve	чулки
Grom	grom	гром
Prosach	prosiak	нищий
Brod	brod	брод
Tuti	tucchi	топтать
Mayti	myti	мыть
Klatiti	klatiti	рушить, колотить
Dropati	darpati	царапать, драть
Pithi	piti	пить
Lagithi	laiati	лаять
Kriti	kriti	укрывать
Schergiti	siati	сеять
Zalogi	zaloghi	засада
Kost	kost	кость
Tobole	tobolaz	сума, тоболец
Masdra	mesgra	кишки, мездра
Boy	boy	бой
Hruscha	Kruscha	груша
Plin	pun	полный
Olobo	olouo	свинец, олово
Lepsi	liepsci	более красивый, лучший
Prut	prut	прут
Muy	moi	мой
Tisyrz	tissuchia	тысяча
Dyeliti	dieliti	делить
Vuoliti	volieti	выбирать
Zvuati	zvati	звать
Teczouati	Taczouati	танцевать
Dol	dol	долина, дол
Zhuchar	zuchar	сахар
Mincze	minza	монета
Myss	mysc	мышь
Mucha	muha	муха
Tanecz	tanaz	танец
Truhy	truhauo	печальный
Saumar	Kramar	погонщик мулов
Lost	suetlost	свет, светлость
Grob	grob	могила, гроб
Smitti	smiati	смеяться

Vunach	vnuch	внук
Gnysti	gnyesdo	гнездо
Sechyra	sechyra	секира
Sediate	sedieti	сидеть
Teneta	tonoti	тенета
Tenchny	tanchy	тонкий
Vuideti	vidieti	видеть
Vudovuecz	vdovaz	вдовец
Vuyno	vyno	вино
Vncza	vncia	унция
Desna	desna	правая, десная
Kobyla	kobyla	кобыла
Krug	krug	круг
Lisy	plisy	лысый
Golubo	golub	голубь
Klicz	Kgliuc	ключ
Zumby	zuby	зубы
Potokh	potok	поток
Kastan	costagn	каштан
Czysti	cisti	чистый
Koczka	macka	кошка
Vule	voglia	воля
Hora	gora	гора
Vuasate	vesati	связывать, вязать
Svuager	suak	свояк
Loter	lotar	малодушный, лодырь
Gladkhi	gladKi	гладкий
Lechchy	lachscij	легкий
Levu	lav	лев
Libo	gliubau	любовь
Buchvuize	buchviza	книга, буквица
Vvedro	vedro	ясная погода, ведро
Ssilhan	lihan	косоглазый
Mez	mac	меч
Mistr	mestar	мастер, наставник
Mule	mlin	мельница
Sestra	sestra	сестра
Maluasy	maluasia	мальвазия
Dyl	Dil	доля

Perla	perla	жемчуг, перл
Pavu	paun	павлин, пава
Med	med	мед
Stati	stati	стоять, стать
Mogu	mogu	могу
Stuol	stuol	стол
Suuynie	suigna	свинья
Tele	tele	теленок, телец
Ziena	zena	жена
Chvaly	huala	хвала
Kila	kila	грыжа, кила
Zima	zima	холод, зима
Sledovuati	sliedouati	следовать
Pitati	pitati	спрашивать, пытать
Matiti	mlatiti	молотить
Strossati	strossati	точить, строгать
Chtiti	htiti	хотеть
Snych	snig	снег
Novuy	nouy	новый
Nagy	nago	нагой
Vuoda	voda	вода
Ztrevuicz	zrevic	башмаки, черевики
Dar	dar	дар
Klap	hlap	холоп
Plauiti	plauiti	плавать
Praczovuati	prazouati	приживать детей
Plesati	plesati	плясать
Tlaiziti	tlaciti	притеснять
Koblach	klobuck	шапка, клобук
Plachta	plato	покров, плат
Postdye	poslye	после
Prositi	prositi	просить
Miziati	misciati	мочиться
Kada	kuda	хвост, хобот
Boditi	bosti	тыкать, бодать
Schornia	scorgne	сапоги
Vualiti	vuagliati	валять
Sedil	sedlo	сиденье
Siti	siati	сеять

Vuiter	vietar	ветер
Bieda	bieda	беда
Placz	plaza	площадь
Kuchinie	kuhinia	кухня
Lyd	Gliudi	люди
Mus	muse	муж
Poczvuati	pociuati	почивать
Svuanti	sveti	святой
Pasti	pasti	пасти
Tribuch	tarbuch	живот, утроба
Sobota	subota	суббота
Opuchh	opach	косой
Rozum	razum	разум
Dum	dom	дом
Lug	lug	лес в низине, луг
Pochoy	pochoy	покой
Navuchyer	nauchyer	кормчий
Truba	trubgua	труба
Navavu	navo	наём
Nevuesta	neviesta	невеста
Pogiti	poyti	поить
Pisati	pisati	писать
Nass	nasc	наш

Таковы слова, бывшие в употреблении у древних вандалов, и все эти слова суть славянские — для всякого, знающего этот язык, это совершенно ясно. На этом основании можно с уверенностью утверждать, что готы, ос- троготы, визиготы, гепиды, геты и упомянутые вандалы были славянами и по роду и по языку, так как Прокопий Кесарийский, находившийся в войсках Велизария во время его походов против готов и имевший общение со всеми этими народами, заявляет, что все они одного рода и языка, называемого, как он говорит, готским.

О происхождении аланов написал Петр Крусбер в своем труде о северных народах, где он отмечает, что они были венедским, или славянским, племенем. То же самое утверждает и Матвей Меховский в 13–й главе I книги, где пишет, что аланы, вандалы, свевы и бургунды были из польских земель и говорили на одном и том же польском, или славянском, языке. Об этом же пишет и Еремей Русский в своих летописях. Пьерф- ранческо Джамбулари и Иреникус (I) утверждают, что чехи (Boemi) произошли от упомянутых аланов, которых Карл Вагрийский (II) называет славянским племенем. Крусбер (I) и Альберт Кранц (I, 22) причисляют к славянам также и верлов. Карл Вагрийский (III) пишет, что нашел во Франкфурте рукописную книгу одного автора, который, излагая историю Германии, убедительно доказывал, что верлы были славянами; и автор этот жил в столь давние времена, что, как было видно из упомянутого труда, мог застать внуков и правнуков верлов. Альберт Кранц в I книге «Вандалии» приводит несколько доводов в доказательство того, что верлы, или герулы, были славянами.

Однако Гельмольд Пресвитер устраняет все сомнения, упоминая в числе славян, живущих на

Венедском море, и этих верлов, которые, согласно Рейнекцию, жили по реке Гаволе. Некоторые писатели называют их герулами, но это неправильно, поскольку настоящим их именем было верлы, что по–славянски означает «необузданный, жестокий и надменный народ». О том, что именно эти качества историки приписывали верлам, пойдет речь в надлежащем месте.

Авары, бастарны, певкины и финны (как пишут Заккариа Лилио, Иреникус (II, 39), Абрахам Ортелий в своей «Синонимии» и Меланхтон в комментариях к Тациту) также были славянами. Автор жизнеописаний франкских королей, а именно Пипина, Карла Великого и Людовика, открыто говорит о том, что авары были одного рода со славянами. Упомянутому автору, бывшему (согласно Ортелию) монахом–бенедиктинцем и жившему во времена упомянутого Людовика, с которым его связывала тесная дружба, в этом можно безусловно доверять, так как в его время авары еще существовали. Короля своего авары называли каган, или коган, как и славяне болгары.

Ян Дубравий причисляет к славянам скирров и гирров. В I книге он пишет о них так: «Та Сарматия, которая, по Птолемею, ограничена с востока Меотийским болотом и Таной, с запада — Вислой, с севера — Сарматским океаном, а с юга — Карпатскими горами, была некогда общей родиной всех тех народов, которые теперь называют славянскими. Прежде они имели различные имена, и некоторые из них именовались гиррами, скиррами, сербами и венедами». То же самое утверждает и Карл Вагрийский в I книге, где пишет, что они были венедами, или славянами.

По единодушному мнению историков, в прошлом они жили в Дакии и назывались даками. Как пишет Бонфини в 1–й книге I декады, до вторжения гуннов они жили в тех краях вместе с римлянами. Память об этом и сейчас жива в Дакии, поскольку в Молдавии и Валахии (которые и были древней Дакией) в публичных актах и при богослужении используются не какие иные, как славянские, письмо и язык. Молдаване по манере речи ближе к русским, или московитам, валахи же больше напоминают рашан.

Как утверждают Джамбулари, Крусбер и Иреникус (I), шведы, или све- вы, что одно и то же, норманны и болгары суть славяне. Джамбулари (I) пишет о них так: «Из обширнейших пределов Скандинавии неоднократно выходили великие и неисчислимые людские полчища, а именно аланы, славяне, к которым относятся чехи и поляки, шведы, давшие нам норманнов, и болгары». Вольфганг Лациус пишет, что норманны являются потомками маркоманов. При этом упомянутым именем норманнов Сигиберт из Жамб- лу, Эйнгард и другие авторы того времени, среди прочих, называли и русских, как пишет Абрахам Ортелий при описании Дании, комментируя Ла- циуса.

Об укранах упоминает Эйнгард Монах в жизнеописании Карла Великого, где причисляет их к славянам. Видукинд Монах, описывая различные славянские народы, как видно из «Синонимии» Ортелия, называет один из них украми, или укранами.

Наконец, маркоманы и квады, столь знаменитые в античной истории, также происходили из непобедимого славянского рода, поскольку Альберт Кранц в 14–й главе I книги «Вандалии» и Корнелий Тацит однозначно называют их вандалами. То же самое делает и Еремей Русский в своих «Летописях Московии», где утверждает, что маркоманы — настоящие славяне. В подтверждение своего мнения он поместил в своих летописях надпись, которая, как он пишет, была обнаружена им высеченной на камне в стране маркоманов, когда он сопровождал посла государя Московии к императору в Вену.

Вот эта надпись:

STYN OUUY UKLOPYEN BYLIE JESTI MERA SGODE, KRUKOUUYE NASS MARKOMAN. I BRE TE SLAVNOV, LYTOU BOYA NASGA… MARKOMAN PROYDE. N1 SLAUNOU… STYN… POKOY …

LYTH V VIKA.

Никто не может отрицать, что эта надпись — целиком славянская, поскольку по–славянски она звучит

почти идентично, а именно:

STINA OWA VKLOPIENA BILIEG IEST MIRA SGODE KRVKOVYE, NAS MARKOMAN I BRA- TIE SLAVNOVIEH, LITA BOYA NASCEGA… MARKOMAN PROYDE, N1 SLAVNI… STINA… POKOI… LITH V VIKA.

В переводе это звучит так: **«Сей камень был поставлен в знак мира между круковнями, нами, маркоманами, и братьями славянами, лета войны нашей… Да пройдет маркоман, не славянин… камень… мир… на веки вечные»**.

Таким образом, можно с основанием и полной уверенностью утверждать, что маркоманы были славянами, поскольку единство языка в прошлом доказывает единство происхождения — мы относим к одному народу всех тех, кому с самого начала с молоком матери было даровано общение на том или ином языке. Кроме перечисленных выше свидетельств ученых мужей и знаменитых писателей, на основании которых мы показали, что все перечисленные выше народы были славянами, единство их происхождения можно доказать и на основании личных имен, упоминаемых у авторов, описывавших историю готов и других северных народов. Вот эти имена: Видимир, Валамир, Сигимир, Теодомир, Фри- гимир, Свевлад, или, как другие ошибочно пишут, Сисвальд; Селимир, Гельмир, Радагаст, или Радагазий; Ракимир, Раймир и Санко, один из которых, согласно Дольони, правил в Испании в 823 году, а другой — в 1064–м. Упоминаются также Сигизмир, Визумар, Витиз, Мисислав, или Мислав, Оттокар, Вигислав, Сингибан, Предимир и Обрад. Эти имена собственно славянские. К блеску и славе славянского имени следует прибавить и то обстоятельство, что не только мужчины, но и женщины прославились в веках своей воинской доблестью, каковыми были амазонки. Как пишут Петр Крусбер (I) и Иоганн Горопий (VIII «Ама- зоника»), они были женами славян сарматов. Завершив на этом первое знакомство с различными народами, рассмотрим теперь их происхождение и деяния.

Начнем со славян готов. В самой глубокой древности, до того, как распространилась слава и само имя римлян, готы, не имея [внешних] врагов, воевали между собой. Выйдя из своей прародины Скандинавии, они вначале напали на ульмеругов. Изгнав последних из их собственных мест обитания, они при короле Берихе заняли упомянутую страну. Позднее они под предводительством короля Филимира двинулись в Скифию, называемую Овин (Ouin). Об этом сообщает Иордан. Затем они поселились по соседству с племенами спалов. Победив их, согласно Аблавию, готы разделились. Одна их часть покорила Египет, о чем упоминает Геродот Галикар- насский, другая — под началом Амала двинулась на восток, остальные же, предводимые Балтом, пошли на запад. Те, что отправились на восток, изгнав скифов, дали им других царей. Скифский царь Весоз, называемый другими Весор, пошел войной на царя Египта Беторикса (Betorice) и одержал над ним победу, как можно прочесть у Иордана, Юстина, Трога (I), Бонифачо Симонетты и других. После него была царица Томира (Tomira), которая воевала с персидским царем Ксерксом (Serse). Позднее македонский царь Филипп женился на Готиле, дочери скифского царя. Его сын Александр также сражался с ними, но, испытав силу их оружия, заключил с ними мир, как можно прочесть у Страбона (VII) и Арриана из Никоми- дии (IV), а также у Оттона Фрейзингенского, хотя мнение Квинта Курция несколько расходится с мнением остальных. Дарий, став царем персов, взял в жены дочь скифского царя Антира (Antriregiro). До той поры готы назывались скифами, как ясно видно из Диона, Схоластика Миринейского, Ага- фия, Иордана и других. Однако вовсе не потому, что готы происходили от скифов, как думают некоторые итальянские авторы, а потому, что, изгнав скифов, готы завладели их царством. По этой причине Требеллий Поллион написал, что скифы — это часть готов.

Те же готы, что двинулись на запад, разорив Грецию, переместились в Азию и пришли на помощь троянцам. Царями их, как пишет Дион Грек, были Еврипил и Телеф, убивший Ферсандра (Casandra) и лишенный доспехов Ахиллом. Позднее, при Августе Цезаре весьма прославился царь гетов Беробиста (Berobista). В то время Элий Кат (Elio Catone) вывел за

Дунай пятьдесят тысяч гетов для проживания во Фракии. Царь гетов, заставляя их укреплять свое тело упражнениями, быть воздержанными и соблюдать законы, так умело управлял ими, что, создав обширную державу, покорил многие соседние народы. Дерзко перейдя Истр, он опустошил Фракию, Македонию и Иллирию, внушил ужас римлянам и унес неисчислимую добычу из [земель] соседних галлов, фракийцев и иллирийцев. Помимо этого, он полностью истребил бойев, бывших под властью Критасира (Critasio), и таврисков. Как повествует Страбон в VII книге «Географии», Август был вынужден послать против него войско численностью в пятьдесят тысяч воинов. Приблизительно в то же время жил царь готов Дромихет (Dromachete), который сразился на Истре с царем Лисимахом и взял его в плен. Об этом можно прочесть у Кампануса в «Регенсбургской речи», у Страбона (VII) и Плутарха (Plutarcho) в «Изречениях» и его жизнеописании, где он пишет: «Жестокий Дромихет, варварский предводитель (Duca), взяв незадолго до этого в плен Лисимаха, великодушно отпустил его». Павел Орозий (III) называет этого Дромихета царем Фракии и описывает его жизнь, и это делают также Тит Ливий, Евтропий, Евсевий и другие.

Однако Страбон и Иордан говорят, что он был гетом, и это представляется более правдоподобным: те, кто связывают его с Фракией, хотят тем самым показать, что геты всегда держали Фракию в подчинении. Говорят, что еще есть во Фракии место под названием Лисимахия, названное так после упомянутого сражения, о чем упоминают Плиний (IV), Стефан Византийский и Птолемей.

Готы вели многочисленные войны и с македонцами: они уничтожили Со- пириона (Sopirione), наместника Александра Великого, с тридцатитысячным войском, а до этого нанесли поражение царю Филиппу, как пишет Юстин (XXVII), называя их при этом скифами. Однако Иордан и другие приписывают это готам, которые были известны древним под именем скифов. По свидетельству Страбона, Арриана, Птолемея Лага (Tolomeo di Lago) и Кампануса, ни Александр Великий не погнушался заключить мир с гетами, ни они с ним. Тем не менее Юстин пишет, что Александр одержал на гетами победу, о чем, однако, не упоминает больше ни один из авторов, писавших об их истории. Бьоидо в I книге «Истории, начиная от упадка Римской империи» пишет, что готы были побеждены Лукуллом. Однако ни Мефодий, ни Иордан об этом не упоминают.

Как можно прочесть у Агафия и Мефодия, позднее, когда готы хотели переправиться через Истр, им помешал Агриппа. Во времена Августа готы опустошали все провинции, подчиненные Римской империи. Овидий Назон, живший в то время у гетов, указывает на это в I книге «Писем с Понта»:

Многих, многих людей заботы твои не волнуют
И не пугает твоя мощь, ослепительный Рим.
Мужество им дают тетива и стрелы в колчане…

А также в письме к Северу, элегия IX:

Мира не зная, живу, постоянно ношу я оружье:
Гетские стрелы и лук вечно войною грозят.

Примерно в то время геты овладели многими римскими городами и провинциями. На это указывает следующее место у Овидия:

Город старый вблизи берегов двуименного Истра
Грозной стеной защищен и положеньем своим.
Каспий Эгис, коль верить рассказам, тот город построил
И, по преданию, дал детищу имя свое.
Гетов свирепых орда, истребив нежданно одрисов,
Приступом город взяла, против царя ополчась.

Еще во времена Домициана готы устраивали жестокие побоища по всей Римской империи. Как пишет Бьондо, Корнелий Тацит, дабы не выражать число убитых готами римлян, не стал писать историю.

Позднее Бассиан и Каракалла, как можно прочесть у Флавио и Мефодия, несли большие потери в войнах с готами.

Третья часть готов, остававшихся до того времени на острове ульмеру- гов, объединившись с остальными готами, захватила Паннонию. Об этом пишет Мефодий. В то время их государь Ситалк во главе стопятидесятиты- сячного войска пошел войной на афинян. Испытав во время этой войны силу римлян, он заключил с ними мир, и соблюдали его до времени Домициана, который первый открыл двери храма Януса. Тогда, говорит Иордан, готы разбили римские войска под предводительством Помпея Сабина Агриппы, и, убив самого Помпея, отсекли у трупа голову. После этого готы разделились на две части: одна заняла Мезию и Фракию, и именно их потомком по отцовской линии был император Максимин, о чем свидетельствуют Симмах Грек, Юлий Капитолин и Иордан; другая же начала войну против римского императора Филиппа, который и был причиной этой войны, не выплатив готам жалованья, которое они получали — чем и восстановил их против себя. Вступив с ними в войну, он послал против них сенатора Деция, который вместе со своим сыном и тридцатитысячным римским войском нашел там свою смерть. Посему готы заняли Мезию. Об упомянутом поражении и гибели Деция свидетельствует алтарь, посвященный ему в Мезии. Сведения об этой войне можно найти у Сабеллико, Бьондо, Иордана, Орозия, Готфрида и других. Однако Помпоний Лет, подробно описывая события тех лет, говорит, что отец и сын Деции приняли смерть по собственной воле, желая в подражание древним Децияам принести себя в жертву богам во имя будущей победы. Евсевий и Сабеллико (в 7–й книге VII эннеады) говорят, что оба они пали в войне с готами.

Когда Римской империей правил Гордиан, готы опустошили Азию, Понт, Македонию и Грецию, о чем говорят Бьондо, Евсевий, Евтропий и Сабеллико. Требеллий Поллион излагает эти события иначе и противоречит Ев- севию, так как пишет, что тогда был убит Макрин, сын императора. Когда после Галлиена власть в империи перешла к Постуму, готы, овладев Фракией, опустошили Македонию и причинили ущерб Фессалии. Совершив набег на Азию, пишет Требеллий, они разрушили храм богини Дианы в Эфесе. По свидетельству Требеллия, Сабеллико и Бьондо, в то время немало пострадал и Византий. Готы же скрытно пересекли на судах Большое море, вошли в устье Истра и, внезапно напав на местных жителей, устроили резню. Остановить их удалось только наместникам Византия Клеодаму (Cleocalo) и Афинею, однако при этом погиб военачальник Венериан. Готы, возгордившись, напали на Кизик и заняли Азию со всей Грецией. Живший в то время историк Дексипп Грек подробно описал эти события, упоминая, что готы совершили также набег на Эпир, Гемонию (Hemonia) и Боэцию (Boetia). Как сообщает Иордан, император Диоклетиан также враждовал с готскими царями Гунтерихом и Аргаитом (Arcaico). Эти цари, разбив римлян и овладев их лагерем, взяли мезийский город Марцианополь, о чем пишут Бьондо и Помпоний Лет. Волузиан после этого заключил с готскими царями мир. При его преемнике Галлиене (Galeniano) Римская республика вновь подверглась нападениям, так как готы под началом трех предводителей Вендикона, Турона и Варона, разорив и опустошив Азию, Геллеспонт, Эфес, Вифинию и Халкедон, разрушили Анхиал, город у горы Эма (Нето), о чем упоминают Сабеллико, Бьондо и другие авторы. По свидетельству Помпония Лета, в то время все готы были в заговоре против Римской империи. То же самое пишут Кальпурний Сура, Юний Корд, Дексипп, Арриан и другие, но особенно Требеллий Поллион в жизнеописании Маркиана (Mariano), где говорит, что готы подвергли разрушениям Ахайю, Фракию, Македонию и Фессалию, а в Византии устроили такую резню, что не осталось больше ни одного представителя старинных родов, и никто не избежал своей участи, кроме тех, кто по счастливой случайности находился в это время вне дома. Видя это, Максимиан предпочел мир войне с ними, и первым стал платить готам жалованье. В это время у готов королем был Гиберих, который, по свидетельству Иордана, покорил скифов, твидов (Tuidi), бубенгетов

(Bubengeti), васмабронтов (Vasmabronti) и кадиев (Cadi). При римском императоре Клавдии в битвах пало триста двадцать тысяч готов, и две тысячи судов были потоплены в море, как следует из писем Клавдия сенату, приведенных у Требеллия и Помпония Лета. Из письма к Юнию Бокху, префекту Иллирика, явствует, что Клавдий сражался с готами в Фессалии, Дакии и Мезии, у Марцианополя и Византия; что готы предали огню и мечу острова Крит и Кипр, но, в конце концов, Клавдий одержал над ними победу. По постановлению сената за столь славную победу в честь Клавдия в здании сената был повешен золотой щит, а перед храмом на Капитолии установлена его золотая статуя. Вот какую честь и награду заслужил тот, кто смог одержать победу над славянами!

Однако Требеллий, по свидетельству Сабеллико, написал все эти вещи, полные лести к Клавдию, по той причине, что тот был предком Констанция (Costantino). Евтропий пишет, что в то время погибло двести тысяч готов, однако, как замечает Сабеллико, об этом, кроме Евтропия, нет упоминания ни у одного другого историка. С большим сомнением отношусь я и к тем писателям, которые повествуют о победе над готами под Никополем, которую одержал преемник Клавдия Аврелиан, по той причине, что неизвестно число павших. О том, насколько сильно в те годы готы терзали Римскую империю и какую славу снискал себе славянский народ за одержанные победы, можно понять по тем дарам и письмам, которые сенат посылал Аврелиану, о чем говорится у Флавия Вописка. За победу над готами Аврелиан получил от сената столько благодарностей и наград, сколько никогда прежде не имел ни один полководец или император. Как пишет Сабеллико, Аврелиан уничтожил всего пять тысяч готов в одном сражении. Флавий Вописк, ссылаясь на греческого историка Феоклия (Teoclito Greco), пишет о том, что павших в бою с Аврелианом было немало, при этом погибло не более трехсот солдат гарнизона; что сарматы были побеждены в Иллирике; что за Дунаем он уничтожил пять тысяч готов с их вождем Каннабадом, или Канабаудом, и провел множество их в триумфе. По этой причине Аврелиан был прозван «восстановителем Галлий» и «освободителем Иллирика». Однако всякий, прочтя Иордана, не на минуту не усомнится в том, что это ложь. Очевидно, Флавий льстит Аврелиану, желая приумножить его славу указанием только числа павших готов. Хотя Вописк в начале своего повествования и признает этот грех за историками, которые, принимаясь за написание истории императоров, стремятся увеличить их славу путем указания на множество павших, однако при описании этой войны с готами сам его и совершает. По свидетельству Сабеллико и Бьондо, готы были также побеждены императором Константином, однако Иордан открыто это отрицает. Тем не менее с полной уверенностью можно утверждать, что после заключения мира с Римом готы вели себя мирно в течение почти семидесяти лет вплоть до Валента, который, отказав им в своей дружбе и союзе, позволил жить во Фракии и иметь свое войско. В то время готы разделились на визиго- тов и остроготов, то есть на «верхних» и «нижних», поскольку у славян, имеющих одинаковый с готами язык, visi означает «верхний», а ostoch, или istoch, означает «восток». Те, кто был ближе к востоку, стали называться остроготами, а западные — визиготами. Аблавий считает, что так они именовались еще у себя на родине, однако Павел Диакон, Аббат Урсбергский и Альберт Кранц говорят, что те, кто последовал за Фри- дигерном, были прозваны визиготами, а примкнувшие к Аталариху (Atalanio) — остроготами. По причине царившего между ними разлада Фридигерн обратился к императору Валенту с просьбой оказать ему помощь в борьбе с Аталарихом и, как пишет Сократ (VIII, 14), одержал победу над своим соперником. Валент разбил его близ пределов Фракии, и по этому случаю готы по превратному убеждению Валента приняли арианство. В то время, по свидетельству Феодорита, готов наставлял и обучал превратным догматам Ария готский священник Ульфила (Vualfila).

В этом месте мнения историков сильно разнятся. Сабеллико в 9–й книге VII эннеады пишет, что готы, изгнанные гуннами, пришли просить Валента о даровании им для жительства Фракии. Это же утверждает и Орозий, однако Аббат Урсбергский и Иордан говорят, что готы просили у Валента Мезию и Дакию, а он предложил им Фракию, где они и поселились. То же самое утверждает и Сократ Историк, однако Мефодий

пишет, что готы завоевали Фракию в результате войны, а император, опасаясь, что в будущем готы будут нападать на Римскую империю, против своего желания предложил им Фракию, и дал двух своих военачальников, Лупицина и Максима, чтобы под их началом они могли завоевать для себя другие, лучшие страны. Нет согласия у историков и относительно причины возникновения разногласий между императором Валентом и визиготами. Павел Диакон, Аббат Урсбергский и Сабеллико утверждают, что это произошло из⍰за неосмотрительности Максима и Лупицина (Иордан называет его Лупи- цием), тираническое правление которых неоднократно доводило визиготов до голода. Другие историки считают, что Лупицин строил козни против царя визиготов Фридигерна и пытался его отравить. По мнению третьих, визиготы под гнетом нужды восстали против Валента и, сразившись под началом Фридигерна с римлянами, наголову их разбили. Сам император Валент был в этом сражении ранен стрелой и, теряя силы, был унесен своими в какую⍰то хижину, которая была сожжена врагами, не подозревавшими, как пишет Иордан, что там находился император. Епископ Феодорит пишет, что первое сражение визиготов с Валентом произошло на Босфоре. Одержав победу, они, как пишет Сократ (VIII, 33), в мае достигли Константинополя. Оттеснив римлян до Адрианополя, они устроили им кровавое побоище и там же сожгли императора. Произошло это в 382 году от Рождества Христова, на 1033 году от основания Рима и на четвертому году правления Валента. Феодорит, однако, утверждает, что Валент ушел из жизни 9 августа. Как замечает Созомен, такая судьба Валента не была случайной — он был причиной того, что готы, которые могли бы быть столь полезны для Святой Матери Церкви, сделались арианами. Он пишет также, что эта гибель была предсказана Валенту одним православным, сказавшим, что, если он не заключит мир с визиготами, то примет от них смерть. Итак, после упомянутой кончины императора Валента готы подступили к Константинополю и подвергли его жестокой осаде. Как пишут Сабеллико, Бьондо и другие историки, в ту пору Доминика, вдова усопшего Валента, всячески выказывала этому неукротимому народу свою щедрость, посылая им в изобилии всевозможную провизию. Сократ, однако, пишет, что визиготы осадили Константинополь еще при жизни Валента. О других походах, которые в те времена совершали готы в Мезии и Фракии, подробно написано у Платины в жизнеописании Сириция, Иеронимом в «[Хронологических канонах] Евсевия», а также Проспером в его «Хронике (Rigressioni)», однако приводимые ими сведения противоречивы. Наибольшего доверия заслуживает Иероним, который был современником упомянутых событий.

После Валента императорская власть перешла к Валентиниану, делившему с Феодосием обязанности по защите римских владений. В это время гремела слава о подвигах готского короля Аталариха (Attalarico), который, заключив мир с греками, прибыл в Константинополь. И это было не столько хорошо, сколько необходимо. Если в то время готы выступали против римлян, дела в империи шли из рук вон плохо. Аталарих, выражая свое восхищение императором и оказанным ему приемом, говорил, что император, вне всякого сомнения, является олицетворением Бога на земле, и те, кто вздумает плести интриги против него, должны немедленно покаяться в своем заблуждении. После кончины Аталариха Феодосий устроил ему царские похороны, чем вызвал глубокую признательность всех готов. После смерти Аталариха готы в течение 25 лет не выбирали себе нового короля, довольствуясь властью римского императора, который платил им жалованье. Наконец, оставив Фракию, они избрали королем Алариха из семьи Балтов. Аларих объединился с королем Радагайсом (Radagaso), ужасней которого, по свидетельству Клавдиана, Евтропия, Орозия и Бьондо, не было человека на земле. Аблавий пишет, что он появился внезапно с двухсоттысячным войском. Положившись на их силу, Аларих предал огню и мечу Фракию, Паннонию, Иллирик и Норик. Все это так распалило гордыню Радагайса, что он принес обет своим богам в случае победы принести им в жертву всю итальянскую кровь, угрожая истребить римлян и превратить Италию в Го- тию. Подобно тому, как все императоры после Августа и Цезаря стали называться августами и цезарями, он хотел, чтобы все императоры именовались радагайсами. Однако Бог не стерпел такой гордыни и заносчивости и предал его в руки христиан, которые, нанеся ему поражение на Фезулан- ских

высотах, предали его жалкой смерти.

Аларих отправился в Испанию и владел ею в течение тринадцати лет, после чего вернулся в Италию. О том, что он там совершил, можно прочесть у Бьондо, Сабеллико и Оттона Фрейзингенского (IV), описавших деяния готов.

Длительное время воевали готы и с франкскими королями, но, будучи изгнаны из этого королевства, опять вернулись в Испанию. Позднее во времена Мартелла (Marcello) они под началом Меровия (Meroueo), или Маравия (Marauio), напали на Франкию и захватили в ней множество городов. Мартелл послал против них своего военачальника Луитпранда, который сразился с ними. В то же самое время и франкский король Абд эль- Рахман (Abdiramo) вел войну с готами, о чем можно прочесть у Гагена (Gaguino) (III). Все это происходило до нашествия Аттилы в Италию, поскольку после нашествия между готами и франками всегда царил мир, как написано у Прокопия и Аблавия.

Описав вкратце историю визиготов, перейдем теперь к остроготам. Терзаемые гуннами, они отважно защищались. Когда же от сыновей Аттилы отвернулась удача, остроготы изгнали их из Паннонии и Мезии, разорив также и Иллирик. От императора Льва они добились признания за собой завоеванных ими земель, заключив с ним договоры и оставив в качестве заложника Теодериха, будущего короля Италии. Тем временем Рим страдал от множества сменившихся за короткий срок правителей и императоров. Правили Рецимер, Василиск, Антемий, Зенон, Маркиан (Marco), несколько Львов (Leoni), Олибрий, Глицерий, Орест и его сын Августул. О том, как это происходило, со всей точностью написано у Бьондо, Сабеллико (II, 8), Помпония Лета и Иоанна Монаха. В мои же цели входит написание истории славян и поиск того, что для этого необходимо, поэтому сведения, не имеющие к этому прямого отношения, я опускаю.

Итак, при римском императоре Августуле Оттокар, король славян ран, овладел Италией: разорил Тревизо, Виченцу, Брешию и взял приступом Павию. По словам Сабеллико, в то время было пролито больше римской крови, чем когда-либо после того, как Римская империя стала клониться к упадку. Другие его деяния описаны у Оттона Фрейзингенского (IV, 31).

Орест и Августул погибли жалкой смертью, послужив примером того, что никому не дозволено с такой легкостью присваивать себе императорское звание. Итак, примерно за два года Рим лишился двенадцати императоров, большая часть которых погибла насильственной смертью, причем ни один другой народ не нанес ему больший урон, чем славяне. После падения Римской империи в Италии они стали первым из иноземных народов, кто овладел забрав себе всю римскую славу. Если Кир прославился покорением халдеев, а Александр Великий — подчинением себе Персидского царства; если римлян столь превозносили за уничтожение греческой монархии — тем большего восхваления и славы заслуживают славяне за то, что положили конец римской гордости. Оттокар, называемый другими Одоакром, был славянин ран, как в нескольких местах отмечает Вольфганг Лациус в «Переселении народов» и Альберт Кранц в своей «Вандалии». Он был мужем высокого роста и правил королевством Италии в течение пятнадцати лет. Рим в такой степени опасался его жестокости, что все население города вышло ему навстречу и оказало славянину больше почета, чем полагалось кому-либо из смертных, приветствуя его при этом как «короля римлян». Почести, оказанные Оттокару, и обширность его королевства, вызвали зависть у остроготов и императора Зенона, и они стали подстрекать остроготского короля Теодериха восстать против него. В упорной битве на реке По Оттокар потерпел поражение, причем сражение возобновлялось трижды. Однако, в конце концов, Теодерих одержал победу, и Оттокар бежал в Равенну, где был осажден и на третьем году осады на достойных условиях сдался, однако из-за коварства Теодериха был, в конце концов, убит.

Таким образом, Теодерих сделался властителем всей Италии, и во второй раз Италия оказалась под господством славян. Этот Теодерих, как пишет Прокопий Грек, воссоздал Италию и защитил ее от многих

бед. Для упрочения своей власти над ней он в высшей степени заботился о справедливости и никого не притеснял. После тридцатисемилетнего правления Италией Теодерих скончался, и с его смертью Италия лишилась покоя. Ведь за время своего правления он все усилия направлял на поддержание в ней мира и ее украшение, особенно города Рима. Тот, кто захочет узнать об этом во всех подробностях, пусть прочтет Кассиодора, достовернейшего свидетеля, написавшего свои «Письма»; из которых явствует, что этот добрый государь в течение всего времени своего правления, исключая последние годы, радел о величии и украшении Италии, так что ни Риму, ни Италии не приходилось сожалеть, вспоминая времена Октавиана Августа, Тра- яна, Адриана или какого-либо другого государя.

Итак, после кончины Теодериха император Юстиниан, стремясь вернуть Италию и полагаясь на верность и доблесть Велизария, изгнавшего вандалов из Африки, пошел войной на остроготов. Начать войну его побудило и то, что управление и защита Италии находились в руках бесхарактерного и малодушного короля. Об этом пишут Прокопий, Оттон Фрей- зингенский (V), Леонардо Аретино и многие другие писатели, но особенно подробно папа Пий II в «Комментарии к Бьондо».

При описании этой войны Юстиниана с готами я буду опираться на свидетельства таких писателей, как Прокопий Грек, описавший ее в четырех книгах, Гвидо из Равенны, Леонардо Аретино, Бьондо и Сабеллико (VIII эннеада). После Прокопия самое пространное изложение войны, которую вели Велизарий и Нарсес против готов при консулах Силенциарии (Silentiano) и Македонии (Macedonio), дал Схоластик Миринейский (Smirneo).

Итак, Велизарий был первым, кто изгнал остроготов из Сицилии, обратил в бегство их короля Теодата и взял Неаполь. Однако, когда он вступил с остроготами в сражение под Римом, то потерял там весь цвет римского войска, остальные же спаслись бегством. Готы преследовали их вплоть до Пинцианских (Pinciaria) ворот. В длившемся целый день сражении всех в доблести превзошел гот Визанд (Visida). Римляне, теснимые неприятелем, отступили в город, который подвергся жесточайшей осаде. В другой раз пало примерно двести тысяч римлян. Когда же римляне снова ринулись в бой, то потеряли в нем всех своих доблестных солдат. В конце концов, в осажденном Риме начался такой голод, что все старики, женщины и дети были отправлены в Неаполь. Об этом пишут Прокопий и Леонардо Аретино (I).

После этого готы сожгли города Комо и Римини и взяли Милан, безжалостно разрушив его и предав смерти многих его жителей обоего пола. По свидетельству Прокопия, разрушив город почти до основания, готы посыпали пепелище солью. Епископ Даций и Варнефрид, хотя и описывают бедствия и лишения, выпавшие на долю Милана, об этом, однако, не упоминают.

После этого король Аталарих разрушил ворота Рима, называемые Са- ларийскими (Salina). При короле Тотиле готы покорили Беневент, Комо, Лукку, Калабрию, Апулию; захватили они и все корабли Деметрия, снабжавшие Рим продовольствием. Кроме этого, они овладели также кораблями Максимина, защита которых была поручена гуннам. Затем они взяли приступом Неаполь и разрушили Ауксим, называемый ныне Озимо, и Ри- мини, и вернули себе Сполето и Асколи. Оттон Фрейзингенский в IV книге описывает все эти события. Однако такой исправный историк, как Сви- да, обошел их молчанием, хотя упоминает имена Велизария, Нарсеса, Юстиниана, Аталариха, Теодериха и прочих. Сделал он это, чтобы не умалять славу и величие греков. Вот так по вине писателей славянская история и пребывает под спудом.

Тотила, взяв Равенну, Чезену и город под названием Пьетра и став господином почти всей Италии, подверг Рим такой жестокой осаде, что осажденные были вынуждены перейти с изысканной пищи на коренья, мышей и траву. Тогда папа Вигилий, движимый состраданием к их несчастьям, послал им зерно, однако Тотила отобрал его у них. Доведенные до крайности римляне в надежде смягчить Тотилу послали к нему Пелагия, но и это оказалось напрасным, и многие из римлян умерли голодной смертью. Тем временем Тотила, найдя способ проникнуть в город, под покровом ночи вошел в Рим. Утро застало его

рыскающим по городу с обнаженным и обагренным кровью мечом, ибо он убивал всякого, кто встречался ему на пути. Были истреблены двадцать две тысячи греков, посланных для защиты Италии и оказавшихся в ту пору в осажденном Риме.

Была разрушена треть стен Рима, сожжен Капитолий, и все самые красивые здания в предместьях преданы огню и мечу. Были сожжены и сровнены с землей Квиринальский и Авентинский холмы. Так Рим был совершенно разграблен и разрушен. Уходя, Тотила оставил его пустым.

О Рим, владыка и повелитель народов, кто столько раз лишал тебя твоих граждан?! То, что в прошлом оказалось не под силу ни парфянам, ни Ганнибалу, сыну Гамилькара, ни кому бы то ни было — удалось совершить лишь непобедимым славянам. Ты, защищавший и спасавший другие города, не смог ни защитить, ни спасти себя от натиска славян.

Но вернемся к прерванному рассказу. После разорения Рима Тотила вновь одолел луканов (i Lucchesi), овладел Абруццо и Калабрией. Он уничтожил также более двухсот солдат греческого военачальника Иоанна, и лишь немногие сумели спастись, укрывшись в крепости Россано (Rusticano). Тотила, взяв приступом Россано и Перуджу, отнял у римлян Кипр и Акарна- нию.

Тем временем Велизарий постарался как можно лучше укрепить Рим, но все было напрасно — пришел Тотила и вновь овладел городом. Это было второе разорение Рима Тотилой и остроготами.

Как пишет Прокопий, когда остроготы овладели Сицилией и всей Италией, за исключением Равенны, Анконы и Отранто, император Юстиниан, не в силах терпеть такое разорение империи, послал против них евнуха Нарсеса со всем своим войском. Последний, соединившись с пятью тысячами лангобардов, тремя тысячами верлов, или герулов, и четырьмя тысячами гепидов, вступил в сражение с остроготами, которое с переменным успехом длилось два дня сряду. Тогда остроготы, осознав, что владение Италией не принесет им ничего, кроме постоянных войн с римлянами, решили отказаться от него, при том условии, однако, что им будет позволено вывезти из Италии все свое имущество туда, куда им заблагорассудится. Если же им в этом будет отказано, они грозили биться до последнего. Когда их условие было принято, [остроготы] ушли из Италии. Кто же вынудил их просить о таких условиях? Греки или, может быть, римляне? Конечно, нет, поскольку Велизарий, хотя ему помогали и греки и римляне, никогда не одолел бы готов, если бы не помощь гуннов и верлов. И Нарсес никогда не победил бы их без помощи славян, то есть верлов и гепидов, соплеменников готов. Об этом написано у Прокопия Грека.

Леонардо Аретино, однако, умолчал о многих достойных славы свершениях готов, описав лишь их поражение и скрыв многие из бед, постигших в то время Италию. Нет никакого сомнения в том, что и сам Прокопий, принимавший участие в этой войне на стороне Юстиниана, не упомянул о многих вещах, которые могли бы бросить тень на доблесть и силу греков, а готов, наоборот, выставить в более выгодном свете. Конечно, если бы историки не исказили историю своими измышлениями и лестью, мы прочли бы в ней еще о многих достойных свершениях славян. Впрочем, и тех, о которых они упомянули, вполне достаточно. Нельзя было замолчать их, не вызвав порицания — ведь об этом было известно всему миру. Промолчи о них Прокопий со всеми греками и итальянцами, сам Рим со всей Италией стали бы красноречивыми свидетелями истины и не позволили бы когда-либо предать забвению то, что оставило после себя благороднейшее славянское племя, пролившее столько римской крови.

Эта война Юстиниана с готами продолжалась до последних лет его жизни, велась она и после его кончины, так как готы разделились: одна их часть примкнула к бургундам и франкам, которые позднее вновь восстали против римлян; вторая ушла жить к другим народам; третья же часть, состоявшая из остроготов, уцелевших после стольких войн, стала называться итальянцами, как пишет Сабеллико в 5–й книге VIII эннеады. Вот и выходит, что итальянцы, всегда называвшие готов и другие славянские народы варварами, сами являются не чем иным, как остатками варваров, то есть готов, вандалов, верлов и других

славян.

Итак, до сих пор мы говорили о том, как стали называться и кем стали остроготы. Посмотрим теперь, что же стало с визиготами, второй частью готов. Они отправились в Испанию и стали называться испанцами, как пишет Иреникус (VI). Изгнав из упомянутой державы вандалов, они владели ею на протяжении многих лет, как пишет Микеле Риччо. Короли, потомки их крови, с отвагой и доблестью правили Испанией вплоть до времени наших дедов, оставив Галлию франкам. Несколько раз они овладевали Испанией, три или четыре раза захватывали Галлию, два раза Паннонию, три — Мезию, семь раз — Фракию и, наконец, завладели всем Востоком. Суди сам, благоразумный читатель — удавалось ли это когда- либо Александру Великому, Киру или же Ганнибалу?

О том, каким образом готы добились стольких успехов, очень хорошо написано у поэта Клавдиана. Несмотря на свое крайне враждебное отношение к готам, он все же оставил немало свидетельств их воинской доблести, и особенно вандалов, которые, как мы показали выше, также были славянами.

Вандалы, выйдя из Скандинавии, находились в пути в течение целого года, пока не достигли реки Вислы (Vistula), как пишет Иордан Алан, ссылаясь на Дексиппа Грека. Позднее эта река получила имя Вандал в честь их королевы Вандалы, добровольно утопившейся в ней [в жертву богам] за одержанную над врагами победу, как пишет Меховский (I, 12). От этой реки и получили свое имя вандалы. Иоганн Авентин (I) считает, однако, что вандалы стали так называться по имени их короля Вандала, жившего во времена патриарха Иосифа и правившего в течение сорока лет, и именно в то время возникло это имя вандалов, или венедов.

Они всегда славились своей воинской доблестью, имя их было известно и во времена Александра Великого, во всех походах которого они принимали участие. Об этом пишет Суффрид Петри (III). По его словам, вандалы воевали под началом Александра Великого, а после его смерти вернулись в свою страну, которая позднее была занята саксами. Об этом, пишет Суффрид, написано во фризских летописях, у Альберта Кранца, в «Саксонском зерцале», у Альберта Штаденского, Видукинда Саксона, Вернера Ро-левинка, в трудах Иоганна Эссенского и Генриха Херфордского, а из французских авторов — у Сигиберта из Жамблу.

Бьондо в 1–й книге I декады пишет, что во времена Цезаря Августа восемьдесят тысяч вандалов заняли восточный берег реки Рейн, но затем Друз и Тиберий отбросили их обратно на их исконные земли, под которыми, думаю, понимаются те земли, которые отводил им Плиний у Карпатских гор на границах Сарматии, или Польши. Отсюда за много лет до этого они вывели свои колонии к Балтийскому морю, где сначала долго воевали с датчанами и саксами.

Евтропий и Павел Орозий пишут, что они были союзниками маркома- нов в войнах, которые те вели против императора Марка Антонина (Antonio). После этого, по свидетельству Суффрида Петри, они прошли с мечом по всей Германии. В вышеуказанной книге он пишет: «Я нашел в наших архивах, что через девять лет после этой маркоманской войны, а именно в 183 году от Рождества Христова, вся Германия была охвачена ужасом перед этими вандалами, или поляками. Их нашествие заставило многие племена отступить в укромные места, а некоторые — и вовсе оставить свои исконные земли. Вандалы же поселились на другом берегу реки Везер (Visurgo). Полторы тысячи из них, переправившись через Везер, проникли во Фризию и сели на восточном берегу реки Эмс (Amiso), как можно прочесть у Андреаса Корнелиуса Ставоренского (Andrea Cornelio Stauriese). На них напал Тит Бойокал, брат герцога Фризии Адебальда, и, одержав победу, изгнал их с Эмса». Так пишет о вандалах Суффрид.

Сражались вандалы и с визиготами, но, будучи разбиты в битве и изгнаны с Дуная, вторглись в Паннонию и владели ею в течение сорока лет.

В 382 году они под началом короля Многасила, которого другие, не знающие вандальского, или славянского, языка, ошибочно называют Модиги- зилом или Модидиском, предприняли поход в Италию.

В 415 году вандалы, предводимые Кроском, вторглись во Франкию и предали всю страну огню и мечу. Изгнанные оттуда более могущественным племенем визиготов, они спустились с Пиренеев в Испанию и, овладев ею, по имени своего племени назвали ее Вандалузией или, без первой буквы, Андалузией.

Императоры Василиск и Рецимер нанесли им поражение, когда они напали на Венецию и Истрию.

Наконец, в течение тридцати лет они владели Вифинией.

Затем, приглашенные в Африку за огромное вознаграждение, они пересекли Гибралтарский пролив и, нарушив обещание, данное комиту Бонифацию, который их и пригласил, захватили такие важные города, как Бон (Bonalica), Сале (Sala), Таманасиду (Tamanasida), Банасу (Banasa) и Тингис (Tingendi). Императору Валентиниану, в конце концов, удалось на определенных условиях заключить с ними мир, однако после его кончины они вновь восстали и при короле Гейзерихе взяли приступом Карфаген, знаменитый город, уступавший некогда одному только Риму.

До той поры в течение 535 лет он был под властью римлян, а теперь перешел под власть славян.

После этого Гейзерих, снарядив флот, атаковал и захватил острова Сардиния, Сицилия, Корсика и Ибица (Ebuso), которую Тит Ливий и Плиний называют Pytiusa (Pytusa), а де Леклюз — Ivica (Iuica). Епископ Виктор Витенский (d'Vtica) пишет, что они захватили также Майорку и Минорку. Сицилию Гейзерих уступил королю Италии Оттокару, обязавшемуся платить за нее ежегодную дань.

Гейзерих же отправился в Шотландию (Scotia) и Британию (Britannia), и владел ими до тех пор, пока не пришел конец могуществу свирепого Аттилы.

Когда Максим тиранически захватил императорскую власть в Риме и взял в жены вдову Валентиниана императрицу Евдокию, последняя, будучи женщиной высокомерной, была возмущена тем, что ее заставили выйти замуж за столь подлого мужа. Не видя иной возможности изменить свою судьбу и стать свободной, она тайно снеслась с упомянутым вандальским королем Гейзерихом, славным многочисленными победами, призывая его захватить Рим и освободить ее от столь жалкого супруга. По этой причине Гейзерих, снарядив большой и мощный флот, подошел к Риму и захватил его, проявив величайшую жестокость. Он совершил бы еще больше зла, если бы папа Лев не смягчил его необузданность своим смирением и покорностью. После четырнадцати дней разграбления Рима Гейзерих покинул город, уведя с собой Евдокию с Плацидией и множество пленных. Эти события произошли в 457 году.

Последним вандальским королем был Гелимир. Будучи застигнут врасплох Велизарием в Африке, он так рьяно бросился в атаку на неприятеля, что, если бы развил свой успех, мог бы, без сомнения, совершенно изгнать греков из Африки. Однако Гелимир упустил случай и дал время Велиза- рию усилиться. В последовавших за этим двух сражениях с Велизарием он проявил себя умелым и доблестным полководцем, но удача, которая, как водится, неожиданно покидает того, кто прежде был ею обласкан, в этот раз столь резко изменила вандалам, что грекам удалось уничтожить Цазона (Zangone), брата Гелимира, с большей частью многочисленного вандальского войска, а самого Гелимира взять в плен. Представ перед императором Юстинианом, Гелимир, видя, в каком рабском и бедственном положении он оказался после стольких лет власти и счастья, с улыбкой произнес: «Vanitas vanitatum, et omnia vanitas» (лат. Суета сует и все — суета — изречение царя Соломона (Екклезиаст, 1, 2 и 12, 8) и добавил, так как был образован и изучил все книги по философии и словесности: «Я не удивляюсь, о лучший из императоров, своему стремительному падению с высот счастья в пучину бед, потому что знаю, как непостоянна судьба; знаю, как, шутя, она в мгновенье ока возносит и низвергает смертных. Я удивляюсь лишь, как могло

случиться, что вопреки ей я до сих пор не пал духом. Этого бы не произошло, не окружи я свой разум крепкой стеной убеждения, что все пришедшие в этот мир подвержены изменчивости судьбы, и особенно те, кто стоит во главе государств и империй, так как они выдаются над всеми и представляют собой прекрасную мишень для ее удара. Теперь, испытав все это на себе, я нахожу, что самыми счастливыми следует считать тех, кто занимает низкое положение, а вовсе не королей. Ведь, кроме того, что их разум и душа не обременены мыслями и заботами, связанными с высоким положением и управлением государством, они, помимо многих других выгод, имеют то преимущество, что знают — при неблагоприятной судьбе им многого не потерять, поскольку многого у них и нет. Королям же, владеющим многим, тяжко падать из богатства в нищету. Сужу по себе — прежде повелевал я войсками, городами, провинциями, купался в развлечениях, удовольствиях и изобилии во всем, внушая страх и поклонение моим подданным, но прошло немного времени, и вот у меня нет даже куска хлеба, чтобы утолить свой голод; губки, чтобы утереть мои слезы; цитры, чтобы утолить мою печаль. Посему, о император, если кто сравнит наши с тобой победы, то признает меня достойным большего триумфа, чем тебя. Ты победил одного из королей — это обыденное дело, так делают и другие. Я же победил судьбу, которую еще никому и никогда не удавалось победить. Ты сразил того, кто уже был сражен ей, я же поверг наземь ту, которая, хотя и сразила меня, но победить все же не смогла. Ты сражался с тем, кто теперь сражен голодом, я же одержал верх над той, которая не могла насытиться всеми моими невзгодами. Ты — одного из государей мира, я — императрицу и королеву всех государств и империй. Если же ты сомневаешься в моей победе над ней, то смотри — я еще жив, ее удары не повергли меня на землю, несчастья свои переношу я со спокойной душой. На мой взгляд, моя победа весомей твоей, так как оружию свойственно побеждать, но человеку не свойственно одерживать верх над судьбой; если он, конечно, не больше, чем человек. Ты прославишься тем, что покорил Вандальское королевство, я — тем, что покорил судьбу, с которой в будущем буду биться еще отважней, поскольку ей нечего отнять у меня, кроме самой жизни. Я знаю, о император, тебе не нужна моя жизнь, поскольку милосердие у столь великого государя не должно уступать его силе и доблести. Но даже если ты захочешь отнять ее у меня, и тогда судьба не сможет сказать, что победила меня, потому что, убив мое тело, она не сможет убить мою душу, которая сама по себе бессмертна и заключает в себе всю человеческую сущность и достоинство. Видимая же наша внешность — это скорее тень, чем наш истинный образ. Я не должен испытывать страха перед столь милосердным государем, о силе которого можно судить не потому, как он побеждает врагов, а по тому, как он обходится с ними после победы. Такому государю я, побежденный и победивший судьбу, униженный судьбой и унизивший судьбу, сдаюсь на милость. Признаюсь, что до сей минуты чувствую себя побежденным скорее твоей добротой и великодушием, покорившими мою душу, чем оружием, покорившим мое тело, по причине большого расположения, которое я возымел к грекам после того, как попал к ним в плен». Эта вдохновенная речь Гелимира так тронула императора, что он, помня о непостоянстве судьбы, ответил ему со всем состраданием, чтобы тот не огорчался; что он всегда ценил величие души выше всяких королевств и империй; что причиной войны с ним послужило не его честолюбие, а необходимость поддержать репутацию Римской империи и добиться признания ее прав владения — ведь после победы над карфагенянами, царями Сифаксом и Юбой Римская империя всегда была повелительницей Африки, почему он и добивался признания ее римской провинцией. Что же касается лично Гелимира, то он сочувствует его несчастьям, однако не с ним воевали римляне, а со всем вандальским народом, который в прошлом грабил Сицилию и другие провинции Римской империи, и сам Рим; что он сделает так, чтобы он, хотя и лишившись права распоряжаться войсками и королевствами, тем не менее остался государем и сохранил королевский статус, поскольку долгом его и его предков было миловать покорных и усмирять заносчивых; и что он решил так поступить с ним по той причине, что узнал в нем мужа, самого по себе достойного любого высокого положения, доблестного, великодушного и в равной степени добродетельного, обладающего, что ему особенно понравилось, редким постоянством и крепостью духа.

Так Юстиниан утешил Гелимира и даровал ему некоторые владения во Франкии, куда тот и отправился, проведя там остаток своей жизни; и о вандалах не осталось иной памяти, кроме как в королевстве Испании, где они жили — область, которой они владели, была названа, как мы сказали выше, Вандалузией, или Андалузией.

Вандалы господствовали в Африке в течение двухсот лет, но, в конце концов, угасли упомянутым выше образом — нет в этой жизни такой власти, или империи, которая не была бы подвержена тысяче случайностей: Кир, который некогда властвовал над персами, мидийцами и халдеями, опустошил большую часть Азии и взял Вавилон, украшение Азии — в конце концов, вступив в битву с массагеткой, а следовательно, славянкой, Томирой (Tomiri), с великим позором лишился удачи. Карфагенянин Ганнибал, покоривший всю Африку, после стольких побед над иберами и кельтами, труднейшего перехода через Апеннины и удивительных побед над римлянами не смог одолеть всего одного римского военачальника, да еще и у себя на родине. Потеряв все, он сменял одно изгнание на другое, и, скажем, был жестоко наказан судьбой. Помпей Великий, римский консул и военачальник (Imperador), пройдя некогда победным шагом по всей Азии вплоть до твердыни Кавказа и Каспийского моря, покорив многие народы и премного обогатив город Рим, в конце концов, был разбит небольшим войском своих же соотечественников и потерял всю свою славу. Так и Гелимир, о котором мы ведем речь, незадолго до этого прославив свое имя многими, если не сказать бесчисленными свершениями, лишился всей славы под ударами судьбы. Вот воистину редкий и поучительный пример того, что человек не должен полагаться на милость судьбы — величайшие империи рушатся и исчезают, когда судьба в один день, час или мгновенье отворачивается от смертных.

Вандалы по природе своей были столь жестоки и неукротимы, что Римская Церковь, как пишет Александр Гваньини в своей «Сарматии», ввела в литании фразу «A vandalis libera nos domine». От готов вандалы заразились арианской ересью и по этой причине всегда были жесточайшими преследователями православных (Catholici). Об их преследованиях подробно рассказано у епископа Виктора Витенского (d'Vtica).

Карл Вагрийский (III) пишет, что вандалы, будучи еще язычниками, поклонялись тем же божествам, что и другие венедские, или славянские, племена. У них был обычай: при заключении перемирия или мира с противником отправлять ему посла, который брал в руку камень и бросал его в воду со словами «так погибнет и утонет тот, кто нарушит клятву», которую вандалы свято соблюдали. Я не стану описывать, в какие земли и в какое время они вывели каждую из своих колоний, поскольку прилежный читатель может прочесть об этом в трактате о переселении разных народов Вольфганга Лациуса, в «Трактате о двух Сарматиях» Меховского, «Истории Богемии» Энеа Сильвио, у Бьондо (I, 8), Орозия (VII, 38 и 41), Павла Диакона (XIII, XIV), в «Вандалии» и «Саксонии» Кранца, в трактате о Германии Беата Ренана (I, III) и «Экзегезе Германии» Франциска Иреникуса (VI, 25).

Из вандалов был тот великий Стилихон, которому римский император Феодосий за доблесть отдал в жены одну из своих дочерей и, умирая, оставил на попечение Западную империю и своего сына Гонория. Позднее Стилихон пал жертвой наветов и ложных обвинений со стороны своих врагов и был убит по приказу Гонория. Об этом рассказывает греческий историк Зосима. В 5–й книге он пишет: «Вандал Стилихон был несправедливо обвинен и оклеветан перед Гонорием коварным Олимпием, выходцем с Понта Эвксинского, который, стремясь к власти, ненавидел Стилихона. По этой причине он постоянно наговаривал императору на Стилихона. Последний, находясь в Равенне, был убит по приказу Гонория, а точнее Олимпия, который от имени императора написал солдатам в Равенну письмо с приказанием его убить. Когда солдаты пришли исполнить полученный приказ, поднялось множество вандалов и слуг Стилихона, хотевших перебить всех солдат, но Стилихон удержал их угрозами расправы со стороны Гонория. Не зная, в чем состоит его вина перед императором или его воинством, он сам подставил шею

под меч. Воистину это был самый достойный и скромный человек из тех, кто в то время занимал высокое положение. Стилихон был убит 22 сентября Гераклианом, получивший за это место Батанария, мужа сестры Стилихона и префекта претория (prefetto de' soldati) в Ливии. После смерти Стилихона многие из его друзей и слуг подверглись пыткам по приказу Олимпия и Гонория, желавших узнать о его замыслах и заговорах против императора, но ни один их них, даже умирая под пыткой, не сказал ни слова против Стилихона». Так пишет Зосима. О невиновности и доблести Стилихона узнали лишь после его смерти, так как вскоре дела в Римской империи пошли из рук вон плохо, в чем можно убедиться у историков, описавших те времена.

От вандалов произошли также бургунды, как единодушно считают все писатели, и среди них Меховский, который в 12–й главе I книги пишет: «Славяне, которые пошли на север, так сильно размножились, что наполнили Великую Польшу, Силезию и Вандалию, то есть Польшу у реки Вандал, которая ныне называется Вислой. Наполнили они также Померанию, Кашубию и ту часть побережья Германского моря, где теперь находятся Марка, Любек (Marchesato di Lubec) и Росток, вплоть до Вестфалии; и стали называться по–разному в зависимости от места жительства. Те, что сели на реке Свев, стали называться свевами, а другие, рядом с ними, были названы бургундами по названию домов, которые на их польском, или славянском, языке они зовут «броги» (Brogi). Восемьдесят тысяч бургундов, пришедших с севера (как пишет [Джакомо] Филиппо из Бергамо в «Дополнении»), заняли берега Рейна, но Друз и Тиберий, пасынки (nipoti) Ок- тавиана, вынудили их, как пишет Орозий, вернуться на свои исконные земли. Затем Друз переправился через Эльбу (Albio) и, напав на свевов и бургундов, победил их в кровопролитном бою. Позднее, во времена императора Валентиниана, как пишут Орозий и хронист из Бергамо, бургунды (Burgundioni), вновь выйдя с севера из земли винделиков, подошли к реке Рона (Rodano) и, найдя эту местность спокойной, в ней и осели, назвав ее по своему имени Бургундией».

Славяне верлы, которых, как мы отмечали ранее, ошибочно называют герулами или геркулами, вышли из Скандинавии и, достигнув Забакского болота, завладели всеми судами, которые они нашли на его берегах. Составив из них большую флотилию, они пересекли Большое море и взяли город Византий, который позднее был назван Константинополем. Переправившись в Азию, они, как пишет Пьетро Марчелло, предали огню и мечу несколько римских провинций и, в частности, во Фригии разрушили Илион, бывшую твердыню Трою, который до того времени еще стоял. Произошло это при императоре Валериане. Верлы, отягощенные добычей и немалыми богатствами, пересекли Большое море в обратном направлении и сели выше по Дунаю.

Как пишут Прокопий, Павел Диакон (I, 20) и Геродиан (III), верлы были знатоками искусства боя: выйдя со славой из величайших кровопролитных побоищ с разными народами, они, желая показать свое презрение к противнику, шли в бой нагими, прикрыв только срамные части. Им были присущи высокомерие и неукротимость — они не допускали мысли, что ка- кой-либо другой народ может сравниться с ними в делах войны.

Захватив при императоре Анастасии сначала Либурнию, а затем Далмацию, они не раз вступали в сражение с императором, нанеся немалый урон римлянам, жившим в Паннонии. Одолели они также лангобардов и всех остальных своих воинственных соседей. Не имея больше соперников, верлы, как пишет Прокопий во 2–й книге «Войны с готами», сложили оружие и в течение трех лет отдыхали, что и послужило причиной их гибели — почти утратив за долгое время праздности воинскую дисциплину, но, по–прежнему ни в грош не ставя противника, они были разбиты в сражении лангобардами.

Видомар, или Видимир, второй король верлов, правивший у пределов Далмации, предал мученической смерти святого Максима, а с ним еще 40 христиан.

Свевлад (Sueulado), третий король верлов, именуемый другими Синду — вальдом (Sinduualdo), оказал

помощь Нарсесу в войне с готами и немало прославился своим геройством.

Даже женщины у верлов славились своей воинской доблестью, и шли на бой с неприятелем вместе со своими мужьями. Однажды после поражения от римлян они, указывая на тех пальцами, стали упрекать мужей за то, что они дали себя победить коротышкам.

До своего знакомства с Христом верлы верили в многобожие. У них были жрецы, множество законов и обычаи, не похожие на другие. Среди прочих достопамятных обычаев был у них и такой: если кто-то из них находился при смерти по причине преклонного возраста или заболевал болезнью, от которой те, кто понимал толк во врачевании, предрекали ему скорую кончину, то умирающего клали на поленицу дров и посылали кого-нибудь из верлов умертвить его. После совершения сего родные покойного поджигали дрова и сжигали труп, а жена его ради чести и славы должна была повеситься у праха мужа. Тех жен, которые по какой-либо причине не совершали этого, считали опозоренными.

Христианскую веру верлы приняли при их короле Грате (Grate), который прибыл в Константинополь к императору Юстиниану и принял святое крещение со всеми своими приближенными. Верлы, не получив должного наставления в христианской религии, примешивали к христианскому много языческого. Желающие узнать больше об этом народе пусть прочтут 2–ю книгу «Войны с готами» Прокопия Кесарийского. Мы же, отослав прилежного читателя к упомянутой книге, перейдем к аварам, которые, как мы показали выше, были славянами.

Оттон Фрейзингенский (XI, 21) пишет, что авары произошли от гепидов. Они часто воевали с римскими императорами, особенно с Маврикием, который для сохранения мира с ними вынужден был ежегодно платить им немалую дань. Павел Диакон (XVII) в жизнеописании упомянутого Маврикия говорит: «При императоре Маврикии в 577 году от Рождества Господня авары, незадолго до этого покорившие знаменитейший в Европе город Сирмий, отправили к императору посольство с требованием выплатить им восьдесят тысяч золотых дукатов, которые ежегодно получали от римлян, а сверх этого добавить еще двадцать тысяч. Император, желая сохранить мир, удовлетворил их требования. Вскоре после этого аварский князь Каган (Сасапо) отправил новое посольство с требованием увеличить сумму еще на сто тысяч дукатов. Когда император отказался, авары разрушили город Сингидун (Sigidone) и захватили множество городов в Иллирии, после чего император через патрикия Ельпидия и Коменциола заключил мир с Каганом. Однако тот вскоре вновь нарушил мир с Маврикием и послал против Фракии войско из славян, которые достигли Длинных стен, причиняя великий ущерб. Император повелел дворцовой гвардии и городскому плебсу охранять Длинные стены, назначил военачальником Коменциола и послал его с войском против варваров. Коменциол, дав бой неприятелю, вопреки всем ожиданиям разбил его, перебив многих и обратив остальных в бегство; однако на 17–м году правления Маврикия Каган со всем своим войском яростно напал на Далмацию и, дойдя до Балки (Balca), разграбил 40 городов в ее округе».

Эти авары жили в Нижней Паннонии, откуда затем спустились в Баварию. Они были в большой дружбе с далматами и очень помогли им в борьбе с саксами. Аббат Урсбергский в «Происхождении саксов» пишет, что Генрих, сын саксонского герцога Оттона, собрав большое войско, в течение длительного времени вел войну с далматами. Когда силы последних были на исходе, они привели против Генриха аваров, которые отважно ему противостояли. Однако в другой раз, когда авары хотели с большими силами вторгнуться в Саксонию, их друзья далматы поступили с ними весьма дурно: когда войско аваров, проходя маршем по Далмации, обратилось к ним, как к своим старинным друзьям, за помощью, далматы, зная, что авары идут в Саксонию и что саксы подготовились к войне с ними, вместо подарка кинули им жирного пса. Авары, понимая, что не время мстить за оскорбление, ограничились тем, что подняли своих друзей далматов на смех. Петр Крусбер (V) и Видукинд Голландский дали подробное описание истории аваров, упомянув при этом и про аланов.

Выйдя из Скандинавии, общей родины всех славян, аланы разделились на две части: одни отправились в Азию, и Птолемей помещает их у Гиперборейских гор, и, как пишет Энеа Сильвио, ныне их называют татарами; вторая часть — в союзе с вандалами и бургундами (Burgundioni) изгнала франков. Птолемей в 3–й книге называет их скифами: «Далее за ними вглубь страны живут амаксобы (Ammassobi) и скифы аланы». Юлий Капитолин в «Жизнеописании Антонина Пия» причисляет аланов к дакам, однако, согласно Иордану и Прокопию, их следует называть скорее готами, поскольку, как отмечает Прокопий в I книге «Войны с вандалами» и в других местах, у них с готами был один и тот же язык.

Аммиан Марцеллин (III) пишет об аланах и месте их жительства следующее: «С другой стороны близ страны амазонок живут аланы, занимающие земли в сторону востока и разделенные на различные племена, или народы, которые простираются в сторону Азии до реки Ганг, разделяющей Индию и впадающей в Южное (Australe) море. Таким образом, живущие в обеих частях света аланы, перечислять различные племена которых я нахожу излишним, будучи кочевниками, занимают огромные пространства, но все они называются аланами и едины в обычаях и образе жизни: у них нет ни хижин, ни домов, они не обрабатывают землю и питаются мясом и обильным количеством молока, проводя всю жизнь в кибитках. Кибитки эти они кроют гнутой древесной корой и кочуют с ними по бескрайним пустыням. Прибыв на пастбище, они располагаются кругом и едят в этих кибитках подобно зверям. Когда пастбище выедено, они снимаются, как бы увозя на этих кибитках свои города: там сходятся мужчины и женщины, там же рожают и кормят детей. Куда бы они не пошли, под своим вечным кровом они чувствуют себя как в своем краю. У них много стад и отар, которые они всегда гонят перед собой, куда бы они не шли, но особенно много у них коней, поскольку они предпочитают их другим животным.

В тех краях поля всегда изобилуют травой и плодами, поэтому везде, где проходит их путь, они не испытывают недостатка ни в корме, ни в пище. Все это рождает плодородная земля, омываемая множеством рек. Все, от кого нет пользы, держатся при обозе и выполняют посильную работу, а также простые и легкие поручения; молодежь обучается верховой езде, поскольку, по их представлениям, ходить пешком — достойно презрения, и все они — искуснейшие воины. Почти все они крупного телосложения, имеют красивые черты лица, русые волосы и очень быстрый и слегка пугающий взгляд. Во всем они схожи с гуннами, но более культурны, чем те, в части пищи и одежды. Охотясь, они доходят до Меотийского болота, Киммерийского пролива, Армении и Мидии.

Как для людей тихих и мирных дорого их спокойствие, так для аланов дороги опасности и войны. Счастливым у них считается тот, кто находит свою смерть в бою; тот же, кто умирает от старости или по другой причине, порицается как трус и подлец. Высшего же почета у них удостаивается убийство [врага]: в качестве славного трофея они привешивают к своим боевым коням скальпы, содранные с отрубленных голов убитых ими врагов, и с ними идут в бой. Нет у аланов ни церквей, ни храмов, ни хижин, ни шалашей; но, обнажив мечи и воткнув их в землю, они поклоняются им как богу Марсу, которого считают пастырем тех земель, в которых они кочуют. Они удивительным образом узнают о грядущих событиях: собрав в пучок некие прямые прутья, они, произнося заклинания, отпускают их в определенный момент — и так узнают о том, что должно свершиться. Принадлежа по рождению к славному роду, они не знают, что такое рабство, и до сих пор выбирают себе правителей, или судей, из числа самых опытных и закаленных воинов». Так рассказывает об аланах Аммиан.

В древние времена, как пишет Иосиф в 7–й книге «Иудейской войны», выйдя из своей страны, аланы напали на Палестину, Египет и Иудею и подвергли эти провинции жестокому разрушению. Позднее при императоре Веспасиане, как можно прочесть у Ботеро в I книге «Европы», когда гирканский царь открыл им проход через Каспийские ворота, они перевернули вверх дном Мидию и Армению.

В более поздние времена аланы находились на службе у римлян, плативших им жалованье, и

стяжали себе славу доблестных воинов: Аммиан в XXXI книге описывает их как искуснейших воинов, сильных и закаленных в войнах. Готы после нескольких неудачных попыток проникнуть во Фракию были вынуждены, в конце концов, обратиться за помощью к аланам, которые в надежде на добычу согласились, и на этот раз попытка оказалась успешной.

Императоры Домициан и Траян много раз воевали с аланами, которые при императоре Деции взяли Константинополь.

Император Адриан, видя, что не может одолеть этот народ, постарался, как пишет Аббат Прюмский (V, 9), победить его с помощью подарков; так же поступил и император Грациан, как пишет во II книге Павел Диакон.

Император Гордиан попытался одолеть их с помощью военной силы, но потерпел от них поражение. Как пишет Суффрид Мейсенский, император Валентиниан, тщетно пытаясь победить аланов, издал эдикт, согласно которому те, кто одержит над ними победу, освобождались от уплаты дани сроком на десять лет. Тогда немцы, желая получить это почетное право, проявили немалое военное умение и доблесть и сумели победить аланов, за что и были прозваны французами, или франками. Сам же Валентиниан, вновь начав войну с аланами, потерпел поражение и, как пишет Иреникус (VI), был удавлен по приказу их короля Барбогаста (Barbogasto).

После этого аланы, соединившись с другими славянами, а именно вандалами, бургундами и свевами, под предводительством полководца Сангиба- на захватили Галлию, а оттуда направились в Испанию, где овладели одной из частей этого королевства, названной впоследствии Готи–Алания, или, как ее искаженно (согласно Иреникусу) называют сегодня, Каталония, или Каталонь. На этом они не успокоились и напали на Португалию, где захватили город Эмерита Августа со всей Галисией, как можно прочесть в «Эпи- томе» Конрада Пейтингера. Там они на некоторое время утвердили свое королевство. Как пишет Луитпранд Павийский (V), примерно в 823 году от Рождества Господня Радомир, христианнейший король Галисии, разбил павийского царя Абдара.

Та часть аланов, которая осталась на своей родине в Сарматии, была истреблена соседними племенами, и теперь в их стране никто не живет, разве что, как пишет Меховский, время от времени проходят казаки, «ища», по их обычаю, «кого пожрать».

Славяне бастарны и певкины, как сообщает Бьондо в 1–й книге I декады, жили в области, которая начинается от Певкинских, или Карпатских, гор и между устьями Истра и Борисфена простирается до Большого моря. Дионисий Грек, Страбон и Птолемей, говоря о бастарнах и певкинах, утверждают, что это был один народ, который жил вплоть до побережья всего Меотийского болота.

Согласно Юстину, первый поход бастарнов был против даков и вполне счастливо для них закончился. Позднее они воевали с Павлом Эмилием, который, как пишет Плутарх в его жизнеописании, истребил в бою десять тысяч их всадников. Этот же Эмилий тем не менее потом держал их на жалованьи. Орозий (IV), Евтропий и другие пишут, что в консульство Ле- пида (по наущению Персея) свирепейшее племя бастарнов выступило с Истра и вновь вторглось в римские владения. Требеллий Поллион пишет о том, что император Клавдий сражался с бастарнами. Ранее бастарны потерпели поражение от Помпея и Цезаря. Позднее они восстали против императора Августа, как пишет Флор. Плутарх, однако, прямо говорит, что в войне с Митридатом римляне были на грани поражения, и спасла их только помощь славян, а именно упомянутых бастарнов и сарматов, выступивших против Митридата. Плутарх подробно рассказывает об этом в трактате «Об удаче римлян». В конце концов, истощенные непрерывными войнами, бастарны были изгнаны со своих исконных земель и, как сообщает Бонфини в 1–й книге I декады, перебрались на жительство в Венгрию, испросив у Божественного Матьяша остров Дунай (l'Isola del Danubio), где вскоре добровольно приняли католическую веру.

Славяне укры, или, как их называет Регино, украны, и меланхлены, или эминхлены, как пишет Карл Вагрийский (IV), неоднократно переправлялись через Истр и нападали на охранявших его берега римских солдат. Мне не удалось найти упоминания об исконных землях укранов ни у одного из авторов. Меланхленов же Птолемей помещает на 2–й карте Азии рядом с аланами, рекой Волгой и амазонками, знаменитыми воительницами. Оттуда с течением времени, как сообщает Иоганн Горопий (VII «Готоданика»), они перебрались на жительство на границы Подолии, на просторные равнины, удобные для пастбищ.

Лудовик Криевич (Ceruino) пишет, что эти славяне укры разграбили и полностью разрушили город Салону, бывшую резиденцию королей Далмации и, как пишет Страбон, судоверфь (Arsenale) далматского флота. Салона была также римской колонией и называлась Марция Юлия, как явствует из одной древней эпиграммы, помещенной у Мадзоки на 28–м листе. Город этот, по мнению некоторых писателей, имел в окружности около пятнадцати миль и славился своими войнами с разными народами и империями. Согласно Плинию (III, 20), он находился в 222 милях от Задара, и в нем отправлялось правосудие для разных народов, разделенных на 744 де- курии. Несмотря на то что этот город множество раз отважно отражал нападения римлян и других доблестных народов, в конце концов, он был взят и разрушен непобедимыми славянами — упомянутыми украми, которые, как пишет Карл Вагрийский, часто предавали жестокому разграблению почти всю Далмацию.

Славяне гирры и скирры, как пишет Ян Дубравий в «Богемии» (I), жили на Висле. Покинув те края, гирры служили наемниками разным государям. Изредка, объединившись с аланами и готами, они воевали с римлянами, пока вместе с другими сарматами (говорит Дубравий) не осели в Иллирике и Истрии. Когда были разбиты сыновья Аттилы, скирры захватили Верхнюю Мезию, как пишет Иоганн Науклер в XVI поколении, и в последующие времена оставались там.

Славяне финны, или фенны, были самым северным народом, занявшим для жительства едва пригодную для жизни часть света. Они были хорошими лучниками, а в быстроте метания дротиков им не было равных во всем свете. В бою они использовали большие и широкие стрелы, занимались колдовством и были завидными охотниками. Переходя с одного места на другое, они не имели определенного местожительства — с помощью неких изогнутых досок они передвигались по склонам покрытых снегом гор.

При бегстве от противника или преследовании его им не было равных среди смертных. Когда свев Арнгрим, который позднее стал зятем датского короля Фротона, напал на них и разбил, обратившиеся в бегство финны швырнули в лицо неприятеля три камешка, которые показались преследователям неприступными горами. Войско Арнгрима прекратило преследование, полагая, что из⍰за гор не может двигаться дальше. На следующий день финны еще раз сразились с врагом, но опять потерпели поражение. Убегая, они бросили на землю немного снега, который показался неприятелю большой и широкой рекой, и эта река скрыла их от вражеского взора. Когда же они были разбиты и в третий раз, то, не сумев воспользоваться своей магией, сдались и чуть не сделались данниками Датского королевства. В то время королем у них был Тенгил. События эти, согласно Саксону Грамматику (V), произошли незадолго до пришествия Христа на землю.

Даки, которые по своему происхождению были настоящими славянами, согласно Иордану, Павлу Варнефриду и Иерониму в его комментариях к Евсевию, также вышли из Скандинавии. Отделившись от остальных, они изгнали верлов, живших на берегах Дуная, и, по единодушному мнению всех историков, осели там навсегда. По этой причине при императоре Вителлин, согласно свидетельству поэта Стация, они уже жили на этих берегах.

Евтропий в «[Сокращении] истории Рима» (VII) рассказывает, что даки уничтожили консуляра Аппия

Сабина и префекта претория Корнелия Фуска с большим римским войском.

Страна даков имела тысячу миль в окружности. Там воевали они с императором Траяном, который, построив мост через Дунай, остатки которого

еще видны, принял личное участие в войне и победил их царя Децебала. Воевал с даками и император Домициан, отпраздновавший над ними ложный триумф, хотя был скорее побежденным, чем победителем.

Император Траян после победы над даками, видя, что страна их разорена и из-за непрерывных войн почти обезлюдела, направил туда переселенцев со всей империи, как пишет в VII книге Евтропий. Именно поэтому теперь в Дакии говорят на языке, который кажется составленным из многих других языков. Немецкий язык был впервые введен в Дакии при Карле Великом, который, по свидетельству Иоганна Авбануса (III, 5), направил в те края немецких переселенцев, которые живут в семи крепостях и называют себя зибенбуржцами (Seibenburgesi). Тем не менее в языке, на котором говорят ныне в Дакии, имеется много славянских слов.

Известности и славе славян во многом способствовали и норманны, которые, как мы показали, были славянами. Об их происхождении писатели, в частности Пьерфранческо Джамбулари (I), рассказывают следующее: «Примерно в то время, когда скончался император Людовик I, а именно в 840 году от Рождества Христова, из Скандинавии вышли отряды корсаров, которых франки называли норманнами, то есть «людьми с Севера». Совершая опустошительные набеги на приморье Франции и Германии и заходя вверх по большим рекам в глубь материка, они не только разбили фризов (Frisoni), но и сожгли Гамбург, осадили Кельн в Германии, а во Франкии захватили Невстрию, которая теперь называется Нормандией. Грабежи и набеги норманнов продолжались до 887 года от Рождества Христова, когда Роллон, получивший впоследствии имя Роберт, с войском из новых норманнов пошел на Англию, но, будучи отброшен англичанами, прибыл с войском в близлежащую область Франции, где уже в течение многих лет оседло жили его норманны. Немедленно объединившись с ними и захватив почти все земли от залива Сен–Мало до Сены, которую древние прежде называли Секваной, Роллон двинулся вверх по упомянутой реке и достиг Руана. Остановившись у этого города, он приказал разбить лагерь и стал выжидать. Поскольку никто не пришел [городу] на помощь, Роллон овладел им на определенных условиях. Так вот, овладев столь большим и богатым городом, Роллон не захотел больше заниматься морским разбоем. Дух его возжелал величия: полагая, что сможет легко захватить все франкское королевство благодаря огромному преимуществу, которые ему давало наличие трех судоходных рек Сены, Эра и Гаронны, Роллон послал домой за подкреплением. Когда подкрепление прибыло, он решительно двинул флот вверх по Эру, а сильное войско — по прилегающей местности, совершая опустошительные набеги в округе, грабя, убивая, предавая сожжению и разрушению без разбора все, что могло бы в какой-то мере быть полезным или удобным для противника. Правивший в ту пору франкский король Карл отправил к нему посольство с просьбой о перемирии на три месяца и легко получил согласие, поскольку Норманн с его войском нуждался в отдыхе и пополнении своих сил. Едва истек срок перемирия, Роллон двинулся дальше и осадил Париж; и, возможно, овладел бы им, если бы не отвага горожан. Предупрежденные о том, что к ним идет на помощь герцог Бургундии Ричард и граф де Пуатье Эбль (Ebalo), они вышли в тыл норманнам, развернувшимся в сторону нового противника, разбили их и обратили в бегство, перебив немало врагов. Роллон, разъяренный поражением, как только смог восстановить свои силы, отдал приказ всем воинам не иметь пощады ни к полу, ни к возрасту, ни к церковному, ни к мирскому, а убивать всякого, кто попадет к ним в руки, грабить, жечь и разрушать все на своем пути. Воины, исполняя приказ и многое сверх него, стали рушить и ровнять с землей все вокруг. Карл, побуждаемый баронами положить конец этому опустошению, видя невозможность противостоять врагу с помощью силы, попытался вновь договориться со своим победоносным врагом. В конце концов, были условлено, что Роллон, приняв христианскую веру,

получит руку дочери Карла Гизелы (Cilia) и в качестве приданого Бретань и Нормандию с обязательством выплачивать впредь французской короне небольшую ежегодную подать в знак признания и подтверждения того, что право на владение обретено с помощью любви, а не оружия. После чего стороны заключили мир и связали себя родственными узами. Таким образом, Роллон был крещен и с той поры стал именоваться Робертом в честь графа де Пуатье Роберта, бывшего его воспреемником при крещении. Он изменил также и имя страны, назвав Нормандией ту область, которая прежде именовалась Невстрией». Тем, кто пожелает узнать о других войнах и походах норманнов против римских императоров, советую прочесть аббата Регино и аббата Прюмского, изложивших историю норманнов самым тщательным образом.

Мы же от них перейдем теперь к маркоманам и квадам, прославившихся своей воинской доблестью, о болгарах же расскажем в отдельном трактате в конце этой книги.

Итак, маркоманы были вандалами, или славянами, как пишет Альберт Кранц в предисловии к «Саксонии» и Суффрид Петри во 2–й книге. Славянским племенем, как отмечает Вольфганг Лациус (IX), были и квады. Отделившись от остальных вандалов, маркоманы напали на древних бойев, свирепейший народ, изгнав которых с их исконных земель, завладели ими, как пишет Суффрид. В указанном месте он сообщает: «Древние бойи были изгнаны маркоманами, то есть вандалами, которые до настоящего времени владеют Богемией, поэтому богемцы — это вандалы. Древнее название страны сохранилось, и теперь бойями называются те, кто прежде были маркоманами, или, говоря более широко, вандалами. При этом единство их происхождения подтверждает и единство языка. Они владели всей той страной, которая ныне поделена на Моравию, Богемию и Нижнюю Австрию». Это было первое местожительство маркоманов, как показывает Корнелий Тацит, говоря: «Свою первую славу, могущество и местожительство маркоманы завоевали доблестью, изгнав некогда бойев». Вторым их местожительством была страна треверов. Переселение туда маркоманов прошло в два этапа: первый — при Юлии Цезаре под предводительством короля маркоманов и свевов Ариовиста, второй — при Тиберии, который, как пишет Светоний, переселил много германцев. Третье местожительство маркоманов было в Прибрежной Дакии (Dacia Ripense), где проходят границы Венгрии и Трансильвании. Об этом упоминает Корнелий Тацит (II). Четвертое местожительство было в Верхней Паннонии, где теперь Австрия и часть герцогства Штирии. В эти края, насколько мне удалось узнать, мар- команы переселялись четыре раза. Первый раз, как пишет Тацит (II), их переселил император Клавдий. Второй раз, согласно Юлию Капитолину — они сами захватили Верхнюю Паннонию и Валерию. В третий раз — когда император Галлиен подарил Верхнюю Паннонию и Валерию своему зятю, королю маркоманов. Так пишет Секст Аврелий. Наконец, как отмечает в нескольких местах Марцеллин, у императора Валентиниана было множество хлопот с маркоманами в Паннонии и Валерии.

Я обнаружил также упоминания о том, что во времена императоров Юлия и Октавиана маркоманы и квады жили в некоторых областях Паннонии, но эти области были у них отняты Октавианом и Тиберием. При Адриане, однако, они их себе вернули. Император Марк Антонин (Antonio) вновь вынудил их оставить эти земли вплоть до времени Коммода и Бассиана. Позднее, как пишет Секст Руф, они были изгнаны императором Александром.

Пятое местожительство маркоманов и квадов было в Силезии и Марке Брандебургской на Одере. Шестое — в стране треверов, как пишет Виду- кинд в жизнеописании Генриха и Оттона. Седьмое их местожительство находилось в Белгике у моря. Восьмое, предпоследнее, — на побережье Германского моря между Данией и Фландрией.

По свидетельству историков, во всех упомянутых местах жительства маркоманы прославились своими военными подвигами. Они часто воевали с римлянами и иногда повергали их в страх. Незадолго перед

тем, как императором стал Марк Антонин, маркоманы в союзе с сарматами, вандалами, квадами и другими славянами, перейдя Дунай, захватили Паннонию и перебили двадцать тысяч римлян. Как свидетельствует Аукиан в диалоге «Александр», при Марке Антонине римляне были вынуждены воевать с этим народом. Он пишет: «Марк Антонин, разбив маркоманов, квадов и сарматов, освободил от рабства Паннонии». О том, сколько пота и крови пролили римляне для достижения этой победы, очень хорошо показано у Юлия Капитолина в его жизнеописании: «Марк Антонин, израсходовав на эту войну всю свою казну и не желая никоим образом приегать к дополнительным поборам с римских подданных, устроил на форуме Траяна торги и продал все императорские украшения, золотые, хрустальные и мурриновые чаши, серебряные сосуды, шелковые и золототканые одежды своей жены, украшенные жемчугом и драгоценными камнями. Он также лишил себя всех статуй, выполненных лучшими мастерами этого искусства». И далее добавляет: «Вооружал он и гладиаторов, назвав их «услужливыми», нанимал далматов, дарданов, диогмитов (Diocyniti) и германцев». Короче говоря, он приложил все возможные усилия для подготовки этой войны, о которой упоминают также Свида и Лукиан в диалоге «Александр».

Тем не менее, как пишет Орозий (VII, 9), маркоманы были побеждены благодаря скорее божественному провидению, чем доблести императора Марка. В самом деле, римское войско, проникнув в земли квадов, подверглось такой осаде со стороны бесчисленного числа восставших варварских племен, а именно, маркоманов, квадов, вандалов, сарматов и свевов, что думало только о спасении. Помимо других причин, ему грозила верная гибель от катастрофической нехватки воды. Перед лицом погибели бывшие в римском лагере воины–христиане обратились за помощью к Богу, взывая к Иисусу Христу, который внял их мольбам и немедленно послал такое обилие воды, что римляне смогли полностью восстановить свои силы. Варвары, видя, как падающие с неба стрелы сеют среди них смерть, бросились бежать. Римляне же, преследуя бегущих, перебили почти всех из них и одержали самую славную из всех своих побед — малыми силами, но с помощью могучей Христовой десницы. Говорят, что до сих пор у многих сохранились письма упомянутого императора, в которых он со всей определенностью свидетельствует о том, что благодаря воззванию воинов–христиан к Иисусу он обрел и воду с небес, и победу над врагом. Однако Лукиан, язычник и злейший враг имени христианского, пишет в упомянутом диалоге, что эта победа досталась Марку благодаря оракулу Аполлона.

Эта война Марка Антонина с маркоманами, как пишут Светоний Тран- квилл в жизнеописании этого императора и Евтропий (VIII), была самой большой и самой важной из всех войн, которые вели римляне, и не уступала по важности войнам с карфагенянами. По убеждению Марка, не было такого народа, который приносил бы большее беспокойство и ущерб Римской империи, чем маркоманы. Как пишет Марцеллин (XXII), Марк, проезжая по Палестине на пути в Египет, раздосадованный волнениями среди иудеев, воскликнул: «О маркоманы, о квады, о сарматы! Я все же нашел людей беспокойнее и докучливее вас!»

Несмотря на упомянутое поражение в войне с римлянами, маркоманы не прекращали разорять римские провинции. При императоре Коммоде они подвергли Римскую империю такому натиску, что, как пишет Секст Руф, Коммод был вынужден заключить с ними мир и выплачивать ежегодно немалую дань, вновь уступив им часть Паннонии у Дуная.

Позднее они воевали с императорами Севером и Александром. Как рассказывает Геродиан (VI), упомянутый Александр отправил к маркоманам посольство с просьбой о мире, обещая дать им все, что было необходимо, и большую сумму денег. Преемник Александра Максимин также вел с ними длительную и жестокую войну. Как видно из того же Геродиана (VII) и Юлия Капитолина, войну эту он вел зачастую с переменным успехом, хотя располагал отборным войском, состоящим из мавров, осроев (Ostrohemi) и парфян.

Итак, когда маркоманы утвердили свою власть над Паннонией, они начали войну с императором

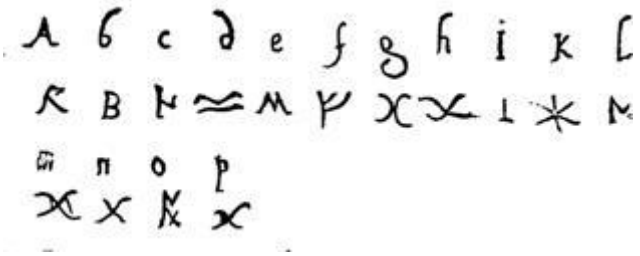
Аврелианом, который, как пишет в его жизнеописании Вописк, не сумел дать им должный отпор и позволил проникнуть в Италию, где они опустошили все окрестности Милана. Однако потом, когда они захватили Рецию с Нориком, их разбил Валентиниан — об этом пишет Джамбулари (II).

При императорах Галле и Константине, пишет Зонара (III, IV), квады в союзе с сарматами, совершив наглый набег, разграбили Паннонию и Верхнюю Мезию, и после этого часто повторяли свои набеги. Для охраны этих провинций, как пишет Джамбулари (II), римляне были вынуждены держать там дукса (Duca). Родиной квадов, по мнению Иоганна Коклеуса и Ботеро, была область, расположенная между Чехией и Польшей, и названная позднее Силезией. Имя это ей дали чехи: как пишет Ян Дубравий в «Богемии» (VIII), чехи, видя, что на упомянутую родину квадов стало переселяться множество народу из Мисны, Поморья, Марки и многих других областей, назвали их на своем языке «слезитами», что означает «народ, который подобно змеям «залез» в эти края». Однако сначала, как написано у Риккардо Бартолини (VIII), их звали «лизиями» (Lysij), а потом уже силезцами (Slesi).

Первым из маркоманских королей, правивших на Эльбе, в Богемии, Моравии и Австрии, с того времени, как установилось единовластие у римлян, был Маробод (Morobuduo). Он переселил маркоманов в Богемию, как пишет Страбон в «Географии» (VII). На этого короля напал Тиберий, и в те времена маркоманы, как пишет Веллей Патеркул (II), внушали страх самой Римской империи. Катуальда (Cataualda), изгнав Маробода, который прожил много лет в изгнании в Равенне, стал царем маркоманов. Об этом упоминает Корнелий Тацит в «Historia Augusta» (II). После Катуальды правил Вибилий (Giubilio), который изгнал Катуальду и вынудил его провести остаток своих дней во Фрежюсе (Freio) в Нарбонской провинции. После смерти Вибилия по милости императора Тиберия королем был поставлен Ванний, который правил маркоманами и свевами в течение сорока лет, пока не был изгнан своими дядьями со стороны матери Вангионом (Vandone) и Сидоном (Sidone). После своего поражения в бою, как пишут Тацит (II) и Плиний (III, 12) Ванний получил от римлян земли в Паннонии, где и прожил остаток своих дней. Затем, согласно Тациту (XIX), вплоть до времени императора Веспесиана маркоманами и свевами правили Сидон (Sido) и Италик (Italo). Вараберт (Varaberto), шестой король маркоманов, был при императоре Марке Антонине и вел с ним войну, как пишут Лукиан и Капитолин, в течение трех лет подряд. После Вараберта маркоманами правил Бранд (Brando), который, по мнению некоторых, возвел город Бранденбург, который Видукинд называет городом браниборие в (Brannaburij). При Диоклетиане, как пишет Иордан, маркоманами и свевами правили Гунтерих и Ардерих (Arderico). После них был Салонин, чью дочь по имени Пипа взял в жены император Галлиен, о чем упоминает Секст Аврелий. После смерти Салонина правили Артамунд (Hartamundo) и Кариовист (Cariovisto), пришедшие на помощь императору Аврелиану против готов, когда тот сражался с ними в Иллирике.

В это время маркоманы оставили свою страну: одна их часть переселились в Реции, а другая — в Валерию и Посавскую Паннонию (Pannonia Sauia). Первым королем у тех, что заняли Валерию и Посавию (Sauia), был Габиний, о котором упоминает Марцеллин. После Габиния правил Ху- нимунд (Chunimundo), которого победил Теодемир (Teodomir), король остроготов и отец Теодериха Веронского (Bernense). Его преемниками были Ахиульф и Римисмунд (Romismundo), о которых упоминают Иордан и Прокопий.

Прочие деяния и войны маркоманов можно найти у Диона и Вольфганга Лациуса. Мы же добавим здесь несколько букв, которыми маркоманы пользовались при письме. Буквы эти были обнаружены в старинных франкских летописях, которые содержали также генеалогию Карла Великого.



Остальные буквы, как пишет Лациус, не поддавались прочтению по причине ветхости той книги, в которой были обнаружены и вышеупомянутые. Однако Еремей Русский в том месте, где ведет речь о маркоманах, говорит, что между маркоманскими буквами и славянскими не было большого отличия.

За одними лишь славянами и осталась победа — готы, вандалы, маркоманы и другие перечисленные нами народы, говорившие со славянами на одном языке, опрокинув и покорив империи и королевства почти всего света, начав ссориться со славянами, потерпели от них поражение и вместе с собственным именем утратили все завоеванные земли, как было подробно рассказано выше. Одни лишь славяне сумели удержать и до сих пор удерживают в своей власти те страны и королевства, которые однажды захватили или отняли как у перечисленных, так и у других народов, сохраняя в них свое предание, имя и язык.

К гордости и славе славянского племени добавляется и то, что не только мужчины, но и женщины их были очень воинственны, каковыми были знаменитые и доблестные амазонки. Карл Вагрийский и Иоганн Горопий (VIII «Амазоника») пишут, что амазонки были женами славян сарматов. Это доказывает также и их местожительство — на Волге между меланхленами и сербами (Sirbi), которые, как мы показали, были славянами.

Иордан и Хартман Шедель в своей иллюстрированной «Хронике» считают, что амазонки были женами готов и поэтому вместе со своими мужьями сражались в мужском одеянии против императора Аврелиана. Независимо от того, были ли они женами готов или сарматов, нельзя отрицать, что амазонки были славянками. После того как их мужья были предательски убиты, амазонки, взяв их оружие и напав на врага с истинно мужской доблестью, сполна отомстили за смерть своих мужей.

Позднее, став опытными воительницами, амазонки под предводительством царицы Марпезии совершили такой великий поход к пределам Азии, что Марпезию можно по праву поставить в один ряд с лучшими полководцами и императорами. В самом деле, она прошла с победой вплоть до гор Кавказа, заключая мир с одними и покоряя других. Ее пребывание там дало повод лучшим поэтам назвать ее именем один из утесов. Оттуда амазонки подобно мощной реке затопили всю Малую Азию и покорили Армению, Галатию, Сирию, Киликию, Персию (Persia) и другие могущественные страны Азии. Осев в тех краях, они построили множество прекрасных городов и возвели мощные цитадели и крепости. Среди прочих великолепных своих творений, амазонки основали два знаменитых города — Смирну и Эфес, а в последнем в честь богини Дианы, которую они глубоко почитали по причине присущего им рвения к охоте и стрельбе из лука, ими был сооружен тот самый храм, красоте которого поражался весь свет. Позднее он был подожжен неким Геростратом, желавшим таким поступком обессмертить свое имя.

Кроме этого, цари Греции, испугавшись могущества амазонок, послали против них своего лучшего военачальника Геракла. Позднее амазонки во главе с Пентесилеей (Pantasilea) пришли на помощь троянцам против греков и просуществовали до времен Александра Великого. Прослышав о его непобедимости, царица амазонок Калестрис (Calestre), или Минуция (Minutia), как пишет Юстин, не могла найти себе места, пока в сопровождении трехста тысяч женщин не прибыла к нему, проведя в пути тридцать дней. Она полагала, что обретет великое счастье, родив от столь могущественного государя и самодержца всего света детей, которые унаследовали бы отцовскую силу и доблесть. Проведя

четырнадцать дней сряду в объятиях с Александром и почувствовав себя беременной, она поспешно возвратилась в свое царство. Там она вскоре погибла, а вместе с ней практически пресекся род амазонок.

А как не вспомнить о Тамире, царице массагетов (которые, согласно Аммиану Марцеллину, были аланами. Марцеллин следует в этом автору Фарасману Греку, упомянутому у Диона в жизнеописании императора Адриана), давшей столь смелый отпор персидскому царю Киру и под конец лишившей его жизни? Если кто-то возразит и скажет, что Тамира была царицей скифов, я отвечу, что Иосиф во 2–й главе XI книги «Иудейских древностей» утверждает, что Кир повел войско против массагетов, которыми, говорит он, и был лишен жизни.

Весьма знаменита была и Алкида Готянка, а следовательно, славянка. Как пишет Олаф Магнус (V, 23), она первой стала заниматься ремеслом корсара, окружив себя множеством подобных ей девиц. Когда однажды она натолкнулась на флотилию, ведомую мужчинами, у которых был убит главнокомандующий, то мужчины, пораженные силой, красотой и доблестью, избрали ее на место погибшего флотоводца.

В те времена, когда шведский король Ринг (Ringone) вел войну с датским королем Харальдом (Araldo), женщины–славянки, приняв сторону Харальда, служили ему в той войне не только в качестве простых воинов, но и (поскольку их явилось немалое число) выполняли обязанности военачальников. Об этом пишут Альберт Кранц в «Вандалии» (I, 12) и Олаф Магнус (V, 8). В этой войне особенно прославились славянки Хета (Tetta) и Висна (Visna), воинственные по природе, искушенные в делах войны и мужественные по духу. Хета командовала большой частью войска, а Висна несла главный штандарт, которого лишилась в стычке вместе со своей правой рукой, отрубленной великаном Старкадом (Starcatero), военачальником войска свевов.

Не уступали в доблести амазонкам и девственницы Богемии, которые, как мы писали выше, взяв в руки оружие и изгнав мужчин, правили упомянутым королевством в течение семи лет.

Кинана (Cinane) Македонянка (а, следовательно, как мы вскоре покажем, славянка), сестра Александра Великого, подобно второй Марпезии предводила войсками, сражалась с неприятелем и собственноручно убила иллирийскую царицу Карию.

Тевта, жена иллирийского царя Агрона, после кончины мужа в течение длительного времени правила далматами, доблестнейшими мужами, неоднократно наносившими поражения римлянам, с которыми Тевта вела немало войн, и не без доблести, о чем свидетельствует Полибий (III).

И город Салона в Далмации смог освободиться от длительной осады [войсками] императора Октавиана только благодаря своим женщинам. Дион (XL) рассказывает об этом так: «Жители Салоны, выйдя все до последнего за пределы укреплений вместе со своими женами, яростно напали на них и совершили великое деяние: жены в черных одеяниях с распущенными волосами и факелами в руках, то есть в таком виде, который производил как можно более ужасающее впечатление, около полуночи ворвались в лагерь противника и, ошеломив дозорных, которым, сказать по правде, они показались дьяволицами, в один миг подожгли его со всех сторон. Шедшие за ними следом мужчины перебили большую часть разбуженных этим волнением солдат, а также большую часть спящих, и овладели лагерем с гаванью, где стоял флот Октавиана».

Прославили славян и жительницы города Ардуба в Далмации. Как пишет тот же Дион в LVI книге, они, видя, что их мужья хотят заключить мир с римлянами и сделаться их подданными, примкнули к находившимся в Ардубе римским перебежчикам и вместе с ними пошли против жителей города. Потерпев поражение в стычке и видя, что их мужья во что бы то ни стало хотят покориться римлянам, свободолюбивые женщины твердо решили пойти на все, но не покориться. Схватив своих детей, они бросили их кого в огонь, кого — в реку, повторив подвиг дарданок из Иллирика, которые, как говорит

Дион, считали рабство величайшим позором. Оказавшись в безвыходном положении, когда избежать рабства уже было невозможно, дарданки взяли на руки своих детей и, бросив их в омут, воскликнули: «Теперь вам верно не быть рабами. Прежде чем пойти по пути этой жалкой жизни, вы, оставаясь еще свободными, прервете ее течение».

Почти то же совершили и далматские женщины (как пишет Арнольд Понтак Бордоский в «Трактате об изменении государств») — видя, что у их мужей закончились стрелы и дротики, они хватали своих детей и, «убивая их ударом о землю, бросали затем в лицо врагу». Описывает это и Флор, говоря, что это были иллирийки.

Намеренно опуская многие другие примеры силы и доблести славянок, я перейду теперь к другим народам, которые, хотя и не вышли из Скандинавии, тем не менее все были славянского рода.

Речь идет о фракийцах и иллирийцах. Как пишет Страбон (VII), они говорили на том же языке, что и даки с готами. Фракийцы, согласно глоссе святого Иеронима к книге Бытия, имели своим родоначальником Фи- раса (Tira), седьмого сына Иафета, и от них получила свое имя Фракия, доблестнейшая из стран Европы. Фракия делится на пятьдесят стратегий; у ее пределов, по свидетельству Солина, простирается Истр, на востоке — Понт и Пропонтида, на юге — Эгейское море, на западе же, каксообщают Исидор и Орозий, с Фракией, большой и довольно обширной страной, разделенной между большими и счастливейшими народами, граничит Македония.

Иордан в «De regnorum ac temporum successione» пишет, что фракийцы не подверглись нападению римлян, не считая того, что произошло в связи с македонской войной. В самом деле, как отмечают Модест и Роберто Валь- турио, фракийцы всегда отличались такой воинственностью, что мифы приписывали самому Марсу фракийское родство.

В 639 году от основания Рима они, пройдя по Фессалии и Далмации, вышли к побережью Адриатического моря. Видя, что дальше им путь закрыт, они, как пишет Луций Флор (III, 4), принялись метать в море стрелы, как будто хотели этим сказать, что оно препятствует их славе и победоносному шествию. Фракийцы, плененные Пизоном, хватали зубами свои оковы и с яростью пытались их перекусить. От их свирепости и необузданности, особенно жителей предгорий Гема и Астики, римляне несли немалый ущерб, а, случалось, римские войска бывали уничтожены. Однако, в конце концов, и они были побеждены Марком Клавдием, или Марком Дидием (Didione), и их страна была превращена в провинцию. Жители предгорий Гема были оттеснены глубоко в горы Марком Друзом. Минуций многих из них потопил в реке Гебр и одержал над ними победу. Родопцы (Rodopei) были побеждены Марком Клавдием. Фракия имела собственного царя вплоть до 48 года от Рождества Христова, а затем была полностью покорена римлянами и обращена в провинцию.

Иллирийцы получили свое имя от Иллирия, сына Истра (согласно Бе- розу Халдею) или Кадма (согласно Евстахию) или Полифема и Галатеи (согласно Аппиану Александрийскому). Чьим бы сыном ни был Иллирий — Истра, Кадма или Полифема — ясно, что иллирийцы происходят от него, поскольку Иллирий, как свидетельствует тот же Аппиан, был отцом Энхе- лея (Achille), Автариея (Autario), Дардана, Меда, Тавланта (Taulantio) и Перреба (Perebo), от которых родились Панноний, Скордиск и Трибалл. Дочерями же его были Парто (Parta), Даорто (Daorto) и Дассаро (Dassera). От них произошли большие и свирепейшие иллирийские народы: энхелейцы, автариеи, дарданы, меды, тавлантии, перребы, паннонцы, скордиски, трибаллы, партены, дарсии и дассаретии. От них впоследствии пошли другие народы, которые жили в стране, называемой ныне Иллирия (Illirico), и славились своей воинской доблестью. В течение длительного времени они воевали с римлянами, первая война которых с иллирийцами, как пишет Ап- пиан Александрийский в «Событиях в Иллирии», произошла при царе Аг- роне. Отцом его был Плеврат, и властвовал он над той частью Иллирии, которая лежит вдоль залива Ионического моря. Прежде ей владел

эпир- ский царь Пирр и его преемники. Владения Агрона включали также немалую часть Эпира, Корфу, Диррахий и Фар. По численности пехоты и конницы его войско превосходило войска всех царей, когда-либо правивших до него в Иллирии. По просьбе Деметрия, отца царя Македонии Филиппа, Агрон пришел на помощь медионянам (Midionii) против этолийцев, когда последние, разбив лагерь вокруг города Медиония (Midionio), осадили его, стараясь всеми силами и хитростями им овладеть. В войске этолийцев находился также Гасдрубал Африканец, зять Гамилькара и командующий карфагенского войска. Итак, когда медионяне находились в осаде, под покровом ночи к Медионию и прилежащей к городу местности подошло около сотни судов, в которых находилось десять тысяч иллирийцев. Приблизившись к гавани, с первыми лучами занимавшегося рассвета они незаметно и проворно высадились и, по своему обычаю, небольшими отрядами двинулись на этолийское войско. Когда те их заметили, то были поражены впе- запностью и дерзостью нападения иллирийцев, однако с давних пор преисполненные гордости и самоуверенности, построили большую часть конницы и тяжеловооруженных воинов на равнине перед лагерем, послав часть конницы и легковооруженных занять господствующие высоты недалеко от лагеря. Иллирийцы стремительно и яростно атаковали легковооруженных и, благодаря численному перевесу и плотности строя, смогли сразу их рассеять, вынудив конницу с позором отступить к оставшейся части войска. Затем стремительной атакой с захваченных высот отряды иллирийцев обратили в бегство тех, кто стоял на равнине. Медионяне, сделав вылазку из города, бросились их преследовать и, частью уничтожив, частью взяв в плен, без труда овладели вооружением и обозом этолийцев. Иллирийцы, исполнив приказ царя, погрузили на суда все содержимое обоза и добычу, незамедлительно вернулись домой.

По возвращении судов с победителями на родину царь Агрон, узнав о подвигах своих подданных, одолевших столь самоуверенных этолийцев, предался такому неумеренному веселью, что из-за нескончаемых пиров, безмерного пьянства и любострастия заболел и спустя несколько дней умер. При этом царе, как мы сказали выше, опираясь на свидетельство Аппиана, римляне впервые начали войну и заключили первый договор с иллирийцами. Причиной войны послужило убийство по приказу Агрона римских послов, однако ни один из историков, кроме Аппиана, об этом не упоминает. Полибий и Тит Ливий утверждают, что виновницей этого раздора была жена Агрона Тевка (Теиса), которую Луций Флор называет Тевза (Teusa), а святой Иероним — Тевта (Teuta). Умирая, Агрон завещал ей всю власть над царством, дабы она заботилась о его единственном сыне Пинее, хотя матерью его она не была.

Став царицей, Тевка первым делом разрешила всем своим подданным, кто ходит по морю в частном порядке, безнаказанно заниматься разбоем. Затем, снарядив большой флот, она послала его вперед, дозволив командирам поступать с каждой страной, как с неприятельской. Первыми они напали на элейцев (Elisij) и мессенян (Mesenij), земли которых иллирийцы часто опустошали и до этого. Происходило это по той причине, что побережье там протяженное, а главные города расположены внутри материка, так что не было никакой возможности дать отпор набегам иллирийцев, которые без опаски рыскали повсюду, грабя и разрушая все вокруг.

Тем временем иллирийцы, желая пополнить запасы продовольствия в Албании, подошли к Фенику (Fenice). В этом городе в ту пору находилось восемьсот галльских солдат, нанятых албанцами для защиты города. Войдя в сношения с галлами на предмет сдачи города и заручившись их согласием, иллирийцы высадились и при поддержке галлов овладели городом со всем, что в нем находилось. Албанцы, узнав о случившемся, всем народом поспешили на помощь и стали лагерем у протекавшей неподалеку реки. Чтобы обезопасить себя от тех, кто находился в городе, они разобрали мост. Тем временем пришло известие о том, что по суше через ущелья Антигонии на них идет Скердилаид (Scerdelaido) с пятью тысячами иллирийцев. Тогда войско албанцев разделилось: одна его часть была послана для охраны Антигонии, другая осталась, пребывая в уверенности, что со стороны неприятеля не следует ждать каких-либо неприятностей. Иллирийцы, которые, как мы сказали выше, укрылись в городе, узнав о

разделении войска и беспечности неприятеля, в полночь совершили вылазку, восстановили мост, перешли реку и, найдя природное укрепление, затаились там до рассвета. С первыми дневными лучами оба войска построились и вступили в сражение, в котором победа досталась иллирийцам. Лишь немногим из солдат противника удалось спастись бегством, остальные были либо убиты, либо взяты в плен.

Удрученные такими бедствиями албанцы, не видя надежды на спасение, отправили посольство к этолийцам и ахейцам с просьбой о помощи. Эти народы, сжалившись над албанцами, вняли их просьбе и прибыли в Гелик- ран. Захватившие Фенику иллирийцы, объединившись со Скердилаидом, также пришли туда. Разбив лагерь неподалеку, они жаждали вступить в битву, но медлили по причине невыгодности своего местоположения. Тем временем пришли письма от царицы, в которых она приказывала без промедления возвращаться обратно, так как несколько ее городов передались дарданам, и их нужно было вернуть к покорности. По этой причине, опустошив всю провинцию, иллирийцы заключили с албанцами перемирие, по условиям которого возвращали им всех свободнорожденных пленных и город, но уводили с собой на корабли всех рабов со всей остальной добычей. Так, частью по морю, частью по суше через Антигонию, они вернулись домой, поселив страх среди жителей приморских городов Греции. Последние, видя, что, вопреки всем надеждам и ожиданиям, был разграблен такой укрепленный и могущественный албанский город, стали теперь больше опасаться не за свои угодья, как прежде, а за себя самих и свои города.

Захватив описанным выше образом Фенику, немалая часть иллирийцев, выходя в море отдельно от всей флотилии, стала промышлять грабежом итальянских купцов, направлявшихся в город или возвращавшихся в Италию, поскольку после захвата Феники иллирийцами в нем осталось немало итальянцев. До того времени римляне отвечали насмешками на неоднократные жалобы на иллирийцев, теперь же, когда число жалоб на них в Сенат резко возрасло, в Иллирик были отправлены послами П. Юний и Т. Луций Корунканы (Corucani).

После благополучного возвращения флотилии из Феники Тевка была поражена качеством и обилием добычи (поскольку Феника была одним из богатейших городов Албании) и, задумав злое против греков, еще сильнее захотела начать с ними войну, однако по причине неурядиц в своей стране она не могла предпринять новый поход. Устроив все дела в Иллирике, Тевка приступила к осаде Иссы, последнего к тому времени из продолжавших упорствовать городов. В это время к ней прибыли римские послы. Будучи приняты царицей, они стали говорить об учиненных им обидах. Царица крайне надменно и сурово им внимала. Когда они закончили, она сказала им в ответ, что позаботится о том, чтобы римлянам не причинялись обиды от всего народа, что же касается частных лиц, то не в обычае у царей запрещать иллирийцам в частном порядке пользоваться тем, что дает им море. На эти слова царицы младший из послов дал благородный, но не вполне уместный ответ: «О Тевка! У римлян есть прекрасный обычай мстить всем народом за обиды, причиненные частным лицам (vendicare priuatamente le pubbliche ingiurie), и помогать обиженным. С Божьего позволения мы сделаем все, чтобы заставить тебя вскоре пересмотреть эти царские обычаи». Этот ответ привел царицу в такую ярость, что, презрев общепринятые правила, подослала убийц, которые на обратном пути зарубили послов топорами и сожгли перевозивших их моряков.

Когда весть о случившемся достигла Рима, римляне немедленно стали готовиться к войне — набирать легионы, снаряжать флот, — словом, делать все, чтобы достойно отомстить за такую жестокость.

Царица же с наступлением весны послала в Грецию новый флот, гораздо больше прежнего. Одни из судов пошли к Корфу, другие зашли в гавань Диррахия, делая вид, что хотят пополнить запасы пищи и воды, а на самом деле замышляя захватить город. Ни о чем не подозревающие жители Дир- рахия позволили им без оружия войти в город, думая, что те в самом деле нуждались в воде и пище. Оказавшись

внутри города, иллирийцы выхватили мечи, спрятанные в сосудах для воды, и, перебив охрану ворот, овладели ими. Когда по данному сигналу с берега подоспели и остальные, иллирийцы смогли овладеть большей частью городских стен. Горожане, несмотря на замешательство от внезапного нападения, стали доблестно и отважно защищаться, пока, в конце концов, не вынудили иллирийцев оставить стены. Таким образом, горожане, едва не лишившись по беспечности жизни и собственных домов, благодаря своему мужеству сумели спастись и стали впредь осмотрительнее. Между тем начальники иллирийцев, поспешно отчалив от берега, вышли в открытое море и нагнали тех, кто, как мы сказали выше, шел к Корфу. Соединившись, они ускорили ход и, подойдя к городу, осадили его. Жители Корфу, застигнутые нежданной бедой, не надеясь на собственные силы, отправили послов к ахейцам и этолийцам. Помимо этого, они обратились за помощью к жителям Аполлонии и Диррахия, прося не допустить, чтобы варвары лишили их родины.

Те откликнулись на просьбу жителей Корфу и предоставили десять ахейских катафрактов, которые через несколько дней отправились в направлении Корфу в надежде тотчас после прибытия освободить их от варварской осады. Однако иллирийцы, получив от вступивших с ними в союз акарна- нов семь катафрактов, выступили против ахейцев и, встретив их у островов, называемых Паксы, вступили в сражение. Акарнаны и сражавшиеся против них ахейские корабли вели равную борьбу и в стычках не терпели повреждений, не считая ранений среди находившихся на них воинов. Иллирийцы же, соединив свои корабли по четыре вместе, теснили неприятеля и, окружая его со всех сторон, лишали маневра. После этого они яростно бросались в атаку и одерживали верх благодаря своему численному превосходству. Действуя таким образом, иллирийцы захватили четыре ахейские квад- риремы, а одну квинкверему со всей командой пустили ко дну. Среди погибших на последней был пользовавшийся огромным авторитетом у ахейцев каринец Марг (Marco Carinco), всю жизнь верно служивший своей родине. Те, что сражались с акарнанами, едва услышав о победе иллирийцев и полагаясь на быстроходность своих кораблей, развернулись и, покинув место боя, благополучно возвратились домой.

Весь сонм иллирийцев, воодушевленных победой, теперь, когда препятствие было устранено, с еще большим напором принялся осаждать город. Жители Корфу, потеряв всякую надежду на спасение, в течение некоторого времени держались, но, в конце концов, сдались иллирийцам, допустив в город их гарнизон во главе с Деметрием Фарским (Fario). После этого военачальники иллирийцев, вновь подступив к Диррахию, возобновили осаду города.

В это же время на место консулов Кв. Фабия Максима (второе консульство) и П. Карвилия (Carualio) Максима были избраны Гней Фульвий и Авл Постумий Центумал, и они во главе соответственно флота из двухсот судов и сухопутного войска выступили из Рима. Фульвий направился к Корфу, думая, что его осада еще продолжается. Узнав, что опоздал (иллирийцы уже овладели городом), он все же решил идти к острову, во–первых, чтобы узнать, что произошло, а во–вторых, чтобы проверить верность того, что он узнал о Деметрии. Дело в том, что Деметрий, прознав о том, что был оклеветан завистниками перед царицей, и опасаясь ее гнева, отправил в Рим посланца, обещая римлянам передать им город и все, что было в его власти. Итак [когда он подошел к острову,] жители Корфу, обрадованные приходом римлян, при попустительстве Деметрия передали им и находившийся в городе иллирийский гарнизон и сам город, а после этого и сами отдались под их покровительство, полагая обезопасить себя этим от посягательств иллирийцев. Римляне, заключив дружественный союз с жителями Корфу, отплыли к Аполлонии, взяв Деметрия в качестве провожатого. В это же время Авл Постумий переправлял из Бриндизи сухопутное войско, состоявшее примерно из двадцати тысяч пехоты и двух тысяч конницы. Оба войска одновременно подошли к Аполлонии и, взяв город под свое покровительство, немедленно отплыли в Диррахий, так как узнали о его осаде.

Иллирийцы, узнав о приходе римлян, в страхе сняли осаду и бежали. Римляне же, заключив

дружественный союз и с жителями Диррахия, отплыли к другим городам, расположенным в глубине Иллирика, покоряя многие земли на своем пути.

Тем временем к римлянам прибыли послы из Парфинии (Patermia), с просьбой принять их со своим городом под римское покровительство. Удовлетворив их просьбу, а равно и просьбу посланцев от атинтанов, римляне направились к Иссе, так как узнали, что и этот город был осажден иллирийцами. Прогнав осаждавших, они овладели городом. Таким же образом римляне захватили еще немало городов в Иллирике, потеряв (prenderono) при этом не только множество солдат, но и несколько трибунов и квестора. Кроме этого, римляне захватили двадцать кораблей иллирийцев, перевозивших провиант. Несколько человек из числа осаждавших Иссу, уроженцев Хвара (Lesina), были спасены по заступничеству Деметрия, остальные же после разгрома укрылись в Нароне (Narona). Царица Тевка с небольшой свитой отступила в Ризан, хорошо укрепленную и удаленную от моря крепость (terra) на берегу одноименной реки Ризан. После этого римляне, передав Деметрию немалое число иллирийских городов, со всем сухопутным войском и флотом вернулись в Диррахий. Гней Фульвий с большей частью морского и сухопутного войска отбыл в Рим, а Постумий, оснастив сорок кораблей и набрав войско из жителей близлежащих городов, остался в Диррахии для охраны ардиеев (Archiensi) и всех остальных, отдавшихся под покровительство римлян.

С наступлением весны Тевка отправила к римлянам послов с предложением заключить договор. Римляне ответили, что Корфу, Хвар, Вис, Драч и, наконец, вся Атинтания (gli Atintani) перешли под их власть, поэтому они согласятся на то, чтобы сын Агрона Пиней властвовал над остальной частью царства своего отца и считался другом и союзником римского народа, если он откажется от вышеназванных владений, и иллирийцы не будут подходить к Вису иначе, как на двух легких судах без вооружения. Все эти условия упомянутыми послами были приняты.

Таковы были первые войны и первые договоры римлян с иллирийцами. После того как римляне заключили мир с Тевкой и передали многие города Иллирика Деметрию Фарскому, консулы пожелали, чтобы Деметрий за свои заслуги перед Римской республикой принял титул иллирийского царя; однако Деметрий, то ли из-за предчувствия, что римляне лишат его власти, то ли, как говорят некоторые, из-за своего беспокойного характера (как пишет Полибий (III), будучи с детства привыкшим к соперничеству, он был жесток духом и крепок телом), без всякого почтения к римлянам и их союзникам начал вести повсюду опустошительные войны. Сражавшиеся под его началом иллирийцы отличались такой свирепостью, что (будучи врагами всем) внушали всеобщий ужас. Как рассказывает Полибий (II), куда бы ни направлялся Деметрий, он подобно урагану все сметал на своем пути. И прежде Деметрий проявлял смелость и доблесть, чем заслужил большое уважение. А именно, когда македонский царь Антигон с большим риском вел ту памятную войну, во время которой между Эвой и Олимпом состоялось его сражение с лакедемонским царем Клеоменом (это была Союзническая война, однако Плутарх называет ее Клеоменовой), Деметрий, находясь со своими иллирийцами на самом опасном участке, с невероятной смелостью ринулся в атаку на высоты, занятые неприятелем, и принес Антигону победу. И позднее, когда Деметрий стал царем Иллирика, выйдя в море со своим [будущим] преемником Скердилаидом, как пишет в конце II книги Полибий — пока Скердилаид по его приказу с пятьюдесятью кораблями разорял Навпакт и Ахайю, сам [Деметрий] с таким же количеством кораблей опустошал Кикладские острова. В то время, когда Деметрий (как мы сказали) подобно урагану предавал все опустошению, римляне послали против него с большим войском консулов Павла Эмилия и Марка Лелия (как можно прочесть у Тита Ливия во 2–й книге III декады). Полибий, однако, в III книге нигде о Марке не упоминает, говоря только то, что против Деметрия был отправлен Павел Эмилий. Тот, после семидневной осады взяв приступом Дималу, называемую Страбоном (VII) Далмием (Dalmio) (от которого пошло название «далматы»), напал после этого на остров Фар. Деметрий, находившийся там с отборным войском из иллирийцев, потерпев поражение в битве,

выигранной неприятелем благодаря скорее военной хитрости, чем отваге, бежал в Македонию.

Там он оказал такую большую помощь советами и участием в походах македонскому царю Филиппу, когда тот неоднократно предпринимал военные действия, главным образом против этолийцев, что, как пишет Полибий (V), завоевал себе большую часть славы в этих походах наряду с ахейским стратегом Аратом (Strato). Позже, при приступе по приказу Филиппа города мессенян, Деметрий был убит. Хотя Аппиан и пишет, что его убили римляне на острове Хвар (Lesina), однако, согласно Полибию (III), Титу Ливию (III декада, 2–я книга) и Сабеллико (V эннеада, 1–я книга), Деметрию после поражение от римлян на острове Хвар все же удалось спастись на лодках, которые были заранее приготовлены в трех местах острова, и бежать к македонскому царю Филиппу. Последний, как пишет Юс- тин в XXIX книге [своего труда] о знаменитых людях, позднее был побужден Деметрием начать войну с римлянами, которые под предводительством претора Л. Аниция Галла по случаю упомянутой войны напали также на Гентия, царя другой части Иллирика, двор которого находился в Скодре. Тот, присоединившись к македонцам, послал, как пишет Тит Ли- вий в 4–й книге V декады, восемьдесят легких судов (Lembi armati) для разорения полей Диррахия и Аполлонии. После нескольких стычек римляне одержали победу. Гентий со своими детьми и братом Каравантием был увезен в Рим и затем по распоряжению сената сослан в Сполето. Павел Эмилий почти сразу же после этого в течение одного дня ограбил семьдесят иллирийских городов, применив не силу, а хитрость и обман. Вот как это произошло. Как рассказывает Аппиан в «Событиях в Иллирии», он тайно отбыл в Рим и, поспешно возвратившись, от имени сената обещал населению этих городов прощение за все совершенные ими проступки при условии, что они выдадут все имеющееся у них золото и серебро. Когда они согласились на это, он отрядил в каждый из городов часть своего войска и приказал начальникам отрядов в заранее условленный день на рассвете разослать по всем улицам глашатаев с приказом для жителей в течение трех часов сдать все имеющееся у них золото и серебро. Что и было исполнено, после чего солдаты разграбили все оставшееся. Так в один день он ограбил семьдесят городов. Иллирийцы, однако, вскоре отомстили за эту обиду — поднявшиеся против римлян (в числе прочих) ардиеи (Ardei) и пилариии (Pilarij) напали на ту часть Иллирика, которая была в союзе с римлянами. Римляне отправили к ним послов с требованием прекратить нападения, но, когда те не подчинились, отправили против них войско, состоявшее из десяти тысяч пехоты и шестисот конницы. Когда и это не заставило ардиеев и пилариев подчиниться, против них с большим войском выступил Фульвий Флакк. Однако, как пишет Аппиан в «Событиях в Иллирике», эта война так и свелась к нескольким мелким стычкам, так как римляне не смогли довести ее до конца.

Автариаты (Autoriati), самый большой и самый храбрый народ в Иллирике, как сообщает Страбон (VII), непрерывно воевали с упомянутыми ардиеями из-за соли, которая в пограничной с ними области образуется по весне из воды, падающей из некоего желоба. Если воду вычерпывать и отстаивать в течение пяти дней, то образуются кристаллы соли. [Автариаты] договорились [с ардиеями] пользоваться упомянутой солеварней по очереди, когда же те нарушали договор, [авториаты] начинали войну с ардиеями. Последних Плиний (III, 21) и Страбон (VII) называют вардеями, Дион Византийский — артеями, или аритеями. Некоторые (среди них Плиний) называют их разорителями Италии, поскольку они жили на побережье Далмации. Об этом упоминает Страбон, который в VII книге пишет: «Затем — река Нарон и живущие на ней даоризы, ардиеи и плереи (Plerei). Поблизости от последних лежит остров, называемый Черная Коркира, и город, основанный книдянами (Gnidij), а поблизости от ардиеев — Фар. Римляне оттеснили ардиеев в глубь материка подальше от побережья, так как они занимались морским разбоем. Страна эта, суровая и бесплодная, непригодна для сельского хозяйства, поэтому находится в запустении и почти не заселена». Так пишет Страбон. Я полагаю, что упомянутые плеарии (Pleari), или, как их называет Аппиан Александрийский, пилариии, суть не кто иные, как те, кого рагузинцы называют теперь «пелешанами» (Pilisciani) и которые живут на их земле, поскольку никто, кроме них, не живет так близко к

Черной Коркире, называемой ныне Корчулой. Земля их крайне неплодородна, хотя, судя по развалинам, некогда и там были хорошие земли. Вардеи, или артеи, жили на побережье моря, которое рагузинцы называют Малым. Вдоль всего упомянутого побережья еще видны развалины нескольких городов, а напротив них совсем близко лежит остров Фар. Теперь на этих землях живут артаны, или аркианы (Archiani), а за ними — древние пилариии, в союзе с которыми, как мы уже сказали, они ходили по морю и разоряли побережье Италии. Как пишет Аппиан в «Событиях в Иллирии», они совершали набеги на автариатов по всему побережью и согнали их с этих земель. Римляне, не в силах выносить их наглость, неоднократно посылали против них большие войска и под конец одержали над ними верх, вынудив уйти жить в глубь материка. Как видно из карт Птолемея, они жили на реке Дрин. В первый раз римляне под началом претора Марка Коскония сразились с ними в 618 году от основания Рима. Через двадцать девят лет после этого консул Г. Порций Катон, согласно Евтропию (IV), потерпел от них постыдное поражение. И позднее римляне часто выступали против них под началом Л. Дидия (Didione), Лентула, Пизона, Корнелия, проконсула М. Минуция Руфа, Мессалы, Луция Сципиона и консула М. Ливия Друза. Все упомянутые полководцы вели войны с неукротимым племенем скор дисков.

Скордиски, хотя долгое время и были весьма могущественны, как пишет Страбон (VII), после частых и продолжительных войн с римлянами и своими соседями почти утратили свою силу. Они отличались крайней свирепостью. Как пишет Павел Орозий (V, 23), среди прочих внушающих содрогание примеров их жестокости, был такой: если у них не оказывалось под рукой чаши для питья, то они хватали раба, отрубали ему голову и, вынув из нее мозг, пили из окровавленного и покрытого волосами черепа. Как пишет Марцеллин (XXVII), Римская республика часто терпела ущерб от их необузданности, вступала с ними во многие жестокие битвы и под конец потеряла в войне с ними целую армию вместе с военачальником. Как пишет Страбон (VII), существовало два рода скор дисков — великие и малые. Великие скордиски жили между двумя реками, впадающими в Дунай, — Ноа- ром, или Савой, и Баргом (Bergo), называемым ныне Дравой. Малые скордиски жили за Дунаем. Джакомо Гастальди считает, что скордиски жили в стране, называемой ныне Рашка, а [Доменико] Марна Негри — что в тех землях, которыми теперь владеют боснийцы.

Иллирийские сегестаны воевали с Луцием Коттой, Метеллом, а также с Цезарем Августом, который во время атаки на их город Сетовию был ранен ударом камня в колено и много дней после этого лечился. То же самое произошло с ним и во время приступа яподского города Метула. Как пишет Дион (XLIX), когда римляне напали на упомянутый город Метул, яподы отбили много атак римлян, сожгли множество осадных машин и тяжело ранили самого Цезаря, когда он пытался ступить на [городскую] стену с деревянной башни. Как пишет Страбон (VII), яподы жили на Альбийской горе, последнем и очень высоком отроге Альп; с одной стороны они граничили с паннонцами и с Дунаем, с другой — с Адриатикой. Хотя они и отличались воинственным пылом, но в результате частых войн с римскими полководцами, в частности, с Семпронием Тудитаном, Тиберием Пандусой (Spandusio) и Цезарем Августом, их силы почти иссякли. Городами яподов были Метул, Арупины (Arupeno), Монеций и Вендон (Vendo). Земли, на которых они жили, были неплодородны, поэтому в основном они питались полбой (segala) и просом. Вооружение их было подобно кельтскому (Francese), облачением же походили на остальных иллирийцев и фракийцев. Плиний (II, 31) пишет, что за правосудием они обращались в Скардо- ну. Как полагают Вольфганг Лациус и Ортелий, ныне они называются ка- ринтийцами (Crantij) и являются подданными австрийских государей. Однако Иоганн Стадий в комментариях к Луцию Флору говорит, что яподы жили в тех землях, которыми теперь владеют штирийцы.

Пеоны, или паннонцы, также были заклятыми врагами римлян. Жили они на Дунае, согласно Диону (XLIX), который пишет о них следующее: «Паннонцы живут на Истре от Норика до Европейской Мезии по соседству с народами Далмации и влачат самое жалкое существование среди всех людей, поскольку и

земля и климат у них оставляют желать лучшего. Они не производят ни масла, ни вина, разве что в ничтожных количествах, и не возделывают соответствующие культуры по причине суровейшей зимы, которая длится у них большую часть года. Питаются же они овсом и просом, и приготавливают из них напитки. Сказать по правде, этот народ по силе и телесной крепости превосходит все известные народы. Поскольку жизнь их лишена всего, что заслуживает названия достойного или благородного, по природе своей они склонны к буйству и кровожадны. То, что я пишу об этом народе, я знаю не понаслышке и не из книг — я убедился в этом лично, когда был наместником у упомянутых народов». Так пишет о пеонах Дион.

Аппиан Александрийский в «Событиях в Иллирии» пишет о них так: «Пеоны знамениты из-за македонских агрианов, которые во многих войнах оказали большую помощь Филиппу и Александру, поскольку агрианы также принадлежали к пеонами, а именно к тем из них, которые живут ниже и в древние времена пришли от иллирийцев. Когда на упомянутых пеонов пошел войной Корнелий и был с позором отброшен и разбит, их успех вселил страх в сердца жителей всей Италии, и в течение длительного времени после этого ни один римский консул не решался начать с ними войну». Так пишет о пеонах Аппиан.

Позднее при Цезаре Августе пеоны вместе с далматами начали войну с Римской империей, о чем пойдет речь позже.

Иллирийские либурны, не один раз с доблестью отражали нападения римских военачальников Лентула и Габиния, и в нескольких сражениях нанесли им ощутимый урон. В прошлые века имя их пользовалось гораздо большей славой, особенно в морских войнах. О них сказал Лукан: «[С греческим флотом большим] либурнов воинственных — в море». Они постоянно держали наготове большой флот — нападая с ним на острова Архипелага, они овладели некоторыми из них. Об этом упоминает Страбон (VI), говоря, что коринфянин Архий, основатель Сиракуз в Сицилии, проходя с флотом, оставил Херсикрата из рода Гераклидов с частью войска для заселения острова, который теперь называется Керкира, а в древности назывался Схерия. Херсикрат, изгнав с острова владевших им либурнов, сам заселил его. Область Либурния, по мнению Страбона, получила свое название по имени города Либурния. Пинеда говорит, что ныне Либурния называется Задарским комитатом (contado di Zara). Похоже, то же самое хотел сказать и Вегеций, который пишет, что Либурния была частью Далмации и находилась в подчинении у города Задар. Плиний (III, 11) рассказывает, что переселившиеся в Апулию в область педикулов девять юношей и столько же девушек из Иллирика стали родоначальниками тринадцати народов. Городами упомянутых педикулов были: Рудия, Эгнация, Барион, называвшийся прежде Япигия (Iapedi), а ныне Бари. Эта область в дальнейшем получила название Певкетия (Peucetij), или, согласно Дионисию Пуническому, Певкентиния (Peucentini), позаимствовав это имя у упомянутых юношей, по происхождению либурнов, часть которых, по словам Каллимаха, цитируемого Плинием, звалась певкетами.

Перейдем теперь к рассказу о далматах, доблесть и воинское искусство которых всегда были выше всяких похвал — греческие и латинские историки считали их самым доблестным среди всех народов Иллирика. Они регулярно били римлян, в связи с чем величайший уроженец Арпинума Марк Цицерон, немало раздосадованный этим обстоятельством, писал римскому полководцу Ватинию, который сражался с упомянутыми племенами в Далмации («Письма к близким», 5): «Да покарают боги далматов, которые причиняют тебе неприятности… ведь они всегда считались воинственными». Как было сказано ранее, первое их столкновение с римлянами произошло, когда царицей Далмации была Тевка. После этого — с Гайем Марием (Gaio Macrio), который в первой стычке, как пишет Сабеллико, потерпел от них поражение. Позднее они непрестанно воевали с римлянами и с их иллирийскими союзниками. Аппиан Александрийский в своем трактате об Иллирии пишет об этом следующее: «Далматы напали на других иллирийцев, которые подчинялись римлянам. Когда римляне отправили к ним послов, те не пожелали их ни принять, ни выслушать. Тогда против них был послан консул Маркий Фигл (Marco Figolo). Далматы,

внезапно напав на сторожевые отряды Фигла, разбили их и отбросили до реки Нароны. Позднее Цецилий Метелл, став консулом, решил начать войну с далматами, хотя они не совершили ничего предосудительного. Когда он прибыл в Далмацию, то был принят далматами как друг и провел зиму в их столице Салоне. Вернувшись в Рим, он без всякой причины и заслуги со своей стороны отпраздновал триумф. К этому эпизоду относится известная древняя надпись, гласящая:

CN. FULUIUS CN. F. CN. N. CENTIMALUS A. D. XXV. PROCOS. EX ILLYRIIS NATAL. EGIT K. QVINTIL.

(Гней Фульвий, сын Гнея, внук Гнея, Центумал, в 525 году [от основания города], проконсул, справил морской [триумф] над иллирийцами в квинтильские календы.)

Когда Цезарь вел войну с кельтами, далматы отняли у либурнов город Промону. Либурны обратились к Цезарю, который находился неподалеку, и он отправил послов к далматам с требованием вернуть либурнам упомянутый город. Когда же они не вняли ни словам, ни требованиям Цезаря, он послал против них большое войско, которое было разбито и уничтожено. Позднее, когда Цезарь начал войну с Помпеем, Габиний вел [ему на помощь через Иллирию] пятнадцать римских когорт пехоты и три тысячи всадников. Далматы, опасаясь, что в случае победы Цезаря над Помпеем он в отместку за нанесенные ими обиды нападет и на них, атаковали упомянутое войско и полностью его уничтожили, и лишь немногим, в том числе самому Габинию, удалось спастись бегством. Эта победа принесла им великое множество денег и других трофеев. Цезарь, одержав победу над Помпеем и устроив все по своему усмотрению, вернулся в Рим и стал готовиться к войне с гетами и парфянами. Далматы, опасаясь, что Цезарь по пути нападет и на них, отправили к нему послов с просьбой о прощении и предложением дружбы и союза, восхваляя свою воинскую доблесть. Цезарь, который к тому времени уже выступил против парфян, дал послам резкий ответ, что не желает иметь ни в качестве друзей, ни в качестве союзников тех, кто столь дурно с ним обошелся, однако согласился бы их простить, если они будут платить дань и пришлют заложников. Когда послы приняли условия, Цезарь послал к ним Ватиния (Atinio) с тремя отрядами (legioni) и многочисленной конницей с приказом наложить небольшую дань и взять от них заложников. Однако позднее далматы перестали выполнять то, что обещали. Когда Ватиний стал опустошать их земли с помощью трех отрядов, бывших в его распоряжении, далматы напали на него и разбили, убив консуляра Бебия, командовавшего этим сражением. Ватиний с оставшимся войском удалился в старую Рагузу».

Самой же жестокой была война, которую далматы в союзе со своими соседями пеонами вели против императора Октавиана и его полководцев Германика и Тиберия, ставшего впоследствии императором. Как пишет Веллей Патеркул (II), «окрепшие далматы, взяв в союзники своих соседей пеонов, подняли оружие против Римской империи. Число восставших превышало восемьсот тысяч. Они выставили двести тысяч пехотинцев и девять тысяч всадников. Всеми ими командовали Батон (Battone) и Пиней (Pineo), смелые и закаленные в битвах мужи, которые разделили свое войско на три: первое должно было напасть на Италию, второе — вторгнуться в Македонию, а третье оставалось для охраны их родных рубежей. Были убиты все римские граждане, перебиты купцы, в наиболее удаленных от императора провинциях истреблено большое число знаменосцев, была захвачена Македония, и все вокруг предано огню и мечу. Эта война породила такой страх, что даже дух Цезаря Августа, закаленный в стольких войнах, был поколеблен и унижен. Ввиду этого был произведен набор войска, повсюду призваны ветераны. Мужчины и женщины согласно цензу должны были выставить по солдату–вольноотпущеннику. В сенате прозвучали слова Цезаря: «Если не поторопиться, то через десять дней враг будет в пределах видимости от Рима». Поэтому римские сенаторы и всадники обещали оказывать всяческое содействие». И Цезарем был послан Тиберий с тридцатью легионами, как сообщают Светоний в жизнеописании Тиберия и Сабеллико в 9–й книге VI эннеады. Веллей (И) пишет, что в этой войне с далматами у Тиберия было самое большое войско, какое собиралось где- либо после гражданских войн — помимо семнадцати легионов и десяти тысяч ветеранов, сопровождаемых многочисленными конными отрядами фракийского царя Металка, там было

еще большое число добровольцев. Далматы, атаковав войско, приведенное консулярами А. Цециной и Сильва- ном Плавцием (Plantio) из заморских провинций, [окружили] пять римских легионов вместе со вспомогательными отрядами и конницей царя Металка, который с большим отрядом своих подданных присоединился к римским военачальникам, и почти полностью всех их уничтожили. Тиберий был крайне удручен этим событием. Как пишет Сабеллико (9–я книга VI энне- ады), эта война была сопряжена для него с величайшими трудностями всякого рода, и, как отмечает Светоний в жизнеописании Тиберия, была самой тяжелой из всех войн с внешними врагами после Пунических (Cartaginese). По этой причине Реммий Фанний (Rhennio Fannio) снабдил комментарием то место у Дионисия Пунического, где тот говорит:

С правой руки протянулась Иллирия, полная благ,
Дружное с Марсом там племя далматов живет.

Аппиан Александрийский пишет в «Событиях в Иллирии», что Цезарь Август, покоряя Далмацию, с большим трудом победил жителей островов Млет и Корчула, которые занимались морским разбоем. Цезарь повелел предать смерти всю безбородую молодежь, а остальных — продать с торгов.

Дион Никейский подробнее других описал события этой войны Тиберия с далматами, среди которых перусты (Daorsi) и десидиаты (Desitiati), как пишет Веллей, были почти неодолимы по причине труднодоступности своего местожительства, а также неукротимости своего нрава и изумительного владения искусством боя. По этой причине римляне не могли подчинить их вплоть до времени императора Октавиана, которому пришлось немало потрудиться, чтобы победить их.

Позднее, когда у римлян угасло единовластие, далматы вели войны и с другими империями и властителями, давая решительный отпор всякому, кто хотел нанести им урон или лишить их прирожденной свободы. По этой причине они в течение длительного времени вели войну, как сообщает Аббат Урсбергский в «Происхождении саксов», с Генрихом, сыном Оттона Саксонского, который с мощным войском нападал на них и разорял далматские земли. Поднявшиеся для отпора далматы в союзе с частью чехов (Boemi) и сербов (Sorabi) совершили вторжение и, опустошив Тюрингию, дошли до Саксонии. Во время своего пребывания в Тюрингии, где они, утратив всякий порядок, предавали все вокруг огню и мечу, на них напал граф (Conte) Поппон, находившийся с войском в тех пределах. В произошедшей битве граф одержал победу, перебив великое множество врагов, особенно сербов. Франкский король Карл Великий был весьма огорчен упомянутым восстанием сербов и попытался снова примириться с ними — ведь в прошлом они оказали ему немалую помощь, особенно в его войнах со славянами вильца- ми, которые, как было сказано, были заклятыми врагами франков. Собираясь в 789 году на войну с последними, Карл Великий, как пишет [Карл] Вагрийский, положился не столько на храбрость своих франков, саксов и фризов, сколько на доблесть упомянутых славян сербов и бодричей. По этой причине он взял тогда в союзники их государя Витиса (Vitiza) и, выступив против вильцев, после множества сражений с великим трудом одержал над ними победу, как сообщает Пьер Питу (P. Piteo) в «Анналах франков». Чтобы укрепить дружбу с упомянутыми славянскими союзниками, он даровал им, как пишут Питу и Конрад из Брюгге (Corrado Brugense) в «Анналах франков», земли за Эльбой, принадлежавшие прежде саксам, которых он в наказание за восстание переселил оттуда во Франкию, и настоятельно увещевал бодрицкого государя Тамбавиза (Tambauiz), или (как его называют другие) Тароваза, впредь не забывать о дружбе и пожалованиях от франкской короны.

Позднее, когда императорами у франков были Генрих I и Оттон III, их попытки покорить Далмацию принесли ей немало страданий, однако сломить непобедимый дух далматов им все же не удалось. Далматы, с большой поспешностью вооружившись, дали им достойный отпор, о чем можно прочесть во 2–й части у Джироламо Барди, где он вкратце упоминает о войнах, которые вели упомянутые императоры с далматами.

До своего поражения от венецианцев далматы доставили им немало хлопот, о чем среди прочих свидетельствует венецианский дворянин Паоло Парута. Во 2–й книге своих «Рассуждений», повествуя о трудностях, с которыми пришлось столкнуться Венецианской республике при покорении далматов, он пишет: «Зная качества тех соседних народов, за счет которых надлежало в первую очередь расширить ее пределы, можно понять беды, постигшие республику. С самого начала она должна была победить далматов — народ, который отличался не только военной доблестью, но и диким нравом. Трудности, с которыми пришлось столкнуться, чтобы покорить их, дают убедительное объяснение тому, что Римская республика, одержав победу над многими далекими и неукротимыми народами, никак не могла набросить ярмо на Далмацию и сделать ее частью Римской империи, пока император Октавиан Август ценой немалых воинских потерь не сумел подчинить ее римскому господству». Так пишет о далматах Парута.

Как повествует Мартин Вагнет (Martino Vuagneto) в 3–й книге «Космографии», еще в доримские времена далматы, отправившись вместе с Давном — весьма знаменитым у них мужем, вынужденным по причине домашних войн покинуть свою родину — завоевали Япигию, называемую ныне Калабрией; и, как пишут Исаак, комментатор Ликофрона, и Абрахам Ортелий в своем «Тезаурусе по географии», назвали ее по имени своего вождя Давнией.

Не следует удивляться тому, что мы ведем разговор об упомянутых триумфах и победах далматов: по сравнению с величием и могуществом, которыми они обладали в те времена, все рассказанное нами выглядит лишь бледной тенью. В те времена народ этот имел обширные владения и гораздо больше городов, чем теперь. Об этом можно прочесть у Страбона (VII), который рассказывает о далматах следующее: «Там — побережье далматов и Салон (Salone), стоянка их кораблей. Этот народ — один из тех, кто в течение длительного времени воевал с римлянами, и имел до пятидесяти значительных поселений, среди которых несколько городов, таких как Салон, Приамон, Ниния и Синотий, как новый, так и старый. Города эти были преданы огню Цезарем Августом. Есть там еще крепость Андетрий (Andretrio) и большой город Далмий (Dalminio), от которого этот народ и получил свое имя. Однако из⍰за скупости его жителей Назика уменьшил его, а территорию обратил в пастбище для овец. У далматов есть обычай каждый восьмой год совершать передел земли, а также не пользоваться там деньгами [что является их особенностью по сравнению] с жителями Италии».

Плиний (III, 21) пишет, что в город Скардону обращались за правосудием япиды и четырнадцать городов либурнов. В 22–й главе он говорит, что в Салону за правосудием обращались поделенные на триста семьдесят две декурии далматы, на двадцать две — декуны, на двести тридцать девять — дитионы, на семьдесят девять — мезы и на пятьдесят две — сардиаты. В город Нарон, как мы говорили со ссылкой на Марка Варрона, обращались за правосудием еще 89 городов. Владели они и многими островами, которых, как пишет Плиний (III, 26), в Адриатическом море более тысячи.

Приняв во внимание все вышесказанное, а также многое другое, что писали о далматах древние, нельзя не согласиться с тем, что все написанное нами о славном далматском народе — почти ничто по сравнению с той силой, которой он некогда обладал.

Дарданы, еще один народ Иллирика, слыли у древних писателей искусными воинами. Не раз они давали отпор римским войскам, которые под знаменами проконсула Г. Скрибония Куриона, как пишет П. Орозий (V), в течение трех лет сряду вели войну с упомянутыми дарданами. Огромный ущерб нанесли они и македонским царям, так как не раз вступали в жестокую схватку с Филиппом, его сыном Александром Великим, с Александром, сыном Пирра, и македонским царем Деметрием, которого в конце концов изгнали из его царства. Об этом сообщает Юстин в VII, (25, 28) и в XXIX книгах. Вторгшись в Македонию при царе Антигоне, они предали ее разграблению и сражались с упомянутым Антигоном. Местожительство их

находилось, согласно Лациусу, в области, называемой ныне Босния. Согласно Рафаэлю из Вольтерры и Куспиниану, они жили в тех землях, которыми теперь владеют сербы и рашане. Как пишет Никола Стобей, у них было в обычае мыться не более трех раз в жизни: когда рождались, женились и умирали. Как пишет Страбон (VII), они очень любили музыку и играли на духовых и струнных инструментах. По соседству с ними жили мезийцы (Mesij), или (как их называют другие) мизийцы (Misij). Об их жестокости, неукротимости и заносчивости, как пишет А. Флор (IV, 12), страшно даже сказать. Когда римский консул Марк Красс собирался сразиться с их войском, один из мезийских военачальников выехал из своего лагеря и спросил у римского войска: «Кто вы такие?» Ему последовал ответ: «Римляне — повелители народов». Тогда мезийцы прокричали в ответ: «Так будет, если одержите победу над нами».

Мезийцы Иллирика делились на верхних и нижних. Верхняя Мезия, по Иоганну Леунклавию и Лациусу — это Сербия, по Куспиниану — Босния. Нижняя Мезия, по свидетельству Халкокондила, Лациуса и Куспиниана — это Болгария, хотя Петанчич говорит, что это именно те земли, которые ныне называются Загорье. Иордан Алан называет две упомянутые Мезии Малой Скифией, в пределах которой (по мнению некоторых) находятся земли бес- сов и трибаллов. От бессов произошли боснийцы, о чем мы более подробно расскажем в трактате, посвященном Боснии.

Трибаллы, превзойдя все другие народы, разбили македонского царя Филиппа. Действительно, после того как Филипп победил множество народов и, разбив войска своих соперников, покорил почти всю Грецию, одни трибаллы, как пишет Павел Орозий (III, 12, 13), смело встали у него на пути и, разбив в сражении, лишили всех трофеев, захваченных у разных народов. [А было это так.] Филипп отправился в поход на Византий, который был основан спартанским царем Павсанием, а затем расширен христианским императором Константином и назван по его имени Константинополем, но, несмотря на огромные усилия, не смог взять. Тогда, снарядив большой флот, он стал заниматься морским разбоем и захватил сто семьдесят судов, груженных разными товарами. После этого, отправившись в Херсо- нес, он захватил там множество городов и взял большую добычу. Выступив затем против скифов, он разбил их царя Атея (Etea), захватив двадцать тысяч скифских младенцев и женщин, а также великое множество скота, в том числе двадцать тысяч лошадей благороднейшей породы. Когда он со всей этой добычей возвращался в Македонию, на него напали трибаллы. В завязавшейся схватке Филипп был ранен в бедро, при этом железо, пройдя сквозь плоть, сразило наповал его коня. Увидев это, его подданные сочли его убитым и обратились в бегство, трибаллы же завладели всей добычей. Никогда после этого Филипп не дерзал нападать на трибаллов. Его сын Александр Великий, желая после смерти отца воздать им отмщение, встретил со стороны трибаллов мужественный отпор, за чем последовала жестокая и изнурительная война (см. «Registrum cronicarum», V, Возраст мира), произошедшая, согласно Герману Калеке, в 3624 году от сотворения мира.

Посему Цезарь Август, помня о доблести, которая всегда была присуща иллирийцам как в войнах с Александром, так и в войнах с римлянами, сказал, что иллирийцы являются самым воинственным из всех народов. Как пишет об этом Аппиан Александрийский в «Событиях в Иллирии», однажды Цезарь Август, уже став властелином всего мира, выступая перед сенатом и упрекая в бездействии Марка Антония, воздал себе должное за покорение иллирийцев, самого воинственного из всех народов, от которого римляне не раз терпели поражения.

Итак, Александр Великий, видя, что не сможет одолеть трибаллов, отступивших на остров Певка на Дунае, получив дары от их царя Сирма (Sirmio), заключил с ними мир. Местожительство трибаллов, как пишет Страбон, находилось во Фракии от земель агрианов, живших между горами Родопа и Гем, до Дуная на расстоянии пятнадцати дней пути. С самого начала они страдали от внутренних усобиц, а затем были побеждены македонцами и римлянами. Плиний (VII, 2) приводит свидетельство Исигона о том, что среди трибаллов были люди, которые могли одним взглядом заворожить и убить тех, на кого они пристально

смотрели, особенно если взгляд был исполнен ярости; причем наиболее опасны они были для подростков. По свидетельству некоторых авторов, трибаллы владели целым арсеналом средств, подобных этому.

Александр, заключив с ними мир и испытав силу и военное искусство иллирийцев, во всех своих походах хотел иметь главной силой своего войска именно их, в частности пеонов и агрианов.

Агрианы под предводительством своего царя Лангара (Lagaro) обуздали дерзость автариатов, вызвавших беспокойство у Александра. Последний, оказав Лангару великие почести и одарив самыми почетными дарами, обещал после своего возвращения в Пеллу выдать за него свою сестру Кину. Однако смерть Лангара помешала свадьбе и повергла в большое уныние Александра, который в течение всей своей жизни чувствовал особую приязнь к агрианам. Их конница, как пишет Лаций в своем труде «О переселении народов» (II), оставила яркий след в истории. Александр применял ее во всех своих войнах в качестве основной поддержки македонской фаланги и, как свидетельствует Арриан из Никомедии (I), всегда держал ее при себе, ставя на левом крыле щитоносцев и самых смелых агриан. Они же послужили одной из главных причин разгрома и смерти персидского царя Дария и столь блистательной победы, которую Александр одержал над персами. Квинт Курций Руф (IV), рассказывая о битве Александра с Дарием и об опасности, которой он тогда подвергся, пишет: «При первом налете пало множество македонцев, большинство же бежало к Александру. Персы с оглушительным криком, который обычно издают победители, стали с яростью напирать на врага, смятого почти повсюду. Александр принялся упрекать и ободрять своих перепуганных воинов, пытаясь возобновить уже почти проигранную битву. Укрепив их дух, он вновь послал их на неприятеля. Строй персов на правом фланге весьма поредел, так как его оставили бактрийцы, устремившиеся в атаку на обоз. Поэтому Александр атаковал упомянутый поредевший строй и, производя большую резню, стал в него углубляться. Левый фланг персов в надежде окружить его стал с боем приближаться с тыла. Попавший в окружение Александр мог оказаться в большой беде, если бы не помощь агриан, которые, пришпорив своих коней, напали на окруживших царя и, заставив их развернуть строй, вынудили сражаться с ними. Оба строя были смяты. Враг находился и спереди и сзади от Александра. Тех, кто был перед Александром, теснила агрианская конница». Так пишет Квинт Курций. Аппиан Александрийский в «Событиях в Иллирии» называет агрианов прославленным народом Иллирика. Тит Ливий (V декада, 4–я книга) называет их неукротимыми в войнах. Благодаря их умению и доблести Александр овладел Ионией, Мореей, обеими Фригиями, Кап- падокией, Пафлагонией, Лидией, Карией, Ликией, Памфилией и Финикией, покорил Египет с греческой Ливией, часть Аравии, Келисирию (Celosini), Месопотамию, Вавилонию (Balania), Сузы, персов, мидий- цев, парфян и все земли, которые принадлежали Персидскому и Мидий- скому царствам; а за Каспийскими воротами — Кавказ и реку Тану^ Он распространил пределы своей империи до бактрийцев и гирканов и прогнал скифов в их леса. Наконец, с их помощью он покорил знаменитейшие реки Инд, Гидасп, Акесин и Гидраот. Посему нет ничего удивительного в том, что Александр даровал такому могучему иллирийскому народу ту привилегию, которую много веков спустя была обнаружена в одной из библиотек Константинополя. Вот ее содержание:

Мы, Александр, сын царя Македонии Филиппа, государь монархии, основатель Греческой империи, сын великого Юпитера через Натабана возвещенный, властитель августов, брахманов и арабов, от восхода солнца до заката, от юга до севера, благородному роду славян и их языку — благодать, мир и привет. От Нас и Наших преемников, которые наследуют Нам в управлении миром.

За то, что вы служили нам верой и правдой, были храбры в бою, были Нашими полководцами и стойкими воинами — за это Мы даем вам и жалуем навечно всю область земли от Северо–Востока до крайних пределов Италии на юге; и никто, кроме вас, не смеет там пребывать, жить или поселяться. Если же найдутся те, кто там обоснуется, да будут они вашими рабами, а дети их — рабами ваших детей.

Дана в новом городе Александрии, который был основан Нами на великой реке Нил, лета двенадцатого Нашего правления. По согласию с Нами великого бога Юпитера, Марса, Плутона и богини Минервы. Свидетелями сего являются благородный Атлет, Наш казначей, и остальные одиннадцать государей, которых, если Мы умрем бездетными, оставляем наследниками Нашими и всей вселенной.

Эта привилегия была обнаружена, как мы уже сказали, много веков спустя неким Юлием Бальтасаром, императорским секретарем.

Никого не должно смущать, что здесь звучит имя славонов. Как было сказано, [Аппиан] Александрийский в «Событиях в Иллирике» называет упомянутых агрианов прославленными, что у иллирийцев собственно и означает «славяне», или «славоны».

Михайло Салонский, живший около 1010 года от Рождества Господня и написавший историю иллирийцев, в конце своего труда упоминает о службе, которую иллирийцы несли в войске Александра, и говорит, что Александр воздал им великие почести.

Город Агрия, что в Дакии, по мнению Бонфини (I декада, 1–я книга), был основан упомянутыми агрианами, жившими, согласно Стефану Византийскому, между горами Гем и Родопа близ Македонии. Да и Македония всегда была местожительством славян и потомков Фираса (Tira), хотя некоторые придерживались мнения, что македонцев следует причислить к грекам. Против последнего мнения я сошлюсь на свидетельство Квинта Кур- ция о том, что Александр Великий совершенно определенно отличал македонский язык от греческого. Отсюда можно заключить, что македонский язык не был понятен для всего войска Александра, так как добрая часть его состояла из греков. Действительно, Александр, обращаясь к Филоту, сыну Пармениона, которому надлежало высказаться о своем деле перед множеством народа, сказал: «Македонцы, о Филот, должны судить тебя. Я спрашиваю тебя, будешь ли ты говорить с ними на своем родном языке?» На что Филот ответил отказом, сославшись на то, что не будет понят большинством. Александр же упрекнул Филота, что тот ненавидит свой родной язык. Если бы упомянутые македонцы были греками, с какой стати Филот отказался бы говорить по–гречески перед греками? К тому же, если македонцы были греками, по причине изучения греческой словесности он не мог бы надлежащим образом воспользоваться никаким другим языком, кроме греческого, поскольку, как пишет Плиний (VII, 57), молчаливое согласие народов в первую очередь способствовало употреблению ионической грамоты. Таким образом, отличие родного языка македонцев от общепринятого языка, на котором, как мы можем предположить, говорило все войско Александра Великого, ясно указывает на то, что македонцев не следует причислять к грекам, поскольку (как мы говорили ранее) единство языка в древности доказывает единство рода.

Так как при известном «смешении языков» во времена Нимврода македонцы не были наделены своим собственным языком (поскольку ни один из писателей не пишет об обратном), а из различия языка греков и македонцев мы более чем убедительно показали, что македонцы — не греки, нам, опираясь на свидетельство Филиппо из Бергамо, необходимо признать, что македонцы всегда говорили на славянском языке, на котором они говорят и теперь. А что Вы скажете о Фукидиде, который, охватив Византий и Пел- лы (Pola), большую часть Фракии и Мезии и, кроме этого, весь Иллирик, называет все эти обширнейшие земли Македонией? Как если бы он хотел этим сказать: «Я не считаю, что Фракия, Мезия и Иллирик должны отделяться от македонцев». Посему я не сомневаюсь, что фракийцы, мезийцы и иллирийцы соединены одной и той же связью с македонцами. Об этом свидетельствуют и титул Александра Великого, который называл себя царем македонцев и греков. Да и прирожденное различие в обычаях и образе жизни македонцев и греков не позволяет мне убедить себя в том, что люди единого происхождения могут быть настолько противоположны в обычаях.

Как пишет Квинт Курций, когда афинянин Диоксипп должен был сойтись в поединке на мечах с

македонцем Горратом, среди воинов Александра были и греки, которые сочувствовали Диоксиппу. Почему же, если македонцы — греки, греки так не сочувствовали македонцу Горрату, как сочувствовали греку Диоксиппу?

Если же иногда, особенно среди варваров, говорят, что Александр Великий был грек, это происходит по следующей причине: греки издавна вели войны с восточными народами и были самым известным народом Европы, поэтому те и считали все западные народы греками подобно тому, как в наше время греки и турки со всеми другими народами Леванта полагают, что все народы католической веры являются франками. Еремей Русский в «Летописях Московии» открыто говорит, что русские, или московиты, говорили на одном языке с древними македонцами. Из македонского рода был царь Филипп, отец Александра Великого, который (по свидетельству Плутарха в жизнеописании Александра, Юстина (VIII), Сабеллико (IV эннеада, 3–я книга) и многих других), вынудил самые надменные города Греции подчиниться его законам и наложил ярмо рабства на Грецию, бывшую до той поры свободной, сравнявшись славой с самыми великими царями. Его сын Александр Великий, как написано в I книге Маккавеев (1), «достиг пределов земли, овладел трофеями множества воинств, и онемелаземля перед ним». После Александра македонцы и их потомки, как свидетельствует Диодор Сицилийский (I), помимо других земель, в течение 276 лет властвовали над египтянами.

Но вернемся к рассказу об иллирийцах.

После смерти Александра Великого они несли военную службу и у других государей, но особенно у римлян, которые, зная по опыту, что в доблести они превосходят все другие народы, постарались заручиться их дружбой и пользовались их услугами в самые трудные времена и в самых опасных предприятиях. Аммиан Марцеллин, описывая во II книге войны, которые вели римляне, говорит: «Юлиан опасался также военных сил Востока, особенно когда до него дошло известие, что большое войско под началом комита Марциана, пройдя Фракию, находится на подходе к Суккам. Однако среди стольких бед он не падал духом, стягивая доблестные и закаленные в боях иллирийские войска».

Когда Римскую империю терзала воинственная Германия, на охрану ее границ были поставлены два иллирийских легиона, каждый по шесть тысяч человек, прозванных «маттиобарбулами», и в течение длительного времени, как сообщает Вегеций (I, 17), они участвовали во всех войнах с большим успехом, так что Диоклетиан и Максимиан, став императорами, за их военные заслуги постановили присвоить одному из них имя юпитерова, а другому — геркулесова. И Цезарю Августу во время гражданских войн, и императору Валенту в его восточных походах ни один народ не оказал такой помощи, как иллирийцы.

Сражались они и под началом Велизария в Италии с готами, где проявил исключительную храбрость и геройство Назар (Nazate), который, как пишет Прокопий («Война с готами», (III)), был начальником отряда иллирийцев. Среди последних особой известностью пользовалось воинское искусство далматов. Как говорит Бернардо Джустиниани (IV), имя их всегда пользовалось громкой славой. Когда римляне хотели обучить своих воинов и приучить их к тяготам войны, то, как сообщает Веллей (И), посылали их сражаться с далматами. Не раз испытав их доблесть и силу, а также преданность своему государю, римляне почти во всех самых важных войнах старались иметь в составе своих войск. По этой причине, как пишет Иосиф в «Иудейской войне» (II), римляне постоянно держали два далматских легиона на границах с Германией для защиты от нападений со стороны неукротимого [германского] племени. И в сражении императора Клавдия с готами, численность которых достигала 350 тысяч, далматская конница, как пишет Требеллий в жизнеописании упомянутого императора, явила яркий пример своей великой доблести и воинского мастерства; при этом и сам Клавдий вел свой род от далматов. О том, насколько высоко ценили римляне их доблесть и преданность, прекрасно сказано у греческого писателя Зосима (V): «Когда Константин вел войну с императором Гонорием и Рим подвергся крайней опасности, государь решил призвать на защиту

города легионы воинов–далматов, которые благодаря как своей отваге, так и телесной силе, стали основой всего римского войска». Так пишет Зосим. Не думаю, что найдется более похвальное суждение, чем это — из всех народов Римской империи одним только далматам была доверена защита Рима, столицы империи. Поэтому никто не должен удивляться тому, что и сегодня иллирийцы находятся в таком почете у турецкого государя, и что из них он выбирает чуть ли не самых главных своих сановников и военачальников и держит в качестве личной гвардии почти двадцать тысяч янычар, выходцев из этого народа.

На мой взгляд, сказанного достаточно, чтобы показать, что иллирийцы и, в частности, далматы во все времена ценились за свое военное искусство и пользовались громкой славой. О других деяниях этих народов любопытный читатель сможет узнать из латинских авторов у Тита Ливия, Веллея Патеркула, Секста Руфа, Светония Транквилла, Требеллия Поллиона, Флавия Вописка, Г. Плиния, Бьондо, Сабеллико, а из греческих — у Поли- бия, Диона Никейского, Плутарха, Аппиана Александрийского, Страбо- на, Зосима, Георгия Кедрина, Никифора Каллиста, Зонары и Лаоника Хал- кокондила. У всех упомянутых авторов есть краткие упоминания о Далмации и других провинциях Иллирика. Относительно же того, на каком языке там [в Иллирике] говорили в древности, есть много мнений, причем некоторые полагают, что того языка, на котором сейчас говорят в Далмации и других провинциях Иллирика, в древние времена не было; и что язык этот был впервые введен в употребление около 606 года от Рождества Христова славянами, когда те захватили упомянутые земли, а до этого там говорили по–гречески или по–латыни. Я же придерживаюсь противоположного мнения и убежден, что в Иллирике всегда говорили на том же самом языке, на котором говорят и теперь, хотя он и подвергся некоторому искажению по причине нашествия готов и славян. В самом деле — там, где исконные жители не были полностью истреблены, всегда оставался первоначальный язык, на котором издавна говорили в том месте, хотя и несколько искаженный, что доказывает пример Италии, где до сих пор сохранился древний язык латинов, хотя и испорченный из-за непрерывного наплыва в Италию различных иноземных народов. То же самое, по моему убеждению, произошло с далматами и остальными иллирийцами, которые при общении со славянами исказили свой древний язык. Именно это имеет в виду Бьондо, когда пишет, что они из двух языков создали третий. В самом деле — нет никаких сведений о том, что исконные жители Далмации или Иллирика были когда-либо истреблены славянами или каким-то другим иноземным народом, который ввел в употребление тот язык, на котором там говорят ныне. Те же, кто утверждают, что в древности в Иллирике говорили по–гречески или по- латыни, совершенно не правы — если бы это было так, то греческие и латинские писатели не называли бы иллирийцев варварами, что, как известно, они делали. Верно и то, что в некоторых приморских городах Далмации были римские колонии, где употребляли латинский язык. Однако почти все эти колонии были истреблены, когда туда пришли славяне, что произошло, как мы сказали выше, в 606 году от Рождества Господня. Есть еще одно доказательство того, что этот язык был в Далмации до того, как там появились славяне, а именно перевод Священного Писания на славянский язык, осуществленный для далматов святым Иеронимом, учителем Святой Матери Церкви. Об этом свидетельствует Бьондо, который в VII книге «Торжествующего Рима» пишет: «Святой Иероним нашел новые письмена, отличные от греческих и латинских, и перевел, пользуясь ими, для далматов Священное Писание на славянский язык; причем не только нашел эти новые письмена и сделал этот перевод, но и составил в переводе на упомянутый язык богослужение, которое используют католики и которое позднее нашими стараниями было конфирмовано Евгением IV». То же самое пишут Сабеллико (VII эннеада, 9–я книга) и Янош Туроци в «Венгерской хронике». Последний пишет, что во времена венгерского короля Лайоша, сына [Карла] Мартелла, «славяне области Липна (dello stretto di Lipua), упрямый народ, приняли христианскую веру, и католические священники служили им мессу и совершали другие требы согласно переводу святого Иеронима, учителя Святой Матери Церкви». Согласно Герману Калеке и Иоганну Науклеру, Иероним выполнил упомянутый перевод за двести лет до того, как славяне захватили Далмацию. Поскольку, как мы убедились, святой Иероним перевел Священное Писание на упомянутый

язык для далматов, нельзя отрицать, что этот язык был у них в употреблении до пришествия славян. Это доказывают также названия некоторых местностей в Ил- лирике, употреблявшиеся до прибытия славян — например, Грапса и Ко- ритта, которые можно встретить у Аблавия; Билазора, о которой упоминает Тит Ливий (V декада, 4–я книга): «Туда он послал Антигона, одного из своих придворных, с приказом отвести галльское войско в Билазору, место в землях пеонов». Все эти названия славянские: Грапса означает «грабеж», Коритта — «корыто», а Билазора — «белая заря». Михайло Салонский устраняет в этом все сомнения, когда в своем трактате об Иллирике пишет: «Хотя было видно, что древний язык Далмации и Иллирика был тем же самым языком, что у готов и славян, тем не менее, понимали они друг друга с трудом, при этом между далматами и славянами разница была не столь велика, как между славянами и иллирийцами». От последних вели свое происхождение многие властители иноземных народов и знаменитые императоры. Те, кто хочет узнать об этом в подробностях, пусть прочтут труды Юлия Капитолина, Требеллия Поллиона, Флавия Вописка, Секста Аврелия Виктора, Евтропия, Павла Диякона и более поздних авторов жизнеописаний императоров, а именно Бьондо, Платины и Франческо Петрарки, который составил на итальянском языке сборник жизнеописаний пап и императоров; а также [труды] папы Пия, святого Антония (Antonino) и эквилийского епископа Петра, которых я решил назвать поименно, так как, повествуя о цезарях, они более других говорят о славянах. Так вот, [прочтя труды упомянутых авторов, они] убедятся, что родители Клавдия, носившего когномен Флавий, его брата Квинтилла, а также Проба и Кара, по свидетельству Онезима и Цериллиана (как сообщает Флавий Вописк в жизнеописании Клавдия), были иллирийцами, хотя некоторые считают его [Кара] выходцем из Милана, другие — из Нарбоны; и что он [Кар] со своими сыновьями цезарями Карином и Нумерианом, а также, как утверждает Петр Эквилийский в «Каталоге святых и их деяний» (жизнеописание святого Марцелла), Габиний и Диоклетиан со своим сыном Максимианом и внуком Максенцием, сыном Максимиана, были далматами; хотя Секст Аврелий, упомянувший о том, что Проб был далматом, утверждает, что Мак- симиан был родом из Паннонии. Известно, однако, что Иллирий, по свидетельству Аппиана Александрийского, был дедом Паннония, поэтому Максимиана с Максенцием следует причислить к славянам. Деций Август со своим сыном Децием Цезарем, а также Иовиниан, два Валентиниана, Валент, Грациан и Валентин были родом из Паннонии.

Секст Аврелий Виктор в жизнеописании Александра Августа пишет, что Галерий (Gallerio) и его кровный родственник (cognato) Максимин, а также, по свидетельству Евтропия, Аврелиан (которого, как пишет Флавий Вописк, одни считали родом из Сирмия, города в Паннонии, другие — из Мезии) и, как пишет Платина, Лициний были родом из даков, которые, как мы показали выше, были славянами и, по свидетельству Страбона, говорили на одном языке с мезийцами. Кроме этого, Юлий Капитолин показывает, что и двое Максиминов также происходили из Фракии. Но и Божественный Константин, великий Август, был не без славянских корней, поскольку, по словам Требеллия, Евтропия и Платины, его отец Констанций Цезарь приходился внуком дочери Клавдия Августа, который был далматом, а следовательно, славянином. Из славян, а именно из бессов, которые (о чем пойдет речь в свое время) были славянским племенем и дали имя боснийцам, был родом император Лев I. Об этом пишет Сабеллико (VIII эннеада, 2–я книга): «некоторые считают, что он был бессом, а не греком». Зонара в жизнеописании императора Маркиана говорит, что он был иллирийцем и называет его Львом Великим. Славянином был и император Юстиниан I, родившийся, согласно Мюнстеру, Платине и Ботеро, в городе Призрене, что в Сербии, или, как полагает Никифор Каллист (XVI, 37), в городе Ахрид, который, как он говорит, назывался еще Юстиниана Первая, а ныне именуется Охрид. Об этой Юстиниане Первой упоминают также Гийом Тирский (Giorgio Tirio) (XX, 4) и Никифор Григора (II). Юстиниан, став императором, значительно расширил границы своей империи и благодаря своему полководцу Велизарию одержал победу над персами и вандалами. Однако среди всех его деяний вечной памяти заслуживает предпринятое им сокращение почти двух тысяч томов в пятьдесят книг, названных им «Дигестами». Как пишет Сабеллико, совершено это было

главным образом трудами Иоанна Патрикия, Трибониана и Феофила Доро- фея. Кроме этого, он составил эпитому законов, сведя весь этот столь обширный предмет всего в четыре тома, названные им «Институциями». Преемником Юстиниана на престоле был также славянин, его племянник Юс- тин, сын одной из его сестер. Позднее, когда императорская власть перешла к германцам, императорами родом из славян были выходцы из Чехии Карл, Сигизмунд и Вацлав, как написано у папы Пия II и в «Fasciculus temporum».

Если бы я захотел изложить лишь самые замечательные деяния тех, кого я перечислил выше, то мне, несомненно, пришлось бы написать много томов, где, например, мог бы упомянуть о том, что Аврелиан, по свидетельству Сабеллико, который ссылается на Феодула, однажды собственноручно сразил сорок восемь врагов.

Были среди славян и знаменитые ученые, такие как светоч ученого мира святой Иероним, родом из города Стридона. Его красноречие, как говорит Августин («Против Юлиана»), сияет подобно солнцу — от Востока до Запада. Он обладал таким авторитетом, что (как говорят) даже искушенная в науках Греция, извечная наставница всего мира, после стольких знаменитых писателей не постыдилась учиться у далмата, переведя на свой язык в числе комментариев всех прочих авторов и «Комментарии Иеронима». Были в прошлом и другие величайшие мужи из Далмации, такие как папы Гай и Иоанн IV, первый из которых, как пишут Платина, Петрарка и Филиппо из Бергамо, украсив Божью Церковь многими святыми уложениями, при Диоклетиане Августе, его родственнике, удостоился венца мученика. Второй, сын Венанция Схоластика, как пишет Мартин, епископ Гнезненский (Cossentia), был настолько благочестив, что за собственные деньги массами выкупал рабов и, обретя через свою щедрость Царство Небесное, почил с миром. Какое чудесное зрелище явил Гай для святых, пребывающих на небесах, когда, скинув саван, [предстал перед] мужами и женами из своего рода, которые с пальмовыми ветвями победы встречали его, радуясь, что папа, их родственник, бывший их учителем на земле, царствует со святыми на небесах! Ведь Диоклетиан за исповедание Христовой веры предал смерти брата Гая Габиния, мужа (как говорит Петр Эквилийский), премного искушенного в святом красноречии, вместе с грациозной красавицей девой Сусанной, дочерью Габиния, обученной отцом Священному Писанию, которую, по свидетельству того же Петра, сын Диоклетиана Максимиан хотел взять в жены. Вместе с ними он казнил Максима и Клавдия, братьев Гая и Габиния, а также Препидигну (Prepedigna), жену Клавдия, и его сыновей Александра и Куфия (Cuccia).

До них обрела пальму мученичества Кирилла, христианнейшая дочь императора Деция, которая, как сообщает Филиппо из Бергамо (VIII), также была зарезана за любовь к Христу.

Позднее [пострадали за Христа] Артемия, дочь Диоклетиана, преданная смерти его братом Максимианом за исповедание Христа; Сирена, жена Диоклетиана; а также Марин и Лев, почившие в бозе мирно, без человекоубийства. Упомянутые Марин и Лев были два брата, родившиеся в Далмации в городе Рабе. В 254 году от Рождества Господня они перебрались в Италию, и города Сан–Лео и Сан–Марино, расположенные выше Римини, были названы в их честь и так до сих пор и именуются: Сан–Лео и Сан-Марино. Было в прошлом немало и других, принявших смерть за веру в разных частях Далмации главным образом от рук римлян, которые в те времена были лютыми ненавистниками христиан.

Римляне, завоевав Иллирик в результате череды длительных войн, которые они вели там на протяжении многих столетий, разделили его, как пишет Иоганн Авентин (II), на десять провинций. Первая — Прибрежный Норик у Дуная, солдаты же, охранявшие Дунай, назывались рипа- риями, или рипариолами; ныне это — Австрия. Вторая — Первый Внутренний, или Верхний, Норик. Там живут бойи за рекой Энс (Епо) и тирольцы. Второй [Внутренний], или Нижний, Норик, нынешнее местожительство штирийцев и карионов, был третьей провинцией. Четвертая была Валерия, в прошлом — часть Паннонии,

заключена между реками Драва и Дунай в сторону запада; ныне это — часть Австрии и Венгрии. Пятой была Паннония между реками Драва, Сава и Дунай; теперь это — Венгрия и карны. В ней находился Сирмий у впадения реки Баконций (Bacontio) в Саву, и гора Альм (Almo). С Паннонией граничит провинция, называемая Мезия. Она начинается от вышеупомянутого места слияния [рек Дунай и Сава] и простирается до Понта. Римляне создали две Мезии, Верхнюю и Нижнюю: в первой жили трибаллы, именуемые ныне сербами и болгарами, а во второй — малые, или нижние, скифы, именуемые ныне валахами, и болгары. Между ними находилась Прибрежная Дакия — восьмая провинция, которую римляне создали по эту сторону Дуная, потеряв Дунайскую Дакию. Девятой провинцией была Либурния, собственно и называемая Иллирик, где находится Колония Ядера, или Задар, ныне она зовется Славонией. Последней (десятой) провинцией Иллирика была Далмация. Главными городами ее были Салона и Эпи- давр, ныне Рагуза. Позднее к упомянутым десяти провинциям римляне добавили еще пять, а именно Дарданию, Эмимонт, Ахайю, Македонию и Фессалию. Все они именовались Иллириком, и туда направлялись римские гражданские и военные должностные лица.

Как можно извлечь из трудов Антона ван Схонховена, в Иллирике были: префект претория;

магистр армии (Magister militum, Sergente della militia); три дукса (Duces, Capitani): один — в Нижней Мезии, второй — в Дакии, третий — в Верхней Мезии;

два консуляра: один — в Нижней Мезии, другой — во Внутренней Дакии;

восемь президов (Praesides, Presidenti).

Префект претория в Иллирике управлял двумя диоцезами: Македонией и Дакией. Далматская конница упоминается в [реестре] армии как [equites Dalmatae] пятая, восьмая и девятая.

Под началом магистра армии (sergente) Иллирика находились:

один гвардейский легион [:]Britones seniores (Bertoni vecchi);

шесть гвардейских вспомогательных отрядов (aiuti Palatini)[:] Ascarii iuniores (Armati d'haste, giouani), Sagittarii lecti (Saettatori Scelti), Invicti iuniores (Inuitti Giouiani), Atecotti (Infrangibili);

восемь армейских легионов [:] Matiarii constantes (Martiani Costantesi), Martii (Marti), Dianenses (Dianesi), Germaniciani seniores (Vecchi compagnie di Germanico), Secundani (Secondarii), Lanciarii Augustenses (Lanciatori Augusti), Minervii (Mineruij), Lanciarii iuniores (Lanciatori giouani);

[легионы] разряда псевдоармейских [:] Felices Theodosiani iuniores (Felici Theodosiani, giouani), Bugaracenses (Burgaracesi), Scupenses (Scompesi), Ulpianenses (Vlpianesi), Merenses (Metesi), Secundi Theodosiani (Secondi Theodosiani), Balistarii Theodosiani iuniores

(Balestrieri Theodosiani, giouani), Scampenses (Scapesi).

Полагают, что вышеупомянутые магистры армии (Sergenti) являлись армейскими генералами (Rettori de' Soldati) и имели в своем распоряжении следующих служащих:

начальник штата (Princeps, Un principe);

два нумерария, или счетовода (Numerarii, Numerarii, o contatori);

регистратор (Commentariense, Un secretario);

начальники канцелярий, которые ранее были нумерариями (Primiscrinii, qui numerarii fiunt, Capi Cassieri che si fanno contatori);

канцелярские служащие (Scriniarii, Cassieri);

секретари и прочие низшие чины (Exceptores et ceteros apparitores,

Ricevitori, ed altri per la guardia della persona);

комит щедрот Иллирика (Comes largitionum, Conte de9 donatiui neirillirico);

комит торговых сношений Иллирика (Comes commerciorum per Illyricum, Conte dei traffichi neirillirico);

казначей (Praepositus tbesaurorum, Capo de Thesorieri); комит металлов (Comes metallorum, Conte de Metalli).

Штат вышеуказанного комнта торговых сношений Иллирика:

начальник всего штата (Primicerium totius officii, Primicerio du tutto fufficio);

начальник канцелярии податей (Primicerium scrinii canonum, Primicerio della Cassa de Canoni);

начальник канцелярии нотариев (Primicerium scrinii tabulariorum,

Primicerio de Notari);

начальник канцелярии нумерариев (Primicerium scrinii numerorum,

Primicerio della Cassa de Contatori);

начальник канцелярии золота в слитках (Primicerium scrinii aureae massae, Primicerio della Cassa della massa d oro);

начальник канцелярии золота в монетах (Primicerium scrinii auri ad responsum, Primicerio della Cassa dell'oro alia risposta);

начальник канцелярии императорского гардероба (Primicerium scrinii vestiarii sacri, Primicerio della Cassa delle vesti sacre);

начальник канцелярии серебра (Primicerium scrinii argenti, Primicerii delle casse dell'argento);

начальник канцелярии серебра в монетах (Primicerium scrinii a miliarensibus, Primicerio dlle Casse delle migliaia);

начальник канцелярии вспомоществования (Primicerio deU'Anel- laria);

начальник канцелярии [медной] монеты (Primicerium scrinii a pecuniis, Primicerio della moneta) и другие служащие вышеуказанных канцелярий;

второй начальник штата, который является начальником секретарей (Secundocerium offici, qui primicerius est exceptorum, Secondicerio dell'ufficio: questi e Primicerio de Ricevitori);

третий начальник штата, отвечающий за снабжение (Tertiocerium offici, qui tractat bastagas, Terzo cerio dell'Ufficio, il quale ha cura de Carriaggi);

четвертый, отвечающий за жалобы, и другие придворные, или дворцовые оффициалы.

(Quarto loco libellos tractat, et ceteros palatinos offici, nel quarto luogo le scritture, gli altri Corteggiani, ouero ufficiali del palazzo).

Под началом Его Превосходительства презида Далмации находились:

начальник штата (Princeps, Un principe); заместитель начальника (Cornicularius, Un Trombetto); два ординарца (Ordinarii, Corrieri); регистратор (Commentariense, Un secretario); помощник (Adiutor, Coitore); архивариус (Ah actis, Agente); младший помощник (Subadjuva, Un sotto Coitore); секретари (Exceptores, Ricevitori);

прочие являются когорталинами (Cohortalini, Cohorti), которых нельзя привлекать к другой службе без разрешения начальника штата.

Другие президы имеют штат наподобие презида Далмации. Префект претория [Италии] (Capitano della guardia del Palazzo) управляет следующими диоцезами: Италия, Иллирик, Африка.

Штат магистра оффиций:

помощник (Adiutor, Coitore); младший помощник (Subadjuva, Un sotto Coitore); младшие помощники, ведающие оружейными заводами (Subadjuvae fabricarum, Sotto Coitori delle fabbriche);

инспектор государственной почты (Curiosus cursus publici in praesenti, Curioso del corso pubblico di presente);

инспекторы по всем провинциям (Curiosi omnium provinciarum, Curioso di tutte le Provincie);

переводчики со всех языков (Interpretes omnium gentium, Interpreti di tutte le nationi).

Оружейные заводы в Иллирике:

завод по производству щитов, сёдел и оружия в Сирмии (Sirmensis scutorum, scordiscorum et armorum, De Sirmii De gli Scudi De gli Scordisci Dellarmi);

завод по производству щитов в Аквинке (Acincensis scutaria, Scudaria d'Acinco);

завод по производству щитов в Карнунте (Cornutensis scutaria, Scudaria di Coruto);

оружейный завод в Салоне (Salonitana armorum, Di Salona deltarme).

Под началом Светлейшего (vir illustris) комита императорских щедрот (Comes sacrarum largitionum, Conte de' donatiui sacri) состояли:

комит щедрот Иллирика;

уполномоченный по податям (Rationales summarum, Computisti) Второй Паннонии, Далмации и Савии;

уполномоченный по податям (Rationalis summarum, Computisti) Первой Паннонии, Валерии, Внутреннего Норика и Прибрежного Норика;

казначей в Салоне, Далмация (Praepositus thesaurorum Salonitanorum, Dalmatiae; Preposto de Saloniti di Dalmatia);

казначей в Сисции, Савия (Praepositus thesaurorum Siscianorum, Saviae; Preposto de Sisciani di Sauia);

управляющий монетным двором в Сисции (Procurator monetae Siscianae, Procuratore della moneta di Siscio);

управляющие ткацкими мастерскими (Procuratores gynaeciorum, Procurator! de Serragli);

управляющий ткацкими мастерскими в Бассиане, во Второй Паннонии; переведенными из Салоны (Procurator gynaecii Bassianensis, Pannoniae secundae translati Salonis, Procuratore del Serraglio di Bassiano Dalla Pannonia Seconda, trasferiti a Salona);

управляющий ткацкими мастерскими в Сирмии, во Второй Паннонии (Procurator gynaecii Sirmensis, Pannoniae secundae, Procuratore del Serraglio di Sirmio, della seconda Pannonia);

управляющий ткацкими мастерскими в Аспалафе, Далмация (Procurator gynaecii Iovensis Dalmatiae Aspalato, Procuratore del Serraglio Giouiense, della Dalmatia, da Spalato);

управляющий красильными мастерскими в Салоне, Далмация (Procurator bafii Salonitani, Dalmatiae, Procuratore del Baffo di Salona in Dalmatia).

Итак, римляне держали вышеуказанные штаты для управления Иллириком и Далмацией.

Поскольку в настоящее время в Далмации сохранил свободу лишь один город Рагуза, славянский по

имени и языку, самый знаменитый [из городов] не только Далмации, но и всего Иллирика благодаря как своей древности, так и прошлым деяниям своих граждан; я хотел бы в завершение вкратце описать его происхождение и рассказать о наиболее примечательных событиях, связанных с этим городом. По мнению всех писателей, которые до сего времени упоминали о его происхождении, город этот возник на развалинах Эпидавра. Последний, который, как пишет Плиний, был некогда римской колонией и (как сообщает Гильберт Лансбергий во 2–й книге о римских колониях) носил имя Мария. Как утверждает Ортелий в «Географической синонимии», он был местом размещения девятого легиона. Этот преславный и древний город был основан (как повествуют в своей «Географии» Конрад Миконий и Давид Отман) в то время, когда родился великий Моисей, вождь еврейского народа, а именно (согласно «Хронике» (I) Мариана Скота) в 2606 году от сотворения мира, и просуществовал до времени императора Валериана, то есть до 265 года от Рождества Христова. В упомянутом году готы, совершив набег на Фракию и Иллирик, нанесли Эпидавру большой ущерб. Тогда часть горожан из числа самых зажиточных, как рассказывает Михайло Салонский в трактате о Далмации, чтобы избежать опасности [разорения] со стороны подобных варваров в будущем, возвела крепостицу (castellucio) на высокой отвесной скале, стоящей в море на некотором удалении от берега и прекрасно защищенной как от природы, так и с помощью искусственных сооружений от любых вторжений с земли и моря. Затем, в 286 году, когда сарматы, напав при императоре Пробе на Иллирик, практически стерли Эпидавр с лица земли, крепость была расширена. [Сам же Эпидавр], по свидетельству Салонского, был совсем оставлен жителями, так как в нем, как пишет святой Иероним в жизнеописании святого Иларионa [Великого] (S. Ilarione Abbate), завелся дракон по имени Боа (Boas), который проглатывал быков, убивал пастухов и отравлял своим дыханием воздух, поселившись в бездонной пещере, которую и теперь можно видеть в центре Эпидавра. Упомянутый дракон был сожжен святым Иларионом примерно в 360 году от Рождества Господня. Филиппо из Бергамо, говоря о происхождении Рагузы (IX), утверждает, что она была основана гражданами Эпидавра после его разорения готами в 453 году. Почти то же самое пишет Константин Порфирородный. В книге, озаглавленной «Договоры, законы и союзы Римской империи» (Foedera, ivra, ac societates imperii Romani) он пишет о происхождении Рагузы следующее: «Город Рагуза получил свое имя от слова «скала» (Sasso), по–гре- чески лбт, поэтому сначала его жителей называли «лаусеями», а затем из- за искажения [первой] буквы «раусеями». Прежде они назывались эпидаврянами (Epidaurij) по имени города Эпидавра, который вместе со всей остальной Далмацией был захвачен славинами; при этом горожане были частью перебиты, частью уведены в плен. Сумевшие спастись бегством укрылись на отвесных скалах и основали городок (terriciola), который был впоследствии расширен и обнесен стеной, составляющей в окружности почти полмили. Первыми переселенцами были Григорий, Арсафий (Arsatio), архидиакон Валентин, Валентин — отец протоспафария Стефана (Fauentino prete di S. Stefano). С тех пор, как они покинули Салону и основали упомянутый город, по сегодняшний день минуло пятьсот лет. В этом городе покоится святой Панкратий в церкви Святого Стефана, которая находится в центре города. Из-за скудности и бесплодия своей земли раусеи отдают предпочтение не возделыванию полей, а торговле и морским перевозкам». Так пишет Константин. Арнольд Понтак Бордоский в «Трактате об изменении государств» пишет, что Константин написал упомянутый труд в 959 году, так что основание Рагузы, согласно его утверждению, должно относиться к 459 году. В этом случае Константин, утверждая, что Эпидавр был разрушен славинами, допускает ошибку (если, правда, он не понимает под славянами готов), поскольку, по свидетельству Прокопия, Сабеллико и многих других историков, славяне впервые вторглись в Далмацию при императорах Маврикии и Фоке, первый из которых правил с 583 года, а второй — с 604–го. По этой причине славяне не могли быть теми, кто разрушил Эпидавр, а были ими готы, которые задолго до того, как святой Ила- рион прибыл в Далмацию и убил эпидаврского дракона, разрушили упомянутый город, на чьих руинах его горожане (согласно Сабеллико и практически всем другим писателям) и основали новый город Рагуза. И было это не в 453 году, как считают вышеупомянутые авторы, а, как пишет в своем трактате

о Далмации Михайло Салонский, самый древний из всех упомянутых авторов, в 267 году. И это представляется более правдоподобным, поскольку, если в 360 году в Эпидавре жил дракон, то там не могло быть никакого поселения, так как он своим дыханием отравлял воздух. К тому же и святой Иероним говорит, что дракон убивал не горожан, а тамошних пастухов, откуда с очевидностью следует, что Эпидавр к тому времени полностью обезлюдел, а его жители уже переселились в новый город Рагуза. Относительно основания Рагузы большую ошибку совершает и Диоклеец, когда пишет, что город был основан прибывшим из Рима Павлимиром Бело. Хотя точное время прибытия Павлимира в эту область Далмации узнать невозможно, тем не менее известно, что прибыл он после 900 года, когда Рагуза (о чем мы скажем далее) была уже вполне отстроена. По всей вероятности, он лишь частично расширил ее или возвел новые бастионы. Ведь, как пишет Михайло Салонский, в 880 году рагузинцы (Rausei) были союзниками нарентинцев, которые вели войну с венецианцами. И чтоб никто не подумал, что все это является вымыслом, и о рагузинцах в ту пору никому не было известно, послушаем, что говорит о них греческий историк Георгий Кедрин в «Кратком изложении истории» (Epitome deirHistorie): «Когда император Михаил оставил эти и все другие владения, почти вся Италия и многие города Сицилии, признававшие власть римского императора, были захвачены и сделались данниками варваров из Карфагена. Помимо этого, скифы, жившие во внутренней части Паннонии, Далмации и других провинций, а именно хорваты (Crobati), сербы (Seruij), захумляне (Zachlubi), травуняне (Terbunioti), конавляне (Canaliti), дукляне (Diocletiani) и нарентинцы (Rautani), сбросив с себя ярмо Римской империи, которому они в прошлом были покорны, стали независимы. Воспользовавшись этим, агаряне из Карфагена на тридцати шести кораблях под началом самых опытных адмиралов Солдана, Сава (Sabba) и Кальфуса (Calfuso) напали на владения империи и захватили несколько городов в Далмации, и среди них Будву (Butama), Росе (Rosa) и нижнюю крепость Ко- тора (Cataro inferiore). После успешного захвата упомянутых крепостей они осадили Рагузу, столицу всего народа (capo di tutta la gente), и держали ее в осаде в течение длительного времени, жители же оказывали им доблестное сопротивление. Оказавшись в отчаянном положении и испытывая острую нужду во всем, рагузинцы отправили послов к императору Михаилу, прося о помощи и умоляя не допустить, чтобы христиане попали в руки отвергающих Христа. Однако еще до прибытия послов император Михаил скончался, и его преемником стал Василий Македонянин. Тот, благожелательно приняв и внимательно выслушав рагузинских послов, проникся к ним состраданием и приказал снарядить флот из ста кораблей. Отдав его под начало адмирала Никиты Патриция, человека исключительного благоразумия, носившего прозвище Орифа, он послал его против варваров. Упорно осаждавшие город варвары, узнав от перебежчиков, что рагузинские послы отправились к императору, ввиду вероятной помощи с его стороны, поняли, что не смогут овладеть упомянутым городом в скором времени, и сняли осаду. Пойдя к той части Италии, которая ныне называется Лангобардией, они захватили город Бари и сделали его своим местом жительства. Нападая на соседние земли, они постепенно овладели всей Лангобардией, а затем и всеми землями вплоть до Рима. Однако хорваты, сербы и другие народы Скифии, о которых мы говорили выше, после событий в Далмации и помощи, оказанной императором Василием, отправили к нему послов с просьбой вновь принять их под покровительство империи. Василий, найдя их просьбу справедливой и достойной, охотно дал свое согласие и назначил им правителей из числа их соплеменников. Агаряне же, которые прежде осаждали Рагузу, совершая набеги на Италию, наносили ей неисчислимый ущерб. Император, желая изгнать их и понимая, что одного только флота Орифы для этого недостаточно, обратился за помощью к франкскому королю Людовику (Dolicho) и к папе римскому, прося их о помощи в деле искоренения в упомянутых краях столь жестокого и нечестивого племени. При этом он дал понять вышеупомянутым славянам и рагузинцам, которые перенесли осаду, что в этом походе ему потребуется их помощь. Объединенными усилиями было собрано большое войско. Благодаря огромному военному опыту Орифы Бари был взят с первого приступа. Франкский король, разбив в сражении Солдана, взял его в плен и увел со всеми оставшимися в живых агарянами. Так закончился первый поход Василия на Западе. Войско

из рагузинцев и других славян долгое время после этого пребывало в Ланго- бардии под началом Прокопия, протовестиария императора Василия и военачальника славян и западных народов. Совершив со своим войском немало подвигов и истребив огромное число сарацин, Прокопий в конце концов поссорился со Львом, другим военачальником императора, командовавшим македонцами и фракийцами, и потерпел поражение от неприятеля из-за предательства своего соратника Льва. В том сражении пало немало славинов и рагузинцев». Так пишет Кедрин. Никого не должно удивлять, что столько веков назад рагузинцы уже пользовались немалым авторитетом, особенно в военных делах. Уроженцы страны, которой они ныне владеют, еще до пришествия в те края славян неизменно отличались воинственностью: как считают Дион, Мела, а из современных авторов — Франческо Баль- делли и Абрахам Ортелий в «Тезаурусе по географии» в статье «Эпидавр», первоначально она была местом жительства парфинов. Последние как сражались с римлянами в эпоху расцвета Римской империи, так и не раз оказывали им помощь в борьбе с [их] врагами. О борьбе парфинов с римлянами можно прочесть у Диона Никейского в XLVIII книге, где он пишет, что при Помпее среди жителей Эпидавра, который является городом парфинов, возникли волнения, которые после нескольких сражений были подавлены Поллионом. В LVI книге он пишет о доблестной защите от римлян города Ретинум (Raetinum, Retino), или, как его называет Плиний, Рата- неум (Rataneum, Rataneo), остатки которого виднеются ныне у мыса Ку- манум (Cumanum Promontorium, Cauo Cumano), который находится во владениях рагузинцев: «…Такие события были в Риме… Те римляне, которые вместе с Германиком пошли на Рецинум, город в Далмации, понесли большие потери. Враги, теснимые превосходящим по численности римским войском, понимая недостаточность своих сил для прямого сопротивления, подожгли стены и прилегающие к ним постройки, причем сделали это так искусно, что огонь запылал не сразу и в течение некоторого времени был незаметен. Сделав это, они укрылись в цитадели. Ничего не подозревавшие римляне ринулись в яростную атаку, желая с первого приступа захватить и разграбить город. Войдя в круг огня, они заметили его лишь тогда, когда путь к отступлению оказался отрезан. Римляне оказались в крайне опасном положении: сверху их обстреливали враги, а снаружи пылал огонь. Они не могли ни закрепиться, ни развернуться и спастись. Укрываясь от обстрела, они отступали к пожару; отступая от огня — попадали под обстрел. Окруженные с обеих сторон, римляне гибли от полученных ожогов и ран. Такова была судьба большинства из тех, кто вошел в город, и лишь немногие, бросая в огонь тела павших и соорудив из них некое подобие моста, сумели спастись бегством. Между тем пожар достиг такой силы, что даже те, кто укрылся в цитадели, не могли там более оставаться и под покровом ночи покинули ее, укрывшись в подземных сооружениях». Вот что пишет о парфинах Дион. Высокое мнение римлян о парфинах подтверждают и слова Цезаря Августа, приведенные у Аппиана Александрийского в «Событиях в Иллирии». Он пишет, что Цезарь Август, выступая перед сенатом и упрекая в бездействии Марка Антония, ставил себе в заслугу покорение (в числе прочих иллирийцев) парфинов. Находясь в дружбе с римлянами, парфины, как мы сказали выше, не раз оказывали им помощь в войнах. Об этом упоминает Тит Ливий (V декада, 4–я книга): «Претор Аниций в Аполлонии, получив тем временем сведения о том, что произошло в Иллирике, послал письма Аппию с приказом ждать его у Генуса (Genusio) и на третий день прибыл в лагерь, пополнив свое войско вспомогательными отрядами парфинских iuniores (giouentu) — двумя тысячами пехоты под началом Эпикада и двумя сотнями конницы под началом Алгаль- са (Agalso). Он готовился идти на Иллирик с главной целью освободить бассанийцев от осады».

Из всего сказанного видно, что в стране рагузинцев (как было сказано) во все времена не было недостатка в искусных воинах. И в более позднее время они показали себя таковыми, свято храня свою изначальную свободу, хотя некоторые венецианские писатели утверждают обратное, а именно, что Рагуза подчинилась венецианцам в 998 году при венецианском доже Пьетро Орсеоло, начавшим войну с нарентинцами. Как пишет Сабеллико (IX эннеада, 2–я книга), когда венецианцы одержали победу над нарентинцами, рагузинцы послали своего архиепископа и несколько первых нобилей к дожу Венеции,

который в то время находился с флотом в Далмации, с просьбой принять их под покровительство. Однако тут Сабеллико ошибается: в это время Рагуза (как следует из рагузинских летописей) была союзником константинопольского императора Василия Порфирородного, дружественные отношения с которым поддерживали и венецианцы, а упомянутый дож Пьетро добился от него для венецианцев освобождения от уплаты подати. Таким образом, рагузинцы, находясь в дружбе со столь могущественным государем, не имели никакой причины отказываться от своей свободы и искать чьего-либо покровительства. Причина же, по которой архиепископ и несколько нобилей отправились к венецианцам, была следующая: поскольку венецианцы вели войну с нарентийцами, венецианский дож Пьетро Орсеоло послал десять кораблей для разорения неприятельских пределов. Упомянутые корабли, следуя для выполнения полученного приказа, повстречали большой рагузинский корабль, груженный товаром, на борту которого находилось несколько нарентинских купцов. Венецианцы напали на корабль и захватили его. Как только известие об этом достигло Рагузы, сенат немедленно отправил несколько дворян и архиепископа со следующим наказом (как пишет Михайло Салонский в трактате о Далмации и как значится в летописях Рагузы): сначала просить венецианцев отпустить упомянутый корабль, так как те не имели никакой причины удерживать собственность рагузинцев; если же эта просьба не будет удовлетворена, то в присутствии архиепископа заявить о том, что они обратятся с жалобой на них к константинопольскому императору, с которым (как было сказано) они в то время находились в союзе; и, в конце концов, приложить все возможные усилия, чтобы добиться своего. Вот по какой причине были посланы рагузинские нобили и архиепископ, а вовсе не с просьбой о принятии под покровительство, как полагает Сабеллико, который порой в своем стремлении сделать деяния венецианцев более яркими [добивается противоположного эффекта и] только их затеняет. Это видно и на примере его суждения о нарентинцах, которых он все время называет кучкой разбойников. Этим он, видимо, хочет заставить поверить, что венецианцев, если я не ошибаюсь, на протяжении 170 лет грабила и, что еще хуже, делала своими данниками кучка разбойников. Какова после этого будет репутация Венецианской республики, пусть судят другие, я же вернусь к рассказу о Рагу- зе. Город этот, как уже было сказано, всегда был свободным, и лишь однажды оказался в подчинении у иноземца, когда рагузинцы по собственной воле, чтобы освободиться от тирании Дамиано ди Джуда, рагузинского нобиля, неосмотрительно обратились с просьбой о покровительстве к венецианцам. Франческо Сердонати в добавлении к I книге «О несчастиях славных мужей» Джованни Боккаччо описывает это следующим образом.

В Республике Рагуза есть ректор, который является верховным магистратом и главой Совета с резиденцией в княжеском дворце, и в те времена у правящего сословия (Signori) был обычай избирать его каждый год. В 1260 году на эту должность был избран Дамиано Джуда (Giuda), муж состоятельный и честолюбивый. Вкусив сладость власти, он задумал удержать за собой упомянутое положение сверх того срока, который предписывали законы, и сделаться, в конце концов, пожизненным и абсолютным государем. Окружив себя личной охраной, он по истечении срока своих полномочий с помощью различных уловок ввел в город множество верных ему людей и спрятал часть из них в различных местах. Рассчитывая на их помощь, а также на поддержку и благосклонность тех, кого он своей щедростью, а также оказанными милостями и услугами привлек на свою сторону, он воспрепятствовал созыву Большого совета, который должен был избрать его преемника, и остался во дворце. Поднявшиеся среди нобилей ропот и возмущение он сумел искусно успокоить, заявив, что к этому его вынуждает исключительно стремление преобразовать и упорядочить власть, погрязшую в коррупции, и пресечь борьбу партий среди нобилей. Как только указанные цели будут достигнуты, он обещал сложить с себя властные полномочия и жить как частное лицо. Убедительность его словам придавал и тот факт, что он не имел детей мужского пола. Узнав, что некоторые нобили, а особенно представители рода Бобальевичей, который насчитывал немало весьма состоятельных и приверженных свободе мужей, открыто обвиняют его в тирании и наглой лжи, говоря, что не могут и не желают терпеть ее, он отдал тайный приказ Гаспару Унгаро, начальнику дворцовой охраны,

(правители Рагузы не держали полиции (Bargelli), или сбиров (Birri), и использовали для ареста солдат охраны) арестовать их и посадить в тюрьму. Однако Гаспар, испытывавший к дому Бобальевичей признательность за оказанные ему благодеяния и, как честный человек, ненавидевший тирана, через одного достойного священнослужителя тайно известил их о приказе, полученном от тирана. По этой причине несколько молодых нобилей скрытно бежали в Боснию, и среди них Бьяджо Бобальевич и другие два представителя того же рода, братья Вольцо и Доманья, все трое храбрые и исполненные благородства молодые люди. Тиран объявил об их изгнании и после этого, полагая, что ему больше нечего опасаться, стал с немалой надменностью править, распоряжаясь всем по своему разумению и никого не принимая в расчет. С помощью солдатского террора он держал в страхе сенаторов, не позволяя им собирать совет, и всех остальных нобилей. Находясь у власти более двух лет, он возбудил крайнее негодование не только у чужих, но и у своих собственных родственников, у которых приверженность свободе и общественному благу оказалась сильнее родственных уз. Посему Пьетро Бенеша (Benessa), зять тирана, молодой человек немалого мужества, устроил в своем доме тайное собрание с участием нескольких наиболее влиятельных сенаторов и других нобилей, на котором стал осуждать своего тестя в несправедливом правлении. Когда все присутствующие выразили свое единодушие и готовность следовать его планам по свержению тирании, было решено, что Бенеша, как вызывающий наименьшее подозрение у тирана, возьмет исполнение этого замысла на себя. Поскольку осуществить его в открытую не представлялось возможным, то (вопреки мнению Михайло и Вито Бобальевичей, считавших, что гораздо более достойно лишить тирана жизни руками своих собственных дворян) было принято следующее решение: Бенеша, проживший в свое время несколько лет в Венеции по торговым делам и известный большей части тамошнего нобилитета, отправится туда под предлогом лечения некоего недуга, а заодно и ревизии собственной морской торговли, и тайно обратится с просьбой о помощи к тамошней Синьории, а, чтобы быстрее уговорить венецианцев, предложит им от лица рагузинцев согласие принимать впредь ректора из Венеции. Несмотря на возражения вышеупомянутых Михайло и Вито Бобальевичей — зрелых мужей, рассудительных и умудренных опытом в делах государственного управления, отцов упомянутых троих молодых людей, изгнанных тираном, которые указывали, помимо прочего, на опасность оказаться под иноземным гнетом, говоря, что является великим позором покоряться иноземцам, когда есть возможность достойно избавиться от рабства собственными силами и жить свободными — возобладало мнение большинства, которое сочло указанный путь более прямым и менее опасным.

Бенеша охотно отправился в путь и, изложив перед сенатом свое поручение, добился того, что венецианцы за упомянутое обещанное вознаграждение их усилий и расходов, приняли предложенные условия. По совету того же Бенеши в соответствии с разработанным ранее в Рагузе планом было решено действовать с помощью хитрости и тайных путей. С этой целью на двух галерах с полным вооружением были для вида отправлены два посла, якобы следовавших к константинопольскому императору. Капитанам же было дано приказание делать то, что скажет Бенеша, который на этих же галерах отплыл домой. По прибытии в Рагузу он сообщил своему тестю, что послы по пути хотели бы переговорить с ним о некоторых делах, и попросил устроить для них пир, так как дружба с ними была бы для него полезной и почетной. Дамиано устроил им обед и обильное угощение, приняв их с большой пышностью. Вечером гости вернулись на свои галеры, а на следующее утро послали тирану приглашение ради забавы посетить их корабли и отобедать с ними, а также осмотреть великолепные и роскошные подарки, которые сенат Венеции посылал императору. Тиран, не подозревая об обмане, по настоянию зятя принял приглашение. На пути к галерам послы вышли к нему навстречу и встретили его с большим почетом, но, едва он ступил на борт, капитаны под видом смены стоянки отдали приказ, снявшись с якоря, на веслах отойти от города. Когда галера оказалась на некотором отдалении, тиран был связан и пленен. Оказавшись лишенным и власти и свободы, да еще в плену у иноземцев, он проклял за вероломство зятя и венецианцев и в отчаянии, помня лишь о своем утраченном величии, а не о долге честного христианина, несколько раз

столь сильно ударился головой о корму галеры, что тут же отошел в мир иной, чтобы делить трапезы мертвых. Бенеша с галерами вернулся в Рагузу, где заговорщики, узнав о смерти тирана, провозгласили свободу, а народ предал разграблению дворец и имущество тирана. Собравшийся Большой совет по убеждению Бенеши и вопреки желанию упомянутых Бобальевичей, которые открыто выступили против, призывая рагузинских нобилей вновь взять на себя управление государством без иноземного вмешательства или участия, постановил в исполнение данного венецианцам обещания избрать ректором одного из двух лжепослов, а именно Марка Дандоло при условии, что он не будет ничего предпринимать без ведома и дозволения сената. Случилось это, по мнению некоторых, в 1262 году, а по мнению других — в 1215–м.

Через несколько лет всю неосмотрительность поступка рагузинцев доказали флорентийцы, которые, как пишет Джованни Виллани (VIII, 68), по причине жестоких междоусобиц, призвали для управления граждан Лук- ки. Однако, как уже было сказано, рагузинцы не давали упомянутому венецианскому ректору, пока он находился у них, никакой власти в общественных делах, он мог держать не более четырех слуг, но не сбиров или солдат. В общем, его так мало уважали, что, когда однажды в кафедральном соборе он подвергся вооруженному нападению одного дворянина из рода Сарака и пожаловался в рагузинский сенат, то последний на все его многочисленные ходатайства отвечал неизменным молчанием. Тем не менее некоторые писатели, взяв за основу эпизод с прибытием упомянутых четырех венецианских галер, приглашенных рагузинцами для того, чтобы освободиться от тирана, сочинили немало небылиц. И среди них Сабеллико, который в 5–й книге IX эннеады пишет, что Томмазо Морозини (Tomaso Morisini), избранный константинопольским патриархом, следуя на четырех венецианских галерах в свою резиденцию, вернул [венецианцам] город Ра- гузу. Как мне представляется, этим он хотел выразить две вещи: во–пер- вых, что Рагуза до упомянутого времени была под властью Венеции, а в тот момент эту власть не признавала, и, во–вторых, что в те времена, когда прибыли упомянутые галеры, то есть примерно в 1208 году, город был настолько слаб и беззащитен, что сдался, напуганный прибытием четырех галер. Однако и то, и другое не соответствует истине, поскольку город Рагуза с самого своего основания свято хранил свою свободу и, когда к нему подошли венецианские галеры, был настолько силен, что мог легко отразить не только четыре, а более сотни галер, что он и сделал за 350 лет до этого, дав решительный отпор флоту карфагенских сарацин. Последние, покинув Рагузу, захватили несколько городов в Апулии, и константинопольский император послал против них сто боевых кораблей. Убедившись, однако, что посланных кораблей недостаточно, он обратился (как было сказано выше со ссылкой на Кедрина) с просьбой о помощи к рагузинцам. Если бы последние в те времена были столь ничтожны, как того хочет Сабеллико, то трудно поверить, чтобы константинопольский император снизошел до того, чтобы о чем-либо их просить. Отсюда следует, что Сабеллико как в указанном месте, так и во многих других, где говорит о Рагузе, грешит против истины, если, конечно, написав это, он, как говорится, не хотел почесать кое–кому за ушами. Как это сделал в наши дни Чезаре Кам- пана, написавший (II, 15), что в 1594 году рагузинцы из страха перед приходом османского адмирала Чикалы и разорения своей республики, отправили послов к венецианцам с просьбой оказать в такое трудное время помощь, говоря, что согласны скорее покориться Венеции, чем оказаться под властью неверных. Настолько написанное им противоречит истине, могут со всей надежностью подтвердить не только те, кто находился в ту пору в Рагузе, где не было и намека на страх, но и в еще большей степени сама Синьория Венеции, поскольку Республика Рагуза ни через письма, ни через посольства, ни каким-либо иным образом не обращалась тогда за помощью не только к ней, но и к испанскому королю или папе, у которых при упомянутых обстоятельствах она могла бы искать поддержки. Я говорю это не потому, что она не сделала бы этого в упомянутых обстоятельствах, будучи уверена, что, по крайней мере, из собственного интереса они окажут ей помощь, а потому, что рагузинцы были абсолютно уверены в том, что упомянутый флот не только не нападет на них, но даже не собирался входить в Адриатическое море. Хотя верно и то, что распространившиеся слухи о том, что

Чикала был послан против их города или ускоков Сеньи (Schochi di Segna), заставили их (равно как и венецианцев, сицилийцев и подданных Неаполитанского королевства) привести свои морские силы в полную готовность. Да простит меня Кампана, но он выдал за правду то, что рагузинцам и в голову не могли прийти.

Город их в разное время испытал немало превратностей судьбы, находясь то в состоянии войны, то в союзе со многими государями, и помогая им в их нуждах. Несмотря на то, что память не сохранила многие из подвигов его граждан, известно следующее:

в 1075 году король Рашки и Сербии Бодин пошел войной на Рагузу и держал ее в осаде семь лет подряд, в то время как осажденные упорно хранили верность слову, данному племянникам упомянутого Бодина, из- за которых он и пошел на них войной. В то время рагузинцы расширили свой город. Когда герцог Апулии Робер Гвискар вел войну с императором Алексеем Комнином и венецианцами, Рагуза и некоторые другие города Далмации приняли сторону Робера. Последний, как пишет Бальтасар Сплитский в «Происхождении Сплита», получил от рагузинцев две галеры, а от сплитчан — одну. В сражении между флотом Алексея и венецианцами, произошедшем близ Драча, случилось так, что флагманский корабль рагузинцев вступил в схватку с галерой императора Алексея. Как пишет [Бальтасар] Сплитский, рагузинцы сражались столь смело и упорно, что захватили неприятельский корабль, а один из рагу- зинских солдат, достигнув кормы, хотел убить императора, но был остановлен своим капитаном, который, увидев это, крикнул ему, что перед ним император.

Некоторое время спустя рагузинцы вели сухопутную войну с нарентин- цами, а в 1148 году разбили флот Мирослава, брата Десы, воеводы Рашки, в Полицкой бухте (Poglize), которая теперь носит имя Рагузинской бухты (Porto de' Rausei) в Албании.

В 1160 году рагузинцы воевали с королем Боричем (Barich), именовавшимся тогда баном Боснии, и разбили его в битве при Требиньи, а в 1253 году послали десять кораблей на помощь венецианскому дожу Ре- ньеро (Rinieri) против генуэзцев во время войны за Акру (Acri) и заключили новые договоры с константинопольским императором Михаилом Па- леологом. Во время войны арагонского короля Педро с неаполитанским королем Карлом Анжуйским рагузинцы помогали королю Педро и получили много льгот от его сына Федериго. В 1320 году они получили много привилегий и льгот от императора Андроника и, в частности, право беспошлинной торговли на всей территории империи.

В1322 году рагузинцы вели войну с сыновьями Бранивоя, государя Стона (Stagno), и с ускоками Омиша (Vscochi di Dalmisio), а в 1358 году заключили союз с королем Венгрии Лайошем. После этого они воевали с князем Косово (Vsciz) Владиславом, а затем с его племянником Николой Алтома- новичем.

В 1361 году началась война между рагузинцами и которцами, стоившая каждой из сторон немалых людских потерь. Вскоре после нее Никола Ка- бога (Nicolo Caboga), посланный сенатом во главе флота, разбил Бальта- зара, военачальника Людовика, герцога Анжуйского, грабившего в [Адриатическом] Заливе торговые суда. Во время войны венецианцев с генуэзцами рагузинцы послали на помощь генуэзцам две галеры под началом Маттео Джорджича (Matteo di Giorgi), который проявил в упомянутом походе такую доблесть, что прославил род Джорджичей на вечные времена, поскольку Генуэзская Республика присвоила ему титул нобиля, как явствует из привилегии, хранящейся ныне в Рагузе в семье Джорджичей. Когда две галеры герцога Анжуйского грабили побережье Рагузы, рагузинцы захватили их в бухте Жульяна (Porto di Giuliana) и взяли в плен находившихся на них девять баронов, за которых Карл VI обещал выкуп в двести тысяч дукатов, однако сенат Рагузы отпустил их без выкупа, отправив на галере в Марсель.

В 1398—1399 годах сплитчане изгнали своих нобилей. Рагузинцы послали им на помощь несколько галер и вернули нобилям власть.

В 1404 году на рагузинцев пошел войной боснийский король Остоя. Через шесть лет рагузинцы под началом Андрея Вуковича (Andrea di Volze) нанесли поражение близ Корчулы девяти галерам неаполитанского короля Владислава, присланным в Котор в помощь боснийскому королю Остое.

В 1413 году — изгнали с Корчулы, Хвара, Виса и Брача гарнизон сплит- ского воеводы Хрвоя Вукчича и овладели упомянутыми островами, которые затем через три или четыре года передали Ласло, комиту курии (Arosal Caualiere) Сигизмунда, императора и короля Венгрии.

В 1430 году — вели войну с Радославом Павловичем (Raosau Paulouich) за Конавли (Canali).

В 1444 году — вступили в союз с восточными государями и послали две галеры в Варну против неверных.

В 1451 году Стефан Косача, герцог святого Саввы, вел войну с рагузин- цами. Позднее, в 1464 году, рагузинцы вступили в союз с папой Пием II против вышеупомянутых неверных. Во время войны папы Юлия II с венецианцами, рагузинцы приняли сторону последних и послали им два корабля с зерном. Когда же венецианцы воевали с герцогом Феррары Альфонсо, рагузинцы, поддерживавшие дружественные отношения с родом д'Эсте, оказали помощь герцогу.

В 1519 году они послали с флотом Андреа Криевича (Andrea di Cerua) против фра Янаццо (lanazo), родосского рыцаря, который опустошал побережье Рагузы. Андреа настиг его вне Родоса, разбил и отправил к праотцам.

В 1539 году во время войны между турками и венецианцами рагузинцы оказали значительную поддержку коалиции и проявили великую доблесть в сражении при Превезе.

В 1559 году значительное число рагузинских кораблей пришло на помощь католическому королю в войне за Джербу (Gerbi).

В 1566 году к Рагузе подошел флот турецкого султана Сулеймана, насчитывавший 120 галер. Опасаясь провокации со стороны Варвара, рагу- зинские силы были приведены в боевую готовность. Ректором Рагузы в ту пору был Петр Яковлевич Лукаревич (Pietro di Giacomo Luccari).

В 1590 году Эйнехан, санджак[бей] турецкого султана Мурада, с большими силами подступил к границам владений рагузинцев, пытаясь под надуманным и лживым предлогом захватить принадлежавшее им княжество Конавли. Рагузинцы, собрав в ответ большое войско, поставили над ним опытных и рассудительных сенаторов Валентино Орсатовича Джоржича, Юния Бернардовича Криевича и Николу Севастьяновича Менчетича. Они столь успешно провели этот поход, что изгнали из всех своих владений упомянутого Эйнехана и избавили город Рагузу от всех страхов.

В прошлом, почти сразу после своего основания Рагуза служила также приютом для всех несчастных, и к ней (как выразился архиепископ Драча Паоло Анджело в книге Марина Барлеция) применимо то, что говорилось о Риме, а именно, что он был убежищем и родиной всех смертных. Примеров этого мы могли бы привести тут великое множество, но, чтобы не утомлять читателя, ограничимся несколькими. Первым, насколько мне известно, был Сильвестр, сын короля Далмации Прелимира, который, скрываясь от гнева своих подданных, вместе со своей матерью нашел убежище в Рагузе, где и вырос. Достигнув зрелости, он с помощью рагузинцев вернул себе трон и продал рагузинцам три острова, которые Плиний называет Элафитскими, а именно Шипан (Giupana), Лопуд (Isola di mezzo) и Колочеп (Calamota). Позднее, в 1075 году в Рагузе нашли убежище сыновья Бранислава, бежавшие от преследований своего сородича короля Бодина. В 1161 году род Не- маничей отрешил от власти князя Зеты Радостава, братья которого укрылись в Рагузе. Позднее, в 1310 году, после смерти боснийского короля Стефана, который в ту пору именовался князем, его сыновья были изгнаны из дому. Старших из них по имени Стефан со своей матерью Изабеллой нашел убежище в Рагузе, где получил образование по всем греко–латинским дисциплинам и с помощью

рагузинцев вернул себе боснийский престол. За это в 1333 году он продал рагузинцам Стон и Пелешац (Ponta). В 1359 году в Рагузу бежал брат боснийского короля Тврткo Дабиша с многими боснийскими вельможами, и рагузинцы позже уговорили брата простить его.

В 1396 году Сигизмунд, император и король Венгрии, спасаясь бегством после поражения, которое ему нанес турецкий султан Баязид под Никополем, прибыл в Рагузу и присвоил ректору Рагузы титул рыцаря короля Венгрии. Рагузинцы перевезли его в Шибеник на своих галерах, которыми командовал Вольцо Бьяджевич Бобальевич, весьма влиятельный и опытный в военном деле сенатор. Сигизмунд, восхищаясь его доблестью и рассудительностью, упрашивал его отправиться с ним в Венгрию, однако тот отказался, ссылаясь на свой преклонный возраст.

В 1440 году сербский деспот Георгий бежал на рагузинской галере из Бара в Рагузу. Несмотря на то, что Мурад, сначала при помощи обещаний, а потом угроз, уговаривал рагузинцев выдать его, сенат Рагузы отказал ему, и позднее отправил его в Венгрию, чтобы тот вернул себе власть.

В 1451 году Владислав, сын Стефана Косачи, спасаясь от отца, укрылся в Рагузе. Через четыре года там же нашел убежище изнанный турками деспот Магнезии Фома Палеолог.

В 1462 году Сиджизмондо Малатеста, изгнанный папой Пием И, нашел убежище в Рагузе. Желая отправиться на Восток, чтобы привести турецкие войска в Италию, был остановлен рагузинцами и избран командующим (Generale) всего их государства. Когда в следующем году турки захватили и заняли Боснийское королевство, Катарина Косача, жена бывшего боснийского короля Томаша, бежала в Рагузу и затем оттуда перебралась в Рим.

В 1483 году турецкий султан Баязид (Paiasit Turco) руками своего сан- джак[бея] Гази–бека (Hesibeg) изгнал Владислава и Влатко, сыновей [Стефана] Косачи. Последние укрылись в Рагузе и получили от Синьории немалую помощь.

В 1512 году флорентийский гонфалоньер Пьетро (Pietro) Содерини бежал в Рагузу, и, несмотря на неоднократные требования папы Юлия II, не был выдан Рагузинским сенатом.

Через шесть лет после этого, когда турецким султаном Баязидом был убит Иван Црноевич, господарь (Duca) Черногории, его брат Джурадж нашел убежище в Рагузе, куда позднее прибыл и его дядя Стефан. Опасаясь, что рагузинцы выдадут их Турку, они хотели тайно бежать из Рагузы, но им это не удалось; однако затем они к большой своей радости смогли уехать. Недавно, в 1570 году, стараниями рагузинцев была спасена венецианская галера под названием «Трона», спасавшаяся от галер преследовавшего ее турецкого капитана Каракозы (Caracosa). Рагузинцы впустили ее в гавань, а потом с помощью большой денежной суммы задобрили Карако- зу, который, как пишет Пьетро Биццари (II), вначале грозил разрушить за это все их государство до основания. Наконец, в 1575 году, когда турецкий султан хотел вернуть из плена санджак[беев] и других вельмож, оказавшихся после разгрома [турецкого] флота в руках испанцев, которые, в свою очередь, также хотели вызволить из рук турок шестьдесят знатных мужей из числа христиан, попавших в плен при захвате Ла–Голетты (Goletta), в числе которых был и миланец Габрио Сербеллони (Gabrio Cerbelone), то обе стороны договорились (не найдя другого места, где можно было бы с таким удобством и безопасностью исполнить это достойное дело) прибыть в назначенное время именно в этот город, «надежную гавань». Вышеупомянутые пленники были доставлены в зал Большого совета и в присутствии ректора Юния Бобальевича, уважаемого и опытного в государственных делах мужа, обрели желанную свободу, за что каждый из них не переставал восхвалять упомянутый священный сенат.

На основании сказанного всякий может убедиться в том, что Рагуза всегда была убежищем несчастных, для спасения которых зачастую ставила под угрозу свое собственное благополучие. В этом проявилось величие духа рагузинцев, которое находило себе выражение и в других деяниях, создающих

славу тому или иному городу. Как легко убедиться, и в прошлом, и в настоящем, как только они начинали заниматься военным ремеслом или словесностью (каковые рода деятельности и доставляют по большей части славу городам), то достигали в этом удивительных успехов. Умолчав о многих знаменитых рагузинских военачальниках, я расскажу лишь о некоторых из них. Первым стяжал себе великую славу Вита Бобальевич, который в 887 году командовал частью флота нарентинцев, когда последними был разгромлен венецианский флот и убит дож Пьетро Кандиано. Именно благодаря его своевременному подходу нарентинцы смогли одержать столь славную победу над противником. После были Михайло и Никола Бобальеви- чи. Первый в 1160 году разбил в сражении при Требиньи короля Борича (Barich), именовавшегося тогда баном Боснии, и избавил свою родину от многих притеснений. Второй разбил Неманю, господаря (Duca) Рашки. После них был Марин Рестич (di Resti), который по приказу сената Рагузы на нескольких галерах изгнал гарнизон, который воевода Хрвое держал на Хваре, Браче, Корчуле и Висе. После них стяжали славу себе и своей родине Матвей и Марин Джорджичи: Матвей — в войнах между генуэзцами и венецианцами, а Марин — в походе, который он вместе с упомянутым Матвеем предпринял против корсаров герцога Анжуйского. Матвей и Иван Аукаревичи также обессмертили свое имя и стяжали своей родине величайшую славу. Император и король Венгрии Сигизмунд за выдающиеся военные заслуги сделал Матвея баном Далмации и Хорватии. Как пишет Бон- фини (III декада, 4–я книга), он вместе с епископом Тиносским (Tinense), Генрихом Марцеллином, сыном Воеводы (Voieuoda), и Владиславом Па- лоцием (Palocio), самыми знатными вельможами королевства, был послан венгерскими магнатами, чтобы сопроводить в Венгрию польского короля Владислава, брата Казимира.

Иван, брат Матвея, был избран приором Враны (Vurana) и, руководя обороной Биограда (Belgradi) от турок, как пишет Бонфини, обессмертил свое имя. Нельзя обойти молчанием и Вольцо Бьяджевича Бобальевича, который во время войны рагузинцев с боснийским королем Остоей был послан сенатом с пятью галерами для нанесения ущерба неприятелю, у которого он сжег Нарентский торг со всеми окружающими селениями и воздал ему достойное отмщение. Наконец, уже в наши дни славу себе и своей родине стяжал мой дядя Симон Флори (Flori), который провел тридцать шесть лет во Французском королевстве на службе у тамошних королей. Он имел такой успех в военных делах, что герцог Алансона почти всегда держал его при себе, а французские короли Генрих и его брат Карл удостоили его немалого числа почетных наград. Знаменитый поэт Дидак Пирр так написал о нем в одном из своих произведении:

Et miles intrepidus, e dux inuictus in armis
Venit ab antiqua Florius Illiria,
Illius egregiam virtutem, fortia facta
Experta est duris Gallia temporibus.

В бою неустрашим, победоносный вождь,
Из древней прибыл Флориус Иллирии.
И Галлия в суровую годину
Нашла поддержку в мужестве его.

Не испытывала Рагуза недостатка и в тех, кто своей ученостью стяжал ей великую славу. Среди них кардинал Иоанн Стоик, искушенный во всех науках, о котором Мюнстер при описании Базилеи говорит следующее: «Есть в Базилее могила кардинала Иоанна Теолога из Рагузы, который в своем известном завещании оставил нам все те рукописные греческие книги, которыми мы теперь располагаем». Жили там также превосходный поэт Илия Криевич (Elia Ceruino) и красноречивый оратор Иван Гучетич (Gianno Gozzio), о которых упоминает Сабеллико (X эннеада, 8–я книга). Минорит Джурадж Бениньо (Giorgio Benigno), весьма ученый муж, опубликовал несколько своих трудов по богословию. Превосходный латинский поэт Яков Бунич (Giacomo di Bona) создал прекрасную поэму о жизни Господа нашего. Матвей

Бобальевич, человек столь редкого дарования, что его невозможно переоценить — помимо глубоких познаний в других науках, был редким знатоком греческого языка и перевел с него на латынь все труды святого Василия в том изящном стиле, который особо ценится знатоками. Этот перевод хранится ныне в библиотеке бенедиктинского монастыря Св. Якова, находящегося близ Рагузы. Савин Глухой из уже упомянутого рода Бобальевичей, прекрасный поэт, писавший по–итальянски и, в большей степени, по–славянски, выпустил несколько своих произведений на итальянском языке. Доминиканец Климент Раньина, знаток Священного Писания, опубликовал несколько изъяснительных бесед (Omilie), высоко оцененных учеными мужами. Из того же рода до сих пор здравствующий Доминик Раньина, рыцарь [Ордена] Святого Стефана и поэт, знаменитый своими итальянскими стихами не меньше, чем славянскими. Никола Вито- вич Гучетич (Gozi), муж высочайшей образованности, написал и выпустил в свет ряд произведений, написанных как на [благородной] латыни, так и вульгарном тосканском наречии. Я не стану больше утомлять читателя перечислением, так как слишком много времени потребуется, чтобы упомянуть всех живших в Рагузе ученых мужей.

Территория Рагузы (по общему мнению) простирается в виде узкой полосы примерно на сто тридцать пять миль в длину и среди прочего включает в себя немаловажный город Стон. Поблизости расположено несколько более или менее значительных островов, принадлежащих Рагузе, а именно Ластово (Lagusta), Млет (Meleda), Шипан (Giupana), Лопуд (Isola di mezzo) и Колочеп (Calamota). Остров Ластово удален от Рагузы примерно на сто миль, а его окружность составляет примерно пятьдесят миль. Остров изобилует всеми плодами земли, а именно вином, маслом, зерном и всеми сортами фруктов, на нем живут суровые и крепкие мужчины и столь же крепкие и работящие женщины.

Упомянутый остров рагузинцы купили у жупана Стефана, ставшего позднее королем Рашки и получившего прозвище Храпало (Crapalo). С ним рагузинцы постоянно поддерживали тесные дружественные отношения, о чем будет сказано далее в его жизнеописании. По этой причине жители Ластово до [1]308 года находились под властью Рагузы. В указанном году, когда королем Рашки был Урош, отец императора Рашки Стефана, некие вельможи этого королевства обвинили рагузинцев перед упомянутым королем в том, что они незаконно купили остров, принадлежащий королевству Рашки. По этой причине Урош незамедлительно отправил рагузинцам предписание оставить упомянутый остров его попечению, поскольку он намерен признать его своей собственностью. Рагузинцы ответили отказом, заявив, что владеют островом на законном основании, купив его у короля Храпало, его прежнего законного владельца. Ответ рагузинцев привел Уроша в ярость, и он стал втайне подстрекать островитян на бунт, обещая им освобождение от уплаты податей и прочие льготы наряду с защитой от любого врага. Островитяне, недолго думая, приняли предложения рашан (Rassiani) и отложились от рагузинцев. Узнав об этом, последние стали незамедлительно снаряжать флот и собирать войско, чтобы вернуть себе упомянутый остров. Урош, узнав об этом, велел им отказаться от этого предприятия, грозя послать [войска] для разорения всех их владений. По этой причине рагузинцы, выбрав из двух зол меньшее, решили ничего не предпринимать. Однако вскоре они заключили союз с упомянутым королем, и он отказался в их пользу от всех прав на Ластово, препоручив его жителей заботе сената Рагузы. Островитяне, обманутые рашанами, с общего согласия отправили в Рагузу послов, прося простить за совершенную ими вынужденную ошибку и вновь принять в качестве верных и покорных подданных, обещая впредь всегда оставаться таковыми по отношению к Рагузинской республике. Последняя милостиво приняла упомянутое посольство островитян и не только подтвердила прежние привилегии, но и некоторые из них расширила.

Остров Млет, называвшийся в древности Мелита (Melita) или Мелиге- на (Melligene), имеет около тридцати миль в длину и шестьдесят в окружности и находится примерно в тридцати милях от Рагузы. Некогда этот остров, как повествует Аппиан Александрийский в «Событиях в Иллирии», был с большим трудом завоеван Цезарем Августом. Поскольку островитяне промышляли морским разбоем, он приказал

казнить всю безбородую молодежь, а остальных — продать с торгов. На этом острове производится много вина, в основном красного и весьма крепкого, зерна же родится недостаточно. На южной стороне на острове находится озеро с морской водой. Его длина составляет примерно две мили, ширина — чуть меньше мили, а в окружности оно составляет семь миль. Есть в нем и пролив, через который поступает морская вода, но такой узкий, что по нему с трудом могут входить в озеро даже небольшие лодки. Если бы жители заперли этот пролив с помощью больших цепей, то был бы закрыт проход даже для упомянутых небольших лодок. Это прекрасное озеро со всех сторон окружено дикими соснами, дубами и другими деревьями, которые стоят так близко к воде, что не только дают тень в летнюю пору для гуляющих по берегу, но и зачастую на их зеленых ветвях, склоненных к воде, находили прикрепившихся устриц. В упомянутом озере водятся всевозможные морские моллюски и много рыбы, особенно дорады, сибаса (Varolo) и окуня (triglia), причем упомянутые рыбы по своим размерам превосходят тех, что ловятся в других местах. В одном из заливов упомянутого озера возвышается невысокая скала, на которой было основано почтенное аббатство и монастырь [ордена] Святого Бенедикта, который является главным [монастырем] конгрегации упомянутого монашеского ордена, называемой по имени этого острова Млетской (Melitense). Там я принял монашеский чин. Среди членов упомянутой конгрегации почти во все времена было немало высокообразованных мужей, и в их числе дон Макар Бобальевич (D. Macore de Bobali), который, помимо духа пророчества, обретенного в награду за святость, был еще и глубоким знатоком Священного Писания. Вслед за ним там жили Хризостом Кальвино, избранный архиепископом Рагузы, знаток еврейского, греческого и латинского языков; Василий Градич (di Gradi), ставший епископом Стона; дон Джамбатиста Джорджич, в настоящее время аббат и предстоятель упомянутой конгрегации; дон Бенедикт Менчетич и дон Корнелий Франциск, оба — глубоко образованные мужи и знатоки множества языков; дон Мавро Ветранич, превосходный поэт, пищущий на славянском языке; дон Евсевий Кабога, автор написанных на латыни летописей Рагузы и жизнеописаний ее архиепископов. Не успев опубликовать свои труды при жизни, он оставил их монсиньору Хризостому Раньине, который ныне является епископом Стона, а прежде был монахом упомянутой Млетской конгрегации.

В упомянутое озеро иногда заплывают тюлени (Orsi marini) и наносят большой урон поголовью рыб. Когда же они хотят вернуться в море, то в проливе, через который они должны проплыть, ставят большие сети, куда они попадаются и оказывают отчаянное сопротивление нападающим на них рыбакам. Пока же они находятся в озере, они часто выходят на берег и без всякой опаски позволяют себя разглядывать, показывая определенными жестами, что понимают все, что им говорят. Поскольку я сам никогда ничего подобного не видел, то не мог поверить, что рыба может понимать человеческую речь. Однако, когда я находился в Италии, в Пезаро, я на собственном опыте убедился в том, что это действительно так. В 1599 году близ Гаэты был пойман один из упомянутых тюленей, которых называют также морскими телятами, и его в течение нескольких месяцев возили по многим городам Италии в большом ящике, где была подстелена солома. Когда его хотели показать публике, то вынимали из ящика, где он был заперт на ночь, и клали в большой ушат с водой. Затем, называя его по имени Мартином, его вынимали из воды, и он полз по земле, извиваясь, и по команде поворачивался то на спину, то на живот, то на один бок, то на другой. Когда его просили дать лапу, он протягивал вперед переднюю конечность, похожую на гусиную лапу. Когда его спрашивали, не голоден ли он, он тут же открывал рот и, стуча зубами, всем своим видом выражал согласие, не сводя глаз с хозяина. Когда же хозяин делал вид, что хочет ударить его палкой, которую держал в руке, тот незамедлительно издавал звук, напоминавший восклицание разгневанного человека, и делал вид, что хочет укусить хозяина. Когда ему приказывали вернуться туда, откуда его вынули, он направлялся к ушату и, поднявшись подобно ужу, сам бросался в воду. Одним словом, это было удивительное зрелище, видеть, как рыба подобного вида понимала то, что ей говорили, и исполняла все команды. Тюлень, которого я видел в Пезаро, был гораздо меньше тех, что иногда вылавливают в Млетском озере. Близ упомянутого озера, в весьма живописном месте под названием Дворцовая гавань

(Porto Palazzo), находящемся на морском побережье, еще и теперь видны развалины дворца, построенного некогда Агесилаем Киликийским, сосланным сюда императором Севером. Когда император после победы над Песценнием проходил по Киликии, встретить его вышли все властители (Baroni) упомянутой страны, за исключением Агесилая. По этой причине он был отправлен в ссылку на Млет, где пребывал вплоть до того времени, когда после Севера власть в империи перешла к Антонину. Оппиан, сын Агесилая, находившийся в ссылке вместе с отцом, написал героическим стихом прекрасный трактат о рыбной ловле и преподнес его Антонину, за что удостоился от императора позволения для отца вернуться на родину. Вскоре после возвращения Агесилая в Киликию его дворец был разрушен сарацинами.

Со временем остров оказался во власти у хумских государей, и в 1151 году воевода Рашки Деса подарил его монахам упомянутого аббатства, препоручив его заботам и особому покровительству Синьории Рагузы. Таким образом, нет ныне ни одного уроженца острова, кто не был бы подданным упомянутых монахов. Но, поскольку «тот, кто неволен, тот вечно недоволен», островитяне не раз без весомой причины восставали против своих хозяев и наносили им ощутимый урон. Из того, что я видел на Млете, две вещи стоят упоминания. Во–первых, все местные жители переговариваются при помощи свиста и, находясь на значительном расстоянии, понимают друг друга не хуже тех, кто выражается при помощи слов. Вторая вещь меня просто поразила. В 1410 году на хуторе Бабинополье упомянутого острова у одной женщины был единственный сын по имени Шурмал, которого она нежно любила. Сын, возмужав, женился и ушел от матери. Однажды поздним вечером она пришла к его дому, но тот запер двери, чтобы она не могла войти. Тогда бедная старушка–мать стала умолять пустить ее в дом и делала это все настойчивее, видя приближение грозы. Однако ее слова не вызвали в безжалостном сердце сына никакого сострадания к собственной матери. Поняв это, она стала призывать на их голову гнев Божий и, среди прочего, сказала: «Как вы теперь не принимаете меня в вашем доме, так с Божьего позволения ни земля, ни море не примет ваших костей». И что вы думаете? Когда безжалостный сын скончался и был похоронен перед церковью Святого Панкратия, то на следующее утро был найден выброшенным из могилы, поскольку земля не хотела его принять, и так повторилось два последующих дня. Тогда его бросили в море, которое в ту пору было совершенно спокойным, но, как только приняло проклятое тело, начало волноваться и почти в то же мгновенье выбросило его на скалы, где его кости так вросли в камень, что даже с помощью большого топора их с трудом можно отодрать, что я неоднократно пытался сделать.

Остров Шипан протянулся с запада на восток примерно на четыре мили, окружность его составляет примерно десять миль. Некоторые считают, что именно его Плиний называет Сипарис (Siparis). Это один из самых благородных островов, которыми владеет сенат Рагузы, как по своей живописности, так и по изобилию вин, которые на ней производятся.

[Лопуд], срединный остров, называется так потому, что расположен между двумя другими — Колочепом и Шипаном. В окружности он составляет примерно десять миль. На острове чудесный воздух и [редкое] среди соленых вод изобилие запасов пресной воды. Самая красивая часть острова, которая является наиболее заселенной и украшена садами, дворцами и гаванью, обращена на запад. Однако удобные строения, прелестные сады и усеянные виноградниками холмы встречаются на острове повсюду. В 1538 году остров оказал дружественный прием двенадцати галерам папы Павла III под командованием патриарха Аквилеи, дворянина из рода Гримани (Casa Grimana), однако был безбожно и жестоко разграблен людьми с упомянутых галер.

Остров Колочеп по своей величине уступает Лопуду, он не так плодороден и менее населен, однако на нем делают хорошие вина.

Жители упомянутых трех островов зарабатывают себе на жизнь в основном нанимаясь в судовые команды. По этой причине часто случается, что там мало мужчин, но много весьма красивых

добропорядочных женщин. Нередко мужья, уходя в море, оставляют их без всякой помощи на десять и более лет, однако женщины, работая денно и нощно, своим ручным трудом сами себя обеспечивают и славятся редкой добропорядочностью.

Упомянутые три острова служат отправным пунктом для тех больших кораблей, которые бороздят ныне моря Италии и Испании. Рагуза насчитывает их не менее сотни, не считая множества галеонов и других маломерных судов. По причине большого числа моряков, занятых на упомянутых судах, рагузинцы не могут выставить ныне более пяти или шести тысяч наземного войска. Тем не менее все их корабли, собранные вместе, составляют один из самых многочисленных и мощных флотов, имеющихся ныне в чьем-либо распоряжении в Средиземном море. Упомянутая мощь обеспечивается как размером судов и многочисленностью установленной на них артиллерии, так и в значительно большей степени отвагой моряков, которую они не раз проявляли в борьбе с турками и другими корсарами. При нападении последних они сражаются так отчаянно, что враг не может овладеть кораблем, пока хоть один из них остается в живых. Во время боя они бросаются на врага подобно разъяренным львам, призывая друг друга помнить о том, что они рагузинцы, которые никогда не отдадут свою жизнь, не воздав достойной мести врагу.

Примеров этого я не стану тут приводить, поскольку почти всем они известны, и окончу на этом свой рассказ об истории Рагузы, все свершения и достижения которой любопытный читатель сможет найти в летописях рагу- зинского дворянина Якова Петровича Лукаревича, которые (я полагаю) он в скором времени выпустит в свет.

ПРЕДИСЛОВИЕ ДОНА МАВРО ОРБИНИ

Многие утверждают, что автор нижеследующей «Истории королей Далмации» был уроженцем Диоклеи, которая была митрополией Красной Хорватии и чьи развалины можно увидеть ныне у Лабеатского болота, то есть Скадарского озера, и называют его поэтому Диоклейцем (Docleate). Другие придерживаются мнения, что он родился в городе, называемом славянами Дукля (Dugla), который возник на развалинах Диоклеи и впоследствии получил то же самое имя. Я же полагаю, что автор не был уроженцем ни первой, ни второй Диоклеи. То, что он не был родом из первой, следует из того, что он сам пишет в нижеследующем «Предисловии», а именно, что к нему обратились с просьбой священнослужители Диоклейской церкви. В то время [упомянутая церковь] лежала в руинах, поскольку Самуил Болгарин или (по мнению других) его сын Радомир, которого греческие историки называют Гавриилом–Романом, сжег ее около 1000 года, а упомянутый автор (как следует из описываемых им событий) в 1179 году был еще среди живых. Ясно поэтому, что он имеет в виду вторую Диоклею. Однако и она не была местом его рождения, поскольку далее в своем «Предисловии» он пишет, что с упомянутой просьбой к нему обратилась также и молодежь из его города. Этими словами он ясно дает понять, что вовсе не Диоклея была его родиной. По моему мнению, автор был родом из Бара (Antiuari), который также в значительной степени вырос на развалинах первой Диоклеи, да и расположен не так далеко от нее. Упомянутая «История» первоначально была написана им по–славянски и славянскими письменами, а затем по настоянию некоторых особ переведена им на латынь. В своем труде он дает краткое описание происхождения и истории славянских королей, правивших в Далмации и других соседних землях Иллирика с 495 года от Рождества Христова по 1161–й, когда Радо- слав, последний из рода упомянутых королей, был лишен власти сыном Уроша Десой.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ЕГО «ИСТОРИИ КОРОЛЕЙ ДАЛМАЦИИ»

Когда вы, любезные братья мои во Христе и достопочтенные священнослужители святого престола церкви Диоклейского архиепископства, а наряду с ними множество зрелых мужей и главным образом молодежи нашего города, которая любит не только слушать и читать, но и (как ей свойственно) предаваться военным утехам, обратились ко мне с просьбой о переводе со славянского письма на латинское книжечки о готах, называемой латинянами «Regnum Slavorum», в которой описаны все их войны и деяния, то я, преодолевая старческую немощь, решил удовлетворить вашу просьбу сам, побуждаемый к этому и любовью к своим собратьям. Я не хотел бы, однако, чтобы кто-нибудь из читателей подумал, что я написал что-то сверх того, что узнал из книг и рассказов (не баснословных, а основанных на истинных событиях) наших отцов и дедов.

ИСТОРИЯ КОРОЛЕЙ ДАЛМАЦИИ И ДРУГИХ СОСЕДНИХ ЗЕМЕЛЬ ИЛЛИРИКА С 495 ГОДА ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА ПО 1161 ГОД

В то время, когда скипетр Константинопольской империи был в руках у Анастасия, запятнавшего себя и многих других евтихи- анской ересью, в Риме управлял делами Церкви папа Геласий, а в Италии вершили подвиг великого благочестия преблаженные Герман, епископ Капуи, Сабин, епископ Канузы (Carusa), и на горе Кассино святой Бенедикт, из северных пределов вышли готы, свирепый и неукротимый народ, которым управляли три вождя, бывшие братьями и сыновьями короля Свевлада Брус (Brus), Тотий (Totio) и Остроил (Ostroillo). Брус, старший из братьев, унаследовал власть после смерти отца, и поэтому Тотий и Остроил, стремясь стяжать славу, с позволения своего брата собрали могучую рать и оставили родные пределы. Придя в Венгрию, они покорили ее и затем вторглись в Темплану (Templana). Тогда король Далмации, пребывавший в Салоне, послал гонцов с посланиями к королю Истрии, дабы тот собрал все свое воинство и выступил вместе с ним против упомянутых готов. Исполнив это, они стали лагерем невдалеке от неприятеля. Пока рати стояли друг против друга, с одной и другой стороны выходили воины и устраивали между собой поединки, но на восьмой день произошла битва, которая длилась с третьего часа дня до самого вечера. В конце концов, готы одержали победу, и произошло это не без всевышнего попустительства: хотя далматы и их союзники сражались и упорно и доблестно, но, несмотря на это, уступили противнику. Король Истрии пал в бою, а король Далмации, дважды раненный, едва сумев спастись бегством, вернулся с горсткой своих людей в Салону. Посему Тотий и Остро- ил разделили между собой свое немалое войско. Тотий с одной его частью отправился в Истрию, а потом оттуда — в Италию, где в течение некоторого времени вел опустошительные войны и полностью разрушил несколько захваченных им городов. Затем он напал на Сицилийское королевство и вскоре после этого скончался, как некогда ему было предречено рабом Божьим святым Бенедиктом. Его брат Остроил вторгся в провинцию Иллирик и, не встретив никакого сопротивления, захватил всю Далмацию со всеми ее приморскими городами. Осев, в конце концов, в Превалитане, он отправил оттуда своего сына Свевлада с большой ратью на север покорять остальные земли Иллирика. Константинопольский император, узнав, что Остроил остался с небольшим отрядом в Превалитане, послал сильное войско, чтобы напасть на него врасплох. Остроил, муж великой отваги, вышел [против упомянутого войска] с горсткой своих воинов и, приняв бой, погиб, воины же его спаслись бегством. Посему войско императора с большими трофеями вернулось домой. Свевлад, узнав о смерти отца, ускоренным маршем вернулся в Боснию, надеясь застать войско императора и отомстить за смерть родителя. Не встретив там никого, он занял отцовский престол, и у него родился сын по имени Селимир (Selimir). Владения Свевлада простирались от Винодола (Valdevino) до Аполлонии (Pelonia, о Pelouiata), от моря — до самого Севера. Он причинил немалый вред христианам, жившим в приморских городах, и на двенадцатом году своего правления оставил этот мир. Ему наследовал его сын Селимир, который, хотя и был язычником, поступал по справедливости. Он не только хорошо обращался с христианами, но и заключил с ними договоры и соглашения, заставив платить подати. Посему страна наполнилась славянами, и в его дни в ней царил покой. После двадцати лет правления он скончался, оставив сына Владана. Последний, следуя по стопам отца, мирно правил королевством и имел сына по имени Радмир, который с юных лет отличался своенравием и спесивостью. При нем с великой реки Волги (Volcha) вышло великое множество людей, взявших себе имя от упомянутой реки, и до сего дня от Волги их зовут волгара- ми (Vulgari), или болгарами (Bulgari). Со своими женами, детьми и всем скарбом они пришли в область Силодузию (Silodusia). Правителем у них был некто по прозванию Крис (Chris),

которого они на своем языке называли «каганом», что означает у них «царь» (Imperadore). Ему подчинялось девять государей, или правителей, вершивших суд над упомянутым народом, который был неисчислимо велик. Итак, заняв Силодузию, они вторглись в Македонию. Покорив и ее, они проникли в область латинян, которых [прежде] называли римлянами, а ныне зовут мавровлахами (Morouulasi), то есть «черными латинянами». Константинопольский император, сидя на своем престоле, длительное время вел войну с упомянутым народом, но, не сумев победить, в конце концов, заключил с ним мир и оставил в покое. Таким же образом поступил и король Владан, видя, что народ этот велик числом и говорит на одном с ним языке. Так было положено начало великой любви между двумя народами, а именно между готами, [или] славянами, и болгарами. Главной причиной упомянутой любви было то, все они были язычниками и говорили на одном и том же языке. После этого болгары, обезопасив себя со всех сторон, построили крепости и города и стали жить в захваченной ими стране, которой и по сей день владеют. Тем временем король Владан скончался, и власть перешла к его сыну Радмиру. С самой юности он проявлял неприязнь к христианам, и теперь, став королем, принялся их преследовать, разоряя принадлежавшие им города и селения. Христиане, видя его нечестие, стали убегать в горы и другие неприступные от природы места, употребляя все силы на постройку крепостей, чтобы укрыться в них от обагренных в крови рук свирепого Рад- мира, пока Господь не снизойдет и не освободит от столь жестокого преследования. После смерти Радмира правили один за другим четыре короля- злодея. При них христиане постоянно подвергались жестоким преследованиям. Однако, поскольку перо наше спешит перейти к вещам более отрадным, мы опустим описание их злодеяний и преследований, которые претерпели от них христиане. Немалое число последних, как жителей Приморья, так и Севера, чтобы не запятнать себя их гнусными и мерзкими обычаями, ушла в упомянутые дикие горы, полагая, что лучше вытерпеть любые лишения и невзгоды, нищету и голод, но спасти свою душу, чем владеть насущным добром с ущербом для души. После кончины вышеупомянутых четырех королей от их потомства родился Святмир (Svetmir), который, став королем, не пожелал более мучить и преследовать христиан. При нем процвел в Фессалониках Константин Философ, сын патриция Льва. Будучи глубоким знатоком Священного Писания и ведя при этом достойную подражания жизнь, он покинул свою родину и, ведомый святым духом, прибыл в страну Хазарию. Вступив в диспуты с первыми тамошними мудрецами, он превзошел их всех и ежедневной проповедью обратил всю упомянутую страну в Христову веру, а вскоре после этого обратил и болгар. Тем временем Святмир скончался, и ему наследовал Святополк (Svetopelek). Во время его правления папа Стефан, осведомленный от многих о жизни и учении Константина, написал к нему, призывая прибыть к себе. Константин, прочтя послание и решив принять приглашение папы, захотел перед отъездом оставить тем, кого он обратил в Христову веру, духовную пищу, которой они могли бы подкрепляться в его отсутствие. Он рукоположил в сан священников для наставления этих народов в христианском вероучении и, помимо этого, перевел для них с греческого языка на славянский Христово Евангелие и псалмы Давида со всеми книгами Ветхого и Нового Заветов. После этого, простившись со всеми, он отбыл в Рим. По пути туда он заехал к королю Святополку. Принятый им за свое целомудрие и редкую ученость с великим почетом, он стал наставлять его в христианском обряде и вероисповедании, которое Святополку чрезмерно понравилось. Посему он принял христианство со всеми своими подданными. Когда весть об этом достигла христиан, живших в горах, их охватила великая радость. Спустившись с гор и оставив другие убежища, они стали благословлять и восхвалять Господа, даровавшего спасение тем, кто возложил на него все свои надежды. Упомянутый король дозволил христианам, говорившим на латыни, вновь отстроить и восстановить города и крепости, некогда разрушенные язычниками. Он повелел также, чтобы были определены и описаны пределы и межи всех его владений. Спросив об этом у своих мудрецов и не добившись от них никакого ответа, он отправил послов к папе Стефану и константинопольскому императору Михаилу, прося помочь ему в этом деле. Когда послы, отправленные в Рим, изложили свое поручение папе, тот несказанно обрадовался, так как надеялся через это еще больше укрепить короля и его народ в Христовой вере. Посему, отпуская послов, он

отправил вместе с ними кардинала Гонория, мужа изрядной учености и достойной подражания жизни, наделив его теми полномочиями, которые принято давать лицам такого звания при исполнении подобных поручений в христианской стране. Вместе с упомянутым Гонорием были посланы еще два кардинала, которые должны были помочь этому новообращенному в Христову веру народу избрать епископов, освятить церкви и совершить прочие необходимые действия. Кардиналы, прибыв в Иллирик, нашли короля на Ду- ванской равнине (pianure di Dalma), где он [тогда] находился. Король принял их с большим почетом и повелел всем своим подданным собраться на том же Дуванском поле. Пока народ собирался, прибыли и отправленные в Константинополь послы Иоанн и Лев, которые были с должным почетом встречены королем и кардиналами.

Весь народ, как говорящие на латыни, так и на иллирийском наречии, по повелению папского викария Гонория и короля Святополка в течение двенадцати дней принимал участие в Соборе, при этом восемь дней было посвящено церковным делам и четыре — вопросам, касающимся власти короля и устройства государства. На этом же Соборе перед всем собравшимся народом были зачитаны древние латинские и греческие привилегии, присланные папой римским и императором, в которых описывалось деление на области и земли согласно древним императорам. И королю и всему люду пришлось по нраву, что по окончании Собора над королем был произведен обряд коронования и помазания по римскому обычаю. Совершено это было Гонорием и его спутниками, и у всего народа был праздник и веселье. После этого по повелению короля были рукоположены два архиепископа: один в Салоне, другой — в Диоклее. Наряду с ними были рукоположены многие другие епископы, и церкви, пребывавшие после своего разрушения в скверне и теперь обновленные, были этими епископами освящены. Помимо этого, король издал указ, по которому никто не смел ни посягать на свободу Церкви, ни тем более судить и рядить ее дела, за исключением ее архиепископа или другого лица, которому она по праву будет подчинена. Нарушители же [этого указа] будут считаться оскорбившими королевскую корону. Затем он повелел составить привилегии согласно содержанию тех, которые были всенародно зачитаны, и разделил свое королевство на области, определив для каждой из них свои пределы. Земли, ограниченные реками, которые текут с гор и, поворачивая к югу, впадают в море, он назвал Приморьем. Другую же страну, ограниченную реками, текущими на север и впадающими в Дунай, он назвал Сербией (Surbia). Затем он разделил Приморье на две области: земли от Дувно, где тогда пребывал король и где был созван Собор, до Valdevinum (Valdevino), то есть Винодола (Vinodo), он назвал Белой Хорватией, которую именуют также Нижней Далмацией. В этой области с согласия папы и его легатов была учреждена митрополия Салонской церкви с подчинением ей церквей Сплита, Трогира, Скрадина, [S.]Arontium'a (Aronsio), называемого ныне крепостью Задар, [а также] церквей Нина, Раба, Осора, Крка и Эпидавра, называемого ныне Рагузой.

Земли же от упомянутого Дувно до города Bambalona, ныне Драч, он назвал Красной Хорватией, которую именуют также Верхней Далмацией. В ней была учреждена митрополия Диоклейской церкви, суффраганами которой были епископы Бара, Будвы, Sorbium'a (Sorbio), Posonium'a (Bosonio), Котора, Улциня, Свача, Скадара, Дривоста, Призрена (Poleto), Требинья (Trebine) и Захумья (Zaculmio). Лежащую на севере Сербию (Surbia) он разделил на две области: первую, к западу от великой реки Дрины до горы Пин, он назвал Боснией, а вторую, к востоку от упомянутой реки до Леша (Lusria) и Лабеатского болота — Рашкой. В каждой из упомянутых областей он поставил банов, или воевод, из числа своих сородичей, а также жупанов, то есть князей, и сотников, то есть центурионов. Банам от дал в подчинение семь сотников, которые должны были непосредственно чинить суд над народом и, взимая подати, доставлять их затем упомянутому бану. Одну их половину бан отдавал королю, а вторую оставлял на собственные нужды. Жупанам же он повелел иметь в подчинении одного сотника и вместе с ним чинить суд над народом по долгу справедливости. Упомянутые жупаны две трети податей должны были отдавать королю, а остальное — оставлять себе. Ни один бан не имел права вмешиваться в дела чужой области, а должен был заботиться

об области, ему вверенной; и все баны должны были держать ответ за свое управление перед одним только королем и ни перед кем другим. Помимо этого, он ввел много других хороших законов и отменных обычаев. Желающие узнать о них пусть прочтут славянскую книгу под названием «Мефодий», и из нее узнают, сколько и каких добрых установлений ввел тогда упомянутый достойнейший король.

Итак, завершив все дела, кардиналы, епископы и послы были отпущены королем и, воздав ему должную благодарность, с дарами и почестями вернулись домой. Равно с ними и баны, князья, сотники и прочие вновь поставленные чины, воздав величайшие хвалы Богу и простившись со своим королем, отбыли в назначенные им области. После этого Святополк правил еще сорок лет и четыре месяца и имел множество детей обоего пола. Наконец, 17 марта он отошел в лучший мир и был погребен в церкви Святой Марии в Диоклее. Народ, собравшийся после его смерти, горько оплакивал его кончину. Сын его Святолик был помазан и коронован в той же самой церкви, и с тех пор повелось, что выборы и помазание королей устраивались всегда в упомянутой церкви. Святолик, став королем, следовал по стопам своего отца в благочестии, придерживаясь заветов и закона Господня. Он жил со всеми в мире, имел детей и на двенадцатом году своего правления оставил этот мир. Ему наследовал его сын Владислав, который пренебрег добрым примером своего отца и, уклонившись от прямого пути и заветов Господа, запятнал себя множеством гнусных пороков. Посему по справедливому Божьему суду, отправившись однажды на охоту, он провалился в яму и нашел там немедленную смерть. Вместо него стал править его брат Томислав, который был мужем достойным. При нем венгры пришли грабить его страну. После ряда стычек, победа в которых всегда была на его стороне, он сумел, в конце концов, очистить от них все свои владения. На семнадцатом году своего правления он скончался, оставив после себя нескольких сыновей и дочерей. Посему власть перешла к его сыну Себеславу. При нем греки осадили Скадар. Получив известие об этом, он собрал большую рать и напал на греческий лагерь. [В этой битве] было убито немало греков, остальные же были взяты в плен. После этого у Себеслава родились два сына–близ- неца, названные им Разбивоем и Владимиром. Не совершив более ничего достойного упоминания, на двадцать четвертом году своего правления он скончался. После него правили его сыновья, разделив отчее королевство: Разбивою отошло Приморье, а Владимиру — Сербия. Последний, взяв в жены дочь венгерского короля, имел от нее детей. По случаю упомянутого брака между венграми и славянами был заключен мир. После смерти Разбивоя на седьмом году своего правления его надел перешел к его брату Владимиру, и королевство было вновь объединено. Затем, после двадцати лет правления, скончался и Владимир. Ему наследовал его сын Карамир. При нем восстала Белая Хорватия. Собрав против нее большую рать из рашан и боснийцев, он встретил неприятеля на Хумском поле (piano di Chelmo). В завязавшейся битве король потерпел поражение и нашел там свою смерть. После него власть принял его сын Тврдослав, который восстановил отчее королевство и с миром кончил свои дни. После него правил его сын Толимир. Благодаря его большой рассудительности, при нем управление велось так хорошо, что в стране царили всеобщее довольство и радость. Оставив после себя детей, он скончался. После него королевством управлял его сын Прибислав, который совершил немало великих злодеяний. Поэтому через некоторое время боснийские магнаты, не желая терпеть его беззаконие, восстали против него и убили, бросив его труп в реку. Это оскорбило его сына Крепемира. Сговорившись с баном Боснии, он схватил всех убийц своего отца и предал их жестокой смерти, а затем, взяв власть в свои руки, стал править королевством. При нем немцы, покорив Истрию, намеревались совершить вторжение в Хорватию. Король Крепемир, собрав против них сильную рать, вступил с ними в сражение и, разбив, изгнал из всех своих владений. Видя это, немецкий полководец отправил к королю Крепемиру послов, предлагая жить с ним впредь в доброй дружбе и женить на своей дочери его сына Святорада. Предложения Немца пришлись королю по душе (поскольку тот приходился двоюродным братом императору), и он с радостью на них согласился. Так между ними был заключен мир. После двадцати лет и одного месяца правления Крепемир скончался. Ему наследовал его сын Святорад, который был мужем кротким, благочестивым и богобоязненным. Оставив после себя сына по имени

Радослав, он почил с миром. Став королем, Радослав прилагал все силы, чтобы следовать в своей жизни и поступках благочестивому примеру своего отца. У него родился сын, названный Чаславом. Возмужав, тот стал проявлять неповиновение своему отцу. Тем временем вновь восстала Белая Хорватия. Король, собрав в связи с этим большое войско, одну его часть вверил своему сыну, а другую возглавил сам. Окружив восставших со всех сторон, они одолели их. Те, кто был пленен королем, были отпущены на свободу; те же, кто попал в плен к его сыну, были отданы в рабство воинам Часлава. Воины его отца Радослава, видя это, возмутились и, покинув его, всем скопом перешли в войско Часлава. Это разожгло в Чаславе гордыню, и он по сговору со своими воинами отнял власть у отца и принялся повсюду его преследовать. Король, скрываясь от своего неистового сына, нашел убежище в селении под названием Ласта (Lasta), однако, не чувствуя себя в безопасности от происков сына и там, с небольшим числом своих приближенных спустился к морскому побережью. Часлав, узнав об этом, устремился за ним в погоню и едва не настиг со своими всадниками: король, бросившись со всеми своими людьми в море и достигнув вплавь небольшой скалы, возвышавшейся недалеко от берега, сумел ускользнуть из рук своего сына. В то время по воле Бога, который в целом проявлял благосклонность к этому королю, случилось проплывать мимо баркасу, шедшему из Апулии. Увидев его, король и все бывшие с ним принялись кричать и звать моряков, которые, оробев от неожиданности, приблизились к упомянутому месту. Узнав, что перед ними король и по какой причине он там находится, они прониклись к нему искренним состраданием и, приняв с великим почтением, отвезли в Сипонт, откуда он позднее перебрался в Рим. С тех пор та скала, или утес, получила название «Радославовы камни» (Chami di Radoslau).

Часлав же, изгнав упомянутым образом отца, стал править королевством.

В его время жил в Сраге (Sraga) юноша по имени Тихомил, поповский сын из селения Рабика, который работал пастухом у одного магната по имени Будислав. Этот Тихомил был крепкого телосложения и превосходил всех в беге, поэтому хозяин всегда брал его с собой на охоту. Однажды во время охоты он нечаянно задел палкой, с которой всегда ходил, хозяйскую суку по кличке Палуша (Paluscia). От этого удара та околела. Перепугавшись (поскольку упомянутая сука была очень дорога его хозяину), Тихомил сбежал от него и, придя к королю Чаславу, был им радушно принят. Во время правления Часлава венгерский полководец Кис (Chys) с могучей ратью вторгся в Боснию, грабя и предавая огню и мечу владения Часлава. Тот со своей ратью встретил неприятеля в Дринской жупании близ реки. В произошедшей там битве упомянутый Тихомил своей рукой убил венгерского полководца Киса и, отрубив ему голову, поднес ее своему королю. В этой битве пало немало венгров. За эту победу Часлав даровал Тихомилу Дрин- скую жупанию и женил на дочери бана Рашки. Когда весть об упомянутой битве достигла Венгрии, жена Киса, узнав о гибели мужа, предстала перед венгерским королем, моля помочь ей отомстить за смерть своего супруга. Получив от короля большое войско, она вторглась во владения Часлава и, обнаружив его в одной роще с малочисленной свитой (поскольку он ни о чем подобном не подозревал), напала на него и, схватив, повелела сначала отрезать ему нос и уши, а затем утопить в реке со всей его свитой. Так собственной гибелью и падением своего дома он поплатился за прегрешение, совершенное им против своего отца.

Таким образом, после гибели Часлава страна осталась без короля. Баны, однако, продолжали управлять областями, пожалованными им королем, но никто из них не осмеливался присвоить себе королевский титул. Тихомил после смерти своего тестя правил Рашкой, но и он не осмеливался величать себя королем, именуясь жупаном, или великим князем, поскольку стоял над всеми остальными князьями Рашки. Так королевство Часлава в течение длительного времени управлялось банами и князьями. Весть об этом, в конце концов, дошла и до его отца Радослава, нашедшего убежище в Риме. По настоятельным просьбам тех, кто был с ним, он взял в жены одну знатную римлянку, которая родила ему сына по имени Петрислав, и глубоким старцем покинул этот мир. Петрислав также женился на молодой римлянке из знатного рода и имел от нее сына по имени Павлимир. Прожив многие годы у своих римских

родственников, скончался и Петрислав. После его смерти между родственниками Радослава и другими римлянами разгорелась великая распря, сопровождавшаяся ежедневными жестокими стычками. Возмужавший к тому времени Павлимир проявил во время упомянутой смуты недюжинную доблесть и своей решительностью и благоразумием заслужил любовь не только своих родственников, но и остальных римлян, получив за свою доблесть прозвище Бело (Bello). Тем временем из Сицилии вышел огромный флот сарацин, которые опустошили всю Далмацию. По–гречески упомянутый флот именовался «мириармен», то есть «десять тысяч парусов», и им были разрушены все приморские города. Латиняне же бежали в горы. Когда сарацины убрались восвояси, латиняне хотели вернуться в свои города, но были схвачены славянами и обращены в рабов. С течением времени многие из них были отпущены на свободу, но с обязательством выплачивать подать и исполнять необходимую службу. Так стали восстанавливаться города, разрушенные сарацинами.

В это самое время родственники жены Павлимира, истощенные ежедневными нападками своих недругов, стали упрашивать Бело покинуть Рим, обещая с радостью последовать за ним со своими женами, детьми и всем скарбом, куда бы он их не повел. Бело согласился и переправил их из Апу- лии в Далмацию в город Груж (Grauosa). Помимо жен и детей его родственников, вместе с Павлимиром прибыл туда и отряд из пятисот рыцарей. Узнав о его прибытии, славяне немедля отправили к нему посольство, прося прийти к ним и принять принадлежавшую ему по праву власть над королевством. Павлимир принял их предложение и, сойдя на берег, принялся возводить на близлежащих кручах цитадель, чтобы иметь надежное укрытие на случай возможного возвращения назад. Когда весть об этом дошла до тех, кто спасся во время разрушения Эпидавра и жил в лесах и других неприступных от природы местах, то они стали приходить к нему и помогать в постройке твердыни, которую от слова «лавы», означавшем на их языке «скалы», назвали Лаусий (Lausio). Позднее «Л» перешло в «Р», и крепость стала называться Рагузой (Rausa), хотя иногда эту цитадель, или крепость, называли и Дубровником (Dubrovnik) в память о лесах, из которых пришли строители, поскольку «дубрава» по–славянски означает «лес». Не ограничившись одним упомянутым посольством, со всего королевства стало стекаться множество народа, чтобы увидеть его, и главным образом жители округи Требинье. Павлимир же, отстроив крепость, оставил в ней сильный гарнизон и уцелевших жителей Эпидавра и отправился в путь. Сначала он прибыл в Требинье, где был принят с большим почетом, и оставался там в течение некоторого времени. Вскоре к нему прибыли все правители и магнаты его королевства, за исключением жупана Рашки, который вел свой род от Тихомила. Павлимир был избран королем и коронован в праздник Вознесения Господня. Несмотря на удивительное единодушие правителей при провозглашении его королем, которое немало ему польстило, [поступок] жупана Рашки сильно разгневал Павлимира. Посему он решил пойти на него войной и, собрав рать, напал на его владения. Лютомир (так звали упомянутого жупана Рашки) с большим войском выступил ему навстречу. В битве на реке Лима войско жупана, не выдержав напора рыцарей Павлимира, дрогнуло и обратилось в бегство. Павлимир, преследуя бегущих до реки под названием Ибар, одних перебил, других взял в плен. Сам же жупан был заколот на мосту через упомянутую реку одним из своих воинов, желавшим заслужить расположение Павлимира, и сброшен в реку. Павлимир же, одержав упомянутую победу, овладел королевством своих предков, и при нем страна жила в мире. В память об одержанной победе он воздвиг в Рашке близ Калданы церковь Святого Петра, а рядом с ней на холме основал город, названный им по своему прозвищу Бело, и поставил в нем епископа, которого этот город имеет до сегодняшне — го дня. Затем он стал объезжать все области своего королевства. Когда он прибыл в Срем, то местные жители, заключив союз с венграми, выступили против него с большим войском. Павлимир, вступив в сражение с упомянутым войском, наголову его разбил и уничтожил. С той поры место, где произошло сражение, в память об одержанной там победе получило название Белино Поле (Campo Bellino). Прочие венгры, опасаясь, что Павлимир в отмщение за нанесенную обиду станет разорять их земли, отправили к нему посольство с просьбой о мире. После долгих переговоров они добились заключения мира, но при условии,

что границей областей и земель, которыми владеет каждый из народов, будет река Сава, которую ни венграм, ни славянам впредь не дозволялось переходить. Оттуда Павлимир отправился в Приморье. Находясь в Требиньи, он внезапно скончался и был там под плач и рыдания всего народа с великими почестями похоронен в церкви Святого Михаила Архангела. Жена его на седьмой день после его смерти разрешилась от бремени сыном, которому дано было имя Тешимир (Tiescimir). Все правители королевства отказали ему по малолетству в подчинении, причем первыми сделали это потомки Тихомила, жившие в Рашке. Только требиня- не и лавсии сохранили верность своему королю, поскольку в Требинье (Trebine) и Лавсии (Lausio) жила родня по мужской линии матери Тешими- ра. Мать ребенка, видя упомянутое всеобщее неподчинение, по достижении им зрелости добилась для него руки одной из дочерей бана Белой Хорватии Чудомира (Cidomir). Он нее Тешимир имел от нее двух сыновей: Предими- ра (Predemir) и Крешимира (Crescimir). Когда сыновья возмужали, их отец Тешимир послал Крешимира к своему тестю бану Белой Хорватии, прося его напасть со своим войском на бана Боснии, а сам со вторым сыном повел рать в Превалитану. Ему навстречу выступил бан упомянутой области. В произошедшей битве бан был убит, но и Тешимир, получив несколько ран, вскоре от них скончался. Благодаря этой победе его сын Предимир (Prelemir) вернул себе престол всей Белой Хорватии, был коронован и стал править королевством своих предков. Брат его Крешимир вместе со своим дядей по материнской линии разорил Ускоплье, Луку и Преву. Бан Боснии, не располагая силами, чтобы оказать им отпор, не стал дожидаться их прихода и бежал в Венгрию. Посему Крешимир беспрепятственно овладел Боснией. Вскоре после этого скончался его дед по материнской линии, не оставив после себя сыновей, и Крешимир вступил во владение Белой Хорватией.

Почти в то же время ушел в мир иной болгарский государь Петр, престол которого находился в Преславе. Константинопольский император, пользуясь этим обстоятельством для захвата болгарского царства, собрал большое войско и покорил почти все упомянутое царство, после чего, оставив там войско, вернулся в Константинополь. Упомянутое войско, не будучи в состоянии пребывать в покое, вторглось в Рашку и захватило ее. Бан Рашки, лишившись своей вотчины, бежал со своими сыновьями Пиней (Pigna) и Радиградом и дочерью Прехвалой в Оногошт к королю Преди- миру и нашел его в Оногоштской жупании. Прекрасная дочь бана пленила сердце короля, и он через своих слуг велел передать ее отцу, что, если тот соизволит отдать ее ему в жены, то он постарается отвоевать Рашку, которую после этого передаст ему и его потомкам в наследственное владение, при условии, однако, что они добровольно признают власть короля над Рашкой и присягнут ему в верности. Бан несказанно обрадовался этому предложению и сразу же дал свое согласие. Король, получив руку его дочери, отпраздновал пышную свадьбу, а своего шурина Радиграда сделал князем Оногошта. Когда же вскоре после этого скончался константинопольский император, то Предимир со своим тестем баном подали знак рашанам, чтобы те без всякого снисхождения изгоняли и избивали всех живших у них греков. Посему в один из дней все греки были перебиты рашанами. Предимир, вступив в Рашку со своим тестем, отдал ее во владение ему и его потомкам, оставив за собой только королевскую власть над ней. После этого у Предимира от его жены Прехвалы родилось четыре сына: Хвалимир, Болеслав, Драгислав и Свевлад. Отец их, желая, чтобы сыновья жили в мире и дружбе, еще при своей жизни назначил каждому свой удел королевства: Хвалимиру он дал Зету (Zenta) со всеми ее княжествами (Contadi), а именно Лушским (Lusca), Подлужским (Podlugia), Горским (Gorska), Купелницким (Cepelnia), Обликским (Obliqua), Прапратненским (Prapratnas), Црмницким (Cemerniza), Будовским (Budua) вместе с Цуцево (Cucieva) и Грбали (Gripuli). Болеславу он назначил Требинье (Trebine) с княжествами Любомирским (Gliubomir), Фатницким (Vetniza), Рудинским (Rudine), Крушевицким (Crusceuiza), Врмским (Vrmo), Ри- занским (Risano), Драчевицким (Draceuiza), Конавлянским (Canale) и Жрновицким (Gernouniza). Драгиславу он дал Хумскую землю (Chernania) с жупаниями Стонской (Stantania), Поповской (Papaua), Ябской (Iambsco), Лукской (Luca), Великогорской (Velicagor), Имотской (Imota), Вечерич- ской (Vecerigorie), Дубравской (Dubraua) и Дабарской (Debra). Свевладу же он дал

область, которую латиняне именуют Sottomontana, а славяне — Подгорье (Podgorie), с жупаниями Оногоштской (Onogoste), Морачской (Morauia), Комарницкой (Comerniza), Пивской (Piua), Гацкой (Gaza), Невесиньской (Netussigne), Вишевской (Guijsceuo), Комской (Cora), Ид- барской (Debrecia), Нерентвлянской (Nerenta) и Рамской (Rama).

Упомянутые уделы своих сыновей он назвал тетрархиями, то есть четвертями королевства. После этого Предимир прожил еще много лет и переселился в лучший мир, успев увидеть внуков. Сыновья похоронили его с великими почестями в церкви Св. Петра в Рашке.

У его брата Крешимира родился сын, названный Стефаном, который после смерти отца стал править Боснией и Белой Хорватией. Это же делали и его потомки. У упомянутого Стефана от одной наложницы родился сын, хромой на обе ноги, который был назван Аегетом (Leget). После смерти своего отца он был отвезен к своему двоюродному брату Болеславу в Требинье. Живя у него, он влюбился в девушку по имени Ловица (Louiza), которую Болеслав дал ему в услужение. Женившись на ней, он имел от нее семь сыновей. Возмужав, они сделались отважными воинами. Сыновья же Предимира стали жестоко притеснять своих подданных, которые отвечали им лютой ненавистью. Посему они обратились к сыновьям Легета и их отцу с просьбой изгнать сыновей Предимира и взять власть в свои руки. Сыновья Легета, посоветовавшись с отцом и вельможами (principali) королевства, восстали против потомков Предимира и, возмутив весь народ, истребили всех его потомков, кроме одного Сильвестра, едва успевшего найти убежище со своей матерью в Лавсии, откуда она была родом. Сыновья Легета, совершив упомянутое избиение, стали править землями своих сородичей. Их отец построил себе в Которской бухте крепость в селении под названием Траект (Traietto) и сделал ее своей резиденцией. Однако всемогущий Господь, которому отнюдь не по нраву подобные злодеяния, вскоре поразил Легета и его сыновей, и всех унесла чума и другие болезни. Видя это, народ, побудивший их совершить упомянутые злодеяния, пришел в смятение и стал опасаться, что гнев Господень не минует и его. Посему по общему совету было решено призвать в короли Сильвестра, единственного (как было сказано выше) из оставшихся в живых потомков Предимира, который нашел убежище в Лавсии. Так Сильвестр, покинув Лавсий, стал править отчим королевством, и на его веку все дела шли ладно. Будучи богобоязненным, он вершил над всеми суд по долгу справедливости. Оставив после себя сына по имени Тугемир, он скончался. Тугемир, наследовав отцу в управлении королевством, женился и имел единственного сына по имени Хвалимир. Ничего другого достойного упоминания за свою жизнь он не совершил. При Тугемире царем Болгарии стал некий Самуил, который, сражаясь с угнетавшими Болгарию греками, в конце концов, изгнал их из страны, внушив такой страх, что ни разу на его веку греки не осмелились приблизиться к пределам Болгарии. После смерти Тугемира власть перешла к его сыну Хвалимиру. Женившись, он имел трех сыновей: Петрисла- ва, Драгимира и Мирослава. Петриславу он дал в управление Зету, Драги- миру — Требинье и Хум (Chleuna), а Мирославу — Подгорье (Podgorie). Дожив до преклонных лет, он скончался. Через некоторое время Мирослав, отправившись навестить своего брата Петрислава, был застигнут бурей посреди озера (Balta) и погиб вместе со всей свитой, не оставив после себя сыновей. Поэтому его земли отошли к Петриславу. Последний, имея единственного сына по имени Владимир, скончался и был погребен в церкви Святой Марии в Крайние (Gazeni). Владимир, приняв на себя управление королевством в юных летах, по мере возмужания, помимо телесной красоты, которой наградил его Пресвятой Господь, умножал свою мудрость и благочестие. При нем вышеупомянутый болгарский царь Самуил с сильным войском вторгся в Далмацию и принялся опустошать владения короля Владимира. Последний, не желая по своей доброте и простодушию подвергать опасности жизнь своих подданных, не стал вступать в войну и предпринимать ответные действия, но, поднявшись на очень высокую гору под названием Облик (Obliquo), стал жить там со своими людьми. Болгарин, видя, что не может причинить королю Владимиру никакого вреда, пока тот там находится, оставил часть своего войска у подножия упомянутой горы, и сам повел остальных на захват

Улциня (Olchinio). В те времена на горе, где пребывал со своими людьми Владимир, водилось немало ядовитых змей, от укусов которых гибли и люди, и скот. Владимир, видя беды, которые терпели от упомянутых тварей его люди, обратился к Господу с благоговейной просьбой освободить их от этой напасти. Господь внял его словам, и с тех пор не только никто из его людей не был укушен змеей, но и до сего дня змеи и другие ядовитые твари тех мест безвредны для людей. Самуил, видя (как было сказано), что захватить короля Владимира с помощью силы нет никакой возможности, попытался через послов уговорить его спуститься с горы, обещая не причинять никакого вреда. Владимир ответил отказом. Тогда один из его [Владимира] жупанов вступил в тайные сношения с Самуилом и обещал за хорошее вознаграждение от Болгарина предать ему Владимира со всеми его людьми. Самуил обещал золотые горы, и тогда упомянутый жупан принялся уговаривать короля Владимира сдаться Болгарину, уверяя, что тот не должен причинить ему никакого зла; более того, даже если Болгарин и обойдется плохо с ним лично, то [его подданным] не будет обиды. Король Владимир, страдая и печалясь в большей мере за своих подданных, чем за себя самого, поскольку (как мы сказали) был мужем святым, дал своему жупану себя убедить. Собрав сходку, он обратился к народу с такими словами: «Любезные братья мои! Наше положение вынуждает меня (по моему разумению) поступить теперь по евангельскому изречению, гласящему: «Пастырь добрый полагает душу свою за спасение овец своих». Болгарин обещает ныне отпустить вас всех без обиды, если я сойду вниз и переговорю с ним. Если же я не сделаю этого, он грозится не сойти с этого места до тех пор, пока все мы не погибнем от голода. Посему лучше мне сдаться на его милость, чем обречь вас всех на великие страдания». Произнеся эти слова, он попрощался со всеми и пошел к Самуилу, который, едва Владимир оказался у него в руках, сослал его в Охрид в место под названием Преспа (Presla), где находилась его резиденция. После этого он со всей своей ратью осадил Улцинь. Не сумев захватить его, он прошел с набегом по Далмации вплоть до Задара. В Далмации (помимо прочих бед, причиненных всей упомянутой области) им были сожжены Лавсий и Котор. Земли Боснии и Рашки также подверглись жестокому разорению. Наконец, не оставив камня на камне, он вернулся в Болгарию. Пока происходили указанные события, Владимир находился в заточении и, невзирая на дурное обращение, выносил все с великим терпением. Изнуряя свою плоть постами, он неустанно молил Господа ниспослать ему помощь и свою божественную благодать. И вот в одну из ночей Владимиру явился во сне ангел Господень, который ободрил его и объявил обо всем, что должно с ним произойти: что Господь освободит его из этой темницы, а затем через мученический венец сделает насельником Царства Небесного. Тогда блаженный Владимир, укрепленный этим видением, стал с еще большим усердием предаваться молитвам и прочим умерщвлениям плоти.

Однажды случилось так, что Косара, дочь упомянутого Самуила, пришла к отцу и попросила у него позволения посетить заключенных и из любви к Богу омыть их. Легко получив согласие отца, она отправилась в темницу, и среди тех, кого она омыла, оказался и король Владимир. Сраженная его миловидностью, а более всего скромностью, рассудительностью и нежностью речей, Косара вернулась к отцу и, бросившись перед ним на колени, стала умолять его освободить Владимира из темницы и дать ей в мужья. Отец, рассудив, что Владимир происходит из древнего королевского рода и наделен всеми манерами и качествами, приличествующими мужам подобного звания, охотно согласился исполнить просьбу своей дочери. Освободив Владимира из темницы, он одел его в царское платье и, женив на упомянутой дочери, устроил царский пир, на котором присутствовали все магнаты его царства. Наконец, он вернул Владимиру королевство его отца, присовокупив к нему Драч со всей его территорией. Не ограничившись этим, он и Драгимиру, дяде упомянутого Владимира, вернул Требинье и все то, что прежде у него отнял. Владимир, введя в дом жену, стал жить с ней с большим благочестием и править своим королевством при полном довольстве всего народа.

Вскоре Самуил Болгарин скончался, и ему наследовал его сын Радо- мир. В результате непрерывных

войн с греками он захватил все их владения вплоть до Константинополя. Тогда император Василий, опасаясь лишиться всей империи, отправил тайного посланца к двоюродному брату Радомира Владиславу, увещевая последнего отомстить за смерть своего отца, убитого вместе с другим своим братом Самуилом, и обещая пожаловать ему за это все области, которыми когда-либо владел Радомир. Владислав, соблазненный посулами императора, не стал долго ждать и однажды во время охоты убил Радомира. Понимая, однако, что не сможет спокойно владеть своим королевством, пока жив зять Радомира Владимир, он стал под предлогом дружбы зазывать его к себе. Косара, жена Владимира, узнав об этом и опасаясь, что ее мужа может постигнуть участь ее брата Радомира, удержала его дома и отправилась к Владиславу сама, надеясь выведать его намерения. Владислав, выйдя с большой свитой навстречу, принял ее со всеми почестями. Затем он вновь послал своих людей, дав им золотой крест и присягнув на нем в том, что не только не причинит Владимиру никакого зла, но сделает много доброго, а затем с великим почетом и при полном его довольстве отпустит вместе с женой обратно. Владимир, который был мужем благочестивым и простодушным, поверил его словам и согласился приехать, при условии, однако, что вместо золотого креста тот пришлет ему деревянный, на котором был распят Христос. Получив такой ответ, Владислав немедленно отправил к нему двух епископов и отшельника с деревянным крестом, о котором тот просил; наказав им передать Владимиру, присягнув на кресте, что он не причинит ему никакого вреда. Епископы и отшельник, прибыв к Владимиру, исполнили свое поручение, и он с небольшой свитой отправился в путь. И хотя Владислав устроил ему на дороге засаду, полагая таким способом избавиться от принесенной клятвы, Владимир избежал смерти — всемогущий Господь не позволил осуществиться замыслу Владислава, и те, кто были им посланы, чтобы предать смерти Владимира, увидали его в окружении множества ратников, и каждый из них был крылат и вооружен копьем. Признав в них ангелов Божьих, все они разбежались. Так Владимир благополучно добрался до Преслава (Preslaua), где находился царский престол Владислава, и направился прямиком в палаты царя, который в то время собирался обедать. Царь был крайне раздосадован его появлением, так как намеревался покончить с Владимиром до его прибытия, дабы не сложилось мнения, что он послужил причиной его гибели. Однако, замыслив во что бы то ни стало лишить его жизни, он тут же приказал отрубить ему голову. Владимир, услышав это, оборотился к епископам и сказал: «Добрые люди! За что вы предали меня? Что понудило вас присягать на кресте Господнем, который вы принесли с собой, что мне не причинят никакого вреда? Может ли Бог попустить подобное злодейство?» Не смея от стыда ничего ему ответить, стояли они безмолвные и подавленные, опустив очи долу. Перед казнью Владимир пожелал причаститься Пресвятого Тела Христова. Смиренно причастившись, он поцеловал крест и произнес: «Сей достопочтенный крест да будет мне свидетелем вместе со всеми вами в День Господень, что умираю я без вины». Сказав это, он вышел из церкви и отдал себя в руки тех, которые должны были его казнить. Так, в 22–й день месяца мая он был принародно обезглавлен перед упомянутой церковью. Епископы, забрав тело, погребли его в церкви, и на его могиле немало слабых и больных обрели исцеление. Этим посмертным даром Бог желал показать, что он ушел из жизни невинным и воистину принял мученический венец. Видевшего это Владислава охватил великий страх. Посему он позволил его жене, денно и нощно оплакивавшей своего мужа, забрать его останки и похоронить там, где она пожелает. Та перенесла их в Крайину (Creani), где прежде находилась его королевская резиденция, и предала погребению в церкви Святой Марии. Там его мощи по сию пору пребывают в целости, источая нежное благоухание, в руках же он держит тот самый крест, который ему был прислан болгарским царем. Каждый год в день его праздника туда стекается множество народа, и до сего времени благодаря заступничеству блаженного Владимира в упомянутой церкви происходит множество чудес. Жена его, презрев мирскую жизнь, постриглась в монахини той же церкви и, прожив остаток своих дней в святости, там и отдала Богу душу.

Владислав же, пока мощи блаженного Владимира переносились к месту их погребения, собрав большую рать, захватил все его владения. Помимо этого, за упомянутые убийства он получил от греческого

императора обещанный ему город Драч. Однако Бог не оставил подобные злодеяния безнаказанными, и однажды, когда Владислав ужинал в Драче, пред ним предстал муж с мечом, ликом схожий с Владимиром. Охваченный ужасом, тот стал звать на помощь своих воинов, но посланный Богом ангел поразил его, и он упал замертво. Увидев это, воины его в ужасе разбежались. Так этот прескверный муж, прервавший некогда свой обед, чтобы предать смерти блаженного Владимира, сам был предан смерти за ужином рукой ангела Господня.

Посему дядя Владимира Драгимир, узнав об этом, решил вернуть себе королевство своих предков и, собрав большое войско, прибыл в Которскую бухту. Жители Котора вышли ему навстречу и, вынеся снедь, стали просить его отобедать на острове, носящем имя святого Гавриила, чтобы успеть тем временем должным образом подготовить город к достойному приему столь высокого гостя. Драгимир принял приглашение которцев и с небольшой свитой переправился на лодке на остров. Распорядившись о приготовлении трапезы, которцы (а их собралось там немало) стали вести такие речи: «Самуил и Владислав, прежние цари упомянутых областей — мертвы, и не осталось никого из рода древних королей, кроме Драгимира. Если он останется в живых и станет обращаться с нами так же, как его предки, дела наши будут плохи. Так давайте же убьем его и сбросим ярмо рабства во имя нашего счастья и [счастья] наших детей!» Сговорившись сообща об убийстве короля, они, когда пришло время обеда, с довольным видом сели вкушать пищу вместе с ним. Распалив себя с помощью вина, они всем скопом неожиданно набросились на короля, но он успел вскочить на ноги и укрыться в стоявшей поблизости церкви. Обнажив меч, он преградил нападавшим вход в упомянутую церковь. Которцы, видя, что дверной проемцеркви слишком узок, взобрались на крышу, проломили ее и, проникнув внутрь, убили короля — отражать одновременно наседавших на дверь и проникавших через крышу было выше его сил. Совершив это злодеяние, они разбежались. Войско, узнав о гибели своего короля, разбрелось по домам. Жена Драгимира, узнав о гибели мужа, решила вернуться в Рашку к своему отцу Лютомиру, великому жупану Рашки. Не застав его в живых, она отправилась со своей матерью и двумя дочерями в Боснию к своим дядьям по материнской линии. В дороге, проезжая через Дринское княжество (Contado di Drina), в селении под названием Брусна (Brusno) она разрешилась сыном и нарекла его Доброславом (Dobroslauo). В течение некоторого времени она жила с ним в Боснии, но затем, опасаясь вражеских козней, отвезла в Рагузу. Там он взял в жены внучку (nipote) прежнего болгарского царя Самуила, прекрасную девушку, и имел от нее пятерых сыновей: Михайло (Michaglia), Гойислава (Goislauo), Саганека (Sagance), Радослава (Radoslauo) и Предимира (Predemir).

Греческий император Василий, узнав о смерти болгарского царя Владислава, собрал большое войско и захватил всю Болгарию, Рашку и Боснию. Одновременно с этим он, снарядив мощный флот, покорил всю Далмацию до самых ее крайних пределов. Управлять упомянутыми областями Василий поставил чиновников из греков, от алчности которых местному населению приходилось терпеть немало горя. Доброслав, видя это, решил воспользоваться этим и вернуть себе владения своих предков. Посему он стал, с одной стороны, льстить греческим чиновникам, превознося их правление и рассудительность, с которой они вершили правосудие; с другой же — указывать народу на жестокое рабство, которое его угнетало, напоминая о неправедном суде, ежедневно чинимом греками, об обесчещенных ими женах и поруганных дочерях–девственницах. Такого, говорил он, его предки не делали никогда. Следуя такой политике в течение некоторого времени, [он добился того, что] народ стал относиться к нему с любовью, а к грекам — с ненавистью, и стал думать о том, каким образом избавиться от их тяжелого гнета. Так составился заговор, и однажды народ, восстав, перебил всех императорских чиновников и греческих вельмож, которые в ту пору находились в Далмации. Доброслав же был призван принять власть над королевством. Тот немедля прибыл со своими сыновьями, юношами, подававшими большие надежды, и взял власть в свои руки. Сражаясь с греками, он захватил все земли вплоть до Полицы (Apliza). Император, услышав об этом,

пришел в негодование и, вызвав к себе одного из своих полководцев по имени Арменопул (Armenopolo), повелел ему собрать войско и подавить [восстание] Доброслава и его сыновей. Арменопул, подготовив все необходимое для ведения войны, отбыл с войском и прибыл в Зету. Однако и Доброслав с сыновьями не бездействовал, собирая повсюду войска. Силы свои он разделил на две части: одну из них он вверил четырем своим сыновьям, приказав им двигаться на восток, дойти до места под названием Вранье (Vurania) и ожидать там исхода битвы; другую же часть оставил за собой и своим сыном Радославом. Напав на греков, он разбил их и обратил в бегство. В этой битве его сын Радослав проявил великую доблесть: в числе сраженных его рукой неприятелей оказался сам греческий полководец. Это и послужило главной причиной поражения греков. Те же, кто смогли спастись и думали, что ускользнули от неприятеля, наткнулись на сыновей Доброслава, занявших восточную сторону, и были ими почти полностью истреблены. Благодаря этой победе король не только вернул себе свои владения, но и присоединил к ним земли, отнятые у неприятеля. Сыну же Ра- дославу, проявившему в упомянутой битве доблесть истинного полководца, он дал Гацкую жупанию (Giupania di Kezka).

Греческий император, получив известие о гибели своего войска, впал в глубокое уныние. Опасаясь худшего, он отправил послов с множеством дорогих подарков к государям, правившим в Иллирике: главным образом к жупану Рашки, бану Боснии и князю Хума (signore di Chelmo). Он настоятельно призывал их пойти войной на Доброслава и постараться победить его; в противном же случае, советовал им хорошенько остерегаться гордого и надменного ума Доброслава и его сыновей. Посему жупан Рашки и бан Боснии, собрав большое войско, обратились к князю Хума Лютовиду, мужу искусному и опытному в делах войны, с просьбой, собрав свое воинство, стать во главе объединенной рати. Лютовид принял предложение и, присоединив своих воинов к остальным, составил могучую рать и разбил лагерь в Требинье. Греческий император, собрав войска больше, чем когда-либо прежде, поставил над ним наместника Драча топарха Курсилия. Тот, собрав всех годных к военной службе на равнине под Скадаром, снял лагерь и, переправившись через Дрину, стал на территории Бара. Доброслав же со своими отрядами находился в Црмнице. Зная об огромных силах своих противников, он понимал, что дело его проиграно, если, переправившись через Которскую бухту, они соединят свои войска. Посему, созвав сыновей и всех других начальников своего войска, он обратился к ним с такой речью: «Вы, мои любезные сыны, и вы, мои доблестные воины, видите, что силы наших врагов очень велики. Их натиску с такими малыми силами противостоять невозможно, если, однако, до того, как они соединятся, мы не проявим геройства. Посему, по моему разумению, следует сделать так: мои сыновья Михайло, Предимир и Саганек с одной частью имеющихся у нас сил пойдут и тайком займут горы, находящиеся в тылу у неприятеля; я же с остальными сыновьями, Гойиславом и другой частью останусь тут и посреди ночи под звуки труб, рогов и прочих военных инструментов атакую Курсилия. Как только сыновья, которые займут горы, услышат эти звуки, то пусть немедля поднимаются и, спускаясь с упомянутых гор в боевом порядке, смело атакуют врага. Если мы проявим мужество, то этой ночью с Божьей помощью победа будет за нами». Эта речь была встречена единогласным одобрением, и три вышеупомянутых сына (согласно приказу отца) заняли названные горы, ожидая сигнала к атаке на неприятеля. Тем временем один житель Бара, который с юных лет поддерживал Доброслава, не без воли Всевышнего, проявлявшего свое покровительство упомянутому королю, пришел в греческий лагерь и во всеуслышание предупредил Курсилия о грозящей ему опасности со стороны Доброслава и его сыновей, окруживших его со всех сторон. Когда стараниями упомянутого жителя Бара слух об окружении разнесся по всему лагерю, возникло немалое замешательство, посеявшее среди воинов чувство страха. Курсилий, видя это, приказал всем немедленно взять оружие и приготовиться к бою, выставив в надлежащих местах караулы. Доброслав же, выждав подходящий момент, поднял войско и, атаковав караулы греческого лагеря, частью их перебил, частью обратил в бегство, а затем под звуки труб и оглушительные крики своих воинов стремительно двинулся вперед. Услышав эти звуки, сыновья короля, занявшие горы в тылу у неприятеля, также без промедления с криком под звуки труб и других военных

инструментов ринулись вниз. Греки, слыша грохот и думая, что все сказанное упомянутым жителем Бара оказалось правдой, ничего не различая в ночной темноте, перепугались и, не дожидаясь подхода противника, обратились в бегство. Доброслав и его сыновья, увидев это, со всей стремительностью, на какую были способны, бросились вслед за ними и, перебив большую их часть, преследовали остальных до реки Дрина, захватив немало пленников. Греческий полководец Курсилий, получив ранение, едва сумел спастись бегством и, находясь на территории Скадара, скончался. Во время этого сражения случилось так, что Гойислав, преследуя врага, наткнулся в роще близ реки, протекающей по Прапратне, на собственного отца и, не признав в ночной темноте, напал на него, сбросил с коня и хотел уже лишить жизни. Тогда Доброслав завопил во весь голос: «Помилуй, Боже, помилуй, Боже!» (Pomilvi Boxe, pomilvi Boxe). Сын тут же узнал голос отца, сошел с коня и, бросившись на колени, припал к его стопам со словами: «Прости меня, отец, ведь я не признал тебя!» На что отец ответил: «Не бойся, сын, потому как милость Божья еще с нами. Ты не только не убил, но даже не ранил меня». После этого случая он нарек упомянутое место «Божьей милостью» (Boxia milost), как по причине того, что по Божьей милости избежал смерти от руки сына, так и за то, что Бог даровал ему в этом месте победу над неприятелем. Скончавшийся (как было сказано ранее) от ран Курсилий был погребен на территории Скадара, и на его гробнице был установлен крест, который до сего дня зовут «Курсилиевым крестом».

Итак, разбив и обратив в бегство описанным выше образом греков, король незамедлительно послал своего сына Гойислава против Лютовида и всех тех, кто со своими войсками находился в Требинье. Вместе с ним он отправил пятьдесят пленных греков, наказав, как только тот окажется в виду у неприятельского войска, послать упомянутых греков, перепачканных кровью, еще сочившейся из ран, в лагерь Лютовида; если же те откажутся идти, разрешил изрубить их мечами. Этим он хотел еще больше устрашить греков и иллирийских государей. Гойислав, усердно выполняя приказ отца, переправил войско через Которскую бухту и, следуя по Конавлям (Canale), поднялся на гору Клобук (Clouco) и оттуда двинулся прямиком на неприятеля. Приблизившись к нему, он отпустил закованных в кандалы греков, которые, придя в войско Лютовида и других иллирийских государей, поведали о том, что произошло с их войском. Этот рассказ поверг в ужас всех, за исключением Лютовида, который (как было сказано прежде) был мужем храбрым и опытным в делах войны. Не решаясь вступить в бой с неприятелем из-за страха, охватившего его воинство, он послал передать Гой- иславу: «Не мни, Гойислав, что твои изощренные хитрости испугали меня. Если ты муж и в груди у тебя — благородное сердце, выходи против меня на коне с двумя твоими воинами. То же сделаю и я. Выйдем на равнину и испытаем доблесть каждого из нас». Гойислав, не желая ни при каком условии оставлять этот вызов и угрозы без ответа, поступил так, как просил Люто- вид. Они сошлись в поединке, и Лютовид был ранен одним из воинов Гойис- лава по имени Удобр (Vdobre). Когда же [Удобр] сбросил его с коня, другой его соратник закричал: «Бегите, воины, соратники мои! Лютовид ранен и сброшен наземь!», но тот тем временем поймал коня и, вскочив на него, устремился в бегство. Воинство его, видя это, также обратилось в бегство. Гойислав, бросившись их преследовать, многих перебил и нескольких взял в плен, а затем, торжествуя победу, возвратился к своему войску.

После этого страна жила в мире под властью Доброслава и его сыновей. Устроив все дела своего королевства, он вспомнил о том жителе Бара, который со своей смышленостью был одной из главных причин победы, и постарался наградить его так, чтобы ни он, ни его потомки никогда не раскаялись в оказанной своему королю услуге. Эта победа вернула Добросла- ву все земли вокруг Драча и распространила пределы его владений до реки Воюши (Baiusa). Там он поставил крепость и, поручив ее охрану опытным воинам, установил [в упомянутом месте] границу своих владений. Оттуда его подданные постоянно совершали набеги на греческие владения. Доброслав, прожив после этого еще двадцать пять лет, скончался в Прапратне (Prapratna), где была его резиденция, и был с великими почестями погребен в церкви Святого Андрея в собственной часовне. Его сыновья со своей матерью, собравшись после его

смерти, поделили между собой области королевства: Гойиславу с Предимиром, младшим из сыновей, отошло Требинье и Грбали (Grispuli), Михайло — Прапратна, Црмница и Облик. Сага- неку — Горская жупания (Giupania di Gorska), Купелник (Cupreluye) и Ба- рицы (Bareci), Радославу — Лукская жупания (Giupania di Luca), Подлу- жье (Podlugie) и Цуцево (Ciceua) с Будвой (Budua). Королева–мать, пока была жива, держала своего первенца Гойислава при себе и повелевала как сыновьями, так и всем королевством. Никто из них при ее жизни не осмеливался присваивать себе королевский титул. Именовали же они себя просто «кнезови» (chnesoui), то есть князья (Conti). Через какое-то время Гойи- слав, занедужив в Требиньи, был убит в постели некими местными жителями, называемыми скробимцами (Schrobimesi), которые затем убили и его брата Предимира, избрав себе в государи одного из своих по имени Дона- нек (Donanek). Узнав об этом, Михайло, Радослав и Саганек собрали большую рать, вторглись в Требинье и, изловив убийц своих братьев, обезглавили. Однако Донанеку с небольшой свитой удалось бежать. После этого Саганек остался в Требиньи, а Радослав и Михайло вернулись в Зету. Вскоре Саганек, опасаясь заговора со стороны требинян, также вернулся к своим братьям в Зету. Это встревожило Михайло, опасавшегося, что упомянутые смуты приведут к отложению всей области. Посему он стал уговаривать своего брата Радослава отправиться в Требинье и постараться усмирить тех, кто строил новые козни, предлагая принять на себя управление упомянутой областью. Однако Радослав ни при каких условиях не соглашался (оставив собственные области) взять на себя заботу о чужих. Тогда Михайло и Саганек, опасаясь захвата упомянутых земель греками, уже не раз пытавшимися это сделать, дали ему обещание и в присутствии всех магнатов Иллирика заключили соглашение, подтвердив его впоследствии письменным договором и клятвой, что, если Радослав отправится в Требинье, то, как упомянутое Требинье, так и любая другая область, которой он овладеет, будут присоединены к доставшейся ему в удел Зете и будут признаны собственностью его и его потомков на вечные времена. В ответ на это Радослав собрал войско и, выступив с ним, восстановил власть [своего дома] в Требинье, Донанека же схватил и предал мучительной смерти. Затем, вторгшись в Хумскую область (Prouincia cTElemano), занял и ее. Примерно в то же время скончалась королева–мать, и Михайло по старшинству вступил во владение королевством. У него было семеро сыновей: Владимир, Прияслав, Сергий, Деря (Deria), Гавриил, Мирослав и Бодин. Понимая, что при разделе своего королевства между столькими сыновьями удел каждого из них будет невелик, он вопреки данной клятве отнял у своего брата Радослава его удел Зету (Contado di Zenta) и передал его своему сыну Владимиру. После смерти своей первой жены, родившей ему упомянутых сыновей, он женился на другой, приходившейся двоюродной сестрой константинопольскому императору, и имел от нее других сыновей, а именно Доброслава, Прияслава, Никифора и Федора. Из них у Доброслава, Никифора и Федора сыновей не было, а Прияслав оставил после себя единственного сына по имени Бодин, который впоследствии (о чем пойдет речь дальше) захватил все области королевства. Итак, когда у Михайло по причине многочисленного потомства возникло желание захватить чужие земли, он собрал немалую рать и послал ее с Владимиром и другими своими сыновьями на захват Рашки и Болгарии. Когда после череды войн большая часть упомянутых земель была завоевана, он дал своему сыну Прияславу Рашку, а внуку Бодину, сыну упомянутого Прияслава — Болгарию. Бодин, едва начав править, по причине одолевавшего его великого тщеславия присвоил себе титул царя. Это вызвало крайнее недовольство у константинопольского императора, и он послал большое войско, чтобы изгнать его из Болгарии. Бодин со своим войском выступил ему навстречу, но потерпел поражение в битве, попал в плен и был отправлен в Константинополь, откуда по повелению императора был сослан в Антиохию.

Все сыновья Михайло от первой жены еще при его жизни погибли — как по причине множества войн, которые он непрестанно вел, так и из-за того, что в угоду сыновьям он нарушил клятву и силой отнял у своего брата Радослава его удел Зету. После тридцати пяти лет правления он скончался и был погребен в монастыре святых мучеников Сергия и Вакха.

После него стал править его вышеупомянутый брат Радослав, имевший двенадцать детей, среди которых было восемь сыновей: Бранислав, Гра- дислав, Гойислав, Доброслав, Хвалимир, Станиня (Stanihna), Кочапар (Cocciapar) и Пицинек (Pizinek). Когда Радослав, имевший доброе сердце и питавший великую любовь к своим сородичам, узнал, что в Антиохии еще жив его внучатый племянник (nipote) сын Прияслава Бодин, то отправил несколько отважных и смышленых мужей, поручив им любой ценой вызволить его из места [заключения], где он содержался под сильной охраной. Те выполнили поручение, и Бодин был доставлен к Радославу, который вместе со своими подданными с великой радостью принял его и дал ему Грбали и Будву. Однако на шестнадцатом году правления Радослава Бодин, недовольный своим положением, вступил в тайный сговор со своей мачехой и ее сыновьями, приходившимися ему братьями по отцу, и, нарушив клятву верности, восстал против короля Радослава. Тот, будучи мужем миролюбивым, не захотел начинать с ним войну и удалился со своими детьми в Требинье, где, будучи уже в преклонных летах, окончил свои дни и был похоронен в церкви Святого Петра на [Петровом] поле. Посему Бодин, овладев престолом, вторгся с войском в Зету и стал захватывать земли своих сородичей, сыновей Радослава. Это вызвало крайнее недовольство барского архиепископа Петра. Встав между [враждующими сторонами] со всем клиром и народом, он добился заключения мира, который был скреплен взаимной клятвой жить впредь в мире и дружбе. После этого у Брани- слава родилось шестеро сыновей: Прединя (Predihna), Петрислав, Драги — ня (Draghihna), Тврдислав (Tuardislauo), Драгило (Draghillo) и Грубеша (Grubessa). У Бодина же родилось только четверо: Михайло (Michala), Джурадж (Giorgi), Архириц (Archirizzo) и Фома (Tommaso). Этих сыновей родила ему Яквинта, дочь Архирица, из города Бари (Ban). Несмотря на то, что распри между Бодином и его сородичами были улажены упомянутым образом, такой мир Бодина не удовлетворил, и он повел свое войско в Рашку. Захватив последнюю, он разделил ее на две жупании, одну из них дал Белкану, а другую — Марку, своим придворным, которых заставил присягнуть на верность своему королю и его потомкам. На обратном пути он подчинил себе Боснию и поставил управлять ею князя Стефана. Вскоре после этого, узнав о смерти франка Робера Гвискара (Roberto Guiscardo Francese), захватившего ранее Драч, он отвоевал этот город со всей его территорией, но впоследствии, заключив мир с константинопольским императором, возвратил его [императору].

Яквинта, жена Бодина, видя, что сыновья Бранислава растут и их становится все больше, стала опасаться, что после смерти ее мужа они непременно отнимут королевство у ее сыновей, как [в свое время] с ними поступил Бодин, и стала искать случая как-нибудь их извести. И вот, когда как- то раз Бранислав со своим братом Градиславом и сыном Прединей прибыли в Скадар навестить короля Бодина, королева Яквинта стала убеждать своего мужа не отпускать их и заключить под стражу, чтобы после его смерти власть наверняка перешла к его детям. Если же не сделает того, о чем она просит, то, по ее словам, после его кончины сыновья не только потеряют королевство, но либо примут насильственную смерть, либо будут влачить жалкую жизнь. Под воздействием слов жены Бодин, нарушив клятву, отдал приказ схватить их и бросить в темницу. Узнав об этом, сыновья, братья и племянники Бранислава бежали в Рагузу в сопровождении четырехсот своих самых отважных воинов. Бодин, получив весть об этом, собрал войско и подступил к Рагузе. Видя, что рагузинцы по причине присутствия упомянутых воинов не могут выдать ему его сородичей, он принялся разными способами с помощью различных осадных орудий вести с ними войну. В ответ сыновья Бранислава со своими дядьями и прочими родственниками стали ежедневно совершать вылазки из Рагузы, нанося большой урон войску Бодина. Однажды в одном из таких побоищ Кочапаром был убит Ко- сар (Cossaro), один из ближайших родственников королевы Яквинты. Та, нежно любившая покойного, была безмерно удручена его смертью. С распущенными волосами, плача и раздирая себе лицо, она стала говорить своему мужу Бодину: «Ах, я несчастная! Чего же мне с моими и твоим сыновьям ждать от этих твоих родственников после твоей смерти, если сейчас, пока ты жив, они, ни в грош нас не ставя, убивают самых дорогих нам людей?» И стала уговаривать его, если нет возможности предпринять ничего другого, то, по крайней мере, отомстить им, предав смерти Бранислава и всех

остальных заключенных в темницу. Эти слова и плач жены привели Бодина в такую ярость, что он протянул своим слугам меч, который носил на боку, и приказал им обезглавить Бранислава и остальных. Упомянутые слуги успели выполнить приказ прежде, чем короля настигло раскаяние, к тому же их торопил некий рагузинец, который был изгнан из Рагузы своими врагами и в ту пору находился при дворе у Бодина. Обезглавлены они были перед церковью Святого Николы близ Рагузы, и их родные, находившиеся в Рагузе, видели эту казнь. Так Бодин, помимо клятвопреступления, запятнал себя и убийством родных. Епископы и другие лица, пришедшие к королю, чтобы просить его не проливать кровь своих сородичей и выполнить то, к чему его обязывала клятва, увидев, что те уже мертвы, стали жестоко упрекать его за совершенную по наущению жены непоправимую ошибку. Король, тут же раскаявшись, залился слезами и передал тела казненных епископам, чтобы те с наивысшими почестями похоронили их на острове Локрум (Lacroma), что ими и было исполнено. Родственники Бодина, находившиеся в Рагузе, узнав, что некоторые рагузинцы вступили в тайные сношения с королем, намереваясь сдать ему город (по причине того, что война тянулась уже седьмой год), сели на корабли, которые на всякий случай держали там наготове, и отплыли в направлении Сплита, а затем оттуда переправились в Апулию. Найдя там попутный корабль, они отбыли на нем в Константинополь к греческому императору.

Бодин же, понимая, что Рагузу ему не взять, возвел против него крепость и, оставив в ней гарнизон, вернулся в Скадар. Примерно на двадцать шестом году своего правления он скончался и был похоронен в монастыре Святых Сергия и Вакха. Его первенец Михайло хотел наследовать его власть, но за великие злодеяния его матери Яквинты был отвергнут народом, который избрал своим королем его дядю Доброслава. Тот стал дурно и очень сурово обращаться со своими подданными, и они через тайные послания стали сноситься с родственниками Доброслава, которые, как было сказано выше, нашли убежище в Константинополе, обещая, в случае возвращения, передать им власть. Получив разрешение от императора, те прибыли в Драч. Гойислав, женившись, остался там со своими племянниками, а Кочапар, отправившись в Рашку, завязал дружбу с князем Белканом и, собрав там войско, пошел на Доброслава, который со своей ратью выступил ему навстречу. В сражении на реке Морача на территории Диоклеи войско Доброслава было разбито, а сам он попал в плен. Отослав его в кандалах в Рашку, они захватили Зету и опустошили большую часть Далмации. После этого Кочапар остался в Зете, а Белкан вернулся в Рашку. Через некоторое время между Белканом и Кочапаром возникла скрытая неприязнь, и Белкан со своими рашанами стал искать случая погубить Ко- чапара. Тот, догадавшись об этом, укрылся в Боснии. Женившись там на дочери бана Боснии, он вскоре после этого погиб в стычке в Хуме. Народ Иллирика, привыкший жить под королевской властью, избрал своим королем Владимира, рожденного от Владимира, сына Михайло, который (как было сказано выше) стал править после своего отца Доброслава I. Владимир, имевший весьма миролюбивый нрав, собрал вокруг себя всех своих сородичей, к которым питал великую любовь. Он взял в жены дочь князя Рашки Белкана, и в течение пятнадцати лет страна пребывала в покое. Белкан, желая доставить удовольствие своему зятю Владимиру, освободил из темницы короля Доброслава. Упомянутый Доброслав, едва представ перед Владимиром, был по его приказу заточен в темницу и находился там в течение всего времени его правления. На пятнадцатом году правления Владимира вдова Бодина Яквинта, вступив в сговор с некими злодеями, недругами Белкана, приказала приготовить в Которе отравленное зелье. Упомянутые недруги Белкана доставили его и через слуг, которых им удалось подкупить, опоили им Владимира. Едва отведав этого зелья, Владимир занемог. Королева Яквинта, зная, что от этой немочи ему не исцелиться, под предлогом его посещения прибыла в Скадар со своим сыном Джураджем (Giorgi). Владимир, едва увидев ее, пришел в неописуемое волнение и запретил ей впредь являться ему на глаза. Выйдя из его покоев, Яквинта принялась причитать, чтобы ее услышали все присутствующие: «Какое зло причинила я Владимиру, что он так со мной обращается? Как не поймет он, что единственный виновник его смерти — Доброслав, которого он держит в темнице?» Нечестивая говорила это для того, чтобы побудить Владимира обезглавить Доброслава, так как опасалась, что после

смерти Владимира тот получит власть. Тотчас покинув Скадар, она отправилась в Горицу (Gorizza) и стала дожидаться там кончины короля, сносясь тем временем через тайные послания с упомянутыми слугами Владимира и суля им золотые горы, если после смерти короля Владимира они сумеют предать смерти и Доброслава. И это было ими отчасти исполнено: как только король скончался и был погребен в монастыре Святых Сергия и Вакха, они вывели Доброслава из темницы, выкололи ему глаза и, отрезав детородный член, отпустили на все четыре стороны. Остаток своих дней Доброслав провел среди монахов упомянутого монастыря. Королем же после смерти Владимира стал Джу- радж, сын Яквинты. На втором году своего правления он задумал тайно схватить сыновей Бранислава, но его намерение не осуществилось, так как те, узнав о его кознях, бежали в Драч к своему дяде Гойиславу, за исключением одного Грубеши, который был схвачен и брошен в темницу.

В это время константинопольский император послал в Албанию с большим войском своего полководца Калоиоанна Комнина (Caloioanne Cumano). Тот, соединив свое войско с войском Гойислава и его племянников, пошел на короля Джураджа, который также не терял времени даром, набирая в свое войско всех, кого мог. В сражении с греками и Гойиславом Джурадж был разбит, многие из его воинов были убиты или взяты в плен, сам же он, едва сумев бежать, нашел убежище в Облике. Посему Калоиоанн повел свое войско на Скадар. Захватив город, он освободил из темницы Грубешу, который по повелению императора и с согласия всего народа был объявлен королем. Сделав это, Калоиоанн оставил ему часть войска и вернулся в Драч.

Когда власть перешла к Грубеше, король Джурадж, нашедший убежище в Облике (Oliquo), зная Грубешу как отважного воина и опытного военачальника, побоялся оставаться долее в упомянутом месте и бежал в Рашку. Мать же его Яквинта была схвачена в Которе и отправлена в Константинополь, где и окончила свои дни.

На седьмом году правления Грубеши, отличавшегося полным довольством народа и изобилием всего необходимого для пропитания, король Джурадж, собрав войско в Рашке, напал на него. В сражении войско Грубеши было разбито, а сам он, доблестно сражаясь и с честью исполнив долг военачальника, пал в бою и был похоронен в церкви Св. Георгия на территории Бара. Вернув себе трон, король Джурадж задумал заманить и предать смерти Прединю и Драгило, братьев Грубеши (которые были еще живы и из страха жили на чужбине, а их третий брат Драгиня жил в Рашке, где обзавелся женой), чтобы, как он думал, через это укрепить свою власть. С этой целью он отправил к ним послов с обещанием в случае возвращения оставить за ними их княжества и устроить все к их полному удовольствию. Для придания своим словам большей убедительности он скрепил их клятвой. Поверив его обещаниям, они явились к нему. Он тотчас наделил их княжествами и другими землями, которыми они прежде владели в Зете, и стал обходиться с ними весьма приветливо. Жена Драгини родила в Рашке трех сыновей: Радослава, Ивана (Labano) и Владимира (Gradimiro). Драгило же, вторгшись в Подгорицкую область, захватил Оногошт и многие другие княжества. Посему король Джурадж, видя немалую рассудительность, проявленную Драгило во всех его войнах, и его способность при любых обстоятельствах оставаться верным долгу военачальника, проникся к нему большим доверием. Так, следуя его совету, он собрал большую рать и отправился с ней покорять восставшую против него Рашку. Восстановив в ней свою власть, он обнаружил там Уроша, заточенного в темницу своими сородичами. Освободив [Уроша], он поставил его жупаном Рашки, а сам с большой добычей вернулся восвояси. Во время вышеуказанных событий в Рашке Градиня (Gradihna) укрывался в Хуме (Ceccomani). Однако король Джурадж, видя, что Драгило со своим братом и племянниками (nepote) становятся все взрослей и рассудительней и за свою честность и порядочность любимы народом, стал опасаться, что через какое-то время они лишат его и жизни, и власти. Посему, рассудив, он велел схватить Драгило и Михайло, сына (figlioli) короля Владимира, и бросить их в темницу. Узнав об этом, Драгиня с Првошем (Paruosc), Грубешей (Grubessa), Неманей (Neeman) и Сираком (Sirak), сыновьями упомянутого

Драгини, бежал в Драч. То же сделал и Градиня (Gradihna) со своими сыновьями. Пироге — оргий (Pirigord), полководец константинопольского императора, движимый состраданием к Драгине, собрал вместе с ним большую рать. Вторгшись во владения короля Джураджа, они покорили все земли до Вранье (Vurania) и Бара (Antivari). Когда они намеревались двинуться дальше, Пирогеор- гию пришел приказ вернуться в Константинополь. Посему Драгиня, оставив своего племянника Уроша (Vrosc) в крепости Облик, отправился проводить Пирогеоргия до Драча. Король Джурадж, разгневанный учиненным Драгиней опустошением и захватом упомянутых земель, решил отомстить и ослепил Драгило и его племянника Михайло. Не успокоившись на этом, он осадил крепость Облик, где находился Урош. Тот, отважно обороняясь, известил о происходящем своих сородичей в Драче. Последние при поддержке кира Алексея Контостефана (Chiri Alessio di Condi Stefano), прибывшего по приказу константинопольского императора в Драч на смену Пирогеоргия, собрали войско и пошли на короля Джураджа, который был столь ненавистен своим [подданным], что не нашлось никого, кто предупредил бы его об этом. В результате внезапного нападения кир Алексей и Драгиня захватили его ставку, перебив большую часть войска и обратив остальных в бегство. Король, едва успев бежать, нашел убежище в Црмни- це (Cemerniza). После этого кир Алексей вернулся в Драч.

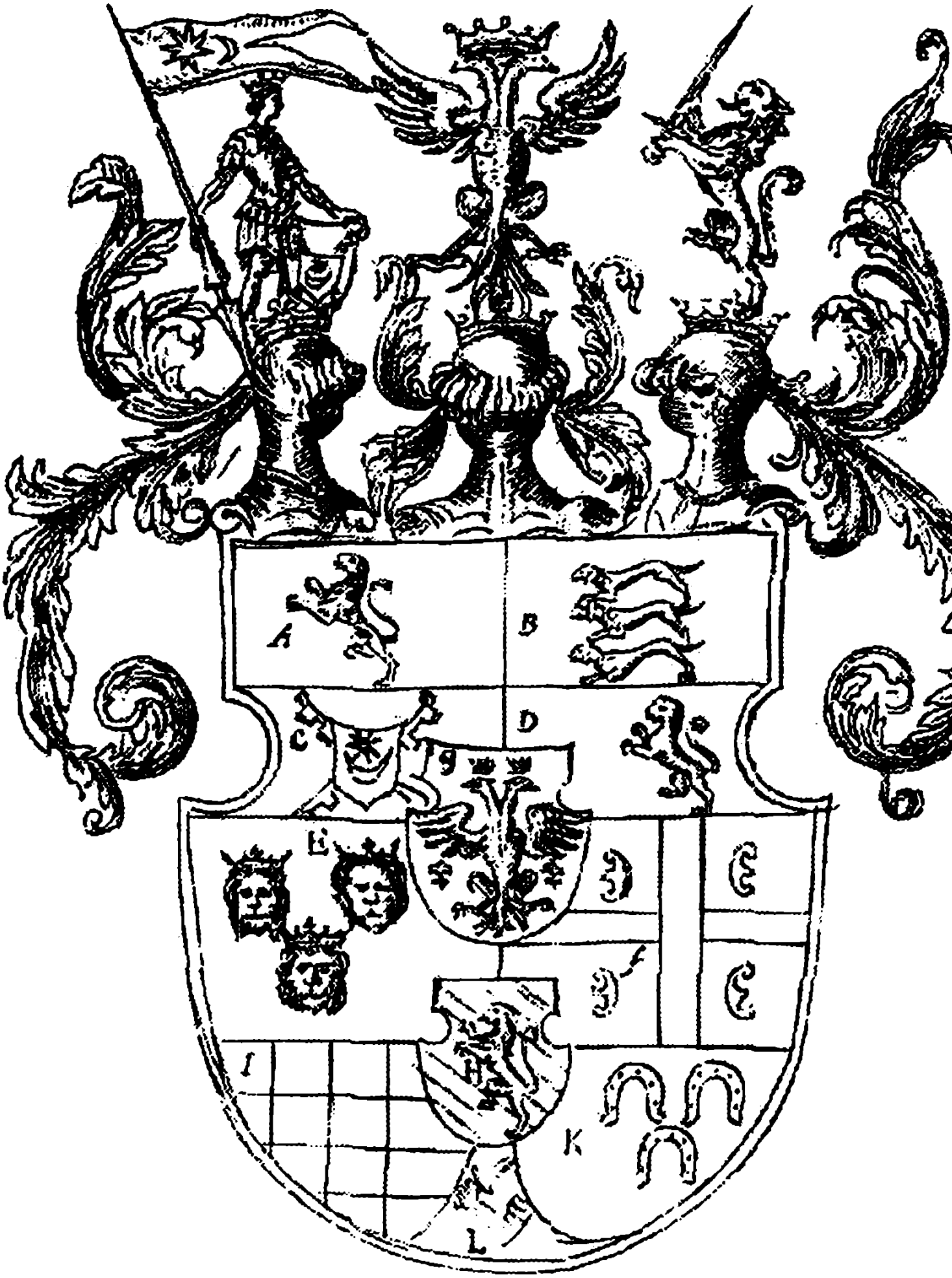
Вся страна из-за постоянных войн лежала в руинах, и народ, видя, что удача отвернулась от короля Джураджа, восстал против него и стал переходить на сторону Драгини. Первыми это сделали жители Котора (Catarini). Драгиня, видя это благоволение народа, принялся преследовать короля Джураджа. То же стали делать и рашане, так что король, скрываясь от них, вынужден был с горсткой преданных ему людей бродить по горам и лесам. Подвергаясь опасности со всех сторон и боясь в конце концов оказаться в руках у своих недругов, он укрылся в крепости Оболень (Obolen). Драгиня, узнав об этом, захватил все города вплоть до Котора, за исключением той крепости, где находился король Джурадж. Когда Градиня известил об этом кира Алексея, они, объединив войска, осадили упомянутую крепость. Подкупив несколько самых близких королю людей, они овладели крепостью и схватили короля. Кир Алексей отвез его в Драч, а затем оттуда отправил в Константинополь, где тот и окончил свои дни. При единодушном согласии всего народа королем был избран Драгиня, который стал править по справедливости, будучи мужем рассудительным и богобоязненным. Когда весть обо всех упомянутых событиях достигла тех, кто жил в изгнании в Апулии и других чужих краях, они вернулись на свою родину и заселили обезлюдевшую страну. За время своего правления Драгиня не раз подвергался нападкам со стороны разных злодеев, но Господь уберег его от их происков. После одиннадцати лет правления он скончался и был с почестями погребен в монастыре Святых Сергия и Вакха своими сыновьями Радославом (Radoslauo), Иваном (Iuanisc) и Владимиром (Vuladimiro). После смерти короля Драгини его старший сын князь (Conte) Радослав поднес великие дары константинопольскому императору Мануи- лу, который милостиво его принял и дал ему во владение все те земли, которыми когда-либо владел его отец. Вернувшись из Константинополя, Радослав стал править своими землями совместно со своими братьями Иваном (Iuanisc) и Владимиром. Через некоторое время, однако, взбунтовались некие злодеи из числа их древних недругов. Отложились от них, они привели сына Уроша Десу (Dessa) и отдали ему Зету и Требинье. У Радослава же с братьями осталось приморье с Котором вплоть до Скадара. По этой причине Радослав с братьями вели непрестанную войну с упомянутым Десой и другими своими недругами за возврат отложившихся областей и сохранение оставшихся у них владений.

ПЕРЕЧЕНЬ КОРОЛЕЙ, КОТОРЫЕ, СОГЛАСНО ПРЕДЫДУЩЕЙ ИСТОРИИ, ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО, ОДИН ЗА ДРУГИМ, ПРАВИЛИ В ДАЛМАЦИИ И ДРУГИХ ОБЛАСТЯХ ИЛЛИРИКА

ОСТРОИЛ	Правил примерно с 495 года от Рождества Христова
СВЕВЛАД СЕЛИМИР	После [смерти] этого короля до Святмира правило четыре короля–злодея, имен которых автор вышеупомянутой истории не приводит
ВЛАДАН (UVLADAN) РАДМИР	Этот король первым принял христианство примерно в 886 году. При рождении он был наречен Будимиром, а после крещения принял имя Святополк (Svetopelek), что переводится как «святое дитя». Бьондо, Сабеллико и Платина называют его Сверопил (Sueropilo)
СВЯТМИР (SVETMIR) СВЯТОПОЛК (SVETOPELEK)	
СВЯТОЛИК (SVETOLIKO)	
ВЛАДИСЛАВ	
ТОМИСЛАВ	
СЕБЕСЛАВ	
ВЛАДИМИР	
КАРАМИР	
ТВРДОСЛАВ (TVARDISLAV)	
ТОЛИМИР	
ПРИБИСЛАВ	
КРЕПЕМИР	
СВЯТОРАД (SVETORAD)	
РАДОСЛАВ	
ЧАСЛАВ	После [гибели] этого короля до Павлимира Бело было междуцарствие, то есть королевский престол оставался незанятым.
ПАВЛИМИР БЕЛО	
ТЕШИМИР (TIESCIMIR)	
ПРЕДИМИР (PRELEMIR)	
СИЛЬВЕСТР (SILIUESTRO)	В детстве воспитывался в Рагузе. Рагузинцы купили у него три острова, а именно Шипан (Giupana), Лопуд (Isola di mezzo) и Колочеп (Calamota).
ТУГЕМИР	
ХВАЛИМИР	

ПЕТРИСЛАВ	
ВЛАДИМИР	
ДРАГИМИР	
ДОБРОСЛАВ (DOBRISLAV) МИХАЙЛО (MICHAGLIA) РАДОСЛАВ II БОДИН ДОБРОСЛАВ II ВЛАДИМИР II ДЖУРАДЖ (GIORGI) ГРУБЕША (GRUBESSA) ДРАГИНЯ	
(DRAGHIHNA) РАДОСЛАВ III	Он именовал себя не королем, а князем. В 1161 году был лишен власти восставшим против него Десой, от которого (как будет видно) произошел Неманя, давший имя роду Не- маничей. Из упомянутого рода вышло немало королей и императоров, правивших Сербией и Рашкой.

ГЕРБ СТЕФАНА НЕМАНИ, КОРОЛЯ И ИМПЕРАТОРА РАШКИ


A
B
C
D
E
F
G
H
I
K
L

A Герб королевства Болгарии

B Герб королевства Славонии

C Герб королевства Боснии

D Герб королевства Македонии

E Герб королевства Далмации

F Герб королевства Сербии

G Герб рода Неманичей

H Герб рода Котроманичей

I Герб королевства Хорватии

K Герб королевства Рашки

L Герб королевства Приморья (Primordia)

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО РОДА НЕМАНИЧЕИ

поп Стефан
Любомир (Gliubimir)
Урош
Деса
Мирослав
Неманя
Константин
Андрей
Симеон
Тихомил
Влатко
Вукан
Стефан
Растко
Никола
Тольен
Храпало,
или Неманя II
Радослав
Богиша
Владислав
Стефан
Предислав
Драгутин
Милутин,
или Урош Святой
Стефан
Владислав
Урош Стефан
Константин
Примиша, или Синиша
Стефан Душан
Неда, жена
болгарского царя Мих
Дука
Стефан
Ангелина
Урош, последний король
из рода Неманичей

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВЫШЕИЗЛОЖЕННОЙ ИСТОРИИ КОРОЛЕЙ ДАЛМАЦИИ

В первой части повествуется о начале, расцвете и конце королевского рода Неманичей, правившего Рашкой и Сербией.

Во второй части следует жизнеописание четырех магнатов Рашки, которые после смерти Уроша, последнего короля из рода Неманичей, тиранически захватили власть в Рашке.

В заключение излагается история Боснии, Хума, Хорватии и Болгарии.

Князь Радослав, видя, что Деса набирает силу, стремясь всеми способами присвоить себе его владения, послал в Рагузу Давида Ренезио, бывшего в ту пору правителем Будвы, с просьбой к Синьории оказать содействие в доставке ему войска из Италии; а к которцам — закаленного в войнах Микеле Ренезио, убеждая их не нарушать старинную верность, которую они всегда хранили его предкам, и не доверять пустым посулам Десы и его сторонников. Последние напали на упомянутого Давида, возвращавшегося из Рагузы, близ Ризана, и он, воздав достойное отмщение за свою жизнь, пал смертью храбрых. Преисполненный гордыни Деса правил Хумом вплоть до Котора и Верхней Зетой, именуя себя баном, или воеводой (Duca). Он был государем упомянутых земель в течение всей своей жизни, и князю Радославу с его братьями ни разу не удалось восстановить там свою власть. Упомянутый воевода Деса был приверженцем римской католической веры и несомненно принял бы ее, если бы не боялся оказаться лишенным власти своими славянскими магнатами. Посему именно он был первым, кто в 1151 году даровал относящийся к Хуму остров Млет со всеми его угодьями, доходами и жителями трем монахам: Марину, Симеону и Иоанну, как явствует из одной привилегии, которая долгое время хранилась в церкви Св. Михаила, служившей первоначальным местом жительства монахов упомянутого острова. Позднее с помощью правителя Хума и Рашки и пожертвований рагузинцев на озере упомянутого острова была возведена церковь Святой Марии и монастырь для жительства монахов, которые существуют и поныне. За это Господь вознаградил Десу и его род — семь поколений его потомков, не прерываясь, были правителями и королями Рашки вплоть до императора Уроша, который, принадлежа к восьмому поколению, потерял власть и умер, не оставив после себя сыновей. У воеводы Десы было три сына: Мирослав, Неманя и Константин, которые были мужами рассудительными и отважными. После своей кончины он был похоронен в Требинье в церкви Святого Петра на [Петровом] поле, и упомянутыми областями стали править его вышеупомянутые сыновья. Будучи (как было сказано) мужами большой отваги, они стали домогаться власти над Рашкой и Нижней Зетой. Собрав при поддержке бана Боснии, приходившегося тестем Немане, сильное войско, они пошли в Зету на князя Радослава, сына короля Драгини, который совместно со своим братом Иваном (Iuanisc) владел упомянутой областью. Радослав, понимая, что не в силах дать отпор такому большому войску, сел на корабль в Улцине и бежал в Рагузу. Так Мирослав, Неманя и Константин овладели Зетой со всеми ее городами, за исключением Котора, сохранившего верность князю Радославу. Мирослав и его братья отправили посольство к рагузинцам, прося их выдать укрывшихся в Рагузе Радослава и его брата Ивана. Рагузинцы, верные свободе своей Республики, употребив всю вежливость, на которую были способны, отказали в их просьбе. Тогда к рагузинцам было отправлено второе посольство с угрозами. Те ответили, что желают жить в мире со всеми, но без ущерба для чести и свободы их Республики, для спасения которой они готовы пожертвовать своими

жизнями, не говоря обо всем ином. Получив такой ответ, упомянутые братья на следующий год, собрав сильное войско, вторглись в Конавли, чтобы наказать рагузинцев. Те, заранее предупрежденные об этом, также снарядили сильное войско, призвав немало воинов из Драча и Котора — городов, которые в ту пору сохраняли преданность князю Радославу, и особенно Котор, приславший двести воинов под началом Джураджа Бизанти и Марина Дра- жича (Drago). Упомянутые воины были переправлены в Старую Рагузу на рагузинских галерах. Остальная часть [рагузинского] войска под началом Николы Бобальевича отправилась в Конавли по суше. Там уже стояли лагерем три тысячи воинов Мирослава, которые, поджидая остальных, чтобы вместе с ними двинуться на осаду Рагузы, делали вид, что пришли туда для того, чтобы не позволить рагузинцам вторгнуться во владения Мирослава. Посему сенат Рагузы приказал Бобальевичу как можно скорее вступить в бой с Радивоем Опорчичем (Radiuoi Opporcich), полководцем упомянутого войска Мирослава. Рагузинцы, сделав вид, что бегут из Конавли, вынудили его покинуть укрепления и устремиться за ними в погоню. Достигнув выгодного места, рагузинцы развернулись на неприятеля и, обратив его в бегство, заставили убраться восвояси. По этой причине вышеупомянутые сыновья Десы в течение длительного времени остерегались нападать на рагузинцев, питая к ним тем не менее лютую ненависть. Радослав и Иван, видя эту вражду, покинули Рагузу и отправились в Драч. Император приказал не давать им никаких земель.

В это время Неманя с братьями, захватив Зету, собрали войско и пошли на Рашку. Правивший в Рашке Владимир, второй брат Радослава, повел рашан против Немани и его братьев. В сражении под Приштиной (Pristina) Владимир был разбит и бежал в Болгарию, Неманя же с братьями захватил Рашку. С того времени в честь победы, одержанной под Приштиной, упомянутый город сделался королевской резиденцией и местом коронования королей Рашки. Неманя принял тогда титул великого жупана и стал править Рашкой вместе с Верхней и Нижней Зетой. Мирослав и Константин стали, как прежде, править Хумом, живя во взаимной любви и покорности своему брату Немане. В августе 1177 года Неманя с войском пришел в Жупу (Breno), где уничтожил и вырубил все деревья и виноградники. Причиной его действий была ненависть к рагузинцам, хотя он и делал вид, что совершить это его побудили разногласия между архиепископом Рагузы венецианцем Трибунием (Tribunio Veneto) и его суффраганом епископом Котора, который был подвергнут отлучению упомянутым архиепископом за неповиновение. Архиепископ, видя упорство своего суффрагана, подал на него жалобу папе Александру III, находившемуся тогда в Беневенто, упомянутый же епископ Котора обратился за помощью к Немане. Тот пошел войной на рагузинцев и вывел из подчинения архиепископу Рагузы всех его суффраганов, которые находились в его владениях, а именно епископов Будвы, Котора, Улциня, Свача, Скадара, Драча, Дривоста, Медона (Medon), Sorbium'a (Sorbia), Posonium'a (Bosna), Требинье и Хума (Zachulnia). Все они прежде были суффраганами диоклейского архиепископа Иоанна. После разрушения Диоклеи болгарами и избрания упомянутого Иоанна главой Рагузинской церкви, последней были подчинены и все упомянутые церкви, как явствует из одной буллы (Breve) папы Александра II, присланной в 1067 году Виталию, второму архиепископу Рагузы, и позднее в 1141 году подтвержденной [по просьбе] архиепископа Рагузы Андрея Лукаревича (Luchese). В то время епископом Будвы был Сильвестр (Siliuestro), Котора — Никифор (Nikoforo), Улциня (Dolcigno) — Иоанн, Свача — Василий, Скадара — Георгий, Драча — Григорий, Дривоста — Петр, Призрена (Poleto) — Феодор, Sorbium'a (Sorbia) — Кирилл, Posonium'a (Bosna) — Владислав, Требинье — Константин и Хума (Zachulnia) — Симеон. Всех [перечисленных епископов], как было сказано, Неманя вывел из подчинения архиепископу Рагузы. Через семь лет после этого рагузинцы под началом Михайло Бобальевича, разбившего прежде в Требинье боснийского бана Борича (Barich), одержали победу в морском сражении в Полицкой (Poglize) бухте в Албании, называемой ныне Рагу- зинской бухтой, над братом Немани Мирославом. Помимо немалого числа сожженных кораблей, [в упомянутом сражении рагузинцы] захватили у него три галеры, два галеона и семь сагиттий (saettie). На следующий год Мирослав с тридцатью тысячами конницы пришел под Рагузу и начал осаждать город с помощью неких [осадных] орудий. После непрерывной восьмидневной осады,

ничего не добившись, он сжег упомянутые орудия и убрался восвояси. Вскоре после этого Константин пошел с войском на остров Корчула, который относился к его княжеству Хум, но отказывался подчиняться. Переправив свое войско на лодках из Коношевицы (Conosceuiza) на остров, он принялся грабить и опустошать его. Жители Корчулы, собравшись вместе, отбили у него лодки. Потеряв возможность вернуться на материк, он оказался на острове как в плену и вынужден был заключить мирный договор, по которому жители Корчулы отпускали Константина со всем его войском домой, а он и его братья Мирослав и Неманя предоставляли упомянутому острову свободу и выводили его из подчинения правителям Хума. С тех пор жители Корчулы стали свободными, и ни один правитель их больше не беспокоил. Вскоре после этого Константин скончался, не оставив после себя сыновей. Не многим больше пережил его брат Мирослав, после смерти которого остался его единственный сын десяти лет по имени Андрей (Andrea). После кончины двух упомянутых братьев хумская знать восстала и избрала своим правителем уроженца Хума князя Петра, рассудительного и доблестного мужа. Став правителем, тот отпустил жену Мирослава и его сына, и они отправились в Рашку к Немане, дяде упомянутого Андрея. Неманя в ту пору был занят войнами у пределов Рашки и Болгарии с вышеупомянутым Владимиром и греками из-за князя Радослава и его брата Ивана и в силу этого не мог заниматься хумскими делами, тем более что император, которым был [тогда] Исаак Ангел, взял князя Радослава и его братьев под особое покровительство. Это привело к тому, что в 1190 году император, как пишет Никита Хониат, сразился с Неманей на реке Ибар (Ciabro), называемой ныне Морава. По причине вовлеченности Немани в упомянутые войны князь Петр, пока был жив Неманя, беспрепятственно владел Хумским княжеством, не признавая над собой никакого другого государя. Его владения простирались от реки Цетины до Которской бухты. Он не раз начинал войны и сражался с боснийскими ба- нами и хорватскими государями, проявив себя в этих войнах с самой лучшей стороны, так как отличался редкой рассудительностью и военным умением.

Неманя, став благодаря завоеванию Рашки и других областей вплоть до Дуная, Савы и Босны (как было сказано) великим жупаном (gran Signore), своими неизменными победами над противником заслужил себе всеобщее уважение и славу великого полководца. За это, а также за свою рассудительность и щедрость, он пользовался у всех почетом и любовью. Так как в этом труде мне еще не раз придется упомянуть о Немане, будет нелишне рассказать о его происхождении и его предках, чтобы показать, как Господь по одному ему ведомым причинам зачастую возносит людей низкого звания до самого высокого достоинства и почета.

Итак, следует знать, что жил некогда в Хумском княжестве в Лукской жупании (contrada di Luca) поп греческого обряда по имени Стефан. Как принято у этих попов, он женился на одной местной уроженке, которая, помимо прочих детей, родила ему сына по имени Любомир (Gliubimir). Возмужав, тот благодаря своей рассудительности и отваге завоевал себе славу доблестного воина, и князь Хума (Signore di Chelmo) сделал его жупаном области под названием Трново (Tarnouo), которая позднее по его имени стала называться Любомир и носит это название до сих пор. Проявив себя в управлении упомянутой областью с лучшей стороны, он вскоре скончался, оставив после себя сына по имени Урош. Тот, идя по стопам отца как в военных, так и в гражданских делах, получил от короля Джураджа подтверждение своих прав на владение и управление упомянутой областью. В одном из сражений короля Джураджа с королем Драгиней он попал в плен и был уведен в Рашку, где находился до тех пор, пока король Джурадж не вернул себе (как было сказано выше) власть над Рашкой. У Уроша был [сын] Деса, о котором упоминалось ранее, а у Десы — вышеупомянутые Мирослав, Константин и Неманя, давший имя роду Неманичей. При упомянутом Немане в 1189 году император Фридрих I, направляясь с войском против азиатских турок и проходя через Сербию, прибыл в Ниш (Nisso). Там его в сопровождении большой свиты встретил Неманя и поднес царские дары. Император милостиво принял его и, обсудив некоторые дела, также по–царски одарил Неманю и подтвердил его права на владение Сербией. Об этом упоминают аббат Арнольд в «Славянской хронике»,

Гот- фрид Монах в «Австрийских хрониках» и Тагено из Пассау (Tagenone Padouano) в повествовании об упомянутом походе Фридриха.

После кончины Немани осталось два его сына: Тихомил и Симеон. Тихомил, проправив менее года, скончался, и ему наследовал его брат Симеон. Тот правил с 1200 года и, распространив свою власть на Сербию, Далмацию, Дуклю, Требинье (Traunia) и Хум (Zachulnie), первым стал именоваться королем Рашки. Не раз воевал он с греками. У него было три сына: Стефан, Вукан (Vuchsan) и Растко (Rasco), который, приняв постриг и сменив имя на Савву, почитается сербами святым. Недавно нечестивый Синан–паша (Sinan Bassa) устроил принародное сожжение его мощей. В возрасте пятидесяти пяти лет Симеон скончался, и ему наследовал его сын Стефан, который шел по стопам своего отца в рассудительности и доблести. Будучи миролюбцем, он заключил мир с болгарами и греками. Поскольку князья Радослав и Иван умерли, не оставив после себя доблестных сыновей, он жил в мире и со всеми остальными, за исключением Хума, с которым вступил в войну. Хумом (как было сказано) [в то время] правил князь Петр. Стефан, собрав сильную рать, пошел на него, взяв с собой своего младшего сына Радослава и изгнанного некогда из Хума своего двоюродного дядю (cugino) Андрея, сына Мирослава. Князь Петр, отличавшийся редким мужеством, не стал уклоняться от столкновения и, собрав всех, кого мог, выступил ему навстречу. В сражении на поле Бишче (Bisze) князь Петр был разбит. Преследуемый рашанами, он обнажил меч и со всей силы ударил по дереву. Срубив его одним ударом, он воскликнул: «Довла, рашане! (Dovla rassiani)», то есть «Досюда, рашане!» Все, видевшие этот удар, были поражены и сочли его за чудо. Затем он бежал за Неретву (Narente) и владел той частью Хума, что лежит по ту сторону упомянутой реки. Тогда Стефан, жупан Рашки, захватил весь Хум и поставил там правителем своего младшего сына Радослава, а своему двоюродному дяде Андрею дал жупании Попово (Papoa), Приморье (marina) и Стон (Stagno). Оставив Радослава и Андрея в Хуме, он возвратился в Рашку. Вскоре после этого Радослав скончался, и Андрей с согласия жупана Стефана овладел всем Хумским княжеством и стал именоваться князем. Это вызвало недовольство у ряда жупанов и дворян Невесинья (Neuesigne), а также правителей других более отдаленных областей, и они, отложившись, перешли под покровительство боснийского бана, так что у князя Андрея остались лишь Приморье, Попово (Papoa) и Стон. Произошло это с ним потому, что он от рождения нрав имел миролюбивый и ни с кем не хотел вести войну. О его предках мы расскажем в трактате о государях Хума.

Вышеупомянутый жупан Стефан был большим другом рагузинцев и всегда жил с ними в мире. Рагузинцы отвечали ему взаимной любовью и почтением и не раз отправляли к нему посольства с подарками. Посему он отменно обращался с рагузинскими купцами и предоставлял им всевозможные льготы в торговле. После двадцати восьми лет правления он скончался и был похоронен в церкви Святого Петра в Рашке, оставив после себя единственного сына и наследника всех владений по имени Неманя И. Тот был мужем богобоязненным и пользовался всеобщим почтением за свою великую справедливость. Он носил прозвище Храпало (Crapalo). Видя, что во всех его владениях царит мир и никто его не беспокоит, он пожелал принять титул короля Рашки, или Сербии. Посоветовавшись об этом со своими магнатами (Baroni), он получил от них всеобщее и радостное одобрение своего намерения. Посему Неманя, созвав на всеобщий собор в Приштину патриарха со всеми прочими иерархами (prelati) и большую часть магнатов своего королевства, под всеобщее одобрение был венчан и провозглашен королем Рашки, а затем в день Воскресения Господня с соблюдением всех церемоний торжественно принял помазание от руки патриарха. При помазании он пожелал изменить имя Неманя на Стефан, поэтому все последующие короли Сербии из рода Немаиичей носили имя Стефан. Вскоре после этого король Стефан начал подумывать о расширении своих владений. Собрав большую рать, он пошел на Болгарию, которая в ту пору была раздроблена, охвачена смутами и не имела царя, и по упомянутой причине захватил большую ее часть. Обратившись затем против Греции, он и у нее отнял немало земель. Не ограничившись этим, он пошел

войной на венгров и покорил Срем (Sriemo), который в то время управлялся некой правительницей по имени Урица (Vriza), родственницей венгерского короля. Та, не имея сил, чтобы противостоять королю Стефану, бежала в Венгрию. Собрав там сильное войско, она пришла с ним сразиться, но была разбита и попала в плен. Не видя другого способа обрести свободу, она отправила посланца в сенат Рагузы с просьбой выступить в качестве посредника и любой ценой вызволить ее из плена. Рагузинцы через своих послов, которыми были Никола Проданович (Prodanelli) и Марин Сарака, добились того, что король Стефан, желая доставить удовольствие упомянутому сенату, освободил ее и заключил с ней мир. После двадцати двух лет правления он скончался, и ему наследовал его сын Стефан. Короновавшись сразу после смерти своего отца, он продолжал мирно и справедливо править греками и албанцами. Он женился на Елене, христианнейшей женщине, француженке по происхождению. Она вновь отстроила и возродила Бар, который после упадка Римской империи был разрушен галатами (Gallogreci). Она восстановила и некоторые другие близлежащие крепости. Как пишет Марин Барлеций, она возвела в Эпире и Иллирике множество монастырей и других религиозных сооружений, о чем можно узнать и сегодня из некоторых высеченных в мраморе надписей и других памятников. За все это муж очень ее любил. При нем греческий наместник в Драче Иоанн вторгся с большим войском в Зету с намерением захватить упомянутую область. Узнав об этом, король Стефан собрал свою рать и, придя в Зету, обнаружил Иоанна, стоявшего лагерем под Скадаром (Scodarino). Напав на него, он разбил его войско и захватил в плен [Иоанна] с множеством знатных греков. Константинопольский император, желая освободить из темницы упомянутого Иоанна, приходившегося ему родственником, и остальных греков, заключил с королем Стефаном договор о мире. Упомянутый договор, помимо прочего, предусматривал, что впредь ни наместник в Драче не будет от имени империи вторгаться в пределы Зеты, ни король Рашки — в пределы Драча и Албании. После этого король Стефан решил заняться увеличением своих доходов и сборов (gabelle). Он послал в Германию (Alemagna) за немцами, умеющих добывать из земли золото, серебро и другие металлы, и, устроив с их помощью множество рудников, значительно обогатил свою казну и стал несметно богат. Его предшественники в этом не преуспели, поскольку вели жизнь простую и не заботились о накоплении сокровищ и денег. Незадолго до смерти он воздвиг монастырь Милешево (Milesceuo) и после восемнадцати лет правления скончался. У него было четыре сына: Драгутин, Пре- дислав (Pridislau), Милутин и Стефан. Предислав стал позднее архиепископом Сербии. Драгутин, наделенный от природы жаждой власти, видя, что отец уже стар, восстал против него и лишил трона. По этой причине Стефан после восемнадцати лет правления умер как частное лицо. Драгутин, придя к власти, стал править с большой рассудительностью, однако, страдая от угрызений совести за прегрешение, совершенное им против отца, решил в знак покаяния принять постриг в Дебреце (Debari) и оставил королевство своему брату Милутину. Когда стал править Милутин, его младший брат Стефан начал проявлять неповиновение. Чтобы убрать его с глаз долой и не вступать с ним в пререкания, он дал ему в управление большую область на границе с Венгрией близ Савы около Мачвы (Mazoua) и [града] святого Димитрия. Однако и это не помогло укротить его нрав. Став правителем упомянутой области, он так возгордился, что, отложившись от брата, стал именовать себя королем и враждовать с ним. С той поры упомянутая область стала именоваться «землей короля Стефана». Король Милутин не стал отвечать на его обиды, так как имел от природы нрав кроткий и добродушный. Предоставив [брату] жить по своему разумению, он целиком посвятил себя служению Богу и строительству церквей и монастырей, которых за свою жизнь построил сорок. И правосудие он вершил по всей справедливости, не поддаваясь ни мольбам, ни подкупу. Посему все почитали его за святого. За свой сердечный нрав он по праву был прозван Милутиным, что означает не что иное, как «милый, или приятный». Посему Господь распорядился так, что еще при жизни [Милутина] скончался его брат Стефан, который был похоронен в церкви Святого Димитрия в Сре- ме. Король Милутин, называемый другими [авторами] также Урошем Святым, несмотря на то, что всегда был другом Рагузы, поддался злокозненному внушению некоторых своих приближенных из числа врагов рагузинцев и пошел на них войной. Вначале

рагузинцы пытались умиротворить его своей покорностью и смирением, но, видя бесполезность этого, решили защищаться. Из трех сражений, которые у них с ним были, в первом, под предводительством Петра Тудишевича (Tudisi), и во втором, под предводительством Паскуале Раньина, рагузинцы потерпели поражение, но в третий раз, когда неприятельское войско хотело вторгнуться в Жупу (Вгепо), на его пути стал Иван Гундулич (Gondola) и вынудил вернуться восвояси. После этого при посредничестве императора Андроника, тестя упомянутого Уроша, был заключен мир. Этот король очень любил города латинян, приветливо и милостиво обращаясь с их купцами. Он правил тридцать пять или (как утверждают другие) сорок лет и покоится ныне в церкви Святой Марии в Софии, где тело его до сего времени сохранилось в целости с длинными и очень густыми волосами на груди. Первоначально он был похоронен в монастыре Святого Стефана в Звечане (Sueciano), который сам и воздвиг. После кончины он стал почитаться всеми за святого. После него осталось три его сына и две дочери. Один, внебрачный, по имени Стефан, был прижит от него одной дворянкой, остальные двое были законными: Владислав, которого некоторые называют Урошем, родился от его первой жены Елизаветы, дочери венгерского короля Иштвана IV, а Константин — от второй жены, гречанки из Константинополя. Его внебрачный сын Стефан, обладая редкой мудростью, привлек на свою сторону всех магнатов королевства, которое он намеревался захватить еще при жизни его отца или (если это не удастся) после его кончины. Прознав об этом, король Милутин ослепил его и отослал в Константинополь к своему тестю императору Андронику, дочь которого Феодора была за ним замужем, чтобы тот держал его там под стражей вместе с двумя его малолетними сыновьями. Из упомянутых сыновей один вскоре умер, а другой, по прозвищу Душан, будучи еще ребенком, был возвращен [Милутиным] перед своей смертью из Константинополя в Сербию. Иные утверждают, что Стефан был ослеплен своим отцом по наущению своей мачехи, однако на самом деле он вовсе не был ослеплен, хотя поначалу и притворялся [слепым]. Владислав, став королем, проявил себя большим другом рагузинцев, многие из которых, в частности, Матвей Криевич (Zrieua), Иван Пуцич (Pozza) и Вито Бобалье- вич (Bobali), некоторое время состояли в числе его придворных и оказали ему немалую помощь в войнах, которые он вел со своими братьями. Боба- льевич, который был очень богат, вернувшись в Рагузу, не раз ссужал его деньгами, как явствует из завещания упомянутого Бобальевича, составленного в 1326 году, где он пишет, что этот король вместе со своим отцом задолжали ему некую сумму денег. Владислав совершал огромные траты на укрепление своей власти в Рашке, но все его усилия оказались тщетными. Пока он воевал со своим братом Константином, ряд недовольных им магнатов вызвали из Константинополя его брата, который, как было сказано, был ослеплен своим отцом. Тот, будучи (как уже говорилось) весьма сметлив, сумел воспользоваться раздорами упомянутых магнатов, одна часть которых держала сторону Владислава, а другая — Константина. Пока два брата преследовали друг друга, Стефан привлек на свою сторону большинство магнатов и народа, в чем ему немало способствовала неспособность Владислава, который проявил себя бездарным полководцем. [Владислав], заполучив своего брата Константина в свои руки, приказал распять его, прибить гвоздями и распилить надвое. После этого он решил удалиться и уехал в Срем. Там он также не пользовался уважением, несмотря на свое родство с венгерским королем. Венгры, видя его неспособность вести войну, а следовательно, и властвовать, не оказывали ему никакой помощи. Вскоре он, находясь в Мачве (Mazoua), был схвачен своим братом Стефаном и брошен в темницу, где и окончил свои дни. Итак, когда Владислав и Константин ушли из жизни упомянутым образом, их брат Стефан подчинил себе силой оружия все королевство своего отца. Однако еще до начала своего восхождения к трону он, чтобы расположить к себе своих подданных, решил сменить имя и взять себе имя своего отца, помня о том, отец его Урош пользовался всеобщим благоволением. И он показал себя достойным и этого имени, и трона. Помимо прочих его похвальных качеств [следует отметить и такое]: если ему попадался купец, то он всегда с ним отменно обходился. Поэтому многие рагузинцы охотно останавливались и торговали в его королевстве. Однако было время, когда по навету недоброжелателей, которым он доверился, он начал войну с рагузинцами, требуя от них (как было сказано ранее) уступить ему

остров Ластово (Lagosta), который они некогда приобрели у короля Храпало. Однако затем, поняв свою ошибку, он заключил с ними добрый мир и стал любить и обходиться с ними лучше прежнего. И со всеми прочими соседними государями он предпочитал жить в мире. Управляя с большой рассудительностью своими владениями, он значительно увеличил свою казну. Посему в 1319 году, который был (по мнению некоторых) восьмым годом его правления, он установил серебряный алтарь в храме Святого Николая Барийского в Апулии. Память об этом сохранилась и поныне: в упомянутом храме есть надпись, гласящая:

ANNO DOMINI M. CCC. XIX. MENSE IVNII, INDITIONE VI. VROSCIUS REX RASSIAE, ET DIOCLEAE, ALBANIAE, BULGARIAE, AC TOTIUS MARITIME, DE CULFO ADRIAE A' MARI, VSQVE AD FLVMEN DANVBIIMAGNI, PRESENS OPVS ALTARIS YCONAM MAGNAM ARGENTEAM, LAMPADES, ET CANDELABRA MAGNA DE ARGENTO FIERI FECIT AD HONOREM DEI ET BEATISSIMINICOLAI, EIUS HEREDE ASTANTE DECATERA FILIO DESIFLAVE, FIDELI, ET EXPERTO A PREDICTO REGE DEPVTATO. ET NOS RVGERIVS DE INVILIA PROTHOMAGISTER, ET ROBERTVS DE BARVLLO MAGISTER IN OMNIBUS PREFATIS, OPVS DE PRAEDICTO MENSE IVNIO INCIPIMVS, ET PER TOTVM MENSEM MARTIVM ANNI SEQVENTIS CHRISTO FAVENTE, FIDELITER COMPLEVIMUS.

(Лета господня 1319 июня месяца VI–го индиктиона Урош, король Рашки, а также Дукли, Албании, Болгарии и всего Приморья от Адриатического залива и моря до великой реки Дунай, повелел изготовить алтарь, большую серебряную икону, кадила и большие паникадила из серебра во славу Бога и преблаженного Николая через своего наследника сына Десислава, верного и опытного, посланного из Котора вышеупомянутым королем, и мы, старший мастер Ругерий [сын] Инвилия и мастер Роберт [сын] Барулла, всю вышеперечисленную работу в упомянутом июне месяце начали и в марте месяце следующего года с христовой помощью точно и полностью завершили.)

После этого он послал просить в жены Евдокию, вдовствующую сестру императора Андроника Младшего, обещая заключить мир на вечные времена с ромеями (Romani), поскольку (как пишет Никифор Григора (VI)) был мужем могущественным и непрестанно терзал Ромейскую империю, грабя и захватывая ее земли и города.

Это предложение смутило и напугало императора: он весьма дорожил его дружбой, однако его сестра и слышать не хотела о тех, у кого на уме была одна война. Было и другое обстоятельство, которое его беспокоило: брак, который хотел заключить [Урош], был уже четвертым по счету. Первой его женой была дочь влашского государя, которую он после долгих лет супружеской жизни отослал домой к ее отцу. Затем он женился на другой, которая прежде была женой его брата, заставив ее снять монашеское платье, которое она носила. Прожив с ней немало лет, он из-за [постоянных] упреков епископов и других иерархов ее оставил и женился на сестре болгарского короля Святослава (Sfendoslauo). Насытившись теперь и ее любовью, он стал подыскивать себе новую жену более благородного происхождения. И чем решительнее Евдокия его отвергала, тем упорнее он настаивал, зачастую переходя к угрозам. Поэтому император был вынужден предложить ему свою дочь Симониду, которой в ту пору было пять лет. Он обещал отдать ему дочь, дабы до достижения ею совершеннолетия она жила при нем, а потом сделалась его женой. Это предложение понравилось Стефану Урошу, и весной император с дочерью прибыл в Салоники. Прибыл туда и король Рашки, приведя для заключения мира с императором множество сыновей первых магнатов Рашки и сестру Святослава, которую, вскоре после ее увода в Константинополь, взял в жены Михаил Кутрул (Michel Cotrule). Упомянутый Михаил прежде был женат на сестре императора. Император, заключив мир с Рашани- ном, отдал ему свою дочь Симониду. Патриарх Иоанн, именовавшийся прежде Козьмой, упрекнул его за это. Император же ответил ему, что царские браки устраиваются и заключаются согласно требованиям времени. Об этом упоминает Георгий Пахимер в X книге. Упомянутая Симо- нида была прелестной девочкой и после [упомянутого события] стала именоваться Симонидой Ириной. Когда у ее отца Андроника умерло несколько детей, он по совету одной женщины велел изготовить двенадцать восковых свечей в человеческий рост с ликом двенадцати апостолов. Как пишет Пахимер, когда

приблизилось время родов у его жены, он стал по очереди зажигать эти свечи. Когда горела свеча с именем Симон, родилась упомянутая дочь. По этой причине ей было дано имя Симонида. После того, как с ее помощью был заключен мир между греками и королем Уро- шем, она стала именоваться Симонидой Ириной. Мать ее была маркизой и племянницей испанского короля. Как пишет Григора (VII), она несколько раз одаряла своего зятя Уроша такими суммами денег, на которые можно было бы постоянно содержать флот из ста боевых галер. Она так безумно любила свою дочь, что хотела украсить ее всеми знаками, которыми [издревле] украшались [римские] императрицы. [Чтобы исполнить свое желание, она поступила так] (это только и было ей возможно): она возложила на голову своего зятя шапку, богато расшитую жемчугом и драгоценными камнями, которую по обычаю носили римские императоры. Начав с этого, она стала делать это каждый год, не пропустив ни разу, посылая при этом немалые сокровища и отдельно для своей дочери, поскольку надеялась увидеть ее детей и заранее заботилась о том, чтобы доставить им богатство и величие. Однако, поскольку делала она это [по собственному усмотрению], не испросив совета у Бога, все ее надежды оказались тщетны: король Урош, разделив брачное ложе с Симонидой, когда ему было за сорок, а ей не исполнилось и восьми, повредил ей матку и навсегда лишил возможности иметь детей. Поэтому мать ее, глубоко этим опечаленная, видя крушение своих надежд, попыталась пойти по другому пути. Осыпав своего зятя Уроша множеством подарков, она стала упрашивать его, коль скоро он не может иметь детей от Симониды, объявить наследником и преемником королевства Рашки одного из ее сыновей, братьев Симониды, Димитрия и Феодора. Упомянутых сыновей она с немалыми сокровищами одного за другим отправила в Сербию. Однако и эта ее затея не осуществилась, поскольку упомянутые братья, пробыв некоторое время в Сербии у своего зятя, удрученные суровостью тамошнего быта, вернулись домой, ничего не добившись от Уроша. Тот же выдал свою дочь Неду, то есть Доминику, за Михаила, принявшего титул болгарского царя. Михаил, прижив с ней нескольких детей, отверг ее и женился на Феодоре Палеолог, сестре императора Андроника Младшего. Видя, что король Урош уже стар, он решил захватить его королевство и стал собирать для этого войско. Стефан Урош, узнав об этом, также стал готовиться к войне. С этой целью через рагузинцев он привез из Италии тысячу триста немцев, которые до этого служили в войнах многим итальянским государям и которых Никифор Григора называет франками (Francesi). Помимо них, к нему на подмогу прибыло множество других опытных воинов. С этими силами король Стефан Урош приготовился дать отпор Болгарину. Когда тот с мощным войском подступил к границам Рашки и стал лагерем в местечке под названием Трново (Tarnouo), король Урош послал против него своего сына Стефана, получившего позднее прозвище Душан, или Вуксан (Vuchsan), юношу лет двадцати. Тот, приведя с собой большое войско, и в том числе вышеупомянутых немцев в числе тысяча триста, среди которых было три сотни конницы, вступил с Болгарином в битву. Сил у Болгарина было намного больше, чем у рашан. Тем не менее, когда войска стали готовиться к битве, немецкие солдаты, построив все войско по правилам военного искусства, обратились к Стефану Душану и другим магнатам Рашки с такими словами: «Мы, приверженцы римского, или латинского, вероисповедания и обряда, первыми вступим в бой, вы же — стойте, держа строй. Если увидите, что мы наступаем, и неприятельское войско пришло в замешательство, идите за нами и смело вступайте в бой, проявляя всю вашу доблесть. Если же (не приведи Господь) вы увидите, что мы разбиты, остерегайтесь вступать в бой с неприятелем, и пусть каждый спасается, как может». Тотчас после этого они, сомкнув ряды, с дикой яростью врубились в неприятельское войско, разя копьями и мечами всех на своем пути, а затем отступили на исходную позицию. Этот [маневр] они отважно проделали во второй и в третий раз, нанося противнику великие потери. Видя это, сын короля Стефана Уро- ша также двинулся со своими сербами на болгар и, яростно атаковав их, разбил и обратил в бегство, перебив всех, кто стоял у них на пути. В этой битве болгарский царь Михаил был ранен и сброшен с коня. Не будучи тогда узнан, он был позднее обнаружен одним славянским всадником среди раненых, которые, не имея возможности передвигаться, укрылись в роще и лежали на земле. Когда его привели к королю Стефану, находившемуся со свитой неподалеку, тот сказал

ему, что справедливый Божий суд привел его к такому концу, ибо он, неслыханно возгордившись, возжелал без всякого повода захватить королевство, на которое не имел никаких прав. На что Болгарин, глядя ему в глаза и воздев перст к небу, ответил только: «Да исполнится Божья воля!», после чего скончался. Этому болгарскому царю было предсказано, что он умрет на «новой земле» (terra nuoua). Он же, полагая, что это должно случиться в Тырново (Ternouo), его городе в Болгарии, где был престол у тамошних царей, отправился в поход с легким сердцем, почти уверенный, что в этом походе не погибнет. Однако предсказание все-таки сбылось, поскольку место, где он укрылся после сражения, называлось Новая Земля (Terra noua). Король Стефан позволил болгарам увезти его останки в Болгарию, и они предали их земле там, где по обычаю хоронили своих царей. Упомянутый Михаил оставил после себя сына по имени Шишман (Sisman), который владел Болгарией вместе со своей матерью, пока не был изгнан болгарским царем Александром, о чем будет рассказано в своем месте. Рашане же немало обрадовались этой победе, поскольку весьма опасались оказаться под властью болгар. Итак, после упомянутых событий король Стефан, сознавая свою старость и испытывая великую любовь к своему сыну, как за вышеупомянутую победу, так и за то, что тот всегда и во всем был ему покорен и безмерно чтил, решил передать ему власть над обеими Зетами со всеми бывшими в них городами и крепостями. Стефан, отправившись управлять упомянутыми областями, взял с собой множество молодежи из Рашки и несколько советников, мужей злокозненных. Упомянутые советники стали денно и нощно убеждать его отнять власть у отца, который по причине преклонного возраста был уже неспособен к управлению, и тем самым обезопасить себя от своего брата Синиши (Siniscia), прижитого его отцом от второй жены. Хотя это и казалось жестоким его сыну, по природе весьма доброжелательному и мягкому, он тем не менее внял их убеждениям и решил осуществить то, что ему советовали. Собрав втайне отборное войско из самых отважных воинов, которые были в обеих Зетах, и взяв в советники Каравиду Фратнуту (Carauida Fratnuta) и Джураджа Илича (Giurasc Illijch), он ускоренным маршем двинулся в Рашку, где находился его отец. Тот, хотя и слышал [недоброе] о своем сыне, не желал этому верить. Посему сын, застав его за охотой близ крепости Петрич (Peterzo), без труда схватил его и заключил в темницу в крепости Звечан. Это весьма поразило его отца, ничего подобного не опасавшегося. Итак, когда король оказался указанным образом в темнице, вышеупомянутые советники стали убеждать его сына лишить его жизни. Делали они это из опасения попасть в беду, если король каким-либо образом освободится. Сын, вняв их превратным увещеваниям, послал несколько человек, привычных к подобного рода ремеслу, и они среди ночи удушили его в упомянутой крепости. Произошло это в тысяча триста тридцать первом году. Некоторые говорят, что, когда упомянутые слуги пришли лишить его жизни, он проклял сына и его потомство. И, хотя это проклятие миновало его самого, тем не менее оно пало на его внука Уроша, который, как мы вскоре расскажем, потерял власть. Его останки были погребены в косовском (Scosna) монастыре Святого Спаса в Дечанах, возведенном по его повелению. Он правил двадцать лет и оставил после себя двух вышеупомянутых сыновей, Стефана Душана и Синишу, и несколько дочерей.

Править стал его сын Стефан, по прозвищу Душан. Мать его была родом из болгар, дочь короля Святослава, и, когда он начал править, было ему около двадцати лет. И хотя в юные годы он казался тупоумным и малоспособным к управлению, тем не менее, прислушиваясь к советам умудренных опытом и годами магнатов, которых он никогда от себя не отпускал, он стал весьма мудрым государем и с большой рассудительностью управлял королевством. Посему его магнаты беспрекословно ему повиновались. Он, воздавая им должные почести, тем не менее ни одного из них не держал подолгу в назначенных им областях, но постоянно перемещал их из одного места в другое. Он был весьма пригож и ладно сложен: имел широкие плечи, сильные руки, крепкие бедра, подтянутый живот, мощные ноги, ростом был высок, сообразен и мужествен. Со временем он начал сильно полнеть, однако умел бороться с этим, постоянно упражняя свое тело всеми видами боевых искусств, к которым испытывал страсть, и обожал охоту, любя и ценя доблесть в мужах, которым поручал управление своими землями. При всем при этом он был

великодушен и щедр, нередко одаривая своих придворных конями, деньгами, золотыми и серебряными поясами, шелковым платьем из тончайшего полотна — он хотел, чтобы они хорошо одевались и упражнялись в боевом искусстве. Он также часто устраивал турниры, или боевые состязания, осыпая тех, кто умело сражались и побеждали остальных, различными милостями. Посему при нем королевство Рашки пользовалось всеобщей славой и изобиловало доблестными мужами, которые своим богатством превосходили мужей из других королевств. Наряду с этим он поддерживал строгий порядок, как при своем дворе, так и во всем королевстве, и в торговле, и в сборе пошлин, не слишком заботясь о накоплении сокровищ, поскольку, как было сказано, был от природы щедр. Был он также весьма привержен вере по греческому обряду: возводил храмы и монастыри, делая им крупные пожертвования и предоставляя немалые бенефиции настоятелям и священникам, которые пели в них священные гимны. В число упомянутых монастырей входили и монастыри на Святой Горе в Македонии. Он установил также для монахов святого Михаила Иерусалимского вечную подать, которую рагузинцы платили им за Стон. Именно за это он и был прозван Душаном, то есть ктитором (elemosiniero). Хорошо обходился он и с латинянами и теми, кто исповедовал римско–католическую веру, несмотря на то, что однажды, по наущению своей жены Роксаны (Rogosna), носившей также имя Елена, женщины превратной и люто ненавидевшей католиков, изъял все золото, серебро и прочие ценности у всех церквей и монастырей латинян в обеих Зетах. Этому воспротивился тогдашний римский папа и велел передать ему через своих легатов, которых дважды посылал по этому делу, что, если тот не вернет имущество, отобранное у церквей и монастырей, то он объявит против него крестовый поход и со всем христианским миром пожалует к нему в гости. Стефан, устрашенный этим, вернул все обратно и стал обходиться с ними по–доброму.

С рагузинцами он всегда жил в дружбе и подтвердил им дарственную, выданную баном Стефаном на Стон и Пелешац (Ponta). Упомянутый Не- манич заявил о своих притязаниях на эти земли по причине своей власти над Хумом и королевством Боснии. Это же подтверждение он сделал главным образом по настоянию своего протовестиара Николы Бучича (Bucchia) из Котора, которого рагузинцы за это приняли в число своих нобилей. При этом короле Рагуза значительно разбогатела, и сенат (publico) постоянно оказывал ему почести, отправляя посольства с подарками. При нем королевство Рашки и города Далмации жили лучше, чем когда-либо прежде, особенно города Рагуза и Котор.

Жил он в мире и с болгарским королем Александром, и при нем турки не осмеливались приближаться к его пределам. Более того, его военачальники не раз бивали их, и особенно его магнат Углеша, которого он постоянно держал против них на границах Македонии и Романии (Romania). Кроме этого, он сам держал отряд из турецких наемников, поселив их в Зете близ Дани (Dagno). Никифор Григора (VII) пишет, что Турок Мелик (Meleco), приняв христианство вместе с полутора тысячей своих воинов, перешел на службу к королю Стефану, и было их тысяча конницы и пятьсот пехоты. Сказав достаточно о добродетелях и достоинствах этого короля, перейдем теперь к рассказу о том, что он сделал для распространения своего господства.

Итак, сначала он устремился на завоевание земель Романии. И это не стоило ему большого труда, поскольку страна эта в прошлом в течение длительного времени жила в мире и была почти безоружной, не имея воинов, способных ее защищать. Посему ему удалось в короткий срок овладеть большей ее частью. Он занял все принадлежащие ей области и города вплоть до Салоник (Salonicchio), а именно Верию (Aueria), Серее (Seres), Охрид (Ochrida), Костур (Castoria), Трикалу (Tricala), Янину (Iagnina), Канину (Canina), Белград (Belgrado) и другие города вплоть до Эвбеи (Nigroponte). Не сумев захватить Салоники, он стал регулярно опустошать их территорию, чтобы хоть этим привести город к покорности. Он думал захватить все земли вплоть до Константинополя и, без сомнения, осуществил бы свой замысел, если бы смерть не упредила его. Он захватил Албанию и овладел всеми областями Эпира вплоть до Арты (Arta), и ни у кого не хватило смелости для сопротивления или восстания. Посему в 1340 году, преисполнившись гордости после

стольких удачных походов, он решил принять титул императора. Собрав в одном месте патриарха, епископов, игуменов, священников и монахов своего королевства, а также всю знать и магнатов, при участии трех рагузинских послов, которыми были Джурадж Гетальдич (Ghetaldi), Марин Бунич (Bona) и Стефан Гучетич (Gozze), посланных к нему с богатыми дарами, при единодушном согласии всех присутствующих он принял титул императора. Своему сыну Урошу, в то время совсем юному, он дал титул короля и учредил новые должности, которые в обычае у других императоров, а именно кесарь, деспот, виночерпий (Pincerna) и прочие. Живя среди такого благополучия и величия, он думал, что нет в мире ни одного государя, более великого и могущественного, чем он. Однако скоро стало ясно, как сильно он в этом заблуждался. Получив донесение о том, что венгерский король Лайош собирает большое войско, чтобы пойти на него [войной], он также собрал всех, кого мог, и направился к Дунаю, чтобы дать отпор Лайошу. Достигнув берега упомянутой реки, он стал там лагерем со всем своим войском, на другом же берегу разбил лагерь Лайош. Император Стефан, внимательно разглядев войско Лайоша и видя, на каком огромном пространстве земли венгры расположились со своими бесчисленными шатрами и палатками, пал духом и стал опасаться за свою судьбу. Посоветовавшись со своими полководцами, он с их согласия снялся с упомянутого берега и отступил со всем войском вглубь своих земель на один большой переход за большой и густой лес под названием Ломница, или Рудник, в котором росли высокие и широкие деревья. Срубив часть этих деревьев, он перегородил ими пути, по которым венгры могли пройти и напасть на него, и поставил множество воинов на охрану и защиту проходов. Сделав это, по общему желанию короля Лайоша и императора Стефана было устроено, что они должны были съехаться в назначенном месте в сопровождении небольшой свиты, чтобы лично переговорить о разногласиях, которые были между ними. Посему император в сопровождении небольшого числа своих придворных прибыл верхом на берег Дуная. Король же, сев в ладью, приблизился к берегу, но не стал сходить на берег. Обменявшись приветствиями, они начали переговоры, но, не сумев достичь согласия, разъехались восвояси и стали переговариваться через послов, пытаясь все уладить, однако и это ни к чему не привело, поскольку король Лайош требовал от императора четыре вещи: во–первых, принять католическую веру и изъявить покорность римской церкви; во–вто- рых, отдать область, принадлежавшую некогда королю Стефану, на которую он притязал как на принадлежащую венгерской короне; в–третьих, признать за ним верховенство и быть ему верным и покорным; в–четвертых, дать ему в заложники своего сына Уроша. Император же по причине гордости не пожелал выполнить ни одного из этих требований. Посему венгры, переправившись со всем войском, опустошили все земли рашан вплоть до упомянутого леса Ломница, или Рудник. Однажды часть [венгерского] войска, отбившаяся от своих, утратив осторожность и слишком полагаясь на свою силу, была атакована посланными императором Стефаном храбрецами, которые разбили ее, отняв более 500 коней и множество доспехов, пленных же взяли немногих. Венгры, поняв, что воины императора весьма жадны до добычи, затаились в лесу, оставив своих коней под присмотром нескольких пастухов. Рашане, раззадоренные первой добычей, послали большой отряд, чтобы захватить упомянутых коней. Сделав это, они повернули обратно к своему войску. Тут венгры, выйдя из засады, не только отняли у них всю добычу, но и перебили многих из них, что глубоко опечалило императора Стефана, поскольку среди погибших было немало знатных мужей. Так венгры отомстили за обиды, нанесенные им славянами. Славяне же, познав дерзость и хитрость венгров, после этого не решались выходить на равнину, а стояли за лесом. Король Аайош, видя, что большего в тех обстоятельствах ему не достичь, решил вернуться со всем своим войском в Венгрию. Чтобы обезопасить свои владения от набегов славян, он возвел на берегу Дуная крепость в том месте, где со стороны Рашки Дунай соединяет свои воды с Савой, и назвал ее Белградом (Belgradi), оставив для ее охраны коменданта с большим гарнизоном. Произошло это в 1343 году. Через два года после этого он снова пошел с огромным войском на императора Стефана, но не добился ничего существенного, так как в его войске из-за заражения воздуха, вызванного болотами, через которые они проходили, начался мор, и он был вынужден вернуться в свои владения. В это время занемог Ишт- ван, младший брат короля

Лайоша, и по возвращении в Венгрию от упомянутой болезни скончался. В то время боснийскими землями владел бан Стефан, брат князя Стефана — человек немалой мудрости, как мы вскоре расскажем. Несмотря на то что он был поставлен правителем Хумского княжества, его люди тем не менее продолжали разорять пределы императора Стефана. Особенно большой ущерб наносили они территориям Требинье, Конавли, Гацко (Gazko), Рудина (Rudine) и других городов вплоть до Которской бухты. Император, занятый завоеванием земель Романии, не мог уделять внимание защите границ с Боснией и Хумом. Когда же он завоевал большую часть Романии и уладил все дела в тех краях, то решил отомстить за обиды и оскорбления, нанесенные ему вышеупомянутым ба- ном Стефаном и его вассалами. Выступив вместе с императрицей, он подошел к границам Боснии близ Дрины с 50 тысячами конницы и 30 тысячами пехоты. Бан Стефан, узнав об этом, также собрал большое войско. Понимая, что его силы уступают силам неприятеля, он приказал срубить множество больших деревьев и, заградив ими проходы, укрылся в лесах и горах, как в неких твердынях, и с большими силами охранял все проходы, по которым можно было проникнуть с войском в Боснию. При иных обстоятельствах упомянутые меры и неприступность от природы проходов могли бы преградить войскам императора путь в Боснию, если бы его магнаты оставались ему верны и не состояли в тайном сговоре с императором. Посему он принял решение отступить с небольшим отрядом своих людей в горы, которые, однако, ему приходилось постоянно менять, чтобы не оказаться преданным кем-нибудь из них. Император, видя это, беспрепятственно вторгся в Боснию со всем войском и принялся предавать огню и мечу все вокруг, не жалея даже палат упомянутого бана. Первоначально император не хотел делать этого, но затем по настоянию своей жены, склонной ко всякого рода злодействам, изменил свое решение. Он осадил также крепость Бобовац (Bobouaz), в которой укрывалась Елизавета, единственная дочь бана Стефана, которая в ту пору была еще девой, а позднее стала женой венгерского императора Лайоша и матерью Марии, жены императора Сигизмунда. После многодневной осады упомянутой крепости Стефан, не сумев ничего добиться, оставил эту затею и принялся опустошать все земли Боснии до пределов Дувно (Dolmna, ouer Dumno). Разбив там лагерь, он послал часть войска на поиски добычи вдоль рек Цетина и Крка (Dacherca, o Dacherea) в сторону Хорватии, а сам с остальным войском повернул в сторону Хумского княжества. Захватив крепости Имотска (Imota) и Нови (Noui), он оставил в них сильные гарнизоны. В это время многие магнаты Боснии и Хума приходили к нему и становились его подданными, а многие ушли с ним в Рашку, в частности, племянники бана Стефана Богиша (Boghissa) и Владислав (Vuladislau) Николичи, сыновья сестры упомянутого бана Катарины (Catalena). Последние были потомками князя Андрея Хумского, о котором упоминалось ранее и будет упомянуто в дальнейшем, и, следовательно, приходились родственниками императору Стефану. Упомянутое решение они приняли в уверенности, что непременно получат от него Хум- ское княжество, которое было их наследным и законным владением, однако, в конце концов, они просчитались, поскольку были людьми никчемными.

Когда император пребывал в Боснии, Синьория Венеции и рагузинцы отправили к нему торжественное посольство, чтобы путем переговоров уладить разногласия между ним и баном Стефаном. Это посольство, однако, не смогло ничего добиться, поскольку император хотел, чтобы бан выдал свою дочь Елизавету за его сына короля Уроша, дав за ней в приданое Хумское княжество, как принадлежащее этому императору по линии Не- мани и его братьев, которые были некогда правителями Хума и от которых упомянутый император вел свой род. Бан, имея на нее лучшие виды (как позднее и оказалось), наотрез отказался отдать ему не только Хумское княжество, но и одну свою дочь без последнего. Если бы он согласился отдать хотя бы одну свою дочь, был бы заключен мир, однако мира не последовало, и оба упомянутых государя непрестанно враждовали. Решив вернуться в Рашку, император Стефан, проходя через Хум, прибыл в Бишче (Bisze), обширное поле между Влагаем и Мостаром, где его встретили послы из Рагузы, прибывшие просить его пожаловать в их город, который желал угостить и оказать почетный прием. Поначалу он какое-то время уклонялся от приглашения, но затем вынес его на свой совет, и все его

ближайшие советники, а особенно которский нобиль Никола Бучич, его протовестиар и друг рагузинцев, посоветовали ему без опаски ехать, полностью доверяя упомянутому городу, приемом которого он останется весьма доволен. Тогда, отпустив войско, он со своей женой императрицей и тремя сотнями свиты, большую часть которой составляли магнаты и знать его королевства, через территорию Конавли прибыл в Старую Рагузу, откуда, сев на посланные за ним рагузинцами галеры под командованием Юния Соркочеви- ча (Sorgo) и Ивана Менчетича (Menze), прибыл в Рагузу. Там он был принят с великим почетом и размещен во дворце ректора. Императрица и другие сопровождавшие его лица также были размещены в удобных палатах и гостиницах. Проведя там три дня в турнирах, балах и празднествах, он вместе с императрицей, магнатами и прочей знатью был щедро одарен подношениями в виде драгоценных одежд из шелка и паволоки. Затем на упомянутых галерах он был отвезен в свой город Котор, где ему также был оказан почетный прием. После этого из Котора через Зету он вернулся в Рашку. Приезд его в Рагузу состоялся в тысяча триста пятидесятом году. В следующем году он отправил упомянутого Николу Бучича, своего прото- вестиара, во Францию просить руки дочери тамошнего короля для своего сына Уроша. Француз ответил, что охотно согласился бы на это, если бы Стефан и его сын придерживались римского обряда. При этом посол Бу- чич, муж выдающейся доблести, украшенный всеми добродетелями, вызвал во время этого посольства такое расположение у французского короля, что получил от него в дар лилию, чтобы поместить ее в свой герб. Посему с тех пор род Бучичей имеет герб в виде лилии, расположенной над поперечной полосой, а прежде у них была тыква с пирогом (Anguria con una fogazza). Когда Бучич вернулся домой и изложил своему государю содержание своих переговоров с Французом, Стефан посмеялся над ответом французского короля и послал просить руки Елены, дочери влашского государя, которую сразу же получил. После этого он обратился к завоеванию земель Романии. О его доблестных походах и славных победах, одержанных в упомянутых и многих других краях, вкратце упоминает Лаоник Халкокондил (II): «В городе Скопье находился престол Стефана Неманича. Выступив оттуда в сопровождении доблестных и закаленных в войнах мужей, он с сильным войском напал на земли близ Костура и всеми ими овладел. Затем, поведя войско на Македонию, он покорил ее целиком, кроме Салоников, и достиг Савы. Доблестно сражаясь у Дуная, он захватил всю тамошнюю область. Поставив управлять своими владениями в Европе мужей, известных ему своей преданностью, он сделался весьма могуществен. Нападал он и на греков, чтобы разорять их владения: совершив набег со своей конницей на земли по соседству с Константинополем, он полностью их опустошил. Греки были этим весьма напуганы и опасались окончательной гибели, видя огромную опасность, которой подвергалась их империя из-за нерадивости и неспособности императора Андроника Старшего, погрязшего в беспутстве. Не имея сил для прямого противостояния на поле боя, все свои надежды на спасение они возложили на защиту стен своих городов. Направившись затем в Этолию, он прибавил к своим владениям город Янину (Ioannia, ouero Ioannina), который прежде именовался Кассиопа.

Македонию, граница которой проходила по реке Вар дар (Assio), он дал в управление Жарко (Zarco), добродетельному мужу, который занимал при нем первое место. Ту часть своих земель, что простирается от Феры (Ferri) до реки Вардар (Assio), он дал Богдану, справедливому и закаленному в войнах мужу. Земли от Феры до Дуная он пожаловал братьям Королю (Chrale) и Углеше (Vnghlesa): Король был его кравчим, а Углеша — старшим конюшим (Arcimariscalco). Область по Дунаю он дал в управление Вуку (Bulco), сыну Бранко (Ргапсо). Трикалу (Tricca) и Костур (Castorea) получил жупан Никола. Этолия была отдана Прелюбу. Охрид с областью под названием Прилеп (Prilisbea) он дал в управление знатному мужу Младену (Pladica). Итак, все перечисленные мужи были поставлены королем Стефаном управлять европейскими областями. После его смерти все они удержали за собой области, полученные ими в управление». Так рассказывает об императоре Стефане Неманиче Лаоник. Он (как пишут упоминавшие о нем авторы) был лучшим воином своего времени и выдающимся полководцем. С детских лет его обуревала жажда славы, а дух его стремился к высшим и достославным свершениям.

Находясь на реке Деволе (Diavolopota) в Романии, он заболел лихорадкой, от которой не помогло ни одно из испробованных им средств. Посему в 1354 году в возрасте 45 лет он переселился в лучший мир. Его останки с великими погребальными почестями были увезены из того места и доставлены в монастырь Святого Архангела близ Приштины, который был возведен по его повелению. Правил он как король и как император в совокупности двадцать пять лет. Некоторые утверждают, что он скончался в Не- родимле. Первыми его советниками были кесарь Гргур (Gregorio), кесарь Воиня (Voihna), Брайко, Радослав (Raosau) и Бранко Расисаличи (Вгапсо Rassisaglich), Фома и его брат Войислав Войновичи, Милош и его брат Радослав Леденичи, князь Братко (Bratcho), челник Обрад, челник Вука- шин и его брат Углеша, Бранко Младенович и воевода Мирко. Упомянутые мужи почти постоянно находились при упомянутом императоре, у которого, как было сказано, от его жены был единственный сын по имени Урош. Наследовав трон своего отца, он также повелел именовать себя императором, и ни один из государей и правителей его империи не выразил своего несогласия, поскольку он был весьма пригож и от его правления ожидали только добра. Едва достигнув двадцатилетнего возраста, он тем не менее вначале показал большую рассудительность в своих поступках, однако позднее проявил свою неспособность и из-за своей ограниченности потерял власть, о чем будет вскоре рассказано.

В то время несколько магнатов Рашки по причине смерти императора Стефана стали домогаться более высокого положения, чем они занимали. В их числе были деспот Вукашин и его брат Углеша, хумские дворяне, а также князь Войислав Войнович. Каждый из них был поставлен управлять одним из основных уделов. Посему многие из преданных императору мужей советовали ему заключить в темницу деспота Вукашина, князя Войи- слава и некоторых других, проявлявших во всех своих поступках высокомерие и спесь, а уделы, которыми они управляли, передать бедным дворянам, испытывавших к нему любовь и преданность. При этом они с полным основанием доказывали ему, что, если он не сделает это сейчас, пока вышеупомянутые мужи, ни о чем не подозревая, без опаски появляются при дворе, то потом, когда он подтвердит их власть и они обретут могущество, он сможет сделать это лишь ценой огромных усилий, подвергая себя большой опасности. Урош не только не прислушался к этим советам, но, разгласив их, насторожил упомянутых мужей, которые окружили себя надежной охраной и стали редко появляться при дворе. Те же, кто давал Урошу добрые советы, видя себя разоблаченными, решили впредь от этого воздерживаться, чтобы не навлечь на себя немилость и гнев магнатов, поскольку он, не ограничившись содеянным, возвел обвиняемых в еще большее достоинство. Так, присоединив многие области к владениям деспота Вукашина, он удостоил его титула короля. Воспользовавшись этим, Вукашин принялся преследовать многих вельмож в упомянутых владениях, делая вид, что исполняет волю императора, который стремится укрепить свою власть в империи. Возвысил он и князя Войислава Войновича: отвергнув свою первую жену, дочь влашского воеводы Влайко, он женился на одной из его дочерей. [Его первая жена], глубоко оскорбленная в своих чувствах, чтобы не [усиливать свои страдания] лицезрением [счастливой] соперницы, поспешила оставить его двор и удалиться домой к своему отцу. По упомянутым причинам в империи Уроша царил великий беспорядок: всякий знатный муж стремился занять более высокое положение, всеми способами избегая подчинения себе равным. К таковым относился, в первую очередь, князь Лазарь, присвоивший себе все земли на границе с Венгрией, которые, как было сказано, именовались «землей короля Стефана». Наряду с ним и Никола Алтоманович захватил земли, которыми управлял его дядя Вой- ислав (Voisauo), скончавшийся незадолго до этого. Чтобы обезопасить свою власть [от посягательств], он заточил в темницу жену упомянутого князя Войислава с двумя ее сыновьями, своими двоюродными братьями, которых позднее приказал отравить. По их стопам пошли и сыновья Бал- ши Страцимир (Strascimir), Джурадж (Giorgi) и Балша (Balsa), небогатые зетские дворяне, которые захватили обе Зеты. Кесарь Воиня (Voihna) со своим зятем Углешей овладели всеми землями на границах с Романией. Делали они это якобы по воле императора, однако на самом деле преследовали собственные цели, так что менее чем через десять лет вся Рашка оказалась поделенной

между четырьмя вышеупомянутыми магнатами, и при живом императоре все подчинялись им и признавали своими повелителями. Король Вукашин имел престол в Приштине и владел всеми близлежащими землями. Его брат Углеша — всей Романией вплоть до Салоников, Верии (Laueria) и других городов. Балшичи — Верхней и Нижней Зетами вплоть до Албании, а также [землями] от пределов Боснии и Срема вплоть до Котора. Лазарь со своим зятем Вуком Бранковичем — «землей короля Стефана» и всем Подунавьем.

О жизни упомянутых четырех магнатов и о конце, который их ожидал, будет рассказано в дальнейшем.

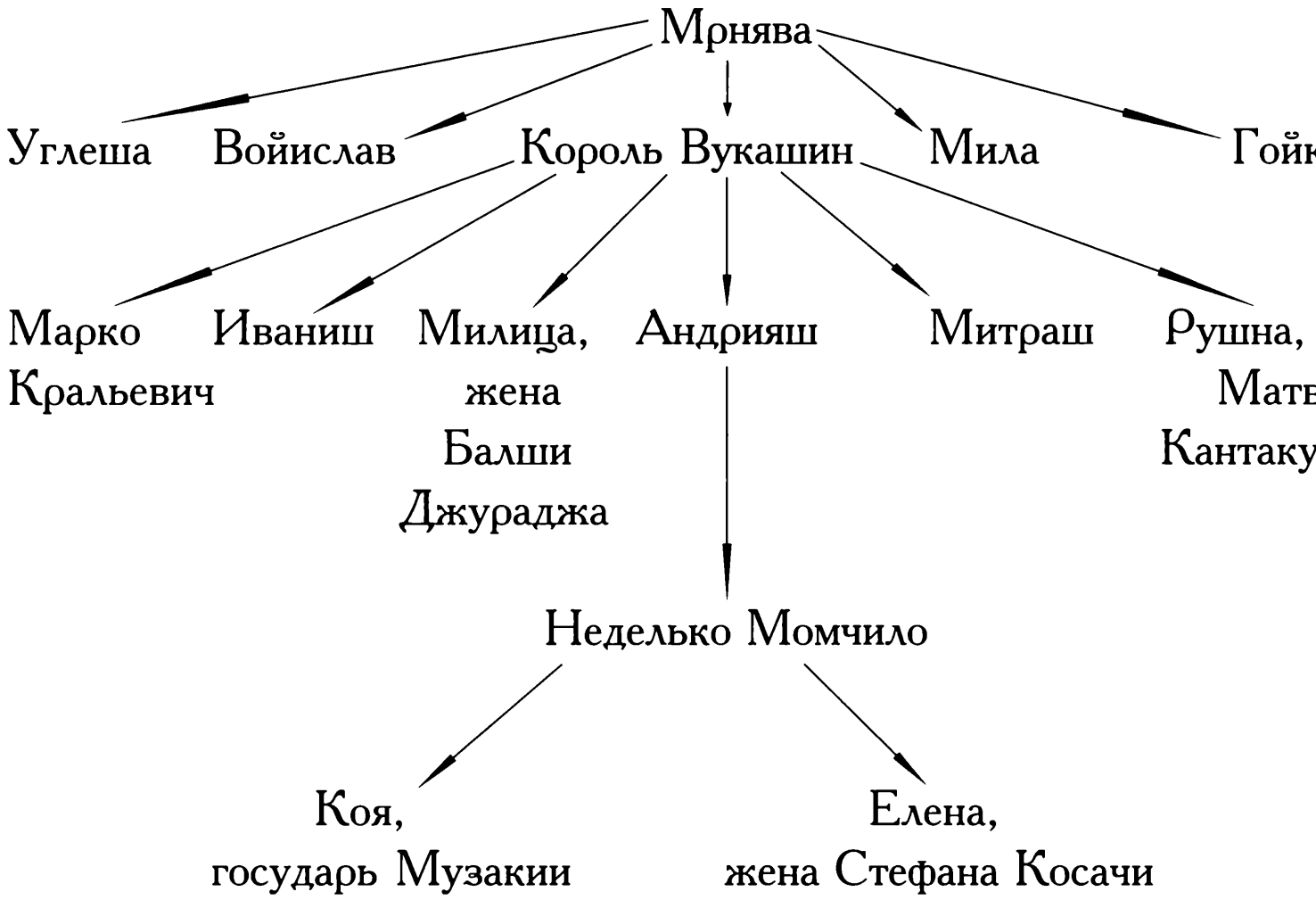
После смерти короля Уроша Слепого осталось два его сына: одним из них был (как было сказано) Стефан Душан, который позднее стал именоваться императором, а вторым — Синиша. Горячо его любивший брат Стефан, видя, что жена хочет отравить его, дал ему во владение, когда тот был еще совсем юн, город Янину в Романии со всеми землями вплоть до Арты, а также многими другими крепостями и городами в той округе, наказав беречь свою жизнь и особенно опасаться козней императрицы. Так вот, тот, видя, что каждый из магнатов захватывает земли его брата, собрал небольшое войско из греков и албанцев и, поведя его в Зету, осадил крепость Скадар. Однако из этой затеи ничего не вышло: крепость эта была неприступна по своему природному положению и защищалась опытными воинами, да и никто из магнатов Зеты и Рашки, видя его слабость и незначительность, не пожелал к нему присоединиться. Посему он вернулся восвояси и вскоре [после этого] скончался, оставив после себя двух сыновей и дочь. Имена сыновей были Дука и Стефан, а дочери — Ангелина. Дука, достигнув возраста, в котором можно управляться с оружием, во всех своих походах показал себя доблестным воином и, еще в большей степени, честным мужем. Хлапен (Clapeno), могущественный магнат из Греции, выдал за него свою дочь, однако, видя, что тот пользуется всеобщей любовью, стал подумывать о том, как избавиться от него. Он опасался, что [Дука], став государем Рашки (во что все верили), лишит его всех его владений. Дука, узнав об этом, перестал доверять своему тестю, стараясь не попасть к нему в руки. Однако Хлапен (который был мужем хитрым) сумел обмануть его, использовав [для этой цели] несколько местных епископов и монахов. Передав через них клятву, что не причинит ему никакого вреда, Хлапен заманил его в Костур, где, вопреки данной клятве, приказал схватить его и, ослепив, отослать в ту область Влахии, лежащую против Морей и Эвбеи, где жил его брат Стефан. Последний, возмужав и став прекрасным юношей, взял в жены дочь Франциска, правителя Мистры (Messara) и многих других городов и селений, расположенных в пределах Романии за Эвбеей на побережье. Их сестра Ангелина выросла красавицей и вышла замуж за Фому, сына Прелюба (Prilup), деспота и правителя Янины и других соседних областей. Тот из ревности и по причине своего злого нрава обходился с ней дурно. Некогда в одной из войн он захватил Иниго д'Авалоса (Inico di Daulo) и воспитал его при своем дворе, где последний и сошелся с Ангелиной, женой Фомы. Чтобы устранить все препятствия для удовлетворения своей страсти, Иниго, не без помощи со стороны самой Ангелины, убил Фому. Видя это, сын Фомы обратился [за помощью] к Турку. С его помощью он схватил Иниго и ослепил его. Однако, поскольку упомянутый сын не был еще способен к управлению, Ангелина по совету своих придворных вышла замуж за Исайю (Issai) из Навплии (Napoli di Romania), который в то время был правителем Кефаллонии. Управляя своими и жениными землями с большой рассудительностью, он сумел удержать свою власть и при своей жизни ни разу не подвергался нападению со стороны турок, поскольку непрестанно посылал им подарки. Жалкий же император, при своей жизни позволивший магнатам захватить всю империю, некоторое время жил у короля Вукашина, давшего ему небольшую область «на кормление». Пожив у него, он отправился затем к князю Лазарю, однако, получив и у него неласковый прием, опять вернулся к королю Вукашину. Наконец, видя, что с ним обращаются, как прежде, он решил искать убежища в Рагузе. Король Вукашин, предупрежденный об этом одним из слуг, нанес ему железной булавой удар по голове, от которого тот упал замертво. Завернув его тело в ковер, [Вукашин]

похоронил его в селении Шареник (Scairenik) Скоплян- ской нахии (Stato di Scopie).

Жизнь этого государя может служить примером превратности судьбы: притворившись благосклонной, она вознесла его, юного, здорового и честного, на такую высоту, наделив, без малейшего усилия с его стороны, таким величием, что редкие государи могли поспорить с ним в богатстве, силе и чести; но затем, внезапно отбросив свою личину, низвергла его так низко, что без всякого чужеземного вмешательства, он, как нищий, был вынужден едва ли не просить Бога ради на пропитание и одежду у своих подданных. Пока он был жив, рагузинцы ежегодно посылали ему двести дукатов, держа слово, данное его предкам, когда те были живы, и на эти [средства] он и жил.

Мать его Елена после смерти мужа жила в большой досаде. Не желая видеть магнатов своего королевства, она жила среди монахов, уподобившись монахине, постоянно пребывая в скорби. Магнаты, видя, что исполнение их дел затягивается (поскольку в тех делах она была полномочна), пришли в великое негодование. Это и послужило главной причиной падения и уничтожения власти ее сына. Сострадая его лишениям и мучениям, она скончалась на грани отчаяния, влача монашескую жизнь в одном селении, три года спустя после смерти императора Уроша, своего сына. Произошло это в 1371 году.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО ВУКАШИНА, КОРОЛЯ СЕРБИИ



ГЕРБ ВУКАШИНА, КОРОЛЯ СЕРБИИ

Итак, завершив рассказ о пресечении власти рода Неманичей в Рашке, перейдем теперь к повествованию о четырех магнатах, которые еще при жизни Уроша, последнего короля и императора из упомянутого рода, захватили власть в Рашке. Начнем мы с короля Вукашина и его брата Углеши. Родом он был из ливно (Hlieuno), и отца их звали Мрнява (Margnaua). Поначалу отец их был бедным дворянином, но затем вместе со своими сыновьями был возвеличен императором Стефаном, который, прибыв однажды поздно вечером под Благай, не пожелал входить в крепость и был любезно принят им в своем доме. Император, видя его отменные манеры, призвал его вместе с женой, тремя сыновьями и двумя дочерями к своему двору. Имена сыновей были Вукашин, Углеша и Гойко. Вышеупомянутые братья, то есть Вукашин и Углеша, превосходили всех остальных вельмож в военном искусстве, и особенно Углеша, который вел войну с городом Салоники. В результате упомянутый город вынужден был платить ему дань, и, если бы смерть не упредила его, он сделался бы его полным господином. Непрестанно воевал он и с турками, бывшими у пределов его владений, и всякий раз, вступая с ними в схватку, одерживал победу. По этой причине турки утратили всю свою былую военную мощь и доблесть. Успехи упомянутых братьев вызвали недовольство у князя Лазаря и жупана Николы Алтомановича, первых после них вельмож Рашки. Посему, сговорившись между собой осадить ихиук- ротить их неумеренную гордыню, они отправились к императору Урошу и стали всеми силами склонять его против них. В конце концов, им удалось уговорить его заключить с ними союз против упомянутых братьев, пообещав, что все отнятое у них перейдет к императору Урошу, которому они постараются вернуть отцовское королевство. Итак, собрав сильную рать, они пошли на короля Вукашина и Углешу. Те же, снарядив свою рать, встретили неприятеля на Косовом поле (Cossouopoglie). В начале сражения князь Лазарь со своим войском отступил и бежал. Никола Алтоманович, вступив в бой, был разбит, его войско было перебито, а сам он едва сумел спастись бегством. Император Урош с горсткой своих придворных попал в плен, остальные же [придворные] были перебиты, и в их числе протовестиар императора Стефана Душана Никола Буча (Bucchia), павший славной смертью, защищая своего господина. После него остался сын Петр, от которого ведут свой род нобили рода Бучичей, живущие ныне в Рагузе, и три дочери, одна из которых по имени Бьоча (Biocia) вышла замуж за Марина Гу- четича, другая — за одного из Гундуличей, а третья — за Луку Бунича. Однако вернемся к нашему повествованию. Император Урош после своего поражения и пленения был уведен королем Вукашиным в Рашку, где и окончил свои дни описанным выше образом. В упомянутой войне не принял участие род Балшичей, поскольку Джурадж Балша (Balsi) был зятем короля Вукашина. Пока указанные правители сражались между собой, Балша устраивал свои дела, захватывая земли, граничившие с его владениями. Другую свою дочь по имени Рушна (Rusna) король Вукашин выдал за Матвея, сына константинопольского императора Иоанна Кантакузина. Тот, ведя войну со своим зятем Иоанном Палеологом и желая упрочить императорскую власть и свое собственное положение, послал просить в жены своему сыну упомянутую Рушну, на что ее отец Вукашин дал немедленное согласие, отписав ей в приданое все земли, которыми владел в Албании. Упомянутый император вел войну с Палеологом на протяжении двадцати лет, и это послужило причиной того, что и венецианцы начали величайшую войну с генуэзцами. Генуэзцы держали сторону Кантакузина, а венецианцы — Палеолога. [Во время этой войны] случилось так, что удача отвернулась от венецианцев, и они по причине гибели одного из своих военачальников потерпели поражение от генуэзцев, однако это не принесло радости Кантаку- зину, потерявшему [в этом сражении] своего сына Матвея. Последний оставил после себя сына по имени Георгий и двух дочерей, одна из которых по имени Елена стала императрицей Трапезунда, а другая по имени Ирина вышла замуж за деспота Сербии Джураджа. Таким образом, Ирина, как считает Иоганн Леунклавий, приходилась внучкой королю Вукашину. Тот вместе со своим братом Углешей решил захватить владения князя Лазаря и Николы Алтомановича и полностью устранить их, чтобы они не препятствовали им в осуществлении задуманных ими планов. Однако на тот момент они не смогли ничего предпринять, поскольку граничившие с ними турки, воспользовавшись упомянутой войной, совершили разорительный набег на их земли и нанесли им

большой ущерб. Посему они решили сначала отомстить туркам, а затем со всеми силами напасть на жупана Николу и князя Лазаря. Собрав двадцатитысячное войско, они дошли в поисках турок вплоть до Фракии, большая часть которой была теми захвачена. Не встретив турок, они разграбили и сожгли их владения и повернули назад в Рашку, не соблюдая по пути никакого военного порядка. Укрывшиеся в горах турки, внимательно следившие за их перемещениями, видя это, отобрали три тысячи своих самых смелых воинов и, приблизившись к хвосту арьергарда неприятельского войска, где находилось войско Углеши, яростно атаковали их и разбили. Ааоник [Халкокондил] пишет, что Сулейман I, третий [правитель османов], напал ночью на войско короля Вукашина и его брата Углеши, которые в ту пору с другой частью войска находились неподалеку. Посему те со своими силами немедленно ринулись на помощь своим, которые во весь опор бежали при виде турок, не держа строй, как требовал [воинский] долг, и вновь натыкались на неприятеля. Турки, издали завидев идущего неприятеля, поджидали его, соединившись вместе. В завязавшемся отчаянном бою в войске рашан сделалась немалая путаница, так как они не держали никакого строя и не знали, как и с кем им надлежит сражаться. Турки, пользуясь этим обстоятельством, стали усиливать свой натиск и, в конце концов, разбили и их, обратив в бегство. Король Вукашин и Углеша всеми силами пытались удержать своих от бегства, но, видя свое бессилие, и они, спасая собственную жизнь, бросились бежать. Преследуемые турками, они достигли реки Гебр, ныне Марица. Чтобы не попасть в руки неприятеля, они вместе с конями бросились в реку. То же самое сделали и многие другие знатные мужи, и большая часть их вместе с Углешей и его братом Гойко, который командовал войском, утонула в упомянутой реке. Король Вукашин переплыл реку и, томимый нестерпимой жаждой, как был, не сходя с коня, стал пить из одного источника, забыв про осторожность. Там его паж, Никола Хрсоевич (Harsoeuich), соблазнившись свисавшей у него с шеи цепью, убил его близ селения Караманли, где состоялось сражение рашан с турками, неподалеку от крепости Черномен во Фракии. Затем его тело было перенесено в церковь Святого Димитрия в Сушице, что в Рашке. Тела Углеши и Гойко найдены не были. Остальные вельможи, избежавшие смерти, попали в плен и были уведены в неволю. Случилось это 26 сентября 1371 года. Таков был конец короля Вукашина.

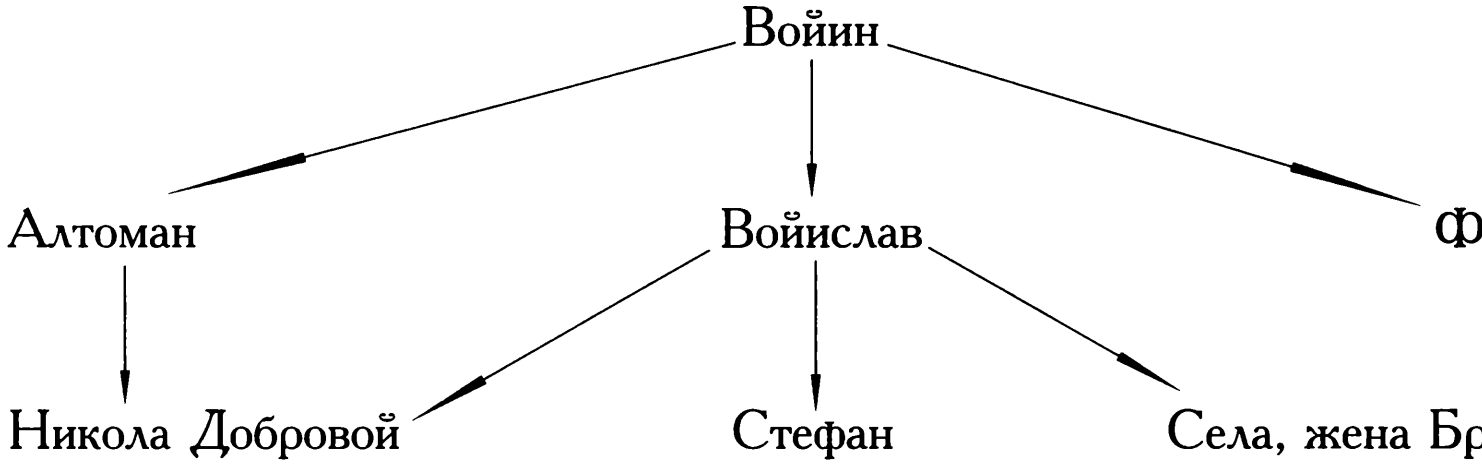
На протяжении всей своей жизни он был большим другом рагузинцев, за исключением того, что в 1369 году рассердился на них из-за императора Уроша, полагая, что рагузинцы подговорили его поднять против него оружие. Посему он собрал большое войско, чтобы пойти и наказать рагузинцев. Последние испробовали все пути и средства, чтобы смягчить его гнев, однако он упорствовал в своем намерении, пока к нему не прибыл рагузин- ский посол Влахо Вук Бобальевич (Biagio di Volzo Bobali), который провел при его дворе более месяца, дожидаясь приема. Однако, в конце концов, используя свою известную рассудительность, он сумел добиться того, что король Вукашин, сраженный его выдающимися качествами, сказал в присутствии некоторых своих вельмож, что не следует причинять вреда стране, рождающей таких мужей, украшенных всеми достоинствами и добродетелями. Сделав все, о чем его просил упомянутый Бобальевич, он отпустил его, одарив его конем благороднейшей породы, двумя парами соколов и двумя парами борзых. Все эти подарки он передал, согласно обычаю рагузинских послов, своей Синьории, которая подарила соколов и коня одному знатному немцу, прибывшему из Святой земли.

Итак, возвращаясь к нашему повествованию, после смерти короля Ву- кашина могущество государей Рашки значительно уменьшилось, а могущество турков возросло, так как они, воодушевленные одержанной победой, стали беспрепятственно вторгаться во все области Рашки и опустошать их. Посему многие вельможи этого королевства, не найдя способа дать им отпор, заключили [с ними] мир и служили им в войнах, [которые те вели] против христиан. К их числу относились Драгаш и Константин, сыновья Жарко Деяновича (Zarco Deanouich), и многие другие знатные мужи, бывшие прежде подданными короля Вукашина и его брата Углеши. Из последних Константин, как пишет Лаоник (II), превосходил всех в военном искусстве и считался одним из самых рассудительных мужей. Он напал на болгар и албанцев и отнял у них

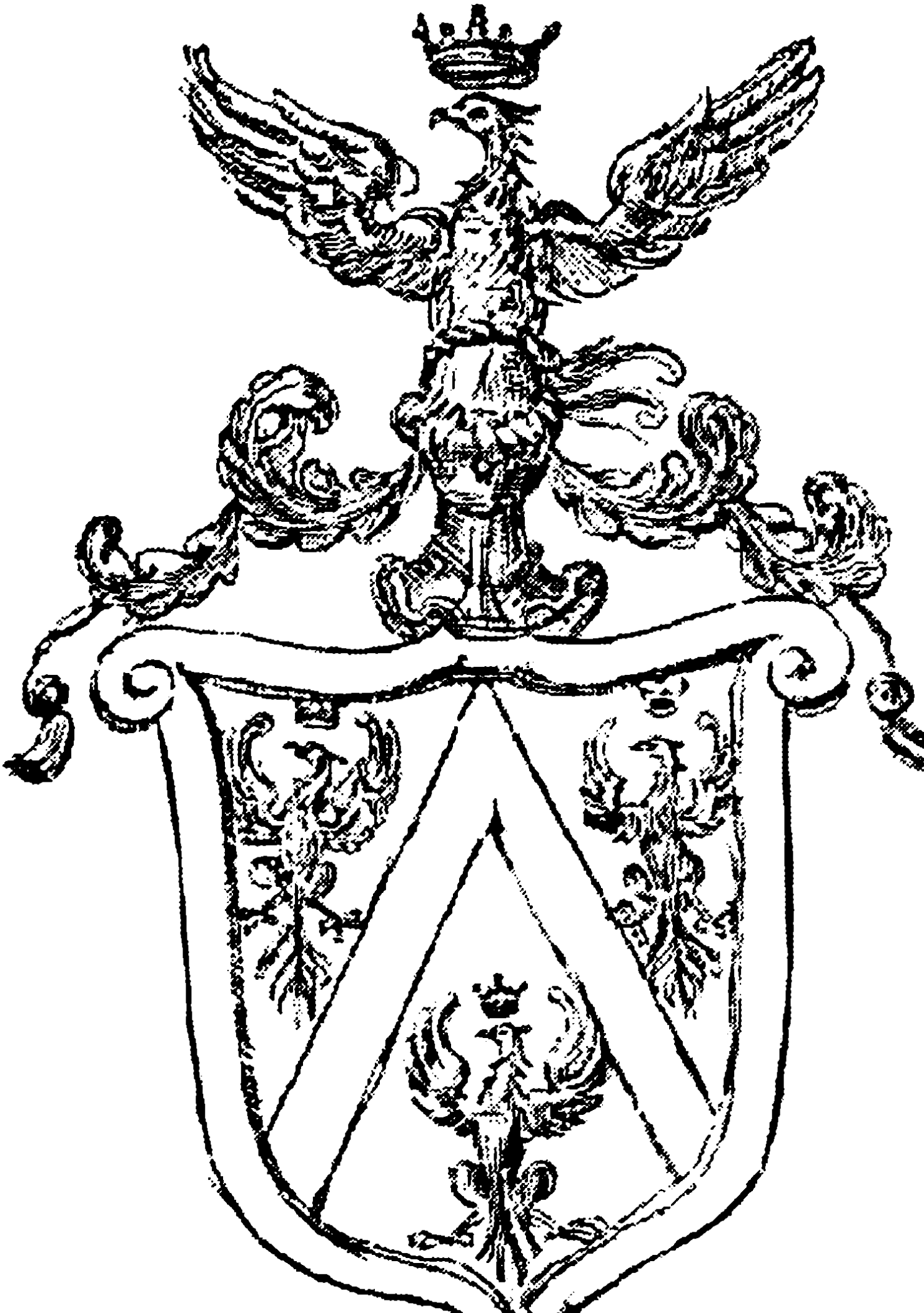
много городов. После смерти своего брата Драгаша он наследовал его власть и также был вынужден часто наведываться ко двору Турка.

После смерти короля Вукашина осталось четверо его сыновей: Марко, Иваниш, Андрияш и Митраш. Несмотря на то что они к большому удовольствию своих подданных стали управлять своим государством, враги не позволили им долго наслаждаться властью. Князь Лазарь отнял у них При- штину и Ново Брдо с множеством других соседних селений. С другой стороны Никола Алтоманович захватил все земли, которые граничили с его владениями. Сыновья Балши, хотя и приходились им родственниками, отняли у них Призрен и множество других соседних областей. Да и турки не преминули овладеть большей частью их земель в Романии. По упомянутой причине братья, чтобы хоть что-то удержать в своей власти, сделались данниками турок, которым стали служить и в войнах. Иваниш, однако, не смог вынести длительного пребывания под их тиранией и ушел с горсткой своих подданных в Зету к сыновьям Балши, которые охотно приняли его, дав им столько земли, сколько тому было нужно на прокорм. Другой его брат Марко, называемый некоторыми Кралевич, выступив с турецким султаном Баязидом I против влашского государя Мирчи. Вступив с ним в сражение под Кралево (Chraglieuo), городом в Валахии, он потерпел поражение и, укрывшись в роще, был сражен там стрелой, пронзившей ему горло, которую пустил один влах, принявший его за дикого зверя. Тело его было предано земле в монастыре Блачаны (Blaciani) близ Скопье. Митраш также пал в бою с турками, не оставив после себя сыновей. От Андрияша, четвертого брата, родился Неделько Момчило (Dominico Monscilo), который был отцом Кои, государя Музакии, и Елены, жены Стефана Косачи, герцога Святого Саввы. Никого же больше из рода короля Вукашина не осталось. Столь жалкий конец был уготован [королю Вукашину] и его братьям не без вмешательства Небесной Силы, не позволившей им наслаждаться властью над королевством, столь неправедно отнятым ими у своего господина, который из низов возвысил их до столь высокого и знатного положения.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО НИКОЛЫ АЛТОМАНОВИЧА, КНЯЗЯ УЖИЦКОГО



ГЕРБ НИКОЛЫ АЛТОМАНОВИЧА

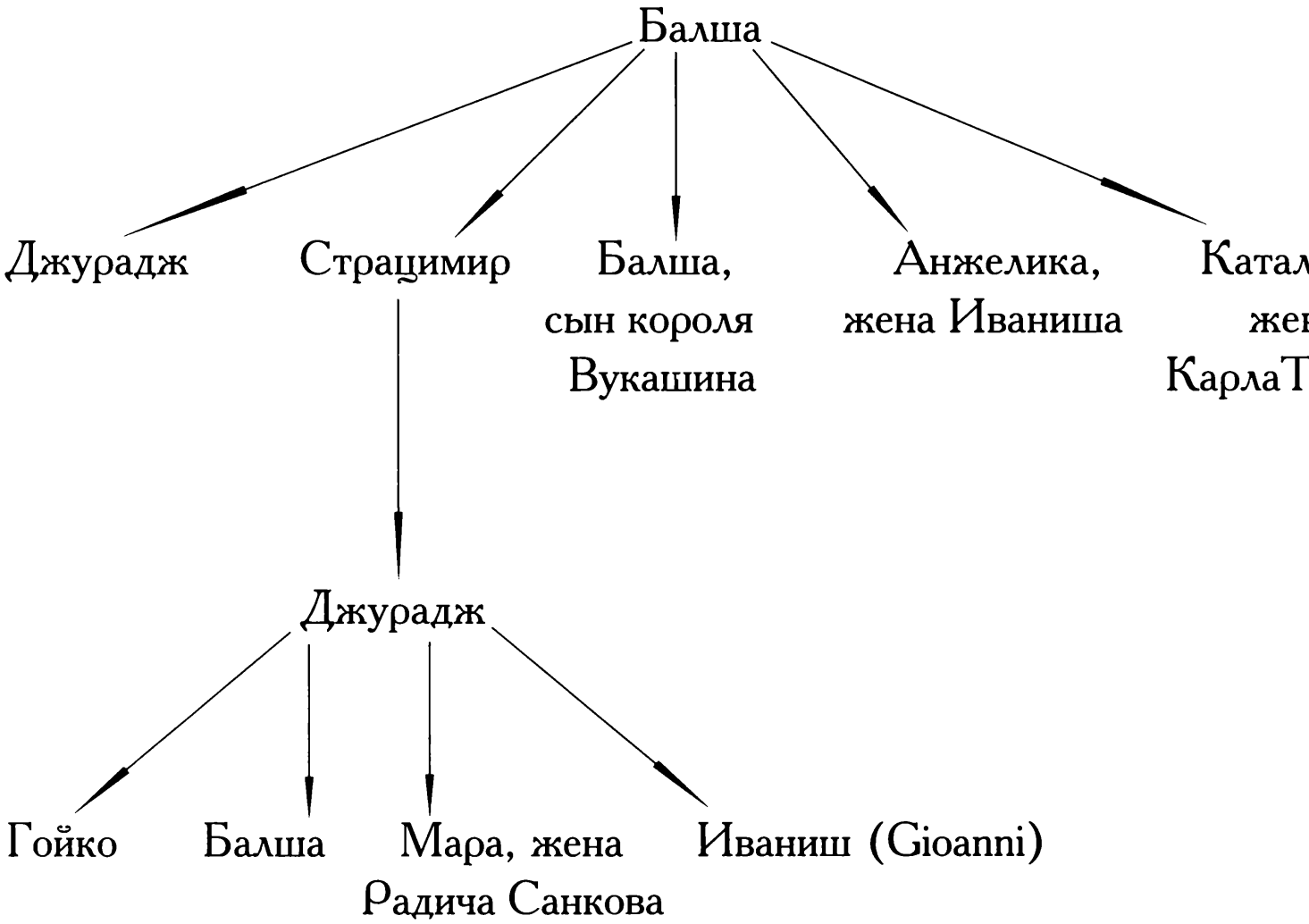


Теперь мы расскажем о судьбе Николы Алтомановича, еще одного из узурпаторов власти в Рашке. В начале нашего повествования следует узнать читателю, что во времена короля Уроша Слепого в числе прочих его вельмож был один по имени Войин (Voino). Он пользовался у короля большим авторитетом и получил от него в управление, более того, во владение, все Хумское княжество, со всех сторон граничившее с [владениями] рагузинцев, которым он на протяжении своей жизни под различными предлогами причинил немало вреда. У Войина родилось трое сыновей: Фома (Тота), Вой- исав (Voisau), или Войслав (Voislau), и Алтоман. После смерти отца они поделили между собой Хумское княжество. Войславу досталась та область, что граничила с рагузинцами, с которыми он, пока был жил, вел непрерывную войну. Во время этой войны он разорил и предал огню всю их территорию, перебив немало их купцов, честно торговавших в его владениях. Делал он это, по его словам, по повелению короля, своего господина. Однако и рагузинцы иной раз воздавали ему [отмщение] в полной мере. После его смерти его племянник Никола, сын Алтомана, скончавшегося еще при жизни Войислава, превосходя по части злодейства и деда и дядю, недовольный уделом, доставшимся при разделе его отцу, захватил силой удел своего дяди Войислава. Чтобы избежать в будущем связанных с этим споров или войн, он схватил Добровоя и Стефана, сыновей Войислава, вместе с их матерью и бросил их в темницу, где они после семи лет непрерывного заключения жалким образом окончили свою жизнь. Другие полагают (как было сказано ранее), что они вскоре были им отравлены, от Фомы же сыновей не осталось. Этот Никола, будучи молод, отличался немалой доблестью и владел той областью Хума, которая была во владении его отца Алтомана при жизни императора Стефана. Затем, после смерти своего дяди, владения которого простирались от побережья Рагузы до Ужицы, он захватил (как мы сказали) и его земли, завоевав также некоторые другие области вплоть до пределов Срема, и господствовал вплоть до границ Боснии на Дрине. В войнах он был доблестен и стремителен, но отличался безрассудством и непостоянством в своих поступках, был вероломен и с легкостью начинал войны с соседними государями. Посему, полагая, что нет в мире никого, кто мог бы сравниться с ним в доблести и могуществе, он принялся воевать и разорять пределы Боснии по Дрине, нанося большой ущерб боснийскому бану Тврткo. Среди прочего, однажды он по наущению Санко (Senco), сына Милтена (Milteno), пришел в Хумскую землю, грабя и разоряя упомянутую область, напал в Бишче (Bisze) на округу подградья (lo Torno di podgradie) и захватил ее, а затем дошел до Лопорина (Loporin) и его сел. Упомянутый Санко был вельможей бана Тврткo и владел всеми землями Хума от Приморья до Коньица (Chogniz) и Невесинья со всеми Влахиями. Бан, видя это нападение, собрал против [Санко] войско и изгнал его, и тот отправился к Николе Алтомановичу, с которым ходил грабить Хумскую землю. Этот Никола (как было сказано выше) пошел войной и на Рагузу. В 1371 году, схватив несколько рагузинских купцов и нобилей, он стал пытать их, вырывая зубы, и, в конце концов, вынудил заплатить выкуп в четыре тысячи флоринов. В том же году он с большим войском пришел разорять Жупу (Вгепо), но между Требинье и Жупой натолкнулся на [войско, предводимое] Паско Мартинусичем (Pasqual di Martinusc). В завязавшемся там сражении он был разбит, потеряв немало своей знати.

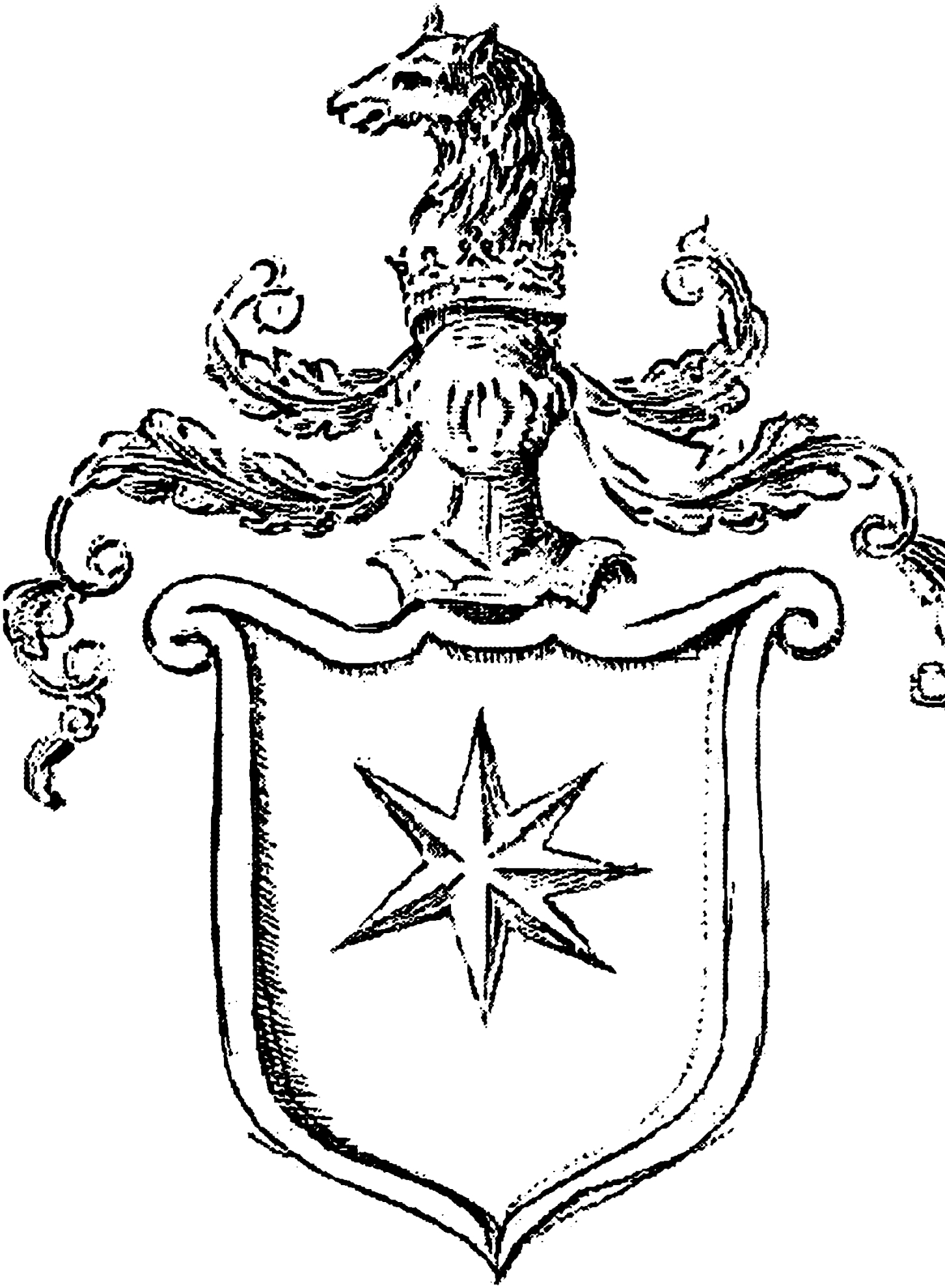
Находясь у пределов Венгрии, он непрестанно разорял эти земли. И, чтобы не осталось ни одного злодейства, которое бы он не совершил, он задумал убить князя Лазаря и захватить его владения. С этой целью он послал ему приглашение приехать к нему на переговоры. Князь Лазарь, прекрасно осведомленный о его коварстве, не доверял ему. Хотя между ними и не было открытой войны, тем не менее они ненавидели друг друга. Несмотря на это, они договорились встретиться в условленном месте и там переговорить. Князь Лазарь прибыл в сопровождении только пяти мужей, Никола — с таким же числом сопровождавших, причем никто из них не имел при себе оружия. Однако Никола, приехавший с единственной целью лишить жизни князя Лазаря, прежде, чем они съехались, приказал нескольким верным людям спрятать оружие под стволами деревьев, укрыв его снегом, бывшим в том месте. После того как они сошлись и обсудили все дела, Никола выхватил спрятанное оружие, и один из его свиты нанес князю Лазарю удар в грудь. Удар был столь силен, что князь почти замертво свалился на землю. Рана,

однако, оказалась не смертельной: клинок не проник внутрь, поскольку его острие наткнулось на золотой крест, который князь Лазарь носил на шее. Никола и его люди, полагая, что Лазарь без сомнения мертв, обратились, чтобы перебить его свиту. Там были тогда убиты рашанские дворяне Михайло Давидович и Жарко Мркшича (Zarco Merescich). Поднялся большой шум, и паж, державший за уздцы коня Лазаря, подбежал к тому месту, где лежал его господин. Тот, увидев коня, немедля вскочил в седло и устремился в бегство. Этого не заметили ни Никола, ни его свита, поскольку, как было сказано, пребывая в уверенности, что он мертв, старались перебить остальных. Когда же они это заметили, то не осмелились его преследовать, поскольку войско князя Лазаря было поблизости и спешило ему на помощь. Посему Никола был вынужден бежать, а князь Лазарь из-за раны провел немало дней в постели. Полностью исцелившись, он отправил посла к венгерскому королю Лайошу, прося отомстить за обиду, причиненную ему коварным Николой, обещая дать десять тысяч фунтов серебра (lire cTargento) и быть ему впредь покорным и верным слугой. Снесся он и с боснийским баном Тврткo, который был врагом Николы, прося его о помощи в этом походе. Венгерский король немедленно послал ему тысячу всадников, вооруженных пикой (lanze), под предводительством Николы Горянского (Nicolo di Gara), бывшего в ту пору баном Срема, а бан Тврткo прибыл сам со своим войском. Итак, объединенными силами они с князем Лазарем вторглись в земли Николы и предали все огню и мечу. Никола, видя, что силы неравны и сопротивление невозможно, стал отходить к Приморью. Сначала он подошел к крепости Клобук, отданной им некогда под охрану нескольким дворянам, носившим имя Зорки (Sorche), которым он оказал немало милостей, однако внутрь крепости его не пустили. Видя такое предательство, он отправился в Требинье и Конавли. Не встретив и там радушного приема, он некоторое время пребывал в раздумье, не зная, где искать спасения. В Рагузу он идти не хотел, так как после развязанной им жестокой войны с ним не доверял упомянутому городу, хотя в ту пору и находился с ним в мире. Решив вернуться назад, он укрылся в своем замке Ужица. Князь Лазарь, узнав об этом, немедленно прибыл туда со всем войском и осадил замок. После нескольких приступов с применением различных приемов, а особенно огня, осажденные, не в силах более сопротивляться, сдались. Так злокозненный Никола со всем своим добром попал в плен и был брошен в темницу. Охранять его было поручено нескольким дворянам из числа его заклятых врагов, главным из которых был Стефан Мусич (Molssich). Получив тайное дозволение от князя Лазаря, тот выколол ему глаза. Так, ослепленный, он прожил некоторое время в одном монастыре, а затем, переходя из одного места в другое, достиг, в конце концов, Зеты, прося у сыновей Балши не дать ему умереть с голоду. Там в 1374 году он и окончил свои дни. Так Никола Алтоманович, который никогда ни с кем не желал жить в мире и дружбе, был наказан за свое злодейство. Из земель и областей, которыми он владел, каждый из союзников взял себе те, что граничили с их пределами, за исключением Требинье, Конавли и Драчевицы, которые были заняты сыновьями Балши, хотя они и не принимали участие в упомянутой войне.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО БАЛШИ, ГОСУДАРЯ ЗЕТЫ



Герб Балшей



Балша, о котором теперь пойдет рассказ, был довольно бедным зетским дворянином и при императоре Стефане владел только одним селением. Однако после смерти упомянутого императора, когда сын последнего Урош явил свою бездарность в качестве правителя, он в союзе с некоторыми своими друзьями и сыновьями Страцимиром, Джураджем и Балшой начал захват Нижней Зеты. Среди упомянутых сыновей Страцимир превосходил всех в добродетели и приверженности вере, Джурадж был мудр, весьма осмотрителен и искушен в военном искусстве, Балша был добродушен и славился как доблестный всадник, но не отличался большой рассудительностью. Сначала их отец овладел крепостью Скадар, которая была сдана ему теми, кому была поручена ее охрана, а затем захватил всю Зету вплоть до Котора. Затем, развернув свою рать, он пошел походом на Верхнюю Зету, которой владел Джурадж Илич (Giurasc Illijch) со своими родственниками. Джурадж был убит сыновьями Балши, одни из его родственников были схвачены, другие покинули страну. Так сыновья Балши овладели и Верхней Зетой. Подобным же образом расправились они и с Дукаджинами (Ducagini), имевших немало имений в Зете: одних перебили, других — бросили в темницу. Захватывая эти и другие земли, они в большей степени полагались на хитрость и обман, нежели на силу оружия. С королем Вукашиным они жили в мире, поскольку Джурадж был женат на его дочери Милице. После смерти короля Вукашина он отпустил ее, чтобы жениться на Феодоре, женщине мудрой и красивой, вдове Жарко Мркшича и сестре Драгаша и Константина Деяновичей. В ту пору в Зете объявился человек по имени Никола Ца- пина, муж весьма низкого звания, бывший в молодости слугой у неких рагузинцев. Ходили слухи, что он был сыном бедняка из Зеты и в течение некоторого времени там и пробавлялся. Будучи хитрым и ловким, он стал выдавать себя за Шишмана, сына болгарского царя Михаила, павшего в бою (как было сказано ранее) от руки рашан, [тот самый], который после смерти своего отца остался в возрасте трех лет на руках у своей матери. По некоторым признакам, которые он называл, одни ему верили, другие отказывались себя убедить. Собрав несколько сторонников, он в качестве наемника отправился в Неаполитанское королевство, которым тогда правил король Роберт, или, как считают другие, Людовик, бывший прежде правителем Тарента. Как пишет Шипионе Аммирато, после того как королева Неаполя Иоанна I умертвила своего мужа Андрея (Andreaso), она вышла замуж за упомянутого Людовика, прекрасного юношу, сына Филиппа, брата Роберта, бывшего в ту пору правителем Тарента. Объявив себя болгарским царем, Цапина встретил радушный прием у упомянутого короля. Выполнив немало его поручений, касающихся, в частности, поимки неких бунтовщиков, он завоевал расположение короля, который дал ему в жены свою вдовствующую сестру, рожденную его отцом вне брака. Она была матерью албанского магната Карла Тобии (Tobia), которого называют также Карл Токия (Tochia), Тозия (Tosia) или Топия (Topia). Как пишет Марин Бар- леций, [Карл] родился в Беневенте. Посланный неаполитанским королем в [поход на] Грецию, он сначала подчинил острова Архипелага упомянутому королю, а затем сам стал владеть ими. Как пишет Лаоник, однажды во время охоты он схватил Музакия (Musachio), то есть Исакия (Isaco), и убил его. Он захватил также Акарнанию, Арту (Larta), Этолию, Ахелой- скую область (il paese d'Achelo) с Элидой, и основал Крою (Croia). Вернемся, однако, к нашему рассказу.

Людовик, видя великую доблесть Цапины, послал его в Сицилию, где он наилучшим образом справился со всеми поручениями короля, за что король, пока был жив, любил и чтил его, удостоив положения, равного самому королю. Однако после смерти короля Людовика Цапина, наживший себе в королевстве немало врагов, с небольшим отрядом солдат покинул его. Прибыв в Драч, он был радушно принят местными жителями, так как обещал им покорить их власти Зету и Албанию, которыми в ту пору владели сыновья Балши. Последние, узнав об этом, подступили с большим войском к Драчу и осадили его. Цапина вышел со своим отрядом и вступил в бой. Несмотря на проявленную доблесть и то, что один из его солдат, не признав Джураджа Балшича, сбросил его с коня, он, ввиду превосходства неприятельских сил (поскольку против одного сражалось двадцать), был вынужден отступить со своим отрядом под стены города. Однако те, что были внутри, видя такое развитие событий, заперли ворота и, пропустив одного

Цапину, не позволили никому войти в город. Посему многие попали в руки неприятеля, остальные же были перебиты. Цапина пришел от этого в немалое негодование и покинул Драч. Бродя в качестве наемника по всему свету в поисках удачи, он, в конце концов, оказался в Болгарии. Тут он снова стал выдавать себя за Шишмана, сына царя Михаила, и с помощью турок и болгар принялся захватывать земли и города упомянутого царства. Видя это, Шишман, сын Александра, правивший в ту пору Болгарией, стал изыскивать средство от него избавиться. Когда ему донесли, что тот жил с одной красавицей–болгаркой по имени Дунава, он, наобещав ей золотые горы, сумел устроить так, что та отравила его. Таков был конец несчастного Цапины. Случилось это в 1373 году, и в то же самое время скончался старший сын Балши Страцимир, оставив после себя малолетнего сына по имени Джурадж. После этого прибыл в Апулию один из членов наваррского королевского дома по имени Алоизий (Aluisi), весьма опытный и искушенный в военном деле правитель. Женившись на герцогине королевской крови, он решил лично отправиться в вышеупомянутый город [Драч], чтобы оттуда завоевать не только Зету и Албанию, которые, по его словам, принадлежали его жене, но и, если удастся, всю Рашку. Отправив перед собой в Драч шестьсот отважных воинов, приведенных им из Гаскони, он, не успев покинуть Апулию, был сражен тяжелой болезнью и скончался. Оказавшиеся в Драче воины, оставшись без начальника, стали ежедневно тревожить Карла Тобию и других албанских правителей, и никто не мог с ними совладать, поскольку сотня таких воинов стоила тысячу албанцев или зетчан. Джурадж Балшич, видя это, привел против них к Драчу отборных воинов из Зеты и Албании, надеясь одержать над ними верх, но и у него ничего не вышло: ни в одной из многочисленных стычек с ними он ни разу не вышел победителем. Тогда Джурадж, видя их доблесть и понимая, что, если от них не избавиться, то все его владения в упомянутых краях подвергнутся опасности, решил прекратить попытки одолеть их силой и попытался с помощью денег уговорить их покинуть Драч. Когда он предложил им шесть тысяч флоринов, они тут же согласились и, сев на корабли, отбыли в сторону Романии, где захватили несколько городов и областей и в течение длительного времени ими владели. После смерти короля Вукашина (как было сказано) братья Джурадж и Балша захватили часть его владений. Не довольствуясь этим, они пошли войной на Влахо Матаранго (Biagio Matarango), правителя Музакии. Не сумев одолеть его силой оружия, они заключили с ним мир и стали делать вид, что дорожат его дружбой. Пригласив его однажды под [ложной] клятвой, они бросили его в темницу вместе с его малолетним сыном и держали там до самой его смерти. Сын его провел в темнице семнадцать лет и был освобожден после смерти Балши. Итак, схватив описанным образом Матаранго (Matarando), Балшичи овладели практически всей частью Албании, которая простирается до Вало- ны и, сверх того, захватили в Романии Канину и Белград. Они завладели бы и той областью, лежащей против Драча, которой владел Карл Тобия, если бы не чтили свою сестру Каталину, бывшую женой упомянутого Карла. Хотя войн с последним они и не вели, но тем не менее приязни к нему не испытывали, чередуя [в отношениях с ним] дружбу и вражду. Так они жили, пока Карл, принеся [ложную] клятву, не схватил Джураджа и не бросил его в темницу. После этого они стали вести переговоры о вечном мире, после заключения которого Джурадж был освобожден при условии, что будет впредь жить в дружбе с упомянутым Карлом. Для заключения этого мира Карл тайно снесся с рагузинцами, прося их выступить в качестве посредников. С этой целью в 1376 году из Рагузы был отправлен посол Матвей Будачич (di Bodaza), который их и примирил. После этого они до самой своей смерти жили в дружбе и часто лично навещали друг друга, не имея никаких подозрений и доверяя друг другу так, как если бы были сыновьями одной матери.

После смерти короля Вукашина его сын Марко владел Костуром, Ох- ридом и Аргосом (Argo) в Морее. Он жил в согласии с турками, постоянно оказывая им почести и даря подарки. Разгневанный этим Балша Балшич пошел с войском на Костур, чтобы отнять его у него. В это время в городе находилась жена Марко Елена, дочь Хлапена, первого вельможи Греции. Поскольку та частенько изменяла ему с другими, Марко презирал ее. Посему Балша, решив действовать обманом, стал предлагать ей сдать город, поскольку хочет жениться на ней и отпустить свою первую жену, дочь белградского деспота. Та согласилась и, впустив его

со всем войском, отдала ему власть над городом. Марко, узнав об этом, немедленно подступил к Костуру с большим войском из турок и своих подданных и осадил его, но не смог овладеть им силой. Извещенный об этом Джурадж, брат Балши, собрал всех, кого мог, и двинулся к Костуру на помощь брату. Марко, видя, что с теми малыми силами, которыми он в ту пору располагал, ему с ними не справиться, снял осаду и удалился. Так Балша был освобожден и отправился с новой женой в Зету. Там, не в силах терпеть ее распутную жизнь, он сначала заключил ее в темницу, а затем с большим позором отпустил.

Владения Балшичей граничили с городом Котором, и им очень хотелось завладеть им. Не имея возможности захватить город, который был хорошо укреплен и находился под надежной охраной, они, чтобы вынудить его покориться и сделаться их данником, ежедневно разоряли его территорию, всячески истязая его жителям, попадавших к ним в руки. Однако цели своей они достичь не могли, поскольку которцы, которые и прежде проявляли немалое мужество в самых опасных обстоятельствах, решили вытерпеть любые лишения, но не покориться их власти или признать над собой их главенство. Посему они постоянно находились в состоянии войны, и, даже если о чем-то договаривались, то вскоре нарушали все договоры и еще больше усугубляли свои отношения.

Так вот, когда между ними царила упомянутая вражда, случилось так, что все владения Николы Алтомановича (как было сказано) были захвачены его врагами. Три области из этих владений, а именно Требинье, Конав- ли и Драчевица, граничившие с владениями Балшичей, были заняты ими. При этом они затаили обиду на боснийского бана Тврткo, захватившего все остальные области, которыми прежде владел Никола. Поскольку все упомянутые области зависели от Рашки, они утверждали, что, будучи вельможами этого королевства и родственниками королей, которые владели им, имеют на них больше прав, чем Тврткo, не имеющий к упомянутому королевству никакого отношения. Тврткo же отвечал, что эти области и все королевство принадлежит ему, поскольку он является потомком упомянутых королей по женской линии. Не сумев договориться, они условились о встрече в безопасном месте в сопровождении небольшой свиты, чтобы уладить разногласия и не вступать в войну. Избрав [местом для переговоров] Рагузу, они решили принять решения по всем разногласиям перед лицом тамошнего сената. Джурадж Балшич, зная, что встреча должна состояться на расположенном против Рагузы острове Локрум (Lacroma), решил схватить бана Тврткo и, садясь на галеру под Улцинем, спрятал в ней несколько вооруженных людей. Однако его намерение не осуществилось, так как сенат Рагузы, то ли предупрежденный об этом, то ли из опасения чего-либо подобного, приказал хорошо вооружить галеру, на которой Тврткo должен был отправиться к упомянутому острову. В монастыре упомянутого острова в присутствии множества рагузинских нобилей они провели переговоры. Не сумев в силу указанных выше причин прийти к согласию, каждый из них вернулся восвояси. Вскоре после этого Требинье, Конавли и Драчевица отложились от Балшичей и перешли под власть бана Тврткo. Тот, видя, что род Неманичей в Рашке пресекся и что королевство принадлежит ему, принял титул короля Рашки, о чем будет более подробно рассказано далее, когда пойдет речь о правителях Боснии. Балшичи, узнав об этом восстании, собрали десятитысячное войско и с Карлом Тобия прошли через Оно- гошт вплоть до Невесинья, предавая все владения Тврткo огню и мечу, а затем, нагруженные добычей, вернулись в Зету. Через три месяца после этого, 13 января 1379 года, в Скадаре скончался Джурадж Балшич, и с его смертью наступила пора великого упадка для Зеты, границами которой в древности служили отроги великих Альп. После смерти Страцимира и Джу- раджа власть перешла к их младшему брату Балше. Он не отличался большой мудростью, но, благодаря своей доблести и авторитету своих братьев, смог некоторое время продержаться у власти, пребывая то в Зете, то в Белграде в Романии. В то время королевство Апулии изнывало от нашествия французского герцога Анжуйского. Когда упомянутый герцог скончался в Бари, а король Карл был убит в Венгрии, Балша захватил Драч с его крепостями. В это время большое турецкое войско подошло к Белграду в Романии и разорило часть его владений. Балша, узнав об этом, не дожидаясь сбора большого войска, с тысячью конницы

выступил из Драча и пошел на турок. Зетский отряд значительно уступал по численности силам турок, посему его вельможи стали отговаривать Балшу от сражения с турками, пока не будет собрано достаточно сил. Однако он в силу своей отчаянной смелости, не пожелав внять мудрому совету и оценить нависшую над ним опасность, решил атаковать неприятеля. В битве на реке Воюше в области под названием Грекот (Grecot) на Поповом поле, находящемся в упомянутой области, он был разбит турками и нашел там свою смерть. В этом бою его воины проявили великую доблесть, сдерживая в течение длительного времени натиск врага, численность которого достигала пяти тысяч, и нанося ему немалые потери. Однако и воинов Балши полегло немало, некоторые же попали в плен. Среди прочих был убит его воевода Джурадж Крвавчич (Giurag Cheruaucich), доблестный воин, и сын короля Вукашина Ива- ниш. У Балши турки отрубили голову и поднесли ее турку Хайретдину (Chariatino), который от имени турецкого султана Мурада владел землями Македонии и Романии. Произошло это в 1383 году. Упомянутого Балшу вместе с его братом Страцимиром рагузинцы за многие полученные от них милости приняли в число своих нобилей, и из Рагузы был послан Марин Криевич, чтобы объявить им об этом и поздравить. Жена Балши по имени Канина, которая находилась в Белграде, после гибели своего мужа примирилась с турками, постоянно посылая им подарки. По причине смерти Балши был освобожден из заключения в крепости Драча Джурадж, сын Стра- цимира, попавший туда за непослушание, проявленное им в Зете, а также из опасения, что, оказавшись на свободе, он по причине своего буйного нрава и отчаянной смелости попытается захватить власть над Зетой. Отправившись в Зету, он был принят в качестве правителя, хотя некоторые из [вельмож] Верхней Зеты и Црноевичи не присягнули ему в покорности, делая вид, что признают над собой власть лишь боснийского короля Тврткo. Джурадж оставил тогда это без внимания. Узнав, однако, что зетские нобили Никола и Андрей Сакаты (Sachet), мужи мудрые и осмотрительные, задумали лишить его власти, он, вступив в сделку с Дукаджинами, по совету последних приказал схватил их и ослепить. Вскоре после этого начались раздоры между ним и Дукаджинами, из страха перед которыми он женился на дочери рашанского князя Лазаря Деспине, бывшей прежде женой молдавского государя Шишмана, что укрепило его могущество. Однако и этого оказалось недостаточно, чтобы дать отпор туркам. Пять тысяч турок, разорив всю Албанию и Музакию вплоть до Драча, совершили опустошительный набег на Зету и территории Будвы, Бара, Скадара, а некоторые из них достигли Острога у пределов Оногошта (Angasto) в Верхней Зете. Там [турками] было захвачено великое множество албанцев и славян обоего пола, которые были уведены в плен; тех же, кого не смогли увести, они жестоко умертвили, и никто не посмел дать им отпор. Более того, сам Джурадж, спасаясь от их неистовства и понимая, что силы неравны, поставил в своих крепостях гарнизоны и, снабдив их всем необходимым [для обороны], бежал в Улцинь. Отправляя оттуда одно за другим посольства с множеством подарков, он сумел смягчить турок и заключил с ними мир. Это произошло в 1386 году. Вскоре после этого Джурадж скончался. После его смерти Зетой правил его сын Балша, поскольку его [Балши] братья Гойко и Ива- ниш умерли еще при жизни своего отца. Этот Балша год спустя захватил Скадар, но без цитадели, и занял все земли Зеты, за исключением упомянутой цитадели, оставшейся во власти венецианцев, которым его отец уступил упомянутый Скадар и часть его округи. [Сделал он это потому], что не мог больше сдерживать натиск турок, с которыми венецианцы сражались неоднократно, всякий раз выходя победителями. Итак, когда Балша упомянутым образом захватил Зету, Синьория Венеции отправила туда несколько галер под командой Марино Каравелло, который при помощи подкупа и щедрых посулов сумел устроить дела в пользу венецианцев так, что в один из дней Балша со своей матерью едва успели бежать из Зеты. Так венецианцы овладели всей Нижней Зетой со всеми ее городами. Позднее, в 1413 году, Балша вернул себе большую часть Зеты, которую удерживали венецианцы. Причиной этого послужила неосмотрительность их военачальника, которого они держали в Скадаре, по имени Бенедетто Контарини, мужа безрассудного, который казнил несколько зетчан без всякой вины с их стороны. Тем не менее Синьория Венеции заключила договор с Бал- шой, вернув ему все те земли, которыми прежде владел его отец. Однако в марте 1419 года Балша, подстрекаемый своим

родственником Стефано Ма- рамонте из Апулии, который позднее стал государем Черногории и от которого пошел род Црноевичей, вновь подступил с войском к Скадару. Однако не смог ничего добиться, за исключением того, что ограбил несколько рагузинских купцов, возвращавшихся из Рашки, что и после этого делал всякий раз, когда ему попадался какой-нибудь рагузинец. Венецианцы непрерывными войнами до такой степени измотали его военные и душевные силы, что в 1421 году он заключил с ними перемирие. Покинув Зету, он отправился в Рашку к своему дяде деспоту, оставив вместо себя вышеупомянутого Стефано Марамонте. Однако еще до отъезда из Зеты он подхватил лихорадку и по прибытии в Рашку в апреле упомянутого года скончался. Стефано Марамонте, узнав о его смерти, немедленно переселился в Апулию. Воспользовавшись этим, венецианцы незамедлительно захватили всю Зету, однако у них в руках она находилась недолго. В том же году, когда скончался Балша, деспот Стефан, сын князя Лазаря, вторгся с большим войском в Зету и тут же отвоевал ее со всеми ее землями. У венецианцев остался лишь Скадар без его округи, а также Улцинь с Будвой. Однако и он, в конце концов, заключил с венецианцами перемирие, по истечении срока которого в конце 1422 года война между ними возобновилась. Посему деспот Стефан послал в Зету войско под началом воеводы Мазарака, который прежде довел до крайности жителей Скадара. Однако венецианцы смогли преодолеть эти затруднения при помощи денег: подкупив кое- кого в Зете и Рашке, они устроили так, что в декабре упомянутое войско деспота Стефана было разбито и стремглав бежало домой по причине восстания большинства паштровичей (Pastrouicchi) и памалиотов (parmalioti). Затем в мае следующего года Джурадж отправился со своим войском и войском своего дяди деспота в Зету и стал лагерем между Скадаром и [монастырем] Св. Сергия. Венецианцы, послав несколько своих галер, высадили войско в Зете. Возведя укрепления, упомянутое войско расположилось под [монастырем] Св. Сергия и пребывало там некоторое время, ничего не предпринимая. Видя это, сенат Венеции решил заключить мир с деспотом и его племянником Джураджем, хотя паштровичи, благоволившие венецианцам, попытались этому помешать.

В 1425 году деспот передал всю Зету, находившуюся под его властью, своему племяннику Джураджу. Тот отправил посла в Синьорию Венеции, которая на следующий год через своих послов заключила с Джураджем мир, обязавшись ежегодно выплачивать ему тысячу дукатов за Скадар. В августе того же года Джурадж отбыл из Рашки со своей женой и детьми и прибыл в Зету, куда прибыл и Стефано Марамонте, призванный некоторыми зетчанами, желавшими сделать его своим правителем. Прибыв из Апу- лии на рагузинском корабле, он высадился на территории паштровичей. По причине этого прибытия некоторые из его [Джураджа] сторонников, особенно рашане, стали наговаривать Джураджу на рагузинцев, настроив его против них. Рагузинцы же предпринимали все возможное, чтобы своей преданностью и услужливостью успокоить его и вернуть себе его расположение, поскольку он заслуживал всяческого почета и уважения с их стороны. В самом деле, он и его отец всегда были друзьями города Рагузы, и рагу- зинские купцы в любое время встречали в его владениях радушный прием. И сам Джурадж, и рагузинцы давно хотели, чтобы он посетил их город. Итак, когда Джурадж стал государем Зеты и, кроме этого, совладельцем Рашки и наследником деспота, рагузинцы отправили к нему послами Марина Шимунова Растича (Marino di Simon de Resti) и Марина Якобова Гундулича (Marino di Giacomo Gongola), которых он радушно принял. Несмотря на свою прежнюю обеспокоенность в связи с прибытием упомянутого Стефано Марамонте, а также в связи с доносом некоторых рашан и других недругов рагузинцев, которые утверждали, что те привезли упомянутого Марамонте из Апулии на своем корабле, он тем не менее [высказал] свою удовлетворенность прибытием этого посольства. Помимо этого, он высказал расположение посетить Рагузу со своей женой и детьми, несмотря на то что недруги рагузинцев твердили ему о множестве опасностей, которым он может или должен подвергнуться на пути туда. Сенат Рагузы немедленно отправил за ним галеру с фустой и несколькими лодками под командованием Джоре Палмотича (Giorgio di Palmota), вместе с которым туда отправилось множество других нобилей, посланных для сопровождения Джураджа. Тот до прибытия галеры выдал Стефано Марамонте охранную грамоту. По прибытии же галеры Джурадж поднялся на нее

со своей женой и детьми, и не осталось никого из его рода, кто не отправился бы тогда вместе с ним. По прибытии в Рагузу был оказан почетный прием и ему и его жене, которая познакомилась со многими дворянками, сопровождавшими ее во время всего ее пребывания в Рагузе. Джурадж посетил главные соборы города и получил немало ценных подарков как от Республики, так и от частных лиц. В течение всего времени его пребывания в Рагузе устраивались пышные празднества. Затем рагузинцы отвезли его обратно в Зету. Сойдя на землю выше Улциня у Джирана (Oghiran), он щедро наградил всех провожавших его из Рагузы. Из Зеты он вернулся в Рашку, куда увел с собой и несколько жителей Дриваста (Drieuost), а именно епископа и несколько других лиц, которые дерзнули восстать против него. Наконец, в 1442 году Зета с Баром были отняты у венецианцев воеводой Стефаном, однако, не пробыв и года под его властью, была вновь отвоевана венецианцами, которые послужили главной причиной падения дома Бал- шичей. После пресечения их рода Котор избавился от множества притеснений, которым он подвергался со стороны упомянутых Балшичей. Несмотря на множество ценных подарков и оказанных услуг, которцам так и не удалось удержать Балшичей от непрерывного разорения их города. Поскольку город этот весьма древний и уже не раз упоминался нами [в нашем повествовании], я хотел бы вкратце рассказать о его происхождении и истории.

Итак, первый Котор под названием Аскривий (Ascriuio) был основан на краю Ризанского залива (Golfo Rizonico), называемого ныне Которским. Его руины, послужившие основанием для второго, можно увидеть и поныне недалеко от [второго] города. Согласно Плинию, это был древнейший римский город, который (как пишет Бальтасар Сплитский) римляне называли Аскривий, а местное население — Гурдово (Gurdouo). [Доменико] Мариа Негри в своей «Географии» (VI), ссылаясь на Плиния, называет его Дегурто (Degurto). Я полагаю, что название это произошло от названия реки, протекающей близ него, которая и теперь называется Гурдич (Gurdich). О начале первого города надежных сведений не сохранилось, хотя некоторые утверждают, что он был основано выходцами из Сицилии, именуемыми «аскри», или (как считают другие) племенем из Азии, которое, спасаясь от греков, разорявших Трою, после долгих скитаний по морю осело в этом месте. В 860 году, при константинопольском императоре Михаиле, сыне Феофила (Teodoro), этот город был захвачен и почти целиком сожжен агарянами из Карфагена. Последние с флотом из тридцати шести кораблей под началом своих опытнейших адмиралов Солдана, Сава (Saba) и Кальфуса (Calfuso) вошли в Адриатическое море и захватили там несколько городов. Как пишет Георгий Кедрин в «Кратком изложении истории», в числе прочих городов они захватили Будву, Росе, крепость в Ко- торском заливе, которую они разрушили до основания, а также Аскривий, разграбив который, они пошли на Рагузу. В то время несколько знатных мужей Аскривия, отсутствовавших во время гибели своего родного города, отступив к западу, возвели на неприступных скалах крепость, чтобы найти в ней убежище от варваров, поскольку сам Аскривий не имел укреплений. С течением времени туда переселились и другие семейства. Вскоре после этого жители Аскривия услышали, что в Боснийское королевство вторглось большое войско, которое, разоряя все вокруг, движется в сторону Приморья. Устрашенные жители, все, для кого хватило места, нашли убежище в новой крепости, остальные же (как пишет Бальтасар Сплитский), сев на свои корабли, отошли от берега, наблюдая за действиями упомянутого войска. Неприятель, увидев, что Аскривий оставлен жителями и никем не защищается, предал его огню. Увидев это, жители города оставили его и единодушно, за малым исключением, решили строить новый, значительно лучше укрепленный город. Место, в котором их сограждане возвели новую крепость, показалось им самым подходящим: от моря до упомянутой крепости, захватив часть подножия горы Кловко, называемой ныне Ловчен (Loftin). Случилось так, что венгры, совершавшие в те времена частые набеги на Боснийское королевство, несколько раз опустошили территорию боснийского города Котора, который Герхард Рудингер в своей «Географии» (II) называет Вышгородом (Vesecatro) и помещает близ Баня–Луки. Недор, Мирослав, Вуксан и другие местные нобили, услышав о строительстве нового города, собрали все свое имущество, включавшее немало ценностей в золоте и серебре (поскольку Боснийское королевство богато

рудниками [этих металлов]), [и отправились в путь]. Как пишет Михайло Са- лонский в «Описании Далмации», по прибытии в Ризан они пустили молву, что пришли основывать крепость, в которой могли бы безопасно жить. Жители Аскривия, услышав это, отправили к ним послов с просьбой обратить те средства, которые они намеревались потратить, на строительство их уже заложенного города и, объединившись с ними, стать их добрыми друзьями и согражданами. Боснийцы, которые ничего другого и не желали, помедлив с ответом, через несколько дней приняли их предложение, при условии, однако, что новый город в честь их родины будет наречен Котором. Аскривийцы не согласились с этим, но затем (как пишет [Михайло] Салонский) по настоянию своего епископа решили довериться в выборе имени города жребию, и жребий выпал в пользу боснийских которцев. Посему с того времени город стал именоваться Котором, отбросив древние имена Аскривий и Гурдово. Благодаря средствам упомянутых боснийцев новый город был укреплен мощными стенами, которые с востока омывает река Гурдич, с юга — море, а с севера — река Парило.

Примерно в 990 году при константинопольском императоре Василии Порфирородном болгарин Самуил совершил набег на Далмацию, где, помимо прочих бед, сжег (как пишет Диоклеец) Котор, то есть древний Аскривий, в котором, по свидетельству Михайло Салонского, в ту пору жила лишь горстка землепашцев. Он разрушил его до основания вместе с Ризаном, древнейшим городом, в котором в 315 году до Рождества Христова королева Далмации Тевта (Теиса) нашла убежище, спасаясь от римлян. Спасшиеся при разрушении города переселились в новый Котор, население которого по причине разрушения Ризана сильно увеличилось. Хотя вначале которцы и пытались жить свободно, ни от кого не завися, однако постоянные набеги королей Рашки вынудили их перейти под их покровительство, под которым они находились вплоть до 1178 года. В упомянутом году которцы, чувствуя себя совершенно угнетенными ра- шанами, перешли под покровительство Греческой империи, которая с тех пор их надежно защищала. Так, когда примерно в 1179 году король Рашки Симеон Неманя, которого греческие историки называют Стефаном, подступил к Будве и стал пытаться всеми способами овладеть Котором, то константинопольский император, которым был тогда Мануил Комнин, по свидетельству Никиты Хониата (V), немедленно послал Феодора Падиата с большим войском на усмирение Немани. Тот, узнав о прибытии греков, незамедлительно отступил от своего намерения и попросил прощения у греческого императора. Когда примерно в 1215 году Греческая империя была захвачена графом Фландрии Балдуином, король Рашки Стефан, сын Симеона Немани, желая любой ценой подчинить себе Котор, стоящий на море, стал уговаривать которцев присоединиться к рашанам, обещая сохранение их свободы и защиту от всякого врага. Столь щедрые обещания рашан вынудили которцев согласиться. Так они прожили до 1360 года, до времени Уроша, последнего короля и императора из рода Неманичей, о котором которцы до сих пор хранят память, именуя его на своем наречии «царем Степаном» (zar Stiepan). Когда упомянутый король Урош, как было рассказано выше, по причине своей глупости потерял власть, и его владения оказались поделенными между четырьмя магнатами, Котор вступил в союз с венграми. Как пишут Бьондо в 10–й книге II декады и Сабеллико в 9–й книге IX эннеады, при венгерском короле Лайоше, сыне [Карла] Мартелла, во время войны между венграми и венецианцами за Далмацию венецианский флотоводец Ветторе Пи- зани (Vettor Pesano), захватив Котор, разграбил и сжег его. Произошло это в 1368 году. Однако другой венецианский историк Пьетро Джусти- ниани не упоминает о том, что город был сожжен или полностью разграблен. В I книге «Истории Венеции» он пишет: «Ветторе Пизани, подойдя с двадцатью шестью галерами к Котору, который в ту пору находился под властью венгерского короля Аайоша, державшего там большой гарнизон, стал испытывать дух его граждан, которые надменно, с оскорблениями и угрозами ответили ему. Высадив войско, он предпринял несколько атак на город и, в конце концов, овладел им, предав частичному разграблению. Затем сдалась и цитадель. Оставив в городе и цитадели гарнизоны, он взял курс на Калабрию». То же самое пишет и Джулио Фарольди в «Летописях Венеции». Тогда рагузинцы по настоянию венгерского короля Лайоша, под покровительством которого

тогда находился их город, отправили брата минорита Петра Гизду (Ghisda), уроженца Котора, с тайным поручением убедить которцев вернуться под власть венгерской короны. При этом каждому которцу, который захочет переехать жить в Рагузу, они обещали предоставить всякую свободу, освободить от податей и во всех делах обращаться с ним, как с собственным гражданином. На это которцы отвечали, что охотно сделали бы это, если бы не страх перед венецианцами. Если бы они могли избавиться от этого [страха], то удовлетворили бы просьбу короля Лайоша. Получив такой ответ, король в 1369 году послал в Боку Которскую Антонио Фьяски с четырьмя генуэзскими галерами с полным вооружением, полагая, что которцы сдержат свое слово. Однако те, либо по причине недостаточности помощи, либо по какой-либо другой весомой причине, все равно не сдались. В том же году рагузинцы по приказу Миклоша Сечи (Nicolo Sceez), тогдашнего бана Далмации и Хорватии, вновь послали своего гражданина в Котор. Которцы подвергли его пыткам и искалечили руки. Это оскорбило рагузинцев, и они, послав несколько галер, разорили всю их территорию, и никакие угрозы рагузинцам со стороны венецианцев которцам не помогли. [Более того], венецианцы, заключив мир с Венгром, вернули ему Котор, который оставался под властью венгров вплоть до 1384 года. После смерти короля Лайоша Венгерское королевство пришло в большое замешательство, и Твртко, первый король Боснии, страстно желавший заполучить Котор, сумел, действуя через королеву Елизавету и ее дочь Марию, наследницу престола, осуществить свое желание, при полном, однако, согласии самих которцев, которых он заблаговременно расположил к себе щедрыми подарками и заманчивыми посулами. Таким образом, вплоть до короля Остои Котор был под покровительством боснийской короны. Во время войны упомянутого Остои со сплитским герцогом Хрвоем Вук- чичем за три острова, а именно Брач, Хвар и Корчулу, которцы оказали большую поддержку Хрвою. Это оскорбило Остою, и он попытался овладеть городом. Поскольку он находился в союзе с королем Апулии Владиславом, называемом другими [авторами] Ланцилагом (Lanzilago), против Сигизмунда и Хрвоя, несколько галер Владислава пришли в старую Рагузу, чтобы соединиться там с Сандалем Храничем, воеводой короля Остои. Два упомянутых короля решили идти на захват Котора совместно: Босниец — по земле, Владислав — по морю. Хрвой, узнав об их намерениях, вторгся с войском во владения Остои. Тот был вынужден отозвать своего воеводу Сандаля, и вся затея с захватом Котора провалилась.

В течение длительного времени Котор вел войну с Балшичами, государями Зеты, однако более ожесточенной и тяжелой была война с Рагузой. Хотя в прошлом Рагуза, Котор, Бар и Улцинь были объединены в [дружественный] союз, особенно Котор и Рагуза, в 1361 году между двумя упомянутыми городами вспыхнули резкие разногласия, несмотря на многочисленные родственные узы, связывавшие их жителей, которые заключали между собой браки, как если бы были жителями одного и того же города. Более того, семейств нобилей, ведущих свое происхождение из Котора, которые жили в прошлом и живут ныне в Рагузе, больше, чем выходцев из какого-либо другого места. Вот эти семейства: Бенешичи (Benessa), Бучи- чи (Bucchia), Базилевичи (Basegli), Баска (Bascha), Бисига (Bisicchi), Катунчичи (Catena), Криевичи (Cervua), Каличи (Calisti), Добровичи (Dabro), Држичи (Darsa), Гулеревичи (Gulenico), Голебичи (Golebo), Джорджичи (Giorgi), Мекша (Mechscia), Пеценичи (Pesagna), Пуцичи (Pozza), Сорентичи (Sorente), Бульпичи (Volpeli) и Криевичи (Zrieua). Из них Бенешичи, Бучичи, Базилевичи, Криевичи, Джорджичи и Пуцичи живут в Рагузе и поныне. Бисига и Држичи по причине непослушания их предков перешли в народ. Итак, (как было сказано) все упомянутые [родственные узы] не смогли уберечь два этих города от череды войн в период с 1361 по 1420 год, когда Котор перешел под власть венецианцев. Причиной и зачинателем их вражды был ужицкий князь Войислав Войинович, правивший землями вокруг Рагузы. Помимо приверженности схизме, он отличался и редкой коварностью. В 1360 году по незначительному поводу он пошел войной на рагузинцев. Поскольку он упорствовал, употребляя все усилия для нанесения им ущерба, [рагузинцы], обозлившись на него, решили отплатить ему той же монетой. Посему в следующем году они попросили которцев посодействовать им в борьбе с их врагом и прекратить ввозить соль в его владения. Которцы отказались, сославшись на то, что понесут в этом случае большой ущерб. Тогда рагузинцы послали

несколько своих галер, чтобы уничтожить солеварни которцев. Те были этим немало оскорблены и в отместку примкнули к Войиславу, а затем и к Николе Алтомано- вичу, его племяннику. Доставляя им войска из Италии, они разоряли владения рагузинцев. Последние не замедлили отомстить им за это, отправив послов к Страцимиру и Балше с просьбой отомстить за нанесенные им обиды и совершить опустошительный набег на территорию Котора, на что Балшичи немедленно согласились. Венецианцы, видя эти их раздоры и вражду, стали склонять Балшичей и Николу Алтомановича заключить с ними союз и выступить на захват Котора и Рагузы по суше. Они же со своим флотом поддержали бы их с моря. В случае успеха они обещали отдать Бал- шичам Котор и Драч, а Николе — Стон и Пелешац (Ponta). Рагузинцы, узнав об этом, немедленно известили венгерского короля Лайоша, который послал передать Балшичам и Николе, что, если те захотят потревожить его города, то он лично явится в их владения, чтобы потревожить их самих. Угрозы Лайоша заставили упомянутых государей отказаться от этой затеи, и все козни венецианцев пошли прахом. Рагузинцы же заключили мир с которцами. Однако в 1371 году они вновь вступили с ними в войну. Причиной войны (как и в других случаях) послужила соль, которую которцы продавали во владениях враждебного им Николы Алтомановича. По этой причине рагузинцы не раз разрушали их солеварни, перебив немало [которцев]. Поскольку война тянулась многие годы, которцы, будучи по натуре склонными к мести, в 1379 году послали Трифона Бучича и Николу Драго- вича (Drago) к боснийскому королю Твртко с просьбой о помощи [в войне] с рагузинцами, обещая передать под его власть свой город вместе с цитаделью. В ответ Босниец, не раз в прошлом домогавшийся этого от которцев, позабыв о благодарности и уважении, которым был обязан рагузинцам за оказанные ему услуги, под страхом жесточайшего наказания запретил всем подданным своего королевства снабжать Рагузу каким бы то ни было продовольствием. Разгневанные рагузинцы немедленно стали подстрекать Джураджа Балшича наказать [которцев]. Тот, придя со своим войском, предал все земли которцев огню и мечу. Народ Котора стал выражать по этому поводу крайнее недовольство. Видя, что причиной всех упомянутых бед является дурное управление со стороны магистрата, он взбунтовался и изгнал из города упомянутый магистрат с большей частью нобилей. Те, не видя другого пути, обратились к рагузинцам с просьбой не бросать их в беде, обещая впредь быть им верными друзьями. Вопрос этот был поставлен на обсуждение в сенате, который принял решение оказать им всемерную поддержку, так как рагузинцы опасались, что по примеру которцев и их подданные могут осмелиться на подобные оскорбительные действия по отношению к своим магистратам. Поскольку, как было не раз сказано, в ту пору город был в союзе с венгерской короной, [рагузинцы] отправили посольство к Миклошу Сечи (Nicolo Sceez), которого король Лайош сделал баном Далмации и Хорватии, с просьбой своей властью призвать которцев к порядку. Тот написал несколько угрожающих посланий к которцам и передал их рагузинцам. Последние, пригласив в Рагузу для переговоров которцев Медоя и Матея, главарей упомянутого бунта, убедили их примириться со своим магистратом и остальными нобилями и разрешить им вернуться в город. Для большей верности они отправили в Котор с [упомянутыми] посланиями бана своего посла, Матея Джорджича, красноречивого оратора и доблестного воина, который отбыл вместе с вышеупомянутыми Медоем и Матеем. Прибыв в Котор, он приложил все старания, чтобы успокоить народ, который, после некоторых препирательств, согласился сделать то, о чем просил посол из Рагузы, при условии, однако, что в будущем против него не будет предпринято никаких мер. Посол от имени своей Республики сделал необходимые заверения, и народ успокоился. Жители Перашта были крайне недовольны заключенным миром и продолжали бунтовать, ссылаясь на то, что им в первую очередь приходится страдать и нести ущерб из-за заносчивости которских нобилей. В конце концов, и они были успокоены упомянутым Медоем, который в ту пору пользовался в Которе огромным влиянием, и никто, не только из народа, но и из нобилей, не мог сравниться с ним в богатстве. Детьми одного из его сыновей по имени Никша (Nichscia) были Франо (Franco) и Клара, ставшая впоследствии женой рагузинского дворянина Матея Лукаревича, бана Далмации и Хорватии, о котором в ряде мест весьма уважительно отзывается Бонфини.

Итак, заключив упомянутым образом, в 1383 году рагузинцы и которцы вновь нарушили его, вступив в войну, которая по ожесточенности и свирепости превзошла все остальные. Войну эту которцы развязали по пустому поводу, забыв о том, что для завершения войн, начатых зачастую по безрассудству, требуется порой немалая удача и доблесть. Дело было так: однажды в Рагузу прибыл один которский дворянин, задолжавший большую сумму денег некоему рагузинцу, который настоял, чтобы его заключили там в тюрьму. Которцы отправили послов к рагузинцам с просьбой освободить его, так как он был послан с поручением от упомянутого города в Италию; если же он кому-то [задолжал и] не был в состоянии отдать долг, то его кредитор мог воспользоваться недвижимым имуществом последнего, которого было немало на территории Котора. Однако рагузинцы отказались отпустить его без дозволения кредитора. Это привело которцев в такую ярость, что они, немедленно вооружив две галеры, послали их задержать рагузинский корабль, который вез товары из Леванта и случайно оказался в порту города Роса (Rose). Несколько дней спустя они захватили и другой их корабль, шедший из апулийского Бари, на котором было немало добра, принадлежащего рагузинцам. Последние отправили посла в Котор с требованием освободить и вернуть им упомянутые корабли. Когда которцы ответили отказом, рагузинцы послали в Которский залив три галеры. Эти галеры из-за нерадивости капитана подверглись ночью нападению неприятеля, который, не найдя на них охраны, захватил одну из них. Остальным удалось уйти от неприятеля, однако в упомянутой стычке погиб капитан захваченной галеры. Лудовик Туберон пишет, что упомянутая галера была захвачена благодаря в большей степени предательству своих, чем доблести неприятеля. В самом деле, Божидар из Неретвы (Boxidar di Narente), будучи комитом (comito) упомянутой галеры, занимался лишь тем, что весь день на всех кричал и заносчиво угрожал, ругая всех без разбору. Раздраженный этим капитан галеры однажды вызвал его к себе и спросил, откуда он родом и каким ремеслом прежде занимался. Тот ответил, что родился в Неретве в семье конопатчика (calafato) и что первым его ремеслом было ремесло его отца. На это капитан ответил: «Иначе и быть не могло — видно и твое низкое происхождение и дурное воспитание. Меня не удивляет теперь, что ты на всех кричишь и сквернословишь. С самого детства уши твои привыкли к постоянному стуку молотка, а уста — к смраду зловонной смолы. Не удивительно, что ты вечно всем недоволен, понося и оскорбляя своих товарищей». Комит, желая извиниться за свой злой и скверный язык, ответил, что его дело — поощрять добродетель и осуждать порок. Капитан же ответил: «Это — неправда, и ты лжешь, как предатель. Ты сам ведешь жизнь, исполненную порока и подлости. Как же можешь ты ненавидеть плутов и прочих себе подобных и любить добрых?!» После этого он отстранил его от должности комита и повелел заниматься своим первоначальным презренным ремеслом конопатчика. Случилось так, что однажды ночью тот был назначен в караул на упомянутой галере. Заметив приближение неприятеля, тот [намеренно] не предупредил капитана, и которцы, напав, захватили галеру. Известие об этом, достигнув Рагузы, принесло немалое огорчение сенату, который без промедления вооружил еще две галеры и послал все четыре [галеры] на захват Котора. Командование над ними было поручено Михе Волчичу Бобальевичу, мужу воистину великому как в доблести, так и в благородстве, наделенному всеми добродетелями, к которому ректор обратился в сенате с таким напутствием: «Ваше исключительное благоразумие, непобедимый и твердый дух, величие Ваших деяний и, наконец, великая любовь к своему отечеству, которую Вы не раз доказывали в прошлом, подвергая свою жизнь опасностям ради служения ему — [все это] подвигло нас в это тревожное время поставить Вас во главе наших вооруженных кораблей. Отправляясь с ними в поход, помните о надежде, которую мы и весь Ваш родной город возлагаем на Вас!» Бобальевич, отбыв из Рагузы и придя в Которский залив, высадил большой отряд на острове Св. Гавриила, чтобы совершать оттуда набеги на земли которцев. Неподалеку от упомянутого острова которцы вступили с ним в сражение, в котором победа осталась на его стороне. Затем он двинулся на соединение с правителем Зеты. Получив от него подкрепление в три тысячи отважных воинов, он осадил Котор. Видя, однако, что враг этим не очень обеспокоен, он решил пойти на штурм. Возведя бастион с северной стороны, он начал штурм. Которцы, неся при обороне большие потери, собрали совет и

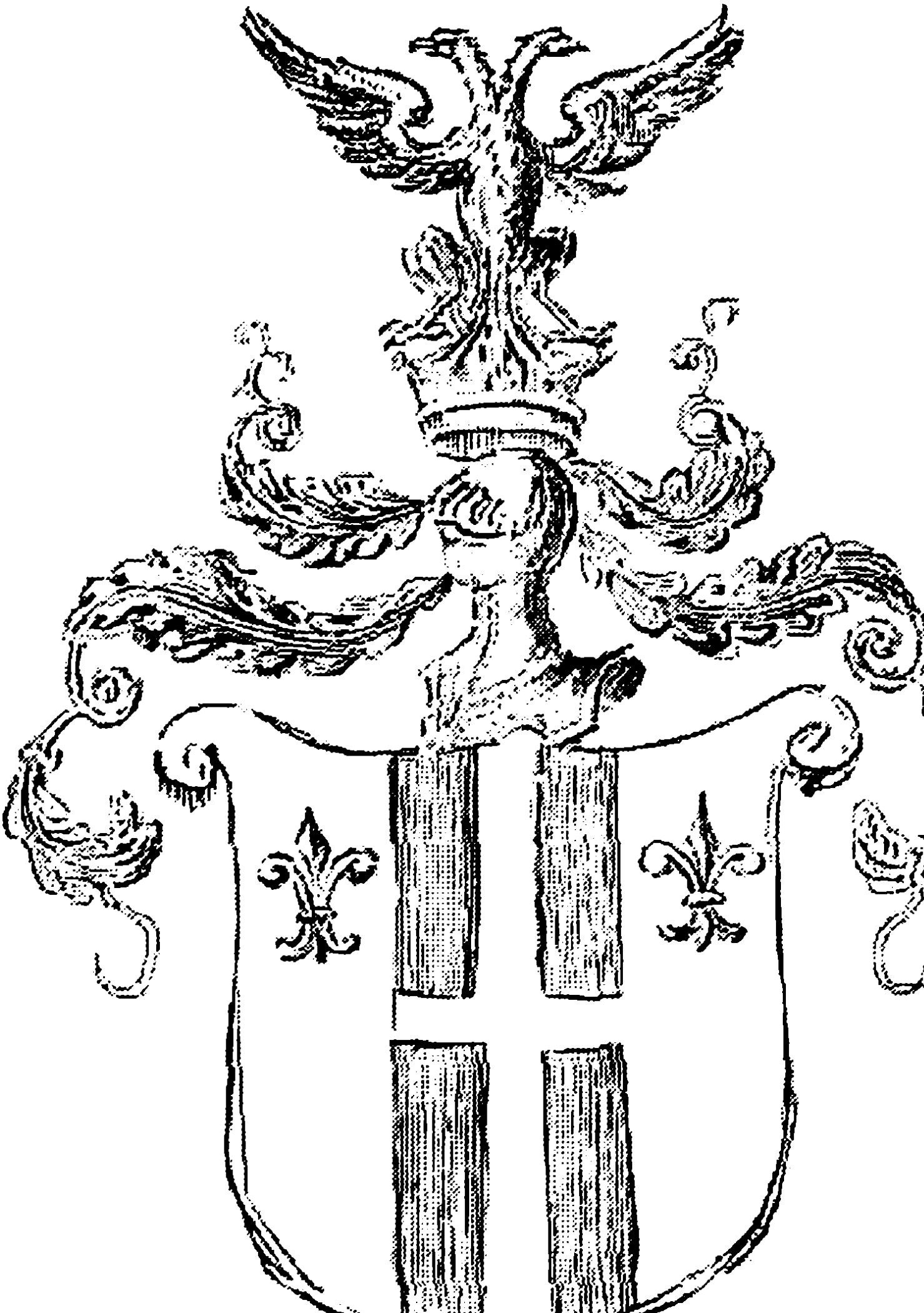
единодушно постановили отправить к Бобальевичу послом Иеронима Драговича (Girolamo Draghi) с предложением вернуть галеру и все находящееся у них имущество, принадлежащее рагузинцам. Когда Драгович прибыл и изложил свое предложение Бобальевичу, тот ответил, что не может ничего предпринять, пока не известит сенат Рагузы. Сенат же, получив упомянутое известие, постановил, что Бобальевич не должен покидать того места, пока рагузинцам не будет возвращено все то, что было отнято у них которцами. Последние, удовлетворив требования рагузинцев, заключили с ними мир.

В этой войне пераштане не участвовали. Перед ее началом они настоятельно убеждали которцев, пока есть возможность уладить дело полюбовно, не вступать в войну со своими соседями. Они заявляли при этом, что, если те не последуют их совету, то они не присоединятся ни к одной, ни к другой стороне. Которцы же ответили им, что не нуждаются ни в их советах, ни в помощи. Со стороны которцев это было неблагоразумно, поскольку при подобных обстоятельствах пригодилась бы всякая помощь и подмога, особенно со стороны таких отменных воинов, как пераштане. Они всегда отличались воинственностью и не раз проявляли в прошлом и продолжают проявлять в настоящем немалую доблесть в войнах. И это касается не только мужей, но и их жен, которые (помимо чести, которой они по праву гордятся, не уступая в этом отношении самым достойным матронам и самой римлянке Лукреции, образцу целомудрия) всеми своими поступками напоминают амазонок. Много раз я видел, как они, идя в дневное или ночное время вдвоем или втроем в лодке и встретив турок из Герцег Нови (Castel nuouo), не обращали на них никакого внимания. Более того, если случалось (что происходит крайне редко), что кто-то из турок позволял себе бранное словцо, то с мужеством, достойным второй Марпезии или Пентесилеи, они обрушивались на них с устрашающими и полными оскорблений речами. По свидетельству Бальтасара Сплитского, пераштане прежде именовались пер- танами (Pertani) и являются древнейшими жителями тех мест, где они в настоящее время живут. Поскольку они жили там еще в те времена, когда Рисан был в расцвете, римляне, возведя для его защиты крепость на острове, носящем ныне имя святого Георгия, поручили его охрану пераштанам. За доблестную защиту [города] от пиратов они получили от императора Диоклетиана все привилегии и иммунитеты, которые имели итальянские города, находившиеся под властью Римской империи. Было это примерно в 292 году. Они всегда были свободны, хотя верно и то, что они признавали своим господином императора Рашки и короля Боснии. В 1364 году после кончины Површко (Pouresco), рагузинского дворянина и правителя Буд- вы, которую он купил или (как считают другие) получил в дар от Балшичей за оказанные им услуги, рагузинцы послали свою галеру, чтобы забрать семью Површко и перевезти ее в Рагузу. При этом капитану галеры был дан приказ в случае нападения со стороны которцев или попытки захвата галеры, принадлежавшей Површко, сжечь и галеру и крепость Будву. Которцы тогда не предприняли ничего, и рагузинцы, забрав семью Површко и оставив охрану в Будве, вернулись домой. Тогда пераштане, мстя за обиды, нанесенные им Површко, внезапно ночью напали на Будву и захватили ее. Однако, заключив затем договор с Балшичами, они передали ее им, и упомянутые государи, помимо прочих милостей, обязались защищать пе- раштан от всех их врагов. Посему, пока Балшичи владели обеими Зетами, Перашт пребывал в великом покое. Там родился Остоя, который добился большого влияния при дворе Радослава Павловича, правителя Конавли, Попово и других близлежащих мест. Во время войны Радослава с рагузин- цами за Конавли Остоя был отправлен послом ко двору Турка. За время своего пребывания там он доставил множество хлопот рагузинцам, немало огорчив и своих пераштан. Последние, понимая, что не смогут сохранить свою независимость из-за турецкой угрозы, подчинились венецианцам. Венецианцы, зная доблесть и верность этого народа, предоставили им множество привилегий и иммунитетов, и, в частности, [дали им право] избирать магистратов и правителей из числа своих граждан. И теперь у них правитель (Capitano), избранный ими самими — Стефан Юричин (Stefano Giuriscin), преемник Стефана Раскова (Stefano Rascou), оба — мужи весьма достойные и добродетельные. Вернемся, однако, к рассказу о которцах. Видя, что силы у Турка в Европе растут, а у христиан, особенно соседних с ними государей и правителей, наоборот, ослабевают, которцы, не видя способа сохранить свою

независимость, постановили по собственной воле перейти под покровительство Венецианской империи. Венецианцы [в то время] послали Пьетро Лоредано, главнокомандующего их флота, на захват Сплита (Spalato) и Трогира (Trau), которыми ему вскоре удалось овладеть. В Сплите тогда был мор, а трогирцы потеряли свободу по причине внутренних раздоров. Таковы были причины того, что оба упомянутых города попали под власть венецианцев, хотя один из трогирских нобилей по имени Микач Витури (Michaaz Vituri), разбойничая на море на галере с фустой, нападал и на венецианские корабли. Когда венецианцы упомянутым образом захватили Сплит и Трогир, Лоредано подошел с упомянутым флотом к Котору, и которцы, выйдя навстречу, поднесли ему на серебряном блюде ключи от города. Город этот в прошлом был родиной многих достойных мужей, прославивших его своими деяниями, и среди них два брата, рожденные при одних родах, из ордена проповедников — Виченцо и Доминик Бучичи (Bucchi), пролившие своими писаниями свет на многие тайны. Самым же знаменитым из них был монсеньор Альберто Дуими, епископ Крка (Veglia) — прелат, достойный воистину вечной памяти. Восхищаясь его великими творениями, папа римский Пий IV неоднократно говорил, что нет в Божьей Церкви такого высокого поста, которого он за свои познания и добродетель не заслуживал бы. Вышло из этого города и немало прославивших его знаменитых воителей, среди которых Петр Болица и Джурадж Бизанти, мужи искушенные и опытные в военном деле. Невозможно переоценить доблесть Николы Бучича и его сына Петра, бывших протовестиа- рами императора Стефана и его сына Уроша Немани и командовавшими рашанскими полками. После них во времена боснийского короля Твртко I жил Никола Драгович (Nicolo di Drago), достославный муж, обладавший немалым опытом в общественных делах. После него во времена Селима и его сына Сулеймана жили Коркут–паша и Мустафа–паша. Первый из них был губернатором Дамаска и не раз одерживал победу над несметными арабскими полчищами, другой был пашой Каира. О них упоминают Кириак Шпангенберг (Kyriaco Spangeberg) и Хартман Шедель (Hermanno Scholdel) в «Турецких летописях». Феодор Спандун (Costantino Spandugino), упоминая о Мустафе, пишет: «Мустафа–паша, посланный Сулейманом управлять Каиром, был родом из Котора. Будучи низкого происхождения, он тем не менее был наделен всеми добродетелями и отличался телесной красотой. Он был женат на сестре Сулеймана, бывшей прежде женой Бостанчи–паши (Bostansi Bassa), которому Сулейман приказал отрубить голову». Наконец, бессмертной славой покрыл себя и свой город Иероним Бизанти (Girolamo Bisanti). В качестве командира (Souracomito) которской галеры он вместе с другими христианами участвовал в сражении с турками в 1571 году. Подвергшись нападению сразу четырех турецких галер, он так умело и отважно сражался со своими воинами, что врагу удалось овладеть его галерой лишь после того, как пал последний из которцев. Отдав свою жизнь в обмен на жизнь семи, а то и восьми воинов врага, они пали, покрыв бессмертной славой свои имена и имя своего родного Котора.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО ЛАЗАРЯ, КНЯЗЯ СЕРБИИ

ГЕРБ КНЯЗЯ ЛАЗАРЯ



Князь Лазарь был сыном Прибаца Хребеляновича, дворянина и магната времен императора Стефана. В молодые годы он служил при дворе упомянутого императора, а затем (как было сказано) овладел землей короля Стефана вплоть до Дуная, подчинив своей власти Расиславича и других нобилей, владевших упомянутыми областями. Одних он заключил в темницу, других — изгнал, а остальных подчинил своей власти при помощи соглашений. После смерти короля Вукашина он захватил немалую часть его владений, а именно При- штину, Ново Брдо и другие жупы, в результате чего значительно усилился. Помимо этого, он воздал достопамятное отмщение (как было сказано) Николе Алтомановичу, мужу немирного нрава. У него был сын по имени Стефан и пять дочерей: [Милева], Мара, Елина, или Елена, Деспина и Вуко- сава. Милева (как пишет Леунклавий) была женой турецкого императора Баязида. Вместе со своим мужем она была пленена Тамерланом. Мара была выдана за рашанского дворянина Вука, сына Бранко Младенова, отважного и опытного воителя, покорного воле своего тестя Лазаря. Лазарь со своим зятем жил в мире со всеми своими соседями, а именно с королем Боснии и Балшичами, довольствуясь собственными владениями и не стремясь с помощью войны к захвату чужих. Поступал он так главным образом из страха перед турками. Он сумел также наладить прекрасные отношения с венгерским королем Лайошем, представляясь его покорным слугой и не раз поднося ему богатые дары из золота и серебра. Одаривал он и его магнатов, в частности, Николу Горянского (Nicolo di Gara), который прежде был баном Срема, а затем стал венгерским палатинским графом. За его сына он выдал свою дочь Елину. Был он весьма ловок: всякий раз, когда король Лайош посылал вооруженные отряды к его пределам, он устраивал дело так, что избегал всякого ущерба для своих владений. Устраивая упомянутые дела, он щедро одаривал королевских министров, обращаясь к ним с великой скромностью и смирением. Однако после смерти короля Лайоша он немедленно овладел замком Белград, возведенным упомянутым королем на Дунае во времена императора Стефана, и разрушил его до основания. Захватил он и Мачву на границе с Венгрией и все земли, граничившие с Савой и Сремско–Митровицей (San Demetrio in Sriemo). В то время в Македонию из Анатолии двинулся султан Мурад, турецкий император. С тридцатитысячным войском он вторгся в области, подчиненные князю Лазарю и его зятю Вуку. Те в ответ также собрали немалую рать из пехоты и конницы, но, видя неравенство сил, не осмеливались вступать в схватку и следовали за неприятелем по горным и неприступным тропам. Мурад, видя, что не может их победить, пришел под Приштину. Не сумев захватить город силой, он пробыл в тех краях около месяца, не причинив значительного ущерба округе, а затем вернулся в свои владения. Произошло это в апреле 1385 года. После этого князь Лазарь и его зять Вук через послов заключили с Мурадом договор, обязавшись выплачивать дань и выставлять, в случае необходимости, тысячу воинов. Посему после этого они жили в мире, без всякого беспокойства, наслаждаясь жизнью в своих владениях, в которых, особенно в Ново Брдо, при жизни князя Лазаря и его зятя Вука останавливалось немало рагузинских купцов. Упомянутые государи не только хорошо обращались с купцами, но любили и сам город Рагузу, не упуская случая доказать свое особое к нему расположение. Лазарь был весьма богатым государем, поскольку все серебряные рудники в Рашке находились в его владениях. Извлекая из них большие сокровища, он с их помощью смирял ярость венгров, платил дань туркам и поддерживал свою власть, отдавая предпочтение этому способу перед силой оружия. Чтобы обезопасить себя со всех сторон и еще более укрепить свое могущество, он породнился с Джураджем, сыном Страцимира Балшича, который после смерти упомянутого Балшича, убитого (как было сказано) турками, наследовал власть в обеих Зетах. Он выдал за него свою третью дочь Деспину, бывшую прежде женой молдавского государя Шишмана.

Когда у турок Орхана сменил его сын Сулейман, последний, заключив мир со своими соседями в Азии, со всем войском, которое смог собрать, перешел Геллеспонт, называемый ныне Галлипольским проливом, и начал войну с греками. Хотя упомянутая война шла с переменным успехом и растянулась на длительный срок, Сулейман все же чаще одерживал победы, чем терпел поражения. Силы греков и фракийцев были к этому времени уже подорваны прежними постоянными набегами, и ни один из

соседних народов не мог оказать ему достойное сопротивление. Посему, рассудив, что настало время напасть на соседних христиан, силы которых были на исходе, он осадил Адрианополь и вскоре овладел им. Прекрасное расположение города и область с плодородными землями между реками Гебр и Меланф так ему приглянулись, что он перенес туда из Бурсы свой престол. После смерти Сулеймана власть перешла к его брату Мураду I. Стремясь расширить пределы империи за счет земель Европы, он переправился через упомянутую реку и дошел до Стримона, намереваясь напасть на земли князя Лазаря, поскольку, как сообщает Иоганн Леунклавий, последний благоволил венграм и подстрекал их к войне с турками. Узнав об этом, Лазарь и другие государи и правители Рашки и Боснии без промедления собрали свои войска и выступили навстречу туркам, уже переправившимся через Стримон, и стали лагерем неподалеку от них. Князь Лазарь был главнокомандующим (Generale) лагеря христиан.

Как было сказано ранее, его дочь Мара была замужем за Вуком Бран- ковичем, а Вукосава — за Милошем Кобыличем, который родился в Тен- тиште (Tientiscte) близ Нови Пазара и вырос при дворе князя Лазаря. Между упомянутыми сестрами некогда случилась ссора. Вукосава так расхваливала своего мужа Милоша, ставя его в доблести выше Вука Бранко- вича, что Мара, оскорбленная этим, дала своей сестре пощечину. Та пожаловалась мужу, который немедленно бросился разыскивать Вука. Нанеся тому множество оскорблений, он вызвал его на поединок, дабы тот мог доказать на деле справедливость слов своей жены Вукосавы. Лазарь попытался вмешаться и примирить их, но не смог предотвратить поединок. Когда Вук был сброшен с коня Милошем, стоявшие рядом с ним вельможи не позволили нанести ему большего вреда. После этого Лазарь с другими вельможами заставили их помириться, однако примирение это было скорее притворным, чем искренним. Посему Вук пользовался всяким случаем, чтобы вызвать у своего тестя немилость в отношении Милоша. Итак, когда теперь Лазарю предстояло сражение с турками, Вук предупредил своего тестя, что ему следует опасаться Милоша, поскольку тот [якобы] вступил в тайные сношения с турками, намереваясь предать его. Лазарь, желая убедиться в справедливости его слов, пригласил на ужин некоторых вельмож и военачальников, намереваясь во время этого ужина обвинить Милоша в упомянутой измене и, если обнаружится его предательство, наказать (поскольку у славян в обычае выпытывать тайны при помощи вина, а не истязаний); или же, если тот окажется невиновным, освободить себя от всяких подозрений на его счет. Итак, во время ужина князь Лазарь, держа в правой руке чашу с вином, обратился к Милошу с такими словами: «Тебе, Ми- лош, дарую это вино вместе с чашей, хотя передо мной тебя и обвинили в измене». Милош, ничем не проявив в лице свою причастность, осушил принятый сосуд, поднялся на ноги и сказал: «Сейчас не время, князь и государь мой Лазарь, препираться словами — враг уже выстроил свои боевые порядки. Завтра утром я докажу на деле, что мой обвинитель обманщик и лжец, и что я всегда хранил верность своему господину». Лазарь ничего ему не ответил, лишь повелев вернуться за стол. Однако Милош, не сомкнув за ночь глаз, с первыми утренними лучами, никого не предупредив, сел на коня и, повернув копье острием назад (что у славян является знаком перебежчика), поскакал в турецкий лагерь, где имя его было хорошо известно. Посему его немедленно провели в шатер турецкого императора, который был весьма обрадован его прибытием. Там, пав ниц (как принято у турок) в знак почтения к императору, он, пока в поклоне целовал его руку, незаметно выхватил спрятанный на груди кинжал и вонзил его в чрево Мурада. При попытке выбраться из шатра он был тяжело ранен телохранителями Турка и там же вскоре скончался. Тут Лаоник выражает некоторые сомнения в том, как смог Милош пронести копье, чтобы ранить Мурада, и янычары его не задержали. Однако, как было сказано, Милош нес копье не для того, чтобы ранить им Турка, а в знак того, что он отложился от христиан. И ударил он Варвара не копьем (как полагают некоторые), а кинжалом. Посему с того времени (согласно тому, что сообщают Лаоник и Леунклавий) у турок вошло в закон, что всякого, приходящего целовать руку у их государя, двое телохранителей держат за руки, чтобы он не мог нанести какого-либо вреда его персоне, как Милош — Мураду. Когда известие об упомянутом бегстве Милоша распространилось в лагере христиан, некоторые из военачальников, еще не зная об участи,

постигшей Турка, начали опасаться за свою судьбу. Они говорили, что не видят пути к спасению, и убеждали остальных отказаться от сражения и, сложив оружие, сдаться на милость неприятеля. Князь Лазарь, узнав об этом, созвал всех к себе и обратился к ним с такими словами: «Куда, куда же теперь подевались, доблестные мои товарищи, все ваши редкие качества, ярость и отвага, презрение к смерти, благодаря которым до сего дня слава ваша и всей Славонии гремела на весь свет? Что с нами может случиться? Мы можем умереть, но умереть как мужи. Мы можем лишиться жизни, но с честью для себя и с уроном для противника. Мы можем приблизить тот последний предел, который уготован всем от рождения, но с преимуществом для себя и с потерей для врага. Не лучше ли умереть со славой, чем жить с позором? Когда и умирать, как не тогда, когда сам страстно желаешь смерти? Скажите мне, если вы сдадитесь им в рабство, вы не умрете, как все остальные, раз уже всем суждено умереть? Разумеется, и вы умрете, но умрете в бесконечных муках, с проклятьями, со стыдом и бесчестьем, не только для вас самих, но и для всей вашей страны. Так не лучше ли, раз суждено умереть, встретить смерть во всеоружии как доблестные воины, чем нагим, в цепях, чтобы быть зарезанным как скотина? Если вы уверены, что вам все равно умирать, как глупо бояться того, чего не избежать никому? Не избежишь смерти, отсрочивая ее, но растратишь всю славу, стремясь ее избежать. И разве смерть не есть конец и завершение всех бед? И этот конец, как доказывает разум, не может быть тяжелым, поскольку совершается в одно мгновенье. И нет в нем ни горечи, поскольку с ним кончаются все горести и невзгоды, ни унижения или досады, поскольку он приходит лишь однажды. Если же смерть так хороша, почему мы ее так страшимся? Почему, желая избежать только одной смерти, мы думаем, что будем умирать тысячу раз? Гоните, гоните от себя и от непобедимой доблести славянской мысль о плене! Если нам не суждено жить, умрем же среди наших врагов, и умрем с оружием в схватке с вооруженным врагом. Все остальные народы умирают на постели, утомленные годами, изнуренные временем, мучимые лихорадкой и тысячью других болезней — одни славяне умирают с мечом. С мечом умирают одни славяне! При этом они воздают врагу такую месть за свою гибель, что тот, даже одержав победу, бывает вынужден оплакивать их смерть. И кто знает, решив [некогда] быть славянами, то есть славными и победоносными во всех краях, куда до сих пор ступала наша нога или нога наших предков, либо, по крайней мере, мужами, способными управляться с мечом и умеющими без страха убивать или встречать смерть, кто знает, скажу я, не можем ли и мы с таким же успехом перебить врага, нежели быть им перебитым? Судьба — на стороне отважных. Не числом дается победа, а отвагой солдата и рассудительностью полководца. На нашей стороне правда — враг вторгся в наши земли и многие из них захватил. Мы в нужде, а она и из последних трусов делает храбрецов. У нас достаточно оружия. Если мы доблестно им распорядимся, то оно либо проложит нам путь, либо снабдит нас такой компанией [врагов], что сам враг вместе со всеми остальными будет оплакивать нашу гибель. Если же мы решимся, почти отчаявшись в собственном спасении, выйти навстречу врагу и отважно с ним сразиться, то вы увидите, что самозабвение всегда спасает человека от несчастий и зачастую приводит к тому высшему удовлетворению, о которой он не мог и мечтать…» Не дав ему закончить, не ожидая других речей, чтобы возбудить свой гнев, разом со всех сторон, подстрекаемый древней славянской яростью, поднялся крик: «В бой, в бой!» Паши и другие турецкие военачальники, хотя и находились из-за смерти своего господина в большом замешательстве, не стали его оплакивать, но благоразумно сохранили его гибель в тайне, как от врагов, так и от турок, которым об этом также еще не было известно. Народ этот весьма упорен в молчании и сохранении в тайне своих несчастий. Ни страх, ни надежда не могут их заставить открыть то, что их государи хотели бы сохранить в тайне. Посему, упредив распространение опасного для турок известия, турецкие военачальники стали строить войско к бою. Делать это они должны были ради славы своего господина, но каждый из них делал это ради собственного спасения. С великой отвагой они пошли на врага, и с не меньшей отвагой встретили их христиане. Каждая из сторон отчаянно билась, падали замертво и христиане и турки, которые едва выдерживали натиск рашан и других славян, и некоторые из них уже стали покидать свои позиции и отходить назад, готовясь к бегству. Тогда турецкие

военачальники стали громко увещевать их: «Куда бежите, мужи–магометане? Позади — река Стримон, справа — враг, слева путь преграждает Эгейское море. Не более ли достойно умереть в бою как мужи, чем, спасаясь от врага, утонуть в волнах подобно скоту? Турки, куда подевалась отвага и доблесть, с которыми вы переходили Геллеспонт, желая овладеть Европой? Или, может быть, вы затем досюда дошли, чтобы нашим бесчестием возвеличить славу славянского племени?» Не только упомянутые увещевания военачальников, но и вместе с ними (как часто бывает) отчаяние в собственном спасении, распалили смелость турок, и они, воспрянув духом, с еще большей силой ринулись в бой, с криком и визгом врубаясь во вражеские ряды. Видя это, князь Лазарь, сражавшийся наряду со всеми, заметив, что конь под ним утомился, поскольку сражение длилось с рассвета до восьмого часа дня, решил отпустить его и пересесть на свежего. Соратники же его, видевшие, как он отважно бился в первых рядах, весь перепачканный своей и вражеской кровью, потеряв его из виду на то краткое время, пока он менял коня, подумали, что он пал замертво, и стали в замешательстве отступать и терять строй. Лазарь, вернувшись, стал пытаться собрать их вместе и восстановить строй, но было уже поздно. Посему и он был вынужден последовать за общим порывом и обратиться в бегство, чтобы спасти свою жизнь. Свернув с главной дороги, чтобы не попасть в руки врага, он вместе с конем провалился в яму, прикрытую землей и ветками, которую крестьяне устроили для ловли диких животных. Настигнутый врагами, следовавшими по его следам, он там и нашел свою смерть. Однако, согласно Филиппу Лоницеру (I) и турецким летописям, Лазарь попал в плен и был обезглавлен во вражеском стане. Позднее он был погребен в Раванице в очень красивой церкви, целиком построенной из пестрого мрамора, где и поныне можно увидеть его мощи, обернутые расшитой золотом пеленой, которая, как говорят, была сработана руками его жены Милицы. Место, где произошло упомянутое сражение — Косово поле, которое (как пишет Бонфини) находится у границ Рашки и Болгарии. Венгры называют его Rigomezeu, а латиняне — campo Merulo. Франческо Сансовино (Francesco Sansouino) ошибочно называет его Ка- совинским полем (campo Cassouino). Через упомянутое поле протекает река Ситница (Scithniza), которая стекает с Иллирийских гор и впадает в Дунай. В этом месте было вскрыто тело Мурада и погребены извлеченные оттуда внутренности. Посему и поныне там можно увидеть башню, называемую могилой или пирамидой Мурада. Тело его было затем перевезено не в Софию (как утверждали некоторые), а в Бурсу и положено в мавзолее его предков, который расположен неподалеку от бань Бурсы. В память [о его гибели] там была прикреплена рука Милоша, окованная серебром. В упомянутом сражении пали многие вельможи Рашки и Боснии, поскольку боснийский король Твртко был в союзе с князем Лазарем и послал ему в помощь свое войско с воеводой Влатко Вуковичем. С горсткой своих воинов тот сумел спастись бегством после упомянутой битвы в Косово, произошедшей 15 июня 1389 года.

Вук Бранкович, зять князя Лазаря, сумел, однако, спастись почти со всеми своими людьми. По мнению некоторых, он тайно снесся с Мурадом, намереваясь предать (как он это делал и прежде) своего тестя, чтобы заполучить его престол. Посему после его смерти он стал государем одной части Рашки, другая же досталась жене Лазаря Милице с двумя его малолетними сыновьями Стефаном и Вуком. Вскоре между ними начались жестокие распри. Милица обратилась за помощью к Турку, который отнял земли у Вука Бранковича и отдал их во владения его шурьям, сыновьям князя Лазаря, разорив города и крепости, которыми Вук владел в Рашке. Жене его Маре и сыновьям Гргуру, Джураджу и Лазарю было оставлено ровно столько земли, чтобы хватило на прокорм. Две крепости турки оставили за собой. Вук Бранкович был заключен турецким императором в темницу, однако затем выпущен и вскоре после этого скончался, не без подозрения о яде, который, как говорили, дала ему его теща. Другие утверждают, что он был заключен в темницу в Филиппополе Мусой, сыном Баязида, который позднее убил его сына Лазаря. Подкупив тюремщиков, он сумел бежать и, вернувшись домой, пришел во владения Джураджа Балшича, другого зятя князя Лазаря. Тот, повелев привести его к себе, сначала стал упрекать его за предательство своего тестя князя Лазаря, а затем приказал отрубить ему голову; его же теща Милица об этом ничего не знала. Как

пишет Иоганн Леунклавий в «Истории турок», Милица, стремясь наладить отношения с Турком, отдала в жены турецкому императору Баязиду I свою дочь Миле- ву, которая позднее вместе со своим мужем попала в плен к Тамерлану. Тот, вернувшись в Скифию, устроил пышный пир для всех скифских правителей и государей, и повелел привезти туда клетку, в которую был посажен Баязид. По его повелению была приведена и жена Баязида, которой он приказал отрезать платье до пупа, чтобы были видны срамные части, и пожелал, чтобы она подавала напитки пирующим. Ее муж Баязид, видя это, впал в тяжелую тоску о своей несчастной судьбе. Решив лишить себя жизни, он, не располагая ничем, чтобы осуществить свое намерение, стал биться о засов клетки и, в конце концов, убил себя столь жалким образом. Его жена Милева скончалась на второй день после его смерти. Владения Лазаря (как было сказано) были разделены на множество частей, однако Маре, жене Вука, вместе с его сыновьями вскоре удалось вернуть себе все земли своего мужа, кроме тех двух крепостей, которыми владели турки, то есть Звечана и Елеча. Рагузинцы тогда в полной мере проявили свою признательность и верность упомянутому Вуку, вернув его вдове вклад немалой ценности, который он оставил у них на хранение; всего же остального, переданного на хранение другим, она лишилась. Упомянутый Вук Бранко- вич отличался большой справедливостью в отправлении правосудия и всегда оставался большим другом рагузинцев. В его владениях всегда радушно обходились с их купцами и не раз оказывали почетный прием их нобилям. Его жена Мара, вернув (как мы сказали) себе власть, стала посылать своих сыновей с войском на службу к Турку, всегда оставляя при себе младшего для управления государством. Стефан и Вук, сыновья князя Лазаря, оказавшись вместе с двумя своими племянниками Гргуром и Джураджем, сыновьями Вука Бранковича, в войске Баязида, когда тот сражался с Тамерланом, после поражения Баязида все вместе бежали в Константинополь, кроме Гргура, который был схвачен татарами, но позднее отпущен за выкуп. Находясь в Константинополе, Джурадж Бранкович стараниями своих дядьев Стефана и Вука попал в темницу, поскольку между ними была вражда, и упомянутые дядья опасались, что он отправится в Романию к сыну турецкого императора Сулейману Челеби (Mustroman Zalapia) и раньше, чем они, окажется в их владениях.

Вышеупомянутый Стефан, будучи в Константинополе, получил титул деспота. На митиленской галере (galea di Metelino) он вместе со своим братом прибыл сначала в Улцинь, а затем высадился близ Бара. Договорившись со своим зятем Джураджем Страцимировичем Балшичем, правителем Зеты, он получил от него большое войско и отправился с ним в Рашку. Тем временем их племянник Джурадж томился в темнице в Константинополе под присмотром одного дворянина, оставленного деспотом. Тот, соблазненный, вероятно, щедрыми посулами, нашел ключи от темницы и освободил его. Джурадж отправился тогда к турецкому императору, который благосклонно принял его и приказал немедленно одеть в свою порфиру, поднеся немало ценных даров. Среди прочего, в знак великой любви и доверия он поднес ему в дар свое оружие. Затем он вручил ему свое войско, одной частью которого командовал Джурадж, а другой — турецкие военачальники. Однако и деспот Стефан со своей стороны также не терял времени даром и собирал свое войско. Разделив его пополам, одну часть он возглавил сам, а вторую поручил своему брату Вуку. В сражении с Джураджем последний проявил себя как одаренный военачальник, однако был разбит и спасся с горсткой своих воинов. Произошло это 25 ноября 1402 года. Его брат Стефан, сразившись с турецкими военачальниками, разбил их, одержав победу благодаря скорее военной хитрости, чем доблести своих воинов. В самом деле, был тогда в турецком войске один дворянин по имени Углешица (Vggliesciza), вассал и союзник турок. Еще до начала битвы он всячески отговаривал турок от сражения, утверждая, что они дрогнут при первом же натиске христиан. Посему, когда начался бой, турки почти сразу же обратились в бегство. По этой причине многие из них были перебиты упомянутым деспотом. После этого деспот повернул в сторону Триполья (Tripoli), полагая встретить там своего победоносного брата Вука, но его ожидания не оправдались. [Вука] он встретил по пути в сопровождении не более двадцати конников. Напуганный этим Стефан немедленно повернул в сторону Ново Брдо и уже оттуда вернулся в свои владения. Вскоре Джураджу удалось захватить немалую часть его

земель, однако и деспот не остался в долгу. Вторгшись вместе с венграми во владения Джураджа, он нанес тамошним городам немалый урон. Так Рашка в течение некоторого времени подвергалась жестокому разорению. В конце концов, деспот заключил перемирие с турками на тех условиях, которые их устраивали, а его брат Вук, видя, что деспот не обращается с ним как с братом, присвоив себе его удел отчей державы, покинул его с многими нобилями, состоявшими у него на службе, и прибыл ко двору турецкого императора. Тот принял его с почетом, дав во владение большую область в Романии, где он мог бы с удобством устроиться со своими нобилями. Через некоторое время Вук потребовал у своего брата свой удел, но тот ни при каких условиях не соглашался его уступить. Тогда Вук, получив от Турка почти тридцатитысячное войско под командованием Эвреноса (Auranose), в сопровождении Джураджа Вуковича в марте 1409 года вторгся в Рашку и провел там шесть месяцев, грабя и разоряя те области, которые не желали ему повиноваться. В конце концов, причинив немалый урон Рашке, упомянутые государи пришли к согласию, и деспот отдал часть своих владений своему брату, сохранив за собой земли в сторону Дуная и Ново Брдо, половину доходов от которых он был вынужден отдавать своему брату Вуку. Последний стал правителем тех земель, что лежат западнее Моравы. Во время войны между сыновьями Баязида Мусой и Сулейманом (Musloman) деспот принял сторону нового императора Мусы и отправился к нему в Романию со своим братом Вуком. Еще до их прибытия в руки Мусы попал Лазарь, племянник Вука, который был заточен в темницу в Галлиполи, а затем выпущен. Так, вечером накануне битвы все славянские государи предстали перед Мусой и присягнули ему в верности. Однако еще до начала сражения Вук и его племянник Лазарь перебежали от Мусы к Сулейману. В сражении между упомянутыми двумя братьями победа досталась Сулейману, войско же Мусы было разбито. Деспот бежал в Константинополь (поскольку эта битва произошла в 1410 году близ упомянутого города), затем оттуда достиг Большого моря и, войдя в Дунай, пересек Валахию, чтобы вернуться в свои владения. Вук со своим племянником Лазарем простились с Сулейманом, чтобы вернуться домой раньше деспота, земли которого Сулейман передал им во владение. По пути домой они натолкнулись на турок — сторонников Мусы, которые схватили их и привели к упомянутому Мусе. Тот немедленно повелел обезглавить Вука в соседней роще, Лазаря же оставить в живых. Этим он надеялся привлечь на свою сторону брата Лазаря Джураджа, который в то время находился на стороне Сулей- мана, однако Джурадж на это не пошел. Посему, когда в том же году между упомянутыми братьями состоялось второе сражение близ Адрианополя, и Сулейман вновь нанес поражение Мусе, тот повелел немедленно обезглавить и Лазаря, что и было исполнено. Однако после смерти Сулеймана в 1411 году единственным правителем турок в Романии остался Муса. Во время осады последним Силиврии (Seleuria), города в Романии, Джурадж, помирившийся с ним и находившийся при нем со своим войском, узнал, что Турок готовится предать его смерти при первом удобном случае. Посему он притворился, что хочет вместе с турками пойти на приступ упомянутого города. Предварительно договорившись с теми, кто был внутри, он со всем своим войском вошел в город и тем самым спас себе жизнь. Эти события привели к тому, что Джурадж примирился с деспотом, и после этого они жили в дружбе, причем Джурадж оказывал своему дяде такое почтение, как если бы тот был его отцом. В 1415 году Муса, ставший (как было сказано) турецким императором, вторгся со своим войском в Рашку, где захватил несколько крепостей и подверг жестокому разорению земли деспота, на помощь которому пришли из Боснии с большим войском Сандаль Хранич и воевода Петр. Кроме того, прибыл ему на помощь и бан Иваниш Морович (Morouicchio) из Венгрии. Деспот, располагая такими большими силами, все же не решился вступить в схватку с Мусой. Брат последнего Кири–Челеби (Ciriscledi), неожиданно появившийся с несколькими отрядами татар, вынудил его покинуть Рашку. 14 июля того же года упомянутые два брата сошлись в битве в Болгарии в местечке под названием Искра (Ischra), где Муса, потерпев поражение и попав в плен, был немедленно предан лютой казни. Джурадж, пришедший на помощь Кири–Челеби (Cirisclebi), вернулся домой со своим войском и войском деспота. Несмотря на это, упомянутые два государя оставались данниками Турка. Воеводы Сандаль и Петр с венграми отбыли домой гораздо раньше,

не присоединившись ни к одному, ни к другому из упомянутых турецких братьев. В 1419 году деспот Стефан послал в Сребреницу (Srebarniza) одного из своих дворян по имени Владислав для управления этим городом. Поскольку тот жестоко притеснял тамошних жителей, последние, не в силах терпеть его тиранство, подняли бунт и убили его. Деспот, желая отомстить за его гибель, в 1420 году прибыл в Сребреницу с большим войском. Схватив несколько убийц Владислава, он после многочисленных истязаний казнил их. У многих купцов и нобилей из Рагузы, находившихся в ту пору в Среб- ренице, он отнял все их добро и вдобавок к этому бросил в темницу. Некоторых из них он приказал лишить глаза, других — руки, делая все это по подозрению в их соучастии в убийстве упомянутого Владислава. По этой причине сенат Рагузы немедленно отправил к нему послом Паско Рестича (Pasqual de Resti). Тот, пользуясь благосклонностью Джураджа, племянника деспота, с упреками поведал упомянутому деспоту о многочисленных услугах, оказанных ему рагузинцами, и, в частности, о тяготах, которые они вынесли во время обороны крепости Сребреницы от боснийского короля Твртко. Несмотря на это, добиться от деспота освобождения рагузинцев ему не удалось. Посему по справедливому Божьему суду деспот, проезжая однажды на коне близ Сребреницы, был сражен ударом (goccia) и скончался на месте. Погребен он был в Раванице в 1421 году. Джурадж, его племянник, узнав о его смерти, немедленно двинулся с небольшим отрядом на Белград и освободил всех рагузинцев, томившихся там в неволе. Рашане же приняли его как государя. Посему в 1428 году рагузинцы отправили к нему двух послов, Марина Рестича и Ивана Гундулича, чтобы подтвердить свои привилегии, что и было им милостиво сделано.

Турецкий император, узнав о смерти деспота Стефана, в упомянутом году с войском вторгся в Рашку и подошел к Крушевацу. Венгерский король также подошел к Белграду, и его приход оказался крайне важен: если бы он тогда не помог Рашке, вся та область, которая находилась в подчинении у деспота, была бы захвачена Турком. Турок, захватив город Круше- вац и несколько других селений, с большим войском подступил к Ново Брдо. 3 сентября туда, еще до его прихода, прибыл Исаак–паша. Объединив с ним свои силы, он приступил к штурму упомянутого города. В течение 48 дней он пытался овладеть городом, обстреливая его стены из огромных орудий. В конце концов, отчаявшись захватить его, он отступил со всем своим войском. Среди защитников города было немало рагузинцев, и в их числе Вук Влахо Бобальевич (Volzo Biagio de Bobali). Будучи более других искушен в военном деле, он днем и ночью исполнял свой долг настоящего солдата и выдающегося военачальника. Неустанно побуждая своих соотечественников защищать город, он призывал их не забывать о том, что они рагузинцы, а рагузинцев всегда отличала преданность своему государю. Посему упомянутый город (как частенько позднее говаривал упомянутый Джурадж) остался тогда во власти христиан исключительно благодаря преданности и доблести этого Бобальевича. После этого Джурадж пришел к соглашению с Турком, сделавшись его вассалом и обязавшись выплачивать дань и выставлять по его требованию войско для войны, как это уже было во времена деспота Стефана, однако размер дани был уменьшен сообразно количеству земель, отнятых турками. После этого Джурадж выдал свою дочь Катарину за Ульриха II, графа Цельского (Vldarico 2. Conte di Cilia), который позднее был убит Аасло и Матьяшем, сыновьями Яноша Хуньяди. Несмотря на заключенный упомянутым образом мир между турками и деспотом Джураджем, Мурад, видя, что Джурадж не держит обещания, в 1435 году вновь развязал с ним войну и послал войско на разорение его земель. Джурадж, стремясь успокоить его и восстановить мир, отправил к нему посла, обещая заплатить такую дань, какую он пожелает, и сделать все, что он от него потребует. Посему Мурад отправил к Джурад- жу одного из своих придворных по имени Сарач–паша (Sarazie Bassa), требуя дани в обычном размере и руки его дочери Марии. Это требование опечалило Джураджа: платить дань он был согласен, но мысль о расставании с дочерью чрезвычайно его угнетала. В конце концов, убежденный доводами своей жены Ерины, или (как ее называют другие) Ирины, он уступил, надеясь через это родство окончательно примириться с Мурадом. Вышло же все совсем не так, как он ожидал, о чем сейчас пойдет рассказ. Мурад, получив ответ Джураджа, послал Халила, одного из самых близких своих людей, чтобы сопроводить

упомянутую свою супругу в свой дом. Посему ошибаются те, кто считают, что эта дочь деспота была захвачена при штурме Смедерево (Samandria), который Мурад захватил через три года после заключения этого брака. И детей Мураду она никогда не рожала, хотя некоторые авторы, и в их числе Рейнерий Рейнекций, полагают, что Мехмед II (Maumette 2,) был рожден Марией, дочерью Джураджа. Это утверждение ложно, что убедительно доказывают турецкие летописи и расчет годов.

Мехмед родился в 833 году по магометанскому летоисчислению, а Мурад (как пишет Иоганн Леунклавий) женился на Деспине пять лет спустя, то есть в 838 году по магометанскому летоисчислению. Поэтому Мехмед не мог быть ее сыном. Кроме этого, если бы он был сыном Марии, то в момент вошествия на престол ему было бы не более 15 лет, однако всем известно, что он начал править, когда ему был 21 год. Халкокондил открыто называет дочь Джураджа мачехой Мехмеда. И Спандун с помощью убедительнейших доводов доказывает, что Мурад никогда не имел детей от Марии Деспины. Некоторые называют ее Ириной, и в их числе Антуан Жоффруа, а за ним и Рейнекций, который называет ее Ириной по фамилии Кантаку- зина, однако оба они ошибаются. Феодор Спандун ясно пишет, что имя ее было Мария, и была она дочерью не Кантакузина, а деспота Джураджа. Матерью же ее была Ирина Кантакузина, сестра Георгия Кантакузина. Георгий же (о чем не упомянул Спандун) был племянником императора Иоанна Кантакузина, а отцом его был сын албанского князя Матея. Посему упомянутая Мария приходилась императору Иоанну внучкой. С ней Мурад, ее муж, прожил, соблюдая мир и не разоряя владения своего тестя деспота Джураджа, всего три года. В 1439 году Мурад, видя, что венгерский король Альберт отвлечен войной в Польше, решил воспользоваться случаем и, невзирая на родство, вознамерился напасть на земли Джураджа, надеясь быстро овладеть ими. Не располагая достаточными силами для отпора зятю, Джурадж надежно укрепил Смедерево и, поручив его защиту одному из своих сыновей, ушел к венграм с младшим сыном Лазарем и всеми родственниками, уведя с собой также большое число священнослужителей. Венгры, узнав, что Турок уже достиг пределов Нижней Паннонии, и только река Сава отделяет его от них, стали слать одного за другим послов к королю Альберту, моля его не отдавать свои владения в добычу врагу и не бросать в беде своих друзей и союзников, осажденных Турком. Альберт, обеспокоенный этими волнениями, стремглав двинулся с войском в сторону Венгрии и, достигнув междуречья Тисы (Tibisco) и Дуная, стал там лагерем в ожидании подхода других войск, которые ему были обещаны. Турки, узнав о его прибытии, с еще большим упорством стали осаждать Смедерево, непрерывно, днем и ночью, атакуя защитников города. Те, видя, что не могут более сопротивляться (поскольку город испытывал острую нехватку продовольствия по причине скупости Ирины, жены Джураджа, которая, желая заполучить больше денег, велела продать все запасы зерна), решили добровольно сдаться Турку. Сын Джураджа Гргур, не видя другого решения, согласился с мнением остальных. Мурад, овладев Смедерево, даровал Гргуру большую часть земель, которыми прежде владел его дед Вук Бранкович, при условии, однако, что тот сделается его вассалом и будет ему верен. Несмотря на это, он держал его при себе вместе с другим его братом Стефаном, который находился при нем с того времени, как [Мурад] женился на его сестре. Итак, когда они находились при своем зяте, Мурад узнал о [военных] приготовлениях Джураджа и о том, что его сыновья тайно сообщали отцу обо всем, что делали турки. Посему он велел ослепить обоих с помощью раскаленного железа (bacile affocato), так, чтобы их отец Джурадж об этом ничего не узнал. Тот, укрывшись в Венгрии, в течение некоторого времени жил в землях, которыми владел в этом королевстве. Дело в том, что он отдал королю Альберту Белград в обмен на некоторые земли в Венгерском королевстве. Об этом пишет Ааоник: «Джурадж владел в Венгерском королевстве знатной областью с множеством богатых городов, которую Лазарь (Eleazaro), совершив обмен с Сигизмун- дом, получил за город Белград, поскольку упомянутый город, омываемый двумя реками, чрезвычайно привлек короля удобством своего порта. С одной стороны его омывал Дунай, с другой — Сава, которая в этом месте впадает в Дунай». Здесь под Лазарем следует разуметь Джураджа, а под Си- гизмундом — Альберта, согласно свидетельствам Вольфганга Лациуса и Томаса Эбендорфера фон Хасельбаха (Thoma Ebendorfo Haselbuchio). Последний жил

в то время и написал в «Австрийской хронике», что упомянутый обмен был совершен не между Лазарем и Сигизмундом, а между Альбертом II Австрийским и сербским государем Джураджем, с которым он познакомился при дворе кайзера Фридриха IV, где с ним, как с изгнанником, обращались весьма учтиво. Бонфини даже перечисляет города, которые Джурадж получил в обмен на Белград: крепости: Сланкамень (Zalonkemen), стоящий выше Белграда на берегу Дуная против устья Тисы, которая в том месте впадает в Дунай; Бечен (Bechien), Келпен, называемый венграми Керпен, и Вилагошвар (Vilagosvaro); города: Сатмар (Zathmaro), Бесермены (Bezermen), Дебрецен (Debrezen), Тура (Thuro), Варсан (Varsano) и другие. Помимо этого, в Буде ему было пожаловано несколько великолепных домов, сравнимых по своему убранству с королевскими дворцами. Итак, Джурадж в течение некоторого времени жил там, а затем уехал в Загреб. Живя там, он увидел, что по причине смерти короля Альберта в королевстве поднялась большая смута. Посему, почти утратив надежду сохранить свое положение, он решил попытаться каким-либо образом договориться с Турком. В связи с этим он обратился к венецианцам с просьбой снарядить для него за его счет галеру и отвезти его в Бар, единственный из городов его державы, который сохранил ему верность. Венецианцы немедленно предоставили ему все необходимое, и он со всей семьей туда переправился. Мурад, узнав об этом, отправил своих тайных посланников, чтобы те с помощью щедрых посулов убедили барян выдать ему [Джураджа]. Среди прочего он обещал городу свободу и свое покровительство. Баряне, выслушав предложения Мурада, пребывали в смятении и нерешительности. С одной стороны, им не хотелось отказываться от столь щедрых предложений, с другой — их удерживал долг верности своему господину. Джурадж, узнав об этом от друзей, решил не дожидаться решения барян и немедленно отправил посланца в Рагузу, прося сенат оказать помощь в его опасном положении. Рагузинцы, изрядно вооружив галеру, той же ночью отправили ее в Бар. Другие утверждают, что рагузинцы по настоянию деспота послали свою галеру под началом Паско Соркочевича (Pasqual di Sorgo) задолго до этого, и она находилась в водах Бара на случай необходимости. Джурадж, сделав вид, что отправляется на охоту, ранним утром со всей своей свитой и добром покинул город. Достигнув побережья, он взошел на борт упомянутой галеры и отплыл на ней в Будву. Там он укрылся в крепости, полагая, что теперь находится в безопасности. Однако вышло иначе. Црноевичи, привыкшие вести двойную игру, чуть было не схватили его. В последний момент, находясь в крайней опасности, он успел укрыться на рагузинском корабле. Рагузинцы, узнав о случившемся, немедленно послали галеру под началом Джуро Гучетича (Giorgio di Gozze). Тот, встретив его по пути, в июле 1441 года доставил Джураджа в Рагузу, где тот пробыл в течение почти всего июля. Мурад, имя которого в то время внушало ужас всей Европе, отправил тогда [к рагузинцам] множество посланников, делая немало выгодных предложений. Помимо прочего, он обещал отдать им множество крепостей в Боснии и все земли близ Рагузы вместе со всей казной, которую Джурадж оставил им на хранение. Несмотря на это и его многочисленные угрозы сенату Рагузы с требованием прекратить оказывать покровительство деспоту и выдать его, рагузинцы остались верны данному ими слову спасти упомянутого государя. Сам Мурад, пораженный их беспримерной верностью, сказал (как передает Бонфини в 5–й книге III декады), что Рагуза не может поступить иначе, поскольку она превыше всего чтят верность и гостеприимство. Джурадж, узнав о домогательствах Мурада, пал духом. Рагузинцы же пригласили его в сенат и стали убеждать сохранять бодрость духа и ничего не бояться, советуя обратиться за помощью к венграм и с помощью казны, которую он хранил у рагузинцев, вернуть себе владения, которых он был несправедливо лишен. Джурадж, успокоенный их убеждениями, обещал как можно скорее покинуть их город, чтобы из-за него Турок не развязал с ними войну. Вернувшись домой, он стал советоваться со своей женой о том, что им делать. Та убеждала его укрыться у константинопольского императора, но Джурадж решил, что будет лучше обратиться к венграм, в верности которых он уже имел возможность убедиться. Рагузинцы, предоставив ему свои галеры под командованием Николы Джорджича, доставили его до Скрадина, города в Далмации. Оттуда он отправился в Венгрию в те земли, которыми (как было сказано) он владел в упомянутом королевстве. Он

отправил посла к Ласло, поздравляя его с избранием королем Венгрии и предлагая свою дружбу и службу, что того весьма обрадовало. Через несколько дней после прибытия Джураджа в Буду он радушно принял его, и они заключили вечный союз. Вскоре после этого стараниями Яноша Хуньяди, отца короля Мать- яша, имевшего в то время репутацию одного из лучших полководцев Европы, который не раз одерживал победы над санджакбеями (Sangiachi) и другими турецкими полководцами, и с помощью казны, сохраненной рагузин- цами, Джурадж вернул себе большую часть своих владений. Однако Янош не вернул ему всего: часть [его владений] он даровал своим полководцам, часть удержал за собой. Он счел это вполне справедливым, поскольку отвоевал их благодаря своей силе и доблести. Кроме этого, он прекрасно знал о непостоянстве деспота, чтившего христианство не более, чем магометанство. Лавируя между турками и венграми, деспот обращался то к одним, то к другим, зачастую обманывая обе стороны, так что ни венгры, ни турки не были им довольны. Джурадж тогда сделал вид, что не придал этому значения, об услугах же, оказанных ему рагузинцами, он никогда не забывал. Более того, он всегда стремился отблагодарить их за оказанную услугу. Помимо прочих оказанных им милостей, он издал закон, по которому во всей его державе рагузинцы, имевшие должников, упорствовавших в возвращении долга, получили право, не прибегая к общественному правосудию, заключать должников в темницу в своих собственных домах и держать их там до полного удовлетворения своих требований. Благодаря этому многие рагузинцы стали богачами, а город их значительно усилил свое влияние и могущество. Кроме этого, упомянутый деспот особо отметил некоторых рагу- зинских дворян, которые после его отъезда из Рагузы постоянно его сопровождали, и в их числе Дамьяна Джорджевича (Damiano de Giorgi) и Паско Юния Соркочевича (Pasqual Giugno de Sorgo) по прозвищу Беля (Bieglia). Джурадж наделил их почетными должностями при своем дворе, особенно Соркочевича, которого держал при себе в качестве первого советника. Посему и поныне в цитадели Смедерево можно увидеть герб Соркочевича, который Джурадж велел установить там в знак большой к нему привязанности. Он даровал ему также Топлицу, которая (согласно Джакомо Гас- тальди) в древности называлась Трикорнезий (Tricornesij). Когда Сорко- чевич решил вернуться на родину, он продал упомянутую область за большие деньги одному магнату из Рашки. Дамьян, узнав об этом, упрекнул его в неразумии, поскольку Турок в скором времени должен был напасть на Рагузу. Однако тот (будучи истинным гражданином и патриотом) ответил, что, когда родине грозит уничтожение, следует ей помогать, и смерть при ее защите сочтет для себя за высшую честь. Посему, простившись со своим государем, он вернулся в Дубровник, привезя с собой немалую казну, Да- мьян же остался в Рашке при деспоте.

Деспот, будучи союзником венгров, вместе с королем Ласло и Яношем Хуньяди напал на беклербека Романии Хасан–пашу и Турахан–бека в долине горы Гем, и упомянутые [турецкие военачальники] были разбиты и уничтожены со всем своим войском. Караман, узнав об этом поражении, тут же напал на Понт и Вифинию, которыми Турок владел в Азии. Это напугало Мурада, и он стал искать мира с венграми. Деспот Джурадж, пользуясь случаем, передал ему через посла, что устроит это и будет платить ему дань в размере половины доходов со всей своей державы, будучи ему вечным другом и союзником, если Мурад вернет ему все захваченные земли и сыновей, которых держал у себя в темнице. Когда посол от Джураджа изложил все это Мураду, тот немедленно принял все условия и обещал сделать то, о чем просил Джурадж. Тот, получив об этом известие, без промедления отправился в Венгрию и, представ перед Ласло, обратился к нему с такой речью: «Светлейший король, император Мурад убедительно просит тебя о перемирии. В случае твоего согласия он обещает вернуть все отнятые у меня земли и моих сыновей. Если ты пожелаешь выслушать меня, то, без сомнения, сделаешь так, как просит варвар. В самом деле, [в этом случае] у тебя будет время лучше подготовиться к войне. Если через некоторое время ты вновь пожелаешь напасть на него, тебе будет легче одержать победу». Ласло, выслушав Джураджа, охотно согласился выполнить [просьбу Турка] и по его совету обратился к Турку с просьбой прислать посла, дабы в его присутствии заключить упомянутое перемирие и закрепить возврат земель Джураджа. Мурад немедленно отправил

посла с полномочиями по заключению перемирия и всех прочих условий, которые они оговорили. Среди прочего, согласно этим условиям, венграм запрещалось разорять турецкие земли, а туркам — переправляться через Дунай с целью грабежа Венгерского королевства. Все это было подтверждено каждой из сторон, и Джураджу были возвращены его сыновья. Когда он увидел, что они ослеплены, то испытал такую боль, что (как можно прочесть в турецких летописях) рухнул бы на землю, если бы свои не поспешили ему на помощь. Тут следует указать на ошибку Куреуса, автора «Анналов Силе- зии», который пишет, что Джурадж помирился с Мурадом и вернул себе свои земли после битвы под Варной, то есть на третий год после победы Ласло над Хасан–пашой. Известно, что в 1443 году король Ласло, разорвав во благо всех христиан мир с Турком, обратился к Джураджу с просьбой вступить в союз с остальными христианами, однако тот наотрез отказался, приводя немало надуманных доводов, по которым он не мог этого сделать. В конце концов, он пытался откупиться от Ласло деньгами, лишь бы не участвовать в упомянутом походе. Он не раз увещевал Ласло хорошо обдумать то, что он собирался делать, предостерегая от недооценки сил Турка, победить которого было практически невозможно. Поняв, однако, что Ласло, несмотря ни на что, упорствует в своем мнении, он перешел на сторону Турка, как из-за любви к дочери, так и из-за ненависти к Яношу Хуньяди, которому он не мог простить захват своих крепостей в Сербии. Посему, узнав о военных приготовлениях венгров и [ожидаемом] прибытии Скан- дербега, который шел на помощь королю Ласло, он перекрыл ему проходы со всех сторон. Тщетно Скандербег через послов пытался уговорить его не проявлять враждебность, не имея никакой причины для такого оскорбительного поведения. Он предупреждал его, что, если он теперь не даст ему свободного прохода со своими отрядами для соединения с войском Ласло, то из друга и соседа превратится во врага, против которого поднимутся вся Венгрия и Албания, и он будет иметь врагов и спереди и с тыла. Любой вред для него сейчас обернется позднее ущербом для него самого и всей его державы. Будучи в дружбе с Мурадом из-за одной только любви к дочери, не раз испытав на себе в прошлом коварство зятя, ему не следует забывать и об услугах, оказанных ему венграми. Эти слова не оказали никакого действия на Джураджа, и Кастриоти ничего не оставалось, как положиться на силу оружия. Однако делать этого он не хотел, так как считал опасным ввязываться в тяготы войны сейчас, желая сохранить свои силы свежими для борьбы с турецким войском (хотя и считал достойным попытаться проложить себе путь оружием). Пока Албанец в силу множества препон медлил на границах Мезии, а деспот скорее задерживал, чем препятствовал его прибытию (поскольку упорный дух полководца, в конце концов, проложил бы себе путь и преодолел все препятствия и без пролития солдатской крови), Ласло, частью под воздействием посланий Скандербега, частью ведомый своей судьбой (которая влекла его туда), пересек Валахию и, перейдя Дунай, прибыл с христианскими силами в Варну, намереваясь оттуда по равнинной местности, более пригодной для марша с военными знаменами, двинуться в Романию. Это пологое место, расположенное по другую сторону от границ Мезии, с давних пор пользовалось дурной славой как место гибели многих армий и было ненавистно даже самым неустрашимым ратникам. Там христианское воинство вступило в битву с враждебными полками Мурада и, потерпев жалкое поражение, было разгромлено. Узнав об этом, Скандербег, все еще находившийся у границ Мезии, испытал глубочайшие страдания. Поразмыслив, он решил повернуть свои знамена обратно, но, дабы не оставить свои страдания без отмщения и наказать Джураджа за его злокозненность, он стремительно вторгся во владения деспота и жестоко их разграбил. Его примеру последовали и другие соседние христиане. Джурадж, оказавшийся вследствие этого в большой беде, обратился за помощью к своему зятю Мураду. Он говорил, что никогда не отказывал туркам в помощи, даже в самых безнадежных случаях. Подвергая себя опасности, он приходил им на помощь в нужде. Проливая свою кровь, он выручал их во времена, когда могли помочь только боги. Он спас от гибели [империю] Османа (Ottomano), прикрыв его телом своей державы. Путем величайших жертв со стороны своих подданных он, обратив войну на себя, в течение длительного времени сдерживал албанские полки, дабы они не соединились с венграми, которые с великим нетерпением ожидали их в

другой части Мезии. Из тел своих подданных он возвел бастионы против Скандербега. И пусть Мурад, одержавший столь кровопролитную победу над одним только войском Ласло, задумается, как сложилась бы его судьба, если бы он, Джурадж, не позаботился задержать албанскую подмогу, не дав ей соединиться с венгерским войском. Джурадж говорил также, что из сострадания к его судьбе он возбудил против себя ненависть венгров, разбудил старинную вражду Скандербега и вооружил против себя всех соседей. За оказанную ему услугу он вынужден теперь терпеть страдания. Скан- дербег, не признавая Мурада победителем в битве с венграми, со своими регулярными отрядами вторгается то в его пределы, то в пределы его друзей, так что он окружен врагами со всех сторон. С одной стороны — венгры, с другой — албанцы, и в силу неравенства сил ему теперь не выдержать их напор, если зять не возьмет его под свое покровительство в благодарность за услуги, оказанные ему в трудную минуту. Эти причитания и особенно недавние заслуги деспота тронули сердце Мурада, и он был склонен начать войну. Он начал бы немедленно собирать войско и готовить вооружение, если бы не оказалось, что в войне против венгров он потерял огромное число своих воинов, а недавнее поражение от албанцев лишило его еще и многих других. Кроме этого, он был уже стар и хотел провести остаток жизни в мире. Тем не менее он постоянно обнадеживал Джураджа, обещая прибыть лично и отомстить за все обиды, нанесенные его врагами. Однако, в конце концов, этим все и ограничилось. Янош Хуньяди, желая отомстить туркам за поражение в битве под Варной, собрал новое войско и дошел с ним до Сереня (Citta di Seuerino). Остановившись на берегу Дуная, он отправил своих послов к Джураджу с предложением (как не раз прежде) присоединиться к нему в этом почетном и святом походе. Он напомнил об услугах, оказанных ему венграми, проявить неблагодарность к которым было бы делом нечестивым. Сомневаться же в успешном исходе войны [по его словам] не приходилось, поскольку не было недостатка ни в деньгах, ни в воинах — его войско, помимо вспомогательных отрядов из валахов, насчитывало двадцать две тысячи солдат. Единственное, чего недоставало этой экспедиции — это его, государя Рашки, участия. Если бы он пришел ему на помощь и своими войсками и советом, то о лучшем не приходилось и мечтать. Посему он настоятельно просил его построить в боевой порядок отряды своей легкой конницы и последовать за ним. Однако Джурадж, будучи нерасположен к этому и стремясь уклониться от участия в этой войне наиболее достойным образом, привел в свое оправдание различные доводы.

Прежде всего, он сослался на мир, заключенный им с Мурадом, который он нипочем не хотел разрывать, дабы вновь не навлечь на себя прежних несчастий. Эту и многие другие причины привел Джурадж, чтобы не вступать в союз с Яношем, к которому на самом деле он испытывал сильную зависть. Он не мог примириться с тем, что Яношу было отдано предпочтение перед ним в управлении Венгерским королевством, и считал постыдным для себя, деспота и государя Мезии, отпрыска императорского рода, сражаться под знаменами Хуньяди. Тот, узнав об этом, пришел в негодование, угрожая в случае, если Господь дарует ему победу в этой войне, собственноручно (как это принято у индийцев) отрубить голову вероломному и неблагодарному деспоту и отдать его державу в управление более достойному. Посему он немедленно тронулся в путь в сторону Болгарии и, пройдя по Рашке, предал ее разорению, как если бы она была вражеской страной. Джурадж, едва ушел Хуньяди, отправил несколько вестников к Мураду с сообщением о приходе венгров и численности их войск. Делал он это частью из зависти, которую (как было сказано) он испытывал к Яношу, частью из желания угодить Мураду, надеясь через это сохранить с ним мир на долгие времена. Он сообщил ему также, что Янош переправился через Дунай с малыми силами, и советовал вовсе его не опасаться, а, дав углубиться, отрезать ему все пути назад, чтобы никто не смог спастись бегством. Мурад охотно прислушался к совету деспота и посему не стал искать немедленного столкновения с неприятелем. Дав тому возможность продвигаться вглубь, он следовал за ним на расстоянии двух- или трехдневного перехода и отсекал ему пути отступления. Так оба войска достигли Косова поля, расположенного (как было сказано) на границе Рашки и Болгарии, где Хуньяди остановился, ожидая подхода Скандербега. Турок, предупрежденный об этом, вынудил его принять бой. Венгры,

сражаясь и умело и отважно, тем не менее не сумели выдержать напора врага, который превосходил их не столько своей доблестью, сколько великой численностью, и были разбиты. Христиан там пало всего восемь тысяч, турок же — тридцать четыре. Хуньяди, видя, что пал Янош Зекер (Gioanni Zecher), сын одной из его сестер, множество хоругвей захвачено, а войско обращено в бегство, сам, бросив все, стал искать спасение в бегстве. Спасшись в одиночку на коне, он стал скрываться по пустынным местам без еды и питья. Когда конь под ним утомился, он отпустил его и дальше пошел пешком. У одного из перевалов он встретил турка, который бросился на него с копьем. Спасаясь от него, он укрылся на болоте. Выйдя оттуда через некоторое время, он достиг владений деспота Джураджа. Там ему повстречались два рашанина, которых он обещал достойно наградить, если те проводят его в Белград. Те накормили его и, обещав проводить, куда он просит, пошли с ним, задумав по дороге убить его [и ограбить]. Проделав небольшой путь, они неожиданно скрутили его, желая увидеть, что у него есть с собой. Обнаружив на нем нательный крест из золота, они сорвали его. Пока они радовались находке, Янош, заметив рядом с собой меч одного из них, с великим проворством схватил его и нанес одному смертельную рану. Второй же успел спастись бегством. Деспот Джурадж, узнав о поражении христиан, послал глашатая во все свои земли и написал всем наместникам, чтобы те не пропускали через свои владения ни одного венгра, не спросив у него, кто он и куда направляется. Всем же остальным, кто будет другого племени, давать свободный проход. Если же они обнаружат Яноша Хуньяди, то пусть немедленно ведут его к нему. Наместники немедленно издали указ своим подданным, дабы те приводили к ним всех венгров, которых они встретят, нарушителям же указа грозила жестокая смерть. Хуньяди же, страдая от голода, не знал, куда податься. Придя в одно селение в Рашке, он увидел несколько поселян, обрабатывавших поле. Приблизившись к ним, он попросил у них хлеба. Те, видя, что он венгр и просит хлеба, ответили: «Хлеб, друг наш, у нас есть, и мы дадим его тебе вдоволь. Однако нам дан наказ, согласно указу государя, непременно отвести тебя к городскому магистрату, чтобы тот выяснил твою личность. Как только он это сделает, то немедленно отпустит тебя в твою страну, не причинив никакого вреда. Поскольку ищут они, как мы думаем, одного только Яноша Хуньяди». После этих слов упомянутые поселяне задержали его и, крепко связав, заставили признаться самому старшему из них, что он и есть Хуньяди. [Янош] пообещал ему великую награду, если они проводят его в Белград, не отводя к магистрату. Итак, самый старший из них, узнав, кто он, обещал доставить его невредимым до дома. Он рассказал своим братьям, что он — это Хуньяди, наказав держать это в тайне. Поздно вечером они отвели его в хлев, где держали сено и скот, намереваясь с рассветом отправиться с ним в Белград. Однако на следующий день между братьями началась ссора, и один из них в ярости пошел и рассказал обо всем магистрату. Тот послал своих придворных, чтобы те схватили Хуньяди и, связав его, отправили к деспоту, сообщив тому, где он был обнаружен. Джурадж, поймав его, держал в течение некоторого времени в заточении в цитадели. Там [Янош] смог убедить коменданта цитадели и своих охранников, объединившись с ним, напасть на деспота и овладеть городом. Однако эта затея не удалась, поскольку один из заговорщиков раскрыл все их замыслы Джураджу. Тот, казнив всех заговорщиков, через несколько дней отпустил Хуньяди с условием, что тот женит своего сына Матьяша на его внучке, дочери Ульриха, графа Цельского, и вернет ему все те крепости, которыми Хуньяди владел в Рашке. В залог верности Хуньяди данному договору Джурадж потребовал, чтобы тот дал ему в заложники своего сына Ласло (Ladislao). Получив требуемое, он отпустил Хуньяди в Венгрию. Через некоторое время, отдохнув и восстановив свои силы после стольких тягот, тот решил отомстить деспоту, неблагодарность которого раздражала его больше, чем ненависть к Турку. Более же всего он хотел отомстить за свое пленение в Рашке. Посему, собрав войско, он напал на земли Джураджа, предавая огню селения, разоряя деревни и беря приступом города. Вскоре он захватил почти все владения Джураджа в этой стране. Когда он намеревался продолжить разорение Рашки, к нему прибыли послы от Джураджа, которые добровольно вернули ему его сына Ласло, по–царски одаренного Джураджем, моля прекратить разорение, забыть об обидах и обещая, что деспот в будущем не доставит ему никаких причин для недовольства. Хуньяди

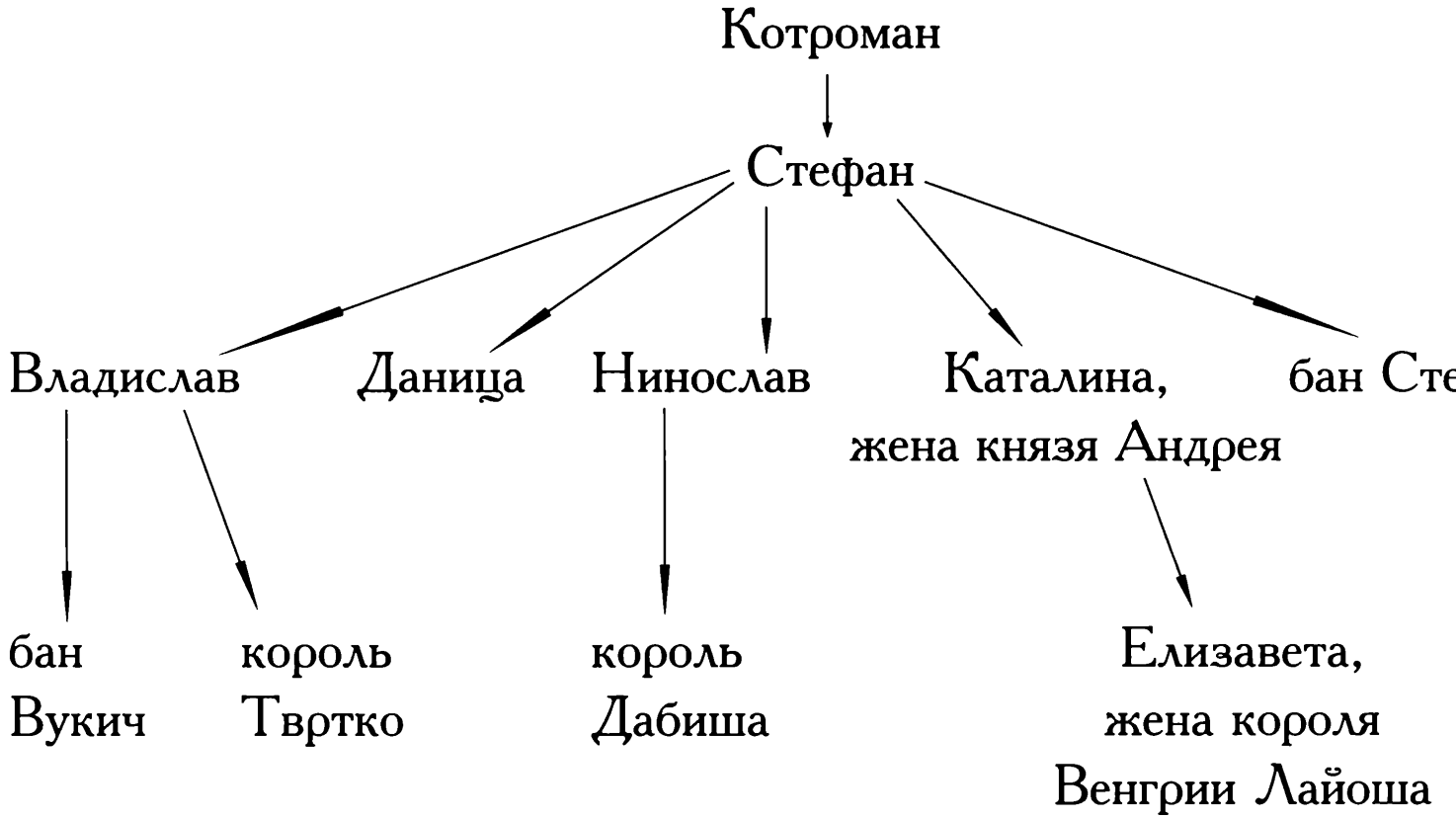
некоторое время обдумывал, что ему предпринять, но, наконец, уступив просьбам своих венгерских магнатов, выступивших посредниками в его примирении с деспотом, успокоился и, заключив мир с Джураджем, вернулся в Венгрию. Произошло это в 1448 году, на четвертом году правления Хуньяди. Однако в следующем году Мурад вновь пошел войной на деспота Джураджа. Его разозлило известие о том, что, поймав Хуньяди, тот дал ему уйти. Посему он решил наказать его за это. Послав Фериз–бега (Frigibego) с войском в сорок семь тысяч воинов к пределам Рашки, он приказал ему в кратчайший срок восстановить Крушевац (Chrysonico), город на Мораве, разрушенный некогда во время большой войны, а затем напасть на владения Джураджа, разоряя угодья и предавая все огню и мечу. Фериз–бег исполнил все, что ему было приказано. Сначала он привел из близлежащих селений множество каменщиков и других мастеров, чтобы восстановить и укрепить Крушевац, запретив на время [строительства] всем своим причинять какой-либо ущерб соседям, дабы рашане не расстроили его замыслы. Устроив насыпи, рвы и бастионы, так, что город, снабженный гарнизоном, мог выстоять против любого вражеского нападения, он начал совершать грабительские набеги на владения деспота. Тот, перепугавшись, не знал, что предпринять. Примириться с Турком он мог только ценой великих злодеяний с еще большим ущербом для себя. Если же он собирался противостоять ему, то никак не мог рассчитывать на помощь Хуньяди, который, как он хорошо понимал, был им оскорблен. Он не видел никого, к кому мог бы обратиться за помощью. Тогда он решил, что лучше претерпеть все невзгоды, чем попасть в жестокое рабство к Турку. Посему, в конце концов, он обратился за помощью к Хуньяди, сделав это крайне почтительно. Янош охотно согласился помочь, понимая, что Турок, овладев Рашкой, будет постоянно совершать набеги на венгерские земли. Без промедления собрав войско, он отправился в Рашку. Позабыв и простив во имя служения христианскому делу все обиды и оскорбления, он не стал посылать других полководцев, но лично пришел помочь неблагодарному деспоту. Переправившись через Дунай близ Смедерево, он вступил в Рашку и, соединив свои войска с войсками Джураджа, стал продвигаться ускоренным маршем, намереваясь застигнуть неприятеля врасплох. На четвертый день они подошли к туркам. Едва они вступили на территорию Крушевца, наступил рассвет. Облака [утреннего тумана], повисшие (как это случается) между войсками, не давали им видеть друг друга. Когда же, наконец, под действием лучей солнца они рассеялись, засияли перед врагом полки во всеоружии, и издали можно было узнать хоругви Хуньяди. Турки, пораженные внезапным появлением христиан, настолько пали духом, что, позабыв и думать о том, чтобы вооружаться, устраивать оборону и вступать в бой с врагом, стали думать только о спасении бегством. Началась паника, и все бросились бежать. Бегущих преследовала легкая конница, перебившая многих и захватившая немало пленных. С наступлением темноты христиане вернулись назад, турки же попрятались по лесам. Фериз–бег вместе с множеством другой знати попал в плен. Хуньяди, одержав упомянутую победу, пришел в Видин, город в Болгарии, стоящий на Дунае, и сжег его, поскольку город этот был причиной многих войн. Сразу после этого он вернулся в Рашку и, подарив пленных деспоту, с триумфом вступил в Белград. Под покровительством венгров Джурадж жил весьма спокойно, и турки не осмеливались так часто, как прежде, нападать на него, пока Мехмед (Maumette), наследовавший своему отцу Мураду, после захвата Константинополя не двинул свои войска против Рашки. Начав с осады Ново Брдо, он начал обстреливать его из тяжелых пушек, направляя их жерла в небо, так что ядра падали на защитников города сверху. Как пишет Лаоник (VII), Мехмед был первым, кто применил этот способ обстрела. Пораженные страхом защитники города сдались, и их примеру последовали затем жители Трепчи и Призрена. Как пишет Бонфини (8–я книга III декады), произошло это в 1454 году. Мехмед, забрав все самое ценное и уведя самых знатных горожан, оставил остальных жить в упомянутом городе, дабы те работали на рудниках, которых в тех местах великое множество и которые приносили немалый доход деспоту Джураджу. Последний, узнав о военных приготовлениях Турка, исполнился страха и за свою державу и за саму свою жизнь. Оставив гарнизоны в крепостях, он вновь отправился с просьбой о помощи в Венгрию. Поскольку короля Ласло там не оказалось, он поехал к нему в Вену. В то время там находился также брат Джованни

да Капестрано из ордена Святого Франциска. Упомянутый муж святой жизни и выдающийся проповедник, страстно желая побеседовать с деспотом, послал передать ему, что, если его не затруднит, он желал бы переговорить с ним. Когда деспот ответил согласием, они встретились, и [Джованни] с помощью убедительных доводов стал доказывать совершенную истинность и непогрешимость учения Римской Церкви о вере. Исходя из этого, он стал убеждать и молить деспота присоединиться со своими подданными к Римско–католической Церкви. Джурадж ответил ему так: «Девяносто лет прожил я в этой вере, переняв ее с малолетства от своих старших, и среди своего народа всегда слыл мудрецом, хотя и не пользующимся благосклонностью судьбы. И ты хочешь, чтобы теперь, узнав, что я изменил веру, они подумали, что под гнетом годов я тронулся рассудком, или, как говорят в народе, сдурел? Да я скорее с жизнью расстанусь, чем изменю заветам своих предков!» Распрощавшись с этими словами с Капестрано и ничего не добившись от короля Ласло, который был разгневан на него за упомянутое упорство, он с его дозволения неудовлетворенный вернулся в Рашку, явив пример того, какой опасностью грозит привычка к превратным суждениям. Итак, Джурадж, вернувшись домой, узнал [как-то], что Михай Силадьи (Michel Zilugo), сестра которого была замужем за Хуньяди и который в ту пору был послан на защиту крепости Белая (terra d'Alba), называемой в наше время Белградом, вместе со своим братом Ласло должен проследовать в карете рядом с пределами его владений. Тогда он послал в их сторону вооруженный отряд с заданием привести их живыми или мертвыми. Михай, увидев нападающих рашан, проворно выскочил из кареты. Вскочив на оседланного для него [слугами] коня, он, проложив себе путь оружием, сумел спастись бегством. Брат же его Ласло, застигнутый рашанами в карете, от полученных многочисленных ран скончался. Михай, замыслив отомстить за полученное оскорбление и смерть брата, через подосланных к деспоту соглядатаев стал тщательно следить за его передвижениями. Получив сведения, что Джурадж должен будет вскоре проехать по берегу Дуная для осмотра крепостей, он устроил вооруженную засаду на дороге, по которой тот должен был проехать. Когда тот приблизился, [Михай] внезапно напал на него и, отрубив ему при защите два пальца на правой руке, в конце концов, взял в плен. Выкупленный из плена за немалую сумму денег, он вернулся домой, но вскоре по причине кровотечения из поврежденной руки, которое никак не удавалось остановить, скончался. Произошло это в 1457 году. Таков был конец Джураджа, деспота Рашки. Он был красив телесно и наделен таким величавым красноречием, которое редко встретишь и у представителей древнейших благородных родов. Однако в деяниях своих он не отличался постоянством. После смерти Джураджа его сын Лазарь, который еще при жизни своего отца по настоянию своей матери женился на дочери Фомы Палеолога, наследовал престол, хотя его мать Ерина поддерживала его старшего брата Гргура. Последний, чувствуя себя несправедливо лишенным власти, вместе со своим братом Стефаном и немалой суммой денег бежал к Мехмеду. Тот дал ему небольшой удел, дабы он мог вести достойную жизнь, и заключил мир с Лазарем, который обязался платить ему ежегодную дань в двадцать тысяч скудо. Джурадж в своем завещании оставил управлять державой сыновей свою жену Ерину. Недовольный этим Лазарь, желая стать единовластным повелителем, позабыл о страхе Божьем и отравил свою мать с помощью [ядовитого] латука (Lattuga). Когда стало известно о злодеянии, совершенном Лазарем, все его вассалы и прочие соседи исполнились к нему такой ненависти, что Мехмед стал думать о захвате Рашки. Лазарь, узнав об этом, в страхе перед войском Мехмеда слег от горя и вскоре скончался, не оставив после себя детей мужского пола, а только трех дочерей: Марию, Ерину (Erigni) и Милицу. Мария еще при жизни отца вышла замуж за Стефана, последнего боснийского короля, остальные же две [дочери] перебрались в Рагузу вместе со своей матерью, когда она была изгнана из своей державы. Последняя выдала Ерину замуж за Джованни, герцога Сан–Пьетро–ин–Галатина, а Милицу — за Леонардо, деспота Арты (Larta). Вышеупомянутая жена Лазаря по имени Елена стала правительницей после смерти своего мужа. Сын Джураджа Гргур пытался лишить ее власти, однако она, обратившись за помощью к венграм, получила от них мощную поддержку. Рашане, подстрекаемые, вероятно, ненавистью, которую они к ней испытывали, избрали своим государем Мехмеда (Mechmotte), брата Михайло Турка,

который с давних пор жил при дворе деспота Рашки, и передали ему управление городом Смедерево. Укрывшаяся в цитадели вдова Лазаря, видя недостаточность своих сил для подавления бунта, решила действовать против упомянутого новоявленного государя обманом. Однажды под видом дружбы она пригласила его отобедать с ней в цитадели. Тот, не подозревая об обмане, охотно согласился. Едва он вошел в цитадель, она приказала связать его и затем связанного отослала в Венгрию, где он был заключен в темницу. Тогда турецкий император Мехмед, видя положение дел в Рашке и Сербии, двинулся с войском на Смедерево. Жители города, узнав об этом, вышли ему навстречу и вручили ключи от города. [Мехмед] щедро одарил их, одних — деньгами, других — поместьями, жене же Лазаря позволил удалиться, куда она пожелает, и забрать с собой всю свою казну. И она уехала в Венгрию. По мнению других, упомянутый город был сдан Турку боснийским королем Стефаном, который, будучи зятем Лазаря и его преемником на престоле Рашки, после смерти тестя ведал всеми делами в упомянутой державе. Брат Лазаря Гргур, видя, что Мурад стремится полностью захватить Рашку, вероятно, испугавшись [за свою жизнь], бежал в Венгрию, где и скончался, не оставив после себя законных наследников. Из прочих же его сыновей остался Иоанн с другими своими братьями, рожденными вне брака. Стефан бежал в Албанию, где по настоянию своих подданных, дабы не оставить род без наследника, взял в жены Ангелину, или, как полагают другие, Феодору, добродетельную женщину, дочь тестя Скандербега Арианита. Посему после его смерти осталось трое сыновей — Вук, Джурадж и Иоанн, и одна дочь по имени Мария, которая затем вышла замуж за Бонифация V Палеолога, маркграфа Мон- ферратского. Вук стал отменным воином, не раз доказавшим свою доблесть. Помимо прочего, когда в 1484 году семь тысяч турок вторглись в Хорватию, Каринтию и Крайну (Carniola) с целью грабежа селений, где были устроены торжища, и захватили большую добычу и десять тысяч пленных, он в союзе с Бернардином Франкопаном и баном Геребом (Geret) напал на них на реке Унац (Onuuyze) и, отняв всю поживу, всех перебил. По свидетельству Бонфини (10–я книга III декады) и Иоганна Леунклавия, во время войны короля Матьяша с чехами упомянутый Вук проявил такую выдающуюся доблесть, что получил от короля Матьяша в дар знатный замок под названием Фейерко (Feiezco). От Иоанна осталась только дочь по имени Мария, которая затем стала женой Фердинанда Франкопана и матерью модрушского князя Стефана и Катарины, жены бана Николы Зринского (Nicolo Bano di Sdrina). Итак, когда (как было сказано) Мехмед вторгся в Рашку, он захватил все земли, которыми прежде владел Лазарь. Одни из упомянутых земель сдались добровольно, другие были захвачены силой, и все неоднократные усилия венгров воспрепятствовать приходу Мехмеда в Рашку оказались тщетными. Посему, когда кардинал Святого Ангела (Carafagio Cardinale di Sant'Angelo) Карвахаль, посланный папой Калик- стом в поддержку венгров и находившийся в ту пору в Германии (Allemagna), по настоянию венгров с большим войском вторгся в Рашку, дабы попытаться своим авторитетом склонить этот народ к подчинению венграм, то обнаружил, что турки им уже овладели, поскольку (как было сказано) рашане сдались им частью добровольно, частью под воздействием силы.

Повернув назад, он чуть было не угодил в плен и с большими трудностями сумел благополучно добраться до Буды. Турок же полностью овладел Рашкой.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО КОТРОМАНА, ПРАВИТЕЛЯ БОСНИИ



КОРОНОВАННЫЕ КОРОЛИ БОСНИИ

1. Твртко I — первый коронованный король Боснии. Женат на Елице.

2. Дабиша. Женат на Цветице.

3. Остоя, сначала был женат на Грубе, затем — на Елице, бывшей прежде женой Хрвоя.

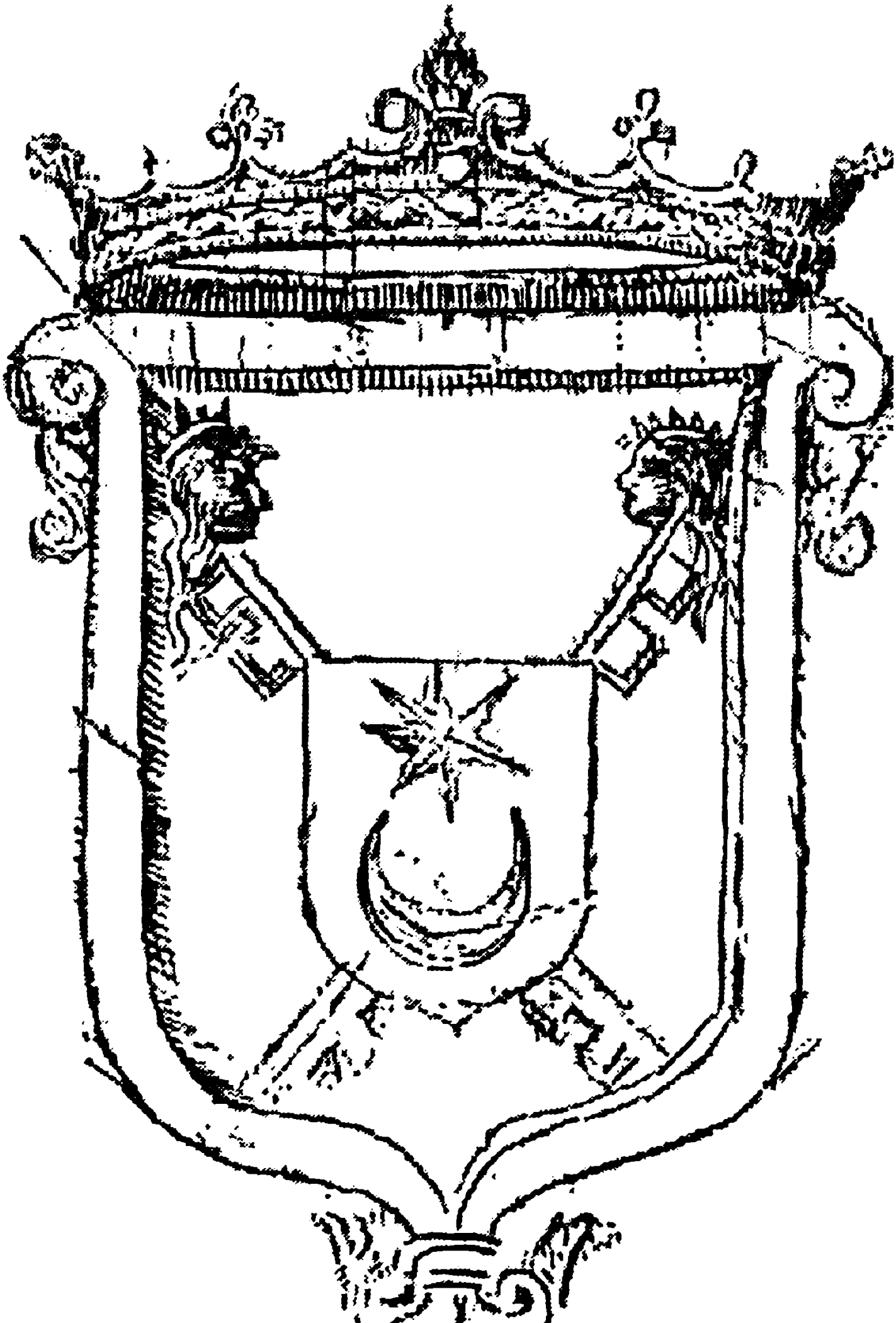
4. Стефан. Женат не был.

5. Твртко II. Женат на Елине.

6. Томаш. Женат на Катарине.

7. Стефан II, последний король. Женат на Марии.

ГЕРБ КОРОЛЕВСТВА БОСНИЯ



До сих пор мы вели речь о государях и королях, правивших в древние времена в королевстве Рашка и в Зетах, затронув также род Неманичей, который в течение длительного времени правил упомянутыми областями. Теперь расскажем о государях, банах и королях Боснии. Прежде чем двигаться дальше, необходимо рассказать о происхождении боснийцев. Согласно Карлу Вагрийскому (III книга «О славянах–генетах»), они происходят от фракийского племени бессов, которое, как пишут Солин и Геродот, жило по реке Нест, которую турки (согласно Пьеру Белону) называют Кара–Су (Charasou), а греки — Местро. Ливий и Страбон помещают бессов рядом с горой Гем. Как пишет Евтропий, их городом был Ускудама, называемый Аррианом Адрианополем. Согласно Овидию, это племя жило у Дуная рядом с гетами. Живя там, они постоянно воевали не только с соседними, но и с далеко от них живущими народами. Римляне в числе прочих не раз сражались с ними. Евтропий в «Римской истории» (II) и Иордан Алан пишут, что Лукулл первым сразился во Фракии с бессами, которые славились своей силой и доблестью, и в результате тяжелой войны одержал над ними победу на горе Гем, захватив их город Ускудама. Светоний Транквилл в жизнеописании Окта- виана повествует о том, что упомянутый император сражался с бессами и не раз вел с ними войну. Дион (XLV) пишет, что Брут, став наместником Македонии и Греции, вторгся в страну бессов с намерением наказать их за множество совершенных ими преступлений и заслужить себе титул императора (чтобы облегчить себе борьбу с Цезарем и Антонием). Благодаря усердию обоих государей Расциполиды (Rascipolide) его поход завершился полным успехом. В LI и LIV книгах он пишет: «Бессы жили во Фракии, и с ними сражался М. Красс, а после него Луций [Пизон] (C. Luccio). Было это в 739 году от основания Рима. Ходил на них также и Марк Лукулл, который был преемником Куриона в Македонии, и М. Лоллий». От этого столь доблестного племени и произошли боснийцы. Это утверждают Лудо- вик Криевич (Lodouico Ceruino) в «Происхождении турок» и Себастьян Мюнцер, который в своей Космографии (IV) пишет: «Бессы, изгнанные болгарами из Фракии по причине взаимных раздоров, пришли в Верхнюю Мезию и заняли земли между Савой, Вардаром (Vladano), Дриной и Адриатическим морем. С течением времени в имени этого народа Е превратилось в О. Так из бессов они стали боссами, а затем — боснийцами (Bosna). Поэтому ошибаются те, кто выводит имя боснийцев от названия реки Бос- ны. Скорее река получила свое название по имени упомянутого народа, которому пришлось немало потрудиться, прежде чем он покорил всю Мезию». Мезийцы отличались воинственностью, свирепостью и чрезмерной заносчивостью. Об этом можно прочесть у Иордана Алана, который рассказывает о том, как римский полководец Марций во времена Цезаря Августа пришел сразиться с упомянутым народом. Когда войска готовились к битве, один из мезийских военачальников, заставив замолчать свое войско, стал громким голосом взывать к римлянам, вопрошая, кто они такие. Ему ответили, что это — римляне, повелители и покровители народов. Тогда он прокричал в ответ: «Будете таковыми, если сумеете нас одолеть!» Несмотря на это, бессы смогли овладеть теми землями, которые носят ныне имя Боснии. Оттуда они часто беспокоили [своими набегами] соседей, особенно венгров, о чем свидетельствует Янош Туроци в «Венгерской хронике», называя их не боснийцами, а бессами. Как пишет [Карл] Вагрийский (III), упомянутые боснийцы совершили немало других славных деяний, память о которых у нас почти угасла, поскольку не нашлось у них (равно как и у прочих славян) ни письмен, ни образованных мужей, которые могли бы увековечить их историю письменно. Королевства Боснии и Рашки, княжество Хум и [обе] Зеты управлялись иногда одним государем, а иногда — несколькими. Посему, когда (как было сказано) государем Хорватии и Боснии был король Крешимир, сын короля Тешимира и внук короля Бело, зять бана Хорватии Чудомира, или Зелимира, правивший (согласно Павлу Скаличу (Paolo Scaligero) с 1009 года, то его господство распространялась не только на Хорватию, но и на всю Далмацию. После его смерти Требеллий, сын Бото делла Скала (Botho della Scala), взяв в жены его дочь Маду, получил вместе с ней и власть над Хорватией и Далмацией. Ему наследовал его сын Стефан. Город Рагуза во времена вышеупомянутого короля Крешимира (около 1035 года) на протяжении почти трех лет непрерывно воевал с боснийцами, и в этой войне потерял многих своих подданных и нобилей, так что многие знатные роды

совершенно угасли. Итак, король Стефан, наследовав (как было сказано) власть, вскоре скончался. Ему наследовал его сын Вукмир (Vuchmir), после которого правил его младший брат по имени Крешимир. Жизнеописаний упомянутых Вукмира и Крешимира я не даю, так как не смог отыскать их ни в древних писаниях, ни в сообщениях каких-либо других авторов. Известно лишь, что у этого короля Крешимира II не было других детей, кроме одной дочери, которую он отдал в жены венгерскому королю, и ее дети стали потом королями Венгрии. И помимо нее и ее детей не осталось более никого из рода вышеупомянутых боснийских королей. Как полагают некоторые, рагузинцы получили в дар от упомянутого короля Крешимира долины Жупы (Вгепо), Омблы (ОтЫа) и Затона (Malfi), хотя другие утверждают, что эти земли они у него выкупили. После его кончины его жена Маргарита прибыла в Рагузу. Покой и набожность этого города так полюбились ей, что, оставив свое королевство, она избрала упомянутый город местом своего жительства. Там она и окончила в святости свои дни и была погребена в церкви Святого Стефана, где и поныне сохранилась об этом память. Итак, когда король Крешимир скончался, не оставив мужского потомства, венгерские короли по случаю упомянутого брака стали именовать себя государями Хорватии и Боснии, утверждая, что эти королевства принадлежат им по праву. Однако хорваты и боснийцы, не желая признавать их верховенство, избрали из своей среды государей и банов. Иногда всей Боснией управлял один государь, иногда его власть делилась между несколькими, каждый из которых правил самостоятельно. Через некоторое время случилось так, что Босния объединилась с Рашкой, Хорватией и княжеством Хум. В то время жили бан Тврткo, бан Кулин (Culien), бан Борич (Barich) и многие другие, однако никаких сведений о них и их свершениях до наших дней не сохранилось, за исключением того, что бан Борич, овладев Хумом, начал войну с Рагузой из-за некоторых разногласий между епископом Боснии и архиепископом Рагузы. Посему в 1154 году он пришел с войском и разорил владения рагузинцев, особенно Жупу. Не успокоившись на этом, он собирался прийти и на следующий год, будучи уверен, что сможет захватить Рагузу и истребить само имя рагузинцев. Последние, получив об этом известие, принялись немедленно собирать силы для отпора. Улцинь послал им в помощь 200 солдат во главе с Николой Кервичем (Cheruich). Котор — 400 под командованием Петра Болицы, и из Перашта прибыло 150 доблестных ратников под началом Милоша Шестокрылича. С помощью этих и других союзников Рагуза смогла выставить отборное войско в шесть тысяч воинов, командование которым рагузинский сенат поручил Михе Неделичу Бобальевичу (Vichele di Dominico Bobali), мужу, сочетавшему в себе ревность к общественному благу и любовь к отчизне с силой духа и знанием военной науки.

Узнав, что бан Борич приближается к границам Рагузы, он выступил с войском и встретил его в княжестве Требинье, где оба войска стали лагерем. Сражение должно было состояться на следующий день. Бобальевич, собрав своих, обратился к ним с такими словами: «Вот, доблестные мои товарищи, враг ваш вышел в поле, где нет ни рвов, ни частоколов, ни насыпей, но одна только доблесть. И если вы таковы, за которых я и другие вас держат, то есть славяне, то нам не составит труда освободить себя от гнета и притеснения. Бейтесь храбро, заставьте их признать, что вы сильнее! Помните, что все ваше добро, жены, дети и, наконец, сама свобода зависят от вашей храбрости, а сила ваших рук принесет или рабство и вечный позор, или почет и вечную славу вашей родной Рагузы». Такими и многими другими подобными речами опытный и доблестный Бобальевич поднимал дух своих товарищей, а на следующее утро загодя построил свое войско в боевой порядок. Левое крыло он отдал Ивану Матеичу Криевичу, своему заместителю, поставив там Николу Улцинянина и Милоша Шестокрылича со своими пераштанами, а себе взял правое крыло и Петра Болицу. Бан, стоявший недалеко от рагузинцев, поднял лагерь, численность которого превосходила десять тысяч человек, и двинулся на неприятеля. Закипела великая кровопролитная битва. Левым крылом боснийцев командовал То- маш Вукмирич, брат жены бана Лавицы, муж высокого роста и опытный воин. Он сошелся с Криевичем, который неосмотрительно отдалился от своих и, перебив множество врагов и ранив самого Томаша, пал замертво. Никола Улцинянин ринулся ему на помощь, но какой-то босниец ранил его стрелой, и он был вынужден отступить. Видя это, Шестокрылич

двинулся на Томаша, который, уже считая себя победителем, охотно поджидал его. Разъяренные пераштане, позабыв об угрозе собственной жизни, кинулись на него и, невзирая на большие потери со своей стороны, бились до тех пор, пока не сбросили упомянутого Вукмирича с коня и, отрубив ему голову, не принесли ее Бобальевичу. Тот находился тогда в большом затруднении, поскольку бан, сражавшийся против него на правом крыле, имел в своем распоряжении почти весь цвет своего войска, и особенно конницу, в числе которой было немало венгров, искушенных в войнах. Когда же ему принесли голову Боснийца, то он, воспрянув духом, принялся объезжать своих, воодушевляя их словами: «Теперь, теперь настал час битвы, братья рагузинцы! Нам суждено победить, чтобы освободить нашу отчизну и себя самих от гнета, более того, от вечной покорности и рабства столь жестокого врага». Рагузинцы, воспылав духом, решили или погибнуть на поле боя или вернуться домой с победой. С большим напором ринулись они на врага, стремясь нарушить его строй. Бан, поняв это, послал против них венгерскую конницу, но все оказалось тщетно, так как место, где происходила битва, не было удобно для конницы. Посему он был вынужден отступить, или, лучше сказать, бежать, под ближайшую гору с горсткой тех, кто сумел с ним спастись. Не имея возможности ни долго находиться в этом ненадежном месте, ни вернуться домой без потерь, бан на третий день отправил епископа Требинье послом к Бобальевичу, чтобы договориться о мире. Тот немедленно известил об этом сенат Рагузы, который уполномочил Бобаль- евича решать все по своему усмотрению. Бобальевич столь успешно повел дело с баном, что сделал его чуть ли не данником рагузинцев, которым тот обязался возместить все понесенные расходы и ущерб, причиненный этой войной, и в течение всей своей жизни посылать им ежегодно двух скакунов благородной породы и пару белых борзых. Эти обязательства бан нерушимо соблюдал и стал впоследствии большим другом Рагузы, которая, как можно с уверенностью сказать, обрела тогда свое спасение благодаря одной только доблести и рассудительности Бобальевича. Сенат Рагузы, желая выразить благодарность тем, кто в такие тревожные времена пришел городу на помощь, щедро одарил Николу Улцинянина, Петра Болицу и Милоша Шестокрылича, не забыв и их ратников. Вскоре после их возвращения домой Шестокрылич во время праздника в Которе [во всеуслышанье] заявил, что его пераштане храбрее которцев, за что Петр Болица отвесил ему несколько пощечин. Это послужило причиной величайших волнений и несчастий. В самом деле, разом поднявшиеся пераштане схватили брата Болицы, который в то время случайно находился вне города в одном из своих имений, и хотели отрезать ему нос и уши, однако один житель Рисана, которому он некогда спас жизнь, избавил его от этой участи. Тем не менее, его привязали к дереву и жестоко высекли, после чего вырубили все принадлежащие Болице виноградники. На его защиту поднялся весь Котор, и в отместку ночью было подожжено несколько пераштанских кораблей. Однако вскоре которцы об этом пожалели, поскольку пераштане с помощью преданных им рисанцев совершили ночной налет и сожгли две которские галеры, стоявшие у стен города, сбросив в воду всех тех, кто их охранял. Рагузинцы, услышав об этих раздорах, решили встать между враждующими сторонами и примирить их. С этой целью был послан Никола Будачич (Bodazza), который ценой немалых усилий сумел их примирить. Произошло это во времена вышеупомянутого бана Борича. После его смерти ему наследовал бан Кулин, который затем правил Боснией в течение 36 лет. В его времена (как говорят) было такое изобилие всего необходимого для пропитания, что у местных жителей это вошло в поговорку. Встретив где-нибудь подобное изобилие, они говорят, что «вернулись времена Кулина–бана». Был он мужем благочестивым, набожным и преданным папе римскому. Когда в 1171 году в Дубровник для прохождения обряда посвящения прибыл епископ Боснии Радингост (Radogost), то он привез с собой множество даров папе, посланных упомянутым баном. В том же году эти дары были поднесены папе архиепископом Рагузы Бернардом. Последний в 1194 году по настоянию жупана Юрки (Iurca) прибыл в область Захумье (Zaculmie), именуемую славянами Захлумье (Zahliunie), и освятил там церковь Свв. Косьмы и Дамиана. Возвращаясь через Боснийское королевство, он был призван баном Кулином и освятил для него две церкви, после чего, получив от бана богатые подарки, вернулся домой. После смерти бана Кулина тогдашний венгерский король в силу

вышеупомянутых причин решил захватить Боснийское королевство. С этой целью он послал войско под началом одного из своих магнатов по имени Котроман Немец, знаменитого военачальника. Последний, придя в Боснию и обнаружив, что в ней нет государя, легко ее захватил. В награду за это король сделал его баном Боснии, повелев, чтобы упомянутый титул переходил бы по наследству всем его потомкам. С течением времени число его потомков умножилось, и все они стали именоваться родовым именем Котроманичи. Власть над Боснией очти всегда была у представителей этого рода, которые именовались то банами, то князьями. Достоинством их правления было сохранение в Боснии свободы и древних обычаев. Хотя в Боснийском королевстве в ту пору было немало именитых правителей, [Котроманичи] никому из них не позволяли вести себя, как тираны, по отношению к другим, следя за тем, чтобы каждый сохранял свое достоинство и имущественное положение. Никаких письменных сведений о Котроманичах, правивших в древние времена в Боснии, до времени, когда власть принял представитель упомянутого рода бан Стефан, мне найти не удалось. Правя Боснией согласно указанным выше началам, он прослыл за доброго и мудрого государя. После своей кончины в 1310 году он оставил трех сыновей: Стефана, Нинослава (Niroslau) и Владислава, к жизнеописанию которых мы сейчас приступим, предупредив читателя о том, что границей между Боснией и Рашкой служит река Дрина. Итак, когда после смерти упомянутого бана Стефана его старший сын Стефан пожелал с согласия своих братьев занять боснийский престол, против него восстали все вельможи упомянутого королевства и не допустили его до власти. Видя, что он и его братья весьма рассудительны и между собой едины, они опасались, что те узурпируют свободу и отменят боснийские законы. Стефан, понимая это, счел тогда разумным уступить ярости своих подданных и дождаться часа, когда Господь предоставит ему возможность вернуть себе отчий престол. Посему он со своей матерью Елизаветой укрылся в Рагузе. Там ему было оказано немало почестей, как со стороны городских властей, так и частных лиц, и всякий старался ему услужить. Остальные два его брата, а именно Нинослав, или (как его еще именуют) Мирослав, и Владислав отправились в Хорватию, а одна из его сестер по имени Даница уехала в Рим на богомолье, но заболела там лихорадкой и отошла в лучший мир. Она была погребена в храме [девы Марии над] Минервой, и на ее могиле было высечено (как и сейчас можно увидеть):

HIC IACET DIANA ILLIRICA.

(Здесь покоится Иллирийская Диана.)

Стефан, живя в Рагузе, не оставлял попыток договориться с боснийскими вельможами о возвращении себе отчего престола. Рагузинцы помогали ему в этом всеми силами и, в конце концов, сумели добиться возвращения его и братьев в Боснию. Стефан, которого все считали самым мудрым, с согласия всех вельмож был избран правителем упомянутого королевства, получив титул бана. Стефан, приняв власть, пожелал в первую очередь установить границы Боснии, Усоры и Хума, чтобы затем жить в мире со всеми своими соседями и, в частности, с венгерским королем Карлом. Этими своими действиями он укрепил свою власть и внушил страх всем своим подданным. К числу последних относилось четверо сыновей Бранивоя, дворянина из Хума. Они захватили упомянутое княжество и чинили там произвол. Бан Стефан решил положить этому конец и, собрав войско, схватил и казнил двух из них. Завоевав упомянутое княжество силой оружия, он владел им на протяжении всей своей жизни, а после его смерти оно перешло к его племяннику Твртко, который наследовал его престол. Упомянутый бан Стефан очень любил Рагузу. Рагузинских купцов всегда было много в его землях, и они свободно торговали во всех его владениях. И сама Рагуза не раз отправляла к нему послов с дарами. Посему он в благодарность за это и многие другие услуги, оказанные ему рагузинцами, в тысяча триста тридцать третьем году продал им Стон с Пелешацем, который, как он говорил, принадлежит ему, как князю Хума. Рагузинцы же обязались ежегодно выплачивать ему сто пятьдесят дукатов. Однако на следующий год по навету недругов рагузинцев, которые говорили ему, что рагузинцы не в состоянии ни содержать, ни защищать упомянутые земли, он отправил

посольство в Рагузу с требованием об их возвращении. Рагузинцы, отвезя боснийских послов на своей галере в Стон, показали им возведенные ими крепость и стены. Упомянутые послы по возвращении в Боснию рассказали обо всем бану, и он послал потом рагузинцам сто фунтов золота и столько же серебра в помощь упомянутому строительству. При этом бане венгерский король Лайош вел с венецианцами большую войну за Задар. Город принадлежал королю и был осажден венецианцами, стремившимися его захватить. Посему Людовик собственной персоной пришел ему на выручку, приведя с собой бана Стефана. Было это в тысяча триста сорок шестом году. Венецианцы, однако, окружив город цепью мощнейших бастионов и множеством сухопутных и морских сил, не позволили королю оказать ему помощь. Посему он был вынужден отступить. С того времени бан Стефан не осмеливался более показываться на глаза Лайошу. Причиной этого могло быть то, что он осознавал, что при обороне Задара проявил себя не лучшим образом и разочаровал короля, или (как полагают некоторые) то, что он по настоянию венецианцев вместе с некоторыми венгерскими и хорватскими магнатами составили заговор против Лайоша. Да и тот позднее не жаловал упомянутого бана. В его время в Боснии было множество еретиков, и особенно патаренов. Посему в тысяча триста сорок девятом году римский папа, которым был Климент VI, послал в Боснию миноритов, мужей святой жизни, и в их числе брата Пелегрина и брата Хуана (Gioanni) из Арагонского королевства, чтобы с их помощью искоренить упомянутые ереси. В чем состояли эти ереси и кем первоначально были введены в упомянутом королевстве, будет к месту тут упомянуть.

Ересь боснийских патаренов, как пишет Пьетро Ливио из Вероны (Pietro Liuio Veronese), ввел в тамошних краях римлянин Патерн (Paterno), который со всеми своими последователями был изгнан из Рима, а затем и из всей Италии. Изгнанники, не находя себе ни места, ни приюта, через Фриули перебрались в Боснию. Там часть их осела, остальные же отправились дальше во Фракию, где поселились на Истре недалеко от Никополя. Последние не совершали таинств, не отправляли литургий и не имели священнослужителей, хотя и называли себя христианами. Постились они по пятницам, соблюдая воскресные дни и все христианские праздники, особенно Вознесение Господне. Они отрицали крещение, гнушались креста и именовали себя павликианами (Pavlichiani). В этих своих заблуждениях они пребывали вплоть до начала последней войны между императором, Трансиль- ванцем и Турком. Видя, что христиане нападают на них и уводят в плен, как если бы они были турками, они решили принять истинное христианское учение. Было в тех краях четырнадцать поселков, населенных павликианами. Некоторые из греков по причине сходства имен полагают, что [павликиане] были последователями Павла Самосатского, однако они заблуждаются, поскольку [их учение] было далеко от заблуждений последнего. Я думаю, как те в Боснии называли себя патаренами, намекая на имя святого Петра, так и эти — на имя святого Павла, апостолов и покровителей Рима. Вернемся теперь к рассказу о Боснии. Итак, когда вышеупомянутые миноритыприбыли в упомянутое королевство, действительность превзошла все их ожидания. Они опасались, что бан Стефан, придерживавшийся греческого обряда и по этой причине не подчинявшийся папе, воспротивится их миссии, однако тот повел себя иначе. Приняв их с большим радушием, он дозволил им вести публичную проповедь против упомянутых еретиков и вводить римскую веру, поскольку считал, что лучше иметь в своем государстве подданных римско–католической веры, которая мало чем отличается от греческого обряда, чем еретиков, которые были против и греков и латинян. Большую помощь упомянутым братьям оказал рагузинский каноник Доманя Волцевич Бобальевич, образованнейший муж и образцовый христианин. Находясь на службе у бана в качестве главного секретаря, он убедил его оставить греческое суеверие и принять римскую веру. Во время войны бана с императором Стефаном Неманей упомянутый Неманя, страстно желая захватить бана, тайно снесся на предмет этого с Доманей и другими боснийскими вельможами, обещая им в награду за помощь деньги и имения в своем и Боснийском королевствах. Однако Доманя (Damagna) сразу отверг все предложения, говоря, что долг перед своим государем, любовь к своей родине и достоинство рода Бобальевичей, к которому он принадлежит по рождению, запрещает ему сделать это. Посему он немедленно предупредил своего государя об

упомянутых кознях Немани. После этого бан сильно привязался к нему, выдав немало привилегий, которые и поныне хранятся в доме Бобальевичей в Рагузе, и ни разу, пока был жив, не отпускал от себя, часто повторяя в присутствии своих вельмож (как видно из этих привилегий), что обязан ему спасением и королевства и самой своей жизни. В значительной степени благодаря ему и упомянутые братья–минориты (как было сказано) смогли проникнуть в Боснийское королевство. Упомянутые братья, рьяно споря с еретиками и разубеждая их, сумели привлечь на свою сторону всю Боснию, где с помощью принявших римскую веру возвели немало больших и малых монастырей. Дело свое они продолжили в У соре и Хуме, а затем и в Стоне, испросив на это дозволения у рагузинцев, которые (как было сказано) стали хозяевами упомянутого города. Многих из еретиков они, крестив, обратили [в истинную веру]. Привлеченные славой об их доброте и благих деяниях, множество людей святой жизни стекалось отовсюду в Боснийское викариатство (Vicaria di Bosna) — так именовалось тогда главное место их пребывания. Вышеупомянутый брат Пелегрин за обращение еретиков–патаренов был избран епископом Боснии. Была в Боснии и другая разновидность еретиков под названием мани- хеи. Согласно [Рафаэлю из] Вольтерры (Volaterrano) и Сабеллико, они жили в обителях, расположенных в долинах и других укромных местах, куда матроны, исцелившиеся от какой-либо болезни, должны были идти служить по обету в течение некоторого установленного времени. Так они и жили с упомянутыми монахами, или, лучше сказать, еретиками. Продолжалось это до 1520 года. Аббата в этих обителях именовали «дедом» (ded), а приора — «стройником» (stroinik). Священнослужитель, входя в храм, брал в руку хлеб и, повернувшись к народу, возглашал: «Благославляю его!», и народ отвечал ему: «Благослови его!» Затем он восклицал: «Преломлю его!», и народ в ответ: «Преломи его!» Преломив хлеб, он причащал им народ. Когда об этом обращении боснийцев узнал император Рашки Стефан Неманя, то, собрав мощное войско из пехоты и конницы, он вторгся с ним в Боснию. Сделал он это либо по побуждению своей жены–императрицы, люто ненавидевшей католиков, либо, возможно, исходя из прав по отношению к Боснийскому банату, на которые он притязал. Бан укрылся в горах и неприступных местностях, и Неманя, не сумев ни поймать бана, ни захватить главные крепости Боснии, вернулся назад, как было рассказано в его жизнеописании. Посему бан Стефан, освободившись от охватившего его страха, остался государем Боснии. Рассудительностью, проявленной во время этой войны, он заслужил большое уважение в народе, и наказал многих, кто в эту грозную пору принял сторону врага. Когда татары разоряли Трансильванию, он, как пишет Мюнстер, оказал большую помощь королю Лайошу, дабы осадить их дерзость и изгнать из упомянутых мест. Этим он заслужил большую признательность короля Лайоша. Мать последнего, узнав, что у бана Стефана есть дочь–девица пятнадцати лет по имени Елизавета, красивая и умная, стала просить бана прислать ее к себе, обещая обходиться с ней как с собственной дочерью. Когда отец ответил отказом, королева, покинув Венгрию, сама прибыла с большой свитой в Усору. Остановившись на берегу Савы, она послала за баном Стефаном и имела с ним долгий разговор. Стефан не соглашался на предложение королевы, но королева настаивала, клятвенно обещая выдать его дочь за мужа подобающего ему достоинства и заверяя, что он останется премного доволен этим браком. В конце концов, ее клятвы и обещания убедили бана, и он позволил ей забрать свою дочь. Королева увезла ее в Венгрию и держала при себе три года. За это время красота ее еще больше расцвела, да и нрав она проявила на редкость рассудительный. Тогда королева–мать стала склонять к браку с ней своего сына Лайоша, потерявшего свою первую жену Маргариту, дочь польского короля Казимира. Добившись согласия Лайоша, она немедленно известила об этом Стефана, пригласив его посетить Венгрию по случаю свадьбы своей дочери. Во время сборов и приготовлений к поездке бан был сражен тяжелой болезнью, от которой и скончался. Произошло это в 1357 году. Он был погребен в миноритской церкви Святого Николая в Милешево в Боснии, которую возвел при своей жизни. Поскольку он не оставил сыновей, его престол наследовали его племянники Тврtко и Ву- кич, сыновья его брата Владислава. Другой его брат Нинослав, так и не сумев обзавестись законным наследником, умер, как и Вукич, еще при жизни Стефана. Переход власти к сыновьям

Владислава не вызвал никаких затруднений, поскольку они выросли при дворе своего дяди и получили благородное воспитание. Посему вся Босния сочла их достойными наследовать престол. Так Тврtко в возрасте двадцати двух лет, исполненный немалых способностей и еще больших надежд, взошел на престол. Хотя вначале по причине молодости ему и не оказывалось должного повиновения, однако со временем, убедившись в его рассудительности и добронравии, все стали оказывать ему уважение и стремиться во всем ему угодить. Мать его обладала редкой рассудительностью, и сын, окружив ее почетом, во всяком деле спрашивал ее совета. Посему некоторые вельможи ее недолюбливали, и особенно Павел Кулишич (Paolo Culisich), родственник Тврtко, также принадлежавший к роду Котроманичей. Не желая быть под властью неопытного юнца и подчиняться женщине, он удалился в У сору и, захватив ее, стал именовать себя баном, открыто проявляя враждебность по отношению к Тврtко. Последний, собрав войско, отправился на подавление упомянутого Павла. Преуспев в этом походе, он поймал его и, заставив вернуть себе все усорские крепости, бросил в темницу, где тот и окончил свои дни. Венгерский король Лайош, узнав об этом, пригласил Тврtко в Венгрию. Прибыв туда, он был милостиво принят королем и своей двоюродной сестрой королевой, равно как и всеми вельможами и магнатами упомянутого королевства. Проведя в Венгрии немало дней с большим удовольствием, он стал собираться обратно в Боснию, однако Лайош вопреки его ожиданиям задержал его, дав понять, что не отпустит, пока тот не вернет ему княжество Хум, являвшееся, по его словам, наследственным владением его жены Елизаветы. Тврtко, чтобы освободить себя и тех вельмож, что прибыли вместе с ним из Боснии, условился с королем об уступке ему в Хуме Нерет- ванского торга и всех земель между Неретвой и Цетиной с крепостями Имотски (Imota) и Нови (Noui). После этого король отпустил его в Боснию, щедро одарив и письменно подтвердив его права на Боснию. Это послужило причиной того, что все боснийские вельможи и магнаты в будущем беспрекословно ему повиновались, боялись и еще больше чтили. Вскоре он вновь отправился в Венгрию, оставив вместо себя свою мать. Крайне возмущенные этим сыновья Дабиши Владислав, Пурча (Purchia) и Вук, владевшие обширными землями по Дрине, и в Боснии, и в Усоре, а также Санко Младенович (Senco figliuolo di Mladien) из Загорья, владевший всеми землями Хума от побережья до Невесинья и Коньица вместе с Влахией (Vulacchi), и правитель Неретвы Дабиша, незаконный сын Нинослава, брата бана Стефана, «выкрикнули» государем Боснии Вукича, младшего брата бана Тврtко. Мать Тврtко они изгнали из Боснии, сослав ее в одно селение в Неретве, где она влачила унизительное существование. Едва весть об этом восстании вельмож достигла Венгрии и ушей бана Тврtко, он, вскочив на коня, стремглав помчался в У сору. Собрав там войско, он вместе со многими вельможами и магнатами, бывшими на его стороне, пошел на своего брата Вукича. Тот, не располагая достаточными силами для отпора, заблаговременно отступил и бежал в Венгрию. Устроившись там при дворе короля Лайоша, он поступил к нему на службу. Посему Лайош не раз обращался к Тврtко с просьбой примириться с братом и уступить ему часть своих владений. Поскольку Тврtко неизменно отвечал отказом, венгерское войско не раз подступало к пределам Усоры, причиняя там большой ущерб. Тврtко же отважно защищал свои владения, не позволяя венграм проникнуть в глубь страны. Этому способствовали неприступные проходы, обеспечивавшие безопасность всем городам Боснии. Он вернул ко двору свою мать, которую безмерно чтил, не предпринимая ничего без ее совета. Вскоре ему удалось поймать вышеупомянутого Владислава Дабишича и его брата Вука. Владислава он ослепил, а Вука вместе со многими его сторонниками бросил в темницу. Пурча же бежал в Венгрию. После этого, собрав войско, он пошел на Дабишу, внебрачного сына своего дяди Нинослава, и изгнал его из его владений. Вторгшись в Хумское княжество, он разорил и опустошил все владения Санко и его сторонников. Сам Санко, не имея сил для отпора, в страхе быть пойманным бежал в Рагузу. Тврtко, узнав об этом, двинулся с войском к упомянутому городу, чтобы схватить его, однако Санко, предчувствуя это, успел бежать до его прихода и направился к жупану Николе Алтомановичу, вместе с которым (как было сказано ранее) ходил потом разорять Хум. Итак, когда Тврtко с войском вступил на территорию рагузинцев, те пригласили его (как друга) посетить их город. По его

прибытии в город ему был оказан радушный, великолепный и почетный прием. Было это в 1368 году от Рождества Господня. Когда после десятидневного пребывания в Рагузе он вернулся в Боснию, Санко, разорвав дружбу с Алтомановичем, примирился с ним, попросив у него прощения. Послав его в Хумское княжество, Тврткo дал ему на прокорм небольшое имение близ Невесинья, а остальные земли княжества раздал боснийским и хумс- ким дворянам. Когда через некоторое время Тврткo по просьбе князя Лазаря послал войско против Николы Алтомановича, то вместе с ним и тем войском под началом Джураджа Мартинушича (Giorgio di Martinusc), которое прислали на подмогу рагузинцы, он послал и Санко. Тот, разорив владения Николы, пришел в Требинье и был там в одной теснине по причине своей нерасторопности и небрежения собственной жизнью убит тамошними жителями. Никола, потеряв в результате этой войны власть, был (как было сказано) пленен князем Лазарем, и все его земли на границе с Боснией получил Тврткo. После смерти Джураджа и Балши он занял также и многие земли, принадлежавшие Рашке — от рагузинского и которского приморья до Милешево. Покорил он и влахов, у которых было более сотни общин (Catuni). Возгордившись по причине завоевания стольких земель, Тврткo восхотел короноваться и именоваться королем Рашки. Известив об этом короля Лайоша, который полностью одобрил его намерение, он в 1376 году был коронован силами митрополита Милешевского монастыря и его братии в церкви упомянутого города и был наречен Стефаном Мирчей (Stefano Mirce). После этого он правил в мире и довольствии, и все вельможи и дворяне были ему беспрекословно покорны, ни в чем не смея ему перечить. Посему он вершил дела в Боснии по своему произволу, не допуская никого из вельмож к совету. Было это совершенно противно обычаям и установления Боснии, и ее свободе. Перед тем как принять титул короля, он взял в жены Доротею, дочь видинского императора Страцимира, которая прежде жила у венгерской королевы в качестве ее фрейлины. Сделал он это по настоянию короля Лайоша, который, как и его мать, заботился о ней и очень любил, поскольку та была девушкой редкой добродетели. Недолго прожив со своим мужем, она, не успев родить ему детей, скончалась почти в одно время с кончиной матери короля Тврткo. Тот взял себе другую жену по имени Елица (Ielliza), знатную боснийскую матрону. По настоянию своей матери он призвал из Венгрии своего брата Вукича, который провел там долгие годы, испытав немало лишений, и, пока тот был жив, обращался с ним со всем почтением, хотя тот этого и не заслуживал, будучи человеком никчемным. Когда примерно в то же время скончался король Лайош, и венгерским королевством правила его жена Елизавета вместе со своей дочерью Марией, Тврткo вступил с ними в переговоры о передаче ему Котора, который подчинялся венгерской короне и в то время был в их власти. Он утверждал, что сумеет лучше защитить его от славянских государей, которые на него посягали. Заручившись поддержкой жителей Котора, которых он привлек на свою сторону подарками и щедрыми обещаниями, он, в конце концов, добился своего. Но и этого ему показалось мало. Видя, что венгерское королевство по причине смерти Лайоша погрузилось в пучину смут, он решил воспользоваться этим и занял все Хумское княжество вплоть до Цетины, захватив все бывшие в нем крепости. Разорив Неретванский торг, находившийся близ Норина (Norino), древнейшего города тамошней округи, и в весьма выгодном месте на Неретве заложил крепость, назвав ее Брштаник (Barsctanik). Вскоре, однако, по настоянию рагузинцев эта крепость была им разрушена. Помимо этого, он захватил все земли до границы с Венгрией, дойдя до Биелины (Bilena) и реки Савы. На побережье Котор- ского залива он заложил еще одну крепость, которая ныне носит имя Каш- тел–Нови (Castel nuouo). После освобождения королевы Марии, дочери прежнего венгерского короля Лайоша, которую бан Иваниш, его братья и приор Враны, бунтовщики и изменники венгерской короны, заключили в темницу, сын и родственники палатинского графа Николы Горянского стали преследовать упомянутых бунтовщиков, чтобы отомстить за страдания, причиненные Марии, и за убийство ее матери Елизаветы. Иваниш, не в силах справиться с ними, бежал в Боснию к королю Тврткo. Будучи весьма ловок, он сумел так расположить к себе короля (обещав доставить ему венгерскую корону), что Тврткo принял его в число своих придворных и послал с большим войском в Хорватию. Совершив грабительский набег вплоть до Задара, тот возвратился в

Боснию с большой добычей. Заслужив этим любовь короля Твртко, он получил от него в дар несколько городов в Усо- ре, дабы пребывать там, пока не представится другой случай воспользоваться его услугами. Произошло это в 1387 году. После этого король Твртко послал его с большим войском в Срем. Переправившись через Саву, он вступил в битву с венгерскими военачальниками, охранявшимися Срем и Вуку (Volcoa), которые через соглядатаев были предупреждены о его приходе. [В этой битве Иваниш] потерпел поражение, войско его было разбито, и немалое число уроженцев Усоры попало в плен к венграм. Сам же Иваниш, едва успев спастись бегством с горсткой своих подданных, в марте 1388 года прибыл в Боснию. Сигизмунд, взойдя на венгерский престол, принялся преследовать изменника Иваниша по всему королевству. Поймав его, он приказал привязать его к хвосту лошади и пустить волочиться по земле. Затем, подвергнув пытке калеными клещами, он повелел четвертовать его, повесив останки на четырех воротах города Пеленгер, и вся благосклонность короля Твртко оказалась ему бесполезна. Из-за того, что Твртко был в союзе с неаполитанским королем Карлом против венгерской королевы Марии, Далмация несла величайший ущерб. Особенно сильно пострадал Сплит, вся территория которого была предана огню и мечу. Такая участь постигла город за его великую преданность венгерской короне. Спличане всегда отличались исключительной преданностью своему государю, и их земля породила великое, если не сказать неисчислимое, множество мужей, прославивших ее в науках и на поле боя. В конце концов, так и не дождавшись никакой помощи, Шибеник и Сплит сделались данниками Твртко. Согласно «Обозрению городов» (II) Конрада Швенкфельдиуса (Svuencfeldio), упомянутый город Шибеник, именуемый латинянами Sicum (Sico), был основан выходцами из далматской Салоны в 4649 году от сотворения мира, или за 550 лет до Рождества Христова. В то время явилась Сивилла Кумекая, сделавшая немало предсказаний о рождении Христа. Вскоре после этого покорился Твртко и город Трогир (Trau), основанный, согласно Сабеллико (2–я книга IX эннеады) жителями острова Вис (Lissa). Плиний пишет о нем, как о римском городе, славящимся своим мрамором. В 991 году от Рождества Христова город этот верноподданно принял своего государя, короля Хорватии Суронью (Suringo). Изгнанный своим братом Мутимиром (Murcimiro), он нашел там свое убежище и, заключив дружественный союз с венецианцами, женил своего сына Стефана на дочери дожа Пьетро Орсеоло Хицеле (Hicela). По этой причине Мутимир не раз пытался захватить Трогир, но безуспешно. Трогир, Шибеник и Сплит вновь попали под власть венгров при императоре и короле Венгрии Сигизмунде, когда у боснийцев правил преемник Твртко Дабиша. При упомянутом Твртко турецкий полководец Шахин (Sciain) вторгся в Боснию с восемнадцатитысячным войском, сжигая все на своем пути. Ему навстречу выступили воеводы, или полководцы, Твртко Влатко Вукович и Радич Санко- вич. В двух сражениях, сначала под Рудиным, а затем под Билечей, турки были наголову разбиты и уничтожены, при этом войско боснийцев, насчитывавшее около семи тысяч, понесло незначительный урон. Это поражение научило турок быть более осмотрительными, и в будущем они не осмеливались столь нагло вторгаться в пределы упомянутого королевства или других земель, находящихся под покровительством короля Твртко. Последний, вторично женившись (как было сказано ранее) на боснийке Елице, не имел от нее детей, не считая одного внебрачного сына, прижитого с боснийской дворянкой Вукосавой. Тот также имел имя Твртко, и в своем месте о нем будет помянуто. В 1391 году в преклонном возрасте Твртко отошел в лучший мир. В том же году королем стал Дабиша, незаконный [сын Ниносла- ва,] брата вышеупомянутого Стефана, прежнего бана Боснии. Дабиша возымел страстное желание овладеть с помощью измены городом Рагуза. Посему он послал в Рагузу Сандаля Хранича, наказав ему изыскать средство, чтобы осуществить это его намерение. Сандаль, прибыв в Дубровник, убедился в невозможности этого. Ничего не предприняв, он вернулся в Боснию и своим возвращением немало огорчил своего короля. Дабиша был женат на хорватке по имени Цветица из знатного княжеского рода Нелипичей (Nelipez). Братья его жены (cognati), спасаясь от преследований Гргура и Владислава Кириаковичей (Chiriachi), старинных врагов рода Нелипичей, нашли убежище в Боснии. Король Дабиша по убеждению своей жены собрал сильную рать и выступил в Хорватию. Не найдя там ни одного из не другой

своих шурьев, он разрушил несколько принадлежащих им крепостей и возвратился в Боснию, заболев лихорадкой, от которой спустя несколько дней скончался. Поскольку детей после него не осталось, его жена почти сразу после смерти мужа постриглась в монахини одного монастыря, где и окончила свои дни. При упомянутом короле Дабише первыми вельможами и советниками Боснийского королевства были: Влатко Павлович, воевода Верхней Боснии: Хрвой Вукчич, [воевода] Нижней [Боснии]; Влатко Тврткович, воевода Усоры; а также воевода Вук, Павел Раденович (Pauao Radienouich), бан Далмации и Хорватии, Мирко Радоевич, Брайко Вукота, Радослав Прибиньич (Radosau Pribinich), Крпе Хрватинич (Негре Hornatinich) и Прибац Маснович. Все они упомянуты Дабишей в жалованной грамоте, выданной роду Чубрановичей (Giupranouicchi). В то время, когда в Боснии правил Дабиша, пополаны Сплита при попустительстве некоторых боснийских магнатов изгнали из города нобилей. Рагузинцы, послав несколько галер на помощь [сплитским] нобилям, вернули им власть. Произошло это между 1388 и 1389 годами. После смерти короля Дабиши власть перешла к Тврткo Темному (Scuro), внебрачному сыну короля Тврткo I. Вскоре, однако, он был изгнан Остоей Христичем, утверждавшим, что тот не является сыном короля Тврткo, а был подменен во время родов. Посему Тврткo обратился за помощью к турецкому императору, который помог ему вернуть себе часть своего королевства. Остоя же занял почти все города и поставил там свои гарнизоны. Эти гарнизоны с крайней настойчивостью требовали старые долги, и Остоя, не имея средств для их выплаты, по совету Боровины Вукашиновича, Михайло Милашевича, Владислава, Стефана и Вука (Volko) Златоносовичей, мужей, ведших дела с сенатом Рагузы, продал рагузинцам Приморье. Позднее из-за происков тамошней знати, называемой «властеличичи» (Gentilotti), в числе которой были: Доброслав, князь Сланской Луки (Luca di Slano) и Приморской Жупы (Giupa di Primorie), Милько (MiglKo), князь Чепикучи (Cepicuchie), Радич, князь Трново, Станислав и Грдель (Gredegl) Влат- ковичи, князья Майкови (Maglcoui, & di Vulatcouicchi), а также Бутко и Тврткo Павловичи, князья Слана, Остоя захотел вернуть себе эти земли, отобрав их у рагузинцев. Рагузинцы ответили отказом, и Остоя, начав против них войну, несколько раз жестоко разорил и опустошил территорию Рагузы. Тогда рагузинцы обратились к императору и королю Венгрии Сигизмунду, с которым король Остоя, как пишет Яков Мейер (XIV), состоял в то время в союзе. Однако пользы это не принесло, и в 1403 году Остоя послал [против рагузинцев] восемь тысяч своих солдат под началом воеводы Радича Санковича (Radic Sencou). Тот, придя в расположенное близ Рагузы селение Бргат (Bargat), принялся уничтожать достояние рагузинцев. Те направили к нему посольство с просьбой прекратить это делать. Они напомнили ему, что он, его брат Белак (Bielak) и отец Санко получили рагузинское дворянство, и Белак со своим отцом всегда любили рагузинцев и исполняли свой гражданский долг, а рагузинцы, со своей стороны, в трудный час всегда приходили им на помощь. В частности, когда король Боснии бросил упомянутого Радича в темницу, и все боснийские вельможи добивались его ослепления, одни рагузинцы в течение всего времени его заключения помогали его жене Маре, дочери Джураджа Балшича. Видя, что боснийский король во что бы то ни стало желать его ослепить, они отправили посла, благодаря стараниям которого он был избавлен и от темницы и всех прочих бед. Однако неблагодарный Радич ответил им, что не может поступить иначе, поскольку исполняет повеление своего короля. В ответ на это сенат Рагузы повелел немедленно вооружить войско, уже приведенное в готовность в связи с упомянутыми событиями, и поручил командование своим полководцам Марину Гучетичу (Marino de Gozze) и Якову Гундуличу (Giacomo de Gondola), доблестным и мудрым мужам. Те, получив известие, что неприятель ведет себя беспечно, не затрудняя себя выставлением дозоров, подняли войско посреди ночи, намереваясь застать его врасплох. Однако этого у них не получилось. Некий Раско из Приморья, бежав из рагузинского лагеря, обо всем предупредил Боснийца, который приказал немедленно трубить в трубы и строиться в боевые порядки для битвы. Рагузинские военачальники, видя, что их замысел раскрыт, решили не предпринимать ничего до утра и затаились, разбив лагерь на расстоянии не более мили от неприятеля. На рассвете они предприняли несколько атак, стоивших обеим сторонам немалых потерь, и в этих стычках прошла вся первая половина дня. Воевода Радич, поняв, что его цель не

может быть достигнута, после совета со своими в третьем часу ночи снялся с войском. Рагузинцы, помня поговорку, что «бегущему врагу строят мост из золота», не стали его преследовать. Тем не менее сенат Рагузы послал пять галер под командованием Вука Влаховича Бобальевича (Volzo di Biagio Bobali), который сжег Неретванский торг и все другие приморские города, принадлежавшие королю Остое. Помимо этого, в Которский залив была направлена галера с фустой, чтобы воспрепятствовать привозу соли во владения Остои. Вышеупомянутые военачальники Гучетич и Гундулич с войском в четыре тысячи пехотинцев вторглись в пределы Боснийского королевства и, дойдя до Рамы (Rama), учинили в тех краях величайший ущерб. В ответ на это король Остоя повелел собрать новое войско, чтобы лично повести его на рагузинцев. Последние, видя, что силы неравны (по их сведениям, король вел на них пятнадцатитысячное войско), обратились с настоятельной просьбой о помощи к Хрвою Вукчичу, правителю Яйце (главной крепости Боснийского королевства) и сплитскому воеводе, который в ту пору вел войну с королем Остоей. На помощь себе они призвали и венгров, которые двинулись на Остою с одной стороны, а Хрвой — с другой. Посему венгерский король Сигизмунд, вторгшись в августе 1406 года в Боснию, сумел без единого выстрела овладеть множеством крепостей, которые ему сдал Хрвой. В числе прочих он захватил Сребреницу (Srebarniza) и хорошо укрепленную крепость под названием Клишевац (Chlisceuaz), в которой нашел немало артиллерийских орудий. Позднее в том же году венгры под началом Сигизмунда Лошонци (Losanaz) вновь вторглись в Боснию и в [кровопролитной] битве, где пало немало боснийской знати, одержали победу над боснийским полководцем Сандалем Храничем. Король Остоя ввиду такого урона для своей державы заключил мир с рагузинцами, а затем при их посредничестве и с венграми, однако с Хрвоем остался в состоянии войны. Упомянутый Хрвой (как явствует из жалованных грамот короля Твртко жителям Котора) был сыном Вукаца Хрватинича (Vucaz Cheruatnich) и одной рагузинской дворянки из рода Лукаревичей. Он был боснийским старшиной (Protogero di Bosna) и правителем Яйце, крепость же Омиш (Olmisa) досталась ему благодаря его жене Елице. Когда спли- чане страдали от междоусобиц, то они подобно коню [из басни], который, желая отомстить своему врагу оленю, отдался в вечное рабство человеку и из свободного сделался рабом, также движимые желанием мести покорились чужеземцу Хрвою. [Произошло это так]. Во время войны между неаполитанским королем Владиславом (Ladislao), называемым некоторыми Ланцилагом, и императором Сигизмундом за венгерскую корону спличане, терзаемые в то время непрерывными смутами и междоусобицами, приняли сторону Владислава. Тот, притязая на то, что вся Далмация является его собственностью, продал Хрвою Сплит и четыре острова — Брач (Brazza), Хвар (Lesina), Корчулу (Corzula) и Вис (Lissa). Хрвой после этого стал именовать себя герцогом, или воеводой, а в упомянутые владения посылал своих наместников. Некоторое время спустя он по пустому поводу рассорился с Сизизмундом, с которым до этого водил дружбу. Однажды при дворе Сигизмунда венгерский бан Павел Чупор (Cwpor), встретив Хрвоя, который, по словам Давида Хитреуса (III), и видом и манерами своими напоминал быка, приветствовал его в шутку мычанием. Весть об этом, как часто случается, облетела весь двор и, дав повод для насмешек всем гостям, достигла стола самого императора. Раздосадованный этим Хрвой, увидев, что сам император участвует в общей потехе, затаил обиду и решил отложиться от венгров. Усилившись за счет призванного на помощь турецкого войска, он вместе с ним предал жестокому разорению союзных с венграми боснийцев. Поводом для такой дерзости стало длительное отсутствие короля, который в то время участвовал в Констанцском соборе, искореняя гуситскую ересь. Магнаты и вельможи Венгрии, которым была доверена забота о королевстве, узнав о разорении, учиненном Хрвоем, послали против него в Боснию весь цвет венгерского воинства под командованием Яноша Горянского (Gioanni di Gara), Яноша Мороти (Gioanni de Maroth), Павла Чупора Монословского (Monozlo) и многих других доблестных мужей. Хрвой, прекрасно вооружив свое и турецкое войско, сошелся с венграми в жестокой и кровопролитной битве. Боснийцы, бывшие в войске Хрвоя, видя, что уступают, призвали на помощь свою древнюю изворотливость. Согласно «Венгерской хронике», когда победа уже склонялась на сторону венгров, несколько боснийцев, проворно взобравшись на гору, стали

кричать, что венгры обращаются в бегство. Это породило в рядах венгров великое замешательство. Несмотря на всю свою отвагу, услышав крик и поверив ему, большинство их устремилось в бегство. По этой причине их противник, перебив великое множество венгров, вернулся домой с большими трофеями. Вышеупомянутые полководцы также не избежали опасности — некоторые из них были схвачены и уведены в плен турками. В их числе оказались бан Мартин, а также Ласло и Янош Горянские. Янош Горянский, проведя немало лет в кандалах, обрел свободу и по обету передал упомянутые кандалы, имевшие немалый вес, в Батский монастырь (Monastero di Batha). Янош Мороти был выкуплен за большую сумму денег. Сам же воевода Хрвой увел в плен Яноша, брата Миклоша Надерспана (Michleusc Naderpsan), и Павла Чупора. Чупора он велел зашить в бычью шкуру и, обращаясь к нему, с издевкой произнес: «Ты, в человечьем обличье мычавший, как бык, получи теперь вдобавок к мычанию и его облик и шкуру!» После этого приказал его, как был, зашитого в шкуру, утопить. Как пишет Хитреус, это был первый раз, когда турки вторглись в Боснийское королевство. В самом деле, именно в связи с упомянутыми событиями Мехмед (Maumette) впервые назначил своего санджак–бея в Верхней Боснии, которым был Иса (Isaaco). После его убийства Николой Славянином при императоре Сигизмунде упомянутое королевство пребывало во власти христиан вплоть до короля Стефана, зятя деспота Рашки Лазаря. Вскоре воевода Хрвой, видя себя преданным турками, почти в отчаянии переселился в мир иной. Король Остоя, желая отомстить ему мертвому, отпустил свою жену по имени Груба и женился на вдове Хрвоя Елице. В то время сплича- не обрели свободу, изгнав из города гарнизон, оставленный Хрвоем. Рагузинцы, будучи в то время союзниками венгерской короны, получили в дар от императора Сигизмунда три острова, которыми владел Харвой — Брач, Хвар и Корчулу. Чтобы вступить во владение упомянутыми островами, они послали несколько галер под началом Марина Растича (Marino de Resti). Однако из-за козней Якши Неретванина (Iachscia Narentano) эти острова не пробыли под их властью и трех лет. Враждебный рагузинцам Якша, владевший несколькими городами в Неретве, отправился в Венгрию к жене Сигизмунда Барбаре, которая в нем души не чаяла (он был юным красавцем–придворным, и королева (несмотря на преклонные годы) не была лишена свойственных женскому роду слабостей). С ее помощью он обвинил перед императором рагузинцев в жадности, утверждая, что наместники, которых они посылают на упомянутые острова, годятся скорее для грабежа, чем для отправления правосудия. В доказательство своих слов он ссылался на свидетельства некоторых вельмож с названных островов, которые, восстав против власти рагузинцев, нашли убежище при упомянутом дворе. Сигизмунд, услышав это, отписал сенату Рагузы, чтобы тот не затруднял себя в будущем управлением этими островами, которые в 1417 году по его повелению были переданы Иваном Менчетичем (Gioanni Mentio) и Гажей Гучетичем (Gauge Gozzio) комиту курии Ласло (Vuladislauo Arosal suo Caualliere).

Вернемся, однако, к рассказу о короле Остое. В 1415 году он пытался всеми правдами и неправдами овладеть далматинским городом Шибеник, но все его усилия оказались тщетны. В то время упомянутый город был под властью венгров, но из-за жадности наместников, которых присылали туда венгры, восстал и перешел под власть венецианцев. В том же году в Боснии был созван собор всех знатнейших вельмож королевства, на котором Вук- миром Златоносовичем и Вукмиром Храничем был предательски убит Павел Раденович. Король, бросив своих друзей, бежал вместе с Петром Павловичем и нашел себе убежище в крепости Бобовац. Поступок этот объяснялся тем, что он надеялся через упомянутого Петра договориться с Турком. Распутная жизнь короля, учинявшегося насилие даже благородным матронам, подняла возмущение в народе, который, прогнав его с престола, избрал на его место Стефана Яблановича. В избрании Яблановича не последнюю роль сыграли рагузинцы. Видя, что боснийские вельможи не могут прийти к согласию в вопросе о выборе нового короля, рагузинцы послали к ним Вука Андреевича Бобальевича (Volzo d'Andrea Bobali), красноречи- вейшего оратора. Тот с помощью подарков и своего красноречия сумел расположить к себе многих вельмож и добился того, что почти все голоса были отданы за упомянутого Яблановича, который всегда выказывал за это свою признательность рагузинцам. После

своего избрания он по настоянию рагузинцев бросил в тюрьму бывшего полководца короля Остои Радича Санковича, которого Сандаль Хранич, желая угодить рагузинцам, обезглавил. За это рагузинцы подарили ему в Рагузе дом, который прежде был подарен ими неблагодарному Радичу. По мнению других, при короле Тврtко Темном Радич был ослеплен. Король Остоя, лишившись власти, обратился за помощью к Турку, обещая платить ему ежегодную дань в размере двадцати тысяч скудо и дать в заложники своего сына Радивоя. Получив от него сильное войско, состоящее из турок, он вторгся в Боснию и обнаружил там войско короля Стефана и Тврtко Темного, которые совместно выступили против него. Завязалась битва. Оба войска сражались с таким упорством, что потерям с обеих сторон не было числа. Однако победа не давалась ни одной, ни другой стороне, и, в конце концов, стороны прекратили битву. Боснийские вельможи, стремясь уберечь королевство от гибели, выступили посредниками в переговорах между упомянутыми государями. В результате этого Тврtко, Остоя и король Стефан договорились участвовать в управлении Боснией на равных началах, причем каждый из них сохранял за собой титул короля. Произошло это в тысяча четыреста двадцать втором году. Вскоре после этого переселился в мир иной Стефан, который за свою жизнь ни разу не был женат. За ним в тысяча четыреста тридцать пятом году последовал король Остоя, умерший от лихорадки, которой заразился в пылу удовлетворения своего распутного желания. Посему его сын Радивой, находившийся в ту пору при дворе Турка, получив от того мощное войско, состоящее из турок, вторгся в Боснию. В битве с войском Тврtко турки были разбиты, и Радивой бежал в Рагузу, где был удостоен дворянства, не раз получив помощь в удовлетворении своих нужд от тамошнего сената. В конце концов, он, решив покориться королю Тврtко, удалился в Боснию. Тврtко принял его как друга и вельможу, наделив обширными полями в Кисела–Воде (Chisielauoda). Радивой умер молодым от трехдневной лихорадки, которой заболел из-за злоупотребления вина со льдом. Тврtко, таким образом, стал единовластным господином Боснии. Он часто ссорился с Сандалем Храничем, не раз разоряя его владения. Не ладил он и с рагузинцами, и с деспотом Стефаном, войско которого взяло приступом город Зворник (Suonik), расположенный в Усоре. Тогда, в 1436 году, упомянутое войско деспота разграбило всю Усору. В том же году скончался Сандаль Хранич. Не имея детей, он завещал свои владения своему племяннику Стефану Косаче. Последнему пришлось тогда вынести немало нападок со стороны короля Тврtко и некоторых других рашанских правителей, при этом рагузинцы всегда были на его стороне. Более того, можно сказать, что благодаря им он и остался государем. Однако в конечном итоге услуга была оказана человеку неблагодарному — в течение всей своей жизни он был врагом рагузинцев, о чем их не раз предупреждал король Тврtко. Уже в преклонном возрасте Тврtко женился на Елине из рода Ябланови- чей, однако детей у них не было, и в 1443 году он скончался, не оставив после себя наследника. Боснийские вельможи без промедления избрали на его место Томаша, сына боснийского вельможи Павла Христича. Этому избранию во многом способствовали Яблановичи, бывшие первыми вельможами Боснийского королевства. Томаш, следуя во всем прочем христианскому обряду, в течение длительного времени воздерживался от принятия святого крещения, будучи, вероятно, заражен манихейской ересью. Согласно [Рафаэлю] из Вольтерры, он был крещен уже после своего избрания королем кардиналом Св. Ангела Хуаном Карвахалом (Gioanni Caruaialla). Помимо этого, в «Францисканской хронике» (3–й параграф VI книги) значится, что фра Джакомо делла Марка обратил упомянутого короля в католическую веру. Томаш был женат на Катарине, дочери Стефана Косачи, герцога Св. Саввы, и поддерживал тесную дружбу с рагу- зинцами. Во время войны своего тестя Стефана с рагузинцами он не раз пытался уговорить его отказаться от этой затеи. По убеждению вышеупомянутого кардинала Хуана он отправился в Венгрию, где при посредстве этого прелата заключил союз с венграми, пообещав им предпринять решительные действия против Турка, однако впоследствии сделал все наоборот. Желая угодить папе римскому, которым был тогда Пий II, он отправил к нему посольство в составе епископа Чивидале–дель–Фриули (Cenad) и епископа Сеньи (Segna). Их сопровождал хорватский князь Стефан из рода Франкопанов, давшего некогда миру римского папу Григория I Великого, украшение Церкви, и один

ученый монах (dottore) из Тревизо, которого Пий впоследствии сделал епископом Далмации. Упомянутые послы были радушно приняты папой, находившимся в ту пору в Мантуе. Всем довольные, они простились с ним и успели покинуть пределы Италии прежде, чем пришло известие об измене христианскому делу, учиненной королем Томашем. Латинские историки именуют его Стефаном. Подобно тому, как в прошлом римляне именовали своих государей цезарями или августами, а египтяне — фараонами или птолемеями, так и боснийцы, как пишет Иоганн Гобеллин в «Записках о достопамятных деяниях Пия II» (III), именовали своих королей стефанами. Среди последних Томаш отличался изворотливостью, переменчивостью и непостоянством в поступках. В тысяча четыреста пятьдесят девятом году он, желая показать себя ревностным католиком, или же, как полагали многие, желая удовлетворить свою жадность, издал указ, согласно которому все ере- тики–манихеи (а их жило в Боснии немало), не желающие креститься и принять римско–католическую веру, должны были покинуть страну, а их имущество подлежало конфискации. Посему примерно две тысячи упомянутых еретиков приняли тогда крещение. Сорок же, или чуть более, наиболее упорных среди них после долгих скитаний ушли, наконец, к Стефану, герцогу Св. Саввы, который (как полагают некоторые) был приверженцем упомянутой секты. Трое главарей этих еретиков, пользовавшихся немалым влиянием при дворе боснийского короля, были связаны и доставлены епископом Нина (Nona) в Рим, где папа Пий II повелел заключить их в монастырь. От кардинала Св. Сикста Хуана (Gioanni Cardinale di San Sisto) они получили наставление в католической вере, и, отказавшись от заблуждений нечестивого манихейства, приняли веру, исповедуемую Римской Церковью, которая не способна на обман, но и не терпит обмана. Восстановив мир в их душе, [папа] отослал их обратно к королю. Двое из них остались верны католической вере, а третий, подобно псу, вернулся к своей блевотине — на обратном пути он сбежал к упомянутому воеводе и не вернулся к королю Томашу. Четырнадцатилетний сын Томаша, отправившись со своей матерью помолиться Млетской Богородице (древнейшему образу, пользовавшемуся в прошлом глубочайшим почитанием, особенно среди боснийцев), находящейся в соборе ордена Св. Бенедикта, заболел там лихорадкой и через несколько дней от нее скончался. Он был похоронен в упомянутом соборе с эпитафией, гласящей:

HIC IACET FILIVS TOMASCI REGIS BOSNAE.

(Тут покоится сын Томаша, короля Боснии.)

Посему я с уверенностью могу заключить, что он был внебрачным сыном короля Томаша и братом Стефана, прижитого Томашем со своей наложницей Воячей (Voiaccia) и наследовавшего после него престол. Его же жене Катарине Косаче Господь детей не дал, что весьма угнетало короля Томаша. Делая вид, что является союзником христиан, на самом деле Томаш благоволил туркам, что, в конце концов, лишило его и власти и жизни. Турецкий император Мехмет II, прибыв инкогнито в Боснию, чтобы разведать, в каком состоянии находятся тамошние крепости, во время своего пребывания в Яйце был узнан королем Томашем, который, сделавшись его побратимом (как было принято у тамошних народов), отпустил его с миром. Венгерский король Матьяш, узнав об этом, стал пытаться всеми способами заполучить Томаша в свои руки. Поскольку тот был крайне осторожен, он через тайных посланников стал уговаривать его сына Стефана и его брата Радивоя во имя христианского дела поднять восстание против вероломного короля, обещая в случае согласия помочь им овладеть престолом. Предложение Венгра распалило душу юноши, который был от природы честолюбив, и он немедленно дал свое согласие. Когда король Томаш во время похода в Хорватию для завладения крепостью Белай (Bielay), почувствовав себя нездоровым, слег в постель, его сын Стефан и [брат] Радивой напали на него среди ночи и задушили, распустив слух, что он умер от удушья по причине своей старой болезни. И в течение длительного времени в это верили, пока один из пажей Радивоя не раскрыл тайну жене покойного короля Катарине. Та немедленно известила об этом Мехмета, моля его во имя любви, которую тот питал к ее мужу, прийти с войском и, согнав с престола отцеубийцу, отдать его ей, только живого. Мехмет, крайне огорченный этим

известием, будучи отвлечен важными делами, ответил ей, что неправедная и нечестивая гибель ее мужа удручает его, но, поскольку обстоятельства не позволяют ему сделать то, что она просит, он обещает исполнить ее просьбу при первом удобном случае. Когда такой случай представился, Мехмет с войском вторгся в Боснию, но ограничился лишь грабительским набегом, уведя большой полон. Катарина, видя себя обманутой Варваром, в гневе покинула Боснию. Прибыв в Стон, она провела там несколько дней, а затем уехала в Рим, где и окончила свои дни. Она была погребена в базилике Санта–Мария–ин–Арачели (Chiesa d'Araceli), где (согласно «Францисканской хронике») королева, чувствуя приближение смерти, завещала себя похоронить. Папа Сикст IV распорядился положить ее перед решеткой главного алтаря и установить на могилу надгробную плиту из мрамора. На плите был высечен ее образ в королевской короне и эпитафия в камне по–латыни и по–славянски, гласящая:

CATHARINI CHRAGLIZI BOSANSCOJ HERZEGA SVETOGA SAVE, SPORODAIELLINE, I CVCCHIE ZARA STIEPANA RO IENI, TOMASCIA CHRAGLIA BOSANSKOGA SCENI COLICO SCIVI GODINI. LIV. I PRIMINV V RIMI NA LITA GOSPODI- NA. M. CCCCLXXIV. NA XXV. DNI OCTOBRA. SPOMINAK GNE PISMOM POSTAVGLIEN.

По–латыни:

CATARINAE REGINAE BOSNENSI, STEPHANI DVCIS SANTI SABBAE, EX GENERE HELENAE, ET DOMO PRINCIPIS STEPHANI NATAE, THOMAE REGIS BOSSINE VXORI. QVANTVM VIXERIT ANNO RVM. LIIII ET OBIIT ROMAE ANNO DOMINI M. CCCC. LXXIV. XXV. DIE OCTOBRIS. MONVMENTVM IPSIVS SCRIPTIS POSITVM.

([Надгробие] Катарины, боснийской королевы, [дочери] Стефана, герцога Святого Саввы, и Елины, из рода императора Стефана, жены короля Томаша. Прожила 54 года скончалась в Риме 25 октября 1474 года. Поставлен памятник [с эпитафией,] написанной ее письмом.)

Итак, после набега Мехмета [на Боснию] король Стефан при поддержке модрушского епископа Николы, бывшего тогда папским легатом в Боснийском королевстве, разорвал мир с Мехметом и отказался платить привычную дань. Посему к нему немедленно прибыл посол от Турка, требуя от лица своего господина ее выплаты. Король Стефан приказал принести дань и, указывая на нее послу, произнес: «Видишь, дань приготовлена. Однако мне кажется неразумным лишать себя такой суммы денег и отдавать ее твоему господину. Если он решит идти на меня войной, то я, сохранив эти деньги при себе, смогу с их помощью дать ему отпор и защитить себя от его нападок. Если же я буду вынужден покинуть свою страну и искать убежище в других краях, то с таким богатством смогу легко обеспечить себе безбедную жизнь». Турецкий посол, выслушав его, ответил: «Нет никакого сомнения, что было бы лучше и честней для тебя оставить эти деньги при себе, если бы при этом не нарушались заключенные договора, скрепленные клятвой. Если же, уступив своей алчности, ты будешь продолжать упорствовать и не соблюдать эти договоры, надеясь через это получить какие-то преимущества, то, боюсь, тебя ожидает разочарование. Я никогда не соглашусь, что плохо владеть этими деньгами, если Господь того желает, или лишиться их, если Ему это угодно. Более того, я полагаю, что гораздо честнее и похвальней лишиться их, чем оскорбить Того, благодаря Кому они тебе достались!» После этих слов посол покинул короля. Вернувшись домой, он изложил содержание своих переговоров с Боснийцем своему государю. Посему Мехмет решил с наступлением весны начать войну. Король Стефан, предупрежденный об этом, отправил в Рим к Пию II послов, двух высоких старцев почтенного вида. Один из них обратился к папе с такими словами: «Пресвятой отец! Боснийский король Стефан, Ваш сын, послал нас, чтобы мы

от его имени передали Вам следующее послание: "Мне доподлинно известно, что этим летом Мехмет собирается пойти войной на мои владения. Все приготовления к этому он уже сделал. Моих сил для отпора недостаточно. Я уже обратился с просьбой о помощи к венграм, венецианцам и Джураджу Албанцу. С этой же просьбой обращаюсь ныне и к Вам. Я не ищу золотых гор. Все, что мне нужно — чтобы неприятель и мои подданные знали, что Вы не откажете мне в помощи. Если боснийцы увидят, что в этой войне я не

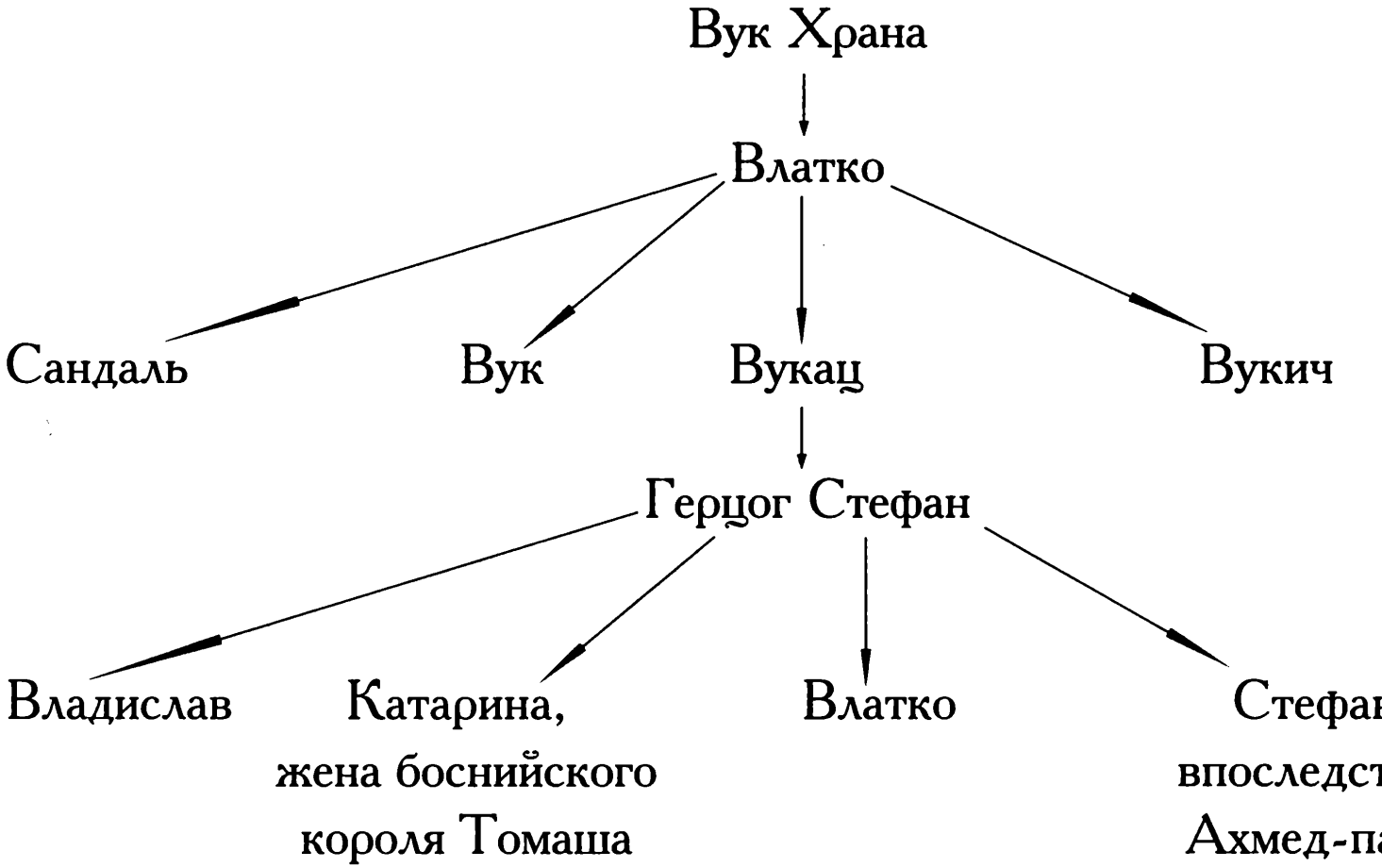
один и мне помогают другие, то они с большей охотой будут биться с врагом, и туркам будет нелегко проникнуть в мою страну, где пути непроходимы, а города охраняются множеством неприступных твердынь. Ваш предшественник Евгений предложил моему отцу принять из его рук корону и учредить в Боснии епископии (Chiese Cathedrali). В то время отец мой, опасаясь вызвать ненависть Турка, отказался, поскольку был новообращенным христианином и еще не изгнал из своей державы еретиков–мани- хеев. Я, будучи крещен с малолетства и наставлен в латинской грамоте, твердо придерживаюсь католической веры и не боюсь того, чего боялся мой отец. Посему я горячо желаю принять от Вас корону и святых епископов. Это послужит верным знаком того, что в случае нужды Вы не оставите меня своими заботами. Мои подданные, видя, что Вы мне помогаете, встанут [на борьбу] в большей надежде и внушат больше страха врагу. Вот о чем прошу я Вас. И как можно скорее пошлите Вашего легата к венграм и, поручившись за меня, убедите их объединить свои войска с боснийскими — так можно будет легко спасти Боснийское королевство, иначе же оно вовсе падет. Турки, возведя в моем королевстве несколько крепостей, заискивают перед простолюдинами, показывая себя любезными и доброжелательными и обещая великую свободу всякому, кто перейдет на их сторону. Разумом крестьянин недалек, и он не видит западни, которую ему готовит Турок. Он думает, что обещанная свобода продлится вечно. Посему чернь (plebei), привлеченная упомянутыми посулами, может легко восстать против меня, а благородные мужи, покинутые своими вассалами, не смогут долго продержаться в своих крепостях. Если бы Мехмет довольствовался одним только моим королевством и не стремился бы к другим [завоеваниям], можно было бы смириться с моей бедой и не тревожить остальных христиан из-за защиты моих владений. Однако ненасытная жажда властвовать не имеет предела. Одолев меня, он двинет свои полчища на венгров и далматинцев, подданных венецианцев. Через Крайну и Истрию он устремится в Италию, власти над которой он страстно желает. И о Риме он часто рассуждает, к нему обращены его мысли! Если же случится так, что (с позволения христианского мира) он овладеет моим королевством, то найдет в нем все удобства для осуществления своих замыслов. Я первый жду этой бури, после меня предстоит испытать свою судьбу венграм, венецианцам и прочим народам. И даже Италия не будет в покое, раз таковы уж замыслы врага. Говорю Вам об этом со всей уверенностью и открытостью сейчас, дабы не упрекнули меня в пренебрежении своим долгом и не говорили, что я не предупредил Вас. Отец мой много лет назад предупредил вашего предшественника Николая и венецианцев о несчастьях, грозящих Константинополю, но ему не поверили. Посему христианский мир к своему великому ущербу лишился царского града, престола патриарха и опоры всей Греции. Теперь я говорю о себе — если (на что я надеюсь) Вы протянете мне руку помощи, я смогу выстоять против врага, иначе — погибну, и мое падение увлечет за собой многих". Вот то, что Стефан повелел мне передать. Вам, отцу христианской церкви, надлежит оказать помощь и дать совет». Папа, выслушав это, ответил: «Мы верим тому, что было сказано от лица короля Стефана, поскольку знаем об этом и от других. Мехмет, захватив Восточную империю, домогается Западной, а Боснийское королевство как нельзя лучше подходит для осуществления этого замысла. Посему весьма правдоподобно, что он сначала постарается взломать эту дверь. Однако это ему не удастся, если король даст ему грозный и решительный отпор. Проходы в Боснию трудны, и защищать их можно с малыми силами. Венгры и венецианцы соединят свои войска с боснийскими. Для этого будут посланы наши легаты и к тем, и к другим, и они все вместе встанут на защиту Боснии. В меру наших сил мы окажем помощь и отдадим приказ об учреждении в Боснии епископий, в которые будут назначены соответствующие епископы. Однако послать корону без разрешения венгерского короля мы не можем, поскольку право короновать боснийских королей принадлежит ему. Мы постараемся, однако, узнать о его мнении на этот счет. Если это не будет ему в обиду, то корону, которая уже готова, мы пришлем через нашего легата. Действовать же против воли венгерского короля мы не можем. Не следует вызывать недовольство у того, от кого ждешь помощи. Стефан наделен достаточным умом, чтобы предпринять все усилия для того, чтобы заручиться поддержкой венгерского короля Матьяша. Когда же они будут едины,

Мехмету будет нелегко его одолеть». После этих слов он отпустил боснийцев. Весной же Турок выступил со своим войском. Перейдя реку Доробица (Dorobiza), отделяющую Боснию от Болгарии, он дошел до реки Иллирис (Illirisso). Поскольку река эта судоходна, он приказал построить суда и перевез на них на другой берег всю пехоту, задержав у реки конницу, пока не переправилось все остальное войско. Как полагают некоторые, упомянутое войско, помимо следовавших за ним иноземных полков, особенно азапов, которые были приданы для усиления пехоты, насчитывало сто пятьдесят тысяч всадников. Кроме этого, войско сопровождало множество другого люда из обоза. Итак, переправившись через Иллирис, [Мехмет] напал на владения Стефана. Подойдя к городу Бобовац, он начал осаждать его всевозможными способами. Город этот стоит на горе и посему весьма хорошо укреплен от природы, однако Турок непрерывными артиллерийскими обстрелами сумел внушить его защитникам великий страх. Посему правитель упомянутого города Радич — который был прежде манихеем, а затем притворился католиком — подкупленный Турком, сдал ему город. После этого он принялся уговаривать и защитников цитадели немедленно сдаться столь могущественному государю, который, в конце концов, овладел столь важной крепостью. Эта крепость, будучи снабжена всем необходимым для обороны, могла бы с легкостью продержаться, обороняясь от врага, на протяжении двух лет. Часть населения города Мехмет раздарил своим полководцам, других оставил там жить, остальных же отправил в Константинополь. После этого он приказал Мехмет–паше (Mechmet Bassa) с отборным отрядом из европейского войска как можно быстрее идти в то место, где, как он знал, находится боснийский король. Мехмет, с великой поспешностью выполняя приказ своего господина, перешел реку. Подойдя к Яйце, он получил известие, что король, переправившись через реку, не рискнул бежать дальше, опасаясь быть перехваченным вражеской конницей, и укрылся в крепости Ключ (Chgliuc). Паша, подойдя к реке, протекающей близ Ключа, стал уговаривать своих воинов, отбросив раздумья, перейти реку и, схватив боснийского короля, доставить великую радость своему государю. Видя, что его воины боятся входить в воду, он стал побуждать их такими словами: «Турки! Для каждого из вас настал час проявить свою храбрость и попытаться перейти эту реку. Без всякого сомнения, тот, кто перейдет ее первым, получит от своего государя великую награду». Тогда Омар, сын Турахана и наместник Фессалии, бросился со своим отрядом в воду, и за ним последовали все остальные. Выйдя на берег, они принялись разорять близлежащую местность. Поскольку король Стефан укрывался в Ключе, турки, собрав огромное количество сухого тростника, который они нашли в окрестных болотах, разложили его вокруг [крепости] вместе с другими горючими материалами и подожгли, чтобы внушить страх ее защитникам. Те, опасаясь не выдержать длительной осады, отправили к Мехмету послов с обещанием сдаться при условии, что и он, со своей стороны, обещает сохранить им свободу и клятвенно гарантирует неприкосновенность (lasciare libero) боснийскому королю, который при упомянутом условии соглашается сдаться. Мехмет немедленно принял условия и принес торжественную клятву боснийскому королю. Когда король покинул Ключ, Мехмет овладел упомянутым городом и его жителями, поступив с ними так же, как с жителями Бобоваца. Помимо этого, в руки Мехмета попал и Радивой, брат короля Томаша, который был обезглавлен под стенами Ключа. Жена Стефана Мария, дочь сербского деспота Лазаря II, взяв с собой немалую казну, отправилась в Далмацию, но по пути попала в руки славонского бана Павла. Отняв у нее все сокровища, тот вероломно бросил ее в темницу, намереваясь выдать Мехмету. Однако по праведному Божьему суду Мехмет послал свое войско для опустошения владений Павла, и тот был вынужден выступить в поход. Воспользовавшись этим, Мария бежала из темницы и, достигнув приморья, на корабле, присланном за ней сенатом Рагузы, была переправлена в Истрию, а затем оттуда отправилась к своей матери в Венгрию. Турецкий император был вне себя от гнева на Мехмет–пашу за то, что тот дал столь безрассудную клятву и подарил надежду на жизнь боснийскому королю. Мехмет–паша, возя с собой короля по некоторым городам упомянутого королевства, овладел ими. В это же время Омар, сын Турахана, по его приказу отправился в глубь Боснии, стараясь захватить другие города, находящиеся под властью короля Стефана. Когда король оказался в ставке императора Мехмета, однажды утром тот

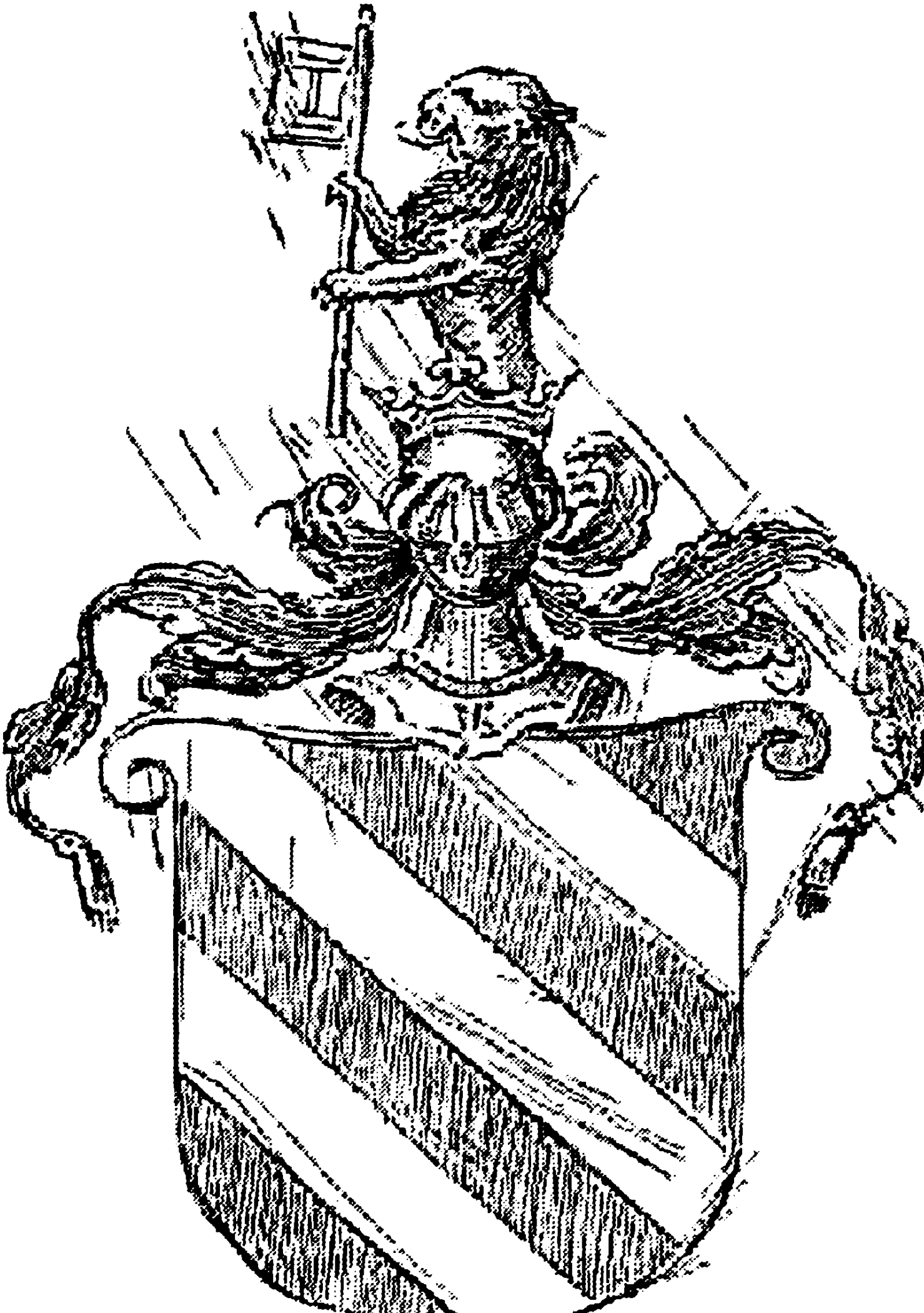
послал за ним. Стефан, догадываясь, зачем его вызывают, принес с собой выданную ему пашой грамоту с клятвой, понося и проклиная турецкое вероломство. Варвар в свою защиту сказал, что Мехмет–паша — его раб, и не имел права клясться от его имени. Посему он передал его для казни своему министру двора, некоему персу. Так под Влагаем был обезглавлен король Стефан. По мнению других авторов, среди которых Иоганн Леунклавий и Бонфи- ни, он приказал содрать с него кожу заживо. Мацей Меховский, которого цитирует Джованни Ботеро (I), пишет, что, привязав к столбу, он сделал его мишенью для лучников. После этого Турок совершил опустошительный набег на владения Стефана Косачи, нанеся им великий ущерб. Жители тех мест также не остались в долгу — укрывшись в горах, они совершали внезапные вылазки, нападая на вражеские караваны. Мехмет, еще находясь в Боснии, повелел объявить через глашатаев, что все вельможи Боснийского королевства, желающие сохранить свои земли и поместья, должны явиться к нему. Посему некоторые из них по неосмотрительности, не догадываясь о коварстве Турка, предстали перед ним. Все они были немедленно казнены, преподав на будущее урок остальным не доверяться словам варвара. Последний за неполные восемь дней овладел более чем семьюдесятью городами и крепостями, которые имели крепкие стены и были хорошо защищены своим природным положением. Его добыча деньгами составила более миллиона золотом — накопления многих поколений боснийских королей. Были изнасилованы матери семейств, поруганы девственницы, разрушены храмы, служители церкви подвергнуты всяческому позору, а большинство знати уведено в плен в Азию. Произошло это, по христианскому исчислению, в 1463 году, а по турецкому — в [14]64, поскольку у христиан (согласно Ле- ункладию) принято исчислять года от начала войны, а у турок — от конца. Рассказывают, что уже после захвата страны турками, когда янычарский ага расхваливал перед Мехметом доблесть своих янычар, проявленную в этом походе, тот сказал ему в ответ, что Боснийское королевство не пало бы с такой легкостью, будь между боснийскими вельможами единство и согласие — их разобщенность и раздоры послужили причиной его падения.

То же самое утверждают и многие христианские историки. Боснийцы были воинственны, но разобщены. Из всех славяноязычных народов их язык самый чистый и изящный. Они гордятся тем, что у них одних ныне поддерживается в чистоте славянский язык, который во все времена высоко чтился христианскими государями. Король Чехии (Boemia), рейнский пфальцграф (Conte Palatino di Reno), герцог Саксонии и маркграф Бранденбурга (Marchese di Brandeburg), члены коллегии по избранию императора, обязаны (как следует из «Золотой буллы», составленной императором Карлом IV) обучать своих сыновей по достижении ими семилетнего возраста латинскому, славянскому и итальянскому языкам, так, чтобы к четырнадцати годам они могли свободно на них изъясняться. Что может лучше свидетельствовать о величии и достоинстве славянский речи, чем то, что ее одну, оставив в стороне все остальные языки мира, древние императоры приравняли к двум главным языкам, которые ныне ценятся в мире. Как я узнал от краковского каноника Кшиштофа Варшевицкого, мужа большой учености, и от других знатных мужей из Польши, тот же император Карл повелел написать золотыми буквами упомянутую ранее грамоту, пожалованную Александром Великим славянам, в одном пражском соборе, называемым ныне «Славянской церковью». Я не упомянул об этом ранее, когда шла речь об упомянутой грамоте, поскольку не имел об этом никакого понятия, пока (как я сказал) не услышал рассказ об этом от упомянутого Варшевицкого, а это произошло, когда труд мой до сего места был уже напечатан.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО РОДА КОСАЧЕЙ



ГЕРБ ГЕРЦОГОВ СВЯТОГО САВВЫ



Род Косачей, владевший герцогством Святого Саввы в Боснийском королевстве, вел свое происхождение (согласно Лудовику Туберону) от Вука по прозвищу Храна, сына одного рудинско- го князя. Родился Вук в 1317 году. Будучи заядлым охотником, он провел за этим занятием все свои молодые годы. Однажды он охотился вдали от дома вместе с Владиславом, племянником Бранко Ра- сисалича. Во время преследования по лугу какого-то зверя один из слуг Бранко проломил череп борзой Вука. Вук набросился на Бранко с ругательствами. Началась потасовка, во время которой Бранко был смертельно ранен в пах, и Вуку пришлось бежать в Венгрию. Пробыв там некоторое время, он сумел уладить дело с родственниками покойного Бранко и прибыл ко двору императора Сербии Стефана Немани. Император, оценив его выдающиеся качества, удостоил его почетных придворных должностей. Помимо этого, он проявил себя прекрасным полководцем. В награду за многочисленные услуги, оказанные им сербской короне, император немало расширил пределы Рудинского княжества. Однажды, отправившись в упомянутое княжество, Вук был предательски убит одним из Расисаличей. Произошло это в 1359 году. После него остался сын по имени Влатко, который также проявил способности военачальника и стал воеводой, или полководцем, Тврткo, первого коронованного боснийского короля. В 1398 году Тврткo послал его с войском на помощь князю Лазарю, когда тому предстояло биться с турками на Косовом поле. После поражения христианского войска Влатко с горсткой боснийцев удалось спастись и вернуться домой. Почти сразу после возвращения, собрав новое войско, он двинулся к границе с венграми, которые разоряли владения Тврткo, и разбил их в двух сражениях. После этого он разорил владения Балшичей, государей Зеты, которые были врагами боснийского короля. Последний, узнав, что турки под командованием Шахина (Scia) вторглись в Боснию и предают ее огню и мечу, послал против них семь тысяч боснийцев под началом Влатко и Радича Санковича. Те в двух сражениях, сначала под Рудиным, а затем под Билечей, разбили турок, численность которых доходила до восемнадцати тысяч. Большинство турок было перебито, остальные попали в плен, и лишь немногим удалось бежать. Посему боснийский король, желая наградить за службу своего верного воеводу Влатко, подарил ему за малым исключением все те земли, которые позднее стали именоваться герцогством Святого Саввы. Оставив при дворе Боснийца своего сына Сандаля, Влатко отправился в упомянутые владения, чтобы отдохнуть от перенесенных тягот и трудов, и вскоре скончался от старых ран. После него осталось четыре сына: Сандаль, Вукац, Вук и Вукич.

Из них Сандаль стяжал себе немалую славу на поле брани. Он оказал немало услуг боснийским королям, участвуя в их походах, и был удостоен звания главного воеводы. В 1415 году он (как уже говорилось) пришел с боснийским войском на помощь сербскому деспоту Стефану против Мусы, сына турецкого императора Баязида. Во время войны венгерского короля Сигизмунда с боснийским королем Остоей Сандаль со своими боснийцами выступил против венгерского полководца Сигизмунда Лошонци (Losanaz), но был им разбит, потеряв на поле брани немало знатных боснийцев. Произошло это в 1410 году. В следующем году он выступил к пределам Мачвы (Mazoua) против венгерского полководца Яноша Соколи (Socholi Iuan). В битве с ним он одержал победу, захватив в плен немало знатных венгров. Эта победа послужила главной причиной возвышения Сандаля при дворе боснийских королей, которые даровали ему немало земель. Особенно щедры были короли Остоя и Тврткo. Позднее Тврткo, однако, по причине неизвестных мне подозрений вступил с Сандалем в войну и не раз разорял его земли. После его смерти Сандаль успокоился и удалился в свои владения. Рагузинцам он всегда был другом. По их настоянию он обезглавил Радича Санковича, бывшего полководца короля Остои. За это рагузинцы подарили ему дом в Рагузе, который до этого был подарен ими упомянутому Ра- дичу. В 1419 году он продал рагузинцам половину Конавли (Canali). Когда в 1430 году Радослав Павлович (Raosau Paulouich) начал войну с рагузин- цами за вторую половину Конавли, которая принадлежала ему и была им продана рагузинцам в 1427 году, Сандаль пришел на помощь рагузинцам. Придя с войском в Конавли, он подавил бунт некоторых нобилей, не желавших признавать своими покровителями рагузинцев. Он захватил тогда также крепость Сокол (Socho), принадлежавшую прежде Радославу Павловичу, и передал ее рагузинцам.

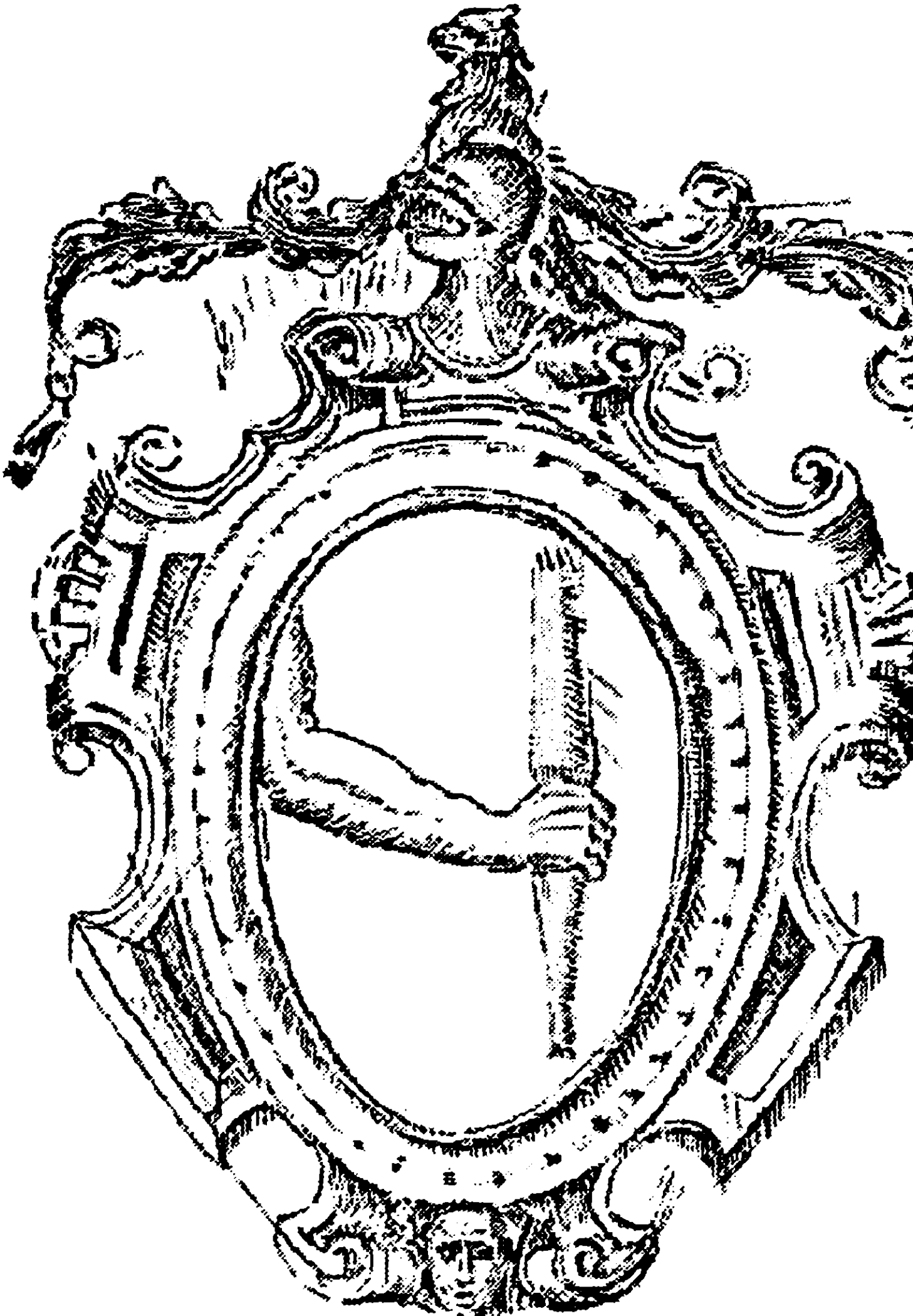
Упомянутая крепость вместе со второй половиной Конавли принадлежали прежде Петру Павловичу, а после его смерти перешли к его брату Радославу. Через четыре года после этого Сандаль умер, причем подозревали отравление. Его жена по имени Мария, племянница Константина Мазерека (Costantino Maserech), вскоре последовала за ним. Поскольку детей у Сандаля не было, его держава перешла к его племяннику Стефану, сыну Вукаца. Другие два его брата, Вук и Вукич, ушли из жизни еще до кончины Сандаля. Они пали от рук сторонников знатного боснийского вельможи Павла Раденовича (Pauao Radienouich), убитого некогда в Боснии упомянутыми Вуком и Вукмиром Златоносови- чем. Стефан, вступив на престол, изменил родовое имя Хранич на Косача. Причина этого неизвестна, хотя некоторые утверждают, что имя это происходит от названия селения Косач (Cossac), где он родился. Переименовал он и свою державу, назвав ее герцогством Святого Саввы (Ducato di Santo Sabba). Прежде жители тамошних мест, согласно Лаонику Халко- кондилу (V), именовались кудугерами (Cuduergi). Вначале ему пришлось вынести немало нападок со стороны боснийского короля, и если бы не помощь со стороны рагузинцев, то он лишился бы и престола и жизни. Тем не менее он не проявил к ним должной благодарности. Начав с ними в 1450 войну из-за пошлины на соль, он и в дальнейшем не оставлял их в покое. По мнению других, что он стал врагом рагузинцев из-за бегства своей жены. Лаоник (V) пишет, что однажды во владения Стефана (которого он называет Сандалем) прибыли купцы из Флоренции. Вместе с ними была и некая женщина легкого поведения. Стефан, наслышанный о ее красоте, приказал привести ее к себе и так ею увлекся, что повелел остаться в своем дворце. Это привело в гнев жену Стефана. Получив отказ на неоднократные просьбы выдворить ее из дома, она взяла сына и бежала с ним в Рагузу. Стефан отправил к ней послов с просьбой вернуться и не позорить его перед иноземными державами. Та ответила, что вернется не раньше, чем убедится, что наложница выдворена. Тогда Стефан стал просить рагузинцев вернуть ему жену силой. Получив отказ, он пошел на них войной. Однако, на самом деле, единственной причиной разногласий между рагузин- цами и Косачей была пошлина на соль. Вплоть до времени Сандаля рагузинцы брали на откуп торги в Неретве и Дривасте, снабжая их солью и платя в казну пошлину (gabella) в размере тридцати трех и одной трети процента. Стефан, придя к власти, увеличил пошлину до пятидесяти процентов. Немало обеспокоенные этим рагузинцы отправили к нему Николу Гундулича и Марина Рестича, надеясь смягчить его суровость, однако те, не сумев ничего добиться ни подарками, ни мольбами, вернулись восвояси. Стефан же послал своих людей на разорение сел в Конавли и попытался с помощью предательства овладеть крепостью Сокол (Soko). Для отпора врагу рагузинцы послали небольшой отряд под началом Марина Криевича (Marino Cerua), который был окружен врагом и разбит. Рагузинцы, узнав об этом, послали людей на охрану теснин, чтобы не дать врагу возможности напасть на Жупу (Вгепо). Стремительно вооружив множество галер, они внезапно напали на остров Крк (Veglia), находившийся под власть Стефана, и с помощью приставных лестниц овладели цитаделью, взяв в плен коменданта. Оставив там комендантом Николу Гучетича, они попытались захватить крепость Омиш (Almisa). Однако гарнизон крепости, защищенной также текущей с гор Хорватии рекой Цетина, оказал им достойное сопротивление, и их попытка оказалась неудачной. Тогда они решили захватить укрепления Осиня (Osign), расположенные против устья Не- ретвы (Narona). Разрушив упомянутые укрепления, они без боя взяли крепость Бршатник и овладели Неретвой (Narona colonia). Произошло это в 1450 году. В то же время Стефан начал войну со своим сыном Владиславом, который, спасаясь от деспотизма своего отца, укрылся в цитадели Влагай. Эта цитадель стоит на высокой скале, которую у подножия окружает вода. По этой причине славянские государи хранили там свои сокровища, которые на их языке называются «благо» (Blago), откуда и пошло название крепости (Blagay). Оттуда Владислав вскоре перебрался в крепость Мостар, которую в 144(0?) году возвел посреди Неретвы Радивой Гост, министр двора (maggior domo) Стефана Косачи. Переправившись через Буну, Брегаву (Bregama) и Крупу, он достиг Стона и затем наконец прибыл в Рагузу. Там перед лицом сената он обвинил отца в злодействе: когда Влатко, сын чаплинского катунара Ивана (Iuan Catunar di Ciauaglina) (Чаплина — крепость в Попово), привел сосватанную за него дочь русанского

князя Марина Марциана, Стефан, отбросив в порыве сладострастия (она была редкой красавицей) всякий стыд, тут же отнял ее у сына. В оправдание же своего злодейства Стефан, отвечая осуждавшим его, ссылался на то, что константинопольский император Иоанн Палеолог поступил также с дочерью трапезундского императора, женой своего сына Мануила. После этого Владислав рассказал столько дурного об образе жизни своего отца, что привел сенат в изумление. Сделав это, он стал просить сенат Рагузы, не раз в прошлом оказывавший помощь в борьбе с тиранами, в столь трудное время помочь и ему, отрекомендовав его турецкому императору, с помощью которого он надеялся отомстить отцу. Рагузинцы ответили, что приложат все усилия, чтобы ему помочь, отвратив его, однако, от мысли обращаться за помощью к Турку, общему врагу всех христиан. Получив от них две тысячи золотых дукатов и сорок платьев из испанской шерсти, он отправился в Благай набирать себе войско. Его отец Стефан, узнав об этом, немедленно собрал большое войско и, желая разрушить замыслы рагузинцев, вторгся в их округу, нанося ей большой ущерб. Пощадил он лишь усадьбу Джоры Бокшича (Giore di Buoso), протовестиара прежнего боснийского короля Дабиши. Эта усадьба была первым зданием в Груже (Grauosa), построенным из гладкого камня. Рагузинцы, стремясь защититься от дальнейшего ущерба, усилили охрану теснин и стали торопить Владислава с вторжением в Герцеговину. Отправили они посла и к боснийскому королю Томашу, сыну Павла Христича из рода Павловичей, который приходился Косаче зятем. Томаш, выслушав посла, немедленно отправил своего брата воеводу Радивоя в лагерь (Sabor) своего тестя, прося его прекратить военные действия и доверить окончательное разрешение всех своих притязаний ему — мужу его дочери Катарины, а также сыну воеводы Павла и племяннику требиньско- го князя Петра Яблановича, которые в 1423 году были приняты рагузинца- ми в число своих дворян. Однако из этого ничего не вышло — Стефан ответил, что король Томаш, как дворянин Рагузы, будет оказывать большую поддержку противной стороне. Посему король решил отправиться к своему тестю лично, но, находясь в Високо (Visoko), был сражен лихорадкой, вызванной непрерывным пребыванием на охоте. Косача же продолжал наносить ущерб владениям рагузинцев. Видя, что его протовестиары не располагают достаточными средствами для ведения войны, он отправил в Венецию коменданта крепости Вребац (Vrabaz) и убедил тамошний сенат вступить с ним в союз против Рагузы, договорившись, что в случае захвата упомянутого города вся добыча достанется ему, а город перейдет под власть Венеции. Рагузинцы, узнав об этом, немедленно отправили в Рим к папе Николаю V некоего монаха Василия (Basilio), который впоследствии за успешное выполнение своей миссии был поставлен епископом Требинье. Рагузинцы жаловались его святейшеству на то, что венецианцы замышляют против них войну в пользу Стефана Косачи, который является схизматиком. Услышав это, папа немедленно отправил послания сенату Венеции с предписанием под угрозой отлучения немедленно расторгнуть союз с Косачей. Венецианцы были вынуждены подчиниться. Тем временем рагузинцы послали Владислава Косачу для нападения на Почитель, Вргорац (Vargoraz) и Любушки (Gliubuska), а сами, получив от коммуны Бара (Republica d'Antiuari) подмогу в пятьсот всадников, вооруженных пиками, под началом Марушко Марушича (Maruscho Maruschi), напали на вражеские владения и нанесли им большой урон. В то время, когда Марушко находился в Рагузе, один князь из числа придворных Стефана Косачи вызвал его на поединок. Марушко немедленно принял вызов. Выехав за пределы города, он сошелся с соперником против ворот, называемых Плоче (Plozze), и в самом начале поединка лишил его жизни. За этот подвиг сенат Рагузы осыпал его многими почестями и наградами. Род Марушичей в Баре к настоящему времени угас, и не осталось ни одного его представителя, кроме Вет- торе Безалио (Vettore Besalio), который является потомком Марушичей по материнской линии и в настоящее время исполняет должность канцлера Рагузинской Республики. Сенат Рагузы, видя, что от войны нет никакого проку, решил прекратить противостояние следующим образом: был издан указ, обещавший тому, кто сумеет доставить в Рагузу голову Стефана, достоинство рагузинского нобиля, десять тысяч дукатов и имение стоимостью три тысячи дукатов на территории рагузинцев. Видя, что и это не помогло, рагузинцы вступили в тайные сношения с сыновьями Влатко, сына хумского государя Джураджа, которые звались

Иваниш, Жарко, Тадий, Агус- тин, Бартул, Марк и Радивой, а также с их двоюродным братом Петром Павловичем (Pietro di Paolo), однако их замыслы были раскрыты. Тем временем рагузинцы довели до сведения турецкого султана (Re' de' Turchi) Мехмеда, что терпят ущерб от Стефана, его вассала. Посему в 1452 году турецкий двор направил к Стефану глашатая со строгим предписанием не беспокоить рагузинцев, вернуть им села в Конавли, возместить ущерб, нанесенный в этой войне, и дозволить их чиновникам (vfficiali) продавать соль в Неретве и Дривасте. То же самое сделал и венгерский король Ласло — выполняя свой долг по поддержанию мира в Славонии, он не раз угрожал Стефану. Стефан, видя все это, заключил мир с рагузинцами, выполнив в отношении их все, что ему было предписано. После этого, как видно из реестра актов совета прегадов (Libro delle parti di pregadi) за тысяча четыреста пятьдесят второй год, рагузинцы приняли в число своих нобилей вышеперечисленных братьев Влатковичей. Прибывшему в Рагузу Стефану был оказан милостивый прием и возвращен остров Крк, он же с миром принял своего сына Владислава. Владислав, примирившись с отцом, вызвал в Рагузу дабарского катунара Управду, своего старого слугу, и вместе с ним возвратился домой. Отец поставил его управлять Нижней Влахией (dogni Vulasi), а вскоре отдал ему и полимцев (Polimzi). Стефан, будучи возведен (как было сказано) в достоинство рагузинского нобиля, несколько раз домогался быть избранным (хоть раз!) ректором Рагузинской Республики. Когда он обращался с просьбой о поддержке к каждому нобилю упомянутого города по отдельности, то слышал в ответ заверения, что таковая поддержка ему непременно будет оказана. Однако дело успеха не имело. Слыша от нобилей извинения, что его в очередной раз не удостоили упомянутой должности, он приговаривал: «Каждому в отдельности — да помоги вам Бог! Когда же вы собираетесь вместе — черт бы вас всех побрал!» В конце концов, решив уехать домой, он оставил в сенате Рагузы свой герб. Он представлял собой хрустальный крест, помещенный в центре красной поперечины с тремя белыми наклонными полосами на алом поле. Помимо этого, Стефан оставил на попечение Андрея Соркочевича своего сына, отрока двенадцати лет, дабы тот изучал науки и воспитывался с детьми рагузинских нобилей. Это — тот самый Стефан, который во время нападения Мехмеда на Герцеговину, то есть державу Косачи, был отдан своим отцом Турку в заложники выплаты новой дани, а затем, отрекшись от веры, взял себе имя Ахмед (Achmat). Он был женат на Фатиме (Fati), дочери турецкого султана Баязида, которая родила ему двух сыновей: Махмуда (Machumet) и Ахмада (Acmet), и двух дочерей: Хуму (Ниша) и Камран (Kamera). И вовсе неверно то, что написали Павел Иовий и Лудовик Ту- берон, а именно, что тем, кто отрекся от христианской веры, был Владислав, который сделал это из мести своему отцу за причиненный позор. Итак, Стефан, примирившись с рагузинцами, вплоть до своей кончины жил с ними в постоянной дружбе. Он отличался непостоянством в своих поступках и в гневе совершал великие ошибки. В 1458 году пераштане, страдая от нападок неких жителей Герцег Нови (Castel nuouo), которые постоянно наносили ущерб их имениям, отправили к Стефану двух послов: Джураджа Црнича и Николу Богоевича. Послы, прибыв в Герцег Нови, не смогли добиться у него приема. Это дало им повод к угрожающим речам, после чего они отбыли восвояси. На пути домой послы были убиты. Возмущенные этим пераштане решили отомстить за их убийство, которое, по их твердому убеждению, было совершено по приказу Стефана. Как-то раз они узнали, что Стефан утром следующего дня должен отправиться на охоту. Перевезя ночью свои семьи на остров Св. Георгия, отряд из ста вооруженных пераштан устроил засаду близ села под названием Драчевица. Ни о чем не подозревавший Стефан прибыл в упомянутое место со свитой из нескольких нобилей и небольшим числом слуг. Окружив Стефана, пераштане выскочили из засады и ринулись на него, полные решимости убить. Стефан, видя это, исполнился страха. Тем временем некие рагузинские дворяне, оказавшиеся в его свите, стали умолять пераштан успокоиться и сказать, в чем причина их возмущения. В ответ пераштане стали хором кричать: «Мы пришли сюда убить этого предателя, который против всех законов и установлений приказал убить наших послов!» Стефан, услышав это, сошел с коня и, приблизившись к ним, произнес: «Дабы вы, пераштане, не думали, что я пал духом и боюсь умереть, смотрите — вот я, пеший и безоружный, стою среди вас вооруженных. Клянусь вам Богородицей

Девой, что не я был причиной гибели ваших послов. Больше того, никого из вас эта смерть не опечалила сильнее, чем меня!» После его слов все стоявшие рядом с ним нобили стали клясться в том же самом. Пераштане, окончательно успокоенные этими словами и клятвами, стали просить у Стефана прощения, и он в ответ обнял каждого из них. И когда он садился на коня, сам воевода Перашта держал коня за удила. Стефан, вернувшись домой, он издал указ о поимке убийц пераштанских послов, грозя им свирепым наказанием. Жене Црнича, у которой не было детей, он послал две тысячи дукатов, а каждой из дочерей Николы Богоевича дал в приданое по тысяче дукатов, выдав их за нобилей из числа своих придворных. Некоторое время спустя он, находясь в Драчевице, заболел и послал за лекарями из Рагузы. Те ничем не смогли ему помочь, и через несколько дней он скончался. Произошло это в 1466 году. Монах св. Василия Радигост (Rasigost), духовник Стефана, привез его завещание в Рагузу, говоря, что так ему было велено. Завещание было прилюдно зачитано в зале Большого совета. После его смерти осталось три его сына: Владислав, Влатко и Стефан, и одна дочь Катарина, вышедшая еще при жизни отца за боснийского короля Томаша. Все упомянутые дети были рождены ему его первой женой Анной, дочерью Георгия Кантакузина. После ее смерти он женился на Елене, или, по мнению других, Барбаре, немке по происхождению. Последней его женой была Целия. Некоторые авторы утверждают, что он был женат на Воисаве (Voissaua), дочери Джураджа Кастриоти, но они ошибаются. Воисава была женой не Стефана Косачи, а Стефана, воеводы Черногорья, которому она родила сыновей Ивана и Джураджа и дочь Воисаву, ставшую впоследствии женой Леки Дукаджина (Leca Ducagino). Сыновья Стефана Косачи Владислав и Влатко после смерти отца поделили между собой его державу: Владиславу досталась Верхняя Влахия, а Влатко — Нижняя Влахия и Герцег Нови. Позднее, в 1483 году, они были изгнаны Аяз–бегом (Hessibego), санджак-бегом турецкого султана Баязида II, и бежали в Рагузу. Позднее они нашли убежище на острове Раб (Arbe) у Црнотичей. Влатко там и умер, а Владислав перебрался в Венгрию, увезя с собой все права и титулатуру Герцеговины, или герцогства Св. Саввы. Упомянутая титулатура заканчивается такими словами: «Герцог Приморский, государь Хума и страж гроба святого Саввы». Размеры этого герцогства были очень велики: на востоке оно граничило с Нови Пазаром, на западе — с рекой Цетиной, на юге- востоке (Levante) достигало Доброполья (Dobropoglie), а на юго–западе граничило с рагузинскими землями. Таким образом, длина его составляла около двенадцати дней пути, а ширина — четыре.

ГЕРБ ХУМСКОГО КНЯЖЕСТВА



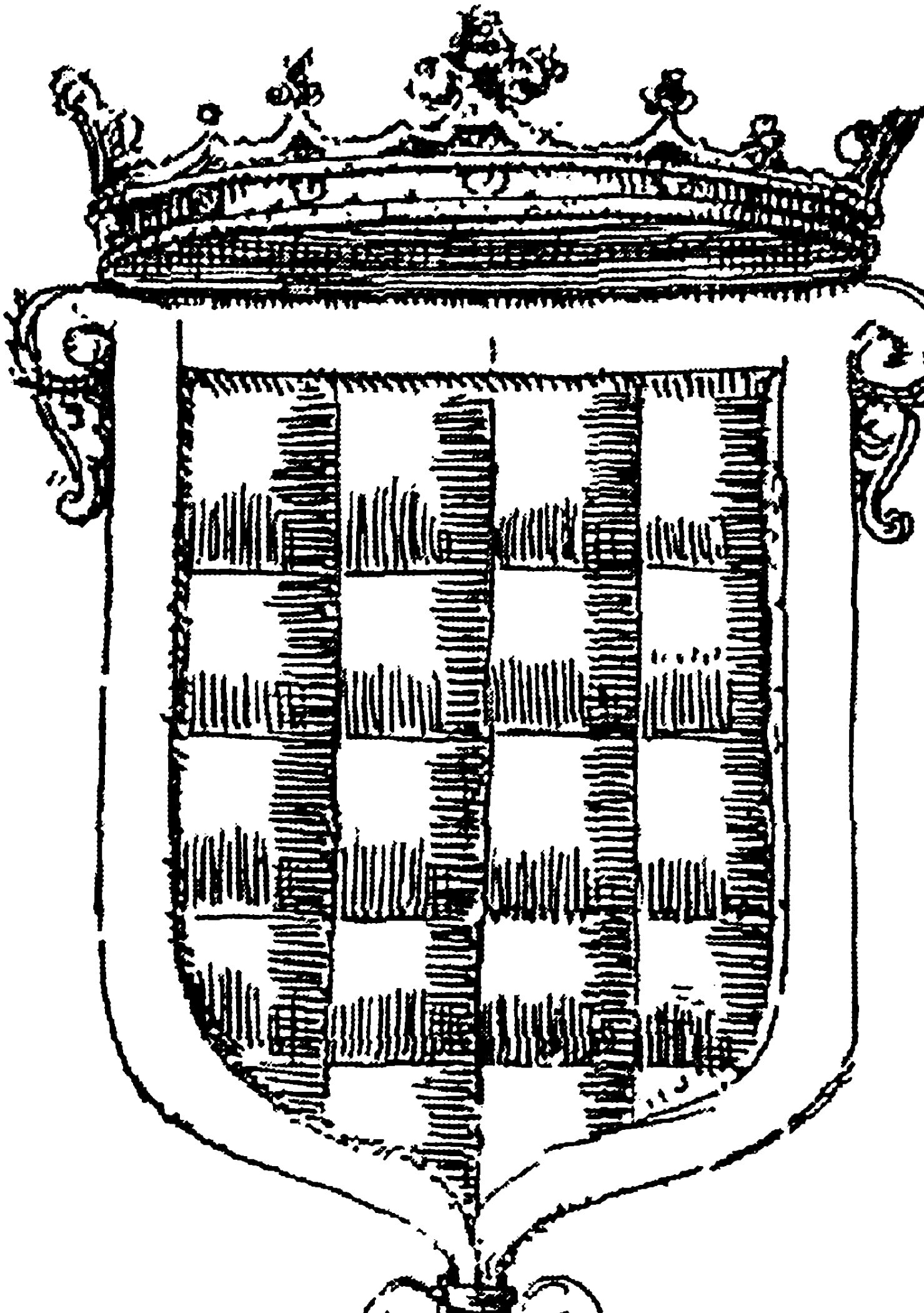
Хумским княжеством, о котором теперь пойдет речь, владело в прошлом немало государей. Одно время оно перешло во владение Андрея, сына Мирослава и племянника Немани. Это был очень благодушный и миролюбивый государь, стремившийся жить со всеми в мире. Посему тогдашние боснийские магнаты захватили все Подгорье, а именно Невесинье, Дабар (Debar), Гацко (GrecKa) и т. д. Всей той частью Хума, что лежит по ту сторону Неретвы и по сю вплоть до Цетины, а также Бишче и Лукой, владел, пока был жив, князь Петр, а после него — хорватские государи, так что под властью князя Андрея оставалось лишь Попово с Приморьем и городом Стоном. Город Стон возник на месте Стеума (Steo), а тот — на месте весьма древнего города Марфи (Marfi). Упомянутый князь Андрей жил в дружбе с рагузинцами и выдал замуж за рагузинского нобиля Барби Крусича (Barbi di Croce) свою внучку Вукосаву, дочь одного из своих сыновей. В приданое ей он дал некоторые земли в Затоне (Malfo) в местности под названием Оброво (Obrouo). Сыновья Андрея не отличались доблестью, за исключением одного из них по имени Влатко, отважнейшего юноши, подававшего большие надежды. Однако вскоре после того, как его отец умер и был погребен в церкви Св. Марии Стонского монастыря, он переселился в мир иной. Остальные его братья и племянники, не будучи воинственными, из всех земель Хума владели лишь Попово и Приморьем. В упомянутое время прибывший из Хорватии Игиний (Iginio), брат князя Пелипича, захватил Бишче и Луку с другими близлежащими землями, а также Стон с Пелешацем. После смерти упомянутого Игиния Хумское княжество осталось без государя. Каждый из дворян (а их в Хуме было немало) владел своим уделом. В те времена сильный обижал слабого. Жил в ту пору в хумском местечке Бргат (Bergat) один бедный дворянин по имени Бранивой, у которого было четыре сына: Михайло, Добровой, Бранко и Брайко. Сыновья выросли смелыми и воинственными и решили подчинить своей власти все земли, которые сумеют покорить силой оружия. За короткое время, где — твердой рукой, где — полюбовно, они сумели покорить почти все Хумское княжество. Их власть простиралась от реки Цетины до Которского залива. Посему князь Петр, сын князя Андрея, со своими сыновьями Николой и То- льеном, владевшие Попово с Приморьем, сделались их вассалами. Упомянутые четыре брата выбрали своей столицей Стон и устроили свой двор под крепостью Св. Михаила у подножья горы близ воды. Там же находилась и их мать, женщина великого духа. Оттуда они отправлялись в походы в чужие страны. В то время в Требинье, Гацко и Рудине был жупан по имени Црен (Zrep), отважный муж, выполнявший в упомянутых городах обязанности наместника короля Рашки. Братья пошли на него войной. В битве под Требинье он был разбит и пал на поле брани. Братья же без всякой оглядки на короля Рашки и бана Боснии, поскольку были весьма заносчивы, захватили все земли, находившиеся под его управлением. Беспокоили они и рагузинцев. Не объявляя им открытой войны, они тем не менее, (помимо того, что дурно принимали рагузинских купцов, оказывавшихся в их владениях) не раз опустошали их пределы и территорию Рагузы. Правление упомянутых братьев, чинивших немало несправедливости хумскому народу и оскорблявших всех соседних государей, переполнило чашу терпения боснийского бана Стефана, и он решил наказать их за дерзость. Собрав войско, он разделил его на две части. Одну из них он вверил воеводе По- знану Пурчичу (Reposnan Purchich) и послал ее на захват Загорья и Неве- синья. Другую отдал под начало воеводы Нигера (Nighier) и приказал, найдя упомянутых братьев в какой бы то ни было части Хума, дать им бой. Нигер, выполняя приказ, обнаружил Михайло и Добровоя с небольшим отрядом в одном местечке в Хуме под названием Брест (Briest). Имея возможность уклониться от битвы, упомянутые братья, исполненные отваги и презрения к врагу, смело вступили в бой, но были разбиты и пали на поле брани. Посему воевода Нигер начал захватывать Хум, которым они прежде владели, и преследовать Бранко и Брайко. Бранко, чтобы не попасть в руки врага, бежал в Рашку к королю Стефану Темному (Cieco). Рассказав, что боснийский бан, убив двух его братьев, захватывает Хум, он стал просить войско, чтобы вернуть себе Хум, по праву принадлежавший королевству Рашки, обещая, что будет владеть им от его имени, храня ему верность и покорность. Король (будучи мудрым государем) дал ему такой ответ: «Пока вас было четыре брата и дела ваши процветали, вы исполнились высокомерия и не обращались ко мне. Больше того, вы предали смерти моего верного жупана Црепа и самовластно, без

всякой оглядки на меня, захватили мои земли. Теперь, под гнетом нужды, вы униженно просите о помощи, которую я вам нипочем не окажу!» После чего он приказал связать Бранко и отослал его в темницу в Котор. Его брат Брайко, видя, что остался один, отступил в Стон. Туда же прибыло и войско бана, чтобы схватить его. Не зная, где искать спасения, он бежал с женой, которая была дочерью Войно, на остров Олипа (Olipa), расположенный неподалеку от Стона. Рагузинцы, узнав об этом, послали туда за ним свою галеру. На этой галере он был перевезен в Рагузу и там заключен в темницу. Жена его была отпущена к своим братьям, сыновьям Войно. Когда же король Рашки казнил Бранко в Которе, рагузинцы заморили Брайко в темнице голодом. Такой конец обрели сыновья Бранивоя за свои нечестивые дела, и никого из их рода не осталось. Посему боснийский бан мирно, не встретив никакого сопротивления, овладел Хумом. Единственным исключением оказался Петр Толье- нович, правнук князя Андрия, муж бесстрашный и закаленный в боях. Владея Попово с Приморьем, он отказался повиноваться бану, не желая признавать боснийского господства. По этой причине бан Стефан послал войско для его подавления. Петр был разбит в битве и пленен. Привязав его к коню так, что кандалы, в которые были закованы его ноги, проходили под животом коня, его повезли к бану. Однако еще до прибытия к бану он по его приказу был сброшен вместе с конем с речной кручи. Катясь вниз, он наткнулся на дерево. Уцепившись руками за его ветви, он добрый час висел на них, удерживая и себя и коня. Тогда на него стали сбрасывать камни. Смертельно раненный, он рухнул в реку. После этого бан Стефан выдал свою сестру Катарину (Catalena) за Николу, дядю упомянутого Петра и внука князя Андрея, по причине его благородного происхождения, хотя особой доблестью тот не отличался. Он отдал ему его вотчину, то есть село Попово. У Николы от упомянутой жены было два сына: Богиша и Владислав, которые ничем себя не проявили. После смерти бана Стефана Твтрко, его племянник и преемник на престоле, безмятежно овладел Хумом.

Границей между Хумом и Зетой служит город Рагуза. Затем в Риеке Дубровачке (Ombla) выше Превора (Prieuor) есть знак в виде креста, высеченного в большом камне. Есть местечко под названием Honcilas на реке Требишница (fiume di Trebine). Там стоит великий камень с высеченным знаком. Затем граница идет в сторону Рудина и Гацко вплоть до Сутьески (Sutiescha). На юго–восток [от границы] лежит Рашка, то есть Требинье, Рудин и Гацко, на юго–запад — владения Хума, то есть Попово, Любинье, Любомир, Фатница и Невесинье.

Граница между Хумом и Боснией идет от истока Неретвы в Вишеве (Visseua) по течению упомянутой реки в сторону Коньица (Cogniz).

ГЕРБ КОРОЛЕВСТВА ХОРВАТИИ



В прошлые времена было в Хорватии немало государей, которые сменяли один другого вплоть до времени бана Чудомира (Zudomir) и короля Крешимира, его зятя и преемника. После него Хорватией правил король Стефан, за ним — Вукмир, Вук- миру же наследовал король Крешимир II. Все упомянутые государи правили Хорватией и Рашкой. После смерти короля Крешимира наследников мужского пола не осталось, а одна из его дочерей была замужем за венгерским королем. По праву этого брака венгры стали заявлять свои притязания на Хорватию. Однако хорваты не желали ни венгерских банов, ни их наместников, и выбирали правителей из числа своих соплеменников. Посему вплоть до времени бана Павла ими правили то один, то сразу несколько государей. Бан Павел, наделенный изрядной мудростью и доблестью, подчинил себе всю Хорватию, а затем решил завоевать Хумское княжество и королевство Рашки. Придя в Хум с большим войском, он захватил его целиком, поскольку собственного государя у Хума в то время не было. После этого он отправился в Оногошт, чтобы оттуда двинуться в Зету, а затем — в Рашку, которая пребывала в великой смуте из-за усобиц и разлада между [тремя] братьями, сыновьями короля Уроша Святого Стефаном Темным, Владиславом и Константином. Из Оногошта он отправил посла к рагузинцам с просьбой о вступлении с ним в союз. Чтобы вернее заручиться их поддержкой, он напомнил, что короли Рашки и, в частности, король Урош Святой всегда воевали с Рагузой, находящейся у них под боком. Посему он предупреждал их, что в случае прихода к власти в Рашке сыновей [Уроша] им грозит то же самое — жить в мире с рагузинцами они нипочем не станут. «Я же (говорил он) намерен быть вашим другом. Я не стану покушаться на вашу свободу, а буду оказывать вам всяческий почет и расширять пределы ваших владений, если вы решите объединиться со мной и послать свой флот по морю на захват Котора, куда я отправлюсь по суше. Овладев этим городом, мы без труда овладеем Зетой, а затем и всем королевством Рашки, которое открыто и не имеет укрепленных городов». Это послание нашло отклик у многих. Не принимая во внимание связанных с этим опасностей, они настаивали на рассмотрении его в Большом совете (Senato de' Padri). Те же, кто имел более зрелые суждения, во время обсуждения резко выступили против, говоря, что нет никакой пользы в том, чтобы столь слабому городу, как Рагуза, вступать в союз со столь сильными государями, и особенно с упомянутым баном Павлом, который пришел из далеких краев, чтобы захватить королевство Рашки. Поскольку весь его расчет основан лишь на разладе между братьями, может случиться, что дело не увенчается успехом, и ему придется вернуться восвояси. Мы же обретем себе вечного врага в лице королей Рашки, от которых он, находясь далеко, не сможет нас защитить. В силу этого сенат постановил не вмешиваться в *упомянутое* дело. И вскоре всем пришлось убедиться в мудрости этого решения сената. Бан Павел, узнав, что Стефан Темный собирает большое войско, чтобы дать ему отпор, и что дела Стефана процветают, поскольку он пользуется любовью у народа, не дерзнул идти дальше и повернул назад. Произошло это в 1315 году. После смерти бана Павла власть над Хорватией перешла к бану Младену. После него несколько знатных родов, которыми была богата Хорватия, стали властвовать в своих областях. В их числе были: князь Нелипич со своими братьями, Курияковичи (Chriaco), Циприяновичи (Zuprianouicchi) и многие другие, историю которых я не описываю в силу их малозначительности. В то время упомянутые государи не позволяли венграм ни вторгаться в Хорватию, ни иметь над ней какую- либо власть. Однако с течением времени почти все достойные хорватские государи умерли, и взошедший на венгерский престол король Лайош захотел овладеть ей. Собрав войско, он вторгся в Хорватию и схватил некоторых представителей рода Куриаковичей. Остальные же Куриаковичи бежали. Помимо этого, Лайош схватил и влиятельнейшего государя Ивана, сына Нелипича. Иван был брошен в темницу, но затем, принеся клятву в верности и покорности, был им освобожден. Упомянутый Иван и другие нобили согласились с тем, чтобы Лайош поставил баном над ними мужа по собственному усмотрению. Посему был прислан бан Миклош Сеча (Nicolo Sceez), который владел от имени короля всеми важными крепостями и замками. Остальные же города он отдал упомянутому Ивану Нелипичу и Ку- риаковичам. После этого завоевания король Лайош овладел и всей Далмацией,

отняв ее у венецианцев. По этой причине Далмация и Хорватия были тогда объединены и подчинены власти одного бана.

Граница между Хорватией и Хумом проходит по реке Цетина: к востоку от нее лежит Хум, а к западу — Хорватия.

УВЕДОМЛЕНИЕ

В следующем далее трактате о болгарах не раз будет упомянуто имя римлян (Romani). Читатель должен знать, что под этим именем понимаются не латинские римляне, а греческие, поскольку после переноса [столицы] империи Константином Великим в Константинополь греки стали именовать себя римлянами. Воинственный болгарский народ постоянно вел с ними войны и доставил немало хлопот Восточной [Римской] империи, сделав ее, в конце концов, своей данницей. Свою воинскую доблесть болгары проявляли и в более поздние времена. Это дало основание Бьондо, Сабеллико и Платине назвать их самым сильным из народов, способных сокрушить турецкую силу. Авторы, послужившие источником сведений для настоящего трактата, были в основном греками, с которыми (как было сказано) болгары часто воевали, нанося урон на всем протяжении их владений. Не составит труда понять, что сведения, изложенные упомянутыми авторами, не отличаются большой искренностью, и многие достопамятные подвиги, совершенные болгарами в многолетней борьбе с императорами [Восточной Римской империи], были обойдены молчанием.

ГЕРБ БОЛГАРИИ

Славянское племя болгар, согласно Мефодию Мученику, Иордану Алану и Франциску Иреникусу (VI, 32), пришло из Скандинавии и, осев на той оконечности Германии (Alamagna), которая омывается Померанским, или Балтийским, морем, некоторое время там жили. Затем, уйдя оттуда, они, грабя и предавая огню все вокруг, захватили просторные равнины вдоль великой реки Волги (Volga), по названию которой стали именоваться волгарами (Vulgari), а затем — болгарами (Bulgari). По прошествии времени часть их ушла с Волги и пришла на Дунай, а затем оттуда проникла во Фракию. О времени, когда это произошло, у историков нет единого мнения: одни считают, что впервые упомянутый народ спустился к Дунаю и захватил его побережье в 679 году при папе Агафоне, который был родом из Сицилии; другие относят это к 700 году. Однако эти мнения ошибочны. Как пишет Марк Аврелий Кассиодор, болгары воевали с римлянами, когда империей правил Феодосий I. Примерно в 390 году после продолжительной войны они были побеждены, и Италия вернула себе Сирмий. Павел Диакон (I, 16), Готфрид Витербский (XVII), Альберт Кранц (VIII, 8) и Паоло Эмилио пишут, что в 450 году болгары, которые в ту пору жили на Дунае, напали на лангобардского короля Агельмунда и, убив его в битве, одержали над лангобардами победу. Зонара и Кедрин в жизнеописании императора Анастасия Дикора повествуют от том, что упомянутый народ в начале понтификата папы Симмаха, которое относится к 495 году, не только напал на Фракию, но и проник в Иллирик. Вторжения эти были неоднократными, на что указывает Зонара. В упомянутом труде он пишет: «Болгары вновь напали на Иллирик. Некоторые из римских трибунов оказали им сопротивление, но были с позором разбиты и все, за малым исключением, перебиты. Это поражение было предвещено римлянам кометой, вороньей стаей, кружившей перед и над их войском, а также печальным и скорбным звуком, который издавали трубы вместо привычной боевой музыки». Несколько далее он продолжает: «На двенадцатом году правления императора Юстиниана I болгары совершили набег на Иллирик и, разорив провинцию, перебили всех солдат. Узнав об этом, иллирийский король Акум (Acumo) выступил в поход и, соединив свои войска с римскими, устроил болгарам великую резню. Однако остальные болгарские воины, видя, что Акум утратил бдительность, напали на него. Перебив множество иллирийцев, они захватили Акума в плен и вернулись домой. В следующем году на сторону римлян перешел также гепид Мунд, сын сирмийского государя Гисма (Giesmo). Император со всем радушием принял его вместе с одним из его сыновей и, передав в управление Иллирик, к полному его довольству отпустил восвояси. На обратном пути в Иллирик на Мунда напало великое множество болгар. Одержав над ними победу, он отослал лучшую часть пленных в Константинополь. Упомянутые пленные были расселены императором по Армении, Ла- зике и другим провинциям, и в тех краях на протяжении длительного времени проживали болгары». Согласно Бонфини (3–я книга (?) декады), болгары напали на остроготского короля Теодериха, когда тот уходил в Италию, и доставили ему немало хлопот. В те времена они жили на Дунае, и королем у них был Борис (Burisc), которого некоторые латинские историки называют Busare. Регино из Прюма (II) и Аймоин (Annonio) Монах (IV) пишут, что болгары, проживавшие в Паннонии совместно с аварами, поскольку и те и другие были славянами, после смерти своего короля, так как каждый из упомянутых народов стремился поставить нового короля из числа своих соплеменников, пошли на аваров войной. Не совладав с превосходящими силами аваров, болгары потерпели поражение, и те из них, кто остались в живых, были изгнаны из Паннонии. Девять тысяч болгар с женами и детьми отправились к королю франков Дагоберту, прося предоставить им место для жительства в его королевстве. Дагоберт приказал, чтобы их приняли близ Хаймонда (Heimondo) и в Баварии. В одну из ночей по его приказу все расселенные по домам болгары вместе с женами и детьми были перебиты. Как указывает в своих франкских анналах Аймоин Монах (IV), это произошло на тринадцатом году правления Дагоберта. За это Дагоберт подвергся суровому осуждению историков. Насколько дурно обошелся упомянутый [король] с народом, не причинившим ему ни малейшего вреда, настолько хорошо поступил с ним лангобардский

король Гримуальд. Павел Диакон в своей «Истории лангобардов» (IV, 29) пишет, что примерно в 650 году один из болгарских воевод Альцек (Alzeco), отделившись по неизвестной причине от остальных болгар, мирно вторгся в Италию со всем своим войском и пришел к Гримуальду, прося принять его на службу со всем своим воинством и поселить в своих владениях. Король отправил его к своему сыну Ромуальду в Беневент, приказав тому подобрать для Альцека и его войска удобное место для жительства. Ромуальд радушно принял его и предоставил ему для жительства весьма обширные и просторные области, которые до того времени не были возделаны и заселены, а именно Сепино (Sepiano), Бовино (Bouiano), Изернию (Ysernia) и другие города с их территориями. Кроме этого, по его приказу Альцек из воеводы (Duca) был переименован в гастальда. Эти болгары (как пишет все тот же Диакон) жили в упомянутых областях еще в его время и, хотя и говорили по–латыни, своим наречием продолжали пользоваться. Этот народ под началом Вуки- ча и Драгича, которых Диакон в жизнеописании императора Юстиниана (XVI) именует Вольгером (Volgere) и Драконом (Dragone), напал на Скифию и Мезию в то время, когда магистром армии Мезии был Юстин, а Скифии — Бландарий. Эти магистры, выступив в поход, сошлись с болгарами в битве, во время которой упомянутый Юстин был убит. Назначенный на его место Константин, сын Флоренция (Costantino de Florentio), у которого воспреемником при крещении был сам император, сразился с болгарами и одержал победу, перебив великое множество болгар и отняв у них всю захваченную добычу. В этой битве пали вышеупомянутые болгарские воеводы Вукич и Драгич, заставив неприятеля заплатить за свою смерть немалой кровью.

Таким образом, из свидетельств столь авторитетных авторов явствует, что болгары, покинув Волгу и придя на Дунай, совершали свои вторжения во Фракию под началом разных полководцев задолго до времени папы Агафона. Говоря о древности их происхождения, Павел Диакон (XII) пишет: «Будет крайне полезно рассказать о древности болгар оногундуров и кон- трагов (Onogudurensi Bulgari, & Contragensi). По проходимым землям, лежащим севернее Евксинского понта и Меотийского озера, через Сарматскую землю течет величайшая река под названием Атель (Atel), с которой соединяется Танаис (Tanai). Танаис берет свое начало в Иберии, которая, как говорят, находится в горах Кавказа, и, устремляясь вниз, выше Меотийского озера впадает в реку Атель. В месте разделения Ателя в сторону Меотийского озера течет река, называемая Евктис (Euctis), которая впадает в Понт у Мертвых врат (Necropela) и мыса, называемого Криомето- пон, то есть Бараний лоб. Из вышеупомянутого озера вытекает река, подобная морю, которая через Босфор Киммерийский достигает Евксинского понта. В этой реке ловят мурзилин (Murzilin) и другую подобную рыбу. В соседних землях к востоку от Фанагории (Fagoria), помимо евреев (Iberi), которые тоже тут есть, живет множество народов. За вышеупомянутым озером вплоть до реки Куфис (Cufi), где ловится ксист, называемый "болгарской рыбой", лежит древняя Великая Болгария, и тут живут соплеменники болгар под названием контраги (contrary). Когда на западе правил Константин, Кубрат, правитель Болгарии, или Контрагии, скончался, оставив после себя пятерых сыновей. В своем завещании он наказал сыновьям непременно жить вместе и не служить никакому другому народу. Однако вскоре после его смерти между пятью сыновьями начался разлад, и они отделились друг от друга вместе с той частью народа, которая каждому их них была подвластна. Первый сын по имени Батай (Butaia), исполняя волю своего отца, остался жить в стране в краю своих предков, и живет там и поныне. Второй сын по имени Контраг (Contargo), перейдя Танаис, избрал местом своего первого жительства земли, лежащие против владений своего брата. Пятый, переправившись через Дунай, осел со своим народом в Аварской Паннонии, сделавшись подданным кагана, а другой [четвертый], придя в Пятиградье близ Равенны, сделался подданным христианского императора. Третий из братьев по имени Аспарух переправился через Днепр (Danapin) и Днестр (Danastri) и, придя в Огл (Honglone), поселился между Таной и Дунаем, найдя этот край безопасным и труднодоступным со всех сторон, поскольку он был расположен среди болот и отовсюду окружен реками. Благодаря своей бедности, край этот давал возможность его подданным жить в полном покое, хотя и с соседями он не забывал поддерживать добрые отношения. Итак, когда они

разделились на пять частей и стали малочисленны, из самого дальнего края Азиатской [prima] Сарматии под названием Барсилия (Barsilia) вышло великое племя хазар и овладело всеми землями вплоть до Евксинского понта, сделав государем Болгарии Батая (Batau), первого из пяти братьев, и наложив на него дань, которую он платит до сего дня. Император, узнав, что какой-то нечистый народ из Триполья (Triplo) водворил свои хижины за Дунаем у Огла (Honglon) и, приближаясь к Дунаю, совершает набеги на земли, которыми ныне ими заняты, а в те времена принадлежали христианам, которые там жили, пришел в сильный гнев. Приказав войску выступить во Фракию, он снарядил флот и пошел на них войной по суше и по морю. Сухопутное войско он послал через Албанию в направлении Огла и Дуная, а сам, подойдя к берегу, приказал кораблям ожидать его там. Болгары, видя, что на них стремительно надвигается огромное воинство, отчаявшись в спасении, укрылись в вышеупомянутом убежище, защищенном со всех сторон. В течение трех или четырех дней они не осмеливались выйти из своего убежища. Равным образом и римляне, опасаясь близлежащих болот, воздерживались от нападения. Болгары, видя малодушие римлян, воспрянули духом и повеселели. Император, жестоко страдая от подагры, был вынужден вернуться на юг для принятия ванн. Отплыв на пяти быстроходных кораблях (Bergantini) вместе со своими домашними, он приказал военачальникам и народу упражняться в обращении с пикой и быть готовыми атаковать болгар, если те захотят выйти; в противном случае — держать их в осаде, окружив рвами и прочими укреплениями. Конница, напуганная облыжными слухами, что император бежал из трусости, бежала со своих позиций, хотя никто ее не преследовал. Болгары, увидев это, бросились в погоню. Перебив и ранив немало вражеских воинов, они гнали их до Дуная. Переправившись через него, они дошли до Варны (Вогпа), лежащей у пределов Одисса (Odisso). Там они увидели равнину (Mediterraneo), которая была прекрасно защищена с тыла — Дунаем, а спереди — ущелья ми и Евксинским понтом. Главную же свою защиту они нашли в господстве над славянскими (Slavini) племенами, которых, как они говорили, было семь [колен]. Северян они поселили на переднем крае с востока, где находится ущелье Берегава (Veregabi), а с юга и запада до самой Аварии — другие семь колен, заключив с ними договора. Поселившись в упомянутых землях, болгары возгордились и стали опустошать и грабить крепости и имения, находящиеся под властью римлян. Однако император к великому стыду и смущению всех римлян был вынужден заключить с ними мир с обязательством выплаты ежегодной дани. И дальние и соседние народы изумлялись, узнав, что тот, кто сделал свои данником весь мир — от востока до запада и от севера до юга — сам сделался данником, уступив такому народу, как болгары». Так повествует Павел Диакон. Ламберт Ашаффенбургский и Иоганн Авентин, однако, полагают, что именно Батай (Bataia), или Бутай (Butaia), разбил Константина и заставил его платить дань, и именно он положил начало госпо детву болгар во Фракии. В самом деле, после того, как он нанес императору судьбоносное поражение между Паннонией и Верхней Мезией, император, помимо обязательства платить дань, уступил ему и ту и другую Мезии. На протяжении некоторого времени они жили в полном мире и покое, ни разу не подняв друг на друга оружия, пока сын Константина Юстиниан, став императором в шестнадцать лет и руководствуясь в управлении только своими желаниями, не вверг империю в пучину бедствий. Он нарушил мир, заключенный с болгарами, и, разорвав договор, столь тщательно составленный его отцом, прекратил выплату дани. Устремившись в новый поход на западные земли, он приказал коннице двигаться на Фракию, желая разграбить болгарские и славянские земли. Посему на третьем году своего правления (как пишет Кедрин) он выступил с войском против Славонии и Болгарии. Дойдя до Салоников, он перебил великое множество славян. Одни из них покорились ему, уступив силе, другие — добровольно. Этого не случилось бы, не будь его нападение столь внезапным. На обратном пути болгары преградили ему путь через ущелья, и он смог вернуться лишь ценой огромных потерь. Разорив славянские земли, на седьмом году своего правления он собрал новое войско, отобрав тридцать тысяч самых крепких славянских юношей и назвав их «дорогим народом» (popolo accettabile). Положившись на них, он разорвал и союз с арабами под тем предлогом, что на деньгах из дани того года не было римской печати, а была какая-то новая

арабская, в то время как на золотых монетах, которые давались в качестве дани, им не дозволялось чеканить ничего иного, кроме изображения римского императора. Итак, он пошел на них войной, полагаясь не столько на римские легионы, сколько на отборное славянское войско. Арабы, подвесив на шесте грамоту с мирным договором и приказав нести ее перед войском наподобие хоругви, вступили в бой с римлянами. Однако еще до начала схватки славяне, памятуя о непростительных обидах со стороны императора, немедленно его оставили и в числе двадцати тысяч перешли на сторону арабов. Это обстоятельство пошатнуло дух римлян и послужило причиной их поражения, укрепив дух их врагов и принеся им победу. Римляне бежали, а арабы, упорно их преследуя, убивали всех, кого могли настичь. Несметное число легионеров погибло, а император с горсткой своих воинов к своему великому позору спасся бегством. Вернувшись в Левкадию, он приказал казнить остальных славян вместе с их женами и детьми, сбросив их с горы Левкатий, которая возвышается над морем в Никомедии. Арабский государь Мухаммед (Moamede), познав великую доблесть славян, в том же году вторгся с ними в римские владения и, предав их жестокому разорению, собрал немалую добычу. Юстиниан, возвратившись в Константинополь, собрал новое большое войско и пошел с ним на Болгарию, грабя и предавая огню все вокруг. Болгары оказались тогда застигнуты врасплох, так как полагали, что военные приготовления, которыми был занят Юстиниан, направлены на войну с арабами, а не на погибель их народа. В замешательстве они бежали к пределам Мезии и Фракии, где вскоре образовалось великое скопище народа. В течение многих дней все их усилия были направлены лишь на то, чтобы вывезти в безопасное место своих жен, детей и то имущество, которое можно было унести с собой, оставив в добычу разъяренному императору города, крепости и прочие селенья. Затем, видя, что войско Юстиниана, уверенное в своей безнаказанности, движется, не соблюдая строя, они решили напасть на него. Собравшись с духом и силами, первым делом они постарались перекрыть все проходы, по которым император должен был возвращаться во Фракию и Константинополь. Узнав об этом, малоопытный император отправил к болгарам послов с просьбой о мире. Болгары после долгих раздумий согласились, но потребовали, чтобы император, отпустив всех пленных и вернув всю добычу, скрепил мир, достигнутый после долгих упрашиваний, торжественной клятвой, и все бывшие с ним военачальники и вельможи сделали то же самое. После этого болгары принялись укреплять города и других селения, разрушенные римлянами. Король Батай, обессмертивший свое имя боевыми подвигами, умер от лихорадки, кляня судьбу за то, что та не дала ему умереть с мечом в руке, как подобало такому мужу, как он. Ему наследовал Тарбаль (Tarbagl), которого греки и латиняне называют Тервел (Terbele) — блестящий военачальник и муж великого духа. Свида в статье «Болгары» говорит о нем следующее: «В прошлом болгары совершали набеги на земли аваров и полностью их истребили. Произошло это при Юстиниане, который наряду с Константином, сыном Ираклия, был данником болгар. У болгар же в то время правил Тервел. Когда болгары одержали победу над аварами, Тер- вел спросил у пленных, что послужило причиной столь полного их истребления. Ответ авар гласил: во–первых, взаимные обвинения и междоусобицы, во–вторых, то, что, истребив самых мудрых и доблестных среди них, они отдали власть в руки воров и подлецов, и, наконец, в–третьих, алчность к подаркам и прочему добру, которая заставляла их устраивать козни друг другу, предаваясь еще и пьянству. Тервел, услышав это, повелел созвать своих болгар и обнародовал закон: если кто-либо будет обвинен [в преступлении], то следует немедленно провести дознание; если будет доказана кража или другое злодеяние, то виновный должен быть немедленно обезглавлен. Это был первый закон, изданный Тервелом для своих болгар». Во время его правления император Юстиниан III был свергнут Апсимаром (Assimaro) и бежал к Тервелу. Подарив ему среди прочего царскую утварь, он обещал взять в жены его дочь и отдать область, называемую Загорье (Zagorie), если тот поможет ему вернуться на трон. Болгарин согласился и, собрав большое войско, лично выступил в поход на Константинополь. Разбив лагерь под городскими стенами, он стал испытывать дух горожан, вступая с ними в разговоры, когда те разглядывали его, прячась за зубцами стен. Однако вместо слов привета горожане осыпали его грубой

бранью. Посему он, проникнув под покровом ночи в город через один из акведуков, овладел им. Более чем неблагодарный Юстиниан, позабыв о благодеяниях, оказанных ему Болгарином, начал против него войну, выступив в поход на Анхиал с флотом и сухопутным войском из пехоты и конницы. Поначалу перепуганные болгары укрывались в горах. Затем, видя, как разрозненные отряды римлян бродят в поисках добычи (поскольку в римском лагере не было порядка), болгары воспрянули духом и напали на римлян. Перебив многих из них, они взяли большой полон, захватив при этом немало коней. Император с остатками войска заперся в одной из крепостей. Перерезав жилы коням, чтобы они не могли служить неприятелю, он сел на корабли и с великим позором вернулся в Константинополь.

Позднее, на первом году правления [императора] Льва Исавра арабский государь Маслама (Masalda), переправившись с мощным войском из Абидоса (Abido) во Фракию, предал всю упомянутую провинцию разграблению. После этого он повернул свои войска на Константинополь. Разбив лагерь под городскими стенами со стороны материка, он подверг город суровой осаде. Туда же подошел и очень мощный флот под командованием Сулеймана (Solimano), которого некоторые авторы именуют Зулеймоном (Zulemone). Он переправил из Азии во Фракию другое войско того же племени, имея, согласно одним авторам, три тысячи судов. Согласно другим авторам, судов было не более трехсот. С упомянутыми силами варвары напали на Константинополь с суши и с моря. Не будь они столь жадны до добычи, при более упорной осаде город, без всякого сомнения, оказался бы у них в руках. Однако немалая часть их войска, отделившись от остальных, совершила набег на Фракию и, разоряя села, достигла пределов Болгарии. Болгарский король Тервел, побуждаемый к отмщению как христианской любовью, так и любовью к своей родине, выступил против неприятеля, который был увлечен грабежом, и устроил ему великую резню. Как пишет Иоганн Куспиниан в жизнеописании упомянутого императора Льва, в Болгарии пало примерно тридцать две тысячи арабов. Некоторые авторы придерживаются мнения, что Тервел был первым болгарским царем, принявшим христианскую веру. Более того, он не ограничился одним лишь крещением: оставив трон своему первородному сыну при условии, что тот сохранит болгар в вере, которую они приняли, он добровольно одел монашеское одеяние. Узнав же, что его сын склоняет болгар к оставленному идолопоклонству, он снял монашеское одеяние и немедленно вернулся на трон. Подчинив сына своей власти, он безжалостно ослепил его и, заключив в темницу, обрек на крайние лишения. После этого он передал власть второму по старшинству сыну при том же условии, призывая его извлечь урок из примера своего брата. Сам же, вернувшись к монашеской жизни, окончил жизнь в святости. Если все обстояло именно так, то болгары, очевидно, вновь впали в язычество. Зонара в жизнеописании императора Михаила Бальбы говорит, что другие придерживаются общего мнения, что болгары познали Христа при короле Мартине (Martino), которого греческие историки именуют Муртагом, а Иоганн Авентин (IV) — Ормортагом (Ormortag).

Вскоре после смерти Тервела умер и его сын, правивший его державой. Посему болгары избрали своим королем Асеня Великого, которого греки искаженно именуют Асаном, или Хасаном. Сразившись с арабским халифом аль–Баталлой II (Gualdi secondo), он разбил его и уничтожил двадцать тысяч арабов. За возвращение империи Армении и Мидии император Лев удостоил его титула короля. Асеню наследовал Добр, который дал имя Добруджа области, лежащей по эту сторону Дуная. Он не раз с переменным успехом воевал с римлянами. На тринадцатом году правления императора Константина V он отправил посольство к упомянутому императору за новыми договорами и соглашениями, касающимися некоторых крепостей, которые он построил. Император принял посла Болгарина без должного почета, и между ними установились враждебные отношения. Посему Добр совершил набег до Длинных стен и вернулся домой с большой добычей. Константин, узнав об этом, отправился в поход на Болгарию. У Врбань- ских (Verbagna) теснин его встретил Добр со своими болгарами и, перебив многих римлян, взял большой полон. Среди пленных оказались претор Фракии патрикий Лев и [другой] Лев, казначей того похода. Захватили болгары и

оружие и доспехи — так позорно отступили римляне! Однако после этого, либо потому, что Добр вел тайные переговоры с римлянами о заключении договора о мире, либо потому, что слухи об этом намеренно распускались его завистниками, чтобы сделать его ненавистным для своих, которые всей душой были против упомянутого мира, болгары, как пишет Зонара, восстали и перебили всех бывших среди них членов королевского рода, поставив королем тридцатилетнего Телевция (Teleuzia), или Тельца (Telese). К императору тогда перебежало множество славян, которых он поселил на Артане (Artana). Выступив во Фракию, император послал вверх по Евксинскому понту флот из восьмидесяти судов, на каждом из которых было по двенадцать коней. Телевций, узнав, что против него перебрасываются силы по морю и по суше, обратился за помощью к соседним племенам. Получив от них подкрепление в двадцать тысяч воинов, он почувствовал себя в полной безопасности. Император, прибыв на место, разбил лагерь на Анхиальском поле. В последний день июня явился Телевций с огромным воинством. Оба войска сошлись в битве, и очень долго никто не мог одержать верх. В конце концов, Болгарин дрогнул и устремился в бегство. Продолжалась упомянутая битва с пяти часов утра до самой ночи. Несметное число болгар пало, многие попали в плен, многие покорились императору. Император, распираемый от гордости за одержанную победу, захотел сделать ее свидетелем весь Константинополь. Под восторженные крики народа он вошел в город строем в полном вооружении, везя на повозках связанных болгар, которых он приказал обезглавить за Золотыми воротами. После этого болгары, подняв мятеж, убили Телевция и поставили вместо него Сабина, зятя их прежнего государя Кормисоша (Comersio). Позднее, когда упомянутый Сабин отправил к императору посольство с просьбой о мире, болгары, собравшись вместе, резко ему воспротивились, говоря: «По твоей вине (как мы видим) Болгария сделалась рабой римлян, чего славянский, или болгарский, народ вынести не может!» Сабин, видя, что возбудил к себе ненависть в народе, бежал в крепость Месемврия и отправился к императору. Иоганн Куспиниан в жизнеописании императора Константина V пишет, что Сабин был свергнут своими за то, что он примкнул к ереси упомянутого Константина, отвергнув почитание икон. Посему болгары избрали себе другого государя по имени Паган. Тот попросил императора о личной встрече и, получив согласие, в сопровождении своих бояр (Boiari), или, как их называет Зонара, боляр (Boialdi), прибыл на переговоры. Император, восседая [на троне] в сопровождении Сабина, принял Болгарина со всей его свитой и, укорив за смуту и напрасную ненависть, которой они воспылали по отношению к Сабину, заключил с ними (как они думали) мир. Несмотря на это, император, тайно послав [своих людей] в Болгарию, схватил государя северян, славянина (Slavino), который совершил немало злодеяний во Фракии. Схвачен был [также бывший] христианин из хрис- тиан–ренегатов (Christiani Margariti), который был главарем скамаров (Scauri). Отрубив ему у св. Фомы руки и ноги, привели лекарей, чтобы те заживо рассекли его от груди до срамных частей для изучения внутреннего строения тела, и после этого сожгли. Император, обнаружив, что Болгария по причине коварно заключенного мира никем не охраняется, немедленно выступил из города и через теснины вторгся в Болгарию, дойдя до Цит (infino alle Zite). Предав огню все города на своем пути, он вернулся обратно, не совершив ничего достойного. Это подвигло болгар на восстание. Свергнув Пагана, они возвели на престол полководца по имени Телериг (Telerico), который без промедления принялся отражать нападения со стороны императора и немало в этом преуспел. Император, видя такую дерзость Болгарина, пошел с большим флотом на Анхиал. Однако во время поднявшейся бури почти все корабли, сталкиваясь друг с другом, получили пробоины, и погибло великое множество моряков, союзников и ратников. Посему, ничего не добившись, император вернулся восвояси. После этого, на тридцатом году своего правления, в марте, император послал морем свой флот в две тысячи хеландий (то есть шаланд (Palandree) и плотов (Trauate)), чтобы перевезти конницу и пехоту для войны с Болгарией, а сам, сев на красные хеландии (Chelandie rosse), направился к Дунаю, чтобы войти в него [и подняться] вверх [по течению]. Командиров конных отрядов он оставил у теснин, чтобы они, если удастся, вторглись в Болгарию, так как все внимание болгар будет отвлечено на него. Однако по прибытии в Варну (Вагпе) им

овладел великий страх, и он стал подумывать о возвращении обратно. Болгары, столь же напуганные, опасаясь за свою судьбу, послали к нему боярина Цигатона (Hoila,& Zigatone) с просьбой о мире. Император, увидев посла, обрадовался и заключил мир. Обе стороны принесли клятву: болгары — что не станут больше нападать на Романию, император, со своей стороны — что не будет пытаться вторгнуться в Болгарию. После составления и скрепления грамот обеими сторонами император вернулся в Константинополь. Однако в октябре он получил известие из Болгарии от своих тайных друзей, что болгарский король собирается послать двенадцатитысячное войско во главе с боярином, чтобы захватить Берзитию (Berzitia) и увести в полон в Болгарию всех ее жителей. [В это время] у него находилось посольство от Болгарина. Поскольку упомянутое посольство еще не покинуло Константинополь, император приказал перевезти [на другой берег] знамена и прочее снаряжение, необходимое для обслуживания императора, сделав вид, что отправляется со своим войском в поход на арабов. Узнав из донесений отправленных в разные концы лазутчиков, что болгары отбыли в поход, он поспешно выступил со своим войском. После соединения с частями Фракесийской фемы (Tassati, & i Tracesiani) и гвардией у него в распоряжении оказалось восемьдесят тысяч воинов. Пройдя маршем без звука труб до местечка под названием Лифосория (Lustoria) он напал на болгар и обратил их в бегство. Одержав над ними великую победу, он возвратился домой с большим полоном и несметными трофеями. Посему болгары были вынуждены просить мира. Несмотря на это, на тридцать четвертом году своего правления Константин без всякой причины разорвал мир и, вновь снарядив большой флот, отправил морем двенадцатитысячное войско со всеми своими полководцами. Сам же он побоялся плыть и остался с конницей. Когда флот, дойдя до Месемврии, вошел в нее, поднялся сильный северный ветер. Неистовая стихия испортила и разбила почти все корабли, унеся немало жизней, и [император], ничего не добившись, вернулся домой. Болгарский король Телериг, догадавшись, что обо всех его намерениях становится немедленно известно императору от его болгарских друзей, отправил ему следующее послание: «Я хотел бы бежать и искать у тебя убежища. Посему пришли мне охранную грамоту и укажите своих друзей, которым я мог бы без опаски открыть свои намерения». Император с непростительным легкомыслием написал ему, кто были эти друзья. Телериг, узнав их имена, приказал четвертовать [предателей]. Когда известие об этом дошло до императора, он долго рвал на себе волосы. Начав еще один, последний, поход на болгар, он заболел ножным карбункулом и умер. Некоторое время спустя болгарские бояре, возбудив чернь против Телерига, вынудили его бежать к императору Льву Копрониму, сыну Константина. Тот радушно принял его и, удостоив титула патрикия, дал в жены Ирину, двоюродную сестру своей жены. Крестив его, он сам стал его воспреем- ником, оказав великий почет и явив сердечную любовь. Вместо него болгары избрали Кардама, мужа преклонных лет. Собрав войско, Кардам немедленно выступил в поход на Фракию против римлян. Император, которым был тогда Константин VI, сын Ирины, выступил ему навстречу. У крепости под названием Пробат (Delprobar) на реке Св. Григория он встретился с Кардамом. После стычки, произошедшей ближе к вечеру, те, кто были с римлянами, убоявшись, бежали под покровом ночи и бесславно вернулись назад. Однако и болгары были охвачены страхом и повернули домой. В июле того же года Константин вновь выступил с войском на болгар и возвел крепость Маркели (Marcelli). Двадцать первого числа упомянутого месяца Кардам встретил его со всем своим войском. Император, положившись на свою беспримерную смелость и поверив лжепророкам, сулившим ему победу, без всякого порядка ринулся на неприятеля. Получив мощный отпор, он был обращен в бегство и вернулся в Константинополь. В этой битве, помимо множества простых воинов, он потерял многих первых царедворцев: магистра Михаила, драконария Лахану (Lachana gragone), патрикия Барду, протоспафария Стефана, а также Никиту и Феогноста, бывших некогда преторами, и немало других царедворцев. Вместе с ними погиб и Панкратий, лжепророк и астролог, который предсказал императору победу. Болгары в этом сражении захватили обоз, деньги, коней, ковры со всей царской утварью. На шестом году правления Константина Кардам отправил к нему посольство с требованием уплаты обычной дани, угрожая, в случае отказа, лично возглавить набег на

всю Фракию и дойти до Золотых ворот. Император, отослав ему конский навоз, ответил, что, учитывая его преклонный возраст, ему не стоит утруждать себя столь дальним путешествием в Константинополь, тем более что он сам вскоре навестит его в Болгарии. Георгий Кедрин в том месте, где упоминает об этом посольстве Болгарина, не говорит, что император отослал ему навоз. По его словам, он лишь ответил, что уже отдал ему сполна все то, что должен был отдать по договору. Итак, обе стороны, собрав большие рати, сошлись для битвы. Болгарин, видя, что вынужден сражаться в крайне невыгодной позиции, воздержался от схватки. Отступая восвояси, он нанес большой урон римским владениям. По возвращении домой он заболел лихорадкой и через несколько дней отправился на тот свет. Его преемником был Крум (Crunno), муж большой отваги. Как пишет Паоло Эмилио (III), в междоусобной войне между Кадалохом (Cadalo) и славянином Аюдевитом, правителями Пан- ноний, он примкнул к Людевиту. Последний, заручившись поддержкой Крума, напал на Борну, достойного наместника императора Западной [Римской] империи в Далмации, и изгнал его из большей части земель упомянутой провинции. Болгары после этого вступили в спор с франками о границах Панноний. Вначале переговоры велись через послов (Oratori) в спокойном духе, но затем перешли к угрозам. Видя, однако, что вместо слов император грозит мощным войском, они заключили мир. Крум, по обычаю своих предшественников, постоянно беспокоил набегами фракийские области и грабил римлян. Когда император Никифор на седьмом году своего правления послал жалованье римским солдатам, служившим в Струмице, налетели болгары и отняли у них тысячу сто фунтов золота. Перебив множество римлян, включая главнокомандующего и других высших чинов, которые там были, они захватили всю солдатскую амуницию и вернулись домой. В том же году перед Пасхой Крум, выступив со своими отрядами, захватил Сардику и, помимо великого множества другого люда, перебил там шесть тысяч римских солдат. Это привело Никифора в такую ярость, что он почти лишился рассудка. Посему он вместе со своим сыном Ставра- кием начал подготовку к войне с болгарами. В июле, выступив из Константинополя, он повел с собой войска не только из Фракии, но и из более удаленных областей. Начал он упомянутый поход на болгар девятнадцатого числа упомянутого месяца. Однако еще до вторжения в Болгарию его любимый слуга Византий сбежал к Круму из Маркели, прихватив с собой императорское облачение и сто фунтов золота. Многие полагали, что это бегство сильно ударило по Никифору. Через три дня после первых стычек он уверовал в свою удачу. Однако не Богу он приписывал победу, уповая на удачливость и рассудительность одного только Ставракия, и грозил военачальникам, которые были против его участия в походе. Он приказал также убивать скот, детей и [стариков] всех возрастов без всякого снисхождения, не позволяя людям хоронить трупы своих соплеменников. Его занимал лишь сбор добычи. Он приказал повесить крепкий замок на ризницу Крума, приказав охранять ее как свою собственную, и отрезал уши и другие члены бедным христианам, если те хотя бы притрагивались к упомянутым сокровищам. Он также сжег палаты (Sala), носившие называние «Крумов двор». Крум, хотя это и унижало его достоинство, обратился к нему с такими словами: «Раз ты победил, то возьми то, что тебе любо, и уйди с миром!» Однако Никифор, будучи противником мира, не принял его предложения. Тогда Крум, разгневанный его злонамеренностью, послал во все входы и выходы из страны много леса и приказал закрыть их деревянными укреплениями, усилив охрану теснин. Никифор, узнав об этом, после скитаний по стране пришел в отчаяние и, предсказывая всем бывшим с ним грядущее предательство, сказал: «Даже если бы у нас были крылья, ни для кого нет надежды на спасение». Упомянутые приготовления заняли два дня недели, то есть четверг и пятницу, а в ночь на субботу перед Никифором предстало огромное разъяренное войско. Заслышав, как подходят неприятельские отряды, у всех, кто был с императором, подкосились ноги от страха. И все они без всякого сострадания были преданы смерти. Среди погибших были: патрикии Аэций Петр и Сисиний Трифил, а также патрикий Феодосий Салибара, причинивший немало зла и горя прежней императрице Ирине. Были убиты: эпарх, патрикий и командующий восточными силами (gouernatore de' Levantini), многие протоспафарии, спафарии, дворцовая охрана, начальник охраны, или друнгарий императорской гвардии, претор Фракии, многие командиры отрядов и несметное

число воинов. В этом сражении, произошедшем под Славмиром (Slaumir) недалеко от Никополя, погибли все римляне. В руки врага попало все оружие и домашняя утварь императора вместе со всем его серебром. Болгары проявляли тогда такую жестокость, что Павел Диякон, рассказывая об этом сражении, говорит: «Не приведи Бог, чтобы христианам когда-либо еще пришлось пережить бесчестье такого поражения, которого не оплачешь никакими слезами. Крум, обезглавив Никифора, насадил его голову на вилы и выставил на всеобщий обзор в знак своей победы и унижения всех греков. Затем, отрубив шейную кость и удалив кожу (catena), он сделал из черепа чашу, обитую золотом, и распивал из нее вино со своими боярами и другими славянскими государями». После этого он приступил к осаде города Топира (Tomiri), называемый ныне Русион (Castello de' Russi). Римляне, видя, что положение их ухудшается, свергли сына Никифора Ставракия, который, получив множество ранений, чудом сумел вернуться с болгарской войны, и поставили императором куропалата Михаила, называемого также Рангаве (Rangabo). Он предпринял поход против болгар, но не совершил ничего достойного — Болгарин после осады захватил Девельт, уведя всех его жителей вместе с епископом, и император был вынужден вернуться обратно. На втором году его правления Крум, горя желанием схватить неких болгар, перебежавших от него к римлянам, послал одного их своих бояр по имени Драгомир к императору с предложением заключить мирный договор на тех условиях, которые при Феодосии Адрамитине и патриархе Германе были включены в договор, присланный тогдашнему болгарскому государю Кормесию (Cormesio): что границей будет Милеон Фракийский (Ameleon Tracese); что ему полагается одежд, или красных кож на пятьдесят фунтов золотом и, кроме этого, что обе стороны должны выдавать и высылать перебежчиков, а также тех, кто в будущем окажется предателем своего государя. И что купцы обеих держав должны иметь патенты, скрепленные печатью своего государя, и, если у кого-либо из них не окажется патента, то все его добро может быть отобрано и изъято в казну. Кроме этого, Крум написал императору: «Если будешь долго раздумывать над заключением мира, я пойду на Месемврию». Однако император по наущению худых советников не принял мира. Под предлогом ложного благочестия и сострадания, [якобы] заботясь о репутации империи, они говорили, что не подобает ни выдавать, ни предавать тех, кто бежал и нашел убежище под крылом империи, приводя евангельское изречение, гласящее: «Приходящего ко Мне не изгоню вон». Посему в середине октября полки Крума направились в сторону Месемврии с машинами, таранами и прочими стенобитными орудиями, которые он научился делать из-за неосмотрительности императора Никифора, который был сущим несчастьем для Римской империи. [Дело было так]. Некий араб, принявший христианство при Никифоре, был большим мастером в изготовлении таких машин. Никифор, послав его в Адрианополь, не только не дал ему никакой надбавки, но, сократив его жалованье (поскольку тот вечно роптал на этот счет), приказал хорошенько выпороть. Оскорбленный араб бежал к болгарам и научил их сооружать всевозможные машины. С помощью упомянутых машин Крум до конца упомянутого месяца овладел городом, и никто не осмелился дать ему отпор. Ошеломленный этим известием император немедленно, первого ноября, послал за патриархом, чтобы посоветоваться с ним о мире. При этом присутствовали также митрополиты Никейский (Niceno) и Кизикский (Ciziceno). Патриарх и митрополиты вместе с императором были за принятие условий мира, а худые советники вместе с игуменом Студийским (Rettore dello studio) Фе- одосием — против, говоря, что никто не заключает мир, отметая божественные заповеди. Когда все это происходило, первого ноября [на небе] появилась комета в форме двух ярчайших лун, которые сходились и расходились на разные лады, так что казалось, что они образуют человеческую фигуру без головы. И на следующий день пришло печальное известие о падении Месемврии, повергнувшее всех в величайший ужас от ожидания еще больших бед. Враги же нашли в Месемврии изобилие всего, что необходимо для удобства жителей и граждан подобного города, и владели им наряду с Де- вельтом. В Девельте они обнаружили тридцать шесть бронзовых пушек, которые извергали на неприятеля жидкий искусственный огонь, а также огромное количество золота и серебра. Вскоре после этого, в феврале, бежавшие от болгар римляне принесли императору весть о том, что Крум собирается

внезапно напасть на Фракию. Пятнадцатого числа упомянутого месяца император выступил из города, но вернулся, ничего не совершив. После взятия Месемврии император, отказавшись заключать мир с Крумом, приказал, чтобы солдаты, собранные из разных областей, до наступления весны отправились во Фракию, что вызвало всеобщий ропот, особенно у каппадокийцев и армян. В мае император сам выступил со своими [легионами], и вместе с ним его супруга Прокопия отправилась проводить его до акведука близ Гераклеи. Войско, негодуя на это, поголовно злословило и осуждало Михаила. Двенадцатого мая, когда по часам был восход, произошло солнечное затмение в двенадцатом градусе Тельца, и Крума охватил величайший ужас. Император с военачальниками и войском совершал маневры по Фракии, но не шел на Месемврию и не предпринимал ничего из того, что могло бы нанести урон противнику, следуя бессмысленным указаниям своих советников, которые, не имея никакого военного опыта, твердили, что неприятель не осмелится вступить с ним в бой. Вопреки этому в начале июня Болгарин выступил со своим войском. Опасаясь численного перевеса сил императора, он повернул войско на Версиникию, которая находилась примерно в тридцати милях от лагеря императора. В состоявшемся позже сражении римляне были разбиты, и болгары с большой добычей вернулись домой. Вину за это поражение римлян Зонара возлагает на Льва Армянина, командующего восточными силами, который сменил Михаила на престоле. Лев, страстно домогаясь власти, стал в начале сражения бранить и бесчестить императора перед войском, говоря, что он изнежен и малоопытен в военном деле. После этого, приказав своим легионам следовать за ним, он покинул строй. Это и послужило причиной поражения римлян. Император, бежав, спасся с горсткой своих [приближенных], оставив в распоряжении врага укрепления и шатры со всем своим обозом. За это римляне лишили власти Михаила и отдали ее Льву Армянину. Однако через шесть дней после избрания Льва императором Крум, оставив своего брата с войском осаждать Адрианополь, выступил с болгарской конницей и осадил Константинополь от Влахернских стен до Золотых ворот, проявив всю свою доблесть. Пристально рассмотрев стены города и увидев слаженные действия императорских полков, он убедился в бесполезности осады и обратился к переговорам. Однако перед заключением мира он попытался овладеть Константинополем, расположив к себе его граждан. Император, воспользовавшись этим, попытался устроить ловушку для Крума, но не сумел довести дело до [успешного] завершения из-за неловкости тех, кому было доверено исполнение этого замысла. Им все же удалось ранить Крума, но рана оказалась несмертельной. Крум из-за этого впал в такое неистовство, что, как умалишенный, помчался к Св. Маманту (Santa Mama) и сжег дворец, который там находился. Затем, погрузив на телегу бронзового льва с ипподрома, медведя, дракона (Dragoncello), плиты из камня и отборного мрамора, он возвратился назад и захватил находившийся в осаде город Адрианополь. Оттуда он увел в Болгарию множество христиан, и среди них епископа Мануила, а также отца и мать Василия, ставшего впоследствии императором и получившего прозвище Македонянин, вместе с самим Василием, который в ту пору был еще ребенком. Живя там, упомянутые христиане обратили многих болгар в Христову веру и распространили по всей Болгарии христианское вероучение. После кончины Крума (именуемого греческими историками Друном (Drune)) власть перешла к его брату Омуртагу (Murtag) (именуемому некоторыми Ормуртагом (Ormortag), а Кедриным — Критагом (Crytag)), который оказался гораздо свирепее своего брата. Видя, что болгары постепенно переходят к христианству, он воспылал гневом и, призвав к себе епископа Мануила и его главных соратников, начал вкрадчивыми речами убеждать их отказаться от христианской веры и принять веру болгарскую. Не сумев ничего от них добиться ни обещаниями, ни угрозами, он умертвил их, запытав до смерти. Позднее, потерпев несколько поражений от римлян и оказавшись не в состоянии противостоять им, он заключил с римлянами перемирие на тридцать лет и выдал всех пленных. Среди пленных, собравшихся для отбытия на свою родину, он увидел вышеупомянутого Василия, миловидного отрока, который смеялся и лихо отплясывал посреди толпы. Подозвав его к себе, он взял его на руки и, поцеловав, угостил яблоком редкой величины, которое тот, сидя на коленях у Болгарина, с радостью принял. После заключения (как было сказано) перемирия с римлянами

Омуртаг не раз вступал в схватку с войском, которое император Западной [Римской] империи Людовик, сын Карла Великого, держал на его границах. По причине этих взаимных споров Омуртаг отправил к Людовику послов. Речи послов и послания от Болгарина озадачили и, как пишет Аймоин (IV), изумили Людовика. Для выяснения истины он отослал к болгарскому королю вместе с упомянутыми послами некоего Махельма (Machelino) из Баварии, велев ему расследовать причину упомянутого посольства. Некоторое время спустя находившийся в Ахе- не (Acquisgrana) Людовик, получив донесение, что болгарские послы находятся в Баварии, велел задержать их там до своего [особого] распоряжения. Узнав, что его аудиенции добиваются также послы от бодричей (Abroditi) — которых принято называть предецентами (Predenecenti), — живших у болгарских границ в Дакии на Дунае, он велел их незамедлительно принять. Явившиеся к нему послы стали жаловаться, что болгары без всякого на то права постоянно разоряют их земли, и попросили о помощи в борьбе с ними. Император велел им отправляться домой и там ждать, пока не прибудут послы от болгар. Упомянутых болгарских послов он принял в мае в Ахене, где был созван собор по установлению границ между болгарами и франками. Выслушав послов, он отослал их в Болгарию к королю Омуртагу со своими посланиями. Омуртаг, выслушав послов, велел им, поспешно вернувшись к императору, просить его незамедлительно признать упомянутые границы и пределы, или же пусть каждый отстаивает их по своему разумению и в меру своих сил. Император не дал ему скорого ответа, поскольку распространились слухи о смерти Омуртага. Для выяснения истины он послал палатинского графа (Conte del suo palazzo) Бертриха к маркграфам Бальдриху и Герольду, стражам границ с аварами в Каранта- нии. По его возвращении, узнав, что слухи о смерти Омуртага неверны, император вызвал к себе болгарских послов и отослал к их государю без каких-либо посланий. Посему разгневанный Болгарин принялся непрерывно разорять владения Людовика. Вторгшись в Верхнюю Паннонию, он предал ее огню и мечу. Раздосадованный этим Людовик, считая, что причиной этого послужила нерасторопность герцога Фриули Бальдриха, отозвал его из упомянутой провинции и доверил ее управление четырем маркграфам, опытным военачальникам, наказав им впредь не допускать вторжений Болгарина в глубь страны. Болгарин, находясь в мире с Восточной [Римской] империей, по собственной воле пришел на помощь императору Михаилу Бальбе в борьбе с Фомой, пытавшемся всеми способами захватить власть. Придя со своим войском в селение Кидукт (Cedotto), он привел Фому в большое смятение, поскольку тот не мог одновременно сражаться и с городом и с болгарами. Посему Фома со всем своим войском повернул на Омуртага. Омуртаг, вступив с ним в битву, одержал победу, перебив немало вражеских воинов и захватив остальных в плен. После этого болгары, исполненные великой гордости, с большой добычей вернулись домой. Позднее, когда власть в империи перешла к Феодоре, вдове императора Феофила, Омуртаг отправил к ней посольство с угрозой разорвать заключенный им договор о перемирии. Императрица ответила, что не желает ничего более, чем пойти и дать ему такой отпор, на какой она только способна. Если же, с Божьего позволения, победа останется за ней, то пусть он поразмыслит, каким стыдом для него это обернется. Если же победит он, то эта победа принесет ему мало чести или не принесет чести вовсе. Болгарин, получив такой ответ, отказался от намерения вести войну и решил (как и прежде) возобновить договор, заключенный им некогда с римлянами; и двинулся с большим войском на славян, которые жили в Паннонии и совершали опустошительные набеги на Болгарию. Битва Омуртага с упомянутыми славянами была долгой и жестокой — ни те, ни другие не желали ни на йоту уступать противнику в воинской славе и доблести. Однако болгары, как пишет Аймоин (IV), приведя несметное число пехоты и конницы, постоянно вводили в бой свежих воинов взамен обессиленных и павших, и славяне потерпели поражение. Главной же причиной поражения славян было то, что они в самом начале недооценили силы болгар. Изгнав из упомянутой области славянских государей, Омуртаг поставил в ней правителей из болгар. Сестра Омуртага, оказавшись некогда в плену, была уведена в Константинополь. Живя при дворе императора, она была крещена и наставлена в Писании, а после заключения мира с Омуртагом возвращена своему брату. В обмен на нее

Омуртаг выдал римлянам Феодора Куфару, которого держал в плену. Вернувшись в Болгарию, она стала прилагать все усилия к тому, чтобы обратить брата в христианскую веру, о которой не раз с ним беседовала, справляя в меру своих сил все священные таинства. Омуртаг, хотя и слышал об этом прежде от Куфары, не желал отступать от своей веры, пока не оказался вместе со своими подданными вынужден к этому [силой обстоятельств]. Когда вся его держава страдала от чумы и голода, он впал в отчаяние и не знал, на что решиться. Посему он решил прибегнуть к помощи Того, о Ком не раз упоминала его сестра — Иисуса Христа. Он стал молить его о спасении от стольких бед, и его молитва была столь убедительной для Господа, что была незамедлительно услышана. Увидев это, он отправил посольство с просьбой прислать к нему мужа, который мог бы наставить его в вопросах веры и совершить над ним обряд крещения. К нему незамедлительно был отправлен епископ, отменно исполнивший упомянутую службу. Как пишет Кедрин, была и другая причина, по которой упомянутый государь утвердился в христианской вере. Испытывая чрезмерную страсть к охоте и, посему, желая наслаждаться ей как на выезде, так и у себя дома, он построил новый дворец и приказал монаху Мефодию, превосходному живописцу родом из Рима, украсить весь упомянутый дворец живописью, изобразив разные виды животных. И, не без божественного соизволения, случилось так, что он не назвал, каких именно животных он хотел бы видеть изображенными. Оставив это на усмотрение живописца, он сказал лишь, что животные должны быть ужасны видом. Поэтому честный монах, не умея изобразить ничего более ужасного, написал Второе пришествие Христа. Болгарин, увидев с одной стороны изображение сонма праведников, а с другой — мучений, уготованных грешникам, решил целиком отказаться от предрассудков своих предков. Первые вельможи его державы, возмутившись этим, хотели его свергнуть, но он, приказав нести перед собой крест, с малыми силами одолел их и заставил принять христианство. Платина в жизнеописании папы Николая I пишет, что болгары познали Христа при этом папе, и что Адриан II послал к ним трех епископов для наставления их в христианской вере: [субдиакона] Сильвестра, Леопарда [из Анконы] и Доминика из Тревизо. Лупольд, [епископ] Бамберг- ский, в большей степени, чем остальные, опиравшийся на болгарские летописи и греческих авторов, утверждает, однако, что при императоре Людовике I к болгарам прибыли два епископа для наставления их в христианском вероучении. Согласно «Истории франков» (La Storia di Francia), болгары познали Христа в 882 году. Бьондо во 2–й книге II декады открыто это отрицает, говоря, что болгары, приняв христианство задолго до этого и сделавшись потом схизматиками, в бытность королем Далмации Сверопила приняли католическую веру. То же самое утверждает и автор «Registrum cronicarum». Он пишет, что римский папа Николай I направил к болгарам епископов и священников, чтобы изгнать из их страны еретика Фотина (Fotino), заразившего [Болгарию] своим лжеучением; и что вскоре после этого болгары, соблазненные многочисленными дарами и щедрыми посулами константинопольских иерархов, изгнали латинских священников и приняли греческих. Впоследствии это привело к многочисленным спорам и раздорам между латинянами и греками. Вернемся, однако, к рассказу о короле Омуртаге. Доведя болгар до упомянутого [незавидного] состояния, он отправил послание константинопольской императрице, прося ее дозволить его народу, жившему в немалой тесноте на ограниченном пространстве, расширить свою территорию и даровать ему еще немного земли, дабы через это привязать к себе болгар и заключить с ними мир на вечные времена. Императрица милостиво вняла его просьбе и уступила ему всю область Верея (Ferrea), которая прежде отделяла болгар от римлян. Этот край болгары на своем языке нарекли Загорой (Zagorie). Епископство упомянутой области император Лев Философ подчинил адрианопольскому архиепископству горы Гем. Долгое время после этого болгары жили с римлянами в дружбе — вплоть до времени Симеона Лабаса. Он наследовал болгарский трон после Омуртага или, как считают болгары, после Бориса I и на месте селения Огиг (Oggige) основал Великий Преслав (Prislaua Maggiore). Этот город, лежащий у подножия Гема, долгое время находился во власти болгар. При упомянутом Симеоне из-за неких несправедливых податей, взимавшихся римлянами с болгарских купцов, болгары начали войну с римлянами. Оба войска, выступив в поход, сошлись в битве во Фракии. Римляне были разбиты, а их

военачальник убит. Попавших в плен римлян Болгарин отослал в Константинополь, предварительно отрезав им носы. Разгневанный этим император немедленно отправил посла с множеством подарков к жившим на Дунае венграм, прося их совершить. вторжение в Болгарию, сам же тем временем стал готовить большое войско для войны на суше и на море. Однако перед началом боевых действий император, которым был тогда Фока, отправил к Болгарину посла с предложением мира, но примирения не последовало. Симеон, опасаясь, что упомянутый посол, прикрываясь своей миссией, прибыл, чтобы разведывать и высматривать, бросил его в темницу и стал готовиться к походу против Фоки. Во время этих приготовлений в его владения вторглись венгры, нанося им большой урон, и Симеон был вынужден, отложив поход против Фоки, защищаться от венгров. В сражении с ними он был разбит, многие из его воинов пали, а остальные попали в плен. Сам Симеон сумел бежать и укрылся в Доростоле (Dorostolo), или Дристре (Drista). Император выкупил у венгров всех болгар, попавших в плен. После упомянутого поражения Симеон отправил посла к императору, которым был тогда Лев Философ, для обсуждения условий мира. Император, поверив в искренность намерений Болгарина, послал для заключения мира Хиросфакта (Cherosfatto), однако Болгарин, удержав у себя Хиросфакта, отправился в поход на венгров. Разбив и обратив в бегство венгров, он опустошил их земли и написал императору, что не заключит с ним мира до тех пор, пока тот не вернет ему всех болгар, томящихся у него в плену. Посему император решил сразиться с ним и, вызвав все восточные и западные легионы, пришел дать бой болгарам. Болгары, помня о воинской славе и доблести своих предков, бились отважно и одержали победу, после которой принялись непрестанно опустошать римские владения. Император, желая положить этому конец, заключил вынужденный мир с болгарами, и соблюдал его, пока был жив. После его смерти и перехода власти к его брату Александру Симеон направил [к новому императору] посла для подтверждения мира, заключенного со Львом. Упомянутый посол был принят Александром без должного почета, и Симеон вновь развязал войну. Не встретив никакого отпора, он разорил римские владения и возвратился домой с богатой добычей. Тем временем Александр занемог и от разрыва вены, вызванного чрезмерным употреблением вина и пищи, скончался, оставив после себя опекунами над своим девятилетним племянником Константином VII, сыном Льва и Зои, и регентами империи патриарха Николая, магистра Стефана, магистра Иоанна Эладу, ректора [Иоанна] и двух других мужей, возведенных им в достоинство патрикиев. При регентах из-за разлада во мнениях и неуважения к юному императору дела римлян шли все хуже и хуже. Болгарин, рассчитывая воспользоваться этим разладом и без труда овладеть Константинополем, пришел под его стены с большим войском и предпринял несколько попыток взять город приступом. Убедившись, однако, что город не имеет недостатка в защитниках и захватить его невозможно, он отвел войско к Евдому (Hebdomo), где было решено заключить мир. Посему император был препровожден патриархом и другими опекунами во Влахернский дворец. Туда же прибыл и Симеон с двумя своими сыновьями: Баяном, волхвом, превращавшим людей в зверей, и Петром, который вскоре наследовал его трон. Несмотря на всевозможные знаки почтения, оказанные Болгарину, и множество подарков, он соглашался заключить мирный договор с императором только в той форме, на которой настаивал, и никак иначе. Поскольку предложения Болгарина были унизительны для чести императора, греки их отвергли. Посему, получив благословение патриарха и разделив трапезу с Константином, он вернулся к своему войску. Разграбив и испепелив всю Фракию, он стал лагерем под Адрианополем. В древние времена, до того, как император Адриан, расширив его, назвал в свою честь Адрианополем, что по гречески означает «город Адриана», этот город носил имена Тримонциум (Trimontio) и Ускудама (Vstridama). Он стоит на реке Гебр, называемой современными авторами Марицей, в месте впадения в нее Тунджи (Tuns), и расположен целиком на равнине по соседству с многочисленными холмами. Видно, что город этот был весьма велик, если даже в наши дни, когда добрая половина его стен разрушена и уничтожена, их протяженность составляет пятнадцать миль. Лабас, став лагерем под Адрианополем, не располагал силами для его захвата. Страстно желая овладеть им, он, в конце концов, сумел добиться своего с помощью денег.

Несколько подкупленных им солдат гарнизона под покровом ночи предали город в его руки, чем обрекли на великие бедствия его несчастных жителей, потерявших и жизнь и имущество. Константин, видя успехи Болгарина, решил, не полагаясь более на опекунов, довериться любви своей матери, рассчитывая на силу духа и рассудительность, которые она всегда проявляла. Вернув ее во дворец, откуда она была удалена неосмотрительным Александром, он полностью восстановил ее достоинство и разделил с ней власть. И это принесло свои плоды. Восстановив свое положение, Зоя привела с собой во дворец Константина и братьев [Константина и Анастасия, сыновей Гонгилия], сделав братьев камергерами, а Константина — магистром императорской спальни (Maestro di Camera deirimperatore), и изгнала патриарха Николая, Василицу, Гаврилопула и всех остальных бывших приближенных Александра. Устремясь умом и сердцем к возвращению потерь, она вызвала восстание в Адрианополе и вернула город под его исконное ярмо. Не ограничившись этим, она, заключив на востоке мир с арабами и другими враждебными народами, собрала большое войско из восточных и западных легионов и, назначив командующим опытнейшего доместика схол Фоку, послала его против Болгарина. Фока, вступив в битву с неприятелем, одолел его, учинив великую резню. Когда разбитое войско Болгарина уже бежало без оглядки, Фока, изнывавший от жары и усталости, захотел освежиться. Никого не предупредив, он в одиночку покинул поле боя и направился к источнику. Когда он утолял жажду или умывался, его конь, вырвавшись из рук, ускакал обратно к войску. Узнав коня, многие из солдат рассудили, что их военачальник погиб. Придя в смятение, они прекратили сражаться и преследовать бегущих. Симеон, увидев все это с холма, куда он бежал, собрал всех, кого мог, и, восстановив строй, двинулся на солдат неприятеля. Те, оставшись без командира, тут же обратились в бегство. Болгары бросились их преследовать и перебили немалое их число, так что сам Фока с горсткой своих воинов едва успел укрыться в Месемврии, имперском городе, лежащем на Большом море. Императрица, узнав об этом поражении, немедленно отправила приказ Иоанну Воге собирать новое войско, а Роману Лакапину, друнга- рию, то есть адмиралу флота, велела перевезти его на кораблях в Месемврию в помощь командующему против болгар. Однако из-за распрей между Вогой и адмиралом новое войско так и не было собрано, и адмирал (не без надежд на захват власти) вернулся в Константинополь. Туда же вернулся и Вога. Когда каждый из них изложил свои доводы, суд приговорил адмирала, покинувшего войско, к лишению зрения. Однако приговор не был приведен в исполнение из-за заступничества некоторых мужей, имевших влияние на императрицу. Болгарин, воодушевленный победой, подошел к Константинополю, чтобы обложить его осадой. Однако Фока вновь выступил против него. Вступив в сражение, он разбил и обратил его в бегство, учинив такую резню, что лишь немногим удалось спастись. Однако болгарин не мог успокоиться, не овладев Константинополем и всей Римской империей. Посему, как пишет Кедрин, он отправил посла к правителю Туниса Фатлуму с просьбой поддержать его со своими сарацинами с моря, когда он с мощным войском выступит по суше на захват Константинополя. В случае успеха он предлагал совместно разграбить город, поделив добычу, после чего сарацины должны были вернуться назад, оставив город во власти болгар. Это предложение пришлось по душе Фатлуму, и он отправил несколько своих вельмож для заключения договора с Болгарином, однако по пути они были перехвачены калабрийцами и доставлены к императору в Константинополь. Немедленно освободив сарацин, император отослал их домой с множеством подарков. Болгары же были задержаны. Несмотря на это, Лабас вновь совершил опустошительный набег на Грецию. Не встретив сопротивления, он безнаказанно разграбил всю страну и возвратился домой с богатой добычей. Посему император, которым был тогда Роман Лакапин, снарядив большое войско, послал его под началом Пофоса Арги- ра (Potho Argiro) против Болгарина. Когда римляне стояли лагерем у Фермопил (Termopoli), Пофос послал в разведку патрикия Михаила, сына Моролеона, командовавшего тагмой (Perfetto d'vna banda di soldati). Тот по неосторожности попал в засаду, устроенную неприятелем. В отчаянной попытке проложить себе путь оружием он погиб, успев лишить жизни немало врагов. После этого Лабас повел войско на Константинополь. Император, не желая подвергать свои земли разграблению, послал против него свое

войско. В сражении с болгарами римляне потерпели поражение, потеряв множество лучших полководцев и солдат. Остальные, спасаясь от врага, стали бросаться в воду, чтобы добраться вплавь до стоявших неподалеку галер, но были перебиты или пленены. Болгары, расправившись с имперским войском, сожгли стоявший в том месте императорский дворец вместе со всеми остальными постройками на побережье, лежащим против города. Предприняв еще одну атаку на город, они дошли до дворца императрицы Феодоры и, подпалив его, сожгли. Тогда император Лакапин, повелев приготовить пышный пир, созвал на него всех начальников своего войска, и среди них начальника гвардии Сантика (Santicio). За трапезой разговор зашел о болгарах. В своей речи император призвал своих военачальников воспрянуть духом и вновь обрести утраченное мужество для защиты своей родины от болгар, и все как один заявили о своей готовности встать на защиту римского дела. На следующий день Сантик, выступив с большим отрядом, чтобы напасть на болгар с тыла, наткнулся на горстку болгар, занимавшихся грабежом. Сразившись с ними, он, как пишет Зонара, немало потрудился, чтобы их одолеть — болгары, дабы не утратить своей древней славы, завоеванной в войнах с незапамятных времен, предпочли неприятельскому плену смерть с оружием в руках. Перебив великое множество врагов, и в том числе упомянутого Сантика, почти все они погибли. Разгневанный этим Лабас вновь осадил Адрианополь, и остался бы ни с чем, если бы голод не вынудил горожан сдаться. Не ограничившись этим, Болгарин предал жестокому разорению Македонию и Фракию. После этого, подступив с мощным войском к Константинополю, он стал лагерем у Вла- херн. Оттуда он дал знать императору, что желает с ним переговорить. Император прибыл на берег [Золотого Рога] у Космидиона (Comisdio). Туда же прибыл со своей свитой и Симеон. После долгой беседы, не сумев ни о чем договориться, они разошлись. Не помогли и многочисленные богатые дары, которые император поднес Симеону. Как пишет Зонара, на исход этой встречи было указано парой круживших над ними орлов. Схлестнувшись между собой с яростным клекотом, они разлетелись в разные стороны, один в сторону Фракии, другой — Константинополя. Вернувшись домой, Симеон пошел войной на Хорватию (Crabatia), именуемую другими Рашкой (Rassia), которая в то время была в союзе с Римской империей. В битве с хорватами, выступившими ему навстречу, он был разбит и потерял войско в горных теснинах. Тем временем некто принес известие императору, что статуя, стоявшая на вершине свода ксиролофских ворот (la porta di Xerofilo) и обращенная на запад, приняла облик Симеона Болгарина. Если бы у этой статуи голова оказалась отсеченной от торса, то вскоре услышали бы о смерти Симеона. Так и произошло. В скором времени у Болгарина началась невыносимая резь в желудке, которая и свела его в могилу. Ему наследовал его сын Петр, прижитый им от второй жены. Петр, видя, что страна его страдает от жесточайшего голода, и опасаясь, что римляне и другие соседние народы, воспользовавшись этим, нападут на его земли, отправил посольство к римскому императору с предложением обсудить условия мира и скрепить отношения родственными узами. И то, и другое пришлось по душе императору.

Посему Петр, незамедлительно прибыв в Константинополь, заключил мир и женился на внучке императора, дочери его старшего сына Христофора (Christofano). По возвращении Петра домой его брат Иван и другие болгарские вельможи составили заговор против него, однако он был изобличен, и все заговорщики схвачены. Иван был принародно бит и посажен в темницу, все же остальные — обезглавлены. Император, узнав об этом, под предлогом подтверждения договора отправил к Болгарину монаха Иоанна, бывшего прежде настоятелем (Rettore), наказав тому любой ценой освободить Ивана и привести его с собой в Константинополь. Иоанн с большой ловкостью выполнил это поручение. Вызволив Ивана из тюрьмы, он посадил его в Месемврии на галеру, которая отвезла его в Константинополь. В то же самое время Михаил, другой брат Петра, томимый жаждой властвовать, захватил в Болгарии мощную крепость, где нашел себе много сторонников. Поскольку Михаил в скором времени умер, упомянутые сторонники, чтобы избежать гнева Петра, напали на римские владения. Совершив грабительский набег от Македонии [через] Стримон до Греции, они захватили Никополь и, овладев им, там и осели. Однако с течением времени в результате войн с римлянами почти все они были истреблены. После кончины своей жены Петр

захотел возобновить договор с императором и отправил в Константинополь в качестве заложников своих сыновей Бориса (Burisc) и Романа. Когда скончался их отец Петр, им было разрешено вернуться в Болгарию и наследовать отчий трон, поскольку братья Давид, Моисей, Арон и Самуил, сыновья одного из первых болгарских вельмож комитопула (Comitopolo) [Николая], побуждали болгар к восстанию. Через некоторое время в Болгарию с большими силами вторглись венгры, и Борис послал к императору Никифору просить о помощи. Никифор, не придав значения его просьбе, ответил, что честь империи не позволяет ему это сделать. Однако вскоре после этого те же венгры, вторгшись во Фракию, предали ее жестокому опустошению. Император, растерявшись, отправил посла с множеством даров к Болгарину, прося его выступить со своим войском и дать отпор венграм. Однако тот, отвергнув дары, сказал, что честь и польза болгарской короны не позволяют ему это сделать — с венграми у него заключен мир, нарушить который без всякого подстрекательства с их стороны было бы несправедливо. Оскорбленный этим ответом император послал Калокира, сына [протевона] Херсона (Chersone), к русскому государю Святославу (Sfendoslauo), чтобы побудить его выступить против болгар. Калокир сумел повести дело так, что Святослав вторгся в Болгарию и, разграбив ее, вернулся с великой добычей на Русь, и в следующем году сделал это вновь. Подчинив своей власти почти всю Болгарию вместе с царями (Re) Борисом и Романом, он решил перенести в Болгарию свой престол, привлеченный как удобством ее местоположения, так и посулами Калокира, обещавшего (как только он станет императором) немедленно уступить ему всю Болгарию. Однако император, которым был тогда преемник Никифора Иоанн Цимисхий, узнав об этих кознях Калокира, с большими силами выступил против Святослава и, разбив его в битве, вынудил отступить в свою страну. Несмотря на то, что царь Борис со своим войском сражался в упомянутой войне на стороне Русского, император, схватив его, обошелся с ним милостиво. Освободив его, он сказал, что воевал не с болгарами, а со Святославом. Святослав, узнав об этом, приказал немедленно разоружить двадцать тысяч болгар, которые были при нем, и приставил к ним охрану, чтобы они не перебежали к римлянам. Тем не менее вскоре после этого они были освобождены, и царь Борис был препровожден к императору в Константинополь. Император, заставив его снять регалии своего царства, а именно золотой венец, шапку из виссона и сапоги из червленого скарлата, возвел его в достоинство магистра. Помимо этого, Борис уехал из Константинополя в римском платье. Проезжая через лес, он (как говорит Кедрин) был убит одним болгарином, принявшим его за настоящего римлянина. Болгары, узнав об этом, возвели на трон Селевкию (Seleuchia), полководца, исполненного великого духа. Селевкия, не довольствуясь Вереей (Ferrea Prouincia), или Загорой, захватил страну трикорнов (Tricornesi), именуемую ныне Топлицей (Toplizza), овладел и городом Средец (Sredica), который греки искаженно именуют Сердикой (Sardica). На обратном пути в Болгарию его начали мучить приступы боли, и, не доехав домой, он скончался. Ему наследовал Субботин (Subotin), которого греки именуют Сабином II. Никаких сведений о нем у историков не сохранилось, за исключением того, что после его смерти Болгарская держава была практически полностью покорена и порабощена римлянами, однако в таком положении она пребывала недолго. При императоре Василии Багрянородном, который наследовал Цимисхию, болгары восстали и передали власть над своей державой братьям Давиду, Моисею, Арону и Самуилу, сыновьям (как было сказано) комитопула [Николая], поскольку царский род к тому времени уже пресекся, и в живых оставался только сына Петра Роман, который был евнухом. Из упомянутых братьев Давид вскоре умер, Моисей во время штурма Сереса (Serra) был сражен наповал ударом камня, а Арон по приказу своего брата Самуила был убит вместе со всей своей семьей, кроме сына, нареченного двойным именем Иван Святослав. Такая судьба постигла [Арона] потому, что он пытался обрести абсолютную власть над Болгарией, либо потому, что был сторонником римлян — поговаривали и о том, и о другом. Таким образом, Самуил стал единовластным правителем Болгарии. Пока римляне были поглощены своими междоусобицами, он вторгся в западные провинции империи и не только разграбил, но и присоединил их к своим владениям. Он совершил набег на всю Далмацию, где, помимо прочих злодеяний, сжег предместье Рагузы и первый Котор, который был тогда малонаселен.

Георгий Кедрин, рассказывая об этих набегах Самуила на Римскую империю, пишет: «Болгарин Самуил отличался воинственностью и не мог жить мирной жизнью. Он измотал весь Запад своими набегами: опустошив Фракию и Македонию с селениями близ Салоник, он разграбил Фессалию, Грецию и Пелопоннес. Помимо этого, он захватил немало городов и крепостей, самым крупным из которых был город Ларисса, и не раз одерживал верх над римлянами, громя их войска». Так говорит Кедрин. Император, желая обуздать дерзость Самуила, привел войско в Болгарию. Оставив магистра Льва Мелиссина (Leone Melisseno) охранять опасные теснины, он двинулся дальше и осадил Сердику (Sardica). Находясь там, он получил донесение, что Мелиссин, желая овладеть троном с помощью силы, уже устремился в сторону Константинополя. Это нарушило все замыслы императора: он был вынужден снять осаду Сердики и вернуться со всем войском в Константинополь. Болгарин, не осмеливаясь вступать в бой с неприятелем, укрывался в горах. Увидев, что император внезапно изменил свои намерения, он подумал, что тот испугался. Напав на него, он наголову разбил римское войско, овладев шатрами и императорскими регалиями. Император, едва сумев бежать, укрылся в Филиппополе. Посему Болгарин, возгордившись, не только опустошил Фракию, Македонию, Грецию и Морею, но и вторгся в Иллирик, грабя и предавая огню все вокруг. Император, подавив и усмирив все внутренние усобицы и бунты, обратился к отмщению Болгарину и послал во Фракию своего префекта Григория Таронита, чтобы дать отпор Самуилу. Самуил, став против Са- лоник, часть своего войска оставил в засаде и приказал небольшими отрядами совершать набеги вплоть до Салоник. Об этом донесли префекту Григорию, и он послал своего сына Анюта (Asote) разведать численность неприятеля. Ашот по неосмотрительности совершил вылазку именно в то место, где была устроена засада, и был взят в плен. Его отец, узнав об этом, ринулся ему на помощь, но сам оказался окружен болгарами. Доблестно сражаясь, он пал смертью храбрых. Когда о гибели префекта было объявлено императору, он немедленно послал [ему на смену] префекта Запада магистра Никифора Врану (Niceforo Vrano). По прибытии в Салоники тот получил донесение, что Самуил, безмерно возгордившись после убийства вышеупомянутого Григория, миновав Салоникский залив (i Bagni di Salonicchio) и перейдя реку Пеней, в настоящее время опустошает Фессалию, Беотию и Аттику и, проникнув по Коринфскому перешейку, громит Морею. Никифор, подняв войско и пройдя с ним по предгорьям Олимпа в Лариссу, оставил там весь обоз, а затем ускоренным маршем пошел через Фессалию. Миновав Фарсальские поля и перейдя реку Апидан (Epidamo), он стал лагерем на берегу Сперхея (Sperchio) против Самуила. В то время вода в упомянутой реке по причине проливных дождей поднялась настолько сильно, что река вышла из берегов. Посему Болгарин не опасался быть застигнутым врасплох. Никифор тем не менее приказал искать брод. Найдя подходящее место, он приказал войску переправиться на другой берег. Под покровом ночи он напал на беспечно спавших болгар и перебил немалое их число, и никто из болгар не успел взять в руки оружие — так темна была ночь. Самуил и его сын Роман получили тяжелые ранения и попали бы в плен, если бы не спрятались среди трупов и следующей ночью не бежали в Этолийские горы. По их хребту они добрались до горы Пинд, а затем оттуда — до Болгарии. Тем временем Врана освободил римлян, находившихся в плену и, сняв доспехи и оружие с павших болгар, с большой добычей, взятой в неприятельском лагере, вернулся в Салоники. По возвращении домой Самуил освободил Ашота, сына Таронита, и отдал ему в жены одну из своих дочерей, которая, влюбившись в Ашота, угрожала своему отцу лишить себя жизни, если он не выдаст ее за него. Справив свадьбу, он отослал зятя с дочерью в Драч, дав ему эту область в управление. По прибытии туда Ашот, уговорив свою жену, сел с ней на римские галеры, курсировавшие вдоль тамошних берегов для охраны границ. Добравшись на них до Константинополя, он был почтен чином магистра, а его жена — зосты. Император после этого вторгся в Болгарию через Филиппополь, поручив этот город заботам патрикия Феодорокана (Teodocrano). Затем, разрушив множество крепостей в Триадице (Triadiza), вернулся в Моси- нополь (Mosinopoli). В следующем году он послал вышеупомятого Феодорокана и протоспафария Никифора Ксифия (Niceforo Protospatario Xifiano) с мощным войском на захват крепостей, лежащих по ту сторону горы Гем. Захватив Великий Преслав, Малый

Преслав и Плиску (Pliscoba), они вернулись домой. Через год после этого император вновь вторгся в Болгарию через Салоники. [Во время этого похода] Добромир сдался ему вместе с городом Верней (Veggea) и получил от императора чин проконсула. Когда же император пошел на приступ Сервии (Serbie), которую защищал Нико- лица, прозванный так из-за малого роста, то встретил яростное сопротивление. В конце концов, овладев крепостью, он оставил в ней римский гарнизон, а болгар переселил в другое место. Попал к нему в руки и Николица, которого он взял с собой в Константинополь и сделал патрикием. Несмотря на это, Николица, тайно скрывшись, бежал к Самуилу, и оба без промедления ринулись на захват Сервии. Однако, благодаря быстрой помощи со стороны императора, они отказались от своей затеи, и Николица, бежав, вновь попал в руки к римлянам, которые отослали его под охраной в Константинополь. Император, покинув Сервию, восстановил крепости, разрушенные Самуилом. Остальные же крепости, которые удерживал неприятель, он захватил силой, отослав захваченных там болгар в место под названием Волерон (Bolera). Оставив гарнизоны в своих крепостях, он прибыл в Воден (Bodena), крепость, стоящую на отвесной со всех сторон скале, через которую несет свои невидимые подземные воды Островское озеро (palude d'Ostroba) и там выходит наружу. Несколько раз император испытывал дух защитников крепости, убеждая их сдаться по доброй воле, но ничего от них не добился. Посему он начал их непрерывно атаковать и, потерял большую часть своего войска, в конце концов, ей овладел. Удалив из крепости болгарский гарнизон, он отослал его в Волерон. Оставив там гарнизон из римлян, он вернулся в Салоники. Крепость Салоники была отдана в управление военачальнику Дракшану (Draxan), который упросил императора оставить его в Салониках. Там он женился на дочери епитропа (primo Pribatario) церкви Св. Димитрия, от которой у него было двое детей. Однако затем он собрался бежать, был схвачен, но по ходатайству тестя получил свободу. Свою попытку он повторил еще раз и вновь был освобожден. На третий же раз дело не обошлось: бежав, он был схвачен и на месте посажен на кол.

В следующем году император осадил город Видин, и по прошествии восьми месяцев овладел им. Тем временем Болгарин пошел на Адрианополь. Внезапно напав на город в день Вознесения Господня, он захватил его и разграбил. Император, хорошо укрепив Видин, вернулся домой. При приближении к городу Скопье он получил известие, что Самуил разбил лагерь по ту сторону реки Аксий, именуемой ныне Вардаром. Вода в этой реке из-за наводнений, вызванных дождями, сильно поднялась, и болгары, не опасаясь быть застигнутыми врасплох, пренебрегли необходимыми в таких случаях дозорами, но просчитались. Император, найдя переправу, под покровом ночи напал на них, перебив немалое число болгар. Самуил с горсткой своих [приближенных] бежал, а город Скопье был сдан императору Романом, сыном прежнего болгарского царя Петра. Этого Романа, поставленного Самуилом охранять упомянутый город, некоторые [авторы] называют именем его деда Симеона. За это император сделал его патрикием и префектом Абидоса. Покинув Скопье, император подошел к Пернику, который защищал отважный и опытный военачальник Кракра (Cracras). Осаждая этот город, император потратил много времени и потерял многих из своих воинов. Отчаявшись захватить крепость с помощью силы или подкупа, он отступил к Филиппополю, а оттуда отбыл в Константинополь. Каждый год он неустанно посылал из Константинополя в Болгарию войско, предавая все огню и мечу. Самуил же не осмеливался вступить с ним в бой. Видя слабость своих сил, он решил преградить императору доступ в Болгарию с помощью рвов и засек. Зная, что император обычно вторгается через Кимва Лонг (Cimbalongo) и Клидион (Cleidio), он устроил в теснинах засеки и, поставив там сильную охрану, стал поджидать императора. Император, прибыв в упомянутое место, попытался пройти, но получил яростный отпор и был отброшен назад. Когда император уже отчаялся в успехе, префект Филиппополя Никифор Ксифий упросил его задержаться и не прекращать атак, пока он не предпримет обходный маневр. Получив согласие, Ксифий ускоренным маршем обошел гору Беласицу (Balatisto), возвышавшуюся к югу от болгарской засеки, и, поднявшись на ее вершину 29 июля, с оглушающим шумом ударил в тыл болгар. Застигнутые врасплох болгары бежали, и император, увидев, что засеки никем не охраняются, разрушил их и ринулся вперед, преследуя бегущих. Много болгар было тогда

захвачено в плен, а еще больше — перебито. Самуил едва сумел спастись благодаря своему сыну. Яростно отбиваясь от нападавших, он посадил отца на коня и отвез его в крепость Прилеп (Prilapo), или Прилуп (Prilup). Зо- нара в жизнеописании этого императора говорит, что Самуил с войском из пятидесяти тысяч воинов сошелся в битве с императором, у которого их было девяносто четыре тысячи. Римляне одержали победу, захватив в плен почти пятнадцать тысяч болгар. Император приказал ослепить [пленных болгар], оставив на каждую сотню поводыря с одним глазом, и велел явиться в таком виде к своему государю Самуилу. При виде их у Самуила подкосились ноги, и он едва живой рухнул наземь. Затем, немного оправившись, он попросил холодной воды, и с ним случился приступ той болезни, которую греки именуют кардиогмос (Cardiogmo). Эта болезнь и свела его вскоре в могилу. Симеону наследовал его сын Радомир, называемый также Роман или Гавриил, более крепкий и сильный, чем его отец, но менее рассудительный. Он был сыном рабыни из Лариссы и вступил на трон пятнадцатого сентября. Не пробыв на нем и года, он был предательски убит на охоте сыном Арона Иваном Владиславом, которому он спас жизнь, когда Самуил [приказал] убить остальных его братьев. Однако прежде чем это произошло, Самуил послал с большим войском Несторицу, одного из первых вельмож Болгарии, против Феофилакта Вотаниата (Teofilato Botaneata), который стал префектом Салоник после Давида. В битве с ним болгары потерпели поражение, и многие из них попали в плен. Пленных вместе с остальной добычей Феофилакт привел к императору, который находился в ту пору в теснине Клидион (Chlidio). Проведя через них римское войско в Болгарию, император приблизился к Струмице и захватил крепость Мацу- кион (Matzucio), приказав Феофилакту перейти холмы у реки Струмицы и, предавая все огню, устранить все препятствия, которые могли бы помешать его возвращению в Салоники. Поначалу болгары не препятствовали ему делать это, но, когда он собрался вернуться к императору, напали на него в узком проходе, где он не мог ни пройти вперед, ни отступить назад. Там он и погиб с большой частью своего войска. Император, получив известие об этом, загоревал. Не осмеливаясь двигаться дальше, он отступил в Загору, где находилась хорошо укрепленная крепость Мелник (Melenico), стоявшая на высокой скале и окруженная со всех сторон очень глубокими рвами. В ней, как в надежном месте, нашли убежище многие из жителей окрестных мест. Император послал к ним евнуха Сергия, одного из своих тайных камергеров, мужа мудрого и красноречивого. Тот умелыми речами и обещаниями сумел убедить их сложить оружие и сдаться императору. Император милостиво их принял и, оставив в крепости сильный гарнизон, вернулся в Мосинополь. Находясь там, 24 октября он получил донесение о смерти Самуила. Немедленно покинув Мосинополь, он прибыл в Салоники, а затем оттуда направился в Пелагонию (Pelagonia). Не причинив никакого ущерба упомянутой области, [он ограничился тем], что сжег дворец Радомира в Битоле (palazzo Buteliano a Radomir) и, послав небольшой отряд, захватил крепости Прилеп (Prilapo) и Штип (Stipeio). После этого, подойдя к реке Црна, он переправился через нее на плотах и бесчисленных бурдюках и прибыл в Воден (Budena). Покинув Воден, 9 января он прибыл в Салоники. Радомир, мстя за смерть отца, совершил жестокий карательный набег на Фракию. Его конница, дойдя до стен Константинополя, повергла всю Римскую империю в ужас. Император, опасаясь за судьбу империи, вступил в секретные переговоры с Иваном Владиславом, уговаривая последнего отомстить за смерть своего отца, убитого по приказу Самуила вместе с другим его братом, и обещая, если тот сделает это, уступить ему все болгарское царство с городом Драч в придачу. По прошествии некоторого времени Владислав, охотясь вместе с Радомиром, предательски убил его. Тем временем император послал с войском Ксифия и Константина Диогена, сменившего Вотаниата на посту префекта Сало- ник, в Мегленскую область. Когда они, разорив упомянутую область, осадили город, прибыл император. Он приказал отвести в другое русло окружавшую город реку и заминировать его стены. Видя это, жители города испугались и сдались императору вместе с цитаделью. При этом в плен попали кавхан Домициан (Domitiano Caucano), влиятельный советник Гавриила, мегленский князь Илица (Elitze) и другие вельможи, а также немалое число солдат. Всех годных для воинской службы император отправил в Васпуракан (Aspracania), а всех остальных, негодных, отдал своим воинам. Он приказал также сжечь дотла

крепость под названием Энотия (Notia) близ Меглена (Mogleni). На пятый день после прибытия туда императора однорукий римлянин (Cheirotmeto Romano) привел слуг сына Арона Ивана Владислава. [Через них] Иван Владислав извещал императора о том, что лишил жизни и трона своего двоюродного брата Гавриила, обещая при этом быть союзником и другом императора. Император, прочитав послания Владислава, послал ему грамоту с подтверждением всего обещанного, скрепив ее своей печатью. Позднее, видя, что Владислав не держит слово, он вернулся в Болгарию и, разграбив Острово (Ostrouo) с близлежащим местечком Соек и Пелагонское поле, приказал ослепить всех пленных болгар. Дойдя до Охрида, столицы Болгарского царства, он захватил его и, устроив все свои дела, отбыл в Драч, поскольку от его прибытия туда зависело спасение и сохранение упомянутого города. [А дело было вот в чем.] Пока Трибаллия (Trymalia) с близлежащими сербскими городами была под властью короля Владимира, который приходился зятем Самуилу и отличался справедливостью и миролюбием, Драч, как пишет Кедрин, находился в полной безопасности. Однако после того как Владислав убил Гавриила, а затем и своего свойственника Владимира, заманив того с помощью ложной клятвы, данной архиепископом Болгарии Давидом, и обезглавив, территория Драча не раз подвергалась опустошению, как Владиславом, так и его военачальниками. Упомянутый отъезд императора в Драч, с другой стороны, обернулся бедой. Император, идя на Охрид, оставил позади себя конный отряд под началом Георгия Гоницата и протоспафария Ореста с заданием опустошить Пелагонское поле. Однако болгары под предводительством Иванчи (Iuanze), которого греки именуют Ивац (Ibatza), окружили упомянутый отряд и изрубили мечами. Император, оплакивая их гибель, вернулся в Пелагонию и, преследуя Иванчу, дошел до Салоник, а затем — до Мосинополя, послав Давида Арианита с войском на захват Стру- мицы. Тот, стремительно и яростно напав на упомянутые земли, захватил крепость Термица (Termiza). Ксифия с другим войском император отправил на захват крепостей Триадицы. Ксифий, овладев всеми крепостями на равнине, захватил и крепость под названием Войон (Boion). В феврале того же года император отбыл из Константинополя и, прибыв в Триадицу, осадил крепость Перник (Pernico), где провел восемьдесят дней в непрерывных атаках, неся большие потери. Не сумев сломить упорство ее защитников, император снял лагерь и, ничего не добившись, отбыл в Мосинополь. Восстановив там свое войско, он в начале весны вторгся в Болгарию и в результате осады овладел крепостью под названием Лонгон (Longo). После этого он послал Давида Арианита и Константина Диогена в Пелагон- ское поле, откуда они вернулись с немалым числом пленных и скота. Вышеупомянутую крепость Лонгон император приказал сжечь, разделив всех взятых там пленных на три части. Одну из них он отдал русским, своим союзникам, другую — римлянам, а третью оставил себе. Оттуда император пошел на Костур (Castorea). После нескольких попыток овладеть городом, совершив не один приступ, он, хотя цель не была достигнута, отступил назад. Причиной этого были донесения, полученные от префекта Доростола Цицикия (Titzio), сына патрикия Феодота Иберийца (Teudato Ibero), в которых тот сообщал императору, что болгарин Кракра, собрав сильное войско, соединил его с войском Ивана и, заручившись поддержкой печенегов, собирается напасть на римские владения. Император, узнав об этом, немедленно изменил направление. По пути он захватил и сжег крепость Вышеград (Bosograda) и восстановил Верию (Begea). Однако, разрушив крепости Острово и Молиск (Molisco), он остановился, получив известие, что Кракра и Иван, преданными печенегами, отказались от похода на римлян. Посему император на обратном пути захватил город Сетину (Setena), где была цитадель Самуила с большими запасами пшеницы. Император, раздав пшеницу своим солдатам, все остальное приказал сжечь. Вскоре после этого, узнав, что Иван со своим войском находится неподалеку, он послал вперед отряды из схолариев Запада и Салоников под началом Константина Диогена. Иван, поджидая их, расставил засады. Император, опасаясь за судьбу своих воинов, вскочил на коня и, обогнав всех, произнес только [одну фразу]: «Если есть тут смельчаки, пусть следуют за мной!», и поскакал вперед. Как пишет Кедрин, лазутчики Ивана, увидев это, в испуге прибежали к болгарам, крича наперебой: «Bezite zessar», что у болгар и других славян означает «Бегите, царь!». Посему Иван Владислав обратился со своим войском в

беспорядочное бегство. Римляне, преследуя его, захватили множество коней, всю его утварь и пленили его двоюродного брата. Совершив это, 9 января император возвратился в Воден. Иван Владислав, однако, не отказался от своего намерения чинить римлянам как можно больший ущерб. Снарядив большое войско, он пошел на Драч, но, придя туда, пал, как пишет Кедрин, от руки неизвестного убийцы. Правил он два года и пять месяцев. Император, получив уверение в его гибели от префекта Драча патрикия Никифора Пегонита (Niceforo Patritio Pegonita), немедленно поднял войско и направился в Адрианополь. По пути туда его встретили брат и сын Кракры, которые сообщили императору весьма приятную новость о сдаче тридцати пяти крепостей. За это император достойно наградил их, удостоив Кракру звания патрикия, поскольку в числе сданных ему крепостей был и знаменитый Перник. Во время пребывания императора в Мосинополе к нему прибыли также послы из Пелагонии, Морозвизда (Morobisdo) и Липляны (Lipenio), передавшие под его власть все [упомянутые] города. Из Мосинополя император прибыл в Серее (Serra). Туда же прибыл Драгомуж (Dragomus), передавший императору Струмицу и приведший с собой префекта Халдеи (Chaldia) Иоанна, который был схвачен Самуилом и провел двадцать два года в темнице. За это император удостоил Драгомужа звания патрикия. Как только император подъехал к Струмице, к нему прибыл архиепископ Болгарии Давид с посланием от Марии, жены Ивана Владислава, обещавшей уступить ему всю Болгарию, если он согласится сделать то, что она просила. Встретился там император и с Богданом, правителем крепостей, расположенных во внутренней части Болгарии. Он также удостоился звания патрикия за то, что гораздо раньше проявил себя сторонником императора, убив своего тестя. Сделав это, император покинул Струмицу и отправился в Скопье. Передав город в управление патрикию Давиду Арианиту, он проехал через крепости Штип (Stipeio) и Просек (Prosaco), где подданные встречали его рукоплесканиями и песнями, поздравляя с одержанной победой. Затем, взяв вправо, он вошел в Охрид и стал там лагерем. Город Охрид стоит на высоком холме у большого озера, из которого в сторону севера вытекает река Дрин. Затем, повернув на запад, она впадает в Ионическое море близ крепости Леш (Illisso). Этот город был столицей всей Болгарии, и в нем находилась болгарская ризница, которую император приказал тогда открыть и обнаружил там огромную сумму денег, золотые венцы и сто сотен [фунтов] золота. Раздав часть этих сокровищ в качестве подарков своим воинам, он передал город в управление патрикию Евстафию Дафномелу (Eustatio Patritio Dafnomelo), оставив в нем сильный гарнизон. Затем, выйдя за стены города, он радушно принял жену Ивана Владислава, которая прибыла к нему с тремя сыновьями и шестью дочерями. Помимо этого, она привела с собой внебрачного сына Самуила, а также двух дочерей и пятерых сыновей Радо- мира, сына Самуила. Один из этих сыновей Радомира был ослеплен Владиславом в то время, когда он убил его отца Радомира с женой и его зятя Владимира. Было у Марии от Владислава еще трое сыновей, но они, бежав на Томор (Tmoro), одну из самых высоких Керавнийских гор, нипочем не хотели являться к императору. По приказу императора все должны были оказывать Марии должный почет. По этой причине к императору пришло немало других болгарских вельмож, и среди них Несторица, Лазарица (Zarico) и юный Добромир, каждый со своим пешим войском. Император с радостью принял их, воздав подобающие их положению почести. Прибыл и сын Владислава Пресиан (Prosiano) с братьями, которые, как было сказано, бежали на гору Томор. Вынужденные оставить свое убежище по причине непрерывной осады, которой обложил их император, они, получив от него разрешение на свободный проход, добровольно сдались. Император, ободрив их добрым словом и дав то, о чем они просили, покинул Охрид. Прибыв на Преспанское озеро, он заложил две крепости: первую — на одной из окружающих озеро гор, назвав ее Василида (Basilide), а вторую — на упомянутом болоте, или озере. От Преспы он направился в Девол (Diaboli). Устроив там суд, он вновь принял Пресиана с его братьями. Они поклялись в верности императору, и он удостоил Пресиана звания магистра, а остальных [братьев] — патрикия. Был приведен на суд и ослепленный Ивац (Iuanze). Рассказ о том, как он лишился зрения, мне представляется не столько занимательным, сколько удивительным, и будет тут к месту.

Итак, как был сказано ранее, после гибели Владислава его жена Мария вместе со своими сыновьями

и прочими болгарскими вельможами сдалась на милость императора. Один лишь упомянутый Ивац бежал и, захватив почти неприступную гору, стал жить там в роскошной цитадели с садами и другими удовольствиями. Эту цитадель одни авторы именуют Врохот (Prochoto), а другие — Пронища (Pronista). Идя супротив императора, он домогался болгарского трона, что нарушило и расстроило многие замыслы императора. Император, сойдя с главной дороги, повернул на юг и пришел в Девол, чтобы понять, что можно предпринять: либо заставить его сложить оружие и покориться, либо одолеть его в бою. Проведя там некоторое время, он попытался через послания убедить Иваца оставить свою затею, которая не могла принести ему ничего, кроме гибели. Тот умелыми ответами продержал императора в неопределенности более пятидесяти шести дней. Префект Охрида Евстафий, видя, какую озабоченность и огорчение вызывает у императора Ивац, доверив дело лишь двум слугам, в верности которых он был уверен, выждал подходящее время и сделал следующее. Был день Успения Богородицы, и Ивац, по обычаю тамошних славян, устраивал пир для своих [подданных], причем прийти на этот пир могли не только соседи и знакомые, но и гости из далеких стран. Евстафий без приглашения отправился на упомянутый праздник. Задержанный дозором, охранявшим проходы, он попросил передать Ивацу, что с ним желает переговорить Евстафий. Ивац, немало удивленный, что тот по своей воле явился во вражеский стан, приказал привести его и с радостью принял. Когда по окончании заутрени все разошлись по домам, Евстафий сказал Ивацу, что должен переговорить с ним с глазу на глаз. Ивац, уверенный в том, что Евстафий отложился от римлян и должен обсудить с ним важные для обоих дела, взял его за руку и, приказав слугам находиться поодаль, медленно направился с ним в одно тенистое место, где росло множество яблонь, столь больших, что за ними никто не мог их услышать. И вот, когда Ивац оказался там один на один с Евстафием, мужем сильным и отважным, тот стремительно бросился на него и, повалив на землю, уперся ему коленом в грудь, почти не давая дышать. Тем временем по поданному им знаку прибежало двое его слуг и, заткнув Ивацу рот рушником, чтобы он не мог ни кричать, ни позвать на помощь, выкололи ему глаза. Отведя его во дворец, они поднялись на чердак и, обнажив мечи, стали ждать нападения врагов. Те, услышав об их дерзости, немедленно сбежались к дворцу, вооруженные кто мечом, кто копьем, кто луком, кто камнем. Толпа несла горящие поленья и факелы, крича, чтобы их убили, сожгли, изрубили и забили камнями, и никто не жалел этих негодяев и злодеев. Евстафий, видя ярость болгар и ни на минуту не сомневаясь в неминуемой гибели, тем не менее все время подбадривал своих товарищей, призывая не падать духом и не дать схватить себя, как пугливым бабам, врагу, от которого нечего ждать, кроме жалкой и лютой смерти. Высунувшись из окна и сделав болгарам знак рукой, чтобы они поутихли, он обратился к ним с такими словами: «Болгары! Вам хорошо известно, у меня никогда не было личной вражды к вашему государю, поскольку он — болгарин, а я — римлянин. Более того, я римлянин не из Фракии или Македонии, а из Малой Азии, которая лежит так далеко от вашей родины, что об этом знают только ученые мужи. Посему всякий, кто не лишен разума, поймет, что поступок мой вызван не безрассудством, а необходимостью. Если бы я был лишен рассудка, то никогда не отважился бы на такое дело с очевидной опасностью для жизни. Поймите, все, что я сделал — я сделал по приказу и воле моего императора. Если за это вы хотите убить меня, мы — в вашей власти, однако мы погибнем или сложим оружие не раньше, чем воздадим достойную месть за наши жизни. Мы будем биться насмерть! И если мы погибнем, что вероятно, да что там, неизбежно: ведь нас так мало, а вокруг — толпа, то свою смерть мы будем считать наисчастливейшей. Тот, с которым вы хотите вести затяжную войну, отомстит за нашу кровь!» Болгары, выслушав эти слова и понимая, что остались без предводителя, в то время как император с войском стоит поблизости, утихомирились, и их старейшины ответили, что согласны признать римского императора своим господином и клянутся хранить ему верность. Посему Евстафий без помех привел Иваца к императору. Император, воздав великую хвалу Евстафию за его беспримерный подвиг, назначил его префектом Драча и подарил все имущество Иваца, а самого Иваца приказал держать под стражей.

В то же время прибыл и Николица, который не раз прежде оказывался в руках у римлян, но всякий раз обретал свободу. Он бежал в горы, и был там осажден. Одни из его товарищей были схвачены римлянами, другие — сдались им по доброй воле. Когда он среди ночи пришел в лагерь, император не пожелал его принять и, отослав в Салоники, приказал держать под стражей. После этого император устроил дела в Драче и Адрианополе. Снабдив свои провинции воинами и военачальниками, он позволил римским невольникам, если они пожелают, остаться там, остальным же — следовать за ним. Когда он прибыл в Костур, к нему привели двух дочерей Самуила Болгарина. Те, увидев в числе приближенных императора Марию, вдову прежнего болгарского царя Владислава, яростно набросились на нее, угрожая смертью. Император же смирил их ярость, обещав дать им богатое приданое и выдать замуж согласно их достоинству. Удостоив Марию титула зосты, он отослал ее с детьми в Константинополь. Затем руками Ксифия он разрушил все крепости, которые были в Сербии (Seruia) и Соске (Sosco), и прибыл в крепость под названием Стаги (Stago), куда для встречи с ним прибыл в холопском платье бератский князь Элемагус (Elemago Principe di Belegrado) со товарищи. Проезжая по пути оттуда через Зетунион (Zetunio), император осмотрел кости болгар, павших в сражении, когда Самуил был разбит Никифором. Это зрелище привело его в большое изумление, однако гораздо в большей степени его изумила стена под названием Скелос (Scelos), возведенная Рубеном (appresso Rupena) в Фермопилах (Termopoli) для устрашения болгар. По прибытии в Афины он отслужил в храме Пресвятой Девы Марии (Chiesa della Madonna) молебен в благодарность за одержанную победу и сделал упомянутому храму множество богатых подношений. Оттуда он вернулся в Константинополь, где прошел с триумфом через Золотые ворота в золотой зубчатой короне на челе, ведя перед собой Марию с дочерями Самуила и прочими болгарами. Так римляне покорили Болгарское царство и владели им на протяжении тридцати пяти лет. В течение упомянутого времени болгары постоянно бунтовали, поскольку не только никогда никому не были холопами, но и помнили о своих предках, которые почти покорили [Восточную] Римскую империю, сделав ее своей данницей. Не было у них недостатка и в тех, кто, воодушевляя остальных, ходил и воспевал славные подвиги своего славянского рода, которому всегда сопутствовала победа и покорялись другие народы. Посему при императоре Михаиле Пафлагонце болгары, взявшись за оружие со своей древней отвагой, сбросили римское иго. Совершили они это под началом своего соплеменника по имени Делян (Dolianin), мужа низкого происхождения, обладавшего немалой рассудительностью. Он был рабом в Константинополе, затем бежал и прибыл в Болгарию, где стал выдавать себя за незаконного сына прежнего болгарского государя Арона. Вскоре он побудил весь упомянутый народ отложиться от римлян и совершить вторжение во Фракию. В связи с этим император послал одного из своих военачальников, чтобы дать ему отпор, однако тот по причине дурного обращения со своими воинами подвергся с их стороны нападению и, если бы во время бегства не удвоил шаг, вне всякого сомнения, был бы ими убит. Войско, оставшись без начальника, избрало себе в командиры одного из своих по имени Тихомир, болгарина родом, и провозгласило его царем Болгарии. Таким образом, упомянутое царство оказалось разделено: одна его часть была на стороне Деляна, другая — Тихомира. Делян, не видя другого средства избавиться от соперника, кроме обмана, однажды послал за Тихомиром, приглашая его стать своим соправителем и соратником в борьбе с римлянами. Тихомир, поверив в искренность его слов, прибыл в Болгарию. Делян, повелев собраться всему народу, устроил посреди него суд и обратился ко всем с такими словами: «Для славы и величия Болгарского царства было недопустимо, чтобы доблесть болгарского народа, подчинившего себе за долгие века многие королевства и царства, затмило не только римское, но и, вообще, какое- либо другое господство. Если Господь за грехи наши захотел так [наказать нас], все мы должны со смирением принять то, что посылает нам Небо. Однако ныне, как вы видите, мы свободны почти как прежде, и ничто так не мешает нашему процветанию, как разлад между мной и Тихомиром. Как гласит изречение, "царская власть не терпит соперников". Посему, если все вы желаете себе преуспевания, выберите одного из нас двоих своим царем. Если вы признаете, что я из колена Самуила, уберите с моего

пути Тихомира, или же выберите его, лишив меня трона». Тогда весь народ единогласно провозгласил Деляна болгарским царем и предал смерти Тихомира, побив его камнями. После этого Делян незамедлительно двинулся на Драч. Захватив его, он вторгся в Грецию и овладел Никополем со всей его округой. Император, узнав о восстании болгар, решил отомстить его зачинщику. Пока он готовился к войне, явился тот, кто освободил его от этой заботы. Сын Арона Болгарина Алусиан, удостоенный титула патрикия, живя среди римлян, за какое-то преступление против императора был лишен им права входить в императорский дворец и даже передвигаться по Константинополю, будучи посажен под домашний арест. Посему он, узнав о восстании болгар, переоделся армянином и бежал в Болгарию. Там в непринужденных беседах он стал намеренно упоминать об Ароне, говоря болгарам: «Если бы вдруг явился один из законных сыновей Арона, не кажется ли вам, что его следовало бы предпочесть ублюдку?» Все отвечали, что больше всего хотели бы иметь своим царем подлинного законного сына Арона. Тогда Алусиан открыл тайну одному мужу, который более других знал всех родных Арона. Тот, пристально вглядевшись в его лицо, сказал, что хотел бы увидеть другой, более надежный знак, который отмел бы все сомнения, а именно, черное родимое пятно на руке, окруженное густыми волосами. Увидев его, он признал в нем подлинного сына Арона. Немедленно преклонив колена, он припал к его стопам и дал знать остальным, что среди них находится муж царского рода. По этой причине многие оставили Деляна и перешли на сторону Алусиана. Видя, однако, что Болгарское царство не в состоянии более выносить такого разделения, они договорились править по общему совету и согласию. Алусиан, будучи более искушен в интригах, сумел упредить козни Деляна. Приказав приготовить роскошный пир, он позвал на него среди прочих и Деляна. Во время трапезы Делян был схвачен, а затем по приказу Алусиана связан и ослеплен. Став упомянутым образом единовластным правителем Болгарии, он дал знать императору, что хочет вновь подчинить Болгарское царство Римской империи, при условии, однако, что император обещает милостиво принять его и наградить по заслугам. Император ответил ему, что Римская империя без всякого колебания сделает все, о чем он попросит. Посему Алусиан прибыл в Константинополь, где был немедленно удостоен титула магистра. Преданные упомянутым образом болгары, оставшись без вождя, были без труда вновь покорены римлянами. Однако не прошло и года, как один из болгарских вельмож по имени Не- делько (Nediglco) поднял народ на восстание. Убив императорского префекта, болгары выступили в поход, причиняя, по своему обыкновению, огромный ущерб римским владениям. Римляне, не в силах предпринять ничего иного, чтобы справиться с такой бедой, с помощью немалой суммы денег подкупили некоторых болгар, и те во время пира предательски убили Не- делько. С того времени, а именно (по мнению некоторых) с 1175 года, вплоть до восшествия на престол Исаака Ангела, что произошло примерно в 1185 году, болгары находились под властью Римской империи. Хотя в течение упомянутого времени империя и направляла туда своих правителей, болгары обращали мало внимания на их приказы, вынуждая их блюсти интересы болгар в большей степени, чем свои собственные. Всякий же раз, когда получалось по–иному, они начинали роптать. И поскольку римлянам приходилось часто воевать как на востоке, так и на западе, ни один поход (по словам Георгия Кедрина) не обходился без участия болгар со своей конницей. Посему, пока упомянутый славянский народ был в союзе с римлянами, дела империи шли хорошо. Однако при императоре Исааке Ангеле болгары, всегда относившиеся к римлянам с презрением, по случаю конфискации скота из их стад и отар, а также податей, которые они должны были платить, открыто отложились от Римской империи. Зачинщиками этого восстания были болгарские вельможи братья Петр и Асень (Iasen), именуемый греками Асан (Asane). Братья (дабы не подумали, что они совершили это без причины) отправились в Кипселы (Cypselle) к императору, прося зачислить их в римские легионы и даровать небольшие владения на горе Гем. Когда и тому, и другому было в этом отказано, они ушли, ропща про себя, что им не только отказали в просьбе, но и унизили. При этом они позволил себе некоторые высказывания, по которым можно было понять, что по возвращении домой они поднимут восстание. Особенно отличился Асень, муж отважный и свирепый, которому за его распущенный язык по

приказу севастократора Иоанна была дана пощечина. Итак, вернувшись домой с пустыми руками, они впоследствии так жестоко отомстили Римской империи, что (как пишет Никита Хониат в жизнеописании Исаака Ангела) не найдется человеческого языка, на котором можно было бы во всей полноте описать размах их возмездия Римской империи и те разрушения, которые были содеяны ими в римских провинциях. Поскольку подвигнуть болгар поднять оружие против римлян было делом нелегким ввиду связанных с этим немалых трудностей, упомянутые два брата для воодушевления болгар возвели на свои средства храм во имя святого мученика Димитрия. Собрав в нем множество бесноватых обоего пола, они подсадили к ним несколько человек, которые, притворяясь одержимыми, принялись возглашать, что настало назначенное Богом время для возвращения болгар к своей исконной свободе, и что для этого святой мученик Христов Димитрий оставил салунскую митрополию и свой храм и пришел к ним на помощь. Болгары, услышав об этом, словно по божественному внушению исполнились отваги и сил, и стали кричать, что нельзя более медлить, а нужно, взяв оружие, напасть на римлян, а тех, кто попадет в плен, немедленно лишать жизни, не внимая их мольбам и отвергая любой выкуп и дары — и быть в этом тверже алмаза. Итак, распаленные болгары взялись за оружие. Посему вышеупомянутый Петр возложил на себя золотую корону и надел красные сапоги (по обычаю тамошних царей), позволив и своему брату Асеню именоваться царем. Осадив Великий Преслав, он задержался там несколько дней. Не в силах захватить его, он снял осаду и с невероятной быстротой устремился на завоевание некоторых римских городов и крепостей, где захватил большую добычу и увел в полон множество знатных римлян. Император со всем войском выступил против него, однако он со своими болгарами отступил для охраны опасных проходов. Там в течение некоторого времени они доблестно сопротивлялись, отбивая все атаки императора. Однако, случилось так, что вопреки всем ожиданиям в тех местах выпал густой туман. Он пришелся на руку римлянам: внезапно напав на неприятеля, они вынудили его бежать и оставить упомянутые места. Тогда Асень со своим братом и некоторыми вельможами, перейдя Дунай, обратились за помощью к жившим поблизости валахам. Император тем временем мог совершить набег на всю Болгарию и поставить свои гарнизоны в многочисленных городах на Геме, большинство из которых (если не сказать почти все) расположены на крутых обрывах или на высоких неприступных холмах. Однако император не сделал ни того, ни другого. Предав огню несколько хлебных скирд, он вернулся назад, скорее обострив, чем смягчив, противостояние, что сделало болгар более дерзкими по отношению к римлянам. Возвращался император в Константинополь с таким триумфом, как если бы разгромил врага. В связи с этим один из сановников, принадлежавших к судейскому сословию (по имени Лев Монастириот), остроумно заметил: «Болит теперь душа Василия Болгаробойцы, [потому что император не последовал его примеру, и совершил более, чем тот завещал.]» После окончательного разгрома болгар упомянутый император издал эдикт: «Если когда-либо болгары опять восстанут, то должно следовать его примеру: всякий, кому придется с ними сражаться, должен первым делом закрепиться у них в стране, предавая все огню и мечу». Этот эдикт против болгар он приказал потом вывесить в Сосфеновом монастыре (Monasterio di Sothenio). Тем временем болгарский царь Асень, собрав немалое войско из болгар и валахов, вернулся на родину и, найдя ее полностью свободной, исполнился еще большей дерзости. Не довольствуясь одной Болгарией и своим мирным владением ей, он обратился к нанесению еще большего ущерба Римской империи, задумав присоединить Сербское царство к Болгарскому, как это было прежде. Несмотря на это, император не пожелал выступить против него лично и послал вместо себя своего дядю севастократора Иоанна, который весьма успешно давал отпор врагу. Однако после обвинения в домогательстве власти в империи он был отозван, и на его место был послан кесарь Иоанн Кантакузин, муж сестры императора. Иоанн был муж высокого роста, мужественный и обладал громким голосом. Он имел большой опыт в военном деле, однако по причине своей чрезмерной дерзости, как пишет Никита (I), имел несчастливую судьбу и, в конце концов, был ослеплен Андроником. Итак, Иоанн, видя, что болгары укрываются в горах, не учел, что они делают это для восстановления своих сил после понесенных тягот или для большей безопасности, а

приписал это их страху и подлости. Посему без всякой опаски он разбил лагерь на равнине, не позаботившись об устройстве рва и выставлении надежного дозора. Видя это, болгары под покровом ночи напали на него. Иоанн едва успел бежать, а его войско было разбито и подверглось жесточайшему обращению: одни были обезглавлены, другие уведены в полон. С теми, кто спасся бегством и достиг шатра кесаря, он обошелся более жестоко, чем сами враги, осыпая их бранью и называя изменниками империи. Чтобы смыть свой позор и бесчестье, он во всеоружии вскочил на арабского скакуна и, потрясая щитом, с громким криком: «За мной!» ринулся на врага, хотя сам не знал ни куда скакать, ни что происходило в его лагере. Посему император, узнав о его упомянутых промахах, отозвал его домой и послал на его место Алексея Врану (Brana Alessio), мужа малого роста, но редкого ума и столь же редкой рассудительности, которого в те времена считали одним из самых даровитых военачальников. Сняв войско, Алексей стал продвигаться вперед, разбивая лагерь с большой осторожностью. На марше он требовал непременно соблюдать строй и быть готовым без подготовки вступить в бой. Более же всего он старался наносить [как можно больший] урон врагу, не подвергая при этом опасности своих воинов. Перенеся немало тягот в пути, он преодолел опасные проходы и прибыл в место под названием Черная Горка (Monticello Negro). Разбив там лагерь, он внушил всем надежду на славное завершение похода. Однако, всегда мечтая о троне, он тогда обнаружил этот свой замысел и оказал большую помощь болгарам. Вскоре он понес за это наказание, пав в бою с маркграфом Монферратским кесарем Конрадом. Тем временем болгары продолжали наносить ущерб римлянам. Разгневанный этим император решил еще раз лично выступить против них. Желание выступить в поход усиливало и то обстоятельство, что, согласно его сведениям, болгары, получив в подкрепление множество скифских отрядов, уже не скрывались в горах, а, разбив лагерь в окрестностях Агафо- поля, совершали разорительные набеги на близлежащие земли. Император, не сумев сразу собрать большое войско, выступил с малыми силами и, прибыв в Тавроком, поселение близ Адрианополя, стал ждать там подхода остального войска, которое по его приказу без промедления должен был привести кесарь Конрад. Конрад поначалу обещал сделать это, но затем, видя, что обманулся в своих надеждах на императора, изменил решение и, сев на новый и хорошо вооруженный корабль, отплыл в Тир. Там он был принят тамошними своими соплеменниками как оракул. Выступив в поход на сарацин, он возвратил [своим соплеменникам] Яффу (Iopre), иначе именуемую Акрой (Ace), вместе с другими городами. Однако вскоре многие знатные христиане, последовавшие на свои средства за Конрадом, погибли, а сам Конрад, не успев проявить в полной мере свою доблесть, был убит одним из хасисийцев (Chasij). Хасисийцы питают такое глубокое почтение к своему государю, что готовы немедленно подчиниться любому его повелению. Стоит ему двинуть бровью, как они стремглав бросаются с обрыва, на отточенные мечи, в бушующие волны и палящее пламя. Желая убить врага своего государя, они или дружелюбно приближаются к нему или прикидываются посланцами, а затем бросаются на него с клинком, который прячут [под одеждой]. Их нисколько не заботит, каким образом они достигнут цели и какое наказание или пытки их ожидают. Вернемся, однако, к рассказу об императоре. Оказавшись в трудном положении и видя, что болгары продолжают грабить римские провинции, он отобрал тысячу человек и, дав им самых быстрых коней, выступил из Таврокома на поиски врага, приказав обозу и прочему люду, непригодному для войны, двигаться в Адрианополь. Тем временем лазутчики донесли, что болгары разоряют селения близ Лардеи (Lardea) и, перебив множество народа и взяв большой полон, с большой добычей намереваются вернуться домой. Император приказал трубить в трубы и, вскочив на коня, двинулся [наперерез врагу]. Достигнув Вастерн (Basterne), император дал небольшой отдых войску, поскольку неприятель еще не показывался. Пробыв там три дня, он направился в сторону Верой (Vegoe). Едва войско покинуло упомянутое место, к императору явился лазутчик с тревожной вестью о том, что неприятель находится рядом и движется крайне медленно, поскольку, во–первых, не опасается нападения врагов, а во–вторых, нагружен добычей. Тогда император, разделив войско на отряды под началом командиров, направился к той дороге, по которой, по его сведениям, двигались враги. Те, как только

увидели римлян, поручили охрану добычи нескольким отрядам болгар и скифов, приказав им самыми короткими путями добраться до гор, а сами стали бесстрашно ждать нападения римской конницы. Тогда Петр, брат Асеня, желая поднять дух своих воинов, громогласно прокричал: «Пришло время, мои доблестнейшие воины, вернуть себе нашу утраченную свободу, уважение и славу. Теперь вы должны показать римлянам, что им придется биться с сыновьями и потомками тех, кто некогда сделал их своими данниками». Воодушевленные его словами болгары ринулись на врага с таким напором, что римляне после первой атаки бросились бежать. Император, видя себя покинутым, сам обратился в бегство и прибыл в Адрианополь. Затем, видя, что болгары, грабя и предавая все огню, продолжают продвигаться вперед, он собрал сильное войско и выступил навстречу им в Верою (Веге), где в кровопролитной битве потерпел поражение. Несмотря на это, он с большой поспешностью вновь собрал войско и повел его к Агафополю, чтобы там остановить их набег, [однако болгары в это время стали] грабить селения близ Филиппополя. Когда он желал прийти на помощь селениям, которые от них страдали, болгары, следуя за ним по пятам, разоряли те места, откуда он уходил. По словам Никиты Хониата, всем этим руководил Асень, муж отважный и в затруднительных обстоятельствах весьма находчивый. Император из-за этого пребывал в меланхолии, не зная, что предпринять. В конце концов, он счел за лучшее вторгнуться в Загору и испытать дух болгар, попытавшись склонить их к восстанию против Асеня, но, убедившись в их верности, почти в отчаянии оставил эту затею. В это время (как пишет Зонара в жизнеописании императора Михаила, сына Дуки) хорваты (Crabati), иначе именуемые сербами (Seruij), напали на Болгарское царство и захватили несколько городов, однако затем после нескольких кровопролитных сражений вынуждены были отступить в свои земли. Болгары же, обезопасив себя со всех сторон, с еще большим рвением продолжили борьбу за возвращение остальной части своего царства, нанося немалый урон римским владениям. Это побудило императора собрать такое большое войско, которого никогда прежде не было, и совершить с ним вторжение в Болгарию. Переправившись в Анхиал, он пошел самыми короткими путями горы Гем, однако за два месяца своего пребывания там не совершил ничего примечательного, поскольку обнаружил, что города и крепости укреплены гораздо лучше, чем прежде. Когда же он захотел вернуться назад, то болгары перекрыли все проходы, так что почти все его войско было там уничтожено, а сам он с горсткой своих воинов спасся, потеряв во время прорыва круглый шлем, который защищал его голову. Болгары же, возгордившись после одержанных побед, увезли домой немало римских сокровищ и всевозможного вооружения. И ничто не могло в дальнейшем удержать их от вторжений: жертвой их набегов становились не только села и деревни, которые они подвергали жестокому разграблению, но и на крупные хорошо укрепленные города. Они разрушили Анхиал, захватили Варну и сровняли с землей значительную часть Триадицы, которая прежде именовалась Сер- дикой (Sardica). Из Стопониона (Stumbio) они изгнали жителей, а из Ниша увели неисчислимый полон. В то же самое время жупан Сербии, вторгшись в римские владения, наносил им немалый урон, всеми силами пытаясь овладеть городом Скопье. Император послал против него своего военачальника по имени Калоком (Calocomo) с тридцатью двумя тысячами воинов. Встретив жупана близ реки Моравы, тот вступил с ним в битву, в которой римляне понесли поражение, а жупан вернулся домой с богатой добычей. Тем временем болгары продолжали наносить урон империи и несколько раз опустошили окрестности Филиппополя и Верой (Веггео). Против них выступил Константин Ангел, однако все его усилия оказались тщетными. После него был послан Василий Ватац (Bataze Basilio) с тридцатью семью тысячами воинов. Вступив в битву с неприятелем, римляне потерпели столь сокрушительное поражение, что ни одному из них не удалось спастись. Итак, когда после стольких славных побед дерзость болгар стала [для римлян] почти невыносимой, Алексей Ангел, став императором, попытался утихомирить их, направив к братьям Петру и Асеню посла для переговоров о мире. Однако надменный ответ болгар императору и их непомерные требования свели эти переговоры на нет. Посему император был вынужден послать в Болгарию войско. В сражении с болгарами под Серрами (Serre) римское войско было разбито и уничтожено, а дука Алексей Аспиет (Alessio Aspiate) был захвачен в плен.

Вскоре после этого болгары овладели множеством крепостей и, поставив в них сильные гарнизоны, вернулись домой с богатой добычей. Император, стремясь хоть как-то обуздать их дерзость, послал [против них] большое войско под началом севастократора Исаака. Тот, встретив три тысячи болгар, совершавших набег на Фракию, напал на них и уничтожил. Тогда некоторые болгарские вельможи, находившиеся в Константинополе, предупредили болгар, чтобы те впредь не вступали столь безрассудно в сражения с римлянами и знали, что управление империей находится в руках у мужа, весьма искушенного в военном деле. Когда болгары передали это Асеню, тот с немалой заносчивостью ответил: «Не всегда следует верить молве и опасаться или бояться того, силу и доблесть которого она превозносит (как если бы он воистину был таким). Более того, не следует недооценивать и сбрасывать со счетов и того, кто слывет робким или трусливым. Однако и молвой не следует пренебрегать, считая ее пустой и напрасной, особенно тогда, когда она широко распространилась. В любом случае, лучше всего постараться испытать на деле тех, кого превозносят или поносят, подобно тому, как проверяют золото на лидийском камне. Зачастую в некоторых делах следует полагаться на зрение, а не на слух. Ухо ничего не видит, но слышит чужие толки и враждебные речи. Глаз — более верный и надежный судья. Как говорит Корник, судья, который видел, стоит десяти, которые слышали. Этот судья опирается не на чужое свидетельство, а на собственный опыт. Это всем известно. Посему вы не должны пугаться, когда говорят, что римский император отличается редкой доблестью. Следует рассудить, был ли он таковым в уже прожитой им жизни. Тщательно рассмотрев ее, мы не найдем среди его свершений ни одного, которое заслуживало бы такой похвалы: он никогда не участвовал в войнах и сражениях за Римскую державу, не помогал своему брату в тяготах и опасностях войны, насколько я могу помнить, поскольку сам непрестанно разорял вражеские владения, умножая победы и триумфы. Ни порфира, ни императорская корона не достались ему в награду за его труды — все это он получил благодаря превратности судьбы. Посему я не понимаю, по какой причине следует опасаться того, кто до сих пор не нанес болгарам никакого урона ни действием, ни советом. Постараюсь, насколько в моих силах, путем сравнения описать вам этого мужа и его качества: взгляните на шнурки, свисающие с моего копья — они разного цвета, хотя и сделаны из одного полотна и одним ткачом. Однако из-за различия в цвете думают, что они сделаны из разного полотна и разными мастерами, хотя на самом деле все наоборот. Так и братья Исаак и Алексей, один из которых был свергнут с трона, а другой носит ныне императорскую порфиру, имели одного отца, вышли из одного чрева, родились на одной земле и получили одно воспитание, хотя Алексей и старше годами. Посему, на мой взгляд, и во владении военным искусством между ними нет никакой разницы, и вскоре все мы в этом убедимся. На основании сказанного я полагаю, что сейчас мы должны следовать тому же порядку ведения войны, которого придерживались и прежде, поскольку должны сражаться с теми же, кого мы не раз побеждали в бою, и кто, претерпев от нас большой урон и неисчислимые поражения, стали теперь трусливыми и малодушными. При этом воодушевляет и то, что они уже возбудили против себя гнев Божий, свергнув с трона Исаака, который занимал его по закону и благодаря которому они освободились от жестокой тирании Андроника. Посему те, кто проявил такую неблагодарность к спасшему им жизнь, при первой же атаке, без сомнения, падут от руки своих врагов, как люди коварные и неблагодарные». Асень, видя, какое воодушевление вызвала его речь у воинов, с большой яростью напал на области близ Стримона и Амфиполя. Севастокра- тор, юноша, возгордившийся после одержанной прежде победы, узнав о набеге на Серры, не позаботился выяснить численность и силы неприятеля и, приказав трубачам трубить сбор, первым вскочил на коня, потрясая копьем в сторону врага, как если бы отправлялся на охоту на оленя или другого зверя. Пройдя вперед примерно три с половиной мили, он настолько утомил и конницу, и пехоту, что ко времени битвы они оказались полностью измотанными. Вскоре они приблизились к неприятельскому лагерю. Между тем Асень устроил засаду для севастократора, спрятав там большую и лучшую часть своего войска. Севастократор, не заметив уловок и военных хитростей Болгарина, с тщетной надеждой на победу безрассудно ринулся вперед. Болгары, выйдя из засады, окружили римлян и

перебили немалое их число, а сам севастократор попал в плен. После этого болгары исполнились еще большей дерзости и стали беспрепятственно совершать повсюду набеги, так как никто им в этом не препятствовал, поскольку те, кто не погиб в сражении, ускоряя шаг, бежали в Серры. Скиф, пленивший севас- тократора, всеми способами старался спрятать его, чтобы об этом не узнал Асень. Он надеялся, уведя его в Скифию, получить за него большой денежный выкуп. Однако, когда стало известно о пленении главнокомандующего, его стали усердно разыскивать и, обнаружив, привели к Асеню. В этом сражении в числе прочих попал в плен один римский священник, прекрасно знавший болгарский язык. Когда его повели на Гем, он стал горячо молить Асеня освободить его. Однако тот ни в какую не соглашался сделать это, говоря, что его намерением является скорее уморить всех римлян, чем спасти жизнь хоть одному из них. Тогда бедный священник стал изрекать проклятия, говоря: «Пусть Господь Бог не даст тебе прощения за грехи твои, но покарает тебя лютой смертью, достойной твоего злодейства!» Вскоре так с ним и случилось: вернувшись в Болгарию, он пал от руки одного из своих приближенных. Вот краткий рассказ о том, как это произошло. Жил в Болгарии вельможа по имени Иванко, пользовавшийся у Асеня большим доверием. Он вступил в тайную связь с сестрой [жены] Асеня. Тот, узнав об этом, призвал к ответу свою жену, говоря, что за это ей следовало бы отрубить голову. Она же, в свою очередь, стала обвинять его, говоря, что не раз предупреждала его об этом, однако он до того времени хранил молчание. Тогда он обратил всю свою ярость и гнев на Иванко, послав за ним среди ночи с приказом незамедлительно явиться к нему. Заподозрив неладное, тот стал извиняться, что не может прийти до наступления утра. Асень же настаивал, чтобы он явился немедленно. Тогда один из посланных за Иванко предупредил его, за какой надобностью его вызывают. Иванко [был вынужден подчиниться], однако прежде, чем отправиться к нему, он захотел переговорить и посоветоваться со своими родственниками и друзьями. Те сказали, что ему безусловно следует пойти, но он должен постараться пронести под платьем меч. Если Асень начнет кричать и ограничится одними угрозами, то он должен постараться любым способом успокоить его и попросить прощения. Если же Асень даст волю рукам, то нужно успеть упредить его и смертельно ранить. Итак, когда Иванко явился к Асеню, тот сразу закричал, чтобы ему принесли меч, так как он собирается убить изменника, однако Иванко упредил его. Стремительно подбежав к нему, он ранил его в пах и, бежав, скрылся у своих. Поведав им о случившемся, он стал советоваться с ними, как лучше устроить восстание, понимая, что братья и родственники убитого Асеня постараются отомстить за его гибель. Было решено обратиться за помощью к римлянам. Успев той же ночью привлечь на свою сторону многих других, они захватили Тырнов (Tarnouo) (самый укрепленный и красивый из городов на горе Гем, стоящий на холме и окруженный высокими и крепкими стенами) и восстали против Петра, брата Асеня. С наступлением утра молва о гибели Асеня разнеслась не только по Тырнову, но по другим городам. Поскольку ни Петр не мог схватить Иванко, ни Иванко в одиночку противостоять Петру, первый их них решил добиться своего с помощью осады, а второй — прибегнуть к помощи римлян. Иванко, явившись к императору, стал просить его прислать войско, чтобы захватить и овладеть Тырновом, обещая в этом случае помочь ему завоевать всю остальную Болгарию. И император, без сомнения, сумел бы без больших усилий сделать это, если бы не протянул время. После некоторого промедления он послал протостратора Ману- ила Камица (Camyze). Тот двинулся с войском из Филиппополя. При подходе к пределам Болгарии среди войска поднялся ропот. «Куда ты ведешь нас, — кричали они, — и с кем мы должны сражаться. Разве это не те горы, в которые мы не раз ходили без всякой пользы на свою погибель и позор? Вернись же, вернись и веди нас домой, иначе дни твои сочтены!» Посему Мануил был вынужден вернуться к императору. Тогда император с отборными частями сам двинулся к пределам Болгарии. Однако и он, не отважившись вступить в бой с врагом, вернулся восвояси, ничего не сделав. Иванко, видя малодушие римлян, тайком бежал из Тырнова к императору. Посему Петр стал единовластным властителем всего Болгарского царства. Однако вскоре он был предательски убит одним болгарином, и на болгарский трон вступил его брат Иван, который был соправителем Петра и его соратником в войнах. Долгие годы он прожил в Константинополе в качестве

заложника у Исаака Ангела, затем бежал и вернулся домой. Вступив на трон, он стал опустошать и разорять Римскую империю с такой же свирепостью, как и его брат Асень. И во всей римской армии не нашлось никого, кто дерзнул бы дать ему отпор, между тем как он одержал немало побед над римлянами и императором. Последний оказал радушный прием Иван- ко, который, по словам Зонары, оказал немалую помощь римлянам во многих походах. Он был высокого роста, довольно крепкого телосложения и обладал исключительным умом, однако чрезмерная гневливость и упрямство часто ввергали его во многие заблуждения. Постоянное общение с римлянами нимало не смягчило его дикого нрава и врожденной жестокости. Император любой ценой хотел сдержать обещание выдать за него дочь севастократора, некогда убитого болгарами, однако она была еще далека от брачного возраста, и это вызывало досаду у Иванко. Видя, что ее вдовая мать Анна обладает замечательной красотой, он сказал себе: «На что мне молочный ягненок? Лучше мне сочетаться браком с ее матерью Анной». Сообщив о своем решении императору, он осуществил свое намерение. После этого он постоянно пребывал в окрестностях Филиппополя, где не раз оказывал доблестное сопротивление своим сородичам, однако не мог предотвратить их вторжений в провинции империи. Между тем болгары одержали столько побед и подвергли империю такому жестокому опустошению, что (по словам Зонары) этого не выразить с помощью слов. Руины городов близ Гема, вся Македония и Фракия являют этому красноречивое свидетельство, после которого не нужно ни картин, ни слов. Итак, когда имперское управление во Фракии и в других провинциях пришло в упадок, особенно в деле обороны, император Алексей Ангел, побуждаемый скорее стыдом, чем надеждой на победу, выступил против болгар. Собрав большое войско в Кипселах (Cypsella), он решил в первую очередь отомстить болгарину Хрису (Chryso), мужу очень малого роста, обладавшему большим военным опытом. Хрис отложился от болгар и был назначен императором комендантом Струмицы, однако вскоре, отложившись и от императора, стал домогаться болгарского престола. Осуществляя свое намерение, император потерпел такую неудачу, что вернулся домой с еще большим уроном и позором. Вскоре после этого болгары, переправившись через Истр в день святого мученика Георгия, внезапно напали на окрестности фракийских городов Кариштирана (Mesena) и Цурулона (Zerlo) и, пройдя набегом и по другим местам, собрали большую добычу. На обратном пути римляне напали на них в теснинах и, отняв всю добычу, перебили немало болгар. Тогда император, собрав новое войско из римлян и персов, двинулся на захват городов, занятых Хрисом. Хрис укрылся в Просеке (Prosaco). Императорское войско, подойдя к упомянутой крепости, простояло там несколько дней, после чего император, не вняв добрым советам своих приближенных, снял осаду. Хотя персы, вторгшись в Болгарию, и захватили там кое- какую добычу, император возвратился их этого похода с большими потерями. Оказавшись в столь тяжелом положении, он решил заключить мир с Хрисом и уступил ему Струмицу и Просек со всеми их окрестностями. При этом, несмотря на то, что у Хриса уже была жена, император обещал выдать за него свою родственницу, дочь протостратора [Мануила Камица], которая была затем отправлена к нему в сопровождении севаста Константина Радина (per Sebasto Costantino a' Radeno). Иванко же, став (как было сказано) зятем императора, был послан в качестве префекта в Филиппо- поль для защиты от вторжений болгар. Пользуясь своим положением, он сумел повести дело так, что сделался единовластным властителем тех земель, отложившись от императора. Крайне раздосадованный этим император сначала послал к нему одного евнуха из числа прежних друзей Иванко, увещевая прекратить мятеж и вспомнить об услугах, оказанных ему римлянами, а немедленно вслед за ним — своих родственников с войском. Если бы упомянутый евнух не изменил императору, Иванко, без сомнения, оказался бы тогда в руках римлян. Иванко, узнав от евнуха о кознях императора, укрепил некоторые города на Геме и укрылся в горах. Первым делом римляне направили свои усилия на захват городов и крепостей на горе Гем. Большую часть из них они захватили силой, понеся большие потери, причем в числе погибших оказался доблестный военачальник Георгий Палео- лог. Остальные же крепости сдались им без боя. Укрывшийся в горах Иванко, мудрый и опытный военачальник, все свои помыслы направил на

отмщение римлянам и, в конце концов, сумел с помощью военной хитрости разбить их, захватив в плен протостратора Мануила Камицу. Видя, что удача сопутствует римлянам, он решил (не отваживаясь вступить с ними в открытый бой) действовать хитростью и устроил римлянам такую ловушку. Получив надежные сведения о большой нехватке провианта в лагере у римлян, и зная, что римляне жадны, падки на грабежи и большие любители чужого, он приказал вывести на равнину множество скота в сопровождении нескольких римлян, бывших у него рабами. Все это было представлено как дар, который он якобы посылает на Гем князю Загоры Ивану, состоявшему с ним в союзе против римлян. Римляне, увидев такое множество скота, известили протостратора. Тот, подобно разъяренному льву или тигру, выскочил со своими воинами и, не подозревая о кознях Болгарина, ринулся на равнину на коне, не предназначенном для войны. Пока римляне занимались добычей, Иванко выступил из засады и, окружив их, почти всех перебил, захватив в плен протостратора. Исполнившись гордости после одержанной победы, Болгарин стал с чрезмерной наглостью опустошать провинции императора. Император, собрав большое войско, лично выступил против него. Произведя смотр войскам в Кипселах, он выступил в сторону Адрианополя. Там в течение некоторого времени он пребывал в нерешительности, не зная, что предпринять. С одной стороны, не было никакой надежды на победу над врагом: войско было так напугано, что цепенело от страха от одних только слухов о приближении неприятеля. С другой стороны, отступление внушило бы врагу еще большую дерзость. Посему он решил вновь заключить с ним мир. Между тем Иванко наотрез отказывался заключить мир иначе, как при условии, что император письменным актом уступит ему все захваченные им прежде города и области и пришлет к нему с царскими регалиями его жену Анну. Император с большой неохотой согласился на требования Иванко, и принялся за осуществление другого замысла, недостойного даже для варварского государя, не говоря уже о христианском императоре. После заключения упомянутого мира он сообщил Иванко, что очень хочет переговорить с ним. Чтобы убедить его приехать, он послал ему через своего зятя Алексея Христово Евангелие, приказав тому от своего имени присягнуть на нем, что не имеет намерения причинить Иванко обиду или какую-либо другую неприятность, а только желает обсудить с ним важные дела. Когда Иванко, поверив его клятвам, прибыл к нему, он приказал немедленно бросить его в темницу, дурно истолковав известное изречение пророка: «Cum Sancto Sanctus eris, etc.» [«С преподобным преподобен будеши и т. д.»] Совершив упомянутое злодейство, император без труда овладел городами и крепостями Иванко, отправив в ссылку его брата Митю (Mitar). Однако в следующем году болгары, вторгшись во Фракию, сожгли самые крупные города и с большой добычей вернулись домой. Вне всякого сомнения, они дошли бы тогда и до ворот Константинополя, если бы у них на пути не стали русские, большие друзья римлян. Тем не менее болгарский царь Иван, выступив против русских, в кровопролитной битве разбил их и изгнал из своей страны. Обратившись затем против римлян, он без труда овладел Костанцей (Costantia), знаменитым городом, лежащим в родопских пределах. Сровняв с землей его стены, он на шестой день страстной недели приступил к Варне (Varna). Встретив отчаянное сопротивление ее мужественных защитников, большинство которых было латинянами, он приказал соорудить деревянную машину на четырех колесах, достигавшую в высоту верхней части стен. Подведя ее под стены города, он начал приступ и на третий день овладел городом. Приказав похоронить заживо всех пленных, он разрушил до основания городские стены и вернулся домой с богатой добычей. Протостратор Мануил Камиц, захваченный (как было сказано) в плен Иванко, не сумев убедить императора заплатить за него Хрису выкуп в размере двухсот золотых дукатов, в отчаянье вступил в сговор с Хрисом. Хрис, вторгшись в сопровождении Камица в области, сопредельные с Просеком, за короткое время покорил Пелагонию и без большого труда овладел Прилепом (Prilapo). Двигаясь вперед, они захватывали один город за другим. Проникнув через Темпейскую долину (Тетре) в Фессалию, они заняли равнины, возмутили Грецию и, наконец, подняли мятеж против римлян в Морее. Видя это, император, чтобы утихомирить Хриса, дал ему в жены Анну, бывшую прежде женой болгарина Иванко. Этим он вернул себе Пелагонию и Прилеп, а затем вытеснил Ка- мица из Фессалии, нанеся ему

поражение в нескольких сражениях. Тогда же он овладел и Струмицей, где благодаря предательству захватил Хриса и заключил мир с болгарским царем Иваном. Иван после этого обратился к мести тем народам, которые терзали его во время войны с римлянами. Когда же римский трон был захвачен Балдуином, множество греков бежало к Болгарину, пытаясь поднять восстание против императора. Балдуин, требуя от Болгарина изгнать римлян из своей страны, стал угрожать ему войной, однако это лишь еще больше разгневало Ивана. С войском из упомянутых римлян и подкреплением из валахов он вторгся во Фракию, опустошая и предавая огню все вокруг. Балдуин, получив об этом известие, объединил свои силы, разбросанные по различным местам, в единое войско и повел его на Адрианополь. В окрестностях упомянутого города они вступили в битву. Болгарин, спрятав в засаде валашские полки, стал намеренно отступать. Латиняне, устремившись в наступление, попали в окружение и были почти полностью перебиты. Император Балдуин был захвачен в плен, граф Людовик де Блуа (Doloico Conte di Pelea) пал на поле брани, а венецианский дож Энрико Дандоло с горсткой своих приближенных спасся бегством, но вскоре от полученной тогда тяжелой раны скончался. Между тем болгары, почувствовав вкус роскоши и богатства латинян и овладев несколькими их городами, возгордились пуще прежнего. Не имея перед собой соперников, они двинулись вперед. Овладев одними фракийскими городами почти без боя, другими — с помощью приступа, они предали их разграблению и разрушили до основания. Болгарин, уничтожая на своем пути селения, крепости и города, прошел набегом вплоть до Салоников и Македонии, обращая все вокруг, как говорится, в скифскую пустыню. Овладел он и Серрами, одолев в кровопролитном сражении защищавших его латинян. Латиняне, положившись на свое военное искусство, сами выступили ему навстречу и поначалу нанесли ему немалый урон, однако, в конце концов, потерпели поражение. Спасаясь бегством в Серры, латиняне не успели запереть за собой городские ворота, и преследовавшие их болгары ворвались в город. Предав все огню и мечу, они разрушили городские стены до основания. После этого Болгарин захватил Верию (Veggea) и много других городов. Напав на Филиппополь, он предал его жестокому опустошению и, питая давнюю обиду на тамошних жителей, проявил там крайнюю жестокость. Подобным же образом он обошелся и с Фракией, где болгары учинили такое опустошение, что (как пишет Никита) «не видел того глаз, не слышало ухо». Некогда знаменитые и многолюдные города, мощные крепости, ласкающие взор луга, прекрасные сады со струящимися ручьями, высокие дома и дворцы из мрамора, украшенные живописью, обремененные плодами виноградники и обильные нивы — все это пребывало в таком разорении и запустении, что имело вид скорее пристанища для ежей и других диких зверей, чем человеческого жилища. Переходя все мыслимые пределы в своей врожденной жестокости, они, хватая римлян, убивших в сражении их сородичей, погребали их заживо вместе с трупами тех, кого они убили. Иной раз, захватив на войне какого-нибудь знатного мужа, они хоронили его заживо верхом на его коне в полном вооружении. Упомянутую их жестокость среди прочих испытал на себе император Балдуин. Потерпев, как было сказано, поражение в битве, он в течение долгого времени томился в темнице в Тырнове с тяжелыми кандалами на ногах. Тем временем из болгарского плена бежал Аспиет. Взбешенный этим Иван приказал немедленно вывести Балдуина из темницы и, отрубив ему топором ноги и руки, бросить [в мусорную яму] на съедение птицам и зверям, где тот на третий день расстался с жизнью. С такой же жестокостью он обошелся и с римскими пленниками, предав их смерти, не вняв их плачу и мольбам. В том числе погиб и дромологофет Константин Торникий. После захвата Константинополя [латинянами] он, хотя и против воли, служил Балдуину. Его не было рядом с Балдуином, когда тот попал в плен в сражении. Он [сам] прибыл к Болгарину в полной уверенности, что тот по достоинству оценит его, поскольку прежде не раз бывал в Болгарии послом от римлян. Однако все его надежды оказались тщетными. По приказу Болгарина он был изрублен мечами и брошен без погребения. Иван, видя, что Феодор Ангел, захвативший обширные римские области во Фракии и Македонии вместе с городом Салоники, самым большим и знаменитым из городов Македонии, постоянно разоряет и его владения, призвав на помощь валахов, [выступил против него]. Сойдясь с Ангелом в битве, он нанес ему поражение

и, захватив в плен, ослепил и бросил в темницу. Римляне же, потеряв (как было сказано) Константинополь, собрались в Никее и избрали императором Феодора Ласкариса, а после него — его зятя Иоанна Дуку. Посему между ними и латинянами непрерывно велись войны. Во время одной из таких войн к Иоанну Дуке прибыло посольство от Болгарина, предлагая заключить мир и женить его сына Феодора на дочери прежнего болгарского царя Асеня Елине (Iellina). Это предложение так обрадовало императора, подвергавшегося в ту пору нападению сразу нескольких врагов, что он немедленно дал Болгарину свое согласие. Прибыв для переговоров с ним в Херсонес, он отпраздновал там бракосочетание Феодора и Елины. Тогда же епископ Тырнова был выведен из подчинения архиепископу Первой Юстинианы. Через некоторое время император Иоанн скончался. Болгарин, едва услышав о его смерти, выступил в поход. Разоряя непрерывными набегами римские города и крепости во Фракии, он захватил множество крепостей в предгорьях Гема. Так же действовал в отношении соседних с ним римских городов и областей и вероломный Михаил в Фессалии. Тогда император, которым был тогда сын Иоанна Феодор, оказавшись в столь стесненных обстоятельствах, чтобы раз и навсегда освободиться от войн на востоке, возобновил договор, который его отец заключил некогда с турками. Сделав это, с наступлением весны он переправился через Геллеспонт, ведя с собой такое большое войско, которого никогда не собирал его отец. Для участия в этой войне он собрал не только всех годных к военной службе, но и тех, кто был предназначен для охоты, приказав им, оставив собак и [ловчих] птиц, следовать за собой. Болгарин, узнав об этих приготовлениях императора, пал духом. Видя, что не может дать ему достойный отпор, как по неимению такого многочисленного и хорошо вооруженного войска, так и потому, что юный император был тогда в расцвете сил и жаждал славы, настойчиво доводил до конца все свои начинания, он счел за лучшее для себя заключить с ним мир и возобновить прежние договоры. Он был уверен, что император согласится на примирение с ним, поскольку, во–первых, был его свойственником (cognato), а во–вторых, знал о страстном желании императора как можно скорее выступить против клятвопреступника фесса- лийца Михаила, пока тот все не захватил. Посему он отправил посла к императору и без труда заключил мир, вернув все крепости, отнятые им у римлян. Вскоре после этого Болгарин умер от раны в правой руке, полученной в одной из стычек. Поскольку сыновей после себя он не оставил, среди болгар начались споры о выборе нового царя. В конце концов, договорившись между собой, они вручили власть Мицу (Mitze), который был женат на сестре скончавшегося царя Ивана. Однако тот, оказавшись мужем слабым и невоинственным, стал постепенно терять уважение у народа. Жил в ту пору среди болгар славный и благородный муж по имени Константин Тих (Techo), обладавший недюжинным умом и такой телесной силой, что легко мог одолеть любого. Видя упадок болгарского государства, он привлек на свою сторону часть бояр и простолюдинов и провозгласил себя болгарским царем. Посему первым делом он осадил Тырнов, где находился престол болгарских царей. Миц, не в силах дать ему отпор, был вынужден бежать с женой и детьми и укрылся в Месемврии, мощной крепости на берегу Евксинского понта, и затем оттуда перебрался в Никею к императору. Отдав императору Месемврию, он получил взамен множество поместий около Трои и Скамандра и немалое ежегодное содержание, назначенное ему императором. Константин, заняв болгарский престол, отправил посольство к императору с обещанием быть ему впредь другом и вечным союзником, при условии, что тот отдаст ему в жены одну из своих дочерей. Делал он это не потому, что был не женат, — была у него и жена, и дети, — а для того, чтобы не казаться ниже своих предшественников, которые имели больше прав на престол, чем он, так как происходили из царского рода или состояли в родстве с иноземными царями и императорами. Получив согласие императора, он прибыл в Месемврию и женился там на императорской дочери Феодоре. Первую же свою жену он отослал к римлянам в Никею в залог своей верности и в знак постоянства своей любви ко второй жене. Во время правления у болгар Константина римский император скончался, а его сын Иоанн был ослеплен захватившим трон Михаилом Палеологом. Посему жена Константина, приходившаяся сестрой Иоанну, постоянно докучала своему мужу, побуждая его отомстить за оскорбление, нанесенное ее брату. Тем

временем, пока болгарин пребывал в нерешительности, ожидая удобного случая, чтобы удовлетворить желание своей жены, прибыли посланники от султана Азатина (Azatine) с просьбой о помощи против римлян, обещая отплатить ему за вступление в войну большими деньгами. Это посольство обрадовало Константина. Призвав на помощь двадцать тысяч валахов, он с большим войском вторгся во Фракию для разорения римских городов. В то время император также находился во Фракии, ведя войну с Фессалией, и Болгарин надеялся без труда захватить его в плен. И хотя во всем остальном ему сопутствовала удача, надеждам на поимку императора не суждено было сбыться. Предупрежденный о подходе болгар, тот тайком в одиночку бежал в горы близ Ганий (Gani). Спустившись оттуда к морю, он по счастливой случайности встретил там две латинские галеры, которые по пути в Константинополь пристали в том месте, чтобы пополнить запасы воды. Через два дня вместе с этими галерами он прибыл в Константинополь. Болгары, узнав, что император ускользнул, ускоренным маршем двинулись к [городу] Эну (Епео), чтобы вызволить султана Азатина, который во время отсутствия императора был туда сослан. Местные жители, опасаясь в случае сопротивления погибнуть вместе со своим городом, без боя выдали им его. В этой войне болгары столь жестоко опустошили Фракию, что в ней лишь изредка можно было увидеть вола или пахаря. Вскоре после скончалась жена Константина Феодора, и император Михаил Палеолог в знак взаимного примирения отдал ему в жены Марию, дочь своей сестры Евлогии. Впоследствии Мария, разгневавшись на своего дядю, восстановила против него мужа, византийцев и адрианопольского патриарха Григория, поскольку он, во–первых, оставил ее без приданого, а во–вторых, отправившись при папе римском Григории X на Лионский собор, заключил унию с латинянами. По этой причине, как пишет Рафаэль из Вольтерры, после смерти ему было отказано в отпевании, и греческие священники не дали разрешение на его погребение. Устроила же все это вышеупомянутая жена Константина Мария. Во время правления в Болгарии Константина произошло восстание Лаханы (Lahane), которого (согласно Григорию Па- химеру) болгары на своем языке именовали Кордуквой (Corducuba). Сын пастуха, он обладал большим умом. Собрав вокруг себя ватагу из воров и разбойников, он [первое время] жил разбоем. Награбив за короткое время немало сокровищ, он снарядил большое войско и стал разорять владения Константина. Константин, не в силах терпеть такое разорение своего царства, решил любой ценой отомстить ему и стал готовиться к войне. Вступив с ним в сражение, он потерял не только трон, но и свою жизнь. Лахана же, сверх всякого чаяния, вместе с царством получил и руку жены Константина, с которой по причине ее изнеженности обращался весьма дурно. По окончании зимы он решил с помощью военной хитрости овладеть некоторыми римскими крепостями, чтобы, ослабив их, усилиться самому. Весть об этом сильно опечалила императора, осознававшего растущую угрозу. Видя, как тот с большим проворством и настойчивостью доводит до конца все свои начинания, он испытывал тревогу, говоря: «Если сила его будет расти, как сейчас растет, то, в конце концов, и римлянам будет с ним не совладать. Тот, кто желает жить в безопасности, должен предотвращать зло в зародыше. Если можно без труда обрубить корни растению, которое слишком быстро растет, то медлить не следует. Равным образом не следует подвергать себя опасности и дожидаться удобного случая, чтобы отомстить за оскорбление, когда замыслы врага можно расстроить в самом зародыше». В тому времени потомок Асеня Миц, живший по вышеуказанным причинам в Трое, умер, оставив после себя сына по имени Иван Асень. Посему император приказал немедленно вызвать его, чтобы, изгнав из Болгарии узурпатора Лахану, передать ему трон, на который он имел все права. Женив его на своей дочери Ирине, он послал его с большим войском в Болгарию. Лахана, понимая, что одних его сил недостаточно, обратился за помощью к татарскому хану Ногаю (Noga Signor de' Tartari), который по настоянию императора убил его во время пира. Иван Асень, без труда овладев престолом, поскольку болгары с радостью приняли его, изгнал Марию, племянницу императора, с ее сыном Михаилом и дочерью, и та прибыла в Константинополь. Но, как часто случается, после больших радостей приходят большие горести. Так произошло тогда и с Асенем. Жил в то время среди болгар знатный муж по имени Тертер, славившийся своей рассудительностью и редкой доблестью. Асень, желая

расположить и приблизить его к себе, чтобы самому сделаться более могущественным, отдал ему в жены одну из своих сестер, отослав его первую жену с детьми в Никею. После этого он удостоил Тертера звания деспота. Однако это не сделало его дружбу с Асенем прочной. Увидев, что тот прост и легкомыслен, Тертер, действуя скрытно, за короткое время расположил к себе все войско и многих бояр. Делал он это с намерением стать единовластным властителем упомянутого царства. Асень, предупрежденный об этом, сделал вид, что отправляется навестить своего тестя и, тайком увезя с собой все уборы и сокровища болгарских царей, провел у тестя остаток своей жизни. Тертер же за отсутствием соперника занял болгарский трон. Однако по прошествии некоторого времени ему пришлось уступить другим то, чем он несправедливо завладел. Татарин Ногай, воодушевленный своими успехами, обратил свой взор на Болгарское царство. Тертер, понимая, что не сможет дать ему отпор, как по причине огромного численного перевеса войска Но- гая, так и из-за неприязненного отношения к себе болгар, бросив все, бежал в Адрианополь, где спустя несколько дней умер от лихорадки. Болгары тем не менее стали отважно готовиться к отпору Татарину, который, увидев их решимость, отступил назад. Смерть Тертера вызвала среди болгар волнения. Тогда император отправил к болгарам посла с просьбой избрать в цари Михаила, сына Марии и прежнего болгарского царя Константина, обещая, в случае его избрания, быть к ним впредь более благосклонным. Однако болгары не могли ни на что решиться: одна их часть была на стороне императора, другая — на стороне Святослава (Suetislau), первого вельможи Болгарского царства, имевшего огромный военный опыт. В конце концов, Мария решила назвать упомянутого Святослава своим приемным сыном, и сделала это принародно в храме, накрыв одной полой своего покрова Святослава, а другой — своего родного сына Михаила. Святослав, получив власть, пребывал в постоянном движении, задумывая одно великое свершение за другим. Чтобы упрочить свое положение, он женился на Феодоре, дочери императора Михаила, и выдал одну из своих сестер за Чаку (Tzaca), сына татарина Ногая. Когда позднее Чака попытался захватить болгарский престол, Святослав, устроив ему ловушку, схватил его и при содействии евреев задушил в темнице. Тем времени персы стали беспокоить Римскую империю на востоке, и Святослав по настоятельной просьбе императора послал [против них] войско, состоявшее из двадцати тысяч всадников и шести тысяч пехотинцев, отдав его под начало болгарина Ивана Херобоска Мацуката (Gioanni Cherobosco Mazucato). Тот, вступив в бой с персами, разбил их, одержав над ними славную победу. На обратном пути домой, обремененный большой добычей, он столкнулся с врагом в опасной теснине. Доблестно сражаясь и перебив немалое число врагов, он пал на поле боя, покрыв себя бессмертной славой. Как только весть об этом достигла Болгарии, во всем царстве поднялся ропот против Святослава, которого обвиняли в гибели стольких славных мужей, которых было бы достаточно для защиты Болгарского царства от любого иноземного вторжения. Святослав, заподозрив патриарха Иоакима, приказал схватить его и сбросить с обрыва. Однако Господь, всегда заботящийся о своих рабах, не позволил этому злодеянию Святослава долго оставаться безнаказанным. Болгары, испытывавшие, подобно всем остальным славянам, глубокое почтение к священнослужителям, видя вопиющее нечестие своего царя, стали открыто восставать против него. Тогда вдова Константина Мария, всегда искавшая случая, который, как говорится, есть душа человеческих поступков, возвести на престол своего сына Михаила, воспользовалась этим недовольством болгар и устроила так, что Святослав был вскоре предательски убит графом Кефалонии, который был также деспотом Этолии и Акар- нании и приходился упомянутому Святославу двоюродным братом. После этого Михаил, сын Марии, с согласия болгар был провозглашен болгарским царем. Михаил, женатый на дочери сербского короля Стефана Немани по имени Неда, или Доминика, желая иметь супругой представительницу императорского рода, оставил первую жену и женился на Феодоре, вдове Святослава и сестре Андроника Палеолога Младшего, женщине очень красивой, которая жила в ту пору в Тырнове. Упомянутый Андроник, раздраженный тем, что его дядя Андроник Старший живет слишком долго (поскольку желал как можно быстрее сделаться самодержавным правителем империи) отправил посла к Михаилу, чтобы привлечь его на свою сторону и заручиться его

вечной дружбой. Сделать это его побуждала также большая привязанность Стефана Немани к его дяде Андронику и неприязнь [Немани] к Михаилу, которого поддерживал Андроник Младший, на сестре которого Болгарин, как было сказано, был женат. Мать и брат Феодо- ры, не видевшие ее двадцать три года, попросили ее мужа прибыть с ней в какое-то место, где они могли бы свидеться. Исполняя их желание, он привез свою жену в Дидимотику, где император и его мать с царским почетом приняли их и одарили множеством богатых подарков. Там же между ними было заключено соглашение, что император придет на помощь Михаилу против сербского короля, а тот — императору против его дяди Андроника. Когда же они полностью одолеют противника, Болгарину в награду за его труды будут отданы несколько городов в Романии. Заключив упомянутое соглашение, Михаил со своей женой вернулся домой. Однако условий своего соглашения с Андроником он не выполнил. Когда Андроник вел непрерывную борьбу со своим дядей, Михаил, питавший в своей душе, по–види- мому, какие-то великие надежды, тайно снесся с Андроником Старшим и предложил ему помощь в обмен на договор о дружбе. Андроник немедленно согласился, сочтя это милостью, ниспосланной ему небом. Посему упомянутые государи обменялись послами, которые приезжали, чтобы составить условия договора. Когда же Болгарин послал на помощь Андронику большое войско, неизвестно как было раскрыто, что прибывшие болгары, как только окажутся в Константинополе, попытаются овладеть городом. По этой причине никому из болгар, за исключением их военачальника, не было позволено входить внутрь [городских стен], и войско разбило лагерь в десяти милях от Константинополя. Андроник Младший, узнав об этом, немедленно отправил своего посла с богатыми дарами и еще более щедрыми обещаниями к болгарскому военачальнику, прося его снять лагерь и вернуться домой, что Болгарин без промедления и сделал. Посему, через неполные тридцать дней после того, как Андроник, свергнув дядю, сделался самодержавным властителем Римской империи, Михаил Болгарин вторгся во Фракию для разорения римских владения. Приведя с собой валахов, он намеревался как можно скорее пойти на захват Дидимотики и Адрианополя. Император, узнав об этом, прибыл в Адрианополь и отправил оттуда посла к Болгарину, прося его объяснить причину [своего вторжения]. Тот ответил, что хочет получить от императора то, что было ему некогда обещано. Если бы, по его словам, он пожелал прийти на помощь его дяде, Андроник Младший никогда бы не смог стать хозяином Римской империи. Мать императора и жены Болгарина, видя эти споры и разногласия, выступила посредником по их примирению и с помощью большой суммы денег, подаренной ей зятю, все уладила. В следующем году сербский король Стефан Неманя стал снаряжать свое войско, чтобы отомстить за оскорбление, нанесенное болгарином Михаилом его сестре, которую тот оставил, прижив с ней детей. Болгарин, узнав об этих приготовлениях, послал просить императора, чтобы тот со своим войском совершил вторжение в Сербию. Сам он со своими болгарами вторгся бы с другой стороны, и у Немани не достало бы сил бороться с ними обоими. Император, приведя в готовность свои войска и подготовив все необходимое для войны, по весне выступил в поход. Однако затем, увидев, что его войско значительно уступает войску сербского короля, стал лагерем в Пелагонии, решив дождаться действий со стороны Болгарина, располагавшего большими, чем у него, силами. Болгарин же, вторгшись в Сербию с северной стороны Гема с двенадцатью тысячами болгар и тремя тысячами валахов, прошел почти до истоков реки Стру- мицы. Не встретив нигде сопротивления, он в течение четырех дней предавал все огню и мечу. Однако на пятый день вместе с утренними лучами появился Неманя с большим войском, оружие которого так блестело на солнце, что ослепляло всех смотревших. Когда войска сошлись в битве, Неманя во главе эскадрона сербской конницы и отряда из тысячи трехсот немцев, отважных и опытных воинов, ринулся туда, где находилось знамя Михаила. Без труда овладев им, он двинулся в сторону отряда, где находился Михаил и, устроив неприятелю кровавую бойню, захватил его в плен. Большая часть остального болгарского войска была перебита, а те, кто сумел бежать, вернулись домой почти нагими. Михаил, получив смертельную рану, провел три дня в беспамятстве и на четвертый день, едва придя в себя, скончался. Император, получив об этом известие, вернулся домой, не оказав никому поддержки и не

понеся никакого урона. В следующем году, узнав, что у болгар, желавших лишить власти жену и родственников покойного Михаила, началась смута, он без промедления собрал войско и напал на города и крепости у Гема. Почти все они достались ему без боя, поскольку местные жители сдавались императору добровольно. В числе захваченных им городов оказалась и Месемврия, находившаяся в то время под властью болгар. После ожесточенных споров и препирательств болгары по настоянию Стефана Немани, ставшего после нанесенного болгарам поражения по сути правителем Болгарского царства, отдали трон брату (fratello germano) Михаила Александру. Александр, собрав большое войско из болгар и валахов, вторгся в соседние римские земли и, дойдя до Адрианополя, разграбил множество городов. Захватив при этом несколько крепостей, он, радуясь успеху, с большой добычей вернулся домой. Иоанн Кантакузин, ставший императором вслед за Андроником, мстя за разорение своих земель, собрал римское войско и внезапно напал на болгарские земли, чтобы вернуть себе крепости у Гема, оказавшиеся под властью Александра. Стремительно вторгшись в Болгарию, он, предавая опустошению все вокруг, захватил множество крепостей, изгнав из них гарнизоны, оставленные Александром. Тот, узнав об этом, попытался через послов заключить с императором мир, говоря, что не подобает христианскому государю проявлять такую жестокость по отношению к своим единоверцам, когда можно обойтись и без нее и жить в мире, обратив оружие против общего врага. Император ответил, что долг требует, чтобы города, основанные предками римлян, находились под их властью, и с этим отпустил посла Александра. Тот с наибольшей поспешностью, на какую был способен, собрал войско из восьми тысяч болгар и двух тысяч валахов и, выступив из Тырнова, на пятый день прибыл в Русокастрон (Russo Castro), где и разбил лагерь, поскольку получил донесение, что император также находится в упомянутом месте. Император, встревоженный появлением войска Болгарина, намного превос

ходившего его по численности, тем не менее сохранил присутствие духа. Созвав на сходку всех своих воинов, он обратился к ним с такой речью: «Вы видите, победоносные братья мои по оружию, что нам предстоит принять бой в чужой стране вдали от родины без всякой надежды на помощь. Поэтому будем биться так, как если бы должны были немедленно умереть и померкнуть вместе с этим солнцем! Пусть эта вражеская земля, на которой нам предстоит биться за свою жизнь, останется свидетельством нашей славы, а глаза врагов, которые переживут нас, — свидетелями нашей доблести. Многочисленность врага не должна пугать вас. Мы хорошо знаем, что зачастую случается большим ратям терпеть поражение от малых. На это мы должны надеяться, уповая на Божью милость, благодаря которой, помимо прочего, афинянин Фемистокл с малыми силами потопил почти весь персидский флот у Саламина, а после этого фиванец Эпаминонд с малочисленным войском нанес поражение многочисленному и мощному войску лакедемонян — сначала в битве под Галиартом (Alicarto), а затем под Левкт- рами. В то время Спарта лишилась Лисандра и с великим позором приняла прославленного Агесилая, спасшегося бегством». Римляне, воодушевленные этой речью, отважно устремились на болгар. В этой битве среди прочих проявил доблесть великий доместик Кантакузин, сын кесаря и племянник порфирородного. Однако и болгары не уступали им в доблести, и римляне, дрогнув, отступили в Русокастрон. Осажденные [в упомянутой крепости], они стали испытывать недостаток припасов и, в частности, фуража для коней, множество которых пало от голода. Император, попав в пучину бедствий, не видя никакого средства от них избавиться, стал возносить молитвы Богу, прося его о помощи. Тем временем, узнав о поражении римлян, Месемврия со многими другими городами и крепостями примкнула к болгарам. С этим у императора пропала последняя надежда на помощь. Предлагать мир Александру он не решался, помня о том, сколько горя и несчастья причинил его державе. Итак, когда император был подавлен этими мыслями, Александр, сострадая его несчастьям, предложил ему мир и позволил беспрепятственно вернуться домой, увещевая быть впредь более сдержанным в своих поступках и помнить о том, что подобно четырем временам года любое положение может в один миг перемениться. По возвращении домой император постарался закрепить этот мир, породнившись с болгарином. Через послов было предложено выдать дочь императора

за сына Александра. Когда обе стороны дали свое согласие, император со своей девятилетней дочерью прибыл в Адрианополь и выдал ее за сына Александра, которому было пятнадцать лет. После этого Александр, вернувшись домой, занялся упрочением своей власти. Первым делом он изгнал из Болгарии Феодору Палеолог, вдову прежнего болгарского царя Михаила, вместе с ее трехлетним сыном по имени Шишман. Та, видя бессмысленность сопротивления, отправилась со своим сыном по суше в Рагузу. Прожив там некоторое время, она уехала в Апулию, а оттуда перебралась в Константинополь, где и прожила остаток своих дней вместе со своим сыном, носившим (по мнению некоторых) прозвище Цапина (Zapina). Александр, освободившись от забот о Феодоре и ее сыне, правил своим царством с величайшей рассудительностью и спокойствием, верша правосудие над своими подданными к полному их довольству. От первой жены у него было два сына: Срацимир (Strascimir) и еще один, однако из-за того, что мать упомянутых сыновей была женщиной неблагоразумной и не ладила со своим мужем, Александр женился на другой, которая была еврейкой. Представ перед ним однажды по случаю одной тяжбы, она так приглянулась Болгарину, что он непременно захотел на ней жениться. Посему, окрестив, он ввел ее в свой дворец. Свою первую жену он отослал подальше от себя, и держал ее там под надежной охраной. Женившись на упомянутой второй жене, он имел от нее двух сыновей: Шишмана и Асеня (Assegno), или Ясеня (Iasen). Их мать, чтобы обеспечить своим сыновьям болгарский трон, с большой ловкостью отравила одного из своих пасынков. Его отец Александр, не имея прямых доказательств ее вины в его гибели, чтобы обезопасить его брата, отправил Срацимира с его матерью в Видин (Vidino), дав ему упомянутый город в управление. Срацимир, став правителем Видина, стал проявлять неповиновение своему отцу. Однако Александр, нежно его любя, ни разу не предпринял против него никаких враждебных действий, прощая ему все, даже то, что он присвоил себе титул царя. Тем временем, аименно в 1351 году, венгерский король Лайош, желая покарать некоторых мятежников, послал в Боснию с большим войском палатинского графа Николу и Миклоша (Nicolo), архиепископа Эстергома (Strigonia). Вторгшись в Боснию, они хотели взять приступом крепость Сребреник (Srebarnik), но, не сумев ей овладеть, ушли, понеся большой урон. Там же ночью была украдена печать эстергомского архиепископа, бывшего канцлером короля Лайоша, и позднее продана неким золотых дел мастерам. По прошествии некоторого времени король Лайош, оскорбленный Срацимиром, собрал против него большое войско и флот и, без труда одержав над ним победу, захватил в плен и увел с собой в Венгрию. В течение некоторого времени он держал его в темнице в крепости под названием Хумнек (Gomneck) [на территории] Загребского архиепископства, поставив управлять Видином одного из своих магнатов и оставив там небольшой венгерский гарнизон. Валашский воевода Влайко (Vulaico), либо потому, что солдаты из венгерского гарнизона грабили его владения, либо по какой-то иной причине, подступил с большим войском к Видину и, захватив его (так как венгры укрылись в соседних крепостях), предал огню. Отослав всех захваченных в Ви- дине на поселение в свои земли, лежащие за Дунаем, он пошел на приступ двух крепостей, где засели венгры. Не сумев взять их приступом, так как упомянутые крепости эти были хорошо защищены от природы и располагали четырьмя сотнями солдат, среди которых было шестьдесят генуэзских арбалетчиков, он обложил их осадой. Тем временем сам король Лайош пришел из Венгрии, чтобы напасть на Валаха с тыла. Видя, что его сил недостаточно, Влайко вернулся в свои владения. Однако позднее между ними был заключен мир, и Влайко вернул в Видин всех тех, кого оттуда увел. В то же время Лайош освободил из темницы Срацимира и вернул ему Видин, принудив его, однако, принести клятву верности и оставив у себя в залог ее соблюдения двух его дочерей. Одна из них вскоре умерла, а другая по имени Доротея вышла замуж за Твртко, который был тогда баном Боснии, а позднее, как было сказано, присвоил себе также титул короля Рашки. Итак, когда после двенадцатилетнего плена в Венгрии Срацимир вернулся в Видин, не прошло и пяти лет, как город этот стал таким же населенным, как и прежде. Управляя своим государством с большой рассудительностью, он обращался с рагузинцами, оказывавшимися в его краях, с непременной благосклонностью. Вскоре, а именно в 1363 году, скончался его отец Александр. От брака с женой–еврейкой (Braide) у него родилась

дочь–красави- ца, которая, как пишет Лаоник (II), была отдана в жены турку Мураду (Amurate). От той же жены–еврейки (Hebrea) он оставил после себя трех сыновей: Шишмана, Асеня и еще одного, с которыми их брат Срацимир вел войну. В то время в Болгарию вторглись и турки. Шишман с братьями вступил с ними в битву, в которой пал Асень. После упомянутой битвы Шишман заключил с турками мир, воздав им почести и выплатив дань. Посему турки не раз совершали набеги вплоть до Видина, грабя и разрушая все вокруг, но сам город захватить так и не смогли. Позднее они, переправившись через Дунай, проникли в Валахию. Тогда валашский воевода, захватив лодки, на которых они переправлялись через реку, ударил им в тыл и разбил. Те, кто избежал гибели в бою, в надежде на спасение устремились к лодкам. Не найдя их, они стали бросаться в воду, чтобы не попасть в руки врагу, и там нашли свою погибель. Как уже было сказано, между сыновьями Александра Срацимиром и Шишманом шли споры за отчее наследство, и младший не желал уступить старшему. Шишман, видя, что не может соперничать со своим братом на равных, обратился за помощью к турецкому султану Мураду, предлагая ему большую сумму денег. Тот незамедлительно прибыл в Грецию с двенадцатитысячным войском и стал намеренно затягивать войну. Когда же он увидел, что силы обоих братьев истощены, отчие сокровища растрачены и страна разорена, а посему они не располагают больше источниками доходов, он в один миг обратил оружие против них обоих и в скором времени овладел городом Галлиполи, который выгодно расположен на берегу Пропонтиды близ устья пролива Геллеспонт. Замыслив овладеть всей Грецией, он стал изматывать ее силы, не видя противника, который мог бы ему противостоять. За короткий срок, с 1363 по 1364 год, он овладел и Адрианополем с большей частью Рома- нии. Эта провинция является частью Фракии. Фракия вплоть до 48 года от Рождества Господня имела собственного царя, но затем была покорена римлянами и обращена в провинцию. У древних она имела весьма обширные пределы: на востоке ее граница проходила по Евксинскому понту и Пропонтиде, на юге — по Эгейскому морю и реке Стримон, на севере — по Истру, а на западе — по Пеонийским горам с областью, называемой ныне Венгрией, и реке Саве. Считается, что Фракия включает в себя обе Мезии, которые ныне суть Сербия и Болгарское царство. Турки, как было сказано, совершая набеги вплоть до Видина, сам город захватить не могли, но уводили большой полон. Когда же, в конце концов, Мурад лишил царя Шишмана и власти и жизни, Болгарское царство окончательно пресеклось и перешло во власть Мурада. Укрепившись в Адрианополе, он стал совершать оттуда многочисленные набеги на соседние земли. Здесь воистину можно увидеть прекрасный пример того, к чему приводят раздоры и междоусобицы. Болгары, по свидетельству Бьондо, Сабеллико и Платины, были самым могущественным народом из тех, что могли бы сокрушить силы Турка. Пока они жили в мире, не только один враг, но и все враги, вместе взятые, не могли одолеть их. Когда же из-за споров между своими государями они разделились, царство их, некогда так процветавшее, рухнуло. Мурад же, овладев Болгарией, в 1370 году захватил город Перитеорион (Pritur) в Романии, убив его воеводу, или, как его называли, деспота, Мом- чило Дена (Momcillo Deno). Момчило был прежде военачальником у императора Стефана Немани, а после его смерти захватил несколько городов в Романии. Во всех своих поступках он проявлял благоразумие и воинскую доблесть. Придя на помощь болгарам, он был, в конце концов, ими предан и убит Мурадом, который не раз восхищался им и восхвалял его доблесть.